

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВА

А.Ф. МАЛИНОВСКИЙ ОБОЗРЕНИЕ МОСКВЫ

КЛУБ
ЛЮБИТЕЛЕЙ
ИСТОРИИ
ОТЕЧЕСТВА

А.Ф. МАЛИНОВСКИЙ

ОБОЗРЕНИЕ МОСКВЫ

А.Ф. МАЛИНОВСКИЙ

ОБОЗРЕНИЕ МОСКВЫ

А. Ф. МАЛИНОВСКИЙ

ОБОЗРЕНИЕ МОСКВЫ

Московский рабочий
1992

ББК 26.89я2(2—2М)
М19

Составление и очерк «Алексей Федорович Малиновский» С. Р. ДОЛГОВОЙ

Рецензенты: доктор филологических наук Г. Н. МОИСЕЕВА, кандидат исторических наук А. А. ФОРМОЗОВ

Малиновский А. Ф.

М19 Обозрение Москвы / Сост. С. Р. Долгова.— М.: Моск. рабочий, 1992.— 256 с.; ил. (КЛИО)

Труд известного историка, архивиста и археографа А. Ф. Малиновского «Обозрение Москвы» публикуется впервые. По сути дела, это путеводитель по Москве первой трети XIX столетия. Он состоит из трех частей: «Кремль», «Китай-город» и «Белый город». Особенно подробно рассказывается о церквах, монастырях, сокровищах Оружейной палаты и кремлевских соборов. Содержится исторический очерк Москвы, описание церковных праздников, народных обычаев.

Заключительный очерк С. Р. Долговой повествует о самом А. Ф. Малиновском, многие годы жизни которого были связаны с Московским архивом Коллегии иностранных дел. Малиновский участвовал в подготовке первого издания «Слова о полку Игореве», являлся активным членом кружка графа Н. П. Румянцева, был дружен со многими выдающимися писателями и учеными, среди которых А. С. Пушкин, Н. М. Карамзин, Е. Р. Дашкова, В. А. Жуковский...

Для широкого круга читателей.

М $\frac{0503020900-28}{М172(03)-92}$ 3—92 **ББК 26.89я2(2—2М)**

ISBN 5—239—01340—3

ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕЙ ГОСУДАРЫНЕ ЕЛИЗАВЕТЕ АЛЕКСЕЕВНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ ВСЕРОССИЙСКОЙ

Всемилостивейшая государыня!

Участь Москвы при всех событиях присоединялась к судьбе целого государства. Она участвовала во благоденствии и славе России, с нею ж разделяла бедствия и унижение. Многие в Москве места, некоторые здания, сохраненные святыни и разные вещи ознаменовались старобытными происшествиями и приводят их на память. В щастливейшее для древней столицы пребывание Вашего императорского величества, когда изволили удостаивать обозрения отечественные достопамятности, я вразумился собрать принадлежащие к тому сведения и написать сию книгу. Да приосенится она августейшим именем Вашим!

Всемилостивейшая государыня,
Вашего императорского величества!

13 генваря 1820
Москва

Всеподданейший
Алексей Малиновский

КНИГА ПЕРВАЯ

ГЛАВА I
О ПРОИСШЕСТВИЯХ, ИСТОРИЮ МОСКВЫ ОБЪЯСНЯЮЩИХ ДО ТОЙ ЭПОХИ, КОГДА СЕЙ ГОРОД СДЕЛАЛСЯ СТОЛИЦЕЙ ВСЕЙ РОССИИ

1. Предания о начальном построении Москвы

Современные летописцы не оставили нам достоверного известия о начале построения Москвы. Мог ли кто помыслить тогда, что городок, проявившийся в Суздальской, отдаленной от первопрестольного Киева стране, будет столицей обширнейшей в свете империи! Когда же Москва начала прославляться, то летописатели шестого на десять столетия, заимствуя многое из преданий словесных, примешали к повествованиям своим о построении ее много и произвольного. По сказанию их, суздальский князь Георгий (Юрий) Владимирович Долгорукий, сын Мономахов, приехав на берега реки Москвы в села подвластного ему боярина Степана Ивановича Кучки, приказал за дерзость и неповиновение умертвить его, а двух сыновей Кучковых Петра и Иоакима с прекрасной сестрой их Улитой отослал в удельный город свой Владимир. Георгий, взошед на высокую близ реки гору и смотря оттуда на окрестности, полюбил сие место. Там в густом лесу среди болота на островке мелькала хижинка, в которой жил пустынник Букал. Далее представлялись взору его села прежнего владельца: Воробьево на горе сего имени; Симоново, где монастырь Симоновский; Высоцкое, где Петровский монастырь; Кудрино; Кулишки, Сухащево (Сущево) и Кузнецкая слобода, кроме того, были еще деревни за рекой Яузой, около тех мест, где ныне Красные и Чистые пруды. Река под горой, протекающая исстари, называлась Смородинкой, потому что вершина ее взялась из болота в Можайском уезде, смородинными кустами изобилующего; Москвой же прозвана была по причине многих по дорогам мостков. На том самом возвышении, где ныне красуется Кремль, князь Георгий Владимирович построил деревянный городок и назвал его Москвой; но по старой привычке долго после того именовали его Кучковом. «Москва есть третий Рим,— восклицают старинные наши повествователи,— и четвертого не будет! Капитолий заложен на месте, где найдена голова человеческая. Москва также на крови основана и сделалась царством знаменитым». А мы скажем ныне, что Москва есть самобытная столица России, под сенью благоразумного правления Иоанна Даниловича Калиты невидимо возникшая. При его преемниках она скоро явилась на позорище света, и неведомое прежде имя ее так затвердилось у всех окрестных народов, что потом всю Россию называли Московией. Обширное приволье города, изобилие в нем благ земных и разнообразность жителей могут в самом деле казаться образцом целого государства. Москва не Россия, но сердце ее, а Кремль Палладиум россиян, хранилище святыни и семивековый свидетель священных обетов монарших о благе народном. Неисповедимыми судьбами всеуправляющего Москва многократно испытывала столь тяжкие бедствия, что близка была к разрушению; но десница вышнего спасала ее и при каждом претерпении чудесно возводила ее на высшую степень величия. Подобно Фениксу она из пепла своего возрождалась.

2. Первое достоверное сказание о Москве

В 1146 году князь Георгий Владимирович Долгорукий вел войну против Изяслава Мстиславича, который, свергнув Игоря Ольговича, овладел не по старшинству великокняжеским престолом киевским. Новгородо-Северский князь Святослав Ольгович, родной брат сверженному Игорю, был верным союзником Долгорукого. Им удалось выгнать приверженного

к Изяславу князя рязанского из удела его, овладеть Торжком и разорить часть Смоленской области. Возвышая успехи побед своих, суздальский князь 28 марта 1147 года сделал великолепное пиршество в основанном им городе Москве, угощал там помогавших ему князей Святослава Ольговича с сыном его Олегом и князя Владимира Святославича с боярами их и всех одарил щедро; а князь Олег Святославич отдарил основателя Москвы красивым пардом. Сей зверь считался тогда редкостью, которую доставали из Греции. Вот первое, на достоверности исторической основанное, сказание о существовании Москвы. Некоторые из прежних летописателей, стараясь возвеличить Москву изысканием ей древнейшего начала, касаются даже праотца Мосоха; другие приписывают ее основание Олегу, князю мурманскому; но сии гадательные предположения сами собой исчезают во мраке неведомых нам веков. На что присвоивать Москве древность неимоверную! Мы чрез то не прибавим ничего к ее величию. Теперь сомнению не подлежит, что она до сего дня существует более 673 лет. А если бы узнали об ней не прежде 1812 года, то и сего довольно для знаменитости ее. Имя Москвы пребудет навсегда эхом славы в веках отдаленнейших.

3. Кому принадлежала Москва до установления в ней удельного княжения

По вступлении князя Георгия Владимировича Долгорукого на великокняжеский в Киеве престол, сын его князь Андрей Георгиевич, сочетавшийся браком с дочерью убиенного в Москве боярина Кучки, уехал по совету шурьев своих в 1155 году тайно из Вышегорода в землю Суздальскую, где он родился и был воспитан. Сей набожный князь взял с собой из Вышегородского монастыря славившуюся чудотворениями икону Божьей матери, написанную св. евангелистом Лукой и привезенную из Константинополя с другой иконой под названием Прирогощей. Избрав на берегу Клязьмы в прежнем своем уделе место, он заложил город Боголюбов, распространил дедом его Мономахом построенный тамо Владимир и украсил многими зданиями. По кончине родителя своего он основал тут новое великое княжение Владимирское и приготовил Россию северо-восточную быть средоточением государства. Младенчествующую Москву великий князь Андрей, прозванный Боголюбским, отдал тогда во владение братьям жены своей Петру и Иоакиму Кучковичам, как достояние отца их. Но они были столь неблагодарны, что умертвили своего благодетеля и государя. Когда ж вступивший 1176 года на великокняжеский престол Всеволод Георгиевич наказал смертью убийц брата своего, то Москва в продолжение тридцати шести лет оставалась присоединенной к прочим городам великого княжения Суздальского и Владимирского. После Всеволода ссорящиеся между собой сыновья его Георгий, Константин и Владимир попеременно отнимали Москву один у другого, а как старейший из них князь Георгий Всеволодович утвердился на великом княжении, то при владении его Москва двадцать лет беспрерывно приращалась. Отряженный с тремястами тысяч воинов монгольским ханом Октаем для завоевания всей России, племянник его Батый сжег Москву 20 генваря 1238 года, взяв тут в плен великокняжеского сына Владимира Георгиевича, умертвил московского воеводу Филиппа Няньку и побил жителей, не щадя ни стариков, ни младенцев. Наследовавший после Георгия Всеволодовича, падшего от мечей татарских при реке Сити, брат его Ярослав, обновляя разоренные города, воздвиг и Москву из пепла и водворил тамо жителей ее, по лесам укрывавшихся. Великий князь Ярослав скончался 30 сентября 1246 года на возвратном пути из Орды. Старший по нем Святослав Всеволодович, вступив на великокняжеский престол, отдал Москву в удел сыну Ярославова Михаилу Храброму. Сей Михаил с московскими воинами изгнал дядю своего Святослава из Владимира; но, воюя с литовцами, был убит. После кончины его великий князь Андрей Ярославич присоединил Москву опять к великому княжению Владимирскому и владел ей только два года. Не терпя ига татарского, он тайно уехал из Владимира и со всем семейством переселился в Швецию. На место его знаменитый воинскими подвигами и отличный благоразумием брат его новгородский князь Александр Ярославич Невский утвержден был от хана Сартака на великокняжеском престоле владимирском. Герой Невский властвовал над Москвой четырнадцать лет. Жертвуя собой благу отечества, он четырехкратно ездил в Орду ходатайствовать у ханов за подданных своих и, возвращаясь оттуда, скончался 23 ноября 1263 года на берегу Волги близ Городца. Преемником его был родной брат тверской князь Ярослав Ярославич, который, владев девять лет, кончил жизнь также на пути своем из Орды. По кончине его Москва, беднейший удел великого княжения Владимирского, досталась меньшому сыну Александра Невского Даниилу.

4. Происшествия, касающиеся до Москвы при удельном князе Данииле Александровиче

Краткое хронологически предложенное обозрение происшествий, касающихся особен-

но до Москвы, от времен удельного московского князя Даниила Александровича объяснит постепенное превращение сего города, соделавшегося при единовластителе великом князе Иоанне Васильевиче столицей государства Российского, и поведает народные бедствия в течение двух столетий ею претерпенные.

По случаю междоусобия в 1293 году между двумя сыновьями Александра Невского князем Дмитрием Переславским и Андреем Городецким, меньший брат их московский удельный князь Даниил Александрович, быв на стороне Андрея, впустил в Москву призванных союзником его татар под предводительством Дюденя; но дружелюбный его прием сим хищникам не спас Московского удела и самого города от того опустошения и грабежа, коим подверглись тогда ж Муром, Суздаль, Владимир, Юрьев и проч. В 1300 году князь Даниил ходил с московским ополчением на Рязанские области. Удачно сражаясь там, он побил много татар и, взяв рязанского князя Константина Романовича в плен, привел в Москву. В 1302 году бездетный князь Иоанн Дмитриевич духовным завещанием утвердил Переяславль и Дмитров за дядей своим князем Даниилом. Чрез сие приобретение удел Московского княжения нарочито усилился. 5 марта 1303 года скончался сей московский князь. Укрепив деревянной стеной, он зародил ее быть некогда великокняжеской столицей.

5. Происшествия при великом князе Георгии Даниловиче

Старший сын князя Даниила Александровича князь Георгий лишь получил в Переяславле известие о кончине своего родителя, то собрал войско, отправился к Можайску, присоединил сей город к своему уделу и с плененным тамо князем Святославом Глебовичем торжественно въехал в Москву. Родный дядя его великий князь Михаил Ярославич для укрощения дерзости своего племянника, оспорившего у него великое княжение Владимирское, подступил в сентябре 1305 года с войском к Москве; но под стенами ее примирился без кровопролития. Георгий приказал умертвить в 1307 году содержавшегося в Москве пленника рязанского князя Константина Романовича, овладел Коломною, которая с тех пор и осталась принадлежащею к Московскому уделу. Родные братья его Александр и Борис, не терпя насилий его, тогда же уехали от него тайно в Тверь. Великий князь, беспрестанно раздражаемый Георгием, 25 августа 1308 года пришел опять с войском к Москве и сразился с ним; но, не могши одолеть его, принужден был отступить. Московский князь, пользуясь долговременным в Орде отсутствием своего соперника, убедил новгородцев признать его своим князем и в генваре 1315 года сел на престоле у св. Софии. Когда ж Михаил Ярославич возвратился из Орды, то Георгий позван был туда дать отчет хану Узбеку. Прожив три года у татар, он женился там на сестре Узбековой Кончаке, нареченной в крещении Агафиею, и, возвратясь в Россию со многими татарскими полчищами под предводительством Кавгадыя, возведен на великокняжеский престол во Владимире. Он не удовольствовался получением желанного им первенства, но устремился к завоеванию Твери, присовокупив к татарам и свои войска. 1318 года 22 декабря, сразясь за 40 верст от Твери, он был разбит великим князем Михаилом. Супруга его с братом его князем Борисом и с воеводою Узбековым Кавгадыем попались в плен победителю. Побежденный бежал к новгородцам и, собрав у них ратников, готовился к новой битве; но примирились на том, чтоб итти обоим в Орду на суд к хану. В продолжение мирных переговоров скончалась скоропостижно в Твери пленная супруга Георгия и разнесся слух, будто отравлена была ядом. Непримиримый Георгий поскакал к Узбеку и наветами своими очернил неприятеля своего перед ханом. Прибывший туда же великий князь тверской Михаил Ярославич был судим и предан лютой смерти. С сыном убиенного князем Дмитрием Михайловичем Георгий заключил в 1320 году мир, после которого тверской князь обещался не оспаривать великого княжения у Георгия и заплатить ему две тысячи рублей. Сердечное оскорбление сего юного князя не изгладилось от сего примирительнаго начертания; он непрестанно искал случая отмстить Георгию за смерть своего отца и чрез пять лет после сего успел преклонить хана на свою сторону, выпросив у него великое княжение Владимирское. Георгий позван был в Орду. Князь Дмитрий, при первой с ним встрече тамо, пронзил его мечом своим.

6. Происшествия в Москве при великом князе Иоанне I

При обладании великого князя Георгия Москвою, когда он уезжал в Орду, в Новгород и бывал в походах, брат его князь Иоанн Данилович оставался в сем городе и распоряжал всем уделом. Как скоро дошло до него известие о бедственной кончине Георгиевой, то и принял он в свое полное владение Москву с принадлежавшими тогда к ней городами Можайском, Коломной, Звенигородом, Рузой, Серпуховом и Перемышлем. Иоанн, призвав

из Владимира митрополита Петра для погребения привезенного из Орды тела Георгиева, умолил сего святителя остаться в Москве. Сей первосвященник, святостью жития своего препрославленный, там и скончался 20 декабря 1326 года, быв пастырем православных церквей в России более 18 лет. В 1328 году прислан в Россию посвященный константинопольским патриархом митрополит Феогност, родом грек, и водворился также в Москве. С того времени кафедра митрополитов Всероссийских установилась в сем удельном городе, что придало ему важный перевес пред Владимиром. Постоянное в Москве пребывание первосвященника готовило и ее к первенству над другими городами российскими.

Князь Иван Данилович позван был Узбеком в Орду, который, дав ему 50 000 воинов, повелел наказать великого князя тверского Александра Михайловича разорением владений его за умерщвление ханского двоюродного брата Шевкала со многими татарами. Когда Иоанн исполнил волю Узбека и изгнал из Твери Александра, то в награду получил великое княжество Владимирское со удержанием при себе и Московского удела.

В сие бедственное время Киев завоеван уже был литовцами и со всеми южными областями отделился от России. Сверх чаяния Иоаннова хан Узбек умилосердился над жившим во Пскове изгнанником князем Александром и в 1339 году дозволил ему вступить во владение Тверского княжения. Многие из недовольных им бояр переехали тогда из Твери с семействами и слугами в Москву. Утвердившийся в правах своих Александр, в отмщение за то и по закоренелой ненависти к князю Иоанну Даниловичу, начал вооружать против него удельных князей, устрашая их опасностью от самовластия его, ничем не ограничиваемого. Иоанн, предугадывая из того неблагоприятные для себя последствия, поехал немедленно в Орду и внушил хану о вредных для самой Орды замыслах Александровых. Узбек всему поверил и, призвав к себе тверского князя, умертвил его. Избавленный от опасного совместника, обладатель Москвы еще более усилился, требовал беспрекословного повиновения от удельных князей и преемникам своим открыл путь к присвоению над ними владычества. Татары не умели предвидеть, что, способствуя единовластию князя Московского, сами готовили свободу порабощенной ими России. Около сего времени Иоанн I приобрел покупкою три города: Углич, Белозерск и Галич. Почувствовав приближение к смерти, он постригся и 31 марта 1340 года скончался, оставив после себя трех сыновей: Симеона, Иоанна и Андрея. Прозвание Калиты дано ему оттого, что был щедр, всегда носил с собой калиту (кошелек) с деньгами и наделял бедных.

7. Происшествия при великом князе Симеоне Иоанновиче Гордом

По кончине родителя своего князь Семен Иоаннович немедленно отправился в Орду с братьями своими и без затруднения провозглашен был великим князем. Возвратясь оттуда, он торжественно воссел 30 октября 1340 года на престоле владимирском, а прибыв в Москву, написал договорную грамоту с братьями своими о взаимном соблюдении неразрывного согласия и над отцовским гробом вместе с ними утвердил сей союз клятвой. Считая себя законным князем Великого Новгорода и быв оскорблен заключением там в оковы наместников его, великий князь созвал в Москву всех князей удельных, известил их о нанесенной ему от новогородцев обиде и вытребовал от них вспомогательные войска; выступил с грозным ополчением против дерзновенных. Новгородцы не могли противоборствовать ему, испросили мир и покорились на таких условиях, которые сообразны были с свободолюбием их и с честью княжеской.

По случаю смерти Узбековой и воцарения в Орде сына его Чанибека, великий князь с митрополитом Феогностом ездил 1342 года в Орду для поздравления нового хана и благополучно возвратился оттуда. Митрополита же задержал Чанибек, требуя с него ежегодно церковной дани; но Феогност, ссылаясь на льготные от прежних ордынских ханов грамоты, избавил духовенство от податей.

1343 года в Москве был пожар, от которого сгорело одних церквей 28 и множество домов. В 1349 году литовский князь Олгерд прислал в Москву послов с дарами для заключения мира. Симеон по просьбе Олгерда выдал за него свояченицу свою, княжну Иуланию, дочь великого князя тверского Александра Михайловича; а за брата его Любарта племянницу свою по сестре, дочь ростовского князя Константина.

1352 [года] великий князь отправился со многочисленною ратью к Смоленску, но близ Боровска встретился он с полками Олгердовыми, ехавшими в Москву для примирения его с князем смоленским. Идучи далее, встречен был на берегах Угры смоленскими послами, с которыми заключил выгодный мир и возвратился с торжеством в Москву, не обнажив меча своего. Декабря 6-го того ж года митрополит Феогност посвятил наместника своего Алексея в епископы володимирские и благо-

словил его быть преемником Российской митрополии.

В 1353 году постигло Россию ужаснейшее из всех народных бедствий — моровая язва, известная в целом свете под названием черной смерти: люди умирали повсюду тысячами и не находили никаких средств ко спасению. 11 марта сего года преставился митрополит Феогност и положен близ гроба св. Петра митрополита. Чрез три дни скончались у великого князя два сына малолетние: Иоанн и Симеон, а 25 апреля и сам великий князь был жертвою свирепствовавшей в Москве смертоносной болезни. Видев неминуемую смерть, он постригся, переименовав себя Созонтом. В монашеском уже сане написал он духовное завещание, по силе которого назначил преемником брата своего князя Иоанна Иоанновича, подтвердив меньшим братьям повеление отца своего жить между собою согласно, установленного в делах государственных порядка не переменять, клеветников не слушать, а принимать советы от старых бояр и митрополита. При жизни и по кончине его прозвали Гордым за величавость и строгое властительство над удельными князьями. Он первый начал именовать себя великим князем всея России. Сей титул был вырезан на печати его. Во дни сего государя основана Троицкая лавра сыном ростовского боярина Кирилла Варфоломеем, который, поселясь на том месте среди дремучих лесов, христианскими своими добродетелями и богоугодною жизнию обратил на себя внимание современников своих; потом был пострижен и наречен Сергием и посвящен во игумена основанной им обители.

8. Происшествия при великом князе Иоанне II

Родной брат Симеонов князь Иоанн Иоаннович безотлагательно отправился в Орду для испрошения у хана Чанибека подтверждения на достоинство великого князя; ибо без того ближайшее право наследственное не могло иметь своей силы.

В то же время владимирский епископ Алексей по грамотам, от патриарха Филофея полученным, отправился в Константинополь на посвящение в митрополиты Всероссийские. 1354 года марта 29-го возвратился из Орды утвержденный ханом в достоинстве великого князя Иоанн Иоаннович; а через несколько месяцев прибыл из Греции в Москву и митрополит Алексей. Но через год явился в Россию другой митрополит, именем Роман, в Константинополе же посвященный. Сие побудило святителя Алексея вторично ехать в Грецию к патриарху с жалобой на происшедшее неустройство в России от постановлений двух митрополитов. Филофей велел митрополиту Алексею быть киевским и владимирским; а Роману литовским и волынским.

1357 [года] августа 18-го по приглашению хана Чанибека жены Тайдулы митрополит Алексей ездил в Орду и исцелил ее от тяжкой болезни. Возвратясь оттуда, святитель не долго был в Москве, поехал в Киев и прожил там два года, употребив сие время на возобновление запустевших храмов в древней столице российской.

1359 [года] ноября 13-го скончался великий князь Иоанн Иоаннович на 33-м году от рождения. Следуя примеру отца своего и брата, он постригся пред смертию в монахи и так же, как они, оставил после себя духовное завещание, в котором подробно предписывал детям своим и великим княгиням, кому чем владеть.

При Иоанне II Капчакское царство начало испытывать потрясения в непрочном своем основании и день от дня приметно клонилось к падению. Хан Чанибек был убит сыном своим Бердибеком, который вскоре умер. По нем наследовал хан Кульпа, умерщвленный Наврусом; и сего Навруса убил Хидырь и, воцарившись в Орде, дал грамоту на великое княжение российское Дмитрию Константиновичу суздальскому.

9. Происшествия при великом князе Димитрии Иоанновиче Донском

Двенадцатилетний владетель Москвы, князь Димитрий, старший сын Иоанна II, поехал в Орду оспоривать великое княжение у суздальского князя Димитрия Константиновича, но сопровождавшие его бояре, охраняя юного государя от происходящих тамо междоусобий, возвратились с ним в Москву. Когда ж узнали, что по умерщвлении ханов Хидыря и Темирхози воцарился в Сарае Амурат-хан, брат Хидырев, то князь Дмитрий московский и князь Константин суздальский отправили в Орду послов своих, предая на суд новому хану, кому из них повелит быть главою князей российских. Амурат решил в пользу Димитрия и провозгласил его великим князем. По получении ханского ярлыка на великокняжеское достоинство, отрок-государь, руководствуемый в управлении дел государственных матерью своею, митрополитом и верными боярами, отправился с московским воинством во Владимир воссесть на прародительский престол. По случаю разделения Катакской Орды слабость господствовавшего в Сарае хана Амурата побудила великого князя искать покровительства и у другого хана Авдула, поддерживаемого грозным и сильным темником

Мамаем. Довольный изъявлением покорности, Авдул прислал к нему с послом своим жалованную грамоту на великое княжение, по которой Димитрий должен был вторично возведен быть на престол во Владимире. Искание милости в Мамаевой Орде раздражило сарайского хана Амурата. Он прислал в Суздаль посла с грамотой, которой пожаловал великое княжение владимирское князю суздальскому Димитрию Константиновичу. Сие понудило великого князя в 1363 году собрать в Москве сильное ополчение и вооруженною рукой выгнать соперника своего из Владимира.

В июне 1365 года опустошил Москву необычайный пожар, названный в летописях Всесвятским потому, что начался от церкви Всех святых. Огонь, разносимый повсюду, бурей истребил в самое короткое время не только посад, загородье и заречье; но и в Кремле не уцелело ни единого деревянного дома. В следующий потом год другое бедствие постигло столицу: язва моровая распространилась в окрестностях ее, заразила и городских жителей. Великий князь Дмитрий Иоаннович, достигнув совершеннолетия, 18 генваря 1367 года вступил в брак с дочерью оспоривавшего у него владимирский престол суздальского князя Димитрия Константиновича Евдокиею. По причине морового поветрия свадьбу сию праздновали не в Москве, а в Коломне.

В 1368 году литовский князь Олгерд со многочисленными полками вступил в российские пределы и, побив 12 ноября собранное наскоро передовое войско великого князя, подступил к Москве. Три дни держал он в осаде город, но каменные уже тогда стены Кремля и несносный холод заставили его удалиться восвояси. Сие внезапное нашествие, грабительство и причиненные Олгердом при отступлении опустошения летописцы причисляют к ужаснейшим бедствиям, Москвою претерпенным. Навождением князя тверского Михаила Александровича литовский князь Олгерд опять явился 6 декабря 1370 года под стенами Москвы. Восемь дней опустошал он окрестности, но сделать приступа к Кремлю не осмелился и потребовал мира, предложив в знак примирения дочь свою Елену за двоюродного брата Димитриева князя Владимира Андреевича. Великий князь согласился сделать перемирие только на полгода. После чего Олгерд, устрашенный необычайной оттепелью и набранными против его в Перемышле и в Рязани многочисленными полками, возвратился в свою землю.

Мамай соединил в сие время Золотую Орду с Волжскою и, объявив над обеими ханом Мамат-султана, сам под его именем неограниченно господствовал. Сие обстоятельство решило обладателя Москвы отправиться 15 июля 1371 года в Орду; новый хан Мамат утвердил его в достоинстве великого князя и удовольствовался данью умереннейшей.

Князь Олгерд, приступавший два раза к Москве, предпринял и третий поход, надеясь найти Димитрия по-прежнему не готового к обороне; но близ Калуги 12 июля 1372 года претерпел сильное поражение от передового отряда московского. Когда ж увидел пред собой многочисленное войско, предводительствуемое самим великим князем, то предложил мир.

1373 [года] скончался тысячский московский Василий Васильевич Вельяминов; после его не было уже в Москве тысячских, которых избирали граждане для предводительствования военными их людьми. Они, подобно князьям, имели особенную дружину. Сын его Иван изменил государю, бежал из Москвы с богатым купцом Некоматом и предался тверскому князю. В 1376 году константинопольский патриарх Филофей прислал в Москву посвященного им в Россию митрополита Киприана, ученого серба. Великий князь, негодуя на сие произвольное постановление, объявил, что Россия имеет первосвященника Алексея, и не принял Киприана, который принужден был отъехать в Киев и тамо управлял литовским духовенством.

1377 [года] февраля 12-го преставился в Москве святой митрополит Алексий 85 лет, правив церковью всероссийской 24 года, и погребен был с великой честью, ради праведного и общеполезного жития его, созванными к тому двадцатью архиереями в построенном им Чудовском монастыре. Преемником ему заранее назначил уже государь духовника своего протопопа Митяя, который приобрел от него такую доверенность, что участвовал во всех гражданских делах и был хранителем государственной печати. Для достижения сана первосвященника Димитрий приказал ему постричься и в тот же день возвел его на степень архимандрита Спасского, что на Бору, монастыря. По кончине митрополита он самовластно возложил на себя белый клобук и вступил во все права иерарха всероссийского. Чрез год отправился он в Грецию на постановление в митрополиты с послом великого князя боярином Юрьем Васильевичем Кочевиным-Олешинским, в препровождении многих духовных и светских сановников; но в виду Константинополя на корабле скончался. Посол великого князя, нашедши в Митяевом ларце белую хартию, утвержденную государственной печатью, написал на ней к императору и к патриарху грамоту, что для постановления в митрополиты посылается бывший в Митяевой свите пе-

реяславский архимандрит Пимен, которого задаренный патриарх Нил и посвятил.

1379 [года] августа 31-го казнен в Москве пойманный беглец Иван Вельяминов, сын тысячского. Ему, как государственному преступнику, возмущавшему тверского князя и Мамая, отрублена голова всенародно. Сия смертная казнь в Москве есть первая.

1380 [года] августа 26-го великий князь выступил из Москвы с собранными им войсками числом от ста пятидесяти до двухсот тысяч человек против идущего на него с сильнейшим татарским ополчением Мамая. Кровопролитнейшее между россиянами и татарами сражение происходило за рекою Доном на берегах Непрядвы на Куликовом поле, где с обеих сторон легло до двухсот тысяч человек. Князь Димитрий Иоаннович одержал совершенную победу, и разбитый Мамай принужден был искать своего спасения в бегстве, покинув весь обоз. Сия первая над татарами победа, положившая основание всем бывшим после того победам, останется навеки славной в наших летописях; она озарила свободу России. Победитель Мамая единогласно прозван был Донским, а сподвижник его князь Владимир Андреевич — Храбрым. 28 сентября великий князь Димитрий Иоаннович торжественно въехал в Москву и, в изъявление вечной признательности к подвизавшимся за отечество воинам, построил церковь во имя Всех святых, прозываемую на Кулишках, установил в роды родов совершать поминовение по убиенным на Куликовском сражении в первую субботу пред Димитриевым днем, то есть между 18 и 26 числом октября. Сия суббота с того времени называется родительской. Доныне поминают в тот день усопших 1381 года. В праздник Вознесения господня въехал в Москву призванный великим князем из Киева митрополит Киприан и при многолюдном стечении народа радостно встречен был со всеми духовными почестями. Великий князь, узнав о кончине Митяя, вызвал сего первосвященника из Литвы, а с посвященного в Греции митрополита Пимена повелел снять белый клобук и отвезть в Чухлому на заточение.

Воцарившийся в Орде хан Тохтамыш, злобствуя на великого князя Димитрия за неприсылку дани и за уничижение татар, двигнулся во многой силе и, путеводимый рязанским князем Олегом, облег 14 августа 1382 года Москву. Три дни приступал он к Кремлю без всякого успеха. Москвитяне под начальством литовского князя Остея храбро оборонялись и много побивали татар. Злобный хан прибегнул к обману: вступив в переговоры, он велел поклясться послам своим, что не коснется ни до кого, если почтят его дарами и впустят в город. Легковерные защитники обольстились клятвой и были жертвой коварного вероломства. Вместо обещанной пощады татары с обнаженными мечами ворвались 26 августа в Кремль и с остервенением побили до 24 000 человек, ограбили церкви, искав сокрытых сокровищ, раскрывали гробы, сожгли все дома; а избегших от губительного их меча юношей и девиц повлекли за собой в плен. Герой Донской, не готовый к отражению сего внезапного нашествия, был тогда в Костроме; возвратясь в свою столицу, увидел вместо жилищ пепел еще дымящийся и трупами покрытые площади, услышал стоны умирающих от ран и сам горестно восстенал; но не пал духом и со всей деятельностью начал возобновлять Москву. В октябре месяце возвратился из Твери в Москву и митрополит Киприан. Самовольное отлучение пастыря из столицы во время общей напасти раздражило великого князя. Он отослал его назад в Киев и тогда же вызвал бывшего в ссылке митрополита Пимена.

В 1389 году марта 25-го заключена договорная грамота между великим князем и двоюродным братом его князем Владимиром Андреевичем Храбрым, достопамятная утверждением нового порядка в наследии великого княжения от отца сыновьям и отменением древнего, по которому племянники должны были уступать свое право дяде.

9 мая того ж года преставился победитель татар великий князь Димитрий Иоаннович Донской не монахом — навладетелем. Жив 40 и княжив 27 лет, наследие великокняжеское он представил старшему сыну своему Василию, меньшим же назначил уделы: Юрию — Звенигород, Рузу и Галич, Андрею — Можайск, Верею, Калугу и Белозерск, Петру — Дмитров и Углич. Печальный обряд погребения великого князя на другой день по кончине совершен приехавшим за милостыней в Москву трапезундским митрополитом Феогностом, двумя епископами и святым Сергием-игуменом; а митрополит Пимен тайно уехал тогда из Москвы в Константинополь состязаться о первенстве с киевским митрополитом Киприаном.

При сем государе началось в Москве битие серебряной и медной монеты, а кожаные куны оставлены.

10. Происшествия при великом князе Василии I

Старший сын и наследник Донского Василий Дмитриевич не был оспориваем никем из удельных князей и, признанный в достоинстве великого князя ханом Тохтамышем, возведен 15 августа 1389 [года] татарским послом Шахматом на престол во Владимире.

1390 [года] июня 22-го около полудня загорелся в Москве посад за городом в доме армянина, а в продолжение ночи выгорело несколько тысяч домов.

1391 [года] генваря 9-го великий князь сочетался браком с дочерью литовского князя Витовта Софиею и венчан был в Москве вызванным из Киева митрополитом Киприаном. В сентябре месяце 1393 [года], для охранения посада московского от нашествия неприятельского, начали копать ров от Кучкова поля и вели оный до Москвы-реки, разрывая на сей черте многие дворы граждан.

В 1394 году сильный пожар опять истребил в Москве несколько тысяч домов. 1406 [года] сентября 16-го скончался в Москве митрополит Киприан, быв первосвященником попеременно в Киеве и в Москве 30 лет. Он первый написал прощальную грамоту к пастве своей для всенародного прочтения при погребении. С того времени все преемники его последовали оставленному им примеру и пред кончиной своей заготовляли таковые ж грамоты, в которых, благословляя живущих и вознося мольбы к всевышнему о усопших, испрашивали сами у всех прощения в своих согрешениях.

1408 [года] декабря 1-го татарский князь Эдигей со всей Ордой внезапно явился пред стенами Москвы. Многие полчища свои он разослал наперед по всем городам великого княжения. Переславль-Залесский, Ростов, Дмитров, Серпухов, Нижний Новгород и Городец были взяты без сопротивления и варварски опустошены. Пленников связанных гнали в Орду по снегам, как летом стада овец. Великий князь с супругой и с детьми уехал для собрания войск в Кострому, оставив защищение столицы князю Владимиру Андреевичу Храброму, братьям своим и боярам. Князь Владимир, предупреждая, чтоб татары не сделали приметов к городским стенам, до прихода их велел зажечь ближайшие дома, от чего и весь город запылал. Бедствие граждан дошло до последней крайности; ибо жен и детей в крепость не впускали и беззащитные погибали, не имев нигде пристанища. Эдигей стоял под осажденной Москвой три недели, надеясь оголодить ее, и расположился зимовать в Коломенском. Но вдруг получил повеление от оставленного им в безлюдных улусах хана Булата как можно скорее возвратиться и защитить от напавших на него мятежников, угрожающих овладеть Сараем. Поспешая спасти своего государя от предстоявшего ему бедствия, татарский военачальник объявил осажденным, что отступит от города, если дадут ему откуп. Они тотчас послали ему три тысячи рублей, и лютые варвары 21 декабря сняли осаду, но, удалясь от пределов российских, разорили Рязань.

1410 [года] апреля 22-го приехал в Москву постановленный в Константинополе патриархом Матвеем митрополит всея России Фотий, родом грек из Мореи.

В конце сего года скончался князь Владимир Андреевич Храбрый. По духовной отказал он между прочим принадлежавшую ему треть Москвы пятерым сыновьям своим вместе, чтоб они ведали ею погодно; другую треть сыновьям Донского, а третью великому князю. Под сим разделением не иное что разуметь надлежит, как доходы со столицы сей, на три части разделенные.

Смятения в Орде были беспрерывные. Хана Булата свергнул Темир, принужденный вскоре уступить Капчакскую Орду Тохтамышеву сыну Зелени-салтану, к которому сам великий князь в 1412 году поехал с богатыми дарами; но в продолжение пути его воцарился в капчакской столице хан Керимбердей, весьма благоприятно принявший Василия Дмитриевича.

1414 [года] великий князь выдал дочь свою, великую княжну Анну, за царевича Иоанна, сына императора Мануила. В 1415 году киевская митрополия отделилась от великороссийской; епископы южной России без благословения константинопольского патриарха, угождая великому князю литовскому Витовту, посвятили в митрополиты киевские ученого болгарянина Григория Цамблака.

1419 года выпал глубокий снег и захватил на полях не убранную еще жатву, от чего сделался во всей России голод, около трех лет продолжавшийся, и цена на рожь крайне возвысилась, так что за оков ржи (восемь осьмин) платили в Нижнем по шести рублей, то есть фунт с четвертью серебра, а наконец негде было и купить ни за какую цену.

1422 [года] апреля 18-го в полночь загорелся в Москве дом от пороха, и горел город до половины дня. 27 февраля 1425 [года] великий князь Василий Дмитриевич скончался на 53 году от рождения, княжив 36 лет и оставив преемником своим в достоинстве великокняжеском старшего своего сына Василия. Он увеличил великое княжение и присоединил к областям своим многие города, как-то: Нижний Новгород, Суздаль, Муром, Тарусу, Новосиль, Козельск, Бежецк, Верх, Вологду, Ростов и землю Вятскую. При нем начали счислять годы от сотворения мира с сентября месяца, оставив древнее летосчисление с марта. При начале государствования его появился в Москве порох. Арматы и стрельбу огненную вывезли в Россию из немецкой земли; а вскоре потом научились и русские составлять сие зелье для стрельбы из пушек.

11. Происшествия при великом князе Василии II

Правление десятилетнего Василия Васильевича ознаменовалось в самом начале худыми предвещаниями. Дядя его, галицкий князь Георгий Дмитриевич, вооруженною рукой оспоривал у него право великокняжения; в Москве появилась моровая язва; а великая засуха произвела голод. Для решения спора с дядей о старшинстве он в детских летах принужден был ехать в Орду. Хан Ахмат сам председательствовал на суде и, объявив юного Василия великим князем, приказал дяде его Георгию в изъявление повиновения, по азиатским обычаям, вести под ним коня. Ханский посол Улан 1432 года торжественно посадил Василия на трон в Москве у золотых дверей на рундуке при входе в Успенский собор. 1433 [года] февраля 8-го великий князь женился на княжне Марии Ярославне, внуке Владимира Храброго.

Галицкий князь Георгий, не уважая ханского решения, вступил с войском в Москву и всенародно объявил себя великим князем. Удалившийся в Кострому Василий взят был в плен и из милости получил от дяди своего в удел Коломну. Московские жители и других городов, признавая его законным наследником, а Георгия хищником, оставили свои дома и предались Василию, так что Москва опустела в несколько дней. Георгий принужден был возвратить столицу племяннику своему, удалился в свой Галицкий удел и заключил мир; но скоро нарушил его. В апреле месяце 1434 [года] опять овладел он Москвой, пленил мать и супругу Васильеву и снова провозгласил себя великим князем. Приключившаяся ему в июле месяце смерть положила предел суетным его предприятиям. Законный властитель Москвы вступил тогда ж в свои права. Старший сын Георгиев Василий Косой предпринял чрез вероломство захватить в плен великого князя; но сам попался к нему и лишен был за то зрения.

Основавший на развалинах древней Болгарии Казанское царство хан Махмет 1439 года июля 3-го явился под стенами Кремля, сожег Коломну и, набогатясь добычами, удалился.

По кончине в 1431 году митрополита Фотия великороссийская церковь шесть лет была без пастыря. Когда утишились внутренние в Москве смятения, то наречен был иерархом добродетельный Иона, епископ рязанский; но до прибытия его в Константинополь патриарх посвятил уже митрополита в Россию — фессалоникского грека Исидора. Папа Евгений IV в намерении подчинить под власть свою греческую церковь созвал осьмой собор Вселенский сперва в Ферраре, а потом перевел его во Флоренцию и пригласил туда ж преданного ему нового митрополита российского. Исидор возвратился 1440 года в Москву с достоинством кардинала под именем папского легата, обвестил предварительно российские и литовские епархии о соединении восточной церкви с западной. Когда ж пред всеми прочтена была велегласно грамота осьмого флорентийского собора на амвоне церковном в Успенском соборе, то все изумились. Великий князь сам вступил в прение с Исидором и обличил его в отступлении от греческого православия. По рассмотрении подробнейшем соборного во Флоренции постановления, российское духовенство нашло оное несообразным с древними уставами святых отец и признало Исидора еретиком. Государь приказал сего лжепастыря, променявшего непрочность веры на почести и злато, содержать под стражей в Чудове монастыре и обращать его на путь истины. Когда же он ушел тайно из монастыря, то не послано за ним и погони. Вместо его рязанский епископ Иона, не быв еще посвящен в митрополиты, остался первенствовать в делах церковных.

Великий князь, отразив в 1445 году овладевшего Нижним Новым городом казанского хана Улу-Махмета, распустил войско и возвратился в Москву, как вдруг пришла весть, что казанские царевичи Мамотек и Ягуп приближаются к Суздалю. Он тот же час отправился против сих многочисленных полчищ с одной только дружиной своей, настиг их, был разбит и от ран изнуренный принужден был 6 июля 1445 [года] с знатнейшими своими боярами отдаться в плен. В столице ужаснулись, узнав о сем злополучии. Государи ее никогда не бывали в плену. Ужас удвоился от ожидания татарского нашествия на Москву. Тут новая столь же неожиданная напасть постигла московитян. Ночью 14 июля сделался в Кремле такой сильный пожар, что ни одного деревянного здания там не осталось, даже каменные стены и церкви распадывались, и людей погорело до трех тысяч. Между тем казанский царь за лучшее почел дать свободу великому князю и, удовольствуясь умеренным откупом, отпустил его 1 октября; но и в самый день освобождения Васильева около шестого часа ночи жители Москвы устрашены были землетрясением. При радостных восклицаниях народа он въехал в столицу 17 ноября. Скрытный враг его двоюродный брат Дмитрий Шемяка, сын умершего князя галицкого Георгия, распространил при сем слухи, будто Василий за свободу свою клятвенно обещался отдать все города московские царю Махмету, и сделал заговор нечаянно овладеть Москвой и ли-

шить свободы великого князя. 1446 [года] февраля 12-го он отправился на богомолье в Троицкую обитель; заговорщики того только и ждали; ночью вошли они в город, овладели Кремлем, потом захватили в монастыре самого Василия и привезли в Москву прямо на двор к Шемяке, 16 февраля ослепили его. Св. Иона убедил Шемяку дать ослепленному свободу и в удел Вологду. Там по совету приверженных к нему он предпринял выгнать злодея из Москвы, и 17 февраля 1447 [года] действительно вступил в свою столицу, а Шемяка, до крайности доведенный, страшными клятвами на записи обязался никогда не мыслить о великом княжении. Когда восстановилось спокойствие в государстве, то Василий Дмитриевич *, не обсылаясь с константинопольским патриархом, приказал съехавшимся в Москву российским архиереям посвятить в митрополиты св. Иону и чрез то на будущее время установил независимость российской церкви от греческого духовенства, мздой руководствуемого и приобщившегося тогда к постановлениям флорентийского собора. Между тем клятвопреступный Шемяка не переставал устроивать тайных козней против Василия и наказан за свое вероломство, ибо под Галичем 27 генваря 1450 [года] претерпел решительное поражение. Бывшая там жаркая битва считается самой кровопролитной и, к счастью России, последней из княжеских междоусобий.

1451 [года] июля 2-го татары, проводимые царевичем Мазовшей, сыном Седи-Ахметовым, подступили к Москве и зажгли дома жителей. Ветер застилал Кремль дымом и наносил искры и головни на воинов, по городским стенам расставленным; долго не могли они ничего видеть и действовать. Лишь утих пожар, то сделали вылазку, бились с татарами до темноты ночной и принудили их отступить. Ожидая нового приступа, осажденные расставили ночью по местам огнестрельные орудия и приготовились к отражению; но с рассветом неприятель исчез, оставив весь тяжелый свой обоз. Татарам послышался вдали конский топот и гул, они подумали, что сам великий князь подоспевает на помощь к городу и от страха побежали. 1462 [года] марта 17-го скончался на 47 году Василий Дмитриевич *, прозванный по слепоте его Темным. Предпочитая временную пользу детей своих вечному государственному благу, он разделил области четырем сыновьям своим; но старший из них, преемник великого княжения Иоанн III умел дать новое бытие всей России, на уделы разделенной, и, свергнув иго татар, преобратил ее в состав единодержавный. Во дни его царствования Москва соделалась первопрестольным градом государства Российского.

ГЛАВА II

О ПОСТРОЕНИИ КРЕМЛЕВСКИХ СТЕН И БАШЕН

1. Деревянные стены

До времен князя Даниила Александровича Москва, главный город беднейшего удела его, имела, может быть, земляное только укрепление. Года за три до кончины своей, около 1300 года, он обнес ее тыном из растущего поблизости соснового леса, ту часть города, которая занимала высокий берег над протекающей тут Москвой-рекой. Сия тленная защита, названная сперва Детинцем, потом Кремником и Кремлем, в 1331 году мая 3-го сгорела. Сын Даниила великий князь московский Иоанн I, прозванный Калитой, в 1339 году, для безопасности от нечаянных нашествий неприятельских, огородил московскую крепость дубовыми стенами, но случившийся в июне 1365 года пожар обратил и дуб в пепел.

2. Каменная ограда Кремля

Непрочность деревянных укреплений и неизбежное разрушение их от огня решили великого князя Димитрия Иоанновича обнесть Кремль оградой несгораемой. С наступлением весны 1367 года началось строение каменных стен, и в один год совершено. Твердыня, слабая для нынешних времен, но два раза защитила она город при нашествии Олгерда, не одолел бы ее без вероломства и Тохтамыш; Эдигей и Мазовша отступили без успеха от Кремля. По недостаточным тогда сведениям в зодчестве построенные русскими каменщиками стены через сто лет начали разрушаться.

* Ошибка автора. Василий Васильевич Темный.— С. Д.

3. Вызов из Италии искуснейших архитекторов

Великий князь Иоанн Васильевич, упрочив Москву быть столицей самодержавного Российского государства, вызвал из Италии искуснейших архитекторов, которые научили наших выискивать доброту глины, лучше обжигать кирпич, растворять известь, придавать твердость белому камню, сводить своды и поднимать тягости на высоту. В 1475 году приехал из Венеции болонский уроженец, знаменитый в истории художеств архитектор и механик Алберти Аристотель Фиораванти. Потом приглашены были, с его ж одобрения, в Москву еще три архитектора: Марк Фрязин Венецианец, Петр Антоний, Фрязином же прозванный, и Алевиз, оба медиоланцы. Великий князь, не щадивший казны своей на укрепление и украшение столицы, приказал обветшалые стены и башни сломать до подошвы, обнесть Кремль на прочнейшем фундаменте толстой и высокой стеной из надежного кирпича и белого камня; а на приличных местах воздвигнуть величавые башни, которые назывались в то время стрельницами и бойницами. Строение производилось десять лет.

4. Построение набережной стены с башнями и с подземельными ходами

Первую в Кремле башню с воротами заложил Петр Антоний Фрязин 1485 года июля 19-го посреди береговой Москворецкой стены и вывел под нею тайник, а потому она и ворота ее доныне слывут Тайницкими. Под всем почти Кремлем сделаны были тогда подземные ходы с кладовыми палатами, прочно камнем выложенные, и с водопроводами из реки, на случай осады от неприятеля. В 1487 году другой архитектор Марк отстроил башню на берегу ж Москвы-реки, угловую от Живого моста. Она называлась Свибловской; в ней хранился порох. При опустошительном в 1547 году пожаре она взлетела на воздух с частью городской стены, пала в реку и запрудила ее. Итак, стоящая ныне тут красивая башня выстроена вновь через сто сорок лет при Иоанне IV.

Петр Антоний, отстроив всю набережную стену, заложил в 1488 [году] на другом угле береговом башню, получившую название Беклемишевской. При нашествии Наполеона в 1812 году на Москву она подорвана и разрушена была французами до основания, на месте ее воздвигнута новая. Всю линию по Москвереке, простиравшуюся на 265 саженей, Петр Антоний провел прямо с небольшим посредине вгибом, и кроме трех поименованных башен — Тайницкой, Свибловской и Беклемишевской поставлены были на сей стене между ими еще четыре, не столь огромные стрель[ни]цы, которые за неимением внутри их ни хода, ни проезда названы глухими.

5. Боровицкая и Константино-Еленовская башни с воротами

В 1490 году тот же архитектор Петр Антоний построил две башни с проезжими воротами: Боровицкую и Константино-Еленовскую. Вороты под теми обеими башнями доставляли сообщение церквам, обывательским домам и приказам, находившимся под горой. При сооружении Иоанном III кремлевской ограды названия башен и ворот сохранились те же, какие дал им в. к.* Димитрий Донской при первом построении. Когда он отправлялся из Москвы на битву против Мамая, то войско его, по принятии пред соборами святительского благословения и окропления знамен, выступало из Кремля в ворота Флоровские, Никольские и Константино-Еленовские.

В летописи упоминаются по случаю пожара в 1475 году еще одни ворота в Кремле, которые именовали Тимофеевскими; о них из духовной грамоты князя Ивана Юрьевича Патрикеевича значится, что они находились неподалеку от Боровицких ворот. Бывший под Константино-Еленовской башней проезд уничтожен в 1772 году, ибо к наружным ее стенам в половине минувшего столетия пристроены были временные тюрьмы Розыскного приказа. Там под названием Константиновского застенка производились пытки за разбои и корчемство вином и табаком. Вся низовая часть внутри Кремля исстари называлась подолом.

6. Спасская башня с воротами

В следующем году Петр Антоний заложил Спасскую башню с воротами. Она со времен Донского называлась Фроловской; но царь Алексей Михайлович указом от 16 апреля 1658 года повелел именовать ее Спасской. На сей величавой и красивой башне сохранились до наших времен две надписи: одна с загородной стороны под иконой Всемилостивого Спаса — латинская, а другая внутри Кремля в подножии образа Богоматери — российская. Железные у Спасских ворот с двух сторон затворы были расписаны по золоту цветами. При входе в оные с наружной стороны выстроена была для стрельцов каменная караульня. На небольшой ближайшей башенке повешен был ве-

* «В. к.» здесь и далее в тексте А. Ф. Малиновского означает «великий князь», «великая княгиня» и т. п.— С. Д.

чевой новгородский колокол. Иоанн III, отняв его у новгородцев, приказал звонить в него, когда случится в Москве пожар или тревога, и назвал Всполошным. Внутри Кремля поставлена икона Богоматери. Желательно знать, отчего проходят сквозь Спасскую башню с непокровенною головой. Доколе не отыщется достоверное сведение, когда и по какому случаю уставилось сие обыкновение, можно остаться при следующей догадке. До воцарения Романовых в летописях наших не упоминается ничего о том, что заставило проходящих сквозь Спасские ворота снимать шапки, а потому и вероятно, что сей обычай начался со времен царя Михаила Федоровича от следующего обстоятельства. К Спасской башне примыкались кельи родительницы его великой инокини Марфы Иоанновны, жившей в Вознесенском монастыре. В отличие от прочих келий поставлен был там под окнами ее снаружи московский герб, из камня иссеченный. Быть может, что с первых дней воцарения Романова стоявшая близ Спасских ворот стража стрелецкая строго напоминала проходящим, чтоб они снимали шапки пред жилищем царевой матери. После того живали в тех же кельях царевны, и привычный к покорности народ русский, сам не зная для чего, охотно и доныне соблюдает повеленное. Совершавшееся на Спасской башне в крестные ходы водоосвящение, пышные выезды царские и приемы иностранных послов издавна придавали ей особенную важность пред всеми другими входами в Кремль.

Ныне солдатская караульня находится возле сих ворот внутри Кремля. Есть и еще пристройка для жительства часового мастера.

7. Никольская башня с воротами

Никольская башня с воротами построена архитектором Марком. Она не имела ни огромности, ни таких украшений, как Спасская, даже и прочности равномерной недоставало ей; ибо прежде других так обветшала, что в 1810 году вновь была выстроена, над въездом с наружной стороны исстари поставлен был образ чудотворца Николая. Когда французы подорвали прикосновенную к ней часть Цейхгауза с городской стеной, то верх ее взлетел на воздух и левую сторону ворот оторвало по самый образ святителя, который остался невредим, даже киот со стеклом и фонарь уцелели. В воспоминание сей чудесной невредимости начертана над воротами надпись. На оставшемся от разрушения основании ныне воздвигнута новая готической архитектуры башня с высоким шпицем. Никольские ворота достопамятны в истории Российского государства тем, что в 1446 году проложили путь великому князю Василию Васильевичу Темному отнять Москву у Шемяки. На шпицах тех кремлевских башен, которые с проезжими воротами, утверждены двуглавые орлы, прочие ж десять башен повершаются флюгерами.

8. Троицкая башня с воротами

В 1492 году итальянские архитекторы вывели стену между Спасскими и Никольскими воротами и построили Троицкую башню с тайником, а название Троицкой дано ей царем Алексеем Михайловичем по близости Троицкого в Кремле подворья; но простой народ, неведомо почему, прозвал ее Кутафьею. На сей башне надписи нет, а поставлены св. образа: снаружи Знамение божьей матери, внутри ж Кремля изображение Пресвятой троицы.

9. Боевые часы на Спасской и Троицкой башнях

Первые боевые часы в Москве поставлены были в 1404 году у дворца сербским монахом Лазарем. Ударение часовое счислялось тогда от начатия дня до ночи, а от наступления вечера до следующего утра по солнечному годовому кругу. Они стоили более ста пятидесяти тогдашних рублей. Новость сия удивляла народ. Часовую машину называли в Москве часомером, а в Новгороде часозвоном. Другие боевые часы поставлены были с 1626 года на Спасской башне английским часовым мастером Галовеем.

Царь Петр I, желая иметь в Москве часы с колокольной музыкой, подобные амстердамским, вызвал в 1698 году из Франции часовщика Гарноля. Когда француз, занимаясь два года, не умел исполнить того, за что взялся, государь заказал в Голландии Гассению, Любсу и Брандту сделать две большие машины часовые с курантами: одну на Спасскую, а другую на Троицкую башни. На Спасской башне в первый раз 1706 года декабря 9-го поутру пробили часы девять часов, а в двенадцать заиграла там колокольная музыка. Современная летопись гласит о сей новости так: «Почали часы бить по-немецки и указные круги на 12 часов». Теперь бьют часы на одной только Спасской башне и служат указанием времени для церковного благовеста во всей Москве, машины ж музыкальные давно испортились и не повторяют тех звуков, которые увеселяли слух наших дедов и прадедов, придавая дню какую-то торжественность.

10. Окончательные работы кремлевских стен, рвов и мостов

Стена, Димитрием Иоанновичем Донским построенная, ведена была от Троицкой башни прямо к Никольской, а за сей стеной, на том

расстоянии, которое теперь занимает Цейхгауз, стояло несколько церквей и домов; но Иоанн III приказал в 1493 году те церкви и дома перенесть за речку Неглинку и, вместив сие пространство в Кремль, узаконил, чтоб от новой городской стены не строили домов ближе 109 саженей. Между Спасской и Никольской башнями прокопаны были рвы, которые Алевиз обложил белым камнем, а для проезда в ворота устроил четыре прочных каменных моста. Протекающая от высокой краеугольной башни река Неглинка, быв запружена и подперта у Троицких ворот мельницей, расширялась пред городской стеной и казалась озером. Мост Троицкий, оканчивающийся кругловатой оградой с двумя сквозь ее проездами, имеет ту достопамятность историческую, что сия ограда послужила торжественными для Бориса Годунова воротами. Шествуя из кельи Новодевичьего монастыря на царство, он встречен был тут патриархом и приветствован синклитом, двором, военными и гражданскими чиновниками. Между краеугольной башней и Троицкими воротами, также от Троицких до Боровицких, построено по две небольшие башни. Сим оканчиваются сказания наших летописцев о построении самодержавцем всея России великим князем Иоанном Васильевичем кремлевского укрепления и о приданном чрез то благолепии сему первопрестольному граду. Кремль, па[мятник] России, [имеет] вид неправильного многоугольника, вся окружность стен его в прямых и косвенных ее линиях составляет до тысячи саженей, а обширность плоскости содержит не менее пятидесяти тысяч квадратных саженей.

11. Поправление кремлевских стен в последующие времена

Чрез двести лет наружность кремлевских стен и башен от всего поедающего времени обезобразилась; не потерпев ничего в прочности своей, лишилась красивости.

Царь Феодор Алексеевич приказал поновить их; Петр I в 1722 году также несколько поправил наружность Кремля и уничтожил запрещение строить в Москве каменные здания, положенное им для новой столицы на Неве. Императрица Екатерина II, учредив Кремлевскую экспедицию, возложила на оную особенное попечение поддерживать здания кремлевские и сохранять их в прочности и благоустройстве.

12. Разрушение и обновление кремлевских стен в XIX столетии

В сооруженные Иоанном III кремлевские стены двоекратно вонзались стрелы крымских ханов Магмет-Гирея и Девлет-Гирея. Поляки 1611 года овладели Кремлем чрез измену и нарушение заключенного с гетманом Жолкевским договора. Но чем заплатили крымские татары и поляки за сие дерзновение? Подданством России.

Властелин Франции, как новый Батый XIX века, счастливыми удачами в победах пресыщенный и ненасытно алкающий новых завоеваний, предписав законы Европе, возмечтал соделаться всемирным обладателем и с тьмочисленными полчищами, из двадесяти покоренных и уничтоженных им народов набранными, внезапно устремился на не готовую к обороне Россию, единую преграду честолюбивым его замыслам. Заняв Москву 2 сентября 1812 года, Наполеон ознаменовал тридцатидевятидневное пребывание в ней татарскими лютостями, неистовствами, поруганием святыни и подорванием кремлевских стен с башнями. Но когда мера злодеяний его исполнилась, то преткнулся о твердыню сынов, отечеству своему и отцу народа верных. Жители Москвы, храня честь народную, удалились в северные страны и оставили дома свои с имуществом на всесожжение и расхищение. Завоеватель принужден был бежать из безлюдной и опустошенной столицы и едва сам спасся от гибели, постигшей ратовавших с ним. Постыдный путь изгоняемых из России устлан был трупами и обагрен их кровью. Император Александр I мужеством своим возбудил угнетенную Европу от дремоты, ободрил изнемогающие силы народов ее, из врагов претворил их в сподвижников своих и низложил страшилище света. Победоносные знамена его двоекратно развевались в стенах Парижа. Целость Франции содержалась в руке его. Он охранил существование сей державы, облаготворил ее и дал ей законного короля. Воины российские прославили там себя уважением к святыне, бескорыстием и человеколюбием. Непреоборимой их храбрости и великодушия к побежденным не изгладят века из бытописаний французского народа. Победы российского монарха увенчались всеобщим миром, а священным 14 сентября 1815 года союзом он водрузил на земном шаре спасительное знамя христианской любви к человечеству. Да начертается неизгладимый сей подвиг на стенах Кремля, им обновленных, и камни да поведают позднейшему потомству, что Москва в 1812 году отдала себя на жертву для восстановления всемирной независимости!

ГЛАВА III
ОБ УСПЕНСКОМ СОБОРЕ

1. Первое построение в Москве Успенского собора

Митрополит всея России св. Петр, приехав из великокняжеской столицы владимирской, посетив удельный городок Москву и тщательно осмотрев ее местоположение, пожелал основать в ней митрополию. Он предложил князю Иоанну Даниiловичу Калите построить близ дворца храм во имя Успения пресвятой богородицы, убеждая его тем, что в обоих первопрестольных российских городах, в Киеве и Владимире, соборные храмы посвящены были преселившейся от земли на небо божьей матери. При сем произнес он пророческим боговдохновенным гласом: «Аще мене по[с]лушаеши, сыне; сим прославишиеся паче иных князей, и сынове и внуцы твои в род и род; и град сей славен будет во всех градех российских, и святители поживут в нем, и взыдут руки его на плещу враги его и прославится бог в нем».

Благочестивый обладатель Москвы беспрекословно повиновался желанию святителя и 1326 года августа в 4-й день заложил каменный собор Успенский на том самом месте, где ныне стоит, но не столь обширный. Кончина иерарха, воспоследовавшая 20 декабря того же года, не допустила возрадоваться ему о совершении дома божия. Его похоронили в стене недостроенного собора, где он сам выложил камнем гробницу себе. В следующем году Успенский собор был достроен и августа 14-го, накануне храмового праздника, освящен ростовским епископом Прохором. Чрез осьмнадцать лет расписаны были внутренние стены греческими мастерами, которых вызвал для сего российский митрополит Феогност от Константинополя. До того времени соборная и дворцовая в Москве церковь была во имя великомученика Димитрия Селунского. Иоанн Данилович, исполняя завет пасторский, год от году приумножал св. храмы в удельном своем городе и в честь дня ангела Петра митрополита создал храм апостола Петра, поклонению честных его вериг.

2. Предприятое намерение соорудить Успенскую в Москве церковь, подобную Владимирской

В продолжение ста сорока пяти лет построенный 1326 года кн. Иоанном Успенский собор в Москве пришел в такую ветхость, что своды угрожали внезапным падением и поддерживались изнутри деревянными подпорками. Великий князь Иоанн Васильевич, по наставлению митрополита всея России Филиппа I, решился соорудить новый храм пресвятой девы Марии, столь же огромный, как во Владимире. Призвали каменщиков и послали их в прежнюю столицу Боголюбского снять точь-в-точь меру с тамошнего собора и приглядеться к пространству, высоте и наружности сего здания, более трехсот лет безвредно устоявшего. Осмотрев, они взялись построить такую же церковь и в Москве. По разобрании ветхого собора, 1472 года апреля в 30-й день заложен был новый пространнейший. Главные храмоздатели Кривцов и Мышкин выкопали неглубокие рвы, набили сваи и забутили, облицовывая стены кирпичом, они расщебенивали внутри их мелким камнем и заливали жидко растворенной известью. Князь великий для поощрения к делу каменщиков часто сам прихаживал на работу. Чрез два года выведены были стены с средними столбами. Уже готовились делать своды, подобием неба распростертого над всеобщим храмом природы, как вдруг чрез час по закате солнечном, 21 мая 1474 года, все здание обрушилось к великому преогорчению государя и всего народа. Заметить должно, что богослужение в соборе Успенском между тем не прекращалось, престол из оного перенесен был в построенный на время храм деревянный, который оставил нам ту достопамятность, что великий князь Иоанн III венчался в нем с греческой царевной Софией Фоминичной 12 ноября 1472 года.

3. Вызванный из Италии архитектор Фиораванти построил стоящий доныне Успенский собор

Тогда-то Иоанн III, увидев незнание российских строителей, отправил в Венецию посла Семена Толбузина для вызова из Италии, чего бы то ни стоило, искуснейшего архитектора, который бы умел воздвигнуть храм, достойный быть первенствующим в России; каменных же мастеров приказал прислать из Пскова таких, которые учились у немцев. Вызванный Толбузиным славный зодчий Аристотель Фиораванти, разрушив остаток стен машиной и выметав прежнюю основу, вырыл рвы глубиной в две сажени. По вынесении святых мощей в церковь Иоанна Лествичника под колокола, он заложил в июне месяце храм Успенский и в четыре года совершил его. Две близстоящие

церкви — Поклонения веригам св. Петра и во имя Димитрия Селунского, вмещены были в собор, как придельные. Крышку покрывали новгородские мастера по деревянным стропилам железом немецким.

Успенский пятиглавый собор во внутренности имеет высоты от пола до среднего купола 18 саженей, длина от Горнего места до западных дверей 16 саженей и 2 аршина, а ширина от северных дверей до южных 11 саженей и 2 аршина, в среднем купол 5 саженей. Наружная архитектура сего собора ближе всего подходит к готической и от всех других церквей отличается какой-то величавой простотой. Все украшение извне состоит из небольших полуколонн, одна к другой близких. Они размещены на верхней половине стен и составляют род пояса вокруг всего здания, прочие ж части гладки. Окна в два яруса, нижние пропорциональны, но верхние очень узки. Стены оканчиваются большими полуциркульными изгибами по самую кровлю. Кругловидные с юга, запада и севера входы обведены широким многосложным карнизом. К южному наружному входу навешены медные двери с изображением Олаира, Платона и Сивилл, провозвестивших рождение богочеловека. Великая и первенствующая в России Успенская церковь освящена 1479 [года] августа 12-го митрополитом Геронтием со всеми торжественными на сей случай обрядами. Мощи св. Петра митрополита сам государь с сыном своим и с братом перенес в новосозданную церковь, несколько дней сряду он угощал духовенство во дворце и раздавал многую милостыню убогим. Царь Иоанн IV, желая что-либо прибавить к украшению святого храма сего, приказал в 1550 году вызолотить на нем главы.

4. Приделы

В Успенском соборе три придела. Один с южной стороны во имя великомученика Димитрия Селунского. Другой с северной стороны во имя верховных апостол[ов] Петра и Павла. При великом князе Иоанне Данииловиче в сем приделе прежде праздновали генваря 16-го, но государь Петр I повелел отправлять праздничную службу 29 июня, в день своего ангела, и сам поставил тут образ св. апостол[ов] Петра и Павла. Третий придел во имя Похвалы пресвятой девы Марии помещен в главе соборной (маковице) вместо упраздненной церкви, которую Иоанн митрополит 1459 года устроил в изъявление хвалебного благодарения матери божьей за чудесное избавление Москвы от нашествия Седи-Ахматова сына царевича Мазовши. Вход в сей придел из алтаря по узкой лестнице. Празднество в нем отправляется ежегодно в субботу на пятой неделе великого поста. Высота и недоступность к сему храму подала повод прибывшему 1589 года в Москву константинопольскому патриарху Иеремею составить там со всем духовным собором заседание подобно конклаву, для избрания первого в России патриарха. Наречение патриархов Гермогена, Игнатия и Филарета тут же происходило.

5. Случайные события, до сего собора касающиеся

1493 года июля 16-го ударил гром в среднюю главу соборную, от молнии загорелось дерево, и огонь, проникнув внутрь храма, опалил царские двери, не причинив большого вреда. В необычайный при страшной буре пожар 1547 года июня 21-го летящие головни, падая на крышку Успенского храма, сожгли на ней стропила; но до внутренности, наполненной дымом, разрушительное пламя не коснулось. В 1610 году поляки, обладая сердцем России два года и шесть месяцев, простерли хищные свои руки на обнажение святых престолов, разграбили в Успенском соборе многоценные сокровища, золотое изображение на раке св. митрополита Петра и двенадцать апостолов, вылитых из серебра, рассекли на части и кусками делили между собой. Вступивший на престол царь Михаил Феодорович первее всего старался облечь в прежнее велелепие опустошенную неприятелями первенствующую в России церковь.

Чрез двести лет при нашествии Наполеона серебряные вызолоченные оклады со всех образов соборного иконостаса были содраны, алмазы, изумруды, яхонты, жемчуги и золото достались в добычу святотатцам. При выходе из Москвы он дал приказание, подорвав и самый храм, обратить его в груду развалин, но ниспосланный с неба сильный дождь угасил зажженные фитили, которые проведены были к наполненному порохом подкопу под собор, и тем ознаменовалось милосердие господне ко святилищу царей и царству Российскому.

1813 года августа 30-го, в день тезоименитства незабвенного Александра I, обновленный Успенский собор и украшенный от щедрот императора с бо́льшим против прежнего великолепием, освящен. С сего числа божественная служба, в течение целого года прекратившаяся от осквернения и разграбления неистовых врагов, восприяла свое начало.

1814 года апреля 23-го воспета в сем же божественном храме хвалебная песнь господу сил за покорение российскому оружию столичного во Франции города Парижа.

6. Стенное писание

Успенский собор украшен иконой греческой по стенам и сводам живописью в 1515 году, при великом князе Василии Иоанновиче. Сия отделка казалась тогда столь красивой, что государь, митрополит с духовенством и бояре, вошед в церковь, воскликнули от сердечного порадования: «Мы видим небеса!» Чрез сто тридцать лет от перемен воздуха в неотапливаемом здании прозрачность красок потемнела и лики святых так изменились, что необходимо было всю живопись поновить.

Царь Михаил Феодорович указом 1642 года, мая в 19-й день состоявшимся, повелел совершить стенное писание по старым рисункам и в том точно виде, как прежде было. Главное смотрение над сей работой возложил он на боярина князя Бориса Александровича Репнина и стольника Григория Гавриловича Пушкина, а первым иконописцем был тогда Иван Паисе[й]н с шестьюдесятью мастерами. Прежде всего они выровняли стены и своды левкасом, потом вызолотили их все сплошь листовым червонным золотом для того, чтобы краски на золоте ярчее означались, разводя их на яйце и пшеничной вареной воде; в киноварь же и сурик клали масло, а в бокань и ярь примешивали нефть и скипидар; при написании же прикрыли все для прочности олифой; работу кончили в два года. Во всей церкви, по тогдашней смете, оказалось 1008 квадратных саженей, на каждую сажень выходило листового червонного золота по 700 листов; из червонца ж выбивалось не более 120 листов; а потому вся сплошная позолота стен и сводов стоила 5880 червонцев. Монархи российские, благоговея к сему святилищу, полагали славу свою в его велелепии. Императрица Екатерина II, видя, как опять, чрез сто тридцать лет застарелось стенное писание, приказала возобновить оное также по золоту с наблюдением точности древних рисунков, под надзором Крутицкого тогда епископа, бывшего потом Киевским митрополитом, Самуила. Работу производили в 1773 году с 1 мая по 15 августа священники и диаконы, искусные в иконописном художестве. Всех ликов святых, написанных по стенам и сводам церковным, алтарным и придельным, считается 2066 разных мер, в пяти же куполах назирающие свыше на молящихся изображения господа Саваофа, Еммануила, Спаса нерукотворенного и Богоматери так велики, что одни лица в длину более семи и в ширину до четырех аршин. По расписании внутренности храма обновили также и наружность его. Над тремя входными в собор дверьми изображены иконы: Божьей матери, Московских святителей и Угодников божьих; а над алтарем во впадинах три большие образа, посредине — Сидение сына одесную отца во славе, а с одной стороны София премудрость божья, с другой же Печерская божья матерь.

7. Святой алтарь

Сень, или кивот, над престолом сделана шатром на четырех литых из меди дорожчатых столбах; по углам четыре ангела с рипидами, между ими четыре евангелиста вызолоченные. Надпись, помещенная наверху, означает, что сие благолепное украшение, приосеняющее совершаемую на святом престоле животворящую трапезу господню, устроено при царе Михаиле Феодоровиче и поставлено при патриаршестве отца его по духу и по плоти Филарета Никитича 1627 года августа в 15-й день. Над срединой сени привешен был на тонкой проволоке голубь с распростертыми крылами, золотой, весом 3 фунта 83 золотника, в нутре сего голубя в великий четверток полагался святой агнец. На Горнем месте за престолом крест большой четвероконечный, а по сторонам два образа: Всемилостивого Спаса и Божьей матери. Сии три духовных сокровища, взятые из Херсона равноапостольным князем Владимиром при восприятии им тамо святого крещения, из Киева перенесены были в Новгород, а оттуда поступили в московский собор при царе Иоанне Васильевиче. За престолом поставлены еще два креста из восточного хрусталя с длинными рукоятиями, издавна присланные от греческих патриархов, в благословение государям российским. За жертвенником образ Божьей матери, именуемый Петровским, потому что писан св. Петром митрополитом. Там же еще три образа: Влахернский божьей матери, составленный из воскомастики, прислан царю Алексею Михайловичу из Иерусалима в 1655 году, и Успения богородицы греческого художества на выгибной деке. Сию икону выносят из алтаря в храмовый только праздник и поставляют на налое. На самом престоле находится дарохранительница вышиной один аршин, длиной одиннадцать вершков, шириной в девять вершков, искусно изображающая Синайскую гору и пророка Моисея, приемлющего от господа Саваофа скрижали Завета. В пещере той горы полагаются ныне святые дары. Сия драгоценность поднесена Святейшему Правительствующему Синоду от бывшего вице-президентом Военной коллегии князя Потемкина. На ней надпись: «Сие злато, дань покоренных в Валахии рек, в память побед господу Саваофу посвящено военных дел правительством лета 1777». Под Синайской горой премудроцарствовавшая Екатерина II положила в ковчег рукописания свои, содержащие наказ, данный Ко-

миссии о сочинении нового уложения, и учреждение о губерниях. Император Павел I, узаконив на предбудущие времена право наследия в потомстве всероссийского императорского дома, положил тут подлинный акт о сем, в самый день священной его коронации утвержденный. Император Александр I поместил в сей же ковчег завета отречение первого брата его цесаревича и великого князя Константина Павловича от права на наследие всероссийского престола, собственноручно им подписанный 1822 года января 14-го, присоединив к нему манифест, 1823 года августа в 16-й день рукописанием благословенного ознаменованный, о бытии наследником его второму брату, Николаю Павловичу. Более двух лет сия царственная хартия сберегалась на престоле под покровом тайны во святилище; но по кончине Александра I, когда цесаревич вторично подтвердил непоколебимое свое отречение, то 1825 года декабря 18-го при собрании в московском Успенском соборе Правительствующего Сената, военных и гражданских чиновников и всякого звания людей, вынут был из дарохранительницы запечатанный ковчег и торжественно вынесен из алтаря чрез царские двери в предшествие всего духовенства московским архиепископом Филаретом, который произнес объяснительную речь, окончившуюся сими словами: «Россияне! Двадцать пять лет вы находили свое щастие в исполнении державной воли Александра благословенного, еще раз вы ее услышите, исполните, и найдете в ней свое щастие». После сего сняли с ковчега печать, во услышание всем прочтены были хранившиеся в нем акты, и тот же час началась присяга жителей Москвы на всеподданническую их верность благополучно ныне царствующему государю императору Николаю Павловичу.

8. Достопримечательнейшие св. образа, в первом ярусе иконостаса и отдельно стоящие

Подходя от западных церковных дверей к царским вратам, с правой стороны в нижнем ярусе иконостаса:

1. Местный образ Спасителя, прислан был от греческого императора Еммануила Новгороду и стоял там в Софийском соборе; а в 1570 году взят царем Иоанном IV в Москву. На сей иконе господь Иисус Христос изображен держащим в левой руке святое евангелие с словами греческими, разогнутое на Аі (одиннадцатом) зачале от Иоанна, а правою указывающий долу. В старинных описных книгах сия икона именуется Золотой рясой, потому что оклад на ризе спасителевой был тогда золотой, а венец украшен алмазами, изумрудами и яхонтами.

2. Храмовый образ Успения пресвятой богородицы, писанный за несколько месяцев до кончины перенесшим российскую митрополию в Москву святителем Петром, в изъявление усердия его к заложенному им Успенскому собору.

3. Образ Благовещения божьей матери, знаменитый древностью и чудотворениями, перенесен из Устюга Великого в царствование великого князя Иоанна Васильевича, при митрополите Филиппе I. На серебряной позлащенной ризе сего образа есть надпись новейшего времени.

4. Рядом с Благовещением, подле южных алтарных дверей другой Спасителев образ в предстоянии богоматери и Иоанна Предтечи, писан Самсоном Черным.

5. На той же стороне, подле раки Филиппа митрополита, образ великомученика Димитрия Селунского, писанный древним греческим художеством на той деке, которая была крышкой гробницы мучениковой. Под ним две надписи, которые гласят, что икона сия поставлена была великим князем Димитрием (Всеволодом) Юрьевичем в созданной им при дворце своем во Владимире каменной церкви во имя св. Димитрия; а в Москву перенесена 1380 года при великом князе Димитрии Иоанновиче Донском.

6. С левой стороны царских дверей образ Пресвятой богородицы Владимирской в киоте, писан евангелистом Лукой, украшенный золотым окладом с алмазами, яхонтами, изумрудами, лалами, бурмицкими зернами и жемчугом. При угрожавшей опасности Москве от нашествия страшного завоевателя Тамерлана, для успокоения отчаянных граждан, сия икона великого князя Андрея Боголюбского принесена из Владимира 1395 года августа 26-го. Митрополит Киприан со всем духовенством, князья, бояре и все жители со умилением встретили сей залог благоденствия народного за городом, на Кучковом поле близ церкви Марии Египетской, и, поставив сию икону в Успенском соборе, денно и нощно молились матери божьей о спасении отечества. Тамерлан взял город Елец и берегами Дона направлял уже путь к Москве, означая следы свои кровопролитием и опустошениями; но вдруг остановился; пробыв две недели в бездействии, 26 августа он тронулся с места и отступил из пределов России. На память грядущим векам великий князь Василий Димитриевич заповедал ежегодно праздновать сей день всенародным молением, что доныне благоговейно совершается; а на том месте, где встречена была Владимирская икона, создал в честь ей храм каменный и учредил при нем монастырь, под названием Сретенского известный. В 1514 году великий князь Ва-

силий Иоаннович сделал для сего образа кивот из серебра, кованый и позлащенный. В 1566 году икона Владимирская поновлена была митрополитом Афанасием; в 1656 году царь Алексей Михайлович сделал на нее новую золотую ризу, употребив на сие 16 фунтов венгерских червонцев. При восшествии на престол совокупно царствовавших братьев царей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича, к чудотворной Владимирской иконе, при поновлении ее, прибавлено было много драгоценных камней и жемчугу, и 1682 года, накануне праздника Успения, она перенесена была из дворца, в сопровождении царя Иоанна Алексеевича. При занятии Наполеоном Москвы сей образ сохранялся там, где за четыреста тридцать пять лет пред сим пребывал,— во Владимире.

7. Образ Всемилостивого Спаса, с изображением по полям оного многих святых, написанный греком Феофаном.

8. Образ Пресвятой богородицы Одигитрии, которому избранный 16 февраля 1598 [года] на царство Борис Годунов уставил в тот день празднество.

9. Образ Спасителев, греческого письма, сидящий на престоле; при подножии изображен молящийся Иисусу Христу Киприан, митрополит московский. На полях сей иконы есть надписи, из которых явствует, что она взята из Владимира в Москву 1512 года для поновления и оставлена в Успенском соборе, а в 1700 году вторично поновлена изографом Георгием Зиновьевым.

Около четырех столпов, которыми поддерживаются церковные своды, поставлены с трех сторон каждого столпа большие образа. Из них искусством и древностью своей особенно знаменита икона Пречистой богородицы, называемая Иерусалимской, с греческой на ней надписью, писанная святыми апостолами в пятое на десять лето по вознесении господне в Гевсимании. Большой образ Воскресения Христова близ патриаршего места на правом столпе, писанный за 350 лет иноком Андреем Рублевым, издавна почитался лучшим произведением иконописного искусства и для того не был обложен ни золотой, ни серебряной ризой, как прочие образа. Особенный стиль, расположение ликов и свежесть красок, несмотря на давность лет, отличают сию икону от прочих.

На другом противоположном столбе образ Страстей Христовых, писан иконником Далматом.

На соборе московском 1551 года узаконено иконописанию Рублева быть образцовым. Две иконы, присланные от императрицы Анны Иоанновны в Успенский собор 1740 года, для моления о победах над врагами: одна из них поставлена по левую сторону патриаршего места, Владимирская богородица, в золотом была окладе с бриллиантами, на память одоления французов при взятии Данцига, а другая над южными дверями, Псковско-Петровской богоматери, также обложена была золотом и украшена бриллиантами, в изъявление благодарности за услышанные мольбы при счастливой войне против турок и татар. О всем том упоминалось в надписях, которые высечены были на обоих образах.

9. Главный иконостас

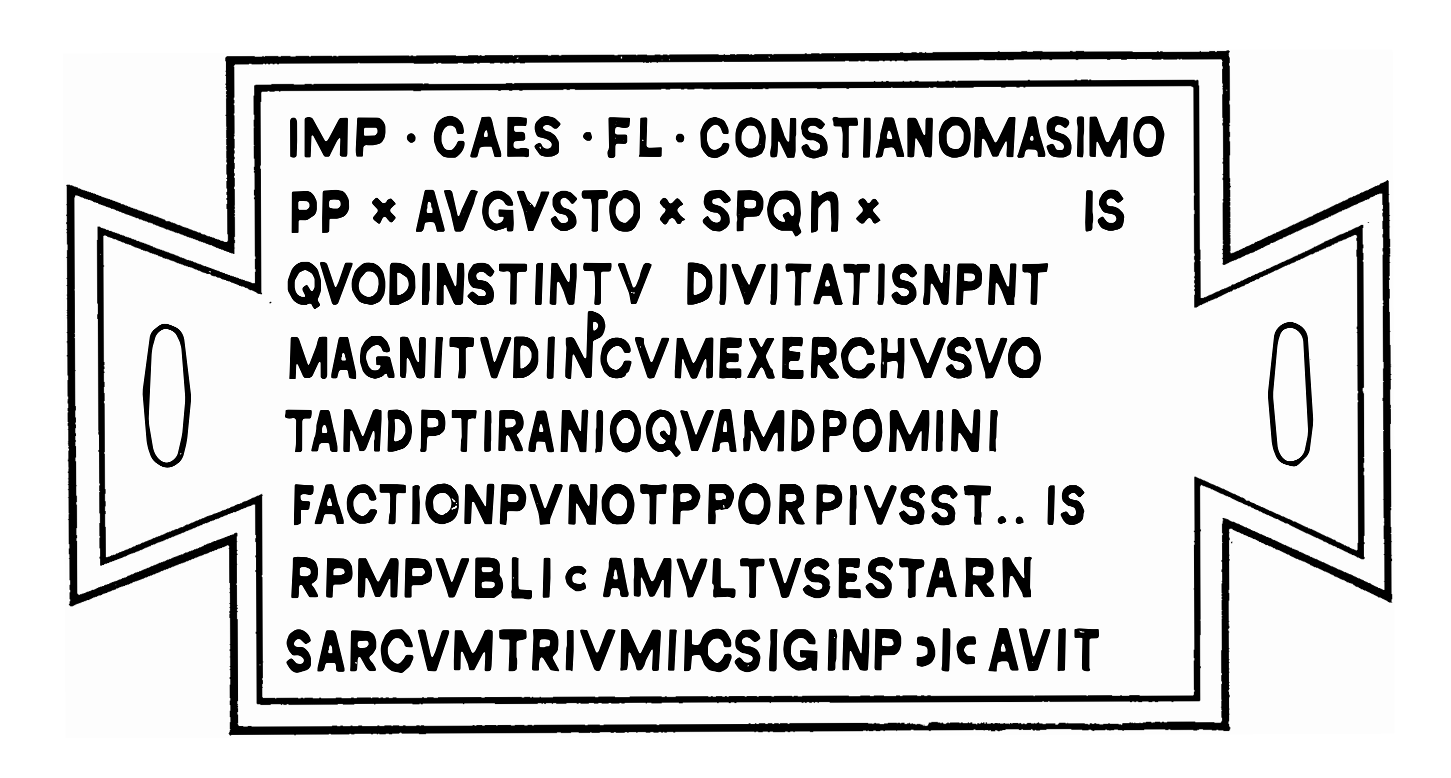
Главный иконостас разделяется на пять ярусов. В первом поставлены описанные в предшествующем 8 параграфе местные образа, а в верхних по чиноположению греко-российской церкви; во втором помещены апостолы; в третьем дванадесятые праздники и страдания искупителя нашего; в четвертом пророки, а в пятом праотцы.

Современные летописи сохранили нам имена иконописцев, которые трудились над соборным иконостасом, их было четверо: Дионисий, священник Тимофей, Ярец и Инаш. Всех образов в четырех ярусах шестьдесят девять: поля на них обложены позолоченным серебром, а разделяющие их столбики не позолочены. Всего серебра на иконостасе по прежней описи считалось до 55 пудов. Сверх того находится в соборе более двухсот пятидесяти икон разных мер: многие из них до нашествия французов были с многоценными украшениями, от доброхотных дателей издавна поступившие. Зажиточные жители Москвы всех сословий непрестанно являют благоговение к соборной великой церкви и щедрость свою обнаруживают значительными вкладами. Некто, скрывший свое имя, прислал недавно распятие, пред жертвенником поставленное, с крупными бриллиантами на терновом венце спасителя.

10. Древнейший образ, на камне иссеченный

При тщательном обозрении икон, в Успенском соборе находящихся, открыто древнее, из камня иссеченное выпуклое изображение под названием св. Георгия, скачущего на коне и прободающего попираемого им крылатого змия копьем *, а над ним латинская надпись, как все сие в рисунке представляется:

* См. рисунок в иллюстрациях.— **С. Д.**

Читать сие должно так:

IMPeratori CAESari FLavio CONSTANTINO MAGNO Patri Patriae AVGUSTO Senatus Populus Que Romanus QVOD INSTINCTU DIVINITATIS MENTIS MAGNITUDIUE CUM EXERCITU SUO TAM DE TIRANNO, QVAM DE OMNI (ejus) FACTIONE MNO TEMPORE IUSTIS REM PUBLICAM ULTUS EST ARMIS ARCUM TRIUMPHIS INSIGNEM DICAVIT

Буквальный перевод:

«Императору Кесарю Флавию Константину великому, отцу отечества августейшему Сенат и народ римский за то, что он внушением божеским, величием разума с воинством своим как тирану, так и всей его крамоле в одно время отмстил за дело общественное праведным оружием, сии врата в ознаменование триумфа посвятил».

Сие древнее неисправное начертание не иное что есть, как надпись на известных в Риме триумфальных воротах, воздвигнутых от Сената и народа императору Константину Великому, за одержание им победы над последним и самым сильным своим противником Валерием Лицинием и за усмирение в то ж время возникших повсюду мятежей, что происходило около 324 года по рождестве Христове.

Теперь следует упомянуть, что видимо и что только известно о том изображении, которое здесь в рисунке приложено. Оно поставлено в алтаре Успенского собора при входе из северных дверей на стене с правой стороны над рамкой митрополита Феогноста в близком расстоянии от жертвенника. Некто в 1746 году раскрасил сие изваяние, а по местам и вызолотил; надпись подверглась той же участи и буквы на ней от гульфарбы так залеплены, что надлежало чрез осязание дознаваться о них. Мера камня с изображением и надписью поперек 1 аршин 4 вершка, а в длину 15 вершков. Позади римского всадника грубо изображена стоящая в умилительном положении женщина с прижатыми к груди руками, а посредине дерево. Хотя подобный сему барельеф мраморный и находится внутри ворот триумфальных, представляющий вооруженного Константина на коне; но поражает он не змия, а гонит побежденных им неприятелей, и надпись, изваянная над средней аркой, не повторяется над тем барельефом; следственно, образ, над ракой Феогностовою стоящий, не есть снимок, а вымысел особенный. Сомнению не подлежит, что сей старинный памятник привезен в Москву выехавшим из Константинополя в 1328 году Феогностом митрополитом; а по приделанной под камнем мертвой главе с костями догадываться можно, не завещал ли он поставить сие изображение над гробом своим. В соборных записках о сем изваянии, в святыню обращенном, значится следующее: «1721 года декабря в 20-й день, по словесному приказу синодальных архиепископов новгородского Феодосия и псковского Феофана, образ Георгия великомученика, что стоял на гробе Феогноста митрополита, велено спрятать в ризницу, а гроб покрыть покровом». Когда ж и кем вынут из ризницы и поставлен опять над гробом иерарха, нет никакого сведения.

11. Святыня

В золотых и серебряных ковчегах, из которых некоторые и драгоценными каменьями украшены, хранятся части мощей: пророка Предтечи и крестителя Иоанна; св. апостола Андрея Первозванного с перстами сложенными, како подобает знаменатися святым крестом; Григория Богослова, Иоанна Златоустого; муч[еников] Авксентия, Василия Великого, Евфимии Прехвальной, вел[икого] мученика Георгия и некоторых российских святых. Риза спасителя нашего господа Иисуса Христа в золотом, многоценными камнями украшенном, ковчеге, взята во дворце, по повелению императрицы Анны Иоанновны 1731 года, а часть оной блюдется в небольшом золотом с алмазами и изумрудами ковчеге. Царь Михаил Феодорович и святейший патриарх Филарет, получа сию святыню в 1625 году от персидского шаха Аббаса I, захваченную им при завоевании Грузии, установили ежегодно праздновать обретению ее 10-го числа июля, по сочиненному на сей случай крутицким митрополитом Киприаном канону, устроили в соборе для хранения оной медный шатер с прорезными травами, слюдою подложенными. Ныне поставлена там плащаница. Верующие, приходя в собор, сподобляются лобызать гвоздь господен, хранимый в золотом четвероугольном ковчеге, вывезенный в Россию 1686 года грузинским царем Арчилом, и ризу пресвятой богородицы, принесенную в дар первопрестольной церкви ближним бояриным, хранителем Государственной печати и Посольских дел оберегателем князем Василием Васильевичем Голицыным. Входя северными дверями с левой стороны подле алтаря в приделе св. апостол[ов] Петра и Павла опочивают нетленные мощи Петра митрополита всея России. Память его совершает св. церковь в день преставления его 21 декабря. В заглавии поставлен образ сего святителя, им самим писанный. В. к. Василий Иоаннович 1533 года украсил гроб его чеканным изображением из золота во весь рост с яхонтами на венце, а с четырех сторон всю раку обложил серебром. Петр митрополит явился в сонном видении царице Анастасии Романовне и повелел ей, чтоб она воспретила раскрывать гроб его и наложила бы печать свою на оный. Благочестивая Анастасия исполнила завет сей и с тех пор учредился августа в 4-й день праздник проявления святых его мощей, пред которыми начали тогда возжигать свечу пудового веса. Навлекшие на себя подозрения в верности Иоанну IV бояре: кн. Иван Иванович Пронский, кн. Василий Михайлович Глинский, кн. Иван Дмитриевич Бельский и кн. Михайло Иванович Воротынский, приводимы были к присяге пред

гробом св. Петра. При разорении в 1612 году Москвы поляки похитили золотое изображение св. Петра и все серебро с гроба содрали; но Михаил вскоре по воцарении своем снова обложил серебром чудотворцеву раку, на которой в трех кругах начертано было житие его. Святотатственная рука Наполеона, в чаянии добычи, сняла Анастасьину печать и лишила оный наружных украшений; но благочестием верующих ныне сооружен вновь сему первопрестольнику памятник великолепнейший. Со времени освящения в 1803 году собора мощи св. Петра митрополита остаются доныне открытыми.

Входя западными дверями в церковь, по левую сторону задней стены в углу мощи св. Ионы митрополита всея России. Раку святителю из чеканного и прорезного серебра с сению соорудил царь Федор Иоаннович. На серебряной вызолоченной деке описано житие его и канон ему. К порадованию верующих просвещенные варвары XIX века пощадили сей памятник благочестия и по неисповедимому чуду алчность корыстолюбивых завоевателей не прикоснулась к нетленным мощам сего угодника божия. Церковь празднует память его в 15-й день июня. Входя южными дверями в собор, на правой стороне возле иконостаса в серебряной раке, под сению покоятся священные остатки св. Филиппа митрополита всея России. На двух сторонах раки в четырех серебряных золоченых кругах начертано благочестивое житие его, страдальческая кончина и перенесение мощей из Соловецкого монастыря в царствующий град. Церковь празднует память его в 9-й день января. Цари всея России, достойно чтившие добродетель сих трех иерархов московских, обогатили гробницы их бархатными покровами, низанными жемчугом, с каймами, золотом шитыми.

Три митрополита: Феогност, Киприан и Фотий также сопричислены к лику святых. Церковь чтит память их, но не празднует особенно каждому. Мощи первого положены близ раки св. Петра митрополита; св. Киприана и Фотия, входя южными дверями в церковь, на левой стороне за медным шатром; вошед же северными, на правой стороне подле стены стоят четыре гроба митрополитов: Геронтия, Симона, Макария и Афанасия. После Афанасия было пять митрополитов: святой Филипп, Кирилл IV, Антоний, Дионисий и Иов; в лице его московская и всея России митрополия прекратилась, а учреждено было в 1589 году патриаршество.

12. Гробницы патриархов

На полуденной стороне в четырех гробницах погребены патриархи московские и всея России: ближе к южным дверям Иов *, за ним Филарет, Иоасаф I и Иосиф. При входе в западные двери, на правой стороне у стены близ медного шатра, еще пять гробниц: Гермогена, Иоасафа II, Питирима, Иоакима и Адриана. Всех патриархов российских было десять, а одиннадцатого грека Игнатия, облеченного в сей святительский сан по произволу Лжедмитрия, церковь не признает законным и отвергает его как еретика. Гробниц патриарших в Успенском соборе только девять, потому что Никон погребен в Воскресенском монастыре, который им создан и назван Новым Иерусалимом.

13. Напрестольные евангелия

1. Евангелие древнее, называемое с юсами, писано в лист на пергамене; верхняя дека золотая, украшена разноцветными драгоценными каменьями и жемчугом. Во дни новолетия, сентября 1-го, патриархи по оному возглашали всенародно под сводом небесным чтение.

2. Евангелие греческое на пергамене древнее, верхняя доска на нем, средник и евангелисты золотые чеканные, украшены алмазами, изумрудами, яхонтами и жемчугом. Читают его в день св. Пасхи на литургии.

3. Евангелие славянское, писано уставом в четвертую долю листа, верхняя дека обнизана жемчугом. С сим Евангелием в прежние времена патриархи езжали на осляти в неделю ваий.

4. Евангелие большого формата, на поминовение боярина Бориса Ивановича Морозова, от наследников его в 1671 году взнесенное.

5. Евангелие печатное на полуалександрийской бумаге; на деке серебряной вырезана с трех сторон надпись, означающая вклад оного царем Феодором Алексеевичем в 1681 году.

6. Евангелие большое, отпечатанное 1689 года во весь александрийский лист без перегибки; евангелисты, поля, каймы, заставицы и начальные слова расписаны красками, серебром и золотом. Верхняя дека и застежки золотые, украшенные множеством крупных алмазов, изумрудов и яхонтов. Оно оценено в 200 000 рублей. Сие Евангелие так тяжело, что один диакон носить его не сможет. Кругом деки по краям эмалевая надпись, из которой явствует, что сия драгоценность устроена 1693 года царицей Натальей Кирилловной и прислана ею

* ℔. Мощи Иова патриарха перевезены из Старицы в 1651 году. **(Примеч. авт.)**

в Успенский собор декабря 25-го на праздник Рождества Христова.

Кроме сих шести евангелий, есть еще письменных старых и печатных четырнадцать, из которых некоторые низаны по местам жемчугами, а другие иные обложены золотом, серебром, и одно каждое от другого вековыми достопамятностями отличаются. В числе сих любопытно видеть келейное Евангелие св. Ионы митрополита, им самим писанное, и другое собственноручное ж царевны Ирины Михайловны, превосходно уставным письмом начертанное. Сия старшая дщерь Михаила Феодоровича обречена была в замужество сыну датского короля Христиана IV, графу Шлезвиг-Голстинскому Волдемару; но брак сей, за несогласием королевича на перемену вероисповедания, не состоялся. Он уехал из Москвы, а она все дни уединенной девической жизни посвятила благочестивым упражнениям.

14. Св[ятые] кресты

1. Крест царя Константина, обделанный золотом и украшенный каменьями и жемчугом, со вложенной во оный святыней, прислан из Афонской горы и хранится в серебряном кивоте с затворами. К нему приделано серебряное вызолоченное рукоятие, на котором вырезан с одной стороны тропарь: «Спаси, господи, люди своя и благослови достояние свое, победы благоверному царю нашему Феодору на супротивные даруяй», а на другой начертано: «Имея веру непостыдную и исполняя заповеди божия, победить враги своя». По словесному преданию, сей крест носим был на груди Петра Великого во все время шведской войны и защитил его от пули.

2. Крест кипарисный, на котором распятие отливное золотое, по местам вставлены драгоценные каменья. Он выносится из соборной верхней ризницы три раза в год: в неделю крестопоклонную, на происхождение честных древ и на праздник Воздвижения креста господня.

3. Крест с мощами, у которого верхняя дека золотая с муссией, украшенная алмазами и яхонтами и обнизана бурмицкими зернами.

4. Крест золотой с дорогими каменьями, принесен в дар собору от ближнего боярина, слуги и конюшего Бориса Федоровича Годунова в 1594 году, на память рождения племянницы его царевны Феодосии Федоровны.

5. Крест серебряный сканого дела с финифтью, вызолоченный и украшенный каменьями и крупным жемчугом — вклад думного дворянина Игнатия Петровича Татищева в 1595 году.

6. Крест из самого чистого восточного хрусталя с серебряным позолоченным рукоятием, на котором вырезано, что в 1604 году прислан в почесть Иову патриарху от князя Василия Константиновича Острожского.

7. Крест серебряный с мощами, данный 1647 года в соборную церковь к ризе господней по Максиме Григорьевиче Матюшкине.

8. Крест большой золотой гладкий, украшенный алмазами, изумрудами, яхонтами и лалами, сделан по повелению государей царей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича, при патриархе Иоакиме 1683 года августа 14-го из соборного золота.

9. Крест большой длиной 17 вершков на серебряном вызолоченном поддоне, обложен чеканным золоченым серебром с финифтью и украшен алмазами, яхонтами и изумрудом. Сей крест поступил в собор 1689 года из дому знаменитого боярина князя Василия Васильевича Голицына, при описи в казну имения его.

15. Сосуды служебные

1 и 2. Два потира св. Антония: один из оникса восточного, а другой яшмовый. Оба взяты при покорении Новгорода в. к. Иоанном III в 1475 году из монастыря св. Антония Римлянина и внесены в Успенский собор. Поддон яшмового потира обделан яхонтами, его употребляют при служении божественной литургии на память св. Петра митрополита.

3. Потир и дискос золотые гладкие, в них весу 7 фунтов 72 золотника, к ним приделана звезда с двумя блюдцами серебряными в 1585 году, по повелению митрополита Дионисия.

4. Дискос золотой с резьбой, весу в нем два фунта 63 золотника.

5. Потир серебряный позолоченный — вклад царя Алексея Михайловича и царицы Марии Ильиничны в 1653 году.

6. Потир, дискос, звезда, два блюдца, лжица и копье золотые, украшенные драгоценными каменьями; в них весу 30 фунтов 38 золотников — вклад царя Феодора Алексеевича. Упомянутые четыре потира употребляются во дни дванадесятых праздников и по воскресеньям.

7. Сосуды золотые со всей к ним принадлежностью, осыпанные бриллиантами и яхонтами, весу в них 6 фунтов 48 золотников, посвящены соборной церкви Успения императрицей Екатериной II в 1775 году, для принесения в первопрестольной столице усерднейшего ее благодарения господу сил за победы над Портой Оттоманской. Императрица, вошед в алтарь, сама поставила сии сосуды на жертвенник.

8. Потир и дискос со звездой, двумя блюдцами, лжицей и копьем, принесенные в дар собору государем императором Александром

Павловичем, на память того, что устроены в столице врага, столь чудесно силой всевышнего изгнанного из пределов нашего отечества. На гладком потире изображено в двух кругах распятие и воскресение Христово; на рукоятии орел с вензелевым именем императора; по поддону вычеканено: «Рождество Христово, поклонение волхвов, Благовещение, несение креста на Голгофу», и между каждым изображением помещены серафимы; по краям поддона вырезана надпись: «В пребывание императора Александра Первого в Париже 1814 года». На дискосе посредине изображен агнец божий, по сторонам богоматерь и архангел Гавриил, вверху дух святой в сиянии. Звезда гладкая ж с вычеканенным на ней в кругу посредине образом Спасителя в терновом венце, а под тем начальная буква имени императора под короной. На лжице и копьях распятие господне и российский императорский герб. Сии сосуды предназначены для архиерейского служения во дни знаменитых торжеств и тезоименитств государевых.

9. Потир, выточенный из мамонтовой кости собственными трудами государыни императрицы Марии Феодоровны, с подписью на поддоне: «На память благополучного возвращения моего любезного супруга из похода против шведов 18 сентября 1788 года, собственных трудов моих. Мария». При нашествии в 1812 году врагов на Москву соборная ризница перевезена была в Вологду и сей сосуд в дороге несколько повредился. Когда дошло о том до сведения благочестивейшей государыни, то, вытребовав к себе, изволила исправить его и, украсив снова алмазами и гранатами с присовокуплением к тому дискоса, золотой звезды, тарелочек, лжицы и копья, препроводила в Москву. Их употребляли при священнодействиях во дни рождения и тезоименитства августейшей вкладчицы.

16. Сосуд, при миропомазании на царство употребляемый

Сосуд яшмовый древней работы с покрышкой, над которой сделан золотой змий, согнутый в кольцо. При коронациях помазывают из сего сосуда святым миром благочестивейших государей царей и императоров всея России; прислан из Греции Владимиру Мономаху и по незнанию назван тогда сердоликовой коробьицей. Форма ее овальная.

17. Ризница соборная

Для облегчения составляющим штат собора протопопу, двум ключарям, четырем священникам, протодиакону и четырем диаконам находится много риз и стихарей; замечательнейшие же из них суть следующие: 1. Ризы и стихарь из атласа золотного, оплечья на них из красного бархата, по которому вынизаны жемчугом травы. 2. Ризы с стихарем парчовым золотым, оплечья низаны жемчугом и по местам вставлены 22 дробницы золотые. 3. Ризы с стихарем парчовым серебряные, также с низанными жемчугом оплечьями. 4. Ризы серебряные же парчовые, по оплечью вынизаны жемчугом травы, а по местам вставлены разноцветные камни. 5. Трое риз синих бархатных с подризниками, епитрахилями, стихарями, орарями и поручами, с двумя на престол и жертвенник одеждами и покровами, с четырьмя чехлами и пеленами на налое, с одним набедренником и палицей, все шиты золотом, обложенные золотой же бахромой, присланы 1767 года к празднику св. Пасхи от императрицы Екатерины II. 6. Ризы парчовые золотые с серебром, оплечье низано крупным дорогим жемчугом и по местам украшено каменьями с вышитой подписью, также устроены Екатериной II в 1768 году. 7. Полное облачение из парчи золотой с серебряными травами, обложенное вязаньем золотным на алой фольге, одежда на престол и на налой, три воздуха и пелена к образу Владимирской богоматери светло-зеленого атласа, покрытая вязаньем золотным на фольге ж с золотыми кистями, бахромами и крестами из лалов. Над сим облачением трудилась сама императрица Екатерина II два года и три месяца и прислала оное в Успенский собор 1779 года к празднику св. Пасхи. 8. К тому же торжественному в 1813 году празднику Воскресения искупителя нашего императрица Елизавета Алексеевна изволила прислать в собор двое риз с стихарями и со всеми к ним принадлежностями парчовые, украшенные вышитыми из блестков каймами, гасами и кистями золотыми, и по две одежды на престол, жертвенник и налой с воздухами и пеленами. Дар утешительный для сетовавшей тогда церкви о расхищении дома божия от иноплеменных, провозвестил разоренным жителям царское о Москве попечение и вселил отраду в сердца их. 9. Императрица Мария Феодоровна также снабдила Успенский собор в феврале месяце 1815 года полным облачением для протоиерея и протодиакона с тремя воздухами, вышитыми по белому атласу золотой битью и канителью с блестками. 10. Ризы для всех соборных священников бархатные малинового цвета с вышитыми золотом на оплечьях под крестом словами: «Сим победиши враги», сделаны по взятии в 1814 году марта 19-го Парижа. В сии ризы облачаются при торжествах благодарственных за победы. Недавно устроены вновь ризы светло-голубые бархатные, обложенные

златотканой сеткой для облачения в празднуемые дни восшествия на всероссийский престол, коронации, рождения и тезоименитства государя императора Николая Павловича. Сверх того хранятся в соборной ризнице: семь епитрахилей, двое поручней и три набедренника, все низанные жемчугом; стихарь парчовый, оставшийся от облачения архидиаконов, с которыми служивали патриархи; оплечье на нем низано жемчугом, по местам несколько дробниц с изображением святых, также обнизанные жемчугом; воздух большой, на нем крест с подножием, копье и трость вынизаны крупным кафимским жемчугом; в кресте 47 запон золотых с каменьями; кругом креста адамова голова и весь тропарь во гробе плотски и проч. вынизаны жемчугом. Принадлежащие к сему воздуху два покрова также унизаны все жемчугом; плащаница по бархату вишневого цвета, шитая золотом и серебром, а опоясание на спасителе вынизано жемчугом с каменьями; пелена к Спасову местному образу с крестом жемчужным и крупными каменьями; пелена к образу Владимирской богоматери; на ней крест с запонами, трость и копье низаны крупным жемчугом с драгоценными каменьями. Из надписи на той пелене значится, что она начата была по повелению царя Алексея Михайловича и совершена уже по кончине его; пелена на налой из чешуйчатой персидской парчи с каймой, изображающей жемчугом травы и цветы; в травах 48 запон золотых с каменьями, в средине крест четвероконечный из жемчуга. Сия пелена сделана на память кончины боярина Морозова.

18. Разная утварь церковная

Пять лжиц: корольковая, хрустальная, перелефтевая со стеблем, перелефтевая ж сгибная и золотая.

Ложка чудотворца Ионы из кости рыбьей.

Два сиона, прежде иерусалимами называемые, оба серебряные, одно большое весом 1 пуд 11 фунтов, другое малое в 11 фунтов 67 золотников, изображающие подобие церквей с главами и крестами. На первом из них надпись, означающая устроение оной при господаре всея Руси великом князе Иоанне Васильевиче. Оба сиона вынашивались в крестные хождения: малое употреблялось в меньших крестных ходах, а большое в великих.

Ушат серебряный с четырьмя скобами и крышкой весом 2 пуда 46 золотников, сделанный по повелению царя Алексея Михайловича и царицы Марии Ильиничны 1653 года, служил на потребу при водоосвящениях; а в вербное воскресенье ставили в оном финиковые ветви, ежегодно патриархом выписываемые из Палестины для царя, царицы, царевичей и царевен.

Ведро серебряное, внутри и снаружи вызолоченное, в 10 фунтов, для черпания на Иордани святой воды; вклад царя Алексея Михайловича 1659 года, с надписью.

Кружка серебряная резная с рукоятью, называемая Лебедью. Из нее патриарх сподоблял царя богоявленской водой; боярам же раздавалась святая вода в кратерах и ковшах серебряных.

Стопа серебряная круглая с четвероугольным рукоятием, на ней в двух кругах подпись.

Ковш гладкий серебряный, в средине коего вырезан орел двоеглавый, а на исподи три подписи.

Ковш серебряный, принесенный в дар 1720 года от Игнатия митрополита сарского и подонского.

Две водосвятные чаши серебряные с поддонами, снаружи и внутри вставлено в каждую по 32 личины золоченых с подписями. У обоих чаш на дне изображено по одному золоченому раку.

Цедилка серебряная с стеблем, сквозь которую пред святой литургией процеживается вино церковное; на стебле золоченом вырезан 1658 год и месяц ноябрь 1.

Два серебряные позолоченные сосуда, поставляемые на всеночных для благословения хлебов с пшеницей, вином и елеем.

Венцы золотые, которыми венчались во соборе одни только цари; есть и другие серебряные для сродников царских.

Блюдо золотое овальное, в длину 18, а в ширину 9 вершков, доставленное собору князем Потемкиным, на память завоевания полуострова Крыма.

Фимиамница золотая с ободом, алмазами осыпанным, его же вклада.

Кадило золотое, на нем три херувима отливные; поддон гладкий, поддерживаемый тремя чеканными изображениями — Веры, Надежды и Любви; на крышке ангел, держащий в одной руке крест, а в другой пламенеющее сердце; весу в нем с цепями 1 фунт 69 золотников.

Есть и еще несколько древних и новых кадильниц, ладониц, ковшей, копий серебряных с позолотой. Вся сия утварь при нашествии в 1812 году неприятеля на Москву вывезена была в Вологду и сохранена; но висевшее посреди церкви большое серебряное местами позолоченное паникадило сделалось добычей любостяжательного Наполеона. Оно посвящено собору 1660 года апреля 13-го от боярина Бориса Ивановича Морозова, весу в нем было 113 пудов; тогда пуд серебра стоил 280 рублей; на позолоту употреблено 2000 червонных, которые ценились в то время по рублю; за ра-

боту заплачено 2000 рублей, делано в Венеции и по тогдашней цене обошлось в 35 600 рублей. За сей щедрый вклад установлено ежегодное по боярине Морозове поминовение ноября 1-го в день кончины его. Император Александр I заменил сию утрату присылкой на то место большого серебряного новейшей работы огромного паникадила в 20 пудов. Расхищенные святотатцами десять серебряных лампад, пред местными образами стоявшие, и пудовый тройной подсвечник пред иконой Владимирской богородицы, также все вновь искуснее прежних сделаны.

19. Рукописные книги

При Успенском соборе есть и книгохранилище. Кроме церковных печатных книг находится в оном 76 древних рукописей духовного содержания. Все они поступили от разных лиц на поминование. Из числа их замечательнейшие суть: Григория Богослова две книги, взнесены в собор 1641 года по кончине патриарха Иоасафа I, Дионисия Ареопагита две книги — вклад патриарха Адриана в 1695 [году]. Златая Струя — вклад Симона митрополита всея России в 1505 году. Поучения Иоанна Златоустого принадлежали прежде чудотворцу Дионисию, а потом святому Иоанну на Сосновице. Книга Правильная — вклад боярина и дворецкого Григория Васильевича Годунова. Псалтирь — вклад боярина и конюшего Дмитрия Ивановича Годунова в 1600 году. Миней месячных четьих 12 книг — вклад митрополита Макария и плод двенадцатилетних трудов его. Святой Димитрий митрополит ростовский, при сочинении и приведении в порядок изданных в печать четьих-миней, руководствовался сей Макарьевой рукописью.

20. Царские места и патриаршее

При входе в собор из южных дверей, на левой стороне царское место четвероугольное орехового дерева резное, сделано при Владимире Мономахе для предстояния в соборной Киевской церкви. По восстановлении великокняжеского престола во Владимире Андрей Боголюбский достал из Киева сей прародительский трон и поместил его во Владимире; а великий князь Иоанн Даниилович перенес его в Москву и поставил в Успенском соборе, где доныне пребывает, как древность драгоценнейшая. Во время приготовления к коронации императрицы Екатерины I доложено было императору Петру Великому, не прикажет ли он сей памятник, от многих лет потемневший и не весьма благообразный, вынесть из собора? На сие император сказал: «Я чту сие место драгоценнее золотого за его древность, да и потому что все державные мои предки, российские государи, на нем стаивали».

Пред левым клиросом поставлено место для царской фамилии четвероугольное, оно осенено балдахином, который повершается государственным гербом. Из старинной на нем подписи значилось, что прежде оно стояло в церкви Рождества богородицы во дворце на сенях и оттуда при царе Алексее Михайловиче снесено в Успенский собор.

У правого столба место митрополита всея России, переименованное потом патриаршим, каменное с шатром, а над ним крест, вверху шатра надпись. Тут поставлен посох св. Петра митрополита, взятый из рук Никона патриарха в то время, как он, лишен будучи сана, послан был в заточение. По учреждении Святейшего Синода 1721 года декабря 20-го приказано было от членов словесно, а 1722 [года] октября 23-го и письменно подтверждено сей посох снять, прежней почести патриаршему месту каждением не отдавать и облачальный патриарший амвон из собора вынесть. В том же повелении упомянуто было и о свече пудовой при гробе Петра митрополита: переделывать в фунтовые и светить.

21. Крестные ходы

Крестные ходы принадлежат к давнейшим обрядам Успенского собора и доныне без всякой перемены отправляются по прежним чиноположениям. Главных крестохождений в году бывает двенадцать.

Первый — января 6-го, в день Богоявления, на Москву-реку для водосвящения, в воспоминание восприятого господом нашим Иисус[ом] Христом крещения от Иоанна в Иордане.

Второй — в день Преполовения пятидесятницы на Москву же реку для водосвящения. Прежде сего по стенам Кремля, Китая и Белого города хаживали архимандриты и протопопы кропить город водой, освященной на Спасских воротах.

Третий — празднество иконе Владимирской богородицы, совершаемое мая 21-го, на память благодарственную за избавление Москвы в 1527 году от нашествия крымского хана Магмет-Гирея. Со крестами ходят в сей день из Успенского собора в Сретенский монастырь.

Четвертый — июня 23-го туда же и во славу той же иконе Владимирской. Ход сей установлен великим князем Иоанном Васильевичем и митрополитом Геронтием в 1480 году, по случаю прогнания ордынского царя Ахмата от берегов Угры.

Пятый — июля 8-го в Казанский собор, что в Китае, на память великих чудес предстатель-

ством пресвятой богородицы от иконы ее, в Казани того числа явившейся. Памятно для России празднество сие в 1689 году по случаю ссоры, происшедшей у семнадцатилетнего Петра I с сестрой его царевной Софьей за присвоенное ею в ходу самовластие, следствием чего было отрешение царевны от соправительства.

Шестой — июля 20-го к церкви Ильи Пророка, что на Воронцовом поле. Сие крестное хождение издавно учреждено для моления о благорастворении воздухов и о изобилии спеющих в сие время плодов земных.

Седьмой — июля 28-го в Новодевичий монастырь продолжается с построения оного, по изволению великого князя Василия Иоанновича, на память чудес от образа Смоленской богородицы, который во время войны был захвачен в Москву, отпущен обратно в Смоленск.

Осьмой — августа 1-го, в праздник происхождения честных древ, на воспоминание чудес, содеянных животворящим крестом над греческим императором Мануилом и великим князем Андреем Боголюбским, одержавшими в сей день победы: первый восторжествовал над сарацинами, а второй над болгарами. Сие крестное хождение для водосвяти установлено в Греции патриархом Лукой.

Девятый — августа в 19-й день празднуют иконе Донской богородицы с крестным ходом в монастырь, созданный во имя ее, по обету царя Феодора Иоанновича, за спасение Москвы от нашествия в 1591 году крымского хана Казы-Гирея со всей Ордой.

Десятый — августа 26-го в Сретенский монастырь, на воспоминание Сретения в 1395 году иконы Владимирской богоматери, чудесно спасшей Москву от Тамерлана.

Одиннадцатый — октября 1-го в Покровский собор, воздвигнутый царем Иоанном Васильевичем в потомственную память покорения державой Российской царства Казанского.

Двенадцатый — октября 22-го в Казанский собор, построенный боярином князем Дмитрием Михайловичем Пожарским, где находится преукрашенная им икона Богоматери, из Казани присланная и сопровождавшая войско его при отнятии в тот день 1612 года у поляков Москвы. До построения Казанского собора сей крестный ход бывал в приходскую церковь князя Пожарского ко Введению, что на Лубянке, где прежде стоял тот образ Казанской богородицы. Подвиг незабвенного дня сего празднуется ежегодно в продолжение двух столетий, и на Лобном месте всенародно воспевается хвала пресвятой деве Марии, да незабвенно пребудет в роды родом спасение отечества. То же чувствование благодарности ко всемогуществу за спасение России убедило и в наше время учредить крестное хождение около Кремля [в] 11-е число октября, или в первый после того воскресный день, на воспоминание выхода из Москвы наполеоновых полчищ; а 25 декабря отправляется во всех пределах империи молебствие с коленопреклонением за избавление церкви и державы Российской от нашествия галлов и с ними двадесяти язык.

Сверх того за неделю до праздника Успения божьей матери уставлены издревле крестные ходы на заутренних из ближних монастырей и соборов в Успенский собор; а в неделю св. Пасхи, начиная с понедельника, из Успенского собора в ближние соборы и монастыри. Обряд больших крестных ходов наблюдается по следующему чиноположению церковному: всех шести сороков Китайского, Пречистенского, Никитского, Сретенского, Ивановского и Замоскворецкого священники и диаконы от московских церквей собираются при благовесте к обедне в Успенский собор, и там распоряжается духовным начальством шествие их. Напереди носят четыре соборные хоругви, на высоких древках развевающиеся, за которыми идут приходские диаконы, а за ними священники по два в ряд; потом несутся некоторые по древнему назначению иконы из всех соборов, из пяти монастырей и двух приходских церквей в сопровождении протопопов; за сими синодальные певчие оглашают воздух хвалебным пением; десять приходских священников несут большой Херсонский крест, а огромный фонарь восемь диаконов; образ Владимирской богоматери вверяется соборным пресвитерам, пелену ж от оного поддерживают ключари; тут идет успенский протопресвитер, за ним архимандриты, за сими следуют соборные диаконы с воздвизальным крестом на мисе и с напрестольным евангелием; в заключение ж всей процессии шествует митрополит с архиепископами и епископами.

До исхода XVII столетия из Разрядного приказа рассылалось расписание на имена бояр, окольничих, думных дворян и думных дьяков, кому из них надлежало препровождать святые иконы из соборов и монастырей.

22. Церковные обряды отмененные

Неизменяемое верование свято хранит и самые обряды, по уставам издревле в молитвенных храмах наблюдаемые; но отмещет случайно вкравшиеся. Таковы суть: вербное действие и пещное действие.

Первое совершалось в неделю ваий (цветоносное, или вербное воскресенье) с следующим обрядом: крестному из Успенского собора ходу на Лобное место предшествовало низменное шестью лошадьми запряженное возило, на котором утверждалось огромное искусст-

венное древо ветвистое, распещренное цветами и обвешанное разными плодами; под ним стояли три отрока в белых одеждах, подобие ангелов, и пели: «Осанна в вышних! Благословен грядый во имя господне». За сим следовало духовенство в парчовых ризах с хоругвями, крестами, иконами и кадильницами; за духовенством первостепенные бояре и царский синклит по три в ряд с настоящими и искусственными вербами. Потом при колокольном в целой Москве звоне шествовал царь во всем великолепии, придерживающий одной рукой конец узды, а другой нес финиковую ветвь, являя свое смирение пред входящим в Иерусалим Христом-спасителем, которого представлял тогда ехавший на покрытом белой тканью осляти патриарх, спустя обе ноги на одну сторону, облаченный в святительскую одежду, блистающую драгоценными каменьями и золотом, и держа в левой руке евангелие, а в правой крест, которым осенял народ. Пред ним множество юношей падали ниц, устилали путь сукнами. Патриарха с обеих сторон охраняли и сопровождали митрополиты, архиепископы, епископы и архимандриты. Клир патриарший с превеликими (ослочными) свечами воспевал тропарь праздничный. За клиром шли гости и лучшее купечество с народом. По отправлении на Лобном месте молебствия патриарх снова благословлял народ, и вся сия процессия тем же порядком возвращалась в собор. Такое же торжество отправлялось и во всех городах, где только находились архиереи, а осля под ними важивал воевода царский. Вероятно, что царь Борис Годунов ввел обряд вербного действия, скрывая под сим уничижением необузданную гордость свою и обольщая всех великолепием сего зрелища. Царь Василий Шуйский поддержал сию смиренную пышность. Царь Михаил, чтя в патриархе отца своего, не имел причины отменять прежде введенного обыкновения. Царь Алексей Михайлович, испытав на себе неограниченную меру патриаршего властительства, по низложении Никона, уклонялся от исполнения сего обряда, и выходы царские в сей день редко бывали.

В 1678 году при царе Феодоре Алексеевиче патриарх Иоаким гласным изложением воспретил отправлять вербное действие во всех других городах и уподобляться архиереям патриарху, а воеводам самому царю, как обряд при бывших в России мятежах случайно введенный, которому в древних преданиях церковных не нашлось и примера. Но при том же патриархе юные цари Иоанн и Петр, охраняемые четырьмя боярами, держали осля за узду. С возрастом Петра Великого и с уничтожением патриаршества в России сия духовная процессия в 1689 году совсем уничтожилась.

Пещное действие бывало в неделю праотцев пред Рождеством Христовым, в воспоминание невредимого жжения в пещи трех отроков. Против царских дверей на том месте, где амвон, поставлялась пещь. Патриарх прихаживал в соборную церковь в предшествии трех отроков, одетых в стихари с цветами на головах. Они представляли Ананию, Азария и Мисаила; а при них два халдея с пальмами, одетые в коротком платье с шеломами, сиречь туриками на голове. Все они воспевали пред патриархом стих: «Благословен еси, боже отец наших, хвально и прославленно имя твое вовеки». На заутрени, по шестой песни канона, халдеи выводили из алтаря северными дверьми трех отроков за концы полотенец, которыми опутаны были шеи у них, и ставили их пред патриархом. Святитель, благословив их, давал каждому по свече, а они воспевали хвалу господу. После чего халдеи разрешали отроков и одного за другим отводили в пещь, огнями освещенную, и умножали там огонь трубками с плывучей травой, производящей пламя. Ключари вдруг с громом и треском спускали сверху ангела; три отрока, поклонясь ему до земли, схватывали его за крылья и, держась за него, обходили три раза в пещи кругом с пением. Халдеи же от страха упадали и опаляемы были от диаконов трубками их. Отроки зажигали три свечи в венце у ангела, который по данному знаку подымался вверх; после чего халдеи выпускали отроков из пещи и приводили их пред патриарха, которому воспевали исполаити деспота, а певчие на оба клироса возглашали многолетие государю. Из Чиновника соборного значится, что пещное действие происходило 1627 года и потом прекратилось.

Летопровождение

Новый от мироздания год, со введением в России христианской веры, начинался в марте месяце; но при великом князе Василии Димитриевиче митрополит Киприан, подражая грекам того времени, ввел новое летосчисление с сентября. Митрополит Зосима в 1505 году созвал епископов для уложения церковной пасхалии на осьмое тысячелетие, и за правило положил начинать год с 1 сентября. Сей день новолетия празднуем был в Кремле с особенной церемонией. На Царской площади между Архангельским собором и дворцом делали возвышенный помост, красным сукном обитый; на нем поставляли три налоя с богатыми пеленами: для иконы св. Симеона Столпника, другой для чтения св. евангелия патриарху, третий для архидиакона; за налоями стоял стол, также покрытый пеленой, с большой серебряной водосвятной чашей. Против праздничной ико-

ны устраивались два места: Царское возвышенное на три ступени и оболакивалось в виде шатра золотой парчой, а патриаршее с двумя ступенями покрывалось разноцветными коврами. Когда духовенство с образами начинало выходить из Успенского собора, тогда и царь появлялся из чертогов своих при звоне колоколов. По освящении воды патриарх осенял св. крестом, кропил водой государя и народ и говорил поздравительную речь, оканчивая оную восклицанием: «Здравствуй царь-государь! Нынешний год и в предыдущие многие лета в роде и вовеки».

После того подходили духовные власти здравствовать государю, а за ними бояре и старейший из них приветствовал другой речью.

Петр I декабря 20-го числа 1699 года приказал всенародно объявить в Москве: «Известно ему великому государю стало, не только что во многих европских христианских странах, но и в народах славенских, которые с восточной православной нашей церковью во всем согласны, как волохи, молдавы, сербы, далматы, болгары и самые его великого государя подданные черкасы и все греки, от которых вера наша православная принята, все те народы согласно лета свои счисляют от Рождества Христова, в осьмой день спустя, то есть генваря с 1-го числа, а не от создания мира, за многую рознь и считания в тех летах. И ныне от Рождества Христова доходит 1699 год, а будущего генваря с 1-го числа настанет новый 1700 год, купно новый и столетний век. И для того доброго и полезного дела указал великий государь впредь лета счисляти в приказах и во всяких делах и крепостях писать с нынешнего генваря с 1-го числа от Рождества Христова».

Когда наступил сей день, то отправлено было в Успенском соборе о благоденственном начатии года и провозглашения многолетия царю; со звоном колоколов московских раздалась пушечная и оружейная пальба от солдатских полков, на Красной площади в параде расставленных. В вечеру сожжен был большой фейерверк и весь город шесть вечеров сряду был иллюминован, и немедленно разосланы были указы во все государства начинать год в генваре. Сим решительным действием державный преобразователь России опередил полет самого времени. С новым веком и новым годом начал он все перемены, которые предполагал необходимыми для сближения россиян с европейскими народами.

Действие страшного суда

В последнее пред масленицей воскресенье отправлялась процессия, называвшаяся действием страшного суда. Пред алтарем Успенского собора воздвигали такой же помост с царским и патриаршим местами, как в летопровождение. Посредине ставили образ страшного суда. Патриарх после водосвящения также благословлял царя, осенял народ и кропил водой.

При малолетстве Петра I и сопрестольного ему Иоанна V сие действие совершалось в соборе для предохранения их от жестокой стужи; а вскоре потом и совсем отменено.

23. Государственные церемонии, в Успенском соборе совершаемые

В великой церкви Успенского московского собора в продолжение четырех уже столетий совершаются важнейшие государственные действия и заимствуют от того освящение и торжественность.

Главнейшим из оных есть миропомазание на царство или коронование государей всероссийских. Со времен Иоанна Данииловича Калиты все великие князья московские возводимы были на престол во Владимире, но первый из них Василий Васильевич Темный в 1432 году всенародно посажен был на трон в Москве у золотых дверей Успенского собора послом ордынского царя Магомета царевичем Уланом; по вступлении ж в соборную церковь совершено было тогда над ним и духовное освящение молитвами пастырей церковных. С тех пор город Владимир утратил навсегда право своего первенства, и венчание государей на царство совершается доныне беспрерывно в Успенском соборе.

Избрание и наречение на царство Михаила Феодоровича

Во время междуцарствия в России управлявший государством великий Земский совет созвал в царствующий град Москву из всех городов духовных властей, служилых царей и царевичей, бояр, окольничих, дворян, детей боярских, гостей и всяких чинов людей для совещания о избрании на осиротевший престол государя. Февраля в 21-й день все они стеклись в Успенский собор и по принесении усерднейших молитв вседержителю единодушно и всенародно провозгласили царем всея России Михаила Феодоровича Романова-Юрьева, племянника царю Феодору Иоанновичу, последней отрасли Рюрикова поколения, и в том же святом храме на уложенной с общего согласия записи крест целовали в нерушимом соблюдении подданической верности избранному самодержцу. Потомство их доныне присягает в том царствующим потомкам его.

Свадьбы царские

Бракосочетания царские до построения новой столицы на берегах Невы совершались в

сем же первопрестольном храме. Царей сочетовали митрополиты, иногда патриархи, а чаще всего духовники царские со всеми обрядами, заимствованными от греческой церкви, и с некоторыми наблюдениями старинных народных обычаев. Иоанн III, отпуская дочь свою великую княжну Елену, обрученную за великого князя литовского, вручил ее послам Александровым в соборе Успенском.

Объявление народу наследников престола

В древние времена, по вступлении великокняжеских детей в десятилетний возраст, наблюдался особенный обряд, названный постригами. Их вводили в храм, где первосвященник, остригши у юноши отрощенные в детстве волосы, с молитвой и благословением возлагал на него броню и препоясывал мечом. По выходе из святилища сажали ополченного на коня и при радостных восклицаниях шествовали с ним на пир, во дворце приготовленный. Придерживаясь сей торжественности, издревле установленной, российские государи XVII века являли народу сыновей своих царевичей, назначаемых преемниками престола. Созвав во дворец бояр, государь обращал к ним речь такого содержания, что приспело время и час отдать ему сына своего в послужение богу, ввести его во святую соборную апостольскую церковь и всенародно объявить. После чего шествовал государь с юным царевичем в Успенский собор и, представив его патриарху и собравшемуся там духовенству, выводил со святыми крестами на устроенное пред собором возвышенное место и являл его всему народу.

Избрание, наречение и посвящение митрополитов Всероссийских и патриархов также в Успенском соборе происходило. Иногда сами цари назначали, кому вверить кормило православной церкви и верховное во всей России начальство духовное, а иногда избирали нескольких и посылали к собравшимся в соборе архиереям жеребьи, которые вынимались при молебном пении пред образом Владимирской богоматери, и после того объявлял[и] всенародно, кто по изволению божию возводится на святительский престол.

При отправлении российского воинства в поход государи прихаживали в Успенский собор, где патриарх, отслужив молебен о победе на врагов, поучал военачальников подвизаться неустрашимо за веру и отечество и хранить взаимное согласие, благословлял их на дело свое и отпускал с ними крест царя Константина и чудотворные образа как залог, вверяемый им церковью. Святой водой окропленные знамена сами государи вручали полководцам, подтверждая оберегать их, не щадя своей жизни. Имена убитых на сражениях воевод и дворян вписывались в Синодик для ежегодного в Успенском соборе провозглашения подвигов их в неделю православия. В священный для Москвы 1812 год высшее духовенство припомнило старобытный обряд отправления из Успенского собора воинов на брань, и благословило московское ополчение хоругвию, которую, по одолению врагов, возвратили они собору на сохранение, простреленную картечами и пулями.

Победы после счастливого окончания войны и мирные торжества с благодарственными пениями духовно праздновали в Успенском же соборе. При Иоанне III и при внуке его Иоанне IV раздавались там хвалебные гласы за свержение ига татар и за покорение России трех царств их. Василий III ликовал в сем храме по отнятии у поляков Смоленска. В 1656 году провозглашено было там избрание царя Алексея Михайловича в короли польские, довершившееся чрез сто шестьдесят лет при Александре I. Все победы, одержанные над шведами, Петр I торжествовал в Москве и во святилище Кремлевском воссылал благоговейные мольбы к управляющему судьбою царств. Екатерина II, заключив с Портой Оттоманской славный мир, приезжала воздать хвалу всевышнему в первопрестольный Успенский храм и ознаменовала 10-е число июля 1775 года щедротами царскими.

Происшествие, особенно до Екатерины II касающееся

Избранная императрицей Елизаветой Петровной в невесты наследнику всероссийского престола великому князю Петру Феодоровичу дочь владетельного князя Ангальт-Цербстского Христиана Августа, принцесса Софья Августа, прибыла в Санкт-Петербург 2 февраля 1744 года в сопровождении матери своей княгини Иоганны Елизаветы. Но как двор находился тогда в Москве, то обе они туда же на третий день отправились и приехали в древнюю столицу 9-го числ[а]. Предопределив совершить сие бракосочетание, государыня повелела наставлять принцессу в греческом вероисповедании; а между тем к родителю ее в Цербст написала, что она при благословении всевышнего творца решилась взять дочь его в свойство, а потому требовала ей благословения на брак, с тем, однако ж, чтоб она приняла греко-российское вероисповедание. Ангальт-Цербстский князь охотно согласился на все. В 28-й день июня принцесса София восприяла в московском Успенском соборе восточную греко-российского исповедания веру и при пома-

зании святым миром наречена была великой княжной Екатериной Алексеевной; а на другой день публично в том же соборе обручена с великим князем и получила титул императорского высочества.

Неувядаемой славой ознаменованное царствование императрицы Екатерины II придает достопамятность вступлению ее в пределы России и произнесенным ею первым обетам в том самом храме, где она венчалась на царство.

Большой Успенский собор, как первенствующая в России церковь, прежде состоял под ведомством у митрополитов Всероссийских, потом у патриархов; а ныне зависит единственно от Святейшего Правительствующего Синода.

ГЛАВА IV

О БЛАГОВЕЩЕНСКОМ СОБОРЕ

1. Построение сего собора

Первое основание собору в Кремле во имя Благовещения пресвятой деве Марии положил великий князь Василий Димитриевич в 1397 году. Он построил сию церковь близ сеней дворца своего, от того она и доныне сохранила название Благовещения, что на Сенях. В 1405 [году] лучшие три иконописца Грек Феофан, два монаха из Городца Прохор и Андрей Рублев написали превосходным искусством образа в иконостас и украсили стены изображениями праздников господских.

Сие здание не простояло ста лет и начало клониться к падению. Великий князь Иоанн Васильевич, имев искуснейших архитекторов итальянских, заложил 1484 года мая в 6-й день на том же красивом месте Благовещенский собор о девяти главах и за церковью приказал пристроить с полуденной стороны палатку для безотлучного там жительства духовнику его. Строение сей церкви, примыкавшейся тогда западной стеной ко дворцу, продолжалось пять лет, ибо с большей пред другими красивостью отделывалась.

Входные двери с севера и запада обнесены многодельными карнизами, фигурно из камня иссеченными, с готическими колоннами и пилястрами. Во всей наружной архитектуре господствует легкость и игривость искусства; но внутри самой церкви темно и тесно от излишне толстых под сводами столпов, пол выстлан агатовыми плитками, кровля с сердцеобразными выпуклостями медная вызолоченная, главы и кресты также позлащенные, почему и прозвали с того времени сей собор Златоверхим. Митрополит Геронтий освятил его в 9-й день августа 1489 [года]. В пожар, случившийся 21 июня 1547 [года], Благовещенская церковь со многими дворцовыми зданиями горела, и летописцы наши с прискорбием повествуют, что тогда деисус, Андреева письма Рублева, златом обложенный, и образа драгоценные греческого письма прародителей государевых истребились от огня. Иоанн IV возвратил построенному родителем его храму прежнее великолепие; а сын Иоанна Феодор водрузил на средней главе главный крест из чистого золота и по убеждению бывших в Москве патриархов антиохийского Иоакима и константинопольского Иеремеи, которые пророчествовали ему покорение Турецкого царства державе Российской, приказал приделать полумесяц под тем крестом. С тех пор в подражание золотому кресту Благовещенскому появились и на всех церквах кресты с полумесяцами.

2. Приделы

При Благовещенском соборе под особыми куполами устроены четыре придела: 1) Вход в Иерусалим, освещенный 1566 года декабря 10-го в присутствии царя и царевича; 2) Собор пресвятой богородицы в Миасинех; 3) Архангела Гавриила и 4) Св. Василия Кесарийского, тезоименитого первому создателю храма сего, великому князю Василию Димитриевичу; но при обновлении после неприятельского нашествия сей придел 1813 года освещен во имя Александра Невского. Первые три придела во время пребывания в Кремле французов уцелели.

3. Стенное писание

Внутренние стены Благовещенского собора расписывал в 1489 году лучший художник российский Федор Едикеев. В притворе церковном на плафоне изобразил он праотцев и церковных учителей в виде генеалогического древа, а в простенках написал и греческих философов Аристотеля, Анахарсиса, Птоломея, Фукитида, Зенона, Плутарха, Менандра, держащими хартии с мудрыми изречениями их. Из надписей на огромных внутри столпах соборных явствует, что Едикеево стенное писание двоекратно поновлено было: 1697 года в царствование

Петра Великого, а потом 1770 [года] при императрице Екатерине II. По случаю бытности тогда в Москве прусского принца Генриха, брата королевского, происходило 2 декабря торжественное освещение обновленному Благовещенскому собору с крестным ходом, при многочисленном стечении народа.

4. Местные образа

В нижнем ярусе иконостаса семь образов местных: Всемилостивого Спаса, на подножии сего образа надпись свидетельствует 450-летнюю древность его; храмовый образ Благовещения пресвятой девы, взят Иоанном IV в 1561 году из новгородского Юрьева монастыря; с левой стороны царских врат стоял прежде образ Смоленской богоматери, но по возвращении оного великим князем Василием Иоанновичем в Смоленск на том месте поставлена икона Донской богородицы в золотой раме; образ Спасителя в предстоянии богоматери и Предтечи, устроен в 1720 году ключарем сего собора Иваном Афанасьевым; образ Николая чудотворца, писанный 1509 года Федотом Ухтомским. Иконостас повершается величественной иконой, изображающей господа Саваофа, писанной Иваном Паисе[й]ном. На правом столпе образ Богоматери Блаженное чрево. Сей иконой в. к. София, во инокинях Евпраксия, благословила внука своего Иоанна III, а сама получила ее в благословение от родителя своего в. к. литовского Витовта при свидании с ним в Смоленске 1399 года. На левом столпе образ Покрова пресвятой богородицы, писанный на золотой деке. Все сии местные иконы украшены были золотыми окладами, драгоценными каменьями и жемчугами; царские же врата с короной наверху обложены были серебром. Многое из наружных украшений не могло сохраниться от алчности неприятеля в 1812 году; но при всем том храм Благовещения от щедрот царских возблистал ныне прежним велелепием.

5. Утварь церковная

Евангелие письменное с раскрашенными рисунками обложено золотом с драгоценными каменьями и жемчугом. Другое письменное ж в серебряных досках золоченых сканой работы, вклад царя Иоанна Васильевича в 1568 году. Крест Мономахов золотой, с частью древа от животворящего креста господня, в длину $3\frac{1}{2}$ вершка, а в ширину $1\frac{1}{2}$, украшен жемчугом, изумрудами и яхонтами. На обороте вырезана греческая надпись: «Древо честного креста, на нем же единородный сын слово божие ради нашего спасения распяся плотью». Святыня сия прислана в 1116 году от греческого императора с прочими царскими регалиями к великому князю Владимиру Всеволодовичу Мономаху. Она хранится в золотом, драгоценными каменьями обделанном киоте, сей окончательно украшен в 1621 году князем Иваном Андреевичем Хворостининым. Крест, названный Корсунским царя Константина, серебряный, украшен алмазами, яхонтами и жемчугом с надписью. Два креста золотых, один с финифтью и с алмазами, на нем надпись; а другой внесен в собор по кончине царевича Алексея Петровича на поминовение. Крест воздвизальный осьмиконечный серебряный, взят царем Иоанном Васильевичем в бытность его в Новгороде из Вяжецкого Николаевского монастыря, с надписью.

Потир, дискос, звезда и лжица золотые, в них весу 7 фунтов 69 золотников. Потир яшмовый с серебряной золоченой оправой, украшенный каменьями и жемчугом; из надписи на оном значится, что прежде находился в Новгороде и устроен был архиепископом Моисеем 1329 года. Потир, дискос, звезда и лжица серебряные золоченые превосходной работы с каменьями — вклад 1761 года протоиерея Дубенского с надписью. Ковчег дарохранительный золотой с большим лалом, весу в оном шесть фунтов. Ковчегов серебряных золоченых со святыми мощами в крестах и панагиях 32. В числе их должно быть несколько, полученных из Константинополя и издавна хранившихся в Смоленске, дарованных в. к. литовским Витовтом дочери своей великой княгине Софии, супруге Василия II; семнадцать же ковчегов с надписью, означающей вклад царя Бориса Федоровича. Киот крестообразный серебряный золоченый, в нем под стеклом посредине животворящее древо креста господня, а вокруг того знамение Христовых страстей с надписью, из которой видно, что устроен в 1383 году суздальским архиепископом Дионисием. Чаша серебряная водосвятная — вклад царя Михаила Феодоровича 1629 года с надписью. Кружка и три ковша серебряные, его же вклада. Четвертина серебряная, на ней вырезаны два герба с польскими буквами, а порусски изображены следующие слова: «Благовещенского собора, что у великого государя на Сенях 1702». Блюдо серебряное панихидное с надписью. Кадило серебряное с надписью. Три покрова на сосуды из алой камки, шиты золотом и обнизаны жемчугом, три покрова на сосуды аксамитные золотые, на них кресты в кругах серебряные с изумрудами и яхонтами, обнизаны жемчугом. Девять пелен к местным образам и к престолу, низанные жемчугом. На покровах и пеленах жемчугу весом до 12 фунтов. Шесть оплечьев к ризам и

стихарям, низанные жемчугом, коего весом 8 фунтов. Из числа богатых риз ныне за лучшие показываются бархатные, малиновые с жемчугом. Жемчугу снятого с обветшалых риз, стихарей и пелен прежде было до 9 фунтов, золота более двух пудов, а серебра в крестах, евангелиях, киотах, в св. образах, кадилах, подсвечниках и прочей церковной утвари считалось в 1789 году 64 пуда 33 фунта.

6. Царское место

У столпа с правой стороны алтаря пред иконостасом поставлено издавна царское место, резное из дерева. Собор сей всегда принадлежал особенно ко дворцу и присоединялся к оному переходами, чрез которые царицы и царевны во всякое время запросто прихаживали в храм пресвятой девы воздавать дань моления и не щадили сокровищ своих на украшения образов и облачений.

7. Два достопримечательные образа

Следует упомянуть здесь о двух образах, вне церкви находящихся. В притворе церковном над западными дверями образ Всемилостивого Спаса в окладе, богато украшенном; пред ним ночью и днем поют молебны, теплится лампада и свечи горят неугасимо. В церковной истории нет никакого происшествия, которое бы объясняло, что особенно возбуждает доныне благоговение верующих; а народное предание гласит, что некто из сановников, прогневивший царя, молясь умиленно с коленопреклонением пред сей иконой, получил не только прощение, но и вящих милостей удостоен был и что ожидающие какой-либо доброй вести, притекаясь мольбою к Всемилостивому Спасу, улучают желаемое.

Другой образ Благовещения богородицы, снаружи на стене против красного крыльца написанный по золоту. Тут пресвятая дева изображена у кладезя черпающей воду. При виде ангела в облаках она возводит на него взоры с изъявлением удивления. Прежде считали сие изображение, по необычайности его, единственным; потом открылось, что такие образа есть не только в Кремле, но и в двух приходских церквах.

8. Царские духовники

Благовещенский собор, равно как и Успенский, зависит единственно от Святейшего Синода. Протопресвитеры оного исстари бывали духовниками царскими. По летописям нашим двое только из них, управляя совестью государей, участвовали и в управлении дел государственных. Честолюбивый духовник Димитрия Донского протопоп Митяй был хранителем великокняжеской печати; духовник Иоанна IV добродетельный Сильвестр также пользовался неограниченной доверенностью государя и участвовал в делах гражданских. Первый, едучи в Константинополь для посвящения в митрополиты, умер на корабле в виду столицы византийской; а другой, по поветам завистливых царедворцев изгнанный и заточенный, скончался в Соловецкой обители.

ГЛАВА V
ОБ АРХАНГЕЛЬСКОМ СОБОРЕ

1. Двоекратное построение и обновление сего соборного храма

Собор каменный на месте прежней деревянной церкви во имя архистратига Михаила заложил великий князь Иоанн Даниилович Калита весной 1333 года и совершил в одно лето. Сентября 20-го митрополит Феогност освятил сей храм, воздвигнутый по сказанию летописцев наших в изъявление благодарности к божественному промыслу за безбедное пробавление народа при бывшем в России голоде, названном рослой рожью; ибо сжатый тогда хлеб пророс в копнах и от беспрерывных дождей погиб весь на полях.

Строитель храма Иоанн I 1340 года апреля 1-го похоронен был в Архангельской церкви, и с тех пор сделалась она местом погребения обладателей Москвы. При сыне его Симеоне Иоанновиче российские иконописцы Захарий, Иосиф и Николай расписали стены. Чрез сто семьдесят лет церковное здание пришло в такую ветхость, что великий князь Иоанн Васильевич, по разобрании оного, заложил в 1505 году мая 21-го новый храм на том же месте, приказав тела прародителей своих перенесть на время в другие церкви. Строение Архангельского собора довершил сын его, великий князь Василий Иоаннович в 1507 году и, поставляя гробы предков на прежнее место, сам назначил себе могилу подле отца своего. Новопостроенный собор освящен был мит-

рополитом Симоном 1509 года ноября 8-го.

Здание оного смелой готической архитектуры, с греческой древней смешанной, о пяти главах; из них средняя вызолочена, а боковые покрыты жестью. Высота оного внутри от пола до купола средней главы 16 саженей, длина внутри 17 саженей 2 аршина, широта 10 саженей, прорезь среднего трибуна 9 аршин. Южная стена сего собора стоит на самом краю кремлевской горы к Москве-реке и при закладке в 1773 году огромнейшего дворца по плану архитектора Баженова подперта для предосторожности контрфорсами. Баженов, применяясь ко вкусам того времени, в которое строен был собор, приделал по стенам снаружи пилястры в два яруса с капителями, а под кровлей в полуциркульные возвышения вместил большие раковины; а многосложный карниз над западными дверями, помещенными в впадине, украсил мелкой лепной работой из листьев и цветов. К северным дверям в наше время пристроена паперть, хотя и готическая, но немало несообразная с стилем соборного строения.

2. Приделы

Ныне осталось только два придела: во имя Покрова богородицы и Предтечи Иоанна; в западной же стене видны остатки прежних приделов, из них известны, по летописям, Воскресения Христова и апостола Акилы.

3. Стенное иконописание

Архангельский собор расписан внутри тем же иконописцем Едикеевым, который украсил своей работой соборы Успенский и Благовещенский. На стенах вверху изображены им подвиги мужей и жен, прославившихся святостью жития своего в отечестве нашем; а внизу и на четырех столпах, поддерживающих куполы, написаны все богу угодившие великие и удельные князья российские. Изображения владетельных государей наших на медалях, выбитых при императрице Екатерине II, сняты с рисунков сего собора при возобновлении оного в 1772 году.

4. Алтарь и иконостас

На стенах алтарных помещены лики митрополитов киевских и всея России. Над Горним местом св. икона Спасителя, по древности иконописания и по богатому окладу весьма значительна. В иконостасе восемь местных образов, в числе их известно только об одном образе Богоматери, что принадлежал он в. к. Софии Витовтовне и что она благословила им пред кончиной своей в 1453 году родного внука своего князя Юрия Васильевича. Иконы ж Спасителя, сидящего во славе архангела Михаила, Благовещения, Иоанна Предтечи, Николая чудотворца, Феодора Стратилата и Василия Великого не имеют надписей, и никаких достопамятностей к ним не присоединяется. Три местных образа в серебряных позолоченных окладах, а на прочих одни венцы. Вместо привешиваемых пелен написаны под ними евангельские притчи. В трех верхних ярусах, повершаемых распятием господним, находится 38 икон.

5. Мощи царевича Димитрия

С северной стороны сего собора подле первого столпа на возвышенном двумя ступенями месте стоит четвероугольная рака, обложенная серебром позлащенным. В сей раке поставлен деревянный гроб с нетленными мощами благоверного царевича Димитрия. Над оною устроена царем Василием Иоанновичем Шуйским каменная сень, внутри которой вставлена прежняя крышка с царевичева гроба, по ней вычеканен из серебра образ юного сына Иоаннова с наблюдением точной меры его роста в венце и таком одеянии, какое тогда царские дети нашивали. Сие изображение до 1812 года украшено было жемчугом и драгоценными каменьями, а на верхнем краю царевичевой раки по золоченому серебру вычеканены две надписи, гласящие, что сей памятник невинно закланной Годуновым жертве воздвиг царь Михаил Феодорович 1630 года.

6. Мощи черниговского князя Михаила и боярина Феодора

Мощи св. благоверного князя Михаила Черниговского и боярина его Феодора, в Орде от хана Батыя за веру пострадавших, прежде стояли в церкви, во имя их устроенной на Тайницких воротах. Императрица Екатерина II, предприяв в 1770 году обновить Кремль великолепнейшим дворцовым зданием, повелела нетленные телеса святых поставить на время в Сретенский собор; а в 1774 году ноября 21-го торжественно перенесены оные в Архангельский собор и положены в новую богатую серебряную раку. Возвышение с пятью ступенями, на котором они поставлены, приделано к заднему столпу на южной стороне собора. В возглавии сей раки на овальной фигуре, украшенной лаврами, вырезана молитва страдальцам, а в подножии житие их. В промежутке изображен приступ Батыя к Киеву и принуждение князя Михаила с боярином его шествовать на поклонение кумирам чрез огонь.

Позади надпись, которую заблаговременно сочинил убиенный чернью в 1771 году архиепископ московский Амвросий. К церковному столпу утвержден бронзовый золоченый иконостас, в который вставлено изображение св. Михаила и сподвижника его Феодора. Верх иконостаса оканчивается вензелевым именем приявшего мученическую смерть черниговского князя. Две пламенеющие лампады освещают сей мастерский монумент, отработанный английским чеканщиком Петром Робертом.

7. Гробницы

В Архангельском соборе погребаемы были все в бозе почившие великие князья московские, цари, дети их и сродники мужского пола, в продолжение четырехсот лет. Первый из них положен тут великий князь Иоанн Данилович Калита, а последний император Петр II. Всех гробниц пятьдесят. Надписи и расположение оных в сем святилище плача означаются в примечании *. Когда заключаемы были письменные договорные грамоты между великими князьями и удельными братьями их о взаимной дружбе и союзе против общих неприятелей и о безобидном управлении каждому своими владениями, то для вящего утверждения давали они друг другу присягу в Архангельском соборе и целовали там крест на гробах отцов своих. Да будет незабвенно, что привезенное из Таганрога 3 февраля 1826 года тело императора Александра Благословенного три дня почило под сими ж сводами!

8. Богатые покровы на гробницах

1. Покров на гробнице царя Иоанна Васильевича, пред кончиной своей постригшегося и названного в иноках Ионою. 2. На царевиче Иоанне Иоанновиче, убиенном в гневе от родителя своего. 3. На царе Феодоре Иоанновиче. Все три сделаны при царе Михаиле Феодоровиче с надписями, из жемчугов низанными. 4. На князе Михайле Васильевиче Скопине-Шуйском, унизан жемчугом, но без надписи. 5. На царе Михаиле Феодоровиче из алого бархата с зеленой опушкой, на средине крест, составленный из 42 золотых кругов с образами из финифти, украшенными алмазами, яхонтами и изумрудами; а сверх того круги и каймы покрова обнизаны крупным жемчугом, в кругах жемчугом же вынизана надпись. 6 и 7. Два покрова на царевичах Василье и Иоанне Михайловичах без каменьев с жемчужными надписями. 8. Покров на царе Алексее Михайловиче бархатный с золотыми кругами, в которых помещены драгоценные каменья, надпись жемчужная. 9 и 10. На двух царевичах: на Димитрии Алексеевиче украшен одним жемчугом, а на Алексее Алексеевиче и драгоценными каменьями. 11. Покров на царе Феодоре Алексеевиче алый бархатный, на средине крест, составленный из 42 золотых кругов с финифтяными образами, около которых вставлены алмазы и яхонты; в копье и трости по сторонам креста четыре больших изумруда дорогой цены; круги, каймы и буквы низаны жемчугом. 12. На царе Иоанне Алексеевиче точно такой же покров; но драгоценные каменья и жемчуг крупнее. Списки со всех надписей, жемчугами низанных, на сих двенадцати покровах находятся в приложенных у сего примечаниях.

9. Утварь церковная

Сверх служебных напрестольных евангелий хранятся в соборе два замечательные по вкладу сетующей царицы. Одно писанное чистым уставным письмом; евангелисты прообразованы (раскрашены); начальные, прописные буквы, точки, запятые и каймы отделаны золотом, серебром и красками. Сим отлично красивым трудом своим царевна Анна Михайловна подарила вдовствовавшую царицу Марфу Матвеевну; а она, употребив на сию божественную книгу драгоценные свои каменья, отдала оную в Архангельский собор 1684 года на поминовение преставившегося супруга ее царя Феодора Алексеевича. Верхняя доска на Евангелии вся золотая, на ней 294 алмаза, 244 яхонта, 127 изумрудов, а на перекладках в кругу 69 зерен бурмицких. По кайме верхней доски изображены слова.

Другое Евангелие печатное в серебряной оправе — вклад той же царицы 1705 года марта 2-го. Два креста: серебряный вызолоченный с изображениями около распятия осьми лиц святых. На кресте в гнездах жемчужина большая, изумруд в длину около четверти вершка, яхонт лазоревый такой же величины и два крупные лала; весь крест по краям обнизан жемчугом — вклад царя Иоанна Васильевича в 1560 году. Другой крест золотой с мощами, на нем 10 алмазов, 3 изумруда, 71 яхонт, 200 бурмицких зерен, весу в оном 3 фунта 62 золотника — вклад царя Феодора Алексеевича, на вечное воспоминание родителя его устроенный в 1677 году. На обоих крестах есть надписи.

Потир и дискос, звезда и два блюдца золотые резные. На них 10 яхонтов, 11 изумрудов, 11 лалов, весом 7 фунтов 83 золотника —

---

* Примечания к книге первой в ЦГАДА не обнаружены.— С. Д.

вклад вдовствовавшей царицы Ирины Феодоровны, сделан ею на поминовение супруга ее царя Феодора Иоанновича с подписью. Кадило, ее же вклад, четвероугольное золотое, на цепях золотых, весом 4 фунта 33 золотника, на нем 9 изумрудов, 13 яхонтов, 12 лалов, на поддоне надпись.

Тафья суконная красная, на ней запона золотая, в которую вставлены шесть яхонтов и кафимского жемчуга 81 зерно. В описной 1701 года соборной книге о сей тафье сказано, что принес ее в собор 1700 года августа 20-го стольник Алексей Иванович Нарышкин и, отдав ключарю, объявил, что прислана от великого государя царя Петра Алексеевича для того, что сию тафью носил благоверный царевич Димитрий Иоаннович.

Четверо риз священнических, два стихаря с орариями, епитрахили, воздухи и покровцы, унизанные жемчугом, которого более 15 фунтов, полагая по прежним ценам — золотник в 10 рублей, стоят около 15 000 рублей.

28 образов в золотых окладах с каменьями и жемчугом великой цены. Сии образа приносимы были за гробами царей и великих князей и по древнему обыкновению оставлялись в церквах.

Сверх того в ризнице Архангельского собора, по описи 1789 года, находилось осыпавшегося с разной утвари крупного и мелкого жемчуга 6 фунтов 71 золотник. Всего в оном соборе (кроме многих образов, обложенных золотом и серебром и украшенных каменьями и жемчугом, также кроме бывшего на раках серебра) по самой низкой примерной цене, полагая золотник золота по 4 рубля, а серебра по 24 копейки, считалось на 250 000 рублей.

10. Книгохранительница соборная

Между древними рукописными книгами, в книгохранительнице соборной находящимися, особенного примечания достойно древнее славянское Евангелие, на пергаменте писанное для новгородского князя Мстислава Владимировича сыном некоего пресвитера Лазаря Алексою. Сие Евангелие есть древнейшее из всех в Москве находящихся. Известно, что Мстислав управлял Новгородом с 1095 по 1117 год. Трудившийся над списанием упоминает в особой подписи на конце Евангелия, что возил оное в Царьград и, возвратясь в Киев, оправил серебром и украсил золотом и дорогими каменьями из собственного своего имущества и что князь Мстислав утешил его за сию трату.

Псалтирь с кратким толкованием, писанная четким красивым уставом на лощатой александрийской бумаге; по листам на полях весьма искусным иконописным художеством изображены лица, в псалмах пророком Давидом упоминаемые. В заглавии сей книги крупными буквами написано предисловие, преисполненное благочестивых глаголов, а в конце боярин и конюший Дмитрий Иванович Годунов собственноручно подписал, что 1500 года отдал сию книгу в Архангельский собор на помин души князя Юрья Васильевича московского, брата родного первому царю и господарю на Москве великому князю Ивану Васильевичу самодержцу.

11. Прежние преимущества сего собора

Для поминовения во дни кончины и тезоименитств в бозе почивших государей и рода их с 1599 года причислены были к Архангельскому собору особые архиереи. По учреждении в 1764 году викариев московской митрополии с наименованием их прежде севскими, а потом дмитровскими, сей собор с 1742 года поступил в зависимость преосвященных владык московских; он состоит в числе трех главных соборов, а по епархии считается первым кафедральным архиерейским.

За Архангельским собором прежде были вотчины: великая княгиня Софья Витовтовна 1453 года отказала оному село свое Баню; князь Юрий Васильевич, брат Иоанна III, отказал 1472 [года] село Марчуково с деревнями; князь Михайло Андреевич Верейский село Якимовское в Ярославском уезде; царь Борис пожаловал село Завидово; князь Иван Борисович Волоцкий, скончавшийся в заключении, 1504 [года] завещал село Зубарево; венчанный на царство князь Димитрий Иоаннович обогатил сей собор дачей в сие поминовение девяти деревень и пяти починков. Сам царь Алексей Михайлович усвоил в Кашинском уезде село Ильинское. Со времен царя Феодора Иоанновича немощные, утесняемые рукой сильного, пользовались правом, написав на имя царя челобитную и запечатав, полагать ее на гробницы в бозе почивших государей. После чего каждый смел ожидать праведного суда; ибо, кроме самого царя, никто уже не дерзал распечатывать тех просьб.

ГЛАВА VI

О СОБОРАХ ВТОРОСТЕПЕННЫХ В КРЕМЛЕ

1. Собор Спаса нерукотворенного

Собор, ко дворцу принадлежащий, нерукотворенного образа Спасова, что вверху за золотой решеткой, о девяти главах позлащенных, построен в 1636 году вместе с теремом дворцовым и вместе с ним отделяется позолоченной решеткой. Императрица Анна Иоанновна 1733 [года] поновила его; а в благополучное 1818 года пребывание императора Александра с августейшей фамилией всеми потребностями достаточно снабжен. Из прежних царских вкладов известны следующие: два евангелия, обложенные серебром, крест напрестольный, сосуды серебряные, золоченые с чернью, водосвятная чаша серебряная и кропило; два сосуда для благословения хлебов, пшеницы, вина и елея царем Феодором Алексеевичем для сего собора сделаны, как надписи на той утвари гласят; кадило серебряное прорезное, вклад Филарета Никитича. Находясь в Польше пленником, он заказал сделать его 1613 года августа 29-го на память плена своего по избрании уже сына его Михаила на царство; блюдо серебряное, неизвестно чьего приношения; две чарки серебряные золоченые, одна дарствована царем Михаилом Феодоровичем, а другая царем Алексеем Михайловичем; сосуды серебряные гладкие, повелением царей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича переделаны из старого церковного серебра. Вырезанные на всех сих церковных принадлежностях надписи объясняют и время сих вкладов.

В числе местных икон замечательно изображение мученика Логгина, которого по проречению некоего святого при рождении великого князя Василия Васильевича почитают данным от бога в помощники всему роду государей московских. К Спасскому собору причисляются четыре дворцовых церкви: Воскресения Христова, Иоанна Предтечи, Великомученицы Екатерины внизу и Распятия господня вверху, иконы в сем храме вышиты шелками; царевны, дщери Михаила и Алексея, трудились над сим. Храм Воскресенья воспоминает мучительную кончину от стрельцов среднего брата царицы Натальи Кирилловны Афанасия Кирилловича; бунтовщики святотатственными руками вытащили его из-под престола, куда он скрылся от зверства их, на паперти рассекли тело его на поругание и бросили на площадь.

2. Собор Спасский на Бору

При получении князем Иоанном Даниииловичем 1319 года в удел Москвы была там деревянная церковь во имя Спасителя, на горе преобразившегося, к которой он тогда ж переместил обитель, отцом его князем Даниилом Александровичем на берегу Москвы-реки основанную. Доказательством существования сей церкви, в монастырь обращенной, служит, что в тот же самый год убитый в Орде великий князь тверской Михаил Ярославич привезен был в Москву и похоронен при церкви святого Спаса в монастыре, и потом уже, по просьбе вдовы и сыновей убиенного, [тело] отправлено в Тверь. Чрез восемь лет после того Иоанн I, возведен быв ханом Узбеком на великое княжение, перенес столицу из Владимира в Москву и 1330 [года] мая 10-го заложил близ дворца своего на Бору церковь Спаса каменную, которая расписана была внутри иконописцем Гайтаном, учредил тут архимандрию, удоволил доходами на содержание монастыря, питал в сей обители нищих и сам раздавал им милостыню из калиты (мошны), которую всегда носил с собой. Провидя приближение своей кончины, сам храмоздатель тут же постригся. Правнук его державный Иоанн III, расширяя дворцовые свои строения в Кремле, перевел Спасский монастырь за город на новое место, называвшееся Васильцевым станом, нарек его Новоспасским, а оставшуюся в Кремле церковь собором. Великий князь Василий Иоаннович, уважая первобытность сего храма, приказал при перестройке оного в 1527 году сохранить наружность и внутренность здания в прежнем его виде без перемены. От сего-то доныне считают Спасский собор на Бору древнейшей в Кремле церковью.

В ней четыре придела: 1. Во имя св. мучеников Гурия, Самона и Авива; 2. Чудотворца Спиридона; 3. Архангела Михаила и трех святителей Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустого. Близ северной стены соборной церкви почивают под спудом мощи св. Стефана, первого епископа пермского, скончавшегося в 1396 году. Сей пастырь добрый, полагавший душу свою за овцы, претерпевая многие опасности, обратил пермяков и зырян от идолопоклонства в христианскую веру, изобрел для них особенные буквы, переложил на язык их евангелие, апостол и слу-

жебные церковные книги, воздвиг там церкви и для богослужения посвятил священников.

До построения Вознесенского девичьего монастыря погребены в сей церкви три великие княгини: супруга Иоанна I Данииловича, скончавшаяся 1331 [года] марта 1-го, нареченная в инокинях Еленой; супруга Иоанна II Александра, скончавшаяся 1364 [года], во инокинях Мария; супруга Симеона Гордого Мария, скончавшаяся 1399 [года] марта 27-го, во инокинях Фотиния. Близ гроба великой княгини Александры положен внук ее князь Иоанн, сын Димитрия Донского, в иноках Иоасаф, скончавшийся 1393 [года] марта 27-го. В праздник Преображения господня служивал в сем храме патриарх. Хотя Спасский на Бору собор обращен в 1817 году в ружную церковь и причислен ко дворцовому [храму] Спаса Нерукотворенного; но жители Москвы не отвыкли еще и долго не отвыкнут называть его по-прежнему собором.

[3] Четыре собора упраздненные

1. Николая чудотворца Гостунского, построен каменный великим князем Василием Иоанновичем в 1506 году на прежнем месте, где при родителях его поставлена была деревянная, наскоро сделанная церковь и называлась Никола Льняной. Митрополит Симон освятил ее 1 октября того ж года. Великий князь украсил образ чудотворцев, с Гостуни-реки принесенный, золотом и драгоценными каменьями. Вновь перестроенная 1554 года церковь сия, с приделом Введения во храм пресвятой девы, освящена была октября 7-го митрополитом Макарием. 1610 года ноября 5-го привешена была к резному образу чудотворцеву Никитой Молвяниновым золотая монета весом в 20 золотников. В 1623 году царь Михаил Феодорович пожаловал сему собору напрестольный крест серебряный, а цари Иоанн Алексеевич и Петр Алексеевич в 1692 году декабря 6-го прислали три лампады. Бывший в России от цесаря Максимилиана посол барон Герберштейн оставил нам в своих записках любопытное сказание о первоначальном построении сей церкви.

На месте том было Ордынское подворье, в котором живали ханские чиновники для надзора за действиями великих князей московских. Супруга Иоанна III София с неудовольствием смотрела на столь близкое соседство татар в Кремле и хитростью своей избавилась от них. Послав дары к любимой жене ханской, она писала к ней, будто какое-то видение повелело ей создать церковь на Ордынском подворье, и просила его себе, обещаясь отвесть для пребывающих в Москве татар двор на другом месте. Ханша убедила хана согласиться на сию просьбу, подворье сломали и построили тут церковь Николы Льняного; а татары, выведенные из Кремля, не получили уже там другого двора. В 1817 году Гостунский собор за ветхостью и неудобностью сломан; а престол, образа и вся утварь перенесены под большие колокола на Иване Великом и числятся ныне ружною церковью.

Пред иконой Николая чудотворца, покровителя дев целомудренных, в старину певали молебны вступающие в брак. Родители обрученных сыновей и дочерей усердно моливались с ними о благоденствии сочетавающихся и вписывали имена их во вкладную книгу.

2. Сретенский собор с приделом Николая чудотворца построен был 1561 года Иоанном IV для сыновей своих на отделенном дворе за Набережною палатой и примыкался открытыми переходами ко дворцу малолетних сыновей его Иоанна и Феодора. По причине ветхости сломан 1808 года; а церковная утварь поступила в соборы Благовещенский и Спасский за Золотой решеткой.

3. Черниговский собор находился в городовой башне над Тайницкими воротами и назывался Черниговским, потому что вмещал в себя мощи благоверного князя Михаила и боярина Феодора черниговских чудотворцев. С перенесением их в Архангельский собор упразднился и храм, посвященный сим страдальцам.

4. Александровский собор. Десятилетний царь Петр Алексеевич, читая житие св. Александра Невского, восхитился геройскими его подвигами и приказал как можно скорее воздвигнуть храм ему. Надлежало удовлетворить отроческому хотению его, отвели место для церкви на башне кремлевской близ Тайницких ворот и освятили ее 1683 [года] октября 1-го, а чрез сорок лет и мощи героя Невского перенес он на берега невские, свидетели славы его. Так в зрелости лет гений исполняет детские свои предприятия.

ГЛАВА VII
О ТРЕХ СОБОРНЫХ КОЛОКОЛЬНЯХ, НАЗЫВАЕМЫХ ИВАНОМ ВЕЛИКИМ

1. Разновременное построение сих трех колоколен

Огромное сие здание имеет три отделения. Первую колокольню в 1329 году мая 21-го заложил великий князь Иоанн Даниилович с церковью во имя св. Иоанна Спасителя Лествиц, на память рождения сына своего Иоанна. Великий князь Василий Иоаннович приказал 1505 [года] разобрать обветшавшее здание, и чрез три года выстроена была архитектором Алевизом на том же месте новая колокольня. Царь Борис Годунов 1600 [года], разобрав строение Василия, воздвиг тут Ивана Великого и церковь под ним посвятил имени того же святого Иоанна. В виде готической башни Борисова колокольня возвышается с крестом на 43 сажени и $2^1/_2$ аршина от земли. Снизу она осьмиугольная, в средине отонена двумя уступами, а верх округлен, глава и крест ярко вызолочены, под главой трехстрочная из медных позлащенных букв надпись.

Другая колокольня, прикосновенная к Ивану Великому, основана была сперва в 1532 году архитектором Петром меньшим Фрязином с церковью Воскресения Христова; но 1563 [года] царь Иоанн IV повелел перенести из Мстиславского двора икону Рождества Христова под колокола, переименовал храм Воскресения Рождественским собором. Потом сие здание чрез сто лет перестроено патриархом Филаретом Никитичем, в чем удостоверяет надпись, находившаяся под карнизом до 1812 года. Ныне ж помещен тут собор св. Николая Гостунского.

Третья колокольня построена при царе Иоанне IV в 1552 году; поводом к тому послужило, что иностранный архитектор средней колокольни Петр Фрязин не вывел в ней лестницы внутренней, а потому приказал царь сделать новую башню русским мастерам для устроения лестницы, двух палаток соборным звонарям и воскресного вверху колокола. Ныне пристроена под колокольней главная гауп[т]вахта с тосканскими колоннами.

Все соборы в Кремле отправляют богослужение по благовесту на Ивановских колокольнях, а потому и состоит она в зависимости протопресвитера Успенского собора.

Опустошитель Наполеон подорвал две колокольни — Филаретовскую и Иоаннову; но под Ивана Великого никак не мог подкопаться, ибо сплошной фундамент под ним занимает большое пространство в ширину и глубину. Обе разрушенные колокольни построены вновь 1815 года в том точно виде, как и прежде были. Услужливые лазутчики Бонапартовы, сведав, что над кремлевскими храмами где-то поставлен крест из чистого золота, указали вместо Благовещенского собора на Ивана Великого. Жадный к корысти завоеватель заставил снять его и, нашед только железо, обделанное медными позолоченными листами, оставил в Кремле изломанным. Он водружен был на Иване Великом царевной Софиею Алексеевной 1684 года. На теперешнем новом кресте, вместо букв I. Н. Ц. I, вычеканено: «Црь Славы».

2. Колокола, в летописях упоминаемые

О некоторых колоколах, находящихся на трех Ивановских колокольнях, упоминается и в летописях. 1339 года тверские князья, сыновья несчастного Александра Михайловича, в Орде убиенного, не дерзая противиться воле Иоанна Данииловича Калиты, принуждены были, по требованию его, снять с соборной в Твери колокольни большой колокол и отправить в Москву. 1346 [года] слиты в Москве мастером Борисом три колокола больших и три малых. 1450 [года] привезен в Москву колокол велик с Городца, что близ Нижнего Новгорода. 1503 [года] слит Петром Фрязином большой колокол в Москве, меди в нем 350 пудов, кроме олова. 1510 [года] генваря 13-го по занятии в. к. Василием Пскова, спустили вечевой колокол, висевший у св. Троицы, и отправили в Москву. Он исчез при переплавке колокольной меди, как исчезла республика Псковская в огромном составе самодержавного Российского государства. 1532 [года] немчин Николай слил в Москве колокол в 500 пудов. 1533 [года] он же слил другой в 1000 пудов, Благовестником называемый, который не втащили на колокольню, а поставили внизу на деревянных столбах.

3. Описание наличных колоколов

Подробное исчисление 33 колоколов и надписей на них прилагается в примечании. Из четырех больших колоколов, взлетевших в 1812 году октября 12-го на воздух, разбился только один в 3 555 пудов Успенский, который

с прибавкой 620 пудов меди перелит на заводе купца Богданова, и 1819 [года] августа 27-го устроено сим заводчиком самой простой машиной удачно поднять на прежнее место; а Реут, Лебедь и Воскресный упали без вреда.

Давать название колоколам и назначать, когда в который благовестить и в какие часы созывать на молитву к заутреням, обедням и вечерням, зависело от патриархов; ныне же благовест совершается по уставу, изданному 1722 года Святейшим Синодом. Всей меди на Ивановских колокольнях полагать можно до десяти тысяч пудов, и когда зазвонят во все колокола, то все близкое к звукам их приходит в такое сотрясение, что кажется, будто и земля дрожит. Приезжавшие в Москву при царе Алексее Михайловиче иностранцы удивлялись огромности и звучности большого в 8000 пудов колокола, который повешен был на особенной башне близ Ивана Великого. При римском императорском посланнике Майерберге сей колокол лежал еще на земле неподнятый, он списал с него надпись, из которой явствует, что отлил его 24-летний московский мастер 1653 года в 8-летие царствования Алексея Михайловича; на средине под иконой Спасителя изображены были поясные портреты царя и царицы. От пожара, в Кремле случившегося 19 июня 1683 года, толстые деревянные перекладины на башне обрушились, колокол упал и повредился. Вышина его была 19 футов, окружность 24, а поперечник 18 футов. Троекратное ударение в большой колокол возвещало кончину государей и патриархов.

4. Царь-колокол

Близ Ивановских колоколен в яме находится и теперь огромнейший в свете колокол, вылитый 1731 года по повелению императрицы Анны Иоанновны из прежнего колокола, называвшегося при царе Алексее Михайловиче Новым, с прибавкой к осьми тысячам пудам меди еще двух тысяч пудов и прозванный от простого народа Царем-колоколом.

На нем изображены лики московских чудотворцев, императрица в короне и порфире. Звука его никто не слыхал, потому что лит был в той самой яме, где он безгласно стоит около ста лет; статься может, что при литье повредили его и там оставили; а вероятнее всего, что во время большого пожара в 1737 году падавшие с Ивана Великого большие колокола вышибли край у Царя-колокола. Приложенное здесь донесение от 24 февраля 1733 года императрице московского генерал-губернатора графа Семена Андреевича Салтыкова о сем исполинском колоколе объясняет, что до упомянутого пожара даже и не предполагали, чтобы он мог быть поврежден, а готовились тогда вынуть его из ямы и поднять для звона. Снятая с него надпись объясняет время литья и вес его.

ГЛАВА VIII
О ЧУДОВЕ МОНАСТЫРЕ

1. Построение сего монастыря

Строитель сей достопамятной обители был св. Алексей, митрополит всея России. В мае месяце 1365 года он заложил каменную церковь во имя архистратига Михаила на память чуда в Хонех. Окончив строение в один год и освятив сей храм, он учредил при оном общежительный монастырь, обогатил его драгоценной утварью, селами, рыбными ловлями и завещал, чтоб погребли его в той созданной им обители. Общеполезной и святой жизнью своей стяжал он по кончине славу угодника божьего.

Иоанн III соорудил 1483 года в монастыре его особую церковь с двумя престолами: один во имя Благовещения пресвятой деве, а другой во имя самого святителя Алексея, куда мощи его, обретенные нетленными, перенесены были; а в 1504 [году] и храм архистратига Михаила перестроил. При царе Феодоре Алексеевиче Благовещенская церковь начала клониться к разрушению; он повелел не только ее, но и все здания, к Чудову монастырю принадлежащие, заложить вновь по чертежу, им утвержденному. Строение приведено было к концу не прежде 1686 года. Юные цари братья его Иоанн Алексеевич и Петр Алексеевич при освящении сего храма патриархом Иоакимом 12 мая своими руками с первыми сановниками государства поставили гроб святителя Алексея в арке, отделяющей церковь Благовещенскую от Алексеевской. С сего-то времени учреждено было приходящим на моление мужчинам стоять в одной церкви, а женщинам в другой за гробом чудотворца.

2. Церкви упраздненные и переименованные

Из бывших прежде в Чудове монастыре особых церквей три упразднены в разные времена: 1. Во имя преподобномученицы Евдокии,

на задних воротах построенная иждивением царя Иоанна IV и освященная в присутствии его с царицей Анастасией 1 ноября 1556 года. 2. Св. апостола Андрея Первозванного, обращена в больничную церковь и потом переименована во имя Воздвижения честного креста господня. 3. Св. мучеников Платона и Романа крестовая; переименованная ныне в Славу всех святых.

3. Утварь церковная и разные вклады

Великий князь Василий Иоаннович в 1535 году повелел сделать для мощей св. Алексея митрополита серебряную раку и устроить на ней образ Святителя из позлащенного серебра с венцом, украшенным драгоценными каменьями. Возле раки поставлен пастырский жезл его *; а в шкафе за стеклом хранится облачение, в котором архипастырь служивал.

Царь Михаил Феодорович на поминовение родителя своего патриарха Филарета приказал вылить большой колокол и повесить на колокольне чудовской. Царь Феодор Алексеевич принес в дар обители золотой с каменьями потир, дискос и звезду, в которую вставлена изумрудная печать царская с государственным гербом.

Московский митрополит Платон имел особенное попечение об украшении и обогащении Чудовского монастыря. В церкви св. Алексея обложил он иконы серебром с позолотой, сделал паникадило серебряное, над престолом воздвиг сень на серебряных столбах, а за престолом поставил подсвечник о семи светильниках и возле правого клироса кафедральное для себя место. Рукописное Евангелие, тщанием Платона обложенное жемчугом и каменьями; епитрахиль таусинного цвета, также обнизанная, и подризник кизылбашский, кумашчатый полосатый, принадлежавшие чудотворцу, сохранены доныне. В ризнице, обогащенной от него многоценными архиерейскими облачениями, хранится пожалованная ему императором Павлом I митра, унизанная жемчугом, с крестом на ней из крупных бриллиантов; другая митра с жемчугом же и разными каменьями с лучшей на финифти живописью и саккос белый глазетовый с омофором и палицей, украшенными жемчугом и каменьями, принесена в дар монастырю от князя Потемкина-Таврического.

Много потерпела обитель Чудовская в 1812 году от злодейства неприятельского, в ней помещался главный штаб Наполеонов; но вскоре так обновилась, что и следов опустошения не осталось.

До состояния духовных штатов за Чудовским монастырем было крестьян 18 680 душ. Первым приобретателем был сам св. Алексей митрополит, купив на свои деньги близ Москвы село Черкизово, которое доныне осталось принадлежностью монастырской и служит для властей загородным домом. В 1452 году вдовствовавшая супруга князя Владимира Андреевича княгиня Елена Олгердовна, в монашестве Евпраксия, завещала Чудову монастырю два села — Петровское и Козинское. В 1509 году венчанный внук Иоанна III злощастный Димитрий Иоаннович отказал по духовной в дом чудотворца Алексея в Зубцовском уезде село Дубки с деревнями. Похороненные в сей обители бояре Морозовы, Стрешневы и князья Хованские, Куракины, Оболенские, Щербатовы, Трубецкие также отдавали туда на поминовение свои отчины.

В Чудове монастыре покоится прах казанских царей Симеона, Александра и сибирского царевича Романа. Многие из духовных значительных особ тут же похоронены: 1393 года инок Даниил, племянник чудотворца Алексея, известный по летописям услугами своими Димитрию Донскому, 1392 [года] андрианопольский митрополит Матвей; митрополиты всея России Феодосий и Афанасий; 1485 [года] новгородский архиепископ Феофил; 1504 [года] лишенный сана архиепископского Геннадий новгородский также кончил жизнь свою в Чудове; 1675 [года] ученый киевский иеромонах Епифаний Славинецкий, названный философом и мудрейшим толкователем священного писания. Между вельможами и первосвященниками нашлось место для погребения и юродивого Тимофея Трифонова, который, оставив иконописное художество, юродствовал 28 лет и жил в доме царицы Парасковии Феодоровны.

4. Достопамятные происшествия XVII столетия

Чудов монастырь доставляет нам много исторических воспоминаний. В. к. Василий Темный, охраняя неприкосновенность вероисповедания своих подданных от перемен, которые охлаждают сердечное усердие к закону божию, и будучи уверен, что неизменяемые догматы отцов лучше всяких новых мудрований, задержал под стражей в сем монастыре митрополита Исидора, который на Флорентийском соборе соединился с латинской церковью. Иси-

* На жезле сем двусторонний крест серебряный, наверху подпись: «Смиренный Алексей митрополит всея Руси», а под яблоком из серебра другое начертание: «Лета 7186(1678) поставлен быть сей жезл Иоакимом патриархом московским и всея Руси». **(Примеч. авт.)**

дор чрез несколько месяцев бежал из-под стражи в Рим; а благоразумный государь воспретил и погоню посылать за сим лжепастырем.

1602 [года] бежал в Литву из Чудова монастыря монах Герман, посвященный в дьяконы, сын стрелецкого сотника, Григорий Отрепьев и, назвавшись царевичем Димитрием, в Угличе убиенным, доступил до престола царского; но чрез одиннадцать месяцев всенародно предан смерти — труп его, выставленный на позор, чрез три дня сожжен и прах его развеян. По истреблении Лжедимитрия свергнут был с патриаршего престола и венчавший его на царствие Игнатий. Он, скованный, содержался под стражей в Чудове монастыре, откуда спасся бегством и умер в Риме.

1610 [года] июля 31-го царь Василий Иоаннович Шуйский пострижен был неволею в Чудове монастыре. В 1612 году овладевшие Москвой поляки содержали патриарха Гермогена заключенным в Чудове монастыре и 17 февраля уморили там его голодом.

В 1655 году патриарх Никон устроил в Чудове монастыре школу для научения желающих греческому и латинскому языкам. 1667 [года] декабря 14-го вызванные из Греции вселенские патриархи судить на соборе с российским духовенством патриарха Никона произнесли приговор о лишении его святительского сана в Благовещенской церкви сего монастыря. Два архимандрита чудовские избраны были потом на патриаршество: в 1674 году Иоаким, а в 1690-м Адриан, последний патриарх.

1682 [года] мая 16-го пострижен неволею в сем монастыре от бунтовавших стрельцов боярин Кирилл Полуектович Нарышкин, отец царицы Наталии, и наречен был Киприаном.

Чудовские архимандриты отправляли священнослужение в митре, с осенением священным, с рипидами на ковре, и мантию носили со скрижальми вишневыми.

При государе Петре I чудовскому иеродиакону Тимофею повелено быть инквизитором, как кажется, для надзирания токмо за церковными в Москве обрядами по уничтожении патриаршества.

1767 [года] в 30-й день июля 650 депутатов из всех российских губерний, созванные императрицей Екатериной II для сочинения Нового уложения, собрались в первый раз для торжественного открытия законодательной комиссии в Чудове монастыре.

5. Учреждение кафедры московских архиереев в Чудове монастыре

Монастырь сей, как ставропигиальный, издавна состоял в особенном ведении митрополитов Всероссийских, потом у патриархов; а по возобновлении в 1747 году Московской епархии Чудовская обитель предопределена быть кафедрой архиереев первопрестольной столицы. В первые тогда архиепископы поступил Иосиф Волчанский; вторым с 1748 года был Платон Малиновский; третий с 1757 [года] митрополит Тимофей Щербатский. Все трое они похоронены в сей обители; четвертый с 1768 [года] архиепископ Амвросий Бантыш-Каменский, убиенный возмутившеюся в Москве чернью 1771 года сентября 16-го в Донском монастыре; пятый с 1775 [года] знаменитый ученостью, красноречием и общеполезной деятельностью митрополит Платон II Левшин, скончавшийся, погребен в Спасо-Вифанском монастыре 1812 [года] ноября 11-го; шестой с 1813 [года] архиепископ Августин Виноградский. Возобновление после неприятельского нашествия всех соборов, Чудова монастыря, ограбленных церквей в Кремле и построение двух разрушенных колоколен совершено архиепископом Августином. Неутомимая ретивость его в тогдашних обстоятельствах была беспримерная. Седьмой в 1819 [году] митрополит Серафим Глаголевский; ныне осьмой Филарет митрополит, приявший пастырский жезл с 1821 года в звании архиепископа и 1826 [года] получивший сан митрополита.

По штатам 1797 года положено быть в Чудове монастыре одному наместнику, осьми иеромонахам, пяти иеродиаконам, двум пономарям и просвирян[ин]у.

6. Новейшие события

Со времени единодержавного Иоанна III родившихся в первопрестольном граде царевичей и царевен крещивали всегда в Чудове монастыре. Богом дарованный наследник императорского всероссийского престола благоверный государь великий князь Александр Николаевич не только восприял святое крещение 1818 года апреля по древнему обычаю в церкви св. Алексея митрополита, но и родился во святой обители его; ибо дом митрополита московского, примыкающийся переходами к церкви св. Алексея, обращен был с 1818 года во дворец для царствующего ныне государя императора. Родившаяся также в Москве благоверная великая княжна Елизавета Михайловна пред мощами угодника 1826 [года] июня 13-го крещена.

При отправлении того ж года августа в 29-й день поминовения по воина[м], на брани избиенным, был из Чудова монастыря крестный ход в присутствии государя императора Николая Павловича и государынь императриц на устроенное пред монастырем возвышенное место для совершения там всенародно благодарственного молебствия за избавление от крамол, угрожавших бедствиями всему российскому государству, и для провозглашения вечной памяти верным воинам, пожертвовавшим своей жизнью 14 декабря 1825 года за отечество и государя.

Первую победу над персиянами император Николай I торжествовал в сей обители, и знамена шаховы поставлены в том же храме, где первенец его присоединен к христианскому православию.

Благочестивый монарх прислал 1828 года на раку чудотворца Алексея богатый покров, мая 27-го московским митрополитом Филаретом возложенный, и медаль, выбитую на память щастливо оконченной в сем году войны с Персией славным и полезным для России миром. Рескриптом к московскому военному генерал-губернатору от 1 октября 1828 [года] с корабля «Париж» на рейде Варны император повелел все трофеи, взятые в продолжение войны с Персией, хранить в первопрестольном граде.

ГЛАВА IX

О ВОЗНЕСЕНСКОМ ДЕВИЧЬЕМ МОНАСТЫРЕ

1. Построение сего монастыря

Вознесенский девичий первоклассный монастырь основала овдовевшая в 1389 году великая княгиня Евдокия Димитриевна, супруга Димитрия Донского, во инокинях Евфросиния. Кончина не допустила совершить начатого ею здания. Невестка ее, супруга Василия I София Витовтовна, подражая ей в благочестии, достроила сию обитель; но бывшие потом пожары в Кремле неоднократно разрушали построенное. Великая княгиня Мария Ярославовна, супруга Василия II, посвятив себя, по кончине его, монашеской жизни, приказала совсем разобрать поврежденный храм Вознесения и поручила храмоздателю Василию Ермолину воздвигнуть новый; а он, выломав одни только обгорелые и попорченные своды, утвердил на тех же стенах новые. Непрочное мастерство Ермолина чрез пятьдесят лет надлежало разобрать до подошвы и построить новую церковь. Чрез двести лет и та обветшала. Сохранившийся до наших времен монастырский собор Вознесения господня и каменные в два жилья кельи отстроены уже при императоре Петре Великом в 1721 году, под смотрением гвардии капитана Баскакова, двуэтажные в осьми отделенных корпусах.

2. Приделы и особенные церкви

При настоящей Вознесенской церкви два придела: во имя Пресвятой богородицы всех скорбящих радости, устроен в 1731 году императрицей Анной Иоанновной по сестре своей царевне Парасковии Иоанновне; и Успения божьей матери, отделанный в том же году братом царицы Парасковии Феодоровны Василием Феодоровичем Салтыковым. Тут стоит пять гробниц рода Салтыковых: отца, матери, тетки, невестки и брата царицыных.

Монастырь вмещал в себя еще четыре особенные церкви: во имя св. Афанасия и Кирилла, создана была 1514 [года] Юрием Григорьевичем Бобининым; великомученика Георгия с приделом св. Димитрия Селунского, выстроена 1527 [года] по воле великого князя Василия Иоанновича, обе они упразднены, а остались две: 1) преп[одобного] Михаила Малеина с приделом св. Феодора, воздвигнутая родительницей царя Михаила Феодоровича, великой инокиней Марфой Иоанновной. При сей церкви устроена в 1824 году больница для престарелых монахинь, и 2) великомученицы Екатерины с приделом во имя Казанской богородицы. Прежняя создана была царевной Екатериной Алексеевной и 1686 года, в день ангела ее, освящена патриархом Иоакимом; а нынешний храм, готической архитектуры, на том же месте воздвигнут 1816 [года] и украшен щедротами императора Александра I. За престолом поставлен живописный образ Рождества Христова, работы Г. Тончи.

3. Утварь и украшения церковные

Два евангелия, обложенные серебром и украшенные жемчугом и каменьями. О времени вклада их не осталось никаких сведений; но на двух крестах золотых, обнизанных жемчугом с каменьями, есть надписи, означающие вклад их от царя Михаила и царицы Евдокии

на поминовение дщери их царевны Софии.

Потир, дискос, звезда и лжица золотые — вклад царя Алексея и царицы Марии на поминовение дщери их царевны Анны 1649 года. Другой потир, серебряный вызолоченный, принесен в дар от царевны Марии Алексеевны в 1711 году.

Водосвятная чаша царя Алексея Михайловича.

Ковшичек серебряный вызолоченный царевны, бывшей потом императрицей, Анны Иоанновны.

Семь блюд серебряных с надписями. В алтаре за престолом крест с прорезными кругами, обложенный золоченым серебром, с надписью, напоминающей разорительное нашествие на Москву галлов в 1812 году.

В главном иконостасе образа старинного письма; местные иконы вновь обложены серебряными позолоченными ризами, а венцы на них украшены жемчугом и каменьями, лампады пред ними серебряные, царские двери также в серебре. Икона Одигитрии, близ царских врат, замечательна своей древностью. Она привезена из Греции и списана точь-в-точь с находившейся в Цареграде чудотворной; в бывший 1488 года пожар от растопившегося на ней золотого оклада лик был поврежден, но дека уцелела, на которой искусный того времени иконник Дионисий написал видимый нами ныне образ.

4. Гробницы

Монастырь Вознесенский есть место погребения почивших в бозе великих княгинь, цариц, великих княжон и царевен в продолжение трехсот тридцати шести лет, считая от великой княгини Евдокии Димитриевны до царевны Парасковии Иоанновны, скончавшейся 1731 года. Всех царского рода женских гробниц 35. Многие из них с надписями; на девяти положены покровы, жемчугом обнизанные, а на четырех вышитые золотом. Подробнейшее описание сего покоища порфирородных жен и дев предложено в примечании. Гробница основавшей сию обитель великой княгини Евдокии 1822 года обделана серебром в виде раки.

5. Воспоминания, до сего монастыря касающиеся

Прибывшая 1488 года в Москву дщерь молдавского господаря Стефана Елена для вступления в брак с сыном Иоанна III князем Иоанном Иоанновичем жила до свадьбы своей в Вознесенском монастыре у матери государевой великой инокини Марфы * Ярославовны.

Димитрий Самозванец выстроил в монастыре для мнимой матери своей царицы Марии Феодоровны красивые комнаты и на несколько дней до своей свадьбы поместил там невесту свою Марину Мнишек. Приходя каждый вечер в святую обитель веселить ее польскими музыкантами и плясунами, он возбудил против себя народное негодование.

Истинная матерь богом венчанного Михаила, великая инокиня Марфа Иоанновна провела остаток благочестивой ее жизни в сем же монастыре; над кельями ее, примыкавшими к Спасским воротам, поставлен был снаружи изваянный на камне герб московский для ведома всем проходящим о жительствующей тут родительнице государевой. Герб сей в 1807 году снят главноначальствовавшим над Оружейной палатой П. С. Валуевым и отдан на сохранение в ту палату.

Вознесенская обитель была богатее всех женских монастырей вкладными отчинами: при учреждении духовных штатов считалось за оным 15 580 крестьян. Великая княгиня София Витовтовна в 1453 году отказала на помин души своей село Доренское; 1472 [года] князь Юрий Васильевич дал село Петровское, 1486 [года] князь Михайло Андреевич Верейский написал в своей духовной, что отдает в монастырь к Вознесению село свое Тарутинское; а если великий князь пожелает взять оное за себя, то дал бы вкладу в тот монастырь пятьдесят рублей. В 1504 году принадлежало Вознесению село Сурмино и деревня Отопкино. С приращающеюся год от году смертностью приращалось и число вотчин монастырских.

В Вознесеньев день посылалось из дворца игуменье с сестрами много рыбы, пирогов и для питья меду.

6 **.

Все женские в России монастыри издавна служили убежищем для пожилых женщин, посвящавших себя, по испытании в жизни превратностей, служению божью.

В Вознесенской обители было училище для юных дев высшего состояния. Там воспитывали их в благочестии, обучали грамоте, церковному пению и приличным рукоделиям; там, видая часто цариц с царевнами и придворных боярынь, они смолоду приучались к хорошему обхождению и заживали добрую себе славу. Доныне осиротелые и бедные девочки, находя в сей обители пристанище, выучиваются тут читать и петь на клиросах, кружева плесть и

* Ошибка А. Ф. Малиновского. Имя матери Ивана III — Мария.— **С. Д.**
** Заголовок к разделу 6 в рукописи отсутствует.— **С. Д.**

золотом вышивать. Около трехсот лет продолжают там работать искусственные цветы, листья и восковые изображения ангелов для верб. В Лазареву субботу, накануне цветоносной недели, поутру, вербы уставляются пред монастырскими воротами. Поутру отцы и матери привозят и приносят туда малолетних детей своих и, увеселяя их зрением пестроты, покупают для каждого вербу, которыми красуются они при всеночном молении в день праздника. После обеда опять съезжается в Кремль такое множество взрослых и старых, детей, что ряды карет их тянутся по всем главным улицам Белого города. Удовольствие, доставляемое детям, и воспоминание прежде бывшего при царях пышного обряда в вербное воскресение установили издавна сей съезд для жителей московских.

7. Штат монастырский

Духовные штаты для всех монастырей состоялись 1764 года февраля 26-го, когда императрица Екатерина II повелела все бывшие доселе за монастырями вотчины, по последней ревизии 910 866 душ, передать в ведомство Коллегии экономии, распорядив получаемый с них полуторарублевый оброк на жалованье Синоду, монастырям и всему духовенству, а остаток на пенсии отставным офицерам, на госпитали, богадельни и прочие богоугодные дела. За Вознесенским монастырем до штатов состояло вкладных деревень 15 582 души.

В Вознесенском монастыре, кроме игумении и казначеи, положено быть 70 монахиням. Окладного им жалованья в год [авт. пропуск] рублей. Император Павел I, сверх прибавки им годовых окладов, пожаловал озера для рыбных ловель, мельницы и сенокосные луга.

ГЛАВА X

О РУЖНЫХ ЦЕРКВАХ В КРЕМЛЕ

1. Церковь Рождества богородицы

На том месте, где издавна была построена деревянная церковь Лазарева воскресения, вдовствовавшая супруга великого князя Димитрия Донского Евдокия Димитриевна воздвигла 1393 года каменный храм Рождества пресвятой богородицы с приделом Лазаря в незабвенную память одержанной супругом ее знаменитой победы в день сего праздника над Мамаем. Она щедро снабдила сию церковь золотыми и серебряными сосудами и богатейшей утварью. В 1395 году греческий иконник Феофан и российский Феодор Черный расписали стены сей церкви.

1454 [года] августа 31-го громовой удар разрушил верх ее; по возобновлении чрез семнадцать лет опустошена была пожаром. Строитель Успенского собора Аристотель, неизвестно чем прогневавший Иоанна III, содержался под стражей на Антоновом дворе за церковью св. Лазаря. 1514 [года] построена вновь архитектором Алевизом и в том виде остается доныне.

В Рождественском храме есть икона Иерусалимской богоматери, которую в завещании своем отказал императрице Анне Иоанновне большой казны подьячий Осип Тимофеев Бортников и о которой 16 сентября 1733 года предписано было начальствовавшему тогда в Москве графу Салтыкову именным указом, чтоб каждую субботу читали пред той иконой акафист и чтоб денно и нощно теплилась пред оной лампада; а за служение выдавалось бы священнику с причтом по сту рублей на год. До состоявшихся [в] 1764 году духовных штатов храм сей именовался Рождественским собором, что вверху на Царицыных сенях.

2. Церковь Рождества Иоанна Предтечи

Церковь Рождества Иоанна Предтечи, что слывет на Бору, каменная, начата строиться при великом князе Василии Васильевиче Темном в 1461 году, вместо прежде бывшей тут деревянной из соснового леса, который рос на том самом месте. При св. Петре митрополите находился там митрополичий двор. Придел в деревянной церкви был во имя Варлаама Хутынского чудотворца; а нынешний каменный посвящен мученику Уару. Есть старинное обыкновение, у кого дети не долгожизненны, приносить малолетних во дни рождения в сей храм и, пока продолжается молебен святому, класть их на камень, пред образом находящийся.

3. Ц[ерковь] Риз положения богоматери

Церковь Риз положения пресвятой девы построена 1450 [года] св. митрополитом Ионой в воспоминание избавления России от порабо-

щения ордынских татар. Прогнанный тогда от берегов Угры хан Ахмат убит был ногайским князем Иваком, а вскоре и вся орда его от междоусобий запустела. Храм сей 1484 года при митрополите Геронтии перестроили мастера, вызванные из Пскова.

До Никона патриарха церковь Риз положения была домовой патриаршей. Иосиф патриарх поставил пред местными образами Риз положения и Одигитрии два подсвечника, сделанные столбиками из воска и распещренные самыми яркими красками, на них две надписи. При сей церкви находится часовня, в которой образ Печерской богоматери привлекает много молельщиков.

Близ часовни были ворота, Ризположенскими называемые, из сих ворот выезжали новопоставленные патриархи на осляти для объезда и благословения всей столицы.

4. Ц[ерковь] Двунадесяти апостолов

В патриаршем доме при Никоне построена была церковь во имя трех святителей московских — Петра, Алексея и Ионы с приделом апостола Филиппа, тезоименитого четвертому святителю-страдальцу. Но по уничтожении патриаршества и по учреждении Святейшего Правительствующего Синода Петр I повелел в 1723 году надстроить над келиями первосвященников церковь во имя Двунадесяти апостолов с приделом токмо апостола Филиппа. В составленной им самим надписи, помещенной на иконостасе, скрывается мысль его о преобразовании духовной власти: «Престол твой, боже! В век века. И да поклонятся ему все ангелы божии. И ныне избрал и освятил дом сей, да будет имя мое ту во веки. И будут очи мои и сердце мое ту в та дни».

5. Ц[ерковь] царя Константина

Церковь царя Константина и матери его Елены построена была при в. к. Димитрии Донском и неоднократно упоминается в летописях XIV столетия. В ближайшей к ней башне ворота, ныне заделанные, назывались Константино-Еленовскими, а вся подгорная часть к Москве-реке подолом. Церковное здание Димитриевых времен чрез триста лет начало разрушаться. Благочестивая царица Наталья Кирилловна иждивением своим и внука своего царевича Алексея Петровича построила в 1692 году новый храм на том же месте; теперь и он крайне обветшал.

6. Ц[ерковь] Благовещения на Житном дворе

Благовещенская на Житном дворе церковь построена 1731 года по именному повелению императрицы Анны для образа Благовещения, в одной из набережных кремлевских башен на стене явившегося; Житный же царский двор сгорел в пожар 1737 года.

Все сии церкви называются ныне ружными потому, что, не имея приходов, состоят со времен Петра I на денежных окладах вместо прежних хлебных и праздничных дач, из дворца прежде получаемых.

7. Упраздненные в Кремле церкви

За двести лет пред сим считалось в Кремле 35 каменных и деревянных церквей; но при царе Алексее Михайловиче, после моровой в 1654 году язвы, при Петре I, по уничтожении патриаршества, и при Екатерине II, по случаю предпринятого ею построения в Кремле огромнейшего дворца, многие упразднены.

По недостатку документов упомянем хотя о некоторых: церковь св. бессребреников Косьмы и Дамиана против ворот Чудова монастыря, она заложена была 1504 года по разобрании старой; церковь во имя Входа в Иерусалим, пред домом боярина кн. Никиты Ивановича Одоевского; церковь Введения во храм пресвятой девы, помещена была в дворцовых строениях.

Еще три дворцовые же церкви: Спаса нерукотворенного, по обещанию царевны Софии в 1687 году устроенная, Успения пресвятой богородицы вверху и Похвалы пресвятой богородицы на Потешном дворе с приделами Алексея человека божия и Марии Египетской.

ГЛАВА XI
БЫВШИЕ В КРЕМЛЕ МОНАСТЫРСКИЕ ПОДВОРЬЯ

Отведенные под дворы монастырям места для приезда и пребывания в Москве самих настоятелей называются подворьями. Государи жаловали архиереев и архимандритов только землями, которые обстраивались монастырским иждивением. Вселенские патриархи, приезжавшие в Москву, живали всегда на подворьях в Кремле. Монастырских было восемь

и одно соборное: 1. Новоспасское подворье находилось близ Никольских ворот с высокой трехглавой церковью и колокольней во имя св. Афанасия и Кирилла Александрийского; 2. Симоновское близ Никольских же ворот с церковью Введения пресвятой девы, построенной в 1458 году; 3. Кирилловское пред Вознесенским монастырем с одноглавой церковью во имя св. Кирилла Белозерского с приделом великомученика Пантелеймона, построено 1524 [года] иждивением Юрия Бобинина. Сверженный с патриаршества Гермоген заключен был на Кирилловском подворье и уморен там от мятежников голодом; 4. Иосифское с церковью Благовещения пресвятой девы Марии, построенной в 1565 году; 5. Угрешское с церковью во имя чудотворца Петра митрополита, об оном упоминается в 1479 году по случаю большого пожара; 6. Новодевичьего монастыря игуменья Доминика получила для подворья во время междуцарствия 1612 года по приговору боярина князя Трубецкого и стольника князя Пожарского данную на описной двор в Кремле Петра Головина, но царь Михаил Феодорович не утвердил сей данной; 7. Даниловское близ церкви царя Константина и матери его Елены; 8. Подворье Архангельского собора находилось внутри Кремля близ Никольских ворот, рядом с находящимся в углу двором боярина князя Бориса Михайловича Лыкова, где построен после Цейхгауз. Оно имеет свою достопамятность, во-первых, потому, что привезенный на суд патриарх Никон поставлен был ночевать в сем подворье, а на другой уже день помещен был в дом князя Лыкова и во все продолжение над ним суда содержался там под стражей; а во-вторых, потому, что с первых чисел августа 1689 [года] Щегловитов собирался [с] заговорщиками во дворе Лыкова для совещания на цареубийство. Злое намерение свое хотели они произвесть с 7-го числа на 8-е ночью, но богом хранимый царь Петр Алексеевич спас свою жизнь, уехав в Троице-Сергиев монастырь. Достопамятнейшее из всех подворье Троицкое с церковью Богоявления господня и с приделом во имя св. Сергия Радонежского чудотворца, построенными 1460 года на принадлежавшем в Кремле Троицкому Сергиеву монастырю месте. Чрез двадцать лет при Иоанне III разобрали ее и построили вместо одной две церкви — Богоявленскую о трех главах и Сергиевскую с высоким шпицем, обнесли их каменной оградой, внутри которой появились кельи, и тогда уже стали называть Троицкое подворье Богоявленским в Кремле монастырем. Нет сомнений, что по принадлежности его Троицкому монастырю и ближайшая к нему кремлевская башня получила название Троицкой. Избрание на царство Михаила Романова-Юрьева началось в стенах сей обители: 1613 [года] февраля 20-го, в субботу на первой неделе великого поста, после обедни, пришли на Троицкое подворье многие дворяне из разных городов, гости и великих чинов люди и, вызвав из кельи монастырского келаря Авраамия Палицына, возвестили ему словесно единодушное желание всех избрать на всероссийский престол семнадцатилетнего юношу Михаила Феодоровича Романова, родственника по матери царю Феодору Иоанновичу. Некоторые из пришедших подали о том и письменные хартии, умоляя сего инока ходатайствовать о допущении их в боярский совет, который управлял тогда сиротевшей Россией. Для донесения о столь важном земском деле старец Палицын предстал перед советом с значительнейшими из явившихся к нему дворян, гостей и духовных; объяснив присутствующим о причине пришествия, он прочел пред ними врученные ему рукописания. Бояре приняли радостно сие извещение. На другой же день в с[о]борное воскресение, лишь только взошли они в первопрестольную церковь Успения богоматери, то услышали сами раздавшееся в святом храме вожделенное имя Михаила. Возвратясь из собора, они пригласили к чрезвычайному заседанию совета первостепенное духовенство, главных сановников и предложили им, на кого единогласно падает выбор. Все тут бывшие безызъятно объявили на сие усердное свое желание, и тот же час отправлены были от совета на Лобное место к собравшемуся во множестве на Красной площади народу рязанский митрополит Феодорит, новоспасский архимандрит Иосиф, келарь Авраамий Палицын и с ними боярин Василий Петрович Морозов вопросить народ, все ли согласны избрать на престол царем Михаила Феодоровича Романова. Но едва успели они появиться на Лобное место, то прежде еще вопрошения их весь народ едиными устами и единым сердцем возопил: «Михаил Феодорович да будет царь государь Московскому государству и всей русской державе!» Тогда-то уже управлявший Россией совет отправил к пребывавшему близ Костромы в Ипатском монастыре Михаилу с матерью своей посольство от всего государства с прошением о принятии всероссийской короны, и с великим трудом едва умолили его согласиться на сие избрание.

В Москву прибыл государь апреля 19-го, а июля 11-го короновался. Родитель государев, ростовский митрополит Филарет, возвратясь из Польши, не захотел остановиться в приготовленных ему патриарших чертогах и до наречения в патриархи избрал для пребывания своего Троицкое подворье.

В 1753 году Богоявленская церковь обновлена и мая 14-го освящена лаврским архимандритом Афанасием Ольховским. Императрица Екатерина II после бедственного для Москвы 1771 года повелела все подворья в Кремле упразднить, а по времени и пришедшие в ветхость церковные здания были сломаны, материалы ж обращены в пользу тех монастырей, которым уничтоженные подворья прежде принадлежали.

ГЛАВА XII
О КРЕМЛЕВСКИХ ДВОРЦАХ И РАЗНЫХ К НИМ ПРИНАДЛЕЖНОСТЯХ

1. Разновременное построение каменных и деревянных дворцов

Со времен Иоанна Данииловича Калиты дворец великокняжеский занимал самое красивое среди Кремля местоположение, господствующее над всей видимой окрестностью, которая из дворцовых окон представляется в образе огромнейшего амфитеатра. Под возвышенной крутизной, на которой поставлены государские чертоги, протекает величавая река Москва, излучины ее издалека светлеются зеркальной прозрачностью, а струи мелькают сквозь деревьев, растущих по холмам нагорной стороны.

Прежде дворцы обладателей Москвы были деревянные, неогромные и по надобности увеличивались пристройками без наблюдения архитектурной правильности. Начавшиеся сношения единовластителя России Иоанна III с европейскими и азиатскими государствами напомянули ему о необходимости наружного блеска. Желая распространить и улучшить жилище свое, он упразднил находившийся возле самого дворца монастырь Спасский и перевел архимандрита на новое место за город; а сверх того приобрел меной и покупкой у князей и бояр несколько мест и дворов смежных. Когда итальянские архитекторы отстроили соборы в Кремле, то великий князь приказал им заняться строениями для дворца своего. Будучи доволен первым опытом их зодческого искусства над Грановитой палатой, он повелел в 1492 году разломать деревянный свой дворец и поставить новый каменный на Ярославовом месте за церковью архангела Михаила, а сам переехал в новопостроенный дом князя Ивана Юрьевича Патрикеева. Но вскоре пожар попалил все дома в Кремле, и государь принужден был помещаться в обывательских домах близ церкви св. Николы Подкопая.

В каменный дворец, заложенный им до пожара, он перешел в 1494 [году] ноября 10-го, приказав все деревянные церкви и дома за Москвой-рекой против городской стены перенесть на другое место и на сей равнине разводить сад. Для удобнейшего помещения семейства великокняжеского медиоланский архитектор Алевиз в 1499 году построил другое здание по тогдашнему вкусу великолепное; под ним выведены были глубокие погреба и подвалы.

В продолжение Иоаннова царствования Москва беспрерывно возрастающими огромными строениями и пышностью обрядов, введенных выехавшими с супругой его греками византийского двора, удивляла не только россиян, но и приезжающих иноземцев.

Великий князь Василий Иоаннович спокойно поместился в каменном дворце, застроенном при родителе его, близ Благовещенского собора; а сын его Иоанн IV построил для себя деревянный дворец в Кремле. Борис Годунов по возведении своем на царство не хотел жить в комнатах, где скончался Феодор, а поместился в комнатах сестры своей царицы Ирины Феодоровны, но после пристроил к ним для себя дворец деревянный.

Во время чрезвычайного в 1601 году голода для доставления мастеровым людям пропитания он занимал их полезной работой. По его повелению сломали деревянный дворец Иоаннов и на прочном фундаменте создали две великие палаты, примкнув их к Золотой и Грановитой. Сие соединение придало снаружи величавую огромность всем дворцовым зданиям.

Лжедимитрий велел сломать деревянный дворец, в котором жил Борис, и построить для себя ближе к Москве-реке новый, также деревянный.

Над дворцом великого князя Иоанна Васильевича надделан при царе Михаиле Феодоровиче терем для сыновей его царевичей Алексея Михайловича и Ивана Михайловича, что значится из находящейся там надписи. Великие палаты, построенные в царствование Годунова, чрез 250 лет начали разрушаться. Императрица Елизавета Петровна приказала перестроить их; но дав сему зданию фасад новейшей архитектуры, сделала несовместную противоположность всем старинным зданиям в

Кремле. На тех же стенах в 1817 году наскоро воздвигнут из дерева, обложенного с двух сторон кирпичом, нынешний дворец императорский; таким же образом построены за дворцом и три кавалерских флигеля.

2. Грановитая палата

Для приема иностранных послов и важных торжеств заложена была в 1487 году Марком Фрязином огромная палата с обширными сенями, он кончил ее через четыре года при помощи другого архитектора Петра Антония. Она называется доныне Грановитой, потому что в наружных стенах ее вставлены выпуклые камни с гранью.

Иоанн III обновил ее великолепным приемом литовских послов и обручением дочери своей Елены за литовского великого князя Александра, бывшего потом королем польским. С тех пор все государи наши торжествовали там коронацию, пировали на свадьбах, принимали послов от держав первостепенных и удивляли их великолепием угощения.

Четвероугольный посреди палаты столб (пиля[ст]ра), поддерживающий четыре свода, уставливали, как и ныне бывает, золотыми и серебряными сосудами снизу доверху. На трехступенном возвышении под красным бархатным с золотыми галунами балдахином стоял трон, драгоценными каменьями украшенный, над которым при царе Борисе висела корона с боевыми часами. В сводах помещены были живописные изображения: господа Саваофа во славе, творений ангелов и человека, изгнания из рая; а стены яркими красками представляли разные случаи из отечественной истории; причем не забыто было и вымышленное разделение вселенной между братьями Августа Кесаря, из которых досталось царствовать на севере [...]

Для аудиенции иностранным послам цари облачались во внутренних комнатах и при звоне большого колокола проходили оттуда со свитой прямо в Грановитую палату. Воссев на царское место в блестящей короне с мономаховым скипетром в правой руке, они приказывали являть послов, которые, проходя сквозь ряды богато одетых чиновников и гостей, приветствованы были тремя встречами: на дворцовом крыльце, на лестнице и в дверях.

С левой стороны трона находился серебряный стоянец, на котором полагалась держава; а поодаль близ окна приготовлен был золотой рукомойник с полотенцем для омовения рук. По обеим сторонам трона стояли на страже четверо рынд, избранных из среды знаменитейших юношей, великорослые и благообразнейшие; в белых атласных платьях, с высокими рысьими на головах шапками, препоясанные крестообразно чрез оба плеча золотыми цепями и вооруженные серебряными секирами; занеся руки на поражение, они пребывали неподвижны. Бояре, окольничие и думные дворяне занимали все лавки, обтянутые, равно как и застенки, алым бархатом с галунами. Они сидели все в горлатных высоких шапках из лисьего меха; кафтаны их были парчовые с воротниками, унизанными жемчугом и разными драгоценными каменьями. Но наряд самого царя казался лучезарным солнцем, в котором блеск других исчезал. Сверх станового кафтана, обложенного алмазами, изумрудами и яхонтами, сияли на нем мономаховы оплечья, бармами называемые. На великолепные торжества и угощения в Грановитой палате царицы и царские дети сматривали из тайника. Так называлось верхнее окно в стене против царского места.

3. Средняя Золотая подписная палата

Для торжеств и аудиенций, менее значительных или приватных, была во дворце другая палата под названием Золотой. В ней стены, потолок и оконные просветы были вызолочены и по золоту украшены живописью, изображавшей разные происшествия из священной истории и аллегорические лица добродетелей, пороков, четырех времен года и главных ветров. У некоторых картин на свитках были поучительные надписи, вместо обыкновенных букв связью начертанные. В переднем месте Золотой палаты над царскими креслами из слоновой кости, украшенными бирюзой, помещали святые иконы, под которыми привешивались пелены с узорами, низанными жемчугом и разноцветными каменьями. Сии пелены бывали первого наряда самые богатые, а второго и третьего не столь драгоценны, их употребляли смотря по важности торжеств и знаменитости допускаемых на аудиенцию послов.

Посреди свода висело большое серебряное паникадило; а в приличных местах по стенам прибиты были огромные вызолоченные подсвечники. Застенки и лавки обтягивались индийскими тканями. Окна убирались занавесами из турецкой парчи. Двое часов, присланные от цесаря Рудольфа, одни механические, обложенные серебром, стояли у входа. Перед печью также находилось наружное украшение из литого серебра. Оно изображало с одной стороны американца с колчаном за плечами, опирающегося на свой лук, а с другой — американку, держащую в левой руке стрелу; на поддонах же, украшенных трофеями, изображена была в выпуклых фигурах Слава, тру-

бящая в извитый рог. Полы устилались разноцветными персидскими коврами. Все сие придавало Золотой палате великолепие необыкновенное.

Английский посол Карлиль, будучи там на приватной аудиенции у царя Алексея Михайловича, дает ей преимущество в убранстве пред Грановитой.

В прочих комнатах царских стояли длинные столы и скамьи, покрытые алым бархатом с золотой бахромой или сукном с галунами.

Как в сношениях России с европейскими и азиатскими державами строго наблюдалось различие, то от первостепенных послов и посланников принимали на публичную аудиенцию в Грановитой палате, а от прочих в Золотой палате. Царь, вопрошая послов римского императора, турецкого султана и персидского шаха о здоровье их государей, вставал с трона; а при вопрошении королевских посланников только приподымался; о владетелях же низшей степени спрашивал всегда сидя.

Золотая палата находилась в средине фасада нынешнего дворца, лицом к Ивановской колокольне.

4. Столовая, Набережная, Постельная, Ответная, Крестовая, Панихидная и Задняя палаты

Известны еще семь комнат во дворце царском, и каждая имела из них особенное назначение.

Столовых палат было две. При царе Иоанне III большая Столовая называлась Брусяной, потому что из брусьев была срублена. Царь Борис Годунов во время голода для пропитания каменщиков работой построил на том же месте каменную высоким шпицем. В торжественные и праздничные дни цари приглашали к своему столу палатных вельмож и пировали с наблюдением всех дворских обрядов; но для оказания пред иностранными послами в полном блеске пышности, обедывали и допускали их на аудиенцию в Грановитой палате. Царские торжественные выходы пред коронованием и бракосочетанием, самое обручение и поезды свадебные отправлялись в большой Столовой палате.

Другая Столовая, меньше первой, называлась Набережной, построена была окнами к Москве-реке с небольшой наверху ее деревянной башенкой. Тут обедывали цари запросто с семьей своей. До построения Грановитой палаты Иоанн III принимал в Набережной столовой знатного рыцаря Николая Поппеля, который приезжал с предложением от императора Фридерика III, не соизволит ли великий князь выдать одну из дочерей своих Елену или Феодосию за маркграфа баденского Альбрехта; но после допускались тут на аудиенцию меньшего достоинства посланники и гонцы.

Постельной палатой назывался царский кабинет, где он занимался государственными делами и почивал только после обеда; а ночи проводил всегда на двуспальной кровати с царицей в так называемом Сеннике, опочивальне. Доступ в нее возбранялся всем, кроме небольшого числа самых приближенных царедворцев; но при случае опасной болезни государя патриарх с первейшим духовенством и столбовые бояре выслушивали тут изустные завещания умирающих властителей.

В Ответной палате производились переговоры бояр и думных дьяков с чужеземными послами и посланниками. В ней объявлялись и милости царские разного звания людям. Здесь же в 1700 году имела свое заседание комиссия, учрежденная Петром I для сочинения нового уложения.

В Крестовой пели всеночные молебны, а на первой и страстной неделе, когда царь недомогал или чем особенно занят был, отправляли заутрени, часы и ефимоны. Царская Дума и совещания о делах государственных в присутствии самого государя, патриарха и ближних бояр происходили в сей палате.

Панихидная была построена царем Борисом Годуновым в одно время с большой Столовой палатой. В ней делались распоряжения о поминовении почивших в бозе государей с присными их во дни преставлений и именин; ибо при конце жизни они именно завещали, чтоб не прекращалась память о родителях их и свеча никогда б не угасала на отеческих гробах. Дела, до содержания соборов и ружных в Кремле церквей касающиеся, также снабдение их ризницей и всеми потребностями и все дела милосердия царей наших производились в сей палате под ведомством особого дьяка, который и назывался панихидным дьяком.

Задней палатой именовалась отдаленнейшая от чертогов царских. О ней упоминается в 1547 году по случаю свадьбы государева дяди князя Юрия Васильевича, который жил тогда в царском дворце, и сия палата была назначена ему для спальни.

5. Царицына Золотая палата

Для торжественных приемов устроена была для цариц особенная Золотая палата под церковью Всемилостивого Спаса. Она называлась прежде Лазаревой палатой, по близости ее к церкви Рождества богородицы с приделом св. Лазаря. Здесь казанский царь Шиг-

Алей, стоя на коленях пред шестилетним венценосцем Иоанном IV, раскаивался в своем вероломстве и со слезами просил прощения. Здесь патриарх Иеремия благоговел пред царицей Ириной, супругой Феодора I; а сопровождавший его епископ еласонской страны у подошвы горы Олимпа не находит слов для описания ослепительного великолепия в сем чертоге.

Оный был круглый, сплошь ярко вызолочен, стены, покрытые изящной мусиею с изображениями спасителя, богоматери, ангелов и иерархов, а на своде искусно сделанного льва, который держал в зубах змею с висящими на ней многими подсвечниками. Искусством зодчего комната сия удивительным образом отражала произносимые в ней звуки. В ней стояло возвышенное место с бархатной, жемчугом низанной алой подушкой и с таким же подножием. Окованный серебром стол из алоевого дерева, жемчугом обнизанные зеркала и золотые парчовые у окон занавески красиво наряжали палату цариц наших.

Чинно предстоявшие боярыни, на коих блистало золото и сияли алмазы с изумрудами и яхонтами, усугубляли великолепие царицыных аудиенций. Царицы наши принимали в своих комнатах поздравления со днями рождения и именин патриарха, митрополитов, бояр и боярынь. Жены приезжавших в Москву иностранных послов также допускаемы были к ним. Подвластные российскому скипетру казанские, сибирские и касимовские царицы пользовались тем же правом. Грузинская царица Елена Леонтьевна при пышном ей приеме не могла скрыть объявшего ее удивления от невиданной ею пышности и стройного благолепия.

Но жилище супруг царских не ограничивалось Золотой палатой, они имели свою столовую и несколько комнат для царских детей, для боярских боярынь, сенных девушек, нянюшек, мамушек и разных прислужниц. Спальни царей были на той половине, где жили царицы, и назывались сенниками. По полу разостланы были персидские ковры. Кровати делались из дерева, резные, с верхом и столбиками позлащенными. Одному из кроватных завесов сохранилось описание: он был из турецкой парчи, тканной на оба лица, с проложенной между полотнищ сквозной золотой сеткой. На высоком изголовье и нарядных подушках наволочки алые бархатные с золотыми разводами. Простыни, шитые золотом и шелками. Одеяло узорчатое, по атласу золотом простеганное, к верхнему концу оного пришивались каймы, гривами называемые. На самой нарядной гриве по алому атласу вынизаны были травы жемчугом, между трав в гнездах вставлено 22 яхонта лазоревых, 25 изумрудов и 17 лалов. Кроме одеял клали на постели и покрывала столь же богатые. Одно из таковых прислал персидский шах Аббас II царю Михаилу Феодоровичу, вынизанное жемчугом, разноцветными бисерами и корольками с изображением людей, зверей и птиц.

6. Дворцовые сени и крыльца

Набережные сени близ Благовещенского собора, называвшиеся и Проходной палатой, памятны тем, что сыновья князя Юрия Димитриевича Косой и Шемяка умертвили там из своих рук любимца родителя их Морозова. Еще достопамятнее сени пред Грановитой палатой сожжением там местнических книг и уничтожением чрез то всех споров о преимуществе дворянских родов одного пред другим. Главное дворцовое крыльцо, называемое доныне Красным, построенное вместе с Грановитой палатой; на нем была крышка с тремя башенками, яркими красками раскрашенными, а при входе с площади медные дверцы, которые растворялись только для самого государя для парадных выходов. С Красного крыльца смотрел Иоанн IV на комету и тут предрек себе близкую кончину. Лжедимитрий, обольщая сумнящийся о нем народ московский, принимал на Красном крыльце челобитные от обиженных. Среднее крыльцо было между Красным и Благовещенским собором и с переходов вело прямо в Золотую палату. На площадке Постельного крыльца пред золотой Спасскою решеткой объявлялись царские приказы во услышание всем царедворцам и укоризненные за проступки приговоры. Ко дворцовым зданиям вели еще две лестницы — Ризположенская и Светличная к царевнам.

7. Житный, Сытный, Кормовый и Хлебенный дворы

К царскому дворцовому ведомству принадлежали четыре двора: 1. Житный двор находился прежде за дворцом Иоанна III, куда Лжедимитрий в отчаянии выбросился из дворцового окна. В 1658 [году] все житницы перенесены были под гору, где ныне ружная церковь Благовещения; но 1737 [года] в пожар, Троицким называемый, сгорели. В сии житницы ссыпали для дворцового обихода всякий запасный хлеб, привозимый из волостей государевых. 2. Сытный двор стоял против Потешного дворца и в 1806 году сломан по причине крайнего безобразия от обветшалости. Он служил складкой для всяких питий про государя. Название Сытного дано ему от того, что там рассычивали меды — вишневые, малино-

вые, паточные, с гвоздцами, цеженые и проч. Из виноградных вин предпочиталась всем другим романея, выписывали также аликант, мальвазию и бастр. Водки, хлебного вина, мартовского пива и квасов расходилось для дворца многое множество. Из Сытного ж двора выдавалось восковых свеч во дворец на освещение комнат и к образам до 900 пудов. 3. Кормовый двор, оттуда отпускалась на кухни для всего царского двора всякая мясная и рыбная провизия. 4. Из Хлебенного двора доставляем был белый хлеб и пирожное. В ведомстве хлебном находилась Овощная палата, из которой выдавались сахар, плоды и ягоды сухие, миндаль, пряные коренья и всякие лакомства. В 1700 году расход дворцовый простирался ежегодно до 55 836 рублей; но Петр I прекратил излишнюю трату и убавил из того 20 000 рублей. Чрезвычайная дешевизна тогдашняя более всего объясняет возможность ограничения дворцовых доходов. Над всеми упомянутыми четырьмя дворами начальствовали степные ключники. Замечательно, что в счетных 1700 года книгах, где выдача всех потребностей для двора записывалась подробно, не упомянуто ни о кофе, ни о чае.

8. Потешный дворец

Из числа прежних зданий, принадлежащих к царским в Кремле дворцам, сохранился в готическом своем виде Потешный дворец, который ныне отведен для жительства коменданту, тут же помещается и Ордонансгауз. Тут был дом боярина Ильи Даниловича Милославского, которого дщерь Мария была первой супругой царя Алексея Михайловича.

В святки, на масленице, в последние дни Пасхи и в заговенье царь с царицей и с приближенными царедворцами пировал и забавлялся у тестя своего музыкой и театральными зрелищами; с тех пор и дом сей получил имя Потешного. По кончине царицы Марии сии увеселения производились в Преображенском и в дворцовом селе Алексеевском. При царе Феодоре Алексеевиче Потешный дворец возобновлен и украшен; там устроили правильный театр, и царевна София в угодность царствующего своего брата сама с благородными девицами и с знатными придворными игрывала на оном комедии и трагедии.

Потешный дворец можно назвать колыбелью императорской гвардии. Неопровергаемо доказать можно, что первые детские игры юного царя Петра I начались в Потешном дворце, и оттого забавлявшие его солдатскими строями мальчики прозваны были потешными; а когда число их умножилось и надлежало приучать к оружейной стрельбе, то младенствующая гвардия переведена уже была в Преображенское. На обширных там полях, под надзором незабвенного Лефорта, с возрастом сих детей возросли и успехи военного в России искусства. Потешное учение было зарей побед.

9. Дворцовый Конюшенный двор

Конюшенный двор в Кремле построен при Феодоре II и назывался тогда Аргамачьим двором для царских верховых аргамаков и каретных лошадей. До того времени конюшни государевы были на Мясницкой подле церкви Флора и Лавра. В приказе Конюшенном, издавна учрежденном, письменные дела производил ясельничий с помощью дьяка; но главное начальство над государевыми конюшнями и над всеми конскими заводами с приписными к ним волостьми имел боярин-конюший и пользовался значительными от своего места доходами. Обширная и неограниченная власть бояр и конюших князя Ивана Федоровича Телепнева-Оболенского и Бориса Федоровича Годунова подала повод иноземным писателям к ошибочному заключению, будто к званию конюшего присоединилась самая высшая степень знатности, до какой только возможно достигнуть российскому подданному.

Богатые седла с чепраками и конской сбруей, обнизанные жемчугом; полсти санные, колымаги, каптаны и кареты со всей упряжью хранились в то время на Конюшенном дворе под надзором боярина-конюшего.

Построенный Феодором II двор Конюшенный недавно перестроен вновь с большими удобностями, а наружности придано больше красивости.

ГЛАВА XIII

О РОССИЙСКОМ МУЗЕЕ, НАЗЫВАЕМОМ МАСТЕРСКОЙ ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТОЙ, И О ХРАНЯЩИХСЯ ТАМ СОКРОВИЩАХ*

1. С которого времени известно стало название Мастерской Оружейной палаты

О хранилище царских драгоценностей упомянуто в первый раз под названием Мастерской Оружейной палаты при великом князе Василии Иоанновиче. С тех пор главное начальство над оной вверялось всегда надежнейшему из бояр с почетным титлом оружейничего.

Сокровища палатские составились из мастерских палат, принадлежавших царям и царицам, куда поступали также вещи из Казенного и Конюшенного приказов. Отдельного здания для помещения оных прежде не было; их прятали в сундуках, расставляемых по казенным кладовым; иногда же переносили в разные дворцовые комнаты и опять запрятывали в безопасные места. Императрица Екатерина II повелела занять для сего царский терем и, расставив все вещи на виду, содержать их в чистоте и сохранности.

2. Построение нового здания для Российского музея

Нынешняя Мастерская Оружейная палата есть новое огромное здание, заложенное в 1806 [году] и чрез три года отстроенное на том месте, где был некогда дом боярина Бориса Федоровича Годунова. При въезде в Кремль из Никольских ворот оно во всем своем протяжении представляется взору.

Снаружи украшают его десять барельефов, одиннадцать статуй и восемь бюстов. Все они припоминают достопамятнейшие происшествия государственные и изображают лица исторические.

3. Богатства царские до опустошения Кремля поляками

Нам остались несомненные доказательства несметных богатств и великолепия прежних государей наших. При торжествовании победы над Казанью царь Иоанн IV раздарил сподвижникам своим до четырехсот пудов серебра в кубках, кружках и ковшах. Царь Борис, находясь шесть недель в лагере под Серпуховом, угощал ежедневно в великолепных шатрах по десяти тысяч человек на серебряной посуде. Когда приехал в Москву датский принц Иоанн для женитьбы на дочери его царевне Ксении, то датчане не могли надивиться пышности двора его и щедрости подарков. Для угощения королевича в день приезда столом прислано было к нему сто золотых чаш с кушаньем, покрытых такими ж блюдами, и соразмерное тому число золотых же кубков, стоп и кружек с напитками.

На приемной аудиенции в Грановитой палате Борис и царевич Феодор стояли под богатым балдахином в длинных пурпурового цвета порфирах, обнизанных жемчугом и драгоценными каменьями, в короне царской и оплечьях блистали алмазы и яхонты неоцененные. На троне поставлены были кресла из золота и стол из серебра с позолоченным подножием. Над столом висела искусного мастерства корона с боевыми в ней часами.

Много драгоценностей царских расточил Лжедимитрий на дары польским вельможам, а более всех тестю своему пану Мнишку. Для невесты своей он накупил большое количество дорогих каменьев; а для себя заказал сделать серебряный позолоченный престол на шести львах, литых из того же металла. При царе Василии Шуйском сокровища наши приметно уменьшились; ибо, за истощением доходов государственных на продолжение войны с поляками и самозванцами, много золота и серебра перебито в монету. По занятии ж гетманом Жолкевским Кремля поляки вероломно завладели царской казной и сокровищами, они брали все, что только успели захватить и увезть в Польшу. Самовидцы повествуют, что польские воины заряжали ружья свои крупным жемчугом и стреляли в русских из Кремля. Во власть их досталось несколько корон и скипетров, из которых один из цельной кости единорога и богато обделан был яхонтами и алмазами. После вероломного занятия поляками Москвы не осталось бы и совсем ничего из царской утвари, если б боярин и казначей Василий Петрович Головин при конце жизни

* Глава печатается с сокращениями, поскольку некоторые разделы опубликованы в книге А. Ф. Малиновского «Историческое описание древнего российского музея...» — С. Д.

своей не вверил ключей ближнему стольнику Никифору Васильевичу Траханиотову, и если б сей, узнав накануне 21 сентября, что Боярская дума определила впустить гетмана Жолкевского в Кремль, [не] успел сокрыть от неминуемого грабительства первый наряд царский с двумя только сундуками в подземную кладовую. За остатки от прежней пышности некоторых старинных драгоценностей, а более всего за короны, скипетр и бармы народная благодарность принадлежит Никифору Траханиотову.

Но источники Российского государства неисточимы. В течение полувека, при попечительных правлениях Михаила и Алексея, сокровищницы царские опять наполнились золотом, серебром и всякими драгоценностями, и оттого-то большая часть оных принадлежит ко временам династии Романовых.

4. Одеяния цариц

Избранные в супруги царям благодетельные девы вступали во дворец за три дня до свадьбы, и с титулом царевен возлагалась на них золотая корона, украшенная изумрудами и яхонтами, с девятью по обручу, жемчугом низанному, зубцами, у которых на остроконечии посажены были крупные бурмицкие зерна. В день венчания, сняв девический наряд, надевали на них златотканую верхнюю одежду, во всем подобную царскому становому кафтану, с драгоценной обнизью на плечах, рукавах, обеих полах и подоле; покрывали голову кикою и белым кисейным убрусом, обнизанным жемчугами и украшенным дробницами золотыми. Не одни царицы, но и царевны, дочери царские, будучи девицами, имели свои короны. Из числа одежд их шубы, кафтаны, опашни сходствовали с мужскими; но телогреи, кортели и летники были всегда особенным женским нарядом. Телогреи делались на меху, а холодные на тафтяной подкладке, парчовые обнизывались спереди узорами из жемчугу, теплые были на горностаевых или беличьих мехах, объяренные, и золотым спереди и по подолу складывались кружевом, сверх того опушались бобром; пуговиц на телогреи становилось по 12 и 15. Кортелями назывались коротенькие шубенки из одноцветной материи на меху, но украшались вошвами, то есть златоткаными вставками наподобие отложных воротников. Летники были богатее кортелей, ибо делались из разноцветных тканей с золотом и серебром. На одном из принадлежащих царице Евдокии Лукьяновне вошвы вставлены были вышитые по алому бархату золотом и серебром, с помещенными в разводе орлами.

К числу различных материй на платья принадлежат дороги кошанские (кашемирские) и яжвские *. Под сим названием разумелись нынешние шали. Их привозили персияне, индейцы и армяне во множестве; цены им, по сравнению с нынешними, так были низки, что от того не уважали ими, а раздавали их в бедные церкви на епитрахили и прочие потребности. Но в 1631 году упоминается, что царица приказала сделать себе из дорог жаркого цвета летник.

Головы свои украшали царицы шапками, лисьими высокими и бобровыми пониже, с бархатным верхом, низанными в узор между канители и трунцалов жемчугами и бирюзами; каптуры, или чепцы, также служили для них головным убором.

Чоботы и башмаки делались из разных шелковых одноцветных материй с накладкой цветных сеток, а каблуки обвивались битью.

Сорочки кроены были сбористыми рукавами из швабского полотна; но и шелковые были издавна в употреблении. В 1674 году шведского короля Карла II мать, Гедвига Елеонора, прислала царице Наталье Кирилловне между прочими подарками сорочку лазоревого цвета, тканную с золотом и серебром, несколько пар шелковых чулок с золотыми стрелками и с личинами, шесть пар рукавиц лайковых и опахало.

Из всех упоминаемых здесь одежд старинных едва ль что осталось до сего времени в Мастерской палате. Тлению подверженные ткани не могли долее ста лет сберегаться безвредно; но все они подробно поименованы в записных книгах архивских с обозначением некоторых, от кого в дар присланы или за сколько куплены. В числе ж многих прочнейших украшений, царицам принадлежавших, упоминаются в тех книгах: алмазные, изумрудные, яхонтовые и жемчужные серьги, запоны, ожерелья, зарукавья, нашивки, пуговицы; также монисты, золотые цепи для крестов, перстни и кольца, в старину обручами называемые.

5. Комнатные украшения в Кремлевском дворце

Огромнейший из чертогов в Кремлевском дворце есть Грановитая палата.

Главным украшением во всех чертогах царских были святые образа, под которыми привешивались пелены с узорами из драгоценных каменьев и жемчуга. Полы устилались персид-

* Так в тексте.— **С. Д.**

скими цветными коврами. Во всех комнатах стояли длинные столы, покрытые алым бархатом или сукном, обшитым галунами. В переднем месте приемной комнаты поставлены были одни из великолепнейших кресел, а застенки и лавки обтягивались индийскими и персидскими тканями.

6. Золотая и серебряная посуда

Сохранившиеся в подлинниках духовные грамоты великих князей со времен Иоанна Данииловича до самодержавного Иоанна III, упоминая о Мономаховой шапке, бармах и проч., от отцов к сыновьям в наследие переходивших, означают именно разные принадлежавшие им драгоценности, сосуды золотые и серебряные. Некоторые из них могли доныне уцелеть в палатском хранилище; но подлинных на то доказательств не довольно еще отыскано. Итак, для примеру токмо предлагаются здесь по азбучному порядку старинные названия о немногих из числа тех, которые с надписями и которые объясняются делами Архива иностранных дел, от кого и когда присланы были в дар российским государям.

Блюда

Золотое блюдце на поддоне с вставленной посредине яшмой, украшенное по краям изумрудами и яхонтами, поднесено было 1476 года в Новгороде при угощении великого князя Иоанна Васильевича от архиепископа Феофила. Блюдо большое серебряное с орлом посредине, а по краям между тремя яхонтами лазоревыми, одним баусом и двумя лалами вырезана подпись с именем царя Михаила Феодоровича. Сверх многих старинных блюд серебряных с позолотой, деланных в России, упоминается в посольских книгах, что шведский король Карл XI, английский Карл II, Голландские Статы и принц Оранский Вильгельм Генрих чрез послов своих присылали неоднократно при многих прочих подарках и блюда с российскими гербами, в том числе одно с изумрудом и яхонтами, топазами и фатисом.

Братины

Из братин подавали пить всем приглашенным к царскому столу гостям, одному после другого. Название и употребление сего сосуда настоящее русское и означает братство пирующих. На одной из них вычеканена надпись: «Любовь уподобися сосуду злату, ему же разбитие никогда не бывает, аще и погнется». Другая вся вызолоченная, с большими двумя лалами и двумя яхонтами, на ней надпись: «Повелением великого государя в сию братину наливается богородицына чаша». Между серебряными братинами сохранилась одна древняя из орехового дерева.

Ведра

Три ведра серебряных, вызолоченные, осьмигранные, с ручками, весом 32 фунта. Летом держали в них лед для прохлаждения напитков. В палате хранится и мерное ведро из меди времен царя Иоанна Васильевича.

Водовзводы

Водовзводы, то есть фонтаны, серебряные ставились на столах царских для украшения. Их три: один прислан от королевы шведской Христины с послом Гулденстерном; другой из Швеции ж получен 1674 года; а третий от курфюрста бранденбургского Фридерика Вильгельма с посланником Скультетом. На сем последнем изображено прохождение израильтян чрез Чермное море; весом в 1 пуд 15 фунтов.

Воронки

Между многими воронками, или кувшинцами, украшенный яхонтами и бирюзами принадлежал великой княгине Софье Фоминишне.

Века

Века, или, по новейшему названию, лотки. Одно из них серебряное прорезное, на ножках, с золочеными ручками; посредине в лиственном венке представлена Коммерция в виде женщины, на камне сидящей с Меркурьевым жезлом в правой руке, а в левой со свитком; поднесено царю Алексею Михайловичу шведским послом графом Густавом Оксенштерном.

Горы

Три серебряные горы золоченые, поставлялись также для украшения царских столов в значительнейшие пиршества, что называлось пир с горой. Они служили вместо жаровен. У подошвы их приделаны выдвижные пригорки; в находящиеся между ими лодки вливались благовонные спирты и зажигались; на вершине помещены здания готические с башнями; а по горам представлены разного рода животные, травы и цветы. Весу в них три пуда 19 фунтов. Присланы в дар от датского короля Христиана IV.

Жаровни

Из числа четырех жаровен богатее прочих присланная в 1684 году от императора Леопольда; она вызолочена и с крышкой; весит 12 фунтов.

Изображения зверей и птиц

Между прочими дарами от иностранных государей есть много разных серебряных зверей

и птиц: двух барсов в 3 пуда 22 фунта, лебедя, оленя прислал датский король Христиан IV. Грифы, единороги, кони и львы, пеликаны, павлины и страусы получены в дар от английского короля Иакова и от любских бургомистров. Журавля хрустального в оправе золотой подарил император Рудольф II; медведя в 1642 году поднес царевичу Алексею Михайловичу думный дьяк Грамотин, а слона — боярыня княгиня Авдотья Васильевна Черкасская. Петух же с позолоченной головой и хвостом в 3 фунта 75 золотников принадлежал великому князю Иоанну Васильевичу, как значится из надписи на медали тут врезанной.

Ковши

В ковшах потчевали медами. Из числа многих замечательнейшие суть: ковш серебряный вызолоченный с молдавским гербом княжны Елены, дочери молдавского господаря Стефана, бывшей за князем Иоанном Иоанновичем; ковш золотой с такою же чаркой, принадлежал коронованному внуку великого князя Иоанна III Димитрию Иоанновичу; золотой же с черневой ручкой сам себя объясняет вырезанными на нем словами: «Божиею милостию великий государь царь всея Руси и великий князь владимирский, московский и новгородский, и тверской, и смоленский, и псковский, и югорский и иных Василий». Ковш сей сделан в 1514 году и подарен государю первой супругой его Соломониею Юрьевною, когда возвратился он в Москву по завоевании Смоленска. Золотой с российским гербом и с подписью: «Божиею милостию государь царь и великий князь Борис Феодорович, всея России самодержец» подарен при вступлении на престол от сестры его вдовствовавшей царицы Ирины, во инокинях Александры Феодоровны. Серебряный золоченый с словами: «Ковш боярина Феодора Никитича Романова, пити из него на здоровье». Три ковша золотых с яхонтами, изумрудами, лалами и жемчугом; весу в них 9 фунтов, на краях надпись, означающая по титуле царя Михаила Феодоровича, что сими ковшами подарила его родительница, государыня великая инока Марфа Ивановна 1618 года апреля 5-го, в день Светлого воскресения; ковшичек золотой с ручкой, на нем китайская надпись, весом в 1 фунт 76 золотников, прислан в дар от китайского богдыхана; три ковша серебряные золоченые, с вырезанными на них именами царевен Софии Алексеевны, Феодосии Алексеевны и Марии Алексеевны.

Корабли

На обеденных столах царских поставлялись и корабли серебряные. В 1601 году английская королева Елизавета прислала с послом своим Ричардом Леем царевичу Феодору Борисовичу корабль о 12 пушках и о трех мачтах, поставленный на изображении Колосса Родосского, оперy шегося на якорь, сквозь Колосса изображен другой проходящий корабль, у которого на носу сидит в портике Вакх, на портике поставлен конь; борт корабля украшен разными животными, на корме и на мачтах вооруженные воины, на фок-мачте — обезьяна; с корабля спущены на серебряных веревках серебряные, золоченые три якоря. Другие два корабля подарены от датского короля Христиана IV, один поставлен на сирене, а другой на колесах; оба с одной мачтой и с двумя парусами; на корме изображен Мир, приобретаемый Победой; сидящий на бочке Вакх в правой руке держит чашку с вином, а в левой хлеб, знаменуя тем спокойствие и избыток.

Кружки

Кружки ставили вместо ст[а]канов на столах с пивом и квасом для всех вокруг сидящих. Между многими заслуживают замечания следующие: вычеканенная из серебра, вызолоченная, поддон весь в раковинах, к ручке привинчены летящие гении с венками, а над ними двойное лицо, с одной стороны прекрасное, а с другой ужасное. На крышке вырезаны военнослужители в английском древнем вооружении, над каждым из них надпись на немецком языке следующего содержания: 1. Над солдатом — «с ружьем в руках добрый страж не усыпен». 2. Над знаменосцем — «при знаме своем жизнь и честь полагаю». 3. Над барабанщиком — «когда ударю в барабан, то в поле выступить должны конь, воин и деньги». 4. Над офицером с эспантоном — «благодаря бога, умею людьми повелевать». 5. Над оруженосцем, имеющим щит и меч,— «начальника моего в городе и в поле защищаю». 6. Над фурьером — «мое дело ждать тяжестей и обоза». 7. Над профосом — «я для того в полку, чтоб наказывать ослушников». 8. Над писарем — «отличный писец везде и все делать успевает». Сия кружка поднесена царю Михаилу Феодоровичу в 1632 году от принятого в российскую службу английского полковника Астона. Кружка, неизвестно кем подаренная, изображает Мужество в виде вооруженного воина и Робость в виде женщины с лежащим у ног ее зайцем. Две кружки искусно из кости выточенные, оправленные в позолоченном серебре; на крышке изображен единорог, смотрящий на мир, из облака просиявший; пред ним сердце, увенчанное крестом, около которого надписано: «Canore et fide». Позади единорога в облаках дьявол, на сердце с молниею устремляющийся, но рогом отражаемый. На одной из сих кружек над ручкою поставлен орел двое-

главый, а другая без орла. Обе присланы в дар от папы Павла V самозванцу Отрепьеву и невесте его Марине Сендомирской.

Кубки

В кубках подавали вина: романею, мальвазию, аликант и бастр. Государи жаловали кубками с крышкою за отличную службу бояр и окольничих, а прочих чиновников — без крышек или кружками, низших же ковшами. При радостных в царской фамилии происшествиях не только бояре и другие чиновники, но и все свободные сословия изъявляли свое усердие поднесением кубков. В палате находится их несколько сот. Многие из них возбуждают любопытство, иные по огромности своей, а другие по разным припамятованиям. Кубок из строфокамилова яйца, оправленный серебром, поднесен великому князю Иоанну Васильевичу на пиру в Новгороде архиепископом Феофилом. Шведский король Густав Ваза в 1557 году прислал царю Иоанну Васильевичу серебряный вызолоченный кубок, у которого в крышку вделаны были часы. Кубок серебряный с рукоятью, украшенной листьями, на крышке Диана с собакою, а внутри медаль с изображением императора Карла V и принца испанского Филиппа. Кубок чеканный с поддоном представляет Актеона и Диану, Приама и Фисбу. В трех клеймах нижних изображаются: жертвоприношение, сенокос и земледелие; а на верхнем — освобождение Персеем Андромеды, Аполлон с Кронидою и похищение Юпитером Европы; на крышке — Времена Года, Вера, Мудрость, Правосудие, Твердость, Согласие, Кротость и Надежда. Все сии мифологические и аллегорические фигуры повершаются отливною статуею св. Цецилии с органами. В сем кубке, присланном 1597 года от императора Рудольфа II царю Феодору Иоанновичу, весу 7 фунтов. Кубок серебряный, вызолоченный, с яхонтами, лалами и сердоликами подарен 1632 года царевне Марфе Михайловне дедом ее патриархом Филаретом Никитичем. Четыре кубка золоченые, поддон и ручки украшены привинченными белыми травками; у каждого наверху по три ангела образной работы; крышки у всех четырех оканчиваются поставленным на пьедестале римским воином во всем вооружении, опершимся левою рукою на щит, подле правой копье без острия. Весу в четырех кубках 2 пуда 28 фунтов, присланы 1648 года в дар от шведской королевы Христины. Два кубка чеканные: на одном изображен суд Парисов, убиение Персеем Медузы и брак Финеев; другой с эмблемами Надежды и Кротости. На поддоне сего подписано по-польски, что поднесен был 1592 года королю Сигизмунду III от города Минска по случаю бракосочетания его с эрц-герцогиней Анною. Оба присланы в дар от польского короля Яна Казимира при вступлении его на престол. Кубок, сделанный наподобие вазы; на крышке подставлен отливной и вызолоченный Марс со щитом, на котором вырезан герб Витебска; поднесен 1656 года царю Алексею Михайловичу при завоевании им сего города. Потешный серебряный кубок с мельницею прислан от польского короля Михаила Вишневецкого. Хрустальный кубок с надписью: «Великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич! Живи, владей и побеждай!»

Кувшины, или кунганы

Замечательны по виду и величине два кувшина, или кунгана, изображающие извивающихся драконов; поднесены царю Михаилу Феодоровичу от бургомистров города Гамбурга. Император Фердинанд III прислал в 1656 году царю Алексею Михайловичу два кувшина золотые с жемчугами. Старее ж всех кувшинец серебряный с ручкою, поступивший в палату от вдовствовавшей супруги царя Феодора Иоанновича Ирины Феодоровны; на крышке оного во французском щите вырезано C. IV, т. е. Карл Четвертый.

Лохани и рукомойники

Рукомойники с лоханями, поставляемые при царских аудиенциях, дали повод соседним государям присылать их в дар. Некоторые из них отличной работы: лохань английского короля Иакова I, местами золоченная; по краям в четырех клеймах вычеканены Четыре Стихии, а отливною работою изображены четыре сирены; в средине представлены добродетели царские: Мудрость в виде женщины, сидящей близ книги с Минервиной птицей в руках, у ног ее змея; Правосудие в венце с книгою закона; Человеколюбие, питающее младенца; Мир и Истина, подающие друг другу руки; Слава трубящая и Время, летящее с рогом изобилия. Над сими эмблемами возвышаются два гения, из которых один держит пальмовую ветвь в знак мира, а другой венец лавровый — в означении победы. Английская ж круглая лохань, от короля Карла I присланная, края у ней чеканенные лощатые, внутри изображена осада Афин, а средина обведена венком. Лохань императора Леопольда I, чеканная, местами золочена, по краям четыре продолговатых медальона с изображениями четырех времен года: Весна, увенчанная цветами с корзиной, цветами ж наполненною; Лето, держащее на серпе сноп, при нем утоляющий жажду купидон; Осень с виноградными на голове листами, подающая гроздь купидону; Зима, согбенная от старости, в шубе, греется у разведенного огня. Между медальонами гении расставляют

трофеи, а в середине изображено торжество Давида после победы над Голиафом. От шведских королей подаренные лохани: одна изображает сидящего на престоле Тиврия с Агриппой и тут же вместе стоящего молодого Нерона во время принятия парфянских послов. Другая представляет конское ристание, а третья двух сражающихся конных воинов в древнем вооружении, но с пистолетами. От польского короля Владислава IV полученная лохань изображает чеканную и вместе отливную работу примирения Авраама с Лотом. Рукомойников также много, большая часть из них принадлежит к лоханям, а есть некоторые и другой формы. От короля датского Христиана IV с приехавшим в Россию для женитьбы на царевне Ирине Михайловне сыном его Волдемаром прислан рукомойник, представляющий Нептуна в морской раковине, поддерживающего на голове другую раковину, внутри которой сидит в бочке Вакх с чаркою в левой руке; на лохани же изображены: Солнце в виде Аполлона на облаках с лирою и скипетром, Венера в объятиях Марса, Луна в образе Дианы с луком, сидящей на облаках, пред нею улетающий Меркурий; Юпитер с орлом, держащий в правой руке перуны, а в левой скипетр; и Сатурн с косою и младенцем. От Голландских Статов лохань вызолоченная, по краям четыре медальона с изображением развалин, а внутри чеканною работою представлено сражение древних воинов. Лохань от бранденбургского курфюрста присланная, изображает сражение гишпанцев; на ней подписано C.H.R., т. е. Карл гишпанский король. Рукомойник серебряный с лоханью, летенем называемый, прислан в дар царю Алексею Михайловичу от китайского богдыхана с российским посланником Спафарием.

Разные рукомойники: у одного из них на поддоне листяная ветвь, поддерживающая бочку, на ней Бахус, держащий в левой руке чашу, а правою опирающийся на выказывающуюся из бочки сухую виноградную лозу. Между многими дарами сей рукомойник привез государю Петру I от шведского короля Карла XII приезжавший 1699 года в Москву посол его Бергенгиельм с подтвержденною грамотой королевскою на заключенные в Кардиссе и Москве мирные договоры. Рукомойник, изображающий на поддоне Нептуна, подъемлющего большую раковину, сделанную наподобие корабля; у ручки два гения — один изображает Изобилие, а другой Веселие; на крышке купидон держит парус. Рукомойник золотой с алмазами, изумрудами и яхонтами со стоянцем золотым же, греческой работы, весом более 9 фунтов, из надписи, на поддоне вырезанной, значится, что принадлежал царице Наталье Кирилловне, а она пожаловала оным внука своего царевича Алексея Петровича. Есть рукомойник серебряный, позолоченный, с именем царя Петра Алексеевича.

Мисы

Мисами и крошнями назывались большие чаши для щей, похлебок и ухи, внутри вызолоченные. Форма их обыкновенная, но с ручками узорчатыми, а на крышке всегда изображались разные плоды. Некоторые из них в Москве деланы немецкими мастерами, а многие в дар получены; одна, из Швеции присланная, так велика, что в ней весу 1 пуд 12 фунтов. Серебряная посуда для ежедневного царского стола в рассуждении прочности предпочиталась скудельной, а потому и не покупали фарфор. Упоминается только, что персидский шах Аббас II прислал 1641 года царю Михаилу Феодоровичу полный фарфоровый сервиз с кружками, стаканами, чарками и супчами. Золотых же небольших чаш, которые ставились пред самого государя, немного; одна из них имеет ту особенность, что поднесена была Никоном патриархом царю Алексею Михайловичу. Царевна София Алексеевна вознаградила ею заслуги любимца своего князя Василия Васильевича Голицына при заключении им с Польшей вечного мира. Когда же он впал в немилость у царя Петра Алексеевича, то сия награда со всеми другими, за бесплодный поход Крымский полученными, отобрана.

Ножи

Красивые ножи с агатовыми, яшмовыми и сердоликовыми черенками покупаны были в Англии. Король Карл XI, узнав о сей потребности для российского двора, прислал [сто] ножей с черенами золотыми.

Овощники

Овощниками назывались особенные блюда, большие и маленькие, для плодов, конфектов и ягодного варенья. 1648 года прислал статгальтер князь Оранский Вильгельм десять овощников золоченых больших и десять поменее. В 1665 году от Голландских Статов чрез посла Якова Бореля доставлено большое овощное блюдо серебряное, а на нем фунт золота. Шведский король Карл XI подарил царю Алексею Михайловичу три овощных блюда для дынь и арбузов с вычеканенными посредине фигурами и одно с семью судками для вареньев, весу в них 1 пуд 10 фунтов. Красивейший овощник для конфектов неизвестно откуда получен и описывается следующим образом: «Посреди большого серебряного блюда поставлен на четырех драконах стол, у которого под капителями три раковины; около стола сидя-

щие купидоны играют на разных инструментах, между ими три кита поддерживают другое круглое блюдо, не столь большое; в средине три купидона с венками и пальмами в руках, над ними возвышается глобус, на верху которого изображен Юпитер на орле с перуном в правой руке. Серебра в сем овощнике 1 пуд 11 фунтов 58 золотников».

Орлы

Три орла золотых с алмазами, изумрудами и яхонтами. Орел вызолоченный с изображениями на поддоне насекомых, употребляется вместо кубка; из надписи немецкой явствует, что 1595 года поднесен был датскому и норвежскому королю Христиану IV от жителей острова Эзеля в изъявление верности их и благожелательности. Другой серебряный орел, одноглавый о четырех крылах со скипетром и державою, служил украшением для царского стола, весу в нем 1 пуд 21 фунт, прислан от города Любека царю Борису Феодоровичу 1598 года при поздравлении его со вступлением на всероссийский престол.

Подносы

Есть подносы для подношения питий самим царям, золотые с каменьями, а для угощаемых серебряные. Так называемые по-старинному передачи — не иное что суть, как подносы. Не только в России работанные подносы, но и заказыванные в Англии и Голландии были всегда с гербами царскими.

Роги

В Палатском хранилище сберегся от древности рог буйловый, из которого в старину русские богатыри пивали сладкий мед. Он оправлен сканым золотом и украшен яхонтами, лалами и бирюзами, взят великим князем Василием Иоанновичем во Пскове при покорении оного. О другом роге, выточенном из кости, оправленном в серебре с яхонтами и жемчугами, упоминается в Новгородской летописи, что при угощении великого князя Иоанна Васильевича владыка Феофил дарил государя на пиру 15 генваря 1476 [года] между прочим двумя рогами, в серебре оправленными.

Рассольники

Рассольниками назывались в старину судки, в которые ставились разные приправы для кушанья, как-то: горчица, масло, уксус, перец и мелкий сахар. Рассольников находится в палате до ста. Более приметные из них суть следующие: рассольник серебряный, местами золоченый, в виде большой морской раковины; на поддоне чеканном привинчены серебряные цветы; на верху поддона поставлен отливной Геркулес в коже львиной, правою рукою опирающийся на палицу, а левая приподнята для поддержания бремени на плечах. Белый, не позолоченный, о шести местах для судков, с тремя большими и тремя малыми шандалами; наверху Геркулес, убивающий гидру; весом 21 фунт. Небольшой раковиною сделанный, у которого на чеканенном подносе изображена морская богиня, поддерживающая рассольник; в верху на шаре стоит купидон и смотрит вниз с видом устрашенного. Рассольник также хорошей работы, представляет Нептуна, держащего в правой руке рыбу, на нем продолговатая раковина с лебедем. Самый маленький из рассольников изображает Гименея с венцом в правой руке, а в левой с факелом.

Солонки

Из множества солонок считают древними. 1 — агатовую с крышкой и поддоном хрустальным в золотой оправе; на крышке статуйка, украшенная яхонтиками и одним алмазом; 2 — яшмовую в серебре с крышкою на трех ножках яшмовых же; 3 — серебряную резную с подписью: «Солоница царя государя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси сына царевича Феодора». Красивее ж всех солонка, присланная от английского короля Иакова I, хрустальная, обделанная в золоте с каменьями и жемчугами.

Стаканы

Стаканы есть большие и малые, между хорошо отработанными находится много и самых посредственных. Любопытен один серебряный чеканный, весом более трех фунтов, изображающий Бахуса и Венеру по надписи латинского стиха: «Без хлеба, без вина и любовь холодна».

Статуи

Болванцы, или статуи, служили иногда украшением для царского стола, а иногда уставлялись пирамидально около столба в Грановитой палате. Между пешими статуйками есть и конные. Две таковых: один всадник в римском вооружении; на чеканном под ним поддоне золоченые трофеи с римскими орлами; другой конный же воин в греческом одеянии, имеющий на шлеме венец, в правой руке держит повелительный жезл; на поддоне между трофеями в двух клеймах вычеканено конское ристание. В обеих серебра около полупуда.

Стопы

Стопа отличается от кружки тем, что выше, а от большого стакана неравностью верха с дном, которое у стопы бывает всегда уже. В них подавалось пиво. Для примера предлага-

ется описание трех стоп: стопа серебряная с крышкою, внутри вызолоченная; на ней верхние края и поддон чеканены; на ручке изображены Юпитер с Юноною, Минерва с мечом и весами, Аполлон с лирою, Меркурий с жезлом и Марс в вооружении. Фигура сей стопы цилиндрическая; весу в ней 8 фунтов. Стопа осьмигранная золотая, финифтью наведенная и украшенная изумрудами, яхонтами и лалами; на краях подпись: «Божиею милостию государь царь и великий князь Михаил Феодорович всея Руси самодержец». Стопа круглая золотая без ручки, с крышкою, оканчивающеюся орлом, весом 21 фунт 61 золотник; на ней с трех сторон вделаны медали, выбитые на заключение императрицей Анной Иоанновной в 1739 году мира с Портой Оттоманской. Пожалована была государыней герцогу Бирону; а при падении его отобрана в казну.

Стоянцы

Стоянцы при аудиенциях иностранным послам ставились по сторонам царского престола, для положения на одном из них державы, а иногда на другом рукомойника с лоханью. До сего времени хранятся в палате пять серебряных стоянцов: два на поддонах, каждый изображает женщину, поддерживающую на своей голове сосуд; весу в обоих 1 пуд 6 фунтов. Два поменее вызолоченные, троеугольные прорезные, и один маленький для приватных аудиенций, прорезный же, с именем царя Феодора Алексеевича.

Сулеи

Серебряные сулеи употреблялись в XVII веке при всех европейских дворах за столами государей вместо бутылок и наполнялись напитками. Из них уже наливали в кубки и ковши вино, мед и пиво. Старее всех сулей венецейская с крышкою и цепочкою серебряною; на ней надпись: «Сулея царевича Иоанна Иоанновича». Сулея серебряная вызолоченная с цепями и с винтом, сделанная наподобие древней вазы, прислана от английского короля Карла II. Сулею золотую с бирюзами в 1687 году поднес карталинский царь Георгий.

Тарелки

Между множеством серебряных тарелок находятся и золотые, с вырезанными на них орлами и надписями царского имени. Бывший 1664 года в России английский посланник граф Карлиль повествует, что когда он обедал у царя, то не переменяли тарелок и во все продолжение стола надлежало довольствоваться одною. Превознося великолепие царских угощений, он также осуждал недостаток в салфетках. Скатерти белые, золотом шитые, и разноцветные ткани, и индийские, и персидские не заменяли утиральников, столь необходимых для опрятности при столе.

Фляги

Флягами назывались плоские кувшины со втулкою в горле и с шурупом в крышке привинчивавшейся; внутри, а некоторые и снаружи золоченые. Их наполняли водкою или виноградным вином для дороги. Сын датского короля Волдемар на первой аудиенции поднес царю Михаилу Феодоровичу в дар шесть фляг разной величины.

Цветники

Один только и есть цветник серебряный, имеющий вид подсвечника о четырех местах, в которые вставлялись каменные горшки с цветами.

Чайник

Чайник также один, от китайского богдыхана царю Алексею Михайловичу присланный, шитый по коже золотом и украшенный бирюзами, хранился только для редкости, а не для употребления.

Чарки

Из золотых и серебряных чарок пивали водку пред обедом, но употреблялись также сердоликовые и хрустальные. От времен великого князя Иоанна Васильевича осталась и деревянная в серебряной оправе с стеблем прорезным. Большая чарка серебряная с позолоченными полосами и с прорезною ручкою, из имеющейся на ней надписи явствует, что принадлежала царю Иоанну Васильевичу; весу в ней 1 фунт 93 золотника. Сердоликовая в золотой оправе, с ручкою, украшенною изумрудами и яхонтами, на ней надпись с именем царя Михаила Феодоровича. Хрустальная, также в золотой оправе и с каменьями; на ручке вырезано, что царица Евдокия Лукьяновна пожаловала сею чаркою в 1636 году сына своего царевича Ивана Михайловича.

Четвертины

Сосуд, четвертиною называемый, вмещал в себя четвертую долю ведерной меры и употреблялся более в дорогах для сбережения в оном пития. Все четвертины внутри вызолочены, форму имеют иные круглую, другие граненую; по бокам приделаны кольцы или ручки, а отверстие затыкается втулкою и закрепляется особенною крышкою с винтом. Кроме нескольких четвертин, в России деланных, есть две шведские одиннадцатигранные, на них вырезан герб сего королевства и латинскими бук-

вами имя короля Карла. Весу в обеих 34 фунта.

Шандалы

Серебряных шандалов, или подсвечников, находится в хранилище Палатском множество огромных и мастеровато отработанных. Два подсвечника золоченые прорезные, низ у них украшен тремя сиренами; на одном изображена Юнона со скипетром и в латах, а на другом Паллада. Подсвечник, представляющий Венеру нагую, держащую в правой руке сердце. Два подсвечника на круглых поддонах, украшенных виноградными кистями, один из них тройной, а другой двойной; вместо трубок для свеч сделаны львы, охватившие виноградную лозу, которой ветви служат вместо вставок для свеч; между сими ветвями на голове у львов изображаются воины с греческими щитами и мечами. Оба принадлежали именитому человеку Григорию Дмитриевичу Строганову. Прочие же деланы в Англии и Голландии. В числе стенных шандалов лучшим признается чеканной работы, местами золоченный, около которого изображены гарпии; в средине ж гиспанец с гиспанкою, а наверху журавль.

7. Разные драгоценности, в Российском музее хранящиеся

Есть еще множество разных принадлежавших царям и царицам вещей, которые хранятся в Российском музее, как-то: кресты и панагии, алмазами украшенные; натруски золотые, одна из них с часами; несколько часов карманных (по старинному названию цепных, потому что носили за пазухою с драгоценными каменьями); старинное устроение часов любопытно для наблюдения успехов, как они постепенно приспосабливались к употреблению; чернильницы, одна из них сапфировая в золоте с алмазами и яхонтами со влагалищем для перьев, от персидского шаха Аббаса II полученная; зеркало с ручкой яшмовой, оправленное золотом с каменьями, присланное от турецкого султана Амурата; перья с алмазами и яхонтами; запони, или застежки золотые, драгоценными каменьями богато украшенные; нашивки золотые и множество пуговиц алмазных, изумрудных, яхонтовых, жемчужных, бирюзовых и корольковых. Между прочими драгоценностями хранится миниатюрный по[р]трет императора Петра Великого с алмазной короной.

8. Подлинное Уложение царя Алексея Михайловича

За важнейшую драгоценность почесть можно подлинное Уложение царя Алексея Михайловича, ибо прочное законоположение есть монумент общественного блага. Естественные следы древних в России законов видны уже из двух договоров с греческими императорами великих князей Олега в 912 и Игоря в 945 году. Великий князь Ярослав Владимирович, собрав древние постановления, соединил их воедино и начертал около 1020 года хартию законов, под названием Русской правды. Державный государь Иоанн Васильевич повелел дьяку Владимиру Гусеву собрать и выписать все прежние судные грамоты предшественников своих и сочинил из того в 1497 году на разные случаи законы вполне. Царь Иоанн Васильевич был также законодателем; Стоглавник его исправил злоупотребления в делах духовных, а Судебник установил порядок гражданского судопроизводства. Царю Алексею Михайловичу принадлежит особенная честь законодательства; созвав 1648 года июля 16-го на совет патриарха с духовенством, бояр, окольничих и думных людей, он предложил им необходимость исправления и пополнения существовавших прежде законов и боярских на разные дела приговоров; приказал выписать содержание оных и, присовокупя к тому приличные правила св. отец и некоторые из гражданских законов греческих царей, чтобы Московского государства всяких чинов людям от большого до меньшого чину суд и расправа была во всяких делах всем равна; повелел поднесть при докладе на рассмотрение и утверждение. Исполнение сего возложено было на двух бояр, которых имена незабвенно пребудут, князя Никиту Ивановича Одоевского и князя Семена Васильевича Прозоровского, окольничего князя Федора Федоровича Волконского и дьяков Гаврилу Леонтьева и Федора Грибоедова. По совету с патриархом и по приговору бояр указал государь выбрать из стольников, из стряпчих, из дворян московских и из всех городов от каждого сословия по два человека, из гостей три человека, из купцов по два, а из черных сотен, слобод и посадов по одному человеку добрых и смышленых людей, чтобы его государево царственное и земское дело с теми со всеми выборными людьми утвердити и на мере поставити, чтобы те все великие дела по нынешнему его государеву указу и Соборному Уложению впредь были ничем не рушимы. Чрез один год и два месяца с половиной книга законов под названием Уложение была окончена и 1649 года октября в 3-й день предложена к слушанию на Соборе государю, патриарху с духовенством и всем собравшимся для сего боярам, окольничим и думным людям. По единогласном одобрении оного в Государственном совете приказано было прочесть написанное всем выборным людям. Когда таким образом сие

Уложение рассмотрели и все единогласно одобрили, то приказано было переписать его на свиток, потом все присутствовавшие и участвовавшие в составлении собственноручным подписанием утвердили сей свиток, или столп, мерою 434 аршина четкого письма; рукоприкладчиков на обороте оного 222, по оклейкам скрепы двух думных дьяков Федора Елизарьева и Михайлы Волошанинова и двух дьяков Леонтьева и Грибоедова. На полях есть отметки, означающие, откуда какая статья в узаконение заимствована. Сии отметки для тщательных наблюдателей за ходом государственного управления весьма любопытны, ибо напоминают о прежде бывших не дошедших до нас и забытых узаконениях. Многие статьи вставлены и из литовских прав, о чем подробно объяснено в примечании. Императрица Екатерина II, созвав 1767 года в Москву избранных из всех сословий и городов депутатов и составив Комиссию для сочинения нового Уложения, приказала отыскать прежнее Уложение царя Алексея Михайловича. Управляющий тогда Архивом иностранных дел и Оружейною палатою действительный статский советник Собакин нашел оное и 18 апреля того ж года поднес государыне. Мудрая царица, рассматривая сей свиток, тотчас обратила внимание на отметки в оном, никому доселе не ведомые, повелела: Собакину вписать их с именами всех рукоприкладчиков в собственный ее экземпляр, а подлинное Уложение, сделав на оное серебряный вызолоченный ковчег, 2 мая возвратила с повелением хранить в Мастерской Оружейной палате.

9. Седла с уздами, чепраки, попоны и санные полости

Богатейшая конская для верховой езды сбруя, седла, узды, муштуки и стремена, оправленные золотом и серебром с каменьями, попоны, чалдари и чепраки получаемы были по большей части от персидских шахов, турецких султанов и разных владетелей азиатских. Есть несколько чепраков, вышитых и в России, как, например: поднесенный царю Алексею Михайловичу от новогородских купцов. Короли польские Сигизмунд II и Стефан Баторий дарили царя Иоанна Васильевича арабскими и турецкими лошадьми со всем конским азиатским же прибором. Шведский король Карл X прислал с послом Белке чепрак турецкий, шитый серебром и золотом с жемчугом. Два конские прибора, подаренные императрице Екатерине II от турецких султанов по случаю заключенного ею двоекратно с Оттоманскою Портою мира, превосходят все прочие. Санных полстей, шитых золотом с жемчугами и разными каменьями, по описи 1711 года считалось тринадцать. Все они деланы в царских Мастерских палатах. Гремячие, из серебра, золоченые цепи накладывались на лошадей для сопровождавших государя всадников и для встречников, посланных верхами за город принимать церемониально въезжавших в Москву иностранных послов. Когда все вещи, конюшенному ведомству принадлежавшие, в 1711 году были примерно оцениваемы, полагая фунт серебра менее 8 рублей, золота от 116 до 134 рублей за фунт, а яхонты и изумруды по 1 рублю 50 копеек за золотник, сообразно же тому и крупные камни, то всей суммы вышло 38 223 рубля.

10. Описание рукопашных орудий

До обретения металлов и прежде искусства употреблять их в дело все народы не имели другого оружия, кроме дубин. Скифы, на одну силу мышц своих надеявшиеся, не покинули палиц и тогда, как употребление металлов сделалось всеобщим. При императоре Траяне не только германцы, в числе помощных войск находившиеся, но и сами римляне сражались палицами. В старинных сказках о чудесной храбрости русских богатырей твердят, что палицы их были просверлены и наливались свинцом.

Булавы

Булава в простом виде не иное что есть, как дубина ж с болоною на одном конце. Потом начали делать булавы из металла с рукояткою гладкою с яблоком наверху круглым, либо шишковатым, либо граненым или пересеченным вдоль на несколько частей. От сего разнообразия булава называется буздыханом, пернатом, шестопером. У всех народов булава означала повелительство, и восточные владетели вместо скипетра употребляли ее. В сем значении она бывала: стальная либо серебряная, а иногда золотая, искусно драгоценными каменьями обделанная. Hasta pura у римлян — орудие, придаваемое некоторым богам и героям, не что иное была, как деревянная толстая булава, у которой верхушка оканчивалась раскреповкою в виде округленного набалдашника. Древнее римское оружие arlides по описанию также сходствует с булавой. В царском хранилище много есть булав, буздыханов, пернатов, шестоперов, золотых с каменьями, серебряных и железных. Они доставались государям по праву владения, делались нарочно в память значительных завоеваний, получались от покоренных стран и присылаемы были в дар от разных владельцев. Иногда сами государи жаловали булавами,

как бояр своих в знак полномочия при отправлении их в дальние свои владения для управления, так и дворовых воевод для предводительства войском. В пример тому опишем некоторые. Булавы золотые: золотая сквозная, с просеченными на ней травами с двенадцатью полосами перевитыми; наверху большой яхонт, рукоятка золотая резная с финифтью, на ней три пояска, в которых осталось 12 изумрудов, 12 яхонтов небольших, в наконечнике ж вставлена бирюза, под старой описью отмечена новгородская, а потому вероятно, что во время народного правления в Новгороде служила знаком отличия посаднику. Яшмовая в золотой оправе, сканой работы с разводами, на верхушке большой граненый изумруд, в гнездах 76 яхонтов, а в средине 14 изумрудов мелких, конец рукоятки обведен финифтью, а в исподи оного вставлен еще изумруд. Сию булаву, принадлежавшую лифляндским рыцарям, граждане Куконоса (Кокенгаузена) поднесли в 1577 году лифляндскому королю Магнусу при добровольной сдаче сего города в чаянии пощады от приближавшегося к ним с великой силой царя Иоанна Васильевича. Магнус принял их в свое покровительство и назвал Куконос своим городком. Сие присвоение столь раздражало царя, что приказал он всех магнусовых офицеров побить, граждан куконосских распродать татарам, булаву ж у короля отобрать. Яшмовая, турецкой работы, в золотой резной оправе с 160 красны[ми] яхонтами и 26 изумрудами принадлежала казанскому царю Магмет-Аминю. Яшмовая в золотой оправе, имеющая вид яблока, наверху у ней красный яхонт не граненый, а кругом 92 яхонта того же цвета, перемешанные с изумрудами, в наконечнике ж изумруд. Поднесена в 1654 году царю Алексею Михайловичу от гетмана Богдана Хмельницкого при вступлении в вечное подданство России со всей Малороссией. Золотая небольшая, украшенная яхонтами, бирюзами и лалами. Булава сия сделана царем Алексеем Михайловичем на память завоевания им великого княжества Литовского и избрания его 1656 года в короли польские. Золотая многоценная булава с большим в средине изумрудом, с алмазами и яхонтами. Поднесенная от турецкого султана в дар императрице Екатерине II при торжественном посольстве турецком от султана Селима III по случаю заключенного в Яссах 1793 года мира. Булава из листового продувного золота с литыми золотыми бляхами, в которой вставлены бирюзы, яхонты и изумруды, под яблоком вычеканена латинская надпись. Сия булава взята генерал-фельдмаршалом графом Румянцевым-Задунайским при пленении мятежных в Польше войск у бывшего над ними главного начальника Воврже́тского. Булавы серебряные: вызолоченная серебряная булава с ломчатыми впадинами, на ней под яблоком было прежде 14 небольших бирюз, но остались только две, принадлежала князю Иоанну Иоанновичу. Отец его великий князь Иван Васильевич вручил ему сию булаву в 1486 году при пожаловании его великим княжеством Тверским, когда князь Михаил Борисович бежал в Литву и город Тверь покорился обладателю Москвы. Серебряная чеканная вызолочена, наверху яшма, посредине бирюза, прежде были и яхонты, но издавна утратились, в круг булавы вставлены восемь яшм с бирюзами и яхонтиками в золотой оправе. Сия булава принадлежала предводительствовавшему польскими войсками князю Константину Острожскому, взятому 1500 года в плен на сражении при реке Ведроше. Серебряная чеканная с репьями, вызолоченная, сделана русскими мастерами в Москве при царе Феодоре Иоанновиче, сею булавою пожалован был Борис Федорович Годунов тогда, как он был еще в боярах. Серебряная с гранью и с репьями, вызолоченная; в 1600 году вручена была от царя Бориса Федоровича Годунова Киргиз-Кайсацкой Орды царевичу Ураз-Магмету при пожаловании ему во владение города Касимова и при наречении его касимовским царем. Булава, имеющая вид колотушки, ибо вместо кругловатого яблока наверху четвероугольный лазоревый камень с серебряною позолоченною оправою, на которой вычеканено: «Божиею милостию великий государь царь и великий князь Михаил Феодорович всея Руссии самодержец». Четыре серебряные вызолоченные булавы с надписями. На одной вычеканено: «Ильи Даниловича Милославского». На другой: «Боярина и оружейничего Григорья Гавриловича Пушкина». На третьей вырезаны только начальные слова: «К.В.Г.Б.Б.», то есть князь Василий (Васильевич) Голицын, ближний боярин. На четвертой также была надпись, гласящая о принадлежности комулибо, но имя владевшего сею булавой изглажено при отобрании в казну царскую, по́ немилости ль дворской иль за преступление, неизвестно. Может быть, она служила достойной наградой добродетельному боярину Матвееву, а может быть и то́, что изменник Мазепа державствовал ею. Две булавы булатные: одна с ложчатыми впадинами, позолоченная, с рукоятью, обделанною серебром, досталась в добычу Ермаку от сибирского царя Кучума; а другая дорожчатая, со врезанными из золота травами и с гремящим внутри железцом. Сия булава сделана в Москве и царем Иоанном Васильевичем вручена была царю Шагалею при отправлении его на царство Казан-

ское. Небольшая хрустальная булава четвероугольная с круглыми зеркальными стеклышками и с костяной резной рукояткой принадлежала Марине, жене двух убитых Лжедимитриев, и вручена была от шаха Аббаса присланным к ней в Астрахань армянином. Булава деревянная, покрыта была вся перламутром в виде чеш[у]ек, сделана 1645 года станочным мастером Алфимом Яковлевым и поднесена царю Алексею Михайловичу чрез несколько дней по венчании его на царство.

Буздыханы

Буздыхан яшмовый с перьями, в золото обделанными, в главе лал граненый, под ним 11 яхонтов красных, в перьях и в исподнем пояске 110 красных яхонтов больших и малых, а в исподе рукоятки яхонт красный граненый; прислан царю Михаилу Феодоровичу от султана Амурата IV. 23 мая 1632 года поднесен турецким послом Фомою Кантакузином. Буздыхан золотой, перья на нем прорезные золотые ж с финифтяной отделкой; во главе большой красный яхонт граненый, под ним 10 изумрудов, в перьях 108 красных яхонтов и 36 изумрудов, черен из золота прорезной. Поднесен 1655 года царю Алексею Михайловичу цареградским греком Дмитрием Остафьевым. Буздыхан золотой, перья из самородного хрусталя с золотою на них насечкой, а в других яблочках, исподнем и верхнем, вставлено 111 яхонтов и изумрудов, под нижним яблоком 2 пояска со 110 алмазами и 95 красными небольшими яхонтиками, на рукоятке, оправленной золотом с чернью, грань косая; поднесен царю Алексею Михайловичу 1658 года июля 6-го грузинским царем Теймуразом Давыдовичем в изъявление подданства его со всею Грузиею. Буздыхан золотой же из белой яшмы с изумрудом наверху, богато украшенный красными яхонтами и изумрудами. По заключении в 1775 году славного с Портою Оттоманскою мира прислан в дар императрице Екатерине II от султана Абдул-Гамеда при торжественном его посольстве и поднесен на аудиенции. Буздыхан серебряный, с перьями чеканными и местами золочеными, вверху полированный гвоздь, на рукоятке три пояска. Принадлежал издревле черкасским и горским князьям. Буздыхан железный маленький, о 6 перьях, наведенных золотом, прислан 1643 [года] от булхинского хана Надыр-Магмета.

Пернаты

Пернат золотой о семи перьях, наверху и в решетках вставлены бирюзы, рукоятка золотая ж, прорезная, с черневой наводкою и с бирюзами. Прислан в 1658 году царю Алексею Михайловичу от персидского шаха Аббаса II с послом его ханом Дакул-салтаном.

Шестоперы

Шестопер булатный, под перьями врезаны золотом травы в гладь, рукоятка черного дерева с наконечником из кости рыбьей. Прислан в 1635 году царю Михайлу Феодоровичу от мунгальского царя Алтына, который вступил тогда со всеми подвластными ему народами в подданство России. Пять шестоперов железных с резьбой и с наведенным по них золотом; рукоятки оклеены парчой индийской; из них два поменее. Отобраны были у калмыцких тайшей в 1676 году.

Ножи

Ножи военные и охотничьи бывали прямые, с серебряным или рыбьего зуба череном с одной стороны, либо обоюдоострые. В Оружейной палате есть нож булатный в оправе золотой с лалами, бирюзами и жемчугами, в Персии послом Исленьевым купленный. Булатные ножи закривленные назывались чингалищем; их носили в ножнах за сапогом. В русских сказках о сем орудии повествуется, что богатыри, повергнув своего противника и придавив грудь его коленом, поражали чингалищем прямо в сердце.

Кинжалы

Кинжалами также умерщвляли побежденных неприятелей. В Оружейной палате хранится старинный кинжал; по обеим сторонам наведены золотом травы и слова арабские, а на тылье русские: «Андрея Иоанновича»; черен белый рыбьего зуба; шак серебряный с чернью; ножны гзовые черные; оправа на них железная, поцепка из черного шелку с золотом.

Оскорды, топорики и секиры

Оскорд, секира, топорик, оружие железное с отвостренным лезвием и с обухом; насаживалось на топорище длиною около аршина; на обухе для красы приделывались шишки, а верх оканчивался раскреповкою. Витязь Александра Невского новгородец Сбыслав Якунович на сражении с зятем короля шведского Биргером вломился в средину неприятеля, не имев другого оружия кроме топора. В древности выезжали на войну с простыми секирами, но потом начали их украшать и насекать по булатной плоскости золотом разные узоры.

Мечи

У мечей полосы стальные, прямые, длинные и широкие, к концу заострены бывали с одной стороны, а иногда и обоюдоострые, либо зубчатые, так что можно и колоть и рубить ими. Потребна была необычайная сила чело-

веческая для действования сими большими мечами. Железо или уклад для полос мечных закаливался наилучшим образом, чтоб не могли они ломаться и зазубриваться от ударов по твердым каскам и броням. Богатырский меч-кладенец рассекал супротивника надвое. По переписи 1687 года в царской Оружейной палате хранилось более тридцати больших мечей, между которыми об одиннадцати упомянуто следующее: «Одиннадцать мечей, полосы стальные, в том числе пять мечей зубатых, шесть гладких. От крыжа на полосках по обе стороны травы и орлы двоеглавые, под коронами золотом наведенные. Крыжи по конец черенов представляют орлиные головы с коронами; на коронах по кресту медному золоченому. Черены обложены алым бархатом и перевиты галуном золотым; бахромы у крыжей из шелка с золотом. Устье и наконечники железные луженые. На некоторых мечах есть латинская надпись: «Soli Deo gloria», т. е.: «Единому богу слава»; а на одном вырезано: «Andrea Ferara».

Сабли

У сабель полосы вогнуты внутрь, а острие выпуклое с ложжиною посредине. На булатных саблях, принадлежавших государям и военачальникам, насечены узорчатые разводы; на некоторых есть и надписи. Внутри обуха перекатывались круглые жемчужные зерна. Черена у богатых сабель яшмовые, сердоликовые, с золотой или серебряной оправой, либо сплошь дорогими каменьями осыпанные; ножны оправленные прорезным золотом и серебром с каменьями ж; пояса делались из тканой золотой тесьмы, либо из шелкового снура, отделяемого варворками пряденого золота с богатыми репьями. Издавна вся роскошь азиатская на саблях русских истощалась. Арабские, греческие и римские надписи на оных весьма уважаемы были и считались редкостью. В царских сокровищах хранится много богатых сабель, оправленных золотом и дорогими каменьями, есть булатные полосы превосходной доброты. Заметим некоторые из них: на одной, которую почему-то называют мономаховою, наведены слова греческие: «Παναγια Θεοτοκε, βοηδει τον δουλον Σου ετο ζ απο Χριστου», т. е.: «Пресвятая Богородица, помози рабу твоему. Лета от Р[ождества] Х[ристова]...»; две богатейшие сабли; с алмазами, яхонтами, лалами и изумрудами, черена яшмовые с врезанным в оный золотом, ножны все золотые, у одной из них на полюсе наведены золотом слова арабские; поднесены царю Алексею Михайловичу — одна от князя Якова Куденековича Черкасского, а другая от купца гостиной сотни Ивана Булгакова; сабля с череном из плашек золотых, на оправе чеканены звери, ножны обложены гзом (рыбьею кожею) черным и украшены яхонтами, куплена 1637 года в Персии послом Исленьевым. Могилевцы в 1654 году поднесли царю Алексею Михайловичу саблю, оправленную серебром, с полосой, местами порубленной; в Оружейной палате она заметна по жемчужному темляку. Есть сабля с подписью, принадлежав[шая] князю Федору Михайловичу Мстиславскому. Сабля с перелефтевым череном, присланная императрице Екатерине II от турецкого султана по случаю заключенного в 1775 году мира. Сабля, поднесенная 1801 года императору Павлу I г. Богдановичем с перелефтевым же череном в оправе серебряной, на полосе ее старинные греческие слова: «Συ Βασιλευ αηττητε, λογε Θεου, παντα-ναξ», т. е. «Ты непобедимый царь, слово божие царь всех».

Палаши

Палаш имеет сходство с саблей, но лезвие прямое и обоюдоострое. Сие орудие со всеми принадлежностями и украшениями так описывается: «Палаш — полоса стальная, на ней с обеих сторон врезаны золотом травы, черен яшмовый в золотой оправе; крыж, устья, наконечник и два брайцала с одной стороны, яшмы в золоте, а с другой с чернью; в черену у наконечника яшмы с изумрудами и яхонтами. Между многими палашами известно об одном украшенном яхонтами, бирюзами и яшмою, что в 1654 году прислал его царю Михайлу Феодоровичу молдавский господарь Стефан, просивший со всею землею быть в подданстве России.

Кончары

Кончар весьма сходен с мечом, а отличается только тем, что клинок гораздо уже и остроконечнее. В ножнах также есть разница, ибо кольцы на них сделаны с обеих сторон, и потому вероятно, что пояс кончарный висел на плече. Вот старинное описание кончара: «На полосе с обе стороны было золочено до половины; на ножнах оправа, хоз серебряный, золочен, резной; на нем тринадцать яшм, а в яшмах в золоте шестьдесят две искры яхонтовых и сто шестнадцать бирюз; на конце яблоко круглое витое; на ножнах пять обоймиц да четыре кольца; на верхнем устье над крыжем в кругу пять яшм и в них одиннадцать искор яхонтовых в золоте, да промеж яшм три бирюзы, а под крыжем над устьем и около яшмы три ж бирюзы; на черене и в верхнем яблоке больших и малых пятьдесят бирюз; пояса нет». Один кончар в серебряной оправе с яшмами на ножнах 1657 года поднесен царю Алексею Михайловичу торговавшим в России греком Дмитрием Остафьевым.

Шпаги

Клинок и эфес у шпаги прямые. Сего оружия не можно причесть к числу древних российских. Хотя по иностранным описаниям и было оно известно у галлов под названием Spatha; но в царскую Оружейную [палату] самая старинная шпага не прежде 1588 года поступила.

Тесаки

Один из тесаков описывается сими словами: «Тесак московского дела резан на проем; резь покрыта золотом и серебром, в долу слова; галомя по обе стороны наведены золотом; ножны поволочены бархатом зеленым, оправа на ножнах серебряная, прорезная, золочена в осьми местах; пояс — тесьма, шелк зелен с золотом; оправа на поясу серебряная прорезная золоченая ж; темляк — шелк и кисть зеленые с золотом, варворка золотая». Богатейшим тесаком в Оружейной почитается присланный при замирении в 1793 году императрице Екатерине II турецким султаном, в оправе золотой с алмазами и яхонтами в ножнах парчовых.

Копья и рогатины

Длинный шест, на который насажено железное остроконечие, называется копьем. У рогатины сие остроконечие шире, больше, граненое и с откосами по обе стороны, а древко короче, но толще, с перехватами от средины к концу древка. У копьев и рогатин продевались поцепки тесьмяные или ременные для удержания сего орудия в руке.

Бердыши

Бердыш имеет вид продолговатой сечки, оканчивающейся копьем. Обухи и подлезы у бердышей царских наведены по железу золотом и серебром.

Протазаны

Протазан сходен с рогатиной, но несколько менее; к железной тулее приделывалась трубка для насаживания древка. В Оружейной есть протазаны, которые описываются таким родом: «Двадцать четыре протазана прорезные, с орлами двоеглавыми; орлы и тулы золочены, в том числе у тринадцати протазанов деревья оболочены бархатом червчатым и перевиты кружевом золотым; кисти шелк червчат с золотом, а у двух кисти все золотые без шелку; на концах у древков исподние копейца железные золоченые.

Сулицы

Сулица. О сем оружии в повествованиях о древнем ратоборстве часто упоминается. В Оружейной сулиц не нашлось, а осталось следующее старинное об них описание: «Сулица, булат гладкий, скепище древо немецкое черное, на конце трубки яблоко серебряное, травы резные и перевив золочены, кисть золоченая».

Алебарда

В числе алебард хранится одна такая, у которой наверху приделано яблоко медное, змеиная голова и треугольник с градусами и цифрами. Прислано в Оружейную палату 1718 года от императора Петра Великого.

Дротики

Дротик — небольшое копье трехгранное, насаженное на короткое древко, с длинным ремнем, чтоб, вонзив острие в неприятеля, удобнее было извлечь и снова нанести ему удар.

Джид

Джидом называется оружие с влагалищем, в котором находятся три копьеца на шнурах; их бросали с руки в нарочитом пистольнии. Джид привешивался к поясу воину русскому.

11. Описание метательных орудий

В метательных орудиях камень так же первообразным считать должно, как и палку в рукопашных. Иногда нужно было беззащитному человеку убить на бегу животного либо добыть к себе сидящую птицу, а иногда надлежало отбиться от подобного себе с меньшею опасностью или устранить издали лютого зверя не иным чем, как пущенным в него камнем. Брошенный камень подал мысль воюющим между собою людям о изобретении других способов вредить друг другу в некотором отдалении. Пока еще не выдумано было посредством пороха выпускать смерть из убийственных жерл с быстротой молнии в ряды неприятельские и в одно мгновение тысячи жизней прекращать, то камни, с высоты низвергаемые, разили людей на приступах к городам, а в сражениях и поединках употреблялись пращи — род сетки с двумя концами, из тонких веревок сплетенной, в которую клали камень и с размаху метко в неприятеля бросали, по старинному выражению русскому, луками в сопротивника своего.

Луки

Изобретение лука относится к первобытным временам. Хотя и приписывают оное скифам и персам, но принадлежит более народам, звериной ловлей занимавшимся, скифы же потому особенно славились стрелометанием, что умели пускать стрелы и с правой руки и с левой. Лучшие стрелометные луки в позднейшие времена приваживали в Москву из Мешети.

Они делались там из гибкого, но упругого дерева, согнутого в дугу, и перевязывались струной либо ссученной из шелка тетивой. В описных 1687 года книгах Оружейной палаты упоминается о луках, до того времени сохранившихся, следующее: «Лук московской работы, расписан по насыпи золотом: кибить и подзор, и кайма по зеленой земле; рога из рыбьего зуба со врезанным золотом». В других землях употреблялись луки стальные, но в оружейных хранилищах российских нигде таких до сих пор не отыскано.

Стрелы

Стрелы делались сперва с костяным, а потом с металлическим остроконечием. Во все войны до изобретения пороха они составляли важнейшее метательное оружие, и лучшие стрелки считались расторопнейшими воинами. Упомянем здесь о всех принадлежностях к стрелометному наряду. Стрелы, в России известные, имели разные названия, как-то: рожанцы, северги, срезни, свищи и тамарики. Последние делались из камыша, наполнялись горючим веществом и, зажженные, пускались в неприятельские города для произведения пожара. Других же разборов стрелы вытесывались из березового, яблонового, чипорасового и кипарисного дерева; ушки у них оправлены были костью; перья вставлялись орлиные, павлиные и лебединые и перевивались пряденым золотом; наконечные железца насаживались стальные или булатные разных форм, прорезные и гладкие.

Стрелы помещались в тул или колчан, вышитые по сафьяну или бархату золотом либо серебром. Колчаны придерживались на шелковом либо кожаном поясе, а во время сражения висели за плечами на крюку. В колчане помещалось стрел по десяти.

Саадаки

Для сбережения лука и стрел во время походов от солнечного зноя и дождя вкладывались оные в саадаки, которые у царя и бояр богато изукрашены были, как видно из старинных описей: «Саадак, по желтому сафьяну травы, шиты волоченым серебром; подкладка кожаная, три бейды золотые, бейда по яхонту червчатому и лазоревому и по нескольку изумрудов; у колчана цепь золотая с алмазами, бурмицкими зернами, жемчугом и яхонтами. На поясе оправа золотая вальяшная с финифтью, с яхонтами и бирюзами. Тесьма шелковая лазоревого цвета, перевитая серебром и золотом». Сей саадак, в царских сокровищах хранящийся, не самый богатый, ибо за 130 лет пред сим оценен в 650 рублей, а первый саадак царя Алексея Михайловича стоил по тогдашней малой оценке 6660 рублей. На столь нарядные саадаки делались еще оболочки, тахтуями, покровцами и налушками называемые, золотом по сафьяну шитые.

12. Описание защитительных броней и доспехов

Щиты

Простые щиты воинские делались из ивового обода и сначала обтягивались снаружи и внутри кожей, потом выковывали их из разных металлов, а внутри набивали шерстью и простегивали; прикрепленная к ним привязка надевалась на левую руку для отражения стрел и ударов меча. У россиян щиты бывали по большей части круглые с выпуклой срединой и редко овальные. Подражая грекам, они богато украшали их; в образец тому прилагается следующее описание царского щита: «Щит из булата красного, грани круглые, через каждую грань врезаны золотом травы и звери, а в них шесть репьев золотых с каменьями; подвершье с яблоком золотое сканое; венец золотой сканый; поверх золотого венца венец железный золоченый: травы чаадайские, земля конфарена; около щита бахрома из красного шелка с серебром, с исподи прикрепка серебряная кованая; две пряжи золотые гладкие, привязошные с цветами; подкладка у щита парчовая, привязка оболочена бархатом червчатым на кольцах в подвершье, в яблоке, в репьях и в венце тысяча четыреста сорок мелких лалов, виниусов и бирюз, да тридцать два зерна жемчужных». Лучшие щиты куплены в Персии российскими посланниками, два щита присланы в дар от имеретинского царя Александра и несколько вывезено из Константинополя торговавшими в России купцами греческими.

Торч, в Оружейной палате хранящийся, есть также щит, из которого выказывается левая рука с торчащей шпагой. О сем доспехе в известных иностранных описаниях не упоминается, а потому и можно причислить его к изобретенным в России. Старинное описание сего оружия таково: «Торч стальной, личной с левою рукою; рука воронена с шпагою; на щите и на ручке дощечкой и гвоздья железные золоченые репейчатые; бахрома около руки и торча, шелк лазорев с червчатым, подложен атласом червчатым».

Головные защиты

Для защиты головы и шеи у скифов бывали шапки из кожи тюленьей, медвежьей и других убитых ими зверей; но по времени начали головные снаряды выковывать из металлов и по разнообразности их называли оные:

шлемами, шишаками, колпаками, шапками, ерихонками и мисюрками. Вскоре после того сия потребность обращена была [в] великолепный наряд воинский, повершаемый развевающимися перьями.

Шишаки

Все они описываются следующим образом: «Шишак, на венце врезаны золотом арапские слова и вставлено шесть мишеней золотых, на которых на каждой по красной яхонтовой искре и по две бирюзы; наверху плащ золотой с таким же кольцом, с тремя яхонтами и с тремя бирюзами; в гнездах около плаща венчик золотой сканый с яхонтиками и бирюзами; по сторонам шесть плащей больших, малых также с яхонтиками и бирюзами».

Колпаки и шапки

Колпак мерекляный, в закрепках гвозди и петли железные золочены; подложен тафтой. «Шапка чеканная золоченая, немецкой работы, в ней два клейма больших, и в одном человек бьет змея, над клеймами два орла двоеглавые, между ими личины, а внизу изображены люди, львы и орлы золоченые». Шапка железная калмыцкая, гладкая с долами; наверху трубочка, уши и затылок куяшные, подложена бархатом цветным; поверх шапки над трубой слова калмыцкие. Шапка ерихонская сибирского царя Кучума, булат красный; по булату на венце, на ушках и у каймы над венцом наведены травы по нарезке золотом; внизу над венцом опушка золотая, чеканная; в опушке и в венце камни красные и лазоревые, уши прорезные, а на прорезке по одному лалу; опушка около ушей серебряная, в которой по шести бирюз небольших и по стольку ж красных яхонтиков и лаликов; к ушам привязано по одному золотому колечку; у затылка кайма наведена золотом; три цепи серебряные золоченые; на носу наведены травы чаадайские по нарезке золотом. Наверху зерно бурмицкое, подвешье, травы мелкие чаадайские наведены золотом; по нарезке ж городок золотой наведен финифтями разными; подкладка атлас червчат; завязка у той шапки атласная и желтая; между шапками ерихонскими есть такие, к которым с лица привешивались железные сетки. В палате сверх многих железных шапок есть три богато отделанные золотом с каменьями: одна принадлежала князю Федору Ивановичу Мстиславскому, другая поднесена от боярина Бориса Петровича Шереметева, а третья от князя Алексея Михайловича Львова.

Мисюрки

Мисюрка стальная, черен покрыт серебром, травы чеканные вызолочены, кольцо и пробой серебряные. Шапка мисюрка черкасская наведена золотом и серебром; около венца и четырех клейм слова арабские; репей и кольцо с пробоем серебряные.

Панцири

Панцири, кирасы и другие защитительные снаряды в первобытные века делались из мелких кусочков или полосок кожаных, сплоченных между собой наподобие рыбьей чешуи. По мере успехов в художествах начали сии брони улучшивать: сперва наложили на кожу медные бляхи, потом уже появились и все из железа. Два полотнища — одно спереди, другое сзади, прикрывающие воина, связывались с обеих сторон и служили ему защитой от меча. Александр Македонский отнял у своих воинов заднее полотнище для того, чтоб бегущие от неприятеля более подвергались ударам, нежели те, которые лицом к лицу сражались. В последующие времена выдуманы полководцами, не столь строгими на защиту воинов, со всех сторон кольчуги, бахтерцы, байданы, куаки, юшманы и калантари. Старинное описание всем сим броням одно за другим здесь следует: «Панцирь узловатый, старой чуши, сафьян желт, подложен сукном червчатым, на грудях с обеих сторон по десяти колец с подписью, обшит галуном золотым, у чуши десять колец серебряных». Другие панцири, в царской Оружейной доныне находящиеся, назывались коробчатыми, вострогвоздями, плоскогвоздями, хрящевыми и стышными.

Кирасы

Кирас мерекляный с шапкой, с нарамниками и с наколенниками; к оному две рукавицы; два сапога; подкладка суконная червчатая, выстегана чешуей; на шапке против глаз две решетки золоченые. Кирасы бывали сверх мерекляных вороненые, личные и малеванные.

Кольчуги

Кольчуги составлялись из мелких железных колец, между собой сцепленных, с такими же рукавами, и от сих колец свое название получили. Они, как рубашки, надевались и с плеч до пояса прикрывали воина. Кольчуга предпочиталась панцирю и кирасу потому, что не только стесняла ратоборцев в движениях. Описывается таким образом: «Кольчуга железная на гвоздь креплена; воротник на ремень взобран; три мишени медные; на подоле мишень медная ж, литая, а в ней слова арабские». Есть кольчуга, у которой на мишени врезано, что принадлежала князю Петру Ивановичу Шуйскому. Бахтерцы делались из железных, весьма тонких четвероугольных пластинок, между собой сплоченных и придающих

ей вид полос долевых, которые скреплялись кольцами. Внизу у самого пояса прицепливалась к бахтерцу кольчужная сетка в виде бахромы. Сия броня застегивалась на плечах и на спине ремнями с пряжками. В Оружейной палате между многими хранится бахтерец «кононова дела, стальной, наведен золотом, опушка прорезная, и пряжи, и запряжи железные золоченые, чушка суконная червчатая, тесьма шелк зелен с золотом».

Байданы

Байданы мало разнятся от кольчуг. В Оружейной одна только и есть, с надписью на каждом кольце: «Бог с нами и никто же на ны». Из старинных описей значится, что были и полубайданы с медными на них мишенями; но ни одной из них не отыскано.

Куаки

Куаки, подобно бахтерцам, составлялись же из железных пластинок, но прикреплялись на бархате либо на другой крепкой ткани медными гвоздиками; употреблялись более грузинцами. В Оружейной хранится куак мунгальского царя Алтына и описывается кратко следующими словами: «Куак дощатый ветх, прислан в дань от Алтына-царя, покрыт черным бархатом, набит репейчатыми медными гвоздями». Есть еще куаки дощатые железные, набитые на алом бархате; гвоздики репейчатые медные с пряжками; пуговицы медные ж на шнурах из вишневого с золотом шелка; галун у двух золотой, а у третьего серебряный, подложены все желтым сафьяном.

Юшман

Юшманом называется броня из булатных дощечек, кольцами соединенная, ни на какую ткань не нашитая, и описывается так: «Юшман, доски наведены серебром, на грудях застежка, по обеим сторонам четыре крюка с петлями серебряными золочеными; пониже их на досках на левой стороне четыре плашки с пряжками серебряными; на другой стороне пять застежек с тесьмой из шелка лазоревого, прикрепленных к доскам горощчатыми гвоздями; в десяти местах репьи серебряные; у застежек по обеим сторонам наконечники гладкие вызолочены». Между прочими юшманами находится весьма старый, у которого доски наведены были золотом и серебром с арабской надписью.

Колонтарь

Колонтарь немного отличен от юшмана. В Оружейной один только и есть стальной, доски прорезные, прясли и наконечники, и гвозди железные золоченые, застежки из шелковой тесьмы. По переписи 1687 года оценен был в тысячу рублей.

Латная броня из железа или из стали покрывала воина по колени. Между многими латами, хранящимися в Оружейной палате, упомянем для объяснения о трех следующих: «Латы вороненые травчатые, резные, с позолоченной шапкой, с ожерельем и с полами; гвозди медные золоченые; подкладка под латами из белой кожи, а под шапкой из зеленого бархата; на шапке труба, где перья вкладывают. Латы травчатые ж резные; на передней доске в клейме лев, держащий в одной лапе меч, в другой стрелы, около клейма два грифа, а на заднем клейме — ездок, на коне поражающий крылатого змея; застежки со звездами, насаженными на ремнях. Латы детские с шапкой и полами, подложены бархатом червчатым; застежки, петли, крючки и гвозди железные, вызолоченные, пояс ременный обшит бархатом; на шапке трубка медная вызолочена. Сии латы носил в детстве великий князь Димитрий Иоаннович Донской. Некоторые латы назывались в старину брусицкими, личными и крестовыми».

Зерцало

Зерцало персидское булатное, у передней и задней досок опушки обложены золотом, сканью и в золоте вставлены лалы, бирюзы и жемчуги; на углах по мишени, а между ими по четыре мишени ж и посреди на выводе золотом наведены травы; в травах по четыре мишени, а между мишенью по четыре зверя, наведены золотом же около каймы слова арабские; на выводах по перью, а в них вставлены в гнездах разные каменья и восемь зерен бурмицких; в сторонних двух досках каймы наведены золотом с арабскою же надписью; в осьми мишенях наведены золотом травы, да в закрепке у зерцала и в тесьме двадцать восемь гвоздей серебряных золоченых гладких; четыре пряжки с наконечниками серебряные золоченые, тесьма тканая из разных шелков с золотом.

Полный доспех на воина

До сих пор о каждой старинной броне упомянуто отдельно; но когда воин с ног до головы облекался в полный доспех для защищения себя от ударов неприятельских, то военная одежда состояла в следующем: 1 — шапка, 2 — нагрудник, 3 — ошеск, 4 — наручи, 5 — зарукавье, 6 — рукавицы, 7 — полы, 8 — набедерники, 9 — наколенники, 10 — бутырлыки, 11 — сапоги железные.

Конские латы

Не одни воины отягощали себя тяжеловесными латами, их кони также предохранены

были от неприятельских стрел и копий ратной сбруей, как из следующего описания можно видеть: конский нагрудник железный старый ржавый, исподние две доски чеканены и позолочены; на них люди на конях и пешие и олени, и собаки, а десять досок местами только позолочены. Сей конский снаряд прислан [в] 1557 году царю Иоанну Васильевичу от гиспанского короля Филиппа II и супруги его королевы англинской Марии по открытии англичанами первого морского пути к Двинской пристани. Наряд конский: голова, грива, нагрудник, полы, зад — стальные; по местам чеканены и резные, золочены пареным золотом, повыше репицы, в трех местах проломлено. Голова мерекляная на лошадь железная попорчена; на лбу трубка с копейцом, золочена; гвозди медные золочены ж; подложена красным сукном. В Оружейной палате находится много любопытных вещей не по драгоценности металлов, но по достопамятностям историческим. Железо не возбуждало корыстолюбие врагов наших при опустошении Москвы; оно мало изменилось от бывших в Кремле пожаров; а потому и уцелели древнейшие доспехи стальные.

13. Огнестрельное оружие

Мушкеты

Мушкеты, а по старинному названию самопалы, без замка, зажигались фитилем, и когда надлежало стрелять из них, то ставились на (жаграх) сошках, при учении ратных строев для сего был особенный воинский артикул. По исчислению за сто двадцать лет пред сим находилось в Оружейной и в подведомственных ей местах более 5000 мушкетов; потому что палата служила вместо арсенала, из которого все оружие отдавалось в починку мастерам и на оружейные заводы: Тульский на реке Тулице, Каширский на реке Скниге и Оболенский на Протве.

Пищали

По переписным книгам 1687 года числилось всех пищалей винтовальных, пульных, птичьих, скорострельных, дробных и затинных более 600. Все они тем отличаются от обыкновенных ружей, что устье ствола их имеет вид змеи. Турецкие пищали с жагрой, цвет стволов красноватый, некоторые из них со словами арабскими. Англинские пищали отличаются от прочих чистотой отделки и наводом золота и серебра, замки их назывались бараборскими. Цесарские пищали особенно именуются фабинскими. На некоторых немецких вообще и шведских есть надписи латинские. Из числа 600 пищалей большая часть делана в России. Лучшие ствольные мастера суть: Григорий и Афонасий Вяткины, Иван, Тимофей и Трофим Лучаниновы, Филипп Ульянов, Василий Титов, Иван Первушкин, Игнатий и Ермолай Прохоровы, Роман и Прокопий Комаевы. Станки делали: Евстафий Кузовлев и Василий Карцов. Золото насекал Аввакум Антропьев. Из замочников же русских известен только один Демид Волдацкой; и потому замки более приставлялись английские, французские и шведские. Самая богатая первая пищаль, золотом оправленная с каменьями — турецкая; поднесена царю Михайлу Феодоровичу греком Иваном Матвеевым. Второю пищалью по чистоте отделки и по доброте считается сработанная русским мастером Григорием Вяткиным. Несколько пищалей прислано государям в дар от императоров римских, от королей английских, датских и шведских и от имеретинского царя Александра.

Карабины

Карабинов в Оружейной палате находилось прежде до семи тысяч, не столько иностранных, как деланных в России теми же мастерами, которые работали пищали. Первый карабин так описывается: «Ствол красный, в казне трава чаадайская, в мишени орел двоеглавый с короной, от казны до середней мишени грань вырезана, трава фрязская; в середней мишени травы чаадайские; третья мишень: у дула травы чаадайские ж, золочены пареным золотом; на дуле яблоко гладкое, золоченое ж; на стволе шесть поясков золотых, в них алмазы и яхонты красные граненые; замок, в доске врезаны травы фрязские, на полке корона; курок: голова орловая с короной; подпорка под курком в виде аспида, на огниве травы, скоба чеканная и спуск гладкий золоченый; станок черный эбенова дерева на голландское дело, на нем врезаны раковины венецейские; у приклада с правой стороны человек борется с львом, а слева воин на коне колет змею; между шурупов против замка человек режет вола, а между местных раковин разводы раковинные же, наведенные серебром с изображением птиц и листьев; оправа на станке золотая с разными финифтями; на прикладе коробок золотой, а в нем мишень, а в мишени всадник колет змея летучего; в мишени два яхонта красных, а в поясу сорок изумрудов; шомпол обоновый с трубкою золотой; а поддульник золотой с финифтями».

Тюфяки

Тюфяк — турецкое название огнестрельному орудию, описывается в таком виде: «Пара тюфяков, коротков винтовальных, Тимофеева

дела Лучанинова, стволы у них резные посеребренные; на каждом по орлу золоченому; станки яблоновые очерненные, с врезанными на них раковинами. Ольстры из желтого бархата обложены серебряным кружевом». В Оружейной хранится тюфяков одна только сия пара.

Пистолеты

Пистолетов с ольстрами российской высокой работы и иностранных вообще было прежде до пяти тысяч. Есть между ими не только двуствольные, но и шестиствольные. Большая часть стволов шведские. Кроме названных пред сим русских оружейников, отделывали пистолеты в Москве два иностранца: Филипп Кенеман и Киприан Келлер. Но богатейшая пара пистолетов в серебряной золоченой оправе работана Григорьем Вяткиным. К ним ольстры с вышитыми золотом по бархату орлами и украшенные яхонтами, изумрудами и жемчугом.

Лядунки и роги пороховые

Царские лядунки бархатные, золотом и серебром шитые на двенадцать зарядов; но есть две лядунки об одном заряде, которые отпускались с государем, когда он выезжал в санях.

Пороховые роги делались из кости и из чипорасового дерева; на тех, которые употребляемы были самим государем, вырезаны орлы.

14. Стяги и знамена

Военные знамена в отдаленной древности были столь же просты, как и тогдашние оружия. Разные народы для распознания ополчений своих в сражениях употребляли вместо знамен отлички, какие им случайно попадались, как-то: зеленые ветви, разных птиц, головы животных, пук сена, привязывая что-либо из того на высокие шесты. Когда ж военное искусство нарочито образовалось, то и знаменам придали прочность и значительность. Каждый народ удержал при себе какой-либо символический знак и постоянно придерживался оного. Какие стяги или знамена отличали русских прежде великого князя Владимира, нам того доныне не известно, а по восприятии им христианской веры, иконы святых и кресты, на полотне и тафте изображенные, всегда развевались над рядами воинов наших и приосеняли их.

Иногда и церковные хоругви вместе с знаменами при важных походах отпускались на войну. В Оружейной палате при описи с 1687 года всех хранившихся там разного рода знамен с вышитыми и живописными изображениями считалось более ста. Некоторые из них по текстам из Апокалипсиса заслуживают особенное примечание. Одно в числе оных, великим стягом названное, так описывается: «Знамя, середина тафта лазоревая, откос тафта сахарная; в откосе круг вшит алый, на откосе нижняя кайма тафта, малиновый цвет; около середины и откоса кайма, тафта брусничная, ветха». В середине написан Спас на коне в кругу, у него на правом бедре написано: «Царь царем и господь господом». В том кругу подпись: «Оболчен в ризу очервлену кровию и нарицается им его слово божие, и имать на ризе и на стегне своем имя написанное — царь царем, господь господом». За Спасом воинство небесное: «Идяху вслед его на конех белых, оболчены в виссон бел и чист». Пред Спасом и около Спаса кругом херувимы и серафимы, над ними подписано: «Изо уст его исходит меч остр, да тем избиет языки». Под небесными силами внизу по кайме с конца написан Иоанн Богослов, а над ним подписано: «Видение Иоанна Богослова». В откосе написан архангел Михаил на коне со крестом и мечом. В конце меч, а далее стоит ангел на солнце. На откосе ж по кайме по маковой тафте написаны птицы. По верхней кайме с конца видение Иоанна Богослова: «И видех небо отверсто и се конь бел и седяй на нем нарицащеся верен и истинен, и в правде судит, и брани сотворит. Очи ж ему еста, яко пламень огнен. На главе его венцы мнози имый, имать написано — еже никто же весть, токмо он сам». На нижней кайме с конца написан Иоанн Богослов, перед ним подписано: «Иже оружием избиени седящего на кони и изшедшим из уст его. И видех единого ангела, стоящего на солнце и возопи гласом велиим ко всем птицам, парящим посреди небесным, приидите и соберитися на вечерню великого бога, да не снесте плоти царей и плоти крепких, и плоти коней и сидящих на них, и плоти всех свободных и рабов малых и великих». На другой стороне написано тем же подобием, что и на первой; а около Спаса в кругу вместо подписи написаны звезды. На той же стороне на нижней кайме подписано: «Повелением благочестивого царя и великого князя Ивана Васильевича государя всея Руссии сделано бысть сие знамя, великий стяг 7068 (1560)». Длина сего знамя по верхней кайме пол осьма аршина, по нижней кайме до скоса два аршина десять вершков, откосу длина шесть аршин, шириной три аршина два вершка. Знамен довольно уцелело в Оружейной палате; там можно еще видеть знамя, развевавшееся при взятии Казани. В царствование государя Алексея Михайловича стяги и знамена отделывались весьма тщательно.

15. Военная музыка и барабаны

У всех народов издревле введена военная музыка для возбуждения духа готовящихся к сражению воинов, для управления движениями их или для созыва их на какое-либо место. Инструменты на сие предпочтительно избирались такие, от которых звуки громогласные, как-то: барабаны и литавры. В России из мусикийских орудий известны в древности трубы, сурны и роги; а из шумящих: накры, бубны, тулумбасы и литавры. О трубах, литаврах и тулумбасах в Оружейной палате по старым описям значится: «Двенадцать труб ратного строя серебряных, золоченых и одна вороненая с муштуками; на них яблоки [п]рорезные, два в пяти местах на спаях пояски чеканные, а меж ими резано в чешую, на раструбах по пояску чеканному; весу в них по три фунта в трубе. Четырнадцать труб серебряных с муштуками, в том числе у шести труб яблоки раструбы чеканные, золоченые, четыре трубы белые, у шести труб чушки суконные червчатые. К трубам привешивались завесы из белой и алой камки, золотом, серебром и разными красками распестренные». Литавра медная поволочена кожей, четырнадцать шурупов железных литавриных золоченых. Тулумбасы: «Два тулумбаса медные, резные расконфарены, а два булатные ошиваны бархатом червчатым; тесьма шелк червчатый; по тулумбасам били лощагами, у которых черенья делались костяные либо деревянные, а ручки к ним обшивались сафьяном».

ГЛАВА XIV
ОБ УЧРЕЖДЕНИИ ПАТРИАРШЕСТВА В РОССИИ. О ПАТРИАРШЕЙ В МОСКВЕ РИЗНИЦЕ И БИБЛИОТЕКЕ

Въезд в Россию

В июне месяце 1588 года прибыл в Смоленск константинопольский патриарх Иеремия в сопровождении монавасийского митрополита Иерофея, елассонского архиепископа Арсения, архимандрита, архидьякона и нескольких старцев, набранных им по дороге в Россию, и прислал к царю Феодору Иоанновичу грамоту с испрошением дозволения прибыть в Москву и видеть царские очи. Из хранящихся в Архиве иностранных дел записок того времени явствует, что за пять лет пред сим он изгнан был с патриаршества константинопольского султаном Амуратом II и отправлен на остров Родос в ссылку, а на место его, без избрания и без согласия греческого духовенства, возведен в сие достоинство Феолиптос. По прошествии четырех лет Амурат свергнул его и возвратил из ссылки Иеремию, но в то же время велел все имущество из соборной в Константинополе патриаршей церкви нечаянно захватить и преобразить храм христианский в мечеть; а для жительства патриарху дал разоренную церковь армянскую. Не имев иждивения на устроение патриаршего собора и келий, Иеремия убедил султана дать ему проезжую грамоту для собирания на церковное строение денег в Молдавии и Валахии, откуда он чрез Литву проехал в Смоленск.

Учреждение в России пятого Вселенского патриаршества

От нечаянного прибытия в Москву первостепенного патриарха возобновилось в набожном государе желание учредить чрез посредство его пятое в России патриаршество, как уже предложено было о том прежде бывшему за [авт. пропуск] лет пред сим в Москве антиохийскому патриарху Иоакиму, который обещал обослаться и посоветоваться о том с вселенскими патриархами. Производить переговоры с прибывшим в Москву святейшим Иеремиею касательно сего постановления возложено было на царского шурина, слугу и конюшего, ближнего боярина Бориса Феодоровича Годунова. Иеремия известил его, что предложение антиохийского патриарха Иоакима ему и всем греческим патриархам известно, что собором их приговорено быть в России патриаршеству и что он сам желает заступить сие место. Но царь Феодор Иоаннович не согласился принять Иеремию, потому что он ни российских обычаев, ни языка не знает и что советоваться с ним о делах иначе не можно, как чрез толмача, а убедил его посвятить в патриархи Иова, митрополита всея России. Воля царская исполнилась: 1589 года генваря в 26-й день Иов со всеми обрядами греческой церкви возведен был на патриаршую степень, причем получено

от Иеремии благословение поставлять впредь патриархов в Москве со изволения царского, по избранию священного российского собора. Все сие по возвращении Иеремии в Царьград утверждено было уложенною на соборе 1590 [года] в мае месяце грамотой за подписанием трех святейших патриархов: антиохийского Иоакима и ерусалимского Софрония, 42 митрополитов, 19 архиепископов и 20 епископов.

2

1. Патриарх Иов

Патриарх Иов управлял российскою церковью 16 лет. Он не признал царем Димитрия Самозванца, который за то отрешил его и нарек преемником ему рязанского архиепископа Игнатия, родом грека. Когда сей нареченный патриарх подступил к Иову принять от него благословение, то Иов с негодованием произнес сии слова: «По ватаге и атаман, а по овцам и пастырь». Его отвезли на заточение в Богородицкий Старицкий монастырь, где и скончался в 1607 году марта 8-го. Тело его по указу царя Алексея Михайловича в 1652 году перевезено и похоронено в Успенском соборе.

2. Патриарх Гермоген

По умерщвлении Лжедимитрия нареченный, но не посвященный в патриархи Игнатий бежал в Рим, духовенство российское по изволению царя Василия Иоанновича Шуйского посвятило 1606 года апреля 11-го в патриархи казанского митрополита Гермогена. Сей первосвященник, принужден будучи согласиться на предложение российской короны королевичу Владиславу, сильно воспротивился тому, когда преданные полякам бояре нудили его отдаться безусловно во власть самому королю польскому Сигизмунду; за что насильственно низложен был. С него сняли патриаршую одежду, облекли в простую монашескую, отвели в Чудов монастырь и уморили там голодом. Страдальческая кончина его воспоследовала 1612 года февраля 17-го.

3. Патриарх Филарет

Феодор Никитич Романов-Юрьев был при царе Иоанне IV ближним боярином и считался родственником царским. Царь Борис Годунов приказал сделать ложный донос на него и постричь в монахи, переименовав Филаретом; он сослан был в архангелогородский Антониев Сийский монастырь и содержался там под строгой стражей. Лжедимитрий возвратил Романова из заточения и велел посвятить в митрополиты ростовские. Во время междуцарствия отправили его полномочным послом в Польшу, где вопреки народным правам томим был девять лет в неволе; но по заключении сыном его царем Михаилом Феодоровичем с королем польским Сигизмундом перемирия отпущен в Россию и 1619 [года] июня 24-го возведен на престол патриарший. Он был соправителем сыну во всех делах государственных и именовался великим государем. Скончался 1633 [года] октября 1-го.

4. Патриарх Иоасаф I

Иоасаф I, бывший псковским архиепископом, возведен на патриаршество 1634 [года] февраля 6-го, скончался 1642 [года] ноября 8-го. Он прилагал попечение о приведении в лучшее состояние Духовной в Москве типографии и о напечатании церковных книг особенно старался.

5. Патриарх Иосиф

Иосиф избран по жребию из архимандритов Симонова монастыря и хиротонисан в патриархи 1642 года марта 27-го. Скончался 1651 года апр[еля] 15-го. История осуждает управление его тем, что, окружив себя пустосвятами, попустил их напечатать с ошибочных рукописей многие духовные книги, которые отродили раскол, толико обуревавший потом церковь и отечество. Отпадшие и доныне предпочитают книги, при Иосифе напечатанные, всем другим.

6. Патриарх Никон

Никон родился 1605 года близ Нижнего Новгорода в деревне Вельяминове от земледельца, научился грамоте в Макарьевском Желтоводском монастыре, вступил в духовное звание, был приходским священником в Москве, склонил жену свою постричься в Алексеевском монастыре и сам сделался монахом. Дар слова и сановитость обратили на него всеобщее внимание, а потом приобрели ему и доверенность царя Алексея Михайловича. По повелению царскому он посвящен был в архимандриты Новоспасского монастыря, а вскоре хиротонисан и в митрополиты новгородские. После кончины Иосифа государь в соборной церкви всенародно нарек его патриархом и послал архиерея и бояр пригласить его в собор; но он не поехал, а по второму уже зову едва согласился явиться в собор. Услышав о назначении его в патриархи, упорствовал принять сей сан без жеребья. Государь со всеми властьми и боярами умолял его целый час, Никон со слезами отговаривался от сей почести и неохотно принял ее. Посвящение его в патриархи происходило 1652 года июля 25-го. Сам царь, сняв с патриаршеского места посох св. Петра митрополита, поднес ему в царских дверях после пения трисвятого. Попечения Ни-

кона о пастве своей соответствовали ожиданию и вскоре оправдали настоятельный выбор царский. Он обуздал разврат духовенства, исправил церковные книги и согласил их с греческим чинослужением. В бытность государя на войне против Польши сохранил супругу его и детей от бывшей тогда в Москве моровой язвы. Но отлучаясь часто от столицы для строения Воскресенского монастыря, Новым Иерусалимом именованного, открыл случай врагам своим вредить ему. Когда он усмотрел холодность государя, то сам предался неистовому гневу и без ведома царского уехал в свой монастырь Воскресенский, где прожил более осьми лет, оставя волнуемую раскольниками церковь без пастыря. Смуты и несогласия между им и царем в сие время умножились и непреклонный нрав его все более и более от того ожесточался, что подало клеветникам взвесть на него вины несодеянные. По приглашению царскому приехали в Москву два патриарха: александрийский Паисий и антиохийский Макарий. Составив собор под председательством самого царя, они призвали Никона к ответу и после трех заседаний 1667 [года] декабря 12-го осудили его. Он сослан был как простой монах на заточение в Белозерский Ферапонтов монастырь. Царь Феодор Алексеевич повелел ему возвратиться, но Никон, изнемогший от тяжкой болезни и преогорчения, до получения еще указа принял схиму. Исполняя повеление, он больной отправился в путь, доехал до Ярославля и 1681 [года] августа 17-го скончался там на 75-м году от рождения. Тело его предано земле в устроенном им Воскресенском монастыре. Царь почтил его погребение своим присутствием, а вселенские патриархи опять сопричислили его к сану патриаршему.

7. Патриарх Иоасаф II

Иоасаф II. По низложении Никона сошедшемуся в царскую Столовую палату духовному собору и царскому синклиту сам государь возвестил, что он кормило церкви и верховное в России достоинство вверяет избранному по жребию Троице-Сергиева монастыря архимандриту Иоасафу, который и хиротонисан был 1667 [года] декабря 29-го. Мирно правительствовав более шести лет, он скончался 1672 [года] февраля 17-го. В первый год патриаршества его был в Москве собор под председательством его и двух патриархов: александрийского и антиохийского. На сем соборе одобрены и признаны сообразными древнему православию все поправки в церковных книгах, учиненные при патриархе Никоне, отвержены положения Стоглавника и постановлены многие правила, до церковного благочиния касающиеся, а на раскольников изречена анафема.

8. Патриарх Питирим

Питирим поступил в сан патриарший 1672 [года] июля 7-го из митрополитов новгородских без избрания, а наречен по соизволению государя; скончался 1673 [года] марта 18-го. Десятимесячное управление его церковью не представляет ничего достопамятного.

9. Патриарх Иоаким

Иоаким Сивелов новгородский же митрополит возведен на патриаршество 1673 [года] июля 26-го. При нем постоянные прежде семена раскола и ересей произросли и беспрерывно нарушали благосостояние церкви. Для прекращения зла сего он беспрерывно издавал свои увещания, обличения и поучения. Скончался 1690 [года] марта 17-го. В Патриаршем книгохранилище находится рукописная книга, собранная из Иоакимовых поучений, под названием: «Икона, или Изображение дел московского патриаршего престола».

10. Патриарх Адриан

Адриан, последний патриарх российский, прежде был архимандритом Чудова монастыря, 1686 [года] марта 21-го хиротонисан в митрополиты казанские, а 1690 [года] августа 24-го почтен и саном патриаршим. Пас церковь божию десять лет и скончался 1700 [года] октября 15-го, на 64-м году от рождения. По кончине его государю Петру Первому многократно представляли о избрании достойного пастыря церкви. На сие он всегда ответствовал нерешительно, под предлогом продолжавшейся со шведами войны и многих дел.

Учреждение Святейшего Синода

Учредив в 1721 году Святейший Правительствующий Синод и часто сам председательствующий тамо, он радовался, что перестали напоминать ему о патриархе; но увидев нечаянно пред собой на присутственном столе письменное о том прошение, рассердился, и, ударив себя в грудь, с гневом произнес: «Вот вам патриарх».

3. О некоторых обрядах патриарших

Для посвящения патриарха устраивался в Успенском соборе амвон с 12 ступенями, на котором возжигали двенадцать же светильников. В первый день постановления своего он обедывал у царя и, встав из-за стола после третьей ествы, объезжал сперва вкруг Кремля, а на другой день и около всего города на осляти, в сопровождении двух митрополитов. По обеим сторонам в некотором от него расстоянии шли стрельцы вооруженные, конец повода у осляти

держал один из знатнейших бояр государевых, за ним окольничий; под уздцы с правой стороны вел осля боярин патриарший, а с левой — стремянный конюх. Во всех кремлевских воротах новопосвященный иерарх останавливался, восходил на амвон, читал литию и троекратно окроплял святой водой твердыни городские и народ. Объехав Кремль, он возвращался в Столовую палату и, поклонясь царю, садился за стол на прежнее место. После обеда государь дарил его серебряными кубками, бархатами, атласами и соболями. Патриарх Филарет Никитич, как отец государев и соправитель, имел титул великого государя, что и Никон присвоивал себе, но сие поставлено ему в вину. На соборе 1667 года узаконено преемнику его именовать себя великим господином, святейшим Кир[ом] Иоасафом, божьей милостью патриархом московским и всея России.

Когда выходил святейший из своих келий в собор на служение и к государю, то носим был пред ним крест со свечою, путь окроплялся святой водой, а предшествовавшие ему клирошане воспевали хвалу господу, на Ивановской же колокольне звонили. При самом входе встреченный патриарх благословлял государя и целовал в плечо, потом читал: «Достойно есть...», осенял крестом и кропил его.

Цари обедывали у патриархов в вербное воскресение, в праздник Успения божьей матери и декабря 21-го на память св. Петра митрополита. Зов к столу бывал за несколько дней. Кушанье на патриарший стол для государя отпускалось с дворцовой кухни, вина подавал царский кравчий из принесенного нарочно царского поставца, украшенного позлащенными кубками, кружками и нарядными ковшами. Патриарх, обедая у государя, также отсылал в дворцовые сени свой нарядный поставец. Царицы не приглашались к трапезе святительской, но все блюда и вина в кубках отсылались к ним со стрельцами в сопровождении патриарших детей боярских. Если и патриарх не мог в праздничный день обедать у государя, то блюда с царского стола отпускались к нему.

Патриархи езжали по городу и за город в запряженной шестью лошадьми карете, над которой был поставлен позлащенный крест с каменьями, пред ним два священнослужителя на конях везли большой крест и посох.

По случаю кончины патриарха ударяли три раза в Успенский колокол. В день отпевания на литургии, при выходе со святым евангелием, вносили тело усопшего в алтарь чрез Царские врата; оно пребывало там на Горнем месте в продолжение всей обедни. После заамвонной молитвы поставляли его на амвон лицом к народу; по прочтении ж прощальной грамоты ставили гроб посредине церкви лицом к алтарю и отпевали. Все патриархи российские, кроме Никона, похоронены в Успенском соборе.

4. Патриарший дом

Царь Алексей Михайлович пожаловал Никону патриарху обветшалый боярский двор бывшего царем Бориса Годунова, близ Успенского собора. Никон построил в 1655 году тут Крестовую палату с кельями и с церковью во имя Московских чудотворцев: Петра, Алексея и Ионы. Государь, возвратясь из польского похода, ввел патриарха в Крестовую палату с церковными обрядами и повелел ему тут жительствовать. Ныне в сем обширном здании помещена Контора Синодальная и Патриаршая ризница с библиотекой. Император Петр I по учреждении Святейшего Синода соорудил тут 1723 года храм во имя Дванадесяти апостолов и повелел подписать на Царских вратах, над южными и северными дверями, следующие тексты из св. писания: «Престол твой, боже, в век века. И да поклонятся ему вси ангели божии. И ныне избрах и освятих дом сей, да будет имя мое ту в веки. И будут очи мои и сердце мое ту в та дни». Вверху есть еще церковь апостола Филиппа, освященная в 1656 году при Никоне патриархе. В ней-то хранятся книги и облачения прежних митрополитов и патриархов.

5. Ризница

Патриаршие короны, митры и шапки митрополичьи

В Патриаршей ризнице находятся две короны, четыре митры и одна шапка, богато украшенная жемчугами и драгоценными камнями.

Митра большая сделана царем Алексеем Михайловичем и царицей Марьей Ильиничной для патриарха Никона в 1653 году октября 20-го. Митра средняя сделана в Константинополе по препоручению царскому для Никона патриарха и в том же году прислана от патриарха цареградского Иоанникия. Митра меньшая, без надписи, неизвестно для которого патриарха устроена. Четвертая митра есть та самая, которую царь Алексей Михайлович поднес на золотой мисе Никону патриарху 1652 года августа 15-го [в] соборной церкви после часов, вместе с образом Филиппа митрополита и с братиной золотой чеканной. Во время святой литургии сию митру нес диакон на золотой мисе, и с тех пор при служении патриаршем начали всегда так выносить ее.

Меньшая корона, серебряная, позолоченная, с надписью греческой, поднесена была 1632 года царю Михаилу Феодоровичу приез-

жавшим от турецкого султана Амурата послом Фомой Кантакузином, а от государя того ж подарена родителю своему патриарху Филарету Никитичу. Корона большая золотая, богатее прочих украшена алмазами, изумрудами и жемчугами, устроена царем Алексеем Михайловичем для Никона патриарха на память вечную по боярине Никите Ивановиче Романове. После низложения Никона государь приказал внесть ее в Мастерскую свою палату и присоединить к царским коронам, но чрез двенадцать лет потом сам вручил ее патриарху Иоакиму.

Шапка, по лазоревой земле шитая золотом с горностаевой опушкой, сделана Иовом патриархом 1595 года; вместо обруча на ней вынизаны жемчугом слова. Все надписи, здесь упоминаемые, помещены в примечании.

Панагии

Панагий, оправленных в золоте и серебре, находится в ризнице до тридцати. В некоторых вырезаны образа на камнях драгоценных. Есть с надписями греческими и с именами патриархов константинопольских. Между многими замечательна панагия с русской надписью, возложенная царем Феодором Иоанновичем на первого патриарха Иова, в день посвящения его в сей первосвященнический сан 26 генваря 1589 года. Другая в серебряной оправе с образом Одигитрии и Спаса нерукотворенного, любопытна потому только, что к ней привешена золотая копейка. Патриархи в великие праздники при совершении божественной службы надевали на себя по три панагии.

Патриаршие посохи, сулоки, трикирии и рипиды

Посохи, или патерицы, означая отеческое управление над православной церковью и законную над духовенством власть, бывали существенной принадлежностью митрополитов и потом патриархов всероссийских. Каждому из них вручаем был посох от самого государя и каждый патриарх устраивал для себя новый на память церковного своего властительства. Первый посох первого водворившегося в Москве иерарха описан в старинных книгах следующим образом: «Посох святого великого святителя и чудотворца Петра митрополита, древа китайского черного, на нем возглавие оправлено серебром позолоченным; на возглавии по обе стороны вырезаны кресты, наверху надпись: «Смиренный Петр митрополит всея России». Под возглавием другая надпись: «Лета 4186 (1677) декабря в 21 день поновлен бысть Иоакимом патриархом». На нем вместо яблок три обоимницы и наконечник, серебряные — с поясками и зубчиками золочеными; подковец железный золочен. Сей посох первосвятителя московского стаивал на патриаршем месте; по уничтожении ж патриаршества, в 1722 году был снят и отнесен в ризницу, но ныне опять поставлен на прежнем месте. Посох святителя Алексея митрополита сандальный, продороженный, с серебряной позолоченной оправой, наверху крест, а под оным надпись: «Смиренный Алексей митрополит всея Руссии». Посох раковенный греческий, узористый осьмигранный, на нем оглавие змеиное и два яблока из кости белой, под оглавием подпись по серебру греческая. Патриаршие посохи несравненно великолепнее; украшены яхонтами и изумрудами и отличаются от митрополичьих изображенными на них серафимами. Под возглавие сих посохов пристегивается сулок из ткани, прикрывающий держащую руку. Один из прежних патриарших сулоков описывается весьма великолепным: «Края жемчугом обнизанные с крупными яхонтами и с гербом, алмазами украшенным».

Трикирии и дикирии, или троесвечия и двусвечия, которыми патриархи осеняли народ, сделаны были с греческого образца, серебряные и украшенные алмазами и яхонтами.

Рипид при служении патриаршем бывало по четыре.

Саккосы, амафоры, епитрахили, полицы и поручи

Саккос чудотворца св. митрополита Петра из лазоревой парчи с кругами, в которых вытканы кресты золотые, оплечье и зарукавья низаны мелким жемчугом; устроен 1322 года. Саккос чудотворца св. митрополита Алексея, по таусинной камке вышит золотом, кресты с углами, между которыми серебряные чеканные позолоченные дробницы; устроен 1364 года. Два саккоса Фотия митрополита, оба по лазоревому атласу шиты золотом и серебром, на оплечьях и зарукавьях изображены праздники господские; у одного подол обнизан жемчугом, над подольником вышит золотом символ православной веры на греческом языке; а на другом также вышит серебром символ веры по-гречески, и сверх того на сторонах по-арабски. Сии саккосы с епитрахилью, поручами и паромонтом привезены святителем из Константинополя в 1408 году, когда он принял там постановление на российскую митрополию от патриарха Матфея. Саккос Геронтия митрополита из вишневого атласа с крестами, шитыми красным шелком, перемешанным с золотом и серебром, оплечье без жемчуга. Саккос Симона митрополита из парчи вишневого цвета, с крестами, тканными золотом, и с травами серебряными, оплечье низано жемчугом с дробницами гладкими серебряными, на серебряных зару-

кавьях вычеканены святые с обнизью из жемчуга. Саккос Иоасафа митрополита из золотого алтабаса полосатого; оплечье и зарукавье низано жемчугом с дробницами басемными; на кресте серебряном, обнизанном жемчугом, черневая надпись. Два саккоса Макария митрополита, один рытого немецкого бархата полосатый, оплечье и зарукавье низано жемчугом, назади золотой крест из четырех яхонтов и сердолика; другой саккос по белой земле с вышитыми между трав золотыми крестами; оплечье и зарукавье низано крупным жемчугом. Оба саккоса с надписями, золотом шитыми.

Саккос Дионисия митрополита, тканный по белой земле золотом с изображением Пресвятой богоматери с предстоящими архангелами; оплечье низано средним и мелким жемчугом по лазоревому атласу с золотыми дробницами. Из надписи на оном явствует, что устроен царем Иоанном Васильевичем по убиенном сыне своем царевиче Иоанне Иоанновиче. Есть и другой саккос того же времени: по алой земле из аксамиту пепельчатого двойного, у которого на оплечье вынизаны жемчугом слова, означающие устроение оного на память же царевичу Иоанну. Саккос Антония митрополита из алтабаса по вишневой земле, оплечье, зарукавье и крест обнизаны жемчугом с дробницами, изображающими святых. Семь саккосов Иова патриарха, из числа коих низан жемчугом только один. Саккос, принадлежавший возведенному Лжедимитрием в 1605 году на патриаршеский престол Игнатию, из клетчатой парчи с каймой, тканною из серебра, перемешанного с красным шелком. Саккос патриарха Гермогена с вишневыми по золоту травами, обложенный золотой сеткой. Четыре саккоса патриарха Филарета Никитича, парчовые с гасами, но без жемчугов. Саккос, названный цареградским, из аксамиту пепельчатого золотого по алой земле, на оплечье слова, по-гречески золотом шитые: «Священницы твои, господи! облекутся в правду и святии твои радостью возрадуются». Два саккоса, принадлежавшие Иосифу патриарху, один с вытканным образом Спасителя и с кованым золотым кружевом; а другой с тканными ж херувимами золотом по алой земле. Саккос из аксамиту пепельчатого по алой земле, устроения царя Михаила Феодоровича. Три богатейшие саккоса с жемчугами и каменьями: лазаревский, коломенский и покровский, Никону патриарху царем Алексеем Михайловичем и царицей Марией Ильиничной подаренные, один в Лазареву субботу, другой при служении в селе Коломенском, а третий в праздник Покрова богородицы. Саккос аксамитный золотой, сделанный царем же Алексеем Михайловичем на поминовение сродника своего боярина Никиты Ивановича Романова. Всех саккосов по прежним описям считалось 76, и половина из них украшена жемчугами, а некоторые изумрудами, яхонтами и лалами.

Амафоров патриарших с жемчугами и разными каменьями хранится в ризнице до пятнадцати; из них один только с надписью, жемчугом низанною, подаренный 1655 года царем Алексеем Михайловичем и царицей Марией Ильиничной патриарху Никону.

В числе многих епитрахилий, полиц и поручей большая часть низаны жемчугом, а на одной полице и надпись сохранилась. Надписи, в сем параграфе упоминаемые, помещены в примечании.

Описание мантии и клобука патриарших

Мантии и клобуки патриаршие имели некоторые неодинаковые отличия, а потому и предлагается описание по одному [из] сих облачений со всей подробностью своего времени: мантия большая муромо-зеленого цвета двоеморховая, а на ней скрижали верхние и нижние из двоеморхового алого бархата. На верхних скрижалях кресты, возглавие и подножие низаны в снизку, в полтрети нити, рефей крупным кафимским жемчугом, а копие и трости низаны таким же жемчугом в одну нить, а над крестами и по сторонам крестов низаны слова мелким жемчугом. Около скрижалей верхних и нижних каймы низаны в снизку в полтрети нити средним жемчугом. На нижних скрижалях два херувима обнизаны жемчугом средним, в крыльях промеж жемчуга прошивано картоном в петлю, а по краям обведено трунцалом. На той же мантии с правой и с левой стороны по три источника, в средине их тесьма золото волоченое с червчатым шелком, а по обе стороны той тесьмы, вместо белого атласа, низаны каймы средним жемчугом в снизку. Оплечье и полы и на подоле подпущено атласом брусничного цвета; на подоле три колокольца да две пуговицы серебряные, золоченые гладкие.

Клобук большой, камка белая мелкочешуйчатая, а на нем напереди вышиты пряденым золотом Спасов образ, по сторонам Богородичен и Предтечев, венцы и ризы и каймы обнизаны средним и мелким скатным жемчугом. В венцах меж дву[х] кайм обнизанных шесть яхонтов червчатых, да четыре изумруда малых в гнездах золотых, меж теми камушками в Спасове венце слова, и по сторонам образа Богородична и Предтечева низаны самым мелким жемчугом; а исподняя кайма обнизана крупным касимовским жемчугом в один ряд. Наверху плащ золотой с черныю, кругом его обнизан репей большой в снизку средним жемчу-

гом, а в репье четыре яхонта лазоревые да четыре лала вшиты в пришивку без гнезд; на том же плаще крест золотой с разноцветной финифтью на обе стороны. На кресте наверху камень лал, да на ручках два камня яхонты лазоревые, на синях закрепленные; под лалом четыре зерна гурмышских больших. На правом крыле вышиты пряденым золотом святители: Василий Великий, Григорий Богослов и ниже их под поясом: Алексей и Иона митрополиты. А на левом крыле также вышиты наверху святые лица: Иоанна Златоустого, Петра митрополита, а внизу Филиппа митрополита и Алексея человека божия; венцы их, ризы, амафоры и имена их вынизаны средним и мелким жемчугом. Кайма у правого крыла низана в две нити кафимским крупным и средним жемчугом с поперечник[ам]и гнездами; а в той кайме в гнездах с поперечником четыре запонки алмазных в золоте да четыре запоны золотые, а в них по одному яхонтику червчатому; в тех же каймах вшито без гнезд двенадцать лалов да одиннадцать изумрудов. Левое крыло вышито и жемчугом низано и запонами алмазными и яхонтовыми, и каменьем: лалами и изумрудами убрано против правого крыла. По концам по обоим крылам десять яхонтов лазоревых да девять лалов.

Печати патриаршие

После бывших в России патриархов осталось девять серебряных печатей. На трех вырезана одна благословляющая рука, на трех образ Успения божьей матери; из числа сих одна двойная с изображением на другой стороне двух благословляющих рук; на трех же образ Пресвятой богородицы, сидящей на престоле с предвечным младенцем; из числа сих одна двойная, с изображением на другой стороне благословляющей руки.

Перстни

Два перстня, принадлежавшие Алексею митрополиту, оба достойны примечания. Один из арабской меди с камнем лазурным, на котором вырезано сходное с казанским гербом изображение. Он подарен монгольским ханом Чанибеком святителю в то время, как был он в Орде. Другой перстень, золотой с вставленным в оный са[п]фиром необделанным и просверленным, св. Алексий получил в дар от исцеленной им ханши Тайдулы. Император Петр I, усмотрев сей перстень в Чудове монастыре у образа Чудотворца, приказал внутри оного вырезать, а может быть, и сам вырезал в двух строках слова: «Господи, помози на враги нам и твоя сохраняя крестом люди!» С сей надписью, по именному государеву указу, сей перстень 1722 года генваря 29-го препровожден был на сохранение в Патриаршую ризницу.

Разное имущество патриаршее

Митрополиты и патриархи российские имели отдельное ведомство, непосредственно от них зависевший суд и расправу и свои доходы. У них были свои бояре, окольничие, стольники, дьяки, дети боярские. Угощая в некоторые праздничные дни государя, они запасали для себя всякую посуду столовую серебряную позолоченную. По уничтожении патриаршества осталось в кладовой более ста кубков, 6 стоп, 11 кружек, 4 воронка, или кувшина, 7 четвертин, 80 стаканов, 48 чарок, 44 ковша, 50 братин, 40 блюд, 17 сковород, 36 тарелок, 15 солонок, 4 перечницы, 7 рассольников, 12 судков, 36 ложек, 2 ендовы, 7 чаш, 12 подсвечников и 3 лохани. На многих из числа сих вещей вырезаны слова, но не списаны. Между стопами есть так называемая заздравная с вызолоченным поддоном на львах, хранящаяся доныне в бархатном футляре. Сверх того по старым описям значится о жемчуге обранном и разноцветном, между которыми находится круглый изумруд весом в одиннадцать золотников, из венецейского кувшинца, который 1678 года взят из Воскресенского монастыря. Патриаршая казна получала приращение от даров царских и от присыланных при святейшем Филарете, родителе царя Михаила Феодоровича, иностранными государями. Между прочим известно, что в 1620 году английский король Иаков прислал к нему с послом Мериком сосуд хрустальный в серебряной оправе золоченой, пять кубков золоченых, большой рукомойник с лоханью, две стопы и двойную солонку. В числе подарков, присланных патриарху от королей, находятся сосуды с мифологическими изображениями. Голландские Статы и князь Оранский Фридерик Генрих в 1631 году поднесли патриарху Филарету лампаду серебряную чеканную на цепях с часами; две стопы серебряные золоченые, ковер индийский цветной, судки столовые янтарные, оправленные золоченым серебром, сосуд хрустальный с крышкой в серебряной же позолоченной оправе. Персидский шах в 1625 году прислал с послом своим Русан-беком часть срачицы господней, в Грузии сохранившейся, и посох, в который врезана была кость от мощей великомученика Георгия. Царь Алексей Михайлович щедро удоволил Никона не только всеми потребностями, но и почетными знаками милостей своих. По низложении сего любимца патриарха усердие царей к возвеличению совместников своих во власти приметно охладилось; их чествовали, но до превозношения не допускали.

В к л а д ы н о в е й ш и х в р е м е н
в П а т р и а р ш у ю р и з н и ц у

Четыре блюда серебряных вызолоченных, которые императрица Анна Иоанновна прислала в Патриаршую ризницу для выноса оных при поминовениях императора Петра II, царевен: Феодосии Иоанновны, Марьи Иоанновны и великой княжны Натальи Алексеевны. Два котла серебряные вызолоченные, в которых весу 11 пуд[ов], для мироварения, к ним кад для сливания мира в 5 пуд[ов] с крышкою, изображающей помазание Самуилом пророком на царство Саула, в 2 пуда 35 фунтов. На каждом из сих сосудов вычеканены надписи, возвещающие устроение их в 1767 году по высочайшему и боголюбивому повелению императрицы Екатерины II в шестое лето царствование ее.

6. Жалованные грамоты царские патриархам, митрополитам и духовным

В числе многих жалованных грамот, сбереженных до сего времени между патриаршими бумагами, имеют историческую значительность нижеследующие три грамоты Афанасию митрополиту всероссийскому: 1. В подтверждение данной предместнику его Макарию жалованной грамоты о неподсудимости российского духовенства, митрополичьих бояр, детей боярских, слуг и крестьян монастырских наместникам государевым, волостелям и тиунам, кроме душегубства; о разбирании всяких тяжебных между ими дел митрополичьим боярам вообще с царскими недельщиками, и об увольнении принадлежащих духовенству крестьян от государевых повинностей, всеми прочими исправляемых. Сия грамота писана 1564 года июня 20-го. 2. На беспошлинный и свободный ежегодно из Москвы пропуск в северские города и обратно ста возов с хлебом, солью и всякими запасами митрополичьими на продажу. Писана 1564 года августа 11-го. 3. На беспошлинный и свободный ежегодно пропуск из Москвы чрез Новгород, Псков, Иван-город, Старую Русу, Ругодив, Полоцк и другие города купчин митрополичьих на ста возах с запасами и обратно в Москву с купленными в тех городах разными потребностями. Писана того ж 1564 года августа 20-го. Жалованная грамота Дионисию митрополиту о невъезде в волости его, ни в монастырские отчины, ни в села митрополичьих бояр, государевым губным старостам, городовым прикащикам и рассыльщикам для сбора денежных податей. Писана 1585 года генваря 24-го. Уложенная грамота от четырех вселенских патриархов и всего собора их на учреждение в России пятого патриаршества. Жалованная грамота патриарху Филарету Никитичу о ведении священно- и церковнослужителей судом и расправой на Патриаршем токмо дворе. Писана 1625 года. Жалованная грамота патриарху Иоасафу о неподсудимости домов патриарших, людей и монастырских крестьян светским чиновникам. Писана 1671 года. Шесть жалованных царских грамот митрополитам и патриархам всероссийским на собрание в свою пользу венечных пошлин, т. е. со всех вступающих в браки мирян. Тут же хранятся три духовные завещания патриархов: Иова, Иоасафа II и Питирима.

7. Рукописные книги

Редкое и драгоценнейшее собрание рукописей в Патриаршем книгохранилище разделяется на духовные и исторические российские, также на разные иностранные сочинения. Многие духовные рукописи издревле находились в митрополичьих домах, а по случаю поправления Никоном патриархом церковных книг число их приумножилось: ибо для поверки неисправных переводов Ветхого и Нового завета, также служебников и проч. собраны были оные из всех монастырских книгохранилищ. Есть евангелия и апостолы на пергамене, писанные в X, XI, XII, XIII столетиях. Одно из любопытных евангелий на греческом языке в четвертную долю листа, в прорезном вызолоченном ящике, император Петр I, взяв с Печатного двора, приказал хранить оное в Патриаршей ризнице; другое Евангелие древнее на славянском языке с таким же повелением от государя доставлено туда 1722 года мая 18-го чрез кабинет-секретаря Макарова. Любопытно видеть славянское ж Евангелие, подписанное по листам рукой великого князя Василия Иоанновича. Всех известных в России рукописей древнее писанная в лист, содержащая в себе сочинение св. Иоанна Дамаскина под названием «Небеса», переведенная с греческого языка на славянский Иоанном экзархом болгарским и писанная в конце девятого века. К российским древним рукописям причисляется харатейный требник, переведенный с греческого языка на славянский при митрополите Феогносте и его рукой подписанный 1329 года; служебник, весь писанный самим митрополитом Киприаном, также заимствует свое достоинство от давности и святости сего иерарха. Есть много летописей, хронографов, степенных книг, патериков и четьих-миней разных времен. Между ими Новгородская летопись на пергамене заслуживает особенное внимание любителей отечественной древности. На греческом и латинском языках хранятся в Патриаршей библиотеке самые редкие списки Нового завета и сочинения вселенских великих учителей и знаменитейших

св. отцов. Есть книга четырех евангелистов, которую относят к II столетию, а потом следуют другие с VIII до XVIII века. Тут же обретаются в древнейших рукописях харатейных: поэма Гомера, стихотворения Гезиода, речи Эсхила и Демосфена, повествования Геродота, путешествие Павсания, история Фукидида, идиллии Феокрита, комедии Аристофана, афоризмы Гиппократа, сочинения Галена, феномены Арата, летопись Зонара, землеописание Страбона, сочинения Аристотеля, Плутарха и проч. В числе сих сокровищ учености многое привезено в Москву сопровождавшими царевну Софию Фоминишну греками; но большая часть приобретена из монастырей греческих. Щедрые подаяния российских государей привлекали к ним монахов из Афонских гор и из разных обителей Палестины для получения жалованных грамот на ежегодную милостыню. Они-то привозили в дар царям древние свитки и старые книги, которые по невежеству их могли казаться им бесполезными, и мало-помалу наполнили духовное в Москве книгохранилище древними рукописями большого достоинства. Ученый Грек Максим, увидев сии редкости, изумился и сказал великому князю Василию Иоанновичу: «Вся Греция не имеет ныне такого богатства, ни Италия, где латинский фанатизм обратил в пепел многие творения наших богословов, спасенные моими единоземцами от варваров магометовых». Первое описание Патриаршей библиотеки издано в свет по повелению императора Петра Великого 1723 года асессором Скиаданом; а потом с большею подробностью описал оную профессор Маттей в 1776, 1780 и 1805 годах, но, воспользовавшись простотой неученых ризничих, некоторые греческие манускрипты подменил иными книгами, подлинники ж продал в Германии за дорогую цену.

ГЛАВА XV
О ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМ СЕНАТЕ

1. Здание, сенатскими департаментами занимаемое

Огромное и величавое здание, в котором помещены шестой, седьмой и осьмой департаменты Правительствующего Сената, построено в последнее десятилетие царствования императрицы Екатерины II. Прежде была в Москве только контора Сенатская под начальством главнокомандующих. По разделении Сената на департаменты два из них, отряженные в сию столицу, имели свои заседания недалеко от Лефортовского дворца; потом присутствие помещено было в Кремлевский дворец, а оттуда введено в теперешнее благолепное святилище Фемиды. В сем же здании находятся еще несколько присутственных мест, как-то: Кремлевская экспедиция, Межевая канцелярия с Константиновским при оной училищем, Статное и Остаточное казначейства, два архива — Государственный и Вотчинный, Комиссия провиантского депо и Аудиториатское отделение. При входе во двор на левой стороне находится на мраморной доске следующая надпись [авт. пропуск].

2. Титулы и преимущества Сената

Верховное в Российской империи судилище, силу императорских узаконений охраняющее, учреждено государем Петром I пред походом против Оттоманской Порты. В течение ста осьми лет Сенат испытывал некоторые изменения не только в силе своей и власти, но и в самом титуле. При учреждении Сената в 1711 году февраля 28-го царь-законодатель назвал его Управительным Сенатом. На пакете достопамятного собственноручного писания государева от 10 июля 1711 [года] из армии при Пруте, подписано было просто: «В Сенат»; но содержание сего патриотического начертания уполномачивало сенаторов располагать судьбой государства. В именном указе из Копенгагена от 13 октября 1716 [года] употреблен был необыкновенный титул: «Господа Сенат!» Сам же Сенат при обнародовании указов титуловался Правительствующим, а иногда и Всероссийским Сенатом. По учреждении императрицей Екатериной I Верховного тайного совета, указом от 14 марта 1726 [года] повелено Сенату писаться Высоким Сенатом, а не Правительствующим. Императрица Анна Иоанновна, уничтожив Верховный тайный совет 1730 года марта 4-го, возвратила Сенату титул Правительствующего и подтвердила прежние преимущества его; но, учредив высшее правительство под названием Кабинета, подчинила ему Сенат и не называла уже его Правительствующим. Императрица Елизавета Петровна, вступив на родительский престол, указом 12 декабря 1741 [года] предоставила Сенату власть, при начальном учреждении ему дарованную, для управления внутренних государственных дел и возвратила ему наименование Правительствующего. Императрица Екатерина II в день вступления своего на престол

в первом указе Сенату, данном 1762 года июня 28-го, начертала: «Господа сенаторы! Я теперь выхожу с войском, чтоб утвердить и обнадежить престол, оставляя вам, яко верховному моему правительству, с полной доверенностью под стражу отечество и народ и сына моего». Государь император Александр Павлович, уважая сие верховное место правосудия и исполнения законов и знав, сколь много права и преимущества, прежде оному присвоенных, по времени и различным обстоятельствам подвергались перемене к ослаблению и самой силы закона, всем управлять долженствующего, восстановил Правительствующий Сенат 1802 года сентября в 8-й день на прежнюю ступень, ему приличную.

ГЛАВА XVII*

О ЦЕЙХГАУЗЕ, ИЛИ АРСЕНАЛЕ

1. Построение Цейхгауза

Цейхгауз заложен был при государе Петре I в 1702 году и строился недолго. Изящность зодческого искусства отличает сие здание, а наружная фасада и украшения предуведомляют подходящих к оному, на какую потребу оно назначено. Наполеон, выступая со стыдом из Москвы, сжег Цейхгауз и часть оного, к Никольским воротам прикосновенную, подорвал.

2. Старинные пушки

Из хранящихся в Арсенале старинных орудий заслуживают внимание любопытствующих следующие: 1. Дробовик 120-пудового калибра, весом в 2400 пудов. Сие огромное орудие, Царь-пушкой прозванное, вылито 1586 года при царе Феодоре Иоанновиче пушечным мастером Андреем Чоховым не для стрельбы, а на подивление простому народу и на устрашение приезжавших тогда в Москву татар. На сей пушке есть надпись. 2. Пушка, Троилом называемая, 52-пудового калибра, весом в 430 пудов, вылита 1590 года тем же мастером. 3. Пушка Аспид 45-пудового калибра, весом в 370 пудов, вылита в том же году и тем же мастером. Троил и Аспид в надписях, находящихся на них, названы пищалями. 4. Единорог 66-пудового калибра, весом в 779 пудов, вылит 1662 года при царе Алексее Михайловиче пушечным мастером Мартьяном Осиповым; на ней надпись. 5. Пушка Троил 48-пудового калибра, весом в 402 пуда; вылита в Москве. 6. Пушка шведская 46-пудового калибра, весом в 243 пуда. 7 и 8. Две пушки, литые в Москве, под названием Онагров, 40-пудового калибра; в первой из них весу 351 пуд, а во второй 312 пудов. 9. Пушка турецкая 30-пудового калибра, весом в 265 пудов. Все сии девять пушек находятся ныне пред Арсеналом на лагерях поставленные; а прежде сего были на лафетах и стояли на площади под каменным шатром пред рядами с правой стороны при въезде в Спасские ворота; после того построен был для них такой же шатер в Кремле, пред Вознесенским монастырем. На дворе Арсенала есть еще старые ж пушки: Орел, российского литья, 40-пудового калибра, весом в 220 пудов. Две 25-пудового калибра; одна шведская, весом в 148 пудов, другая российская в 93 пуда. Шведская 24-пудового калибра, весом в 288 пудов. Польская, Львом называемая, 16-пудового калибра, весом в 107 пудов. Две российские 5-пудового калибра; одна из них, называемая Волком, во 116 пудов, а другая, Гамаюном, в 102 пуда.

3. Пушки и ружья, в 1812 году завоеванные

Для уничтожения и помрачения самохвальства Наполеонова, обладанием Москвы превозносившегося, вся отбитая у него в разных сражениях с 14 ноября 1812 года артиллерия препровождалась в сию древнюю столицу и свидетельствует теперь многократные победы над ним и знаменитые подвиги храброго народа и войск российских, умеющих карать врагов на поле брани и наказывать злодеев. 875 орудий неприятельских пред Арсеналом служат трофеями, украшающими тот самый Кремль, где Наполеон обесславил себя зажигательством, святотатством и подрыванием. Там лежат 177 гаубиц и 698 пушек разных калибров; в том числе французских 365, австрийских 189, прусских 123, баварских 34, саксонских 12, вестфальская 1, голландских 22, неаполитанских 40, испанских 8, итальянских 70, ганноверская 1, вюртембергских 5, польских 5. Сверх того хранится в Арсенале отнятых же у неприятелей 43 000 ружей.

Конец первой книги

---

* Глава XVI «О Правительствующем Синоде» в рукописи отсутствует.— **С. Д.**

КНИГА ВТОРАЯ

ГЛАВА I
О ПОСТРОЕНИИ КИТАЙ-ГОРОДА; БАШНИ, ВОРОТА, ПЛОЩАДИ И УЛИЦЫ В ОНОМ; ЛОБНОЕ МЕСТО И МОНУМЕНТ

1. Когда и кем построен Китай-город

При державных в. к. Иоанне Васильевиче и сыне его Василье Иоанновиче Россия чрез единство состава своего, приходя от силы в силу, увеличивала и Москву. Сия столица беспрерывно распространялась и населялась. Бывший при обоих сих государях от императора Максимилиана посол Герберштейн повествует, что в его время считалось в Москве более сорока тысяч домов. Городом почитался тогда один только Кремль, прочие же части Москвы под разными наименованиями не иное что были, как предместья. Но Кремль скоро сделался тесен, и от того, в случае неприятельского нашествия, не мог служить надежною защитою, ниже охранить находящийся пред оным **большой посад**, занимаемый лучшими купеческими домами и лавками, которые наполнены были богатыми товарами. Бывшая правительницею государства вдовствующая супруга великого князя Василья Иоанновича, мать трехлетнего Иоанна, великая княгиня Елена повелела в 1534 году мая 20-го копать глубокий ров, начав от кремлевской стены при речке Неглинной, и, проведши оный чрез площадь, которая была тогда пред церковию Троицы в Полях, поворотить вправо прямою линиею на Васильевский луг, а оттуда по берегу Москвы-реки, и примкнуть к крайней кремлевской башне, **Свибловскою** называемой. Для укрепления вала вколачивали толстые сваи и, оплетя их хворостом, землю между ими плотно убивали. Сие земляное укрепление, над которым трудились все обыватели Москвы, кроме чиновников и зажиточных людей, окончено было в июне месяце. А в следующем,1535 году, мая 16-го, в день Пятидесятницы, когда митрополит Даниил с крестным ходом, по молебном пении, обошел весь ров и окропил его святою водою, то новокрещенный италианец Петр Малый Фрязин заложил тут каменную стену с воротами Сретенскими (Никольскими), Троицкими (что ныне Ильинские), Всесвятскими (что ныне Варварские) и Косьмодемьянскими на Великой улице, вероятно, Москворецкими, названными так по церкви, бывшей тогда за Живым мостом на противоположном берегу, Косьмы и Дамиана под Бором. На сие городское строение, названное по-татарски Китаем (средним), строительница определила из казны и собственно от себя значительную сумму. Она убедила все духовенство, начав с митрополита, пожертвовать на дело сие имуществом церковным, также обложила бояр, гостей, купцов и всех жителей повинностью по мере состояния каждого.

Укрепленное окружение Китая состоит из высокой и толстой каменной стены с двенадцатью круглыми и четвероугольными башнями и болверками и имеет вид неправильного многоугольника. Городские стены, как сказано, обведены были глубокими рвами, земляные ж укрепления по правилам фортификации, ныне срытые, деланы в 1707 году. Пространство земли, Китай-городом занимаемое, содержит в себе площадь, из 52 квадратных десятин состоящую.

2. Ворота и башни Китай-города

Ныне главных башен с воротами только четыре, ибо Москворецкие в минувшем столетии сломаны. Воскресенские, прежде Неглинскими, потом Каретными и Иверскими называвшиеся, воздвигнуты при царе Алексее Ми-

хайловиче с двумя башнями, под ними два проезда. Вместо прежних, **Сретенских,** застроенных церковью Владимирской богоматери, пробиты в стене двое ворот: одни называются **Никольскими,** а другие, ближайшие к Сретенской улице, **Владимирскими. Ильинские** остались на своем месте, но в них сделан въезд прямой вместо бывшего с заворотом. **Варварские** с таким же закривленным заворотом заделаны, и возле их пробита стена для удобнейшего проезда. Издавна поставленная над сими воротами икона Боголюбские богородицы достопамятна. Во время свирепствовавшей 1771 года в Москве моровой язвы кузнецу привиделось во сне, будто для отвращения вящих бедствий столице образ требует свечек и молебнов. Корыстолюбивый священник разгласил сие видение. Суеверный народ начал отвсюду стекаться для моления и, толпясь, распространял ежедневно прилипчивость смертоносной заразы. Радетельный архиепископ московский Амвросий предпринял было прекратить столь опасные сходбища, но сделался жертвою изуверства. Раздраженная воспрещениями чернь взбунтовалась, разграбила дом его, ворвалась в винные купеческие погреба и в исступленном пьянстве погналась за ним в Донской монастырь, где, извлекши его из алтаря, зверски умертвила. **Никольские** и **Ильинские** ворота имеют ту достопамятность, что при отнятии Москвы у поляков князь Трубецкой сделал приступ с сей стороны, вломился в них и овладел Китай-городом. При царе Михаиле Феодоровиче в китайской стене были еще **Пушечные** ворота близ церкви Троицы в Полях. В 1626 году упоминается о Васильевских воротах на Москву-реку из Зарядья.

3. Улицы и переулки в Китае

Главных улиц в Китай-городе четыре: **Москворецкая** улица от Лобного места до Живого моста, **Варварская** от ворот Варварских до Покровского собора, **Ильинская** от ворот Ильинских до Лобного места, **Никольская** от церкви Владимирской до Красной площади. Между сими улицами находятся переулки: **Зачатейской, Пометный, Максимовский, Псковский, Красный, Ершов, Соляной, Введенский, Никольский, Ипатьевский, Богоявленский** и **Граматин.** Некоторые названия в Москве улиц и переулков дошли до нас издревле, другие заимствованы от близких монастырей, приходских церквей и знатных домов, либо от жительства ремесленников, а иногда от разных случаев и даже от местных неудобств.

4. Площади

От Воскресенских ворот между кремлевскою стеною с правой стороны и между торговыми рядами с левой находится пространство земли, исстари **Красною площадью** называемое. На сей площади близ каменного рва построено было пятнадцать церквей: 1. Св. Прасковеи, нареченная Пятницы, 2. Св. Василия Кесарийского, 3. Богоявления господня, 4. Св. Феодосии девицы, 5. Св. евангелиста Марка, 6. Крестителя Иоанна Предтечи, 7. Риз положения, 8. Преподобного Сергия, 9. Св. Николая чудотворца, 10. Рождества Христова, 11. Воскресения Христова, 12. Св. Афанасия и Кирилла, 13. Зачатия богородицы, 14. Рождества Христова и 15. Всех святых. И так на одной стороне площади ежедневно молились богу, а на другой с утра до вечера толпилось множество праздных низшего состояния людей с продажными мелочными вещами. Сие место было ежедневным для народа сборищем и все городские вести там рассказывались. При чрезвычайных происшествиях посылывали из царского дворца надежных людей на Красную площадь прислушиваться к народной молве как отголоску общественных желаний или неудовольствий. Ныне сия площадь очищена, и продажа всякого скарбу переведена в другое место. Вот исторические воспоминания о Красной в Москве площади: 1471 года сентября 1-го митрополит Филипп I с духовенством встретил и приветствовал тут возвратившегося с победою над Новым городом великого князя Иоанна Васильевича. Долго памятна была она московским жителям лютыми казнями царя Иоанна Грозного, особенно ж 1570 года июля 25-го, произведенными над множеством мнимых изменников. Поруганный труп убиенного Лжедимитрия Отрепьева четыре дни лежал на Красной площади. Потворством царевны Софии буйные стрельцы соорудили на ней высокий каменный столб с четырьмя по сторонам надписаниями, не только оправдывавшими произведенный ими бунт и убийства в 1682 году, но и выхваляющими усердие их. Строителем такой лживой вывески был подполковник Циклер, которому с другими главными заговорщиками, на жизнь государя Петра I покушавшимися, близ сего ж столба отрублена голова, и на место прежних надписей выставлены были царские указы, обнародовавшие все злодеяния и умыслы стрельцов, после чего сей мятежничий обелиск был разрушен до основания. В наши благословенные времена средина сей площади украшается величественным памятником, воздвигнутым в честь двум славным мужам, спасшим отечество, а на противоположной стороне во все продолжение

лета зеленеют длинные ряды лавровых, померанцевых, лимонных и других многих редких деревьев, выставленных на продажу с благоуханными розами, лилеями и всякими цветами. Другая площадь, называемая **У Троицы под Горой,** находится между кремлевскою стеною и Покровским собором. Тут весною собираются из Ярославской, Владимирской и Костромской губернии каменщики, штукатуры, плотники и предлагают свои услуги для строения домов, а из подмосковных деревень приходят туда ж крестьяне для мощения улиц и всяких поденных работ. По воскресеньям, середам и пятницам летом привозят на сию площадь для продажи ягоды и плоды садовые и оранжерейные. Третья площадь Новая, с торговыми лавками по стене Китая, от Никольских ворот за Ильинские ворота простирающаяся. Толпившиеся прежде на Красной площади со всякою продажною мелочью переведены в сие место. Тут находят свои счеты продавцы, перекупщики и покупщики разных домашних вещей и старого платья, тут праздность убивает драгоценное время, тут без призора шатающиеся мальчики выучиваются мошенничать, сперва потихоньку, вытаскивая из карманов платки и табакерки, а потом делаются и наглыми ворами.

5. Лобное место

Против Спасских ворот, на перекрестке между Красною площадью, Москворецкою и Ильинскою улицами, стоит каменное возвышение, называемое **Лобным местом.** Прежде было оно осьмигранное, когда ж обветшало, то в 1786 году сделано вновь круглое из дикого камня, обнесенное невысокою стенкою, посредине амвон с 9 при входе ступенями и решетчатыми дверцами. По какому случаю оно построено, неизвестно. Если было когда-либо вече московское, то Лобное место принадлежит к сим временам. Некоторые полагали, что оно воздвигнуто в одно время с Покровским собором, который назывался от иностранцев Иерусалимскою церковью. Но сие несправедливо, ибо упоминается о нем прежде построения сего собора. В крестные ходы священники с соборными образами, крестами, хоругвями восходят на Лобное место, и когда установятся в круг, то архиерей совершает моление о благосостоянии града и живущих в нем, на все стороны благословляет и осеняет народ, после чего духовная процессия следует, куда путь предлежит. О Лобном месте неоднократно в летописях московских упоминается. Достигший совершеннолетия царь Иоанн Васильевич, озарясь светом истины, при собрании народном в день воскресный вышел на Лобное место и произнес достопамятную речь к народу и митрополиту. Обольстительные грамоты Лжедимитрия к жителям Москвы прочтены были на Лобном месте. 1606 года мая 19-го бояре, вышед из Совета, привели князя Василья Иоанновича Шуйского на Лобное место и пред стекшимся народом провозгласили его царем. Взбунтовавшийся против него Прокофий Ляпунов с другими заговорщиками 1608-го февраля 18-го пришли на Лобное место и с поношением возгласили, будто Василий чрез происки взошел на царский престол, что от неразумного управления его проливается кровь в междоусобиях и что царствовать он недостоин. Но народ отрекся принять сторону недовольных, ответствуя, если б речи их были справедливы, то б пришли с ними и большие бояре. Когда присланные из Кремля на Лобное место рязанский архиепископ Феодорит и боярин Морозов громогласно вопросили собравшийся во множестве народ, кого желают себе избрать царем, то все в один голос вскричали: «Михаил Федорович да будет царь и государь Московскому государству и всея Русския державы!» В 1648 году юный царь Алексей Михайлович в праздничный день после обедни, выехав из Кремля и став на Лобном месте, говорил собравшемуся народу речи о наказании мздоимцов и притеснителей Траханиотова и Плещеева и о поручении должностей их чиновникам надежным и справедливым. Потом государь обратил речь на боярина Бориса Ивановича Морозова с убеждением простить его вины пред народом и не требовать головы его. Московские жители, преклонив пред монархом своим колени, воскликнули: **«Да будет что угодно богу и тебе, государю! Мы все дети твои!»**

6. Памятник боярину Пожарскому и нижегородцу Минину

Колоссальное изображение боярина князя Пожарского и нижегородского жителя Козьмы Минина, поставленное на Красной площади, отлито в С.-Петербурге из меди 5 августа 1816 года по проекту незабвенного в истории художеств академика Мартоса столь же известным по особенному искусству в отлитии медных фигур академиком Якимовым. С соизволения государя императора Александра I усердные сыны отечества во всех пределах России участвовали в сооружении сего памятника мужам знаменитым за освобождение ими в 1612 году Москвы от врагов, вероломно овладевших ею и всем государством. Минин представлен на сем памятнике пришедшим к князю Пожарскому; подавая ему меч, он убеждает его ополчиться против опустошавших тогда

Россию поляков. Изнуренный от ран князь Пожарский, забывая болезнь свою, принимает одною рукою меч, а другою подъемля щит, возводит взоры к небу с молением о помощи от всевышнего. Оба героя обращены лицом к Кремлю. Подножие из цельных больших камней; на нем два барельефа: первый представляет то время, когда жители Нижнего Новогорода жертвовали детьми своими и всем имуществом на пользу общую; а другой изображает поражение и изгнание князем Пожарским врагов из Москвы. Надпись: «Гражданину Минину и князю Пожарскому благодарная Россия, лета 1818». Отлитие сего памятника, столь огромного, в одну форму считают первым произведением в сем роде. Меди употреблено на оный до 1200 пудов. Вся сия тягость в июне месяце 1817 года отправлена была водою на судах до Рыбинска, а оттуда Волгою до Нижнего Новогорода. Тамошние жители радостно встретили отечественный памятник, ежедневно стекались на берег Волги любоваться изображениями любимых героев и радовались воздаянною им от всей России честью. Из Нижнего отправились суда вверх Окою до Коломны и Москвою-рекою в первых числах сентября доплыли до столицы. Торжественное открытие сего первого гражданского в Москве памятника воспоследовало 20 февраля 1818 года в присутствии самого государя императора и государынь императриц при бесчисленном стечении народа. Лишь только завеса упала и открылись лики оживленных в металле мужей, то с загремевшею военною музыкою раздалось радостное «ура» от жителей Москвы, ожидавших с благоговением сей минуты. Многократно повторенные восклицания принадлежали герою-монарху, чтущему и за пределами гроба подвиги, подъятые для отечества.

ГЛАВА II

СОБОРЫ, МОНАСТЫРИ, ЦЕРКВИ, ЧАСОВНИ И ПОДВОРЬЯ

Соборы

В Китай-городе два собора: **Казанский** на углу при повороте с Красной площади на Никольскую улицу с левой стороны и **Покровский** близ Спасских ворот, выехав из Кремля на правой стороне при повороте на Москворецкую улицу против Лобного места, над бывшим позади рвом. Благочестивые цари российские издревле созидали храмы божии в воспоминание благополучных для них происшествий, созидали также при потере близких сердцу, в память вечную скончавшимся. Бояре и зажиточные люди следовали их примеру, и потому многие церкви в Москве суть памятники духовные.

1. Казанский

Казанский собор построен бояриным князем Дмитрием Михайловичем Пожарским по случаю незабвенного для Москвы и для всей России происшествия. В то время как поляки владели Москвою, прислан был из Казани к предпринимавшему изгнать их из столицы боярину князю Димитрию Тимофеевичу Трубецкому чудотворный образ Казанской богородицы. Самое шествие сей славной иконы полезно уже было для россиян, ибо возвещало на расстоянии осьмисот верст всеобщее вооружение против врагов отечества. Князь Трубецкой, продержав ее в лагере своем до зимы, отпустил обратно в Казань. Икона сия, провожаемая протопопом с духовенством, прибыла в Ярославль в тот самый день, как и шествовавший из Нижнего Новогорода с ополчением на избавление Москвы князь Пожарский. Столь нечаянно благословенная встреча принята была за доброе предвещение с твердым упованием успеха. Все воинство молило предводителя, чтобы изображение заступницы Казанской сопутствовало им в походе. И так настоящий образ остановлен в Ярославле, а список с оного, богато украшенный, отпущен был в Казань. По взятии Кремля, когда освятили разграбленную и опустошенную поляками приходскую князя Пожарского церковь Введения пресвятой богородицы на Сретенской улице, то и поставил он в ней ту настоящую икону Казанскую. Священники сего храма возвестили царю Михаилу Феодоровичу и матери его инокине Марфе Иоанновне о чудесах, бывших от сего образа во время боя с гетманом Хоткевичем и при взятии Москвы, а государь, являя свое благочестие, уставил два празднества с крестным ходом в честь спасительной иконе: июля в 8-й день явления ее в Казани и 22 октября в память изгнания из Москвы поляков. Возвратившийся из польского плена, родитель государев Филарет Никитич убедил князя Пожарского в 1625 году украсить тот образ мно-

гоценною утварью, а в 1630-м создать и особенный храм для оного. Строение Казанского собора, производившееся иждивением князя Пожарского, кончилось в 1633 году, но неизвестно отчего освящение церкви отложено было до 1637 года. Чудотворная икона для крестных ходов поставлена была в сем новом храме, а до того времени ходили с крестами в церковь Введения на Сретенскую улицу, тогда **Опасовичами,** а ныне **Лубянкою** называемую. Нет сомнения, что Казанский собор, князем Пожарским за двести почти лет пред сим воздвигнутый, перестроен в половине минувшего столетия. Новая архитектура утверждает сию догадку. Соборная церковь Казанской богородицы одноглавая, без особенных украшений, с круглым небольшим трибуном. Колокольня над папертью четвероугольная, невысокая, с колоннами в верхнем ярусе тосканского ордена *. На большом колоколе надпись означает вклад оного в 1737 году от царя и всего царского дома. Приделов находилось в сем соборе два: св. Аверкия Иеропольского, празднуемого в день избавления Москвы 22 октября, и св. мучеников Гурия и Варсонофия, в Казани пострадавших; но сей последний за несколько лет для расширения улицы сломан. В трапезе церковной при входе с левой стороны в хорошем киоте поставлена икона чудотворца Николая, списанная с той, которая на Никольских кремлевских воротах при взорвании стен и самых тех ворот осталась невредима со стеклом. Киот сделан усердием купца Константина Иванова Самородова, а иконописцу Петру Иванову Сапожникову заплачено за труд от доброхотных дателей. Никаких надгробных памятников и надписей в сем соборе не отыскано. Прежде многие думали, что тут похоронен храмоздатель князь Пожарский, но теперь известно уже, что прах его покоится в Спасо-Евфимьевском монастыре, где издавна погребались его предки. После многих изысканий обретена в монастыре Николы Зарайского современная записка о дне кончины сего героя в следующих словах: «ЗРН, апреля К **, преставися боярин князь Дмитрий Михайлович Пожарский, в среду вторыя недели по пасце».

2. Покровский

Здание **Покровского собора** обширное, затейливой готической архитектуры, с переходами вокруг и большою двухсходною папертью. Глава посредине высокая, пирамидальная, с вызолоченным верхом, вокруг которой расположены регулярно четыре главы средней величины и четыре малые, различно одна от другой украшенные, из них одни имеют поверхность рубчатую, другие шероховатую. Симметриальное расположение всех глав, возвышающихся постепенно к средине, составляет привлекательную для взора колоссальную группу, испещренную многоразличными украшениями древней готики. Колокольня той же архитектуры, пирамидальная, и против обыкновения поставлена с восточной стороны. Сей необычайный храм о девяти верхах, Покрову пресвятые богородицы посвященный, воздвигнут царем Иоанном Васильевичем на возвещение чудес божиих при покорении Российской державе двух татарских царств — Казанского и Астраханского. Царское повеление о сем последовало октября 1-го числа 1554 [года], а в июне наступившего года, по приготовлении зимою материалов, и строение начато. Летописцы повествуют, что за два года пред сим построена была тут церковь деревянная во имя Живоначальные троицы. В то самое время, как только заложили каменный собор, принесена была в Москву чудотворная с Вятки икона святителя Николая Великорецкого для поновления. Митрополит Макарий, искусный в иконописании, не только принял на себя поправку ветхостей, но в ту же меру и тем же подобием снял с оной список. Государь, украсив привезенное изображение златом и жемчугом, отпустил оное на Устюг, а для списка повелел наскоро поставить близ созидавшегося каменного собора деревянную церковь во имя св. Николая Великорецкого, которая и освящена 29 июля 1555 года. Четыре года созидали сей огромный каменный храм для девяти в оном престолов: 1. Покрова богородицы, 2. Живоначальные троицы, 3. Входа во Иерусалим, 4. Св. патриархов Александра, Иоанна и Павла Нового, 5. Священномученика Григория Великой Армении, 6. Св. мучеников Киприана и Устина, 7. Преподобного Александра Свирского, 8. Варлаама Хутынского и 9. Чудотворца Николая. В торжественный день покорения Казани 1 октября 1559 года все сии церкви освящены митрополитом Макарием, кроме первой, тогда еще неотделанной внутри. Царь Иоанн Васильевич, царица Анастасия Романовна, оба сыновья их царевичи Иоанн и Феодор, брат царев князь Юрий Васильевич и два царя казанские Александр и Симеон со множеством бояр при сем присутствовали. Богобоязливый царь Феодор Иоаннович, убедясь в святости жития странствовавшего 64 года в наготе **Василия Блаженного,** повелел предать мощи

---

* Здесь и далее: так у автора.— **С. Д.**
** 20 апреля 1642 года.— **С. Д.**

его земле у Покровского собора, а когда прославился он чудесным исцелением недужных, то на месте деревянной Николаевской церкви создал каменную, уставив праздновать Блаженному 2-го числа августа, а над мощами его соорудил серебряную позлащенную раку с жемчугом и драгоценными каменьями. Поляки в смутные времена междуцарствия ободрали раку святого Василия и, ругаясь над святынею, ставили в нижних церквах сего собора лошадей. Во дни сего ж государя скончался в Москве блаженный **Иоанн** Христа ради юродивый, по простонародному **Большой колпак,** и похоронен был у Покровского же собора. Он предрек свою смерть и почил вечным сном 1589 года июля 3-го в торговой бане за Живым мостом. Когда отпевал его, по царскому повеленью, казанский митрополит с епископом рязанским и со множеством духовенства, то вдруг загремел столь сильный гром и заблистала такая ослепительная молния, что страх нашел на всех жителей Москвы. В храме ж, где совершалось погребение, опалило иконы, побило многих людей, а коломенского священника Иоанна подняло на воздух. Многие, одержимые болезнями, с верою молившиеся над гробом юродивого, получили исцеление, а потому он в 1672 году и причтен к лику угодивших богу. При царе Феодоре Алексеевиче Покровский собор был поновлен, наружность расписана разными красками, главы вновь окрыты железом, а паперть черепицею. Не находя удобным перестроивать обветшавших на Красной площади деревянных церквей, царь упразднил их и с согласия патриарха Иоакима прибавил в сем соборе к прежним девяти престолам еще восемь во имя упраздненных. Мощи Иоанна Юродивого почивают под спудом в приделе Рождества богородицы у стены с правой стороны при входе. Тут хранятся и железные вериги его, возлагаемые на недужных. Ему поют молебны, и в одном только сем соборе празднуют июля 3-го числа память его, по службе общеправедным положенной. К церкви **Входа во Иерусалим** бывал, как выше сего упомянуто, в вербное воскресенье ежегодно из Успенского собора крестный ход, в котором патриарх езжал на осляти со крестом и евангелием, а цари держали осля за повод. От разных обстоятельств, до сего собора касающихся, он имел разные наименования. По прежней Троицкой церкви называли его **Троицким под Горою,** по главной церкви во имя Покрова богородицы **Покровским собором, что на Рву,** для отличения от другого Покровского собора в предместии Москвы, в 1619 году застроенного. Многие доныне именуют оный по приделу собором **Василия Блаженного,** а живший при ложных Димитриях лютеранской пастор Байер, Олеарий и другие называли сию церковь **Иерусалимскою.** Некоторые из иностранцев неосновательно повествуют, будто царь Иоанн, прельстясь красивостию сего здания, приказал выколоть глаза архитектору, чтоб он не мог построить где-либо другого подобного. Вероятнее другой рассказ: когда одаренный и употчиванный вином во дворце архитектор от хвастливости промолвился, что может сделать церковь еще лучше, будто царь разгневался на него за то, для чего он, умевши лучше построить, не построил такой, и приказал посадить его в тюрьму. Императрица Екатерина II, уважая знаменитость Покровского собора, который сто лет без всякой поправки оставался, поручила в 1784 году московскому архиепископу Платону возобновить сие величавое здание, определив на то десять тысяч рублей. Починили ветхости снаружи и внутри, но виду своего оно не получило, ибо от Спасских ворот засланивалось книжными двуэтажными лавками, а со стороны Лобного места застроено было Яблочным рядом. Улучшилось оно уже в царствование государя императора Александра I и ныне представляется взору соотечественников наших с достоинством победоносного памятника. Произвольно строенные лавки сломаны, косогор выровнен и облицован по Москворецкой улице и с стороны Лобного места диким камнем и обнесен железною решеткою. После нашествия французов викарий московской митрополии епископ Августин в первый день декабря 1812 года освятил нижнюю церковь Василия Блаженного, а потом, отправив на Лобном месте всенародное молебствие, обошел со крестами и около стен Китай-города для окропления их святою водою.

Монастыри

В Китай-городе четыре монастыря и все мужеские. По выходе из Кремля на Никольскую улицу с правой стороны находится **Богоявленский,** а с левой **Заиконоспасский** и **Греческий Николаевский,** четвертый же **Знаменский** на Варварской улице.

3. Богоявленский

Соборная двуэтажная **Богоявленского монастыря церковь** красивой готической архитектуры среди обширного, стеною каменною огражденного места возвышается в величественном виде. Глава у ней с выгибом на небольшом осьмиугольном трибуне, ярко вызолоченная. Около всей церкви крытые переходы. Колокольня осьмиугольная, стоит отдельно над входом внутрь монастыря. Над другими наружными с Никольской улицы воро-

тами построена еще небольшая церковь во имя св. Иоанна Предтечи. Обитель сия есть древнейшая из всех внутри города находящихся. Она основана 1296 года в княжение Даниила Александровича и довершена при сыне его великом князе Иоанне Даниловиче около 1304-го. Святой Стефан, брат преподобного Сергия, по принятии иноческого образа перешел в Богоявленский монастырь, был духовником великих князей Симеона Иоанновича и Иоанна Иоанновича и другом славившегося тогда мудростью инока Геронтия. Здесь постригся св. Алексий митрополит на 19-м году и пребыл тут двадцать лет. В 1493 году сарайский епископ Прохор, оставив свою епархию, переселился с Крутиц в сей монастырь и, живучи там, пользовался доходами с пожалованного ему Звенигорода. В 1547 году апреля 12-го Богоявленская обитель опустошена была пожаром от загоревшейся в Москательном ряду лавки. Из Синодика монастырского значится, что царь Иоанн Васильевич, терзаемый совестью о погубленных им во гневе людях, присылал к монахам сей обители двоекратно денежные вклады на поминовение опальных шестидесяти осьми человек, сперва тридцать рублей, а в 1584 [году] генваря 19-го четыреста рублей с поименною росписью, приказав в тот самый день отслужить по них обедню, петь панихиду и сделать угощение братии.

Соборная церковь верхняя во имя Богоявления господня с храмом в нижнем этаже Казанской богоматери построена на исходе XVII столетия и освящена 1696 [года] генваря 20-го последним патриархом Адрианом, что явствует из находящейся на церковном иконостасе надписи. Приделы в нижней церкви: 1. Св. Алексея митрополита, издавна воздвигнутый на память пребывания святителя в сей обители, Адрианом же патриархом освященный 7 июня 1697 года, 2. Св. великомученика Георгия, построен 1747-го иждивением княгини Елены Алексеевны Долгоруковой, и 3. Св. апостола Иакова Алфеева, усердием княжны Марьи Александровны Долгоруковой 1754 года сооруженный. Сверх того есть еще храм на колокольне во имя св. мучеников Бориса и Глеба, 1739 года освященный. До учреждения в 1764 году духовных штатов состояло за сим монастырем 1014 душ. Начальство в Богоявленском монастыре издавна было игуменское, а в 1680 году дана ему степень архимандрии второклассной. В 1788 году назначен он был для пребывания викарного епископа Московской епархии, и для сего именным указом от 6 мая, по упразднении Симонова первоклассного монастыря, повелено было штат оного перенести на Богоявленский. Но в 1795 году, когда Симонов обращен был в прежнее состояние, то сей монастырь остался опять во втором классе, со включением токмо в штат определенного викарию московскому жалованья. По докладу св. Синода, высочайше конформированному 1799 года октября в 16-й день, московским викарием дан первоклассный Саввино-Сторожевский монастырь, и с тех пор обитель Богоявленская осталась в управлении архимандритов. До построения Заиконоспасской академии учение юношеству преподавалось в кельях сей обители.

В нижней церкви Богоявленского монастыря похоронен черниговский боярин Феодор, отец св. Алексия митрополита. Там же покоятся предки князей Голицыных, князей Долгоруких и князей Юсуповых, Шереметевых, Петрово-Соловых, Плещеевых, Измайловых и многих других знатнейших фамилий. Единственная отрасль из рода князей Пожарских, родная внучка незабвенного князя Димитрия Михайловича Пожарского Евдокия Петровна, бывшая за боярином князем Юрьем Алексеевичем Долгоруким, скончавшаяся 1671 года марта 16-го, погребена в сем же монастыре вместе с супругом своим и сыном князем Михаилом, во время стрелецкого бунта 1682 года мая 15-го убиенными. Два мраморных памятника иностранной работы, воздвигнутые в Казанской церкви генерал-адмиралу князю Михайле Михайловичу и генерал-фельдмаршалу Михайле ж Михайловичу Голицыным, можно почесть великолепнейшими надгробиями того времени. Третий горельеф, над гробом сенатора князя Алексея Дмитриевича поставленный, изящно отработан в Париже ваятелем Гудоном.

4. Заиконоспасский

Ставропигиальный **Заиконоспасский** монастырь прежде именовался **Старым на Песках,** нынешнее ж название Заиконоспасского получил от того, что находится за Иконным рядом, и по соборной в нем церкви Спаса нерукотворенного. Церковь сию в 1660 году построил боярин Феодор Федорович Волконский, а над нею в верхнем этаже воздвигнута была неизвестно кем другая. Пожар опустошил ее. Дщерь Петрова Елисавета, прибыв в Москву короноваться, повелела возобновить сей храм, сама присутствовала на освящении оного 1742 года июля 15-го и обрекла в честь Богоматери всех скорбящих радости, повелев ежегодно торжествовать сей день и совершать заступнице торжество. Церковное здание гражданской архитектуры среднего времени, одноглавое с осьмиугольным трибуном, на коем карниз поддерживается ионического ордена пилястрами, вокруг паперть, железом крытая, на тосканских небольших колоннах. Осьмиугольная колоколь-

ня, построенная в 1743 году, стоит отдельно от церкви по Никольской улице. Под нею на четвероугольном основании святые врата с четырьмя по сторонам арки тосканскими колоннами. В верхней церкви за левым клиросом сделана высокая с балдахином кафедра для проповедников. На ней-то возвещали слово божие отличнейшие наши витии, возведенные потом на степени первых в России иерархов. По улице прежде были иконные лавки, но в 1745 году выстроены тут кельи, в которых ныне производится книжная торговля. Книгопродавцы московские не могли избрать приличнее места, оно близ первого рассадника учености в Москве.

В нижней церкви сего монастыря похоронен иеромонах **Симеон Петровский Ситианович Полоцкий,** на 52-м году скончавшийся 25 августа 1680 [года], муж ученейший своего времени, воспитатель царя Феодора Алексеевича. Над гробом его в трапезе у средних дверей по левую сторону иссечена на камне похвальная надпись в стихах, учеником его в стихотворстве, строителем сего монастыря Сильвестром Медведевым сочиненная. В ней исчислены обширные знания Полоцкого, прославлена мудрость его, благонравие и оказанные им при царском дворе и для церкви услуги. Там же погребен и первый игумен сей обители **Палладий Роговский** 1703 [года] генваря 23-го в 15-й час, под утро скончавшийся на 48-м году. В заднем углу у окна на правой стороне похоронен князь **Георгий Андреевич Святополк-Четвертинский,** представившийся 1712 [года] ноября 21-го. Близ сего князя почиет прах иеромонаха Иоаникия Лихудия, богословии, философии, эллино-греческого и латинского языков учителя. Из надписи, над ним помещенной, значится, что он и брат его Софроний происходили от рода князей Лихудиев, первенствовавших некогда в Константинопольском синклите сановников, что оба они учились в Патавском лицее * и оба увенчаны были учеными наградами, а в 1685 году посланы из Константинополя в Москву при одобрительных грамотах, собственноручно подписанных четырьмя Вселенскими патриархами и священным собором их. Иоаникий скончался 84 лет августа 7-го числа 1717 года.

5. Греческий

Греческий Николаевский, бывший прежде ставропигиальным, а ныне Московской епархии второго класса мужеский монастырь основан в 1571 году. Когда приехал в Москву с Афонской горы из Введенского Халандарского монастыря архимандрит Прохор для испрошения милостыни, то царь Иоанн Васильевич, из особенного к нему благоволения, не только позволил ему и впредь приезжать, но жалованною грамотою утвердил за Халандарским монастырем в Китае-городе для жительства двор против Богоявленского монастыря. Проезжавшие за милостынею архимандриты халандарские не замедлили построить на пожалованном им дворе церковь во имя Святителя Николая. Неизвестно: большая ли глава на сей церкви, или на местной иконе Чудотворцевой, подала повод прозвать ее **Никола Большая голова.** По благословению Вселенских патриархов сия церковь при царе Феодоре Иоанновиче преобращена в монастырь, в котором богослужение отправлялось на греческом языке.

В 1669 году царь Алексей Михайлович жалованною за собственноручным подписанием грамотою предоставил Греческий в Москве монастырь в принадлежность Иверскому Афонскому монастырю, дозволив иметь там всегдашнее пребывание для служения имеющим приезжать чрез четыре года архимандриту и четырем монахам. Установление божией службы на греческом языке по чину афонских монастырей привлекло в Москву цареградских купцов; некоторые из них и доныне живут поблизости к тому монастырю. Сверх того государь повелел приписать в ведение Николаевской обители Воздвиженский монастырь и убогий дом, за Самотечными прудами находящийся, с принадлежавшими к оному обширными местами, где монашествующие выстроили для себя загородный дом. Удоволенные сим греческие николаевские иноки не были гостеприимны к собратиям своим и всем хотели одни пользоваться. В 1694 году строитель Неофит с братиею не устыдился подать Петру I челобитную, чтоб воспрещено было приезжающим из палестинских стран властям жить в Греческом монастыре, поставляя причиною тому недостаток в запасах. Сия черта неблаготворительности облаготворенных замечена была государем, и монахи греческие сперва лишились права на принадлежность приписанного к ним Воздвиженского монастыря, а потом и убогий дом отчужден был из ведомства их.

Прежде построенную церковь св. Николая, от небрежения приезжающих для собственной своей наживы настоятелей до крайней ветхости доведенную, император Петр Великий приказал сломать и построить новую. Молдавский господарь князь Димитрий Кантемир в 1735 году надстроил над нею верхнюю церковь во имя **Успения богородицы.** Сей храм соборный в наступившем году сентября

* Падуанский университет.— **С. Д.**

18-го освящен был коломенским епископом Вениамином. Выехавший 1737 года из Белграда сербский купец **Савва Петрович Гаур** из усердия к Николаевской обители пожертвовал своим иждивением на создание келий, смежных с типографским домом. В 1760 году грек московский первой гильдии купец Андрей Дмитриев **Кондиков** устроил придел во имя **Великомученика Димитрия Селунского,** освященный 29 мая 1763 года Златоустовским архимандритом Иоасафом. Именным указом 1766 года июля 17-го повелено монастырю сему состоять в ведомстве Синода, монахов в оный из других российских монастырей не помещать, а сумм, остающихся от неполного числа монашествующих, в возврат не требовать. В 1767 году гвардии капитан-поручик князь Матвей Дмитриевич Кантемир построил по улице кельи, примыкающиеся к Заиконоспасскому монастырю, и под ними часовню. Узнав же, что при прежнем храме св. Николая был придел во имя **Царя Константина и матери его Елены,** он поставил над оною храм во имя сих Равноапостольных святых, 21 мая 1770 года московским архиепископом Амвросием освященный. За сим монастырем до штатов состояло 86 душ. Архимандрия в оном продолжается с самого учреждения, и архимандриты греческие с монахами чрез каждые три года из Афонского Иверского монастыря доныне переменялись. Когда непрочно построенная господарем князем Димитрием Кантемиром церковь начала приходить в ветхость, то греческое духовенство в 1799 году обратилось с прошением к императору Павлу I о вспоможении. Государь пожаловал на перестройку 15 000 рублей; к сему от доброхотных дателей собрано столько ж, и иждивением живущих в Москве греческих купцов в начале сего столетия выстроена новая хорошей гражданской архитектуры церковь с большим куполом; по наружной стороне ее фронтон, поддерживаемый колоннами тосканского ордена, а с Никольской улицы сделана к церковному порталу открытая всходная лестница. Небольшая колокольня осьмиугольная с пилястрами в верхнем ярусе стоит отдельно от церкви. В Греческом монастыре похоронены в нижней церкви св. Николая: супруга грузинского царя **Кайхостра Леоновича Екатерина Георгиевна,** молдавский господарь князь **Димитрий Кантемир** с супругою его **Александрою** и дочерью **Мариею** и генерал князь **Семен Федорович Волконский** с дочерью **Софиею.** В приделе св. Димитрия покоятся созидатель храма сего купец **Димитрий Кондиков,** граф **Ефим Иванович Владиславич,** грузинский **генерал Парсадан** сын Папулов, семейство грузинских князей **Давыдовых** и кахетинский князь **Чолокаев.**

Не должно для современников умолчать здесь, что в кельях сего же монастыря жительствует по найму греческий дворянин Зой Павлович Зосима, достопочтенный любитель и усерднейший благотворитель учености. Он имеет большое собрание золотых и серебряных монет европейских и азиатских, а жемчужина его, **Пелегриною** называемая, есть сокровище маловиданное и совершеннейшее произведение природы. Она соединяет все достоинства жемчуга: совершенно кругла и еще не просверлена; от глянца и серебристого ее блеска кажется прозрачною; величина ее необыкновенная, весом 28 к[а]рат без одной доли. Куплена одним из братьев Зосимы в Ливорне у капитана купеческого корабля, который прибыл туда прямо из Индии.

6. Знаменский

Знаменский монастырь на Варварской улице, ехав с Москворецкой улицы к воротам Варварским на правой стороне, и занимает место по скату горы к Зарядью. Соборная церковь за оградою внутри монастыря — двуэтажная, о пяти круглых главах готической архитектуры; под карнизом церковным в полуциркульных впадинах написаны образа. Отдельно стоящая колокольня новейшего строения с колоннами в верхнем ярусе и высоким шпилем. Из двух жалованных сему монастырю грамот царя Михаила Феодоровича 1632-го и от патриарха Иоакима 1683 года явствует, что исстари был тут дом бояр Романовых. Избранный из роду их на всероссийский престол Михаил Феодорович преобратил родовое свое жилище в монастырь, и по вере к ознаменовавшей его на царство божией матери построив тут церковь, повелел освятить престол во имя ее Знамения. В сем-то доме родители царские претерпели все горести от гонения Бориса Годунова. Подученный раб подкинул в боярскую кладовую мешочек с разными кореньями и донес на Александра Никитича Романова, будто он имеет намерение испортить царя Бориса. По сему оклеветанию все родственники Романовых лишены были всего и брат его боярин Федор Никитич, постриженный поневоле с именем простого монаха Филарета, сослан был в Сийской монастырь, где содержался как преступник под строжайшим присмотром; запрещено было даже кому-либо разговаривать с ним. Супруга его боярыня Ксения Иоанновна подпала тому же жребию и постриженная сослана на заточение в Заонежские погосты. Малолетний сын их Михаил с теткою своею княгинею На-

стасьею Никитичною Черкасскою отправлен на Белоозеро, а потом переведен Юрьевского уезда в родовое Романовых село Клин. Лютый пристав, угождая гонителю, отказывал ему там даже в нужнейшей одежде и пище, так что от самого царя Бориса за подлую свою услужливость потерпел упреки. Но непостижимые судьбы вседержителя возвели гонимого на престол гонителя и за невинное претерпение ознаменовали потомственно благодать свою на нем. Монастырь сей долго назывался **Старым государевым дворцом.** Нынешняя соборная церковь Знамения пресвятые богородицы вверху, Сергия чудотворца внизу с приделом святителя Николая, начата строиться иждивением боярина Ильи Даниловича Милославскаго в 1679 году, которого дочь была первою супругою царя Алексея Михайловича, совершена 1683-го, а освящена 1684-го патриархом Иоакимом. Под колокольнею был храм Благовещения с приделами Тихвинской богородицы и апостола Иакова, устроенный в 1751 году воронежским епископом Львом Юрловым, который в 1730 году лишен был архиерейства и переименован Лаврентием, но в 1742 году апреля 19-го признан невинным и восстановлен в святительском сане. Не согласясь принять епархии, он остался на покое в сей обители. Сохранившиеся в церкви вклады доказывают памятование благодеяний божиих и попечительность царского дома о сем монастыре. Великая инокиня Марфа Иоанновна в 1623 году сделала серебряный крест. Другой крест получен был от царевны Татьяны Михайловны в 1684 году. Патриарх Филарет Никитич украсил местную икону Знамения жемчугом. Цари братья Иоанн Алексеевич и Петр Алексеевич в марте месяце 1684 года прислали туда архимандричью шапку. От императора Петра I в 1721 году получена там водосвятная чаша с антидорным большим блюдом. Все сии вклады с надписями. Для праздника Знамения богородицы 27 ноября посылалась на угощение монахов из дворца разная провизия.

За Знаменским монастырем было 1643 души крестьян, с которых взносилось оброку в Коллегию экономии 182 рубля. По штатам он положен в третьем классе с настоятельством не архимандричьим, но игуменским. Здесь видны надгробия из фамилий Лихаревых, Ржевских, Кравковых. Тут же похоронены и два архиерея: рязанский митрополит Аврамий и выше сего упомянутый воронежский Лев. Первый из них скончался 1708 года, другой 28 генваря 1755 года.

7. Церкви в Китай-городе

1. **Владимирской богородицы** церковь, на Никольской улице, возле самой городской башни у вновь проломанных ворот*, заложена в 1691 году по обету царицы Натальи Кирилловны и строилась из доходов Стрелецкого приказа. Трапеза к ней приделана в 1694 году, освящена октября 28-го, как значится из надписи, над западными дверями иссеченной. Церковь сия одноглавая, готической смешанной архитектуры, с осьмиугольным трибуном. По наружным стенам ее и около окон сделаны витые небольшие колонны. Глава круглая, большая с остроконечными выпуклыми один подле другого шипами, что дает ей вид шероховатый. Трапеза имеет снаружи более украшений готических. Колокольня с жилыми при оной покоями отдельно построена, простой архитектуры, невысокая. К алтарю с одной стороны, а к городской стене с другой приделана часовня для большого в серебряном окладе образа Богоматери. Икона же Пресвятой девы Владимирской, в иконостасе церковном помещенная, есть та самая, которою благословил Наталью Кирилловну воспитатель ее боярин Матвеев в день бракосочетания ее с царем Алексеем Михайловичем. Оная богато украшена алмазами, изумрудами, яхонтами и жемчугами. Риза и венцы на ней были золотые, но не лучшей работы и легковесные. По завещанию покойного обер-камергера графа Николая Петровича Шереметева в 1813 году на предопределенные для сего 16 000 рублей весь оклад, поля и венцы сделаны вновь из золота узаконенной пробы. В алтаре поставлен был другой небольшой образ Владимирской же богородицы в серебряном окладе с каменьями и жемчугами во благословение от патриарха Иоакима, по совершении брака царицею полученный, неведомо кем похищен 5 генваря 1818 года. Церковь сия приписана к Заиконоспасскому монастырю и служба в оной совершается иеромонахами той обители. Мая 21-го, в воспоминание чудесного заступления пресвятой девы при нашествии в 1521 году на Москву крымского царя Магмет-Гирея, бывает в сию церковь из Успенского собора крестный ход малый с тре-

* Для отличия от Николаевских кремлевских ворот и от прежних в городской же стене проломанных ворот вновь сделанные близ самой церкви многие называют Владимирскими, что и приличествует им. До построения Владимирской церкви въезжали в Китай-город воротами, где была та самая башня, к которой та церковь приделана. **(Примеч. авт.)**

мя только сороками: Китайским, Никитским и Сретенским.

2. **Живоначальные троицы, что в Старых Полях,** в летописях под названием **Старой троицы** упоминаемая; находится за Никольскою улицею, по дороге от Владимирских ворот с правой стороны, у городской стены за Ремесленною управою. Сия древняя в Москве церковь простейшей архитектуры с одною круглою главою, возобновляема была в 1561 и 1657 годах. Зимняя, отделенная от настоящей, во имя **Сергия чудотворца** немного красивее, воздвигнута усердием к сему угоднику боярина Тихона Никитича Стрешнева, а при колокольне едва ль был какой архитектор кроме каменщиков. В половине XVII столетия кроме упомянутых двух престолов были еще три — во имя **Одигитрии, Николая чудотворца** и **Бориса и Глеба.** С церковною землею смежен был двор боярина князя Ивана Никитича Одоевского, а потому и находятся тут надгробия сих князей. Название **Старых Полей** присоединилось к Троицкой церкви от происходивших в старину на сем месте поединков, которые в XIII веке служили у русских способом доказывать свою невинность пред судьями и назывались **полем.** «Искусство и сила,— пишет историограф Карамзин,— казались тогда действием суда небесного. Одолеть в бою значило оправдаться. Тщетно духовенство противилось столь несогласному с христианскою верою уставу. Митрополит Фотий в 1410 году писал к новогородскому архиепископу Иоанну, что поединщики не должны вкушать тела и крови Христовой, что всякой, кто умертвил человека в бою, отлучается от церкви на 18 лет и что иереи не могут отпевать убитых. Но древний обычай был сильнее убеждений духовенства, церковной казни и рассудка». Герберштейн, быв сам свидетелем судебных поединков, повествует о сем следующее: когда свидетели сделают показание против обвиняемого, тогда он восклицает к судьям: «Я отдаюсь на суд божий и **прошу поля**». После чего назначался поединок. Обе стороны вместо себя могли поставить других. Всякое оружие позволялось, кроме лука и колчана со стрелами. Бойцы являлись на судебном поле в латах и шишаке; сражение начиналось копьями, а потом позволялось драться мечом и секирою, но всегда имели они в руках род кинжала, обоюдоострого, которым так оборотливо защищались, что, как бы смяты ни были, оно из рук их не выпадало. Быть зрителями сражения приглашались с обеих сторон друзья и покровители. Они находились при сем без оружия, с одними лишь палками завостренными и обожженными на тот случай, если бы усмотрели несправедливость или подлог какой, то сбегались на защищение притесненного; к другому также подоспевали его охранители, и тогда уже происходил между зрителями обеих сторон бой рукопашный. Судебные поединки прекратились при царе Феодоре Иоанновиче.

3. **Церковь Иоанна Богослова, что под Вязом;** на Новой площади против городской стены, идучи от Ильинских ворот к прежним Никольским на левой стороне; с приделами во имя **Покрова богородицы** и **Чудотворца Николая.** Летняя — одноглавая, а зимняя, к оной пристроенная, о двух главах; обе невысокие, простой готической архитектуры, колокольня без особенных украшений поставлена на югозападном углу. По какому случаю и когда построен сей храм, получивший название свое от разросшегося поблизости вяза, неизвестно, но по описным 1628 года книгам упоминается каменною, тогда обгоревшею. Долго не возобновлялся он, и освящен уже в 1660 году октября 18-го. Близ церкви жил князь Катырев-Ростовский; дом князей Борятинских принадлежал к сему ж приходу.

4. **Николая чудотворца Большой крест;** по дороге от Ильинских ворот к Спасским на правой стороне; известна по приделу, а настоящая церковь во имя **Успения божьей матери.** Исстари была каменная, перестроена в 1680 году московскими гостями* Филатьевыми. Высокая, четвероугольная, пятиглавая, в четыре яруса церковь великолепной готической архитектуры, украшена разнообразными колоннами. Колокольня, отдельная от оной, в таком же вкусе с осьмиугольным верхним ярусом; высокий шпиль на ней и главы на церкви распещрены золотыми возвышенными шипами. Внутренность церкви также огромна, всем снабдена и украшена от усердствующего купечества московского. **Велико-крестовскою** называется по большому кресту с мощами, устроенному от храмоздателей Филатьевых и стоящему доныне у правого клироса. Из старинной утвари церковной сохранились только сосуды и крест, данные на поминовение родителей Андрея Городецкого в 1680 [году] и Афанасия Семенникова в 1690-м. Колокол праздничный лит 1694-го, а вседневный 1697 года. Прикосновенные к сей церкви дома принадлежали в XVII столетии князьям Борятинским и Татищеву.

5. **Косьмы и Дамиана в Старых Панех;** между Ильинкою и Никольскою в Черкасском переулке; известна по приделу, а настоящая церковь во славу Воскресения Христова.

---

* Название **гостя** жаловано было купцам, которые оптом торговали. **(Примеч. авт.)**

За двести лет построена каменная, одноглавая, низкая, с небольшим осьмиугольным трибуном, паперть открытая на четырех колоннах. Колокольня недавно построена, новейшей архитектуры, высокая в четыре яруса с арками и большим шпилем из белого железа; в нижнем ярусе пилястры тосканские, а в верхнем полуколонны коринфского ордена. Над придельным алтарем помещен другой алтарь, посвященный **Иоанну Златоустому;** при служении в оном все молящиеся стоят внизу. У крилосов придельных два образа Спасителя и Иоанна Златоустого с надписями, воспоминающими невредимость сего храма при сожжении в 1812 году Москвы. Урочище **Старыми Панами** прозвано потому, что исстари бывали тут дома знатнейших господ. Ближайшие к церкви дворы в XVII столетии принадлежали князю Ивану Борисовичу Черкасскому и Алексею Семеновичу Шеину.

6. **Успения божьей матери,** в Рыбном ряду, против Гостиного двора в переулке; с приделами **Чудотворца Николая** и **Св. Прасковеи Пятницы.** Церковь простой архитектуры с большим осьмиугольным трибуном, по углам и около окон помещены колонны. Колокольня невысокая, осьмиугольная, с пилястрами. О времени построения сей церкви неизвестно, по летописям же упоминается о ней в XVII столетии.

7. **Церковь Николая чудотворца Красный звон,** или у **Красных колоколов,** с приделом **Зосимы Соловецкого;** от Ильинских ворот на левой стороне в переулке, который прежде назывался **Посольскою улицею** *; застроена в 1566 году св. Филиппом митрополитом в честь св. Зосиме и в воспоминание проведенных им дней в мирной обители Соловецкой, но по изгнании его с святительского престола переименована во имя **Св. Николая.** Купец Григорий Твердиков 1691 года возобновил сей храм, а Семен Григорьевич Нарышкин, благоговея к памяти страдальца святого Филиппа, устроил в нем придел во имя св. Зосимы и Савватия. Здание церковное четвероугольное, невысокое, простой архитектуры, с круглою главою. Колокольня также небольшая, но имеет несколько готических украшений. Прозвание **Красного звона,** или **Красных колоколов,** придано, вероятно, потому, что на сей колокольне все колокола подобраны были в один тон, и звук от них был приятный. На погосте за алтарем погребен 1716 года окольничий Алексей Соковнин, сын известного при государе Петре I заговорщика Прокофья. Тут же есть несколько камней над гробами Грушецких.

8. **Ипатия чудотворца** придельная; в переулке между Ильинскою и Варварскою улицами; а настоящая церковь во славу **Вознесения господня.** Она исстари была каменная, но когда пришла в ветхость, то по перестройке оной иждивением купца Лапина освящена 1757 года июля 19-го. Здание одноглавое, простой архитектуры с пилястрами и колоннами тосканского ордена; колокольня осьмиугольная. Переулок, в котором находится сей храм, называется **Ипатским.**

9. **Грузинской богородицы,** что в **Никитниках;** между Ипатьевским переулком и проездом мимо городской стены к Варварским воротам. Настоящий храм во имя **Святой троицы** с тремя приделами — **Николая чудотворца, Иоанна Богослова** и **Великомученика Никиты.** Здание обширное, пятиглавое, в три яруса, с крытыми переходами, великолепной готической архитектуры; наружные украшения оной по стенам и карнизам тщательно выработаны и разнообразностию своею придают сему храму значительность. Колокольня в одной с церковью связи, пирамидальная и столь же хорошая. Сия великолепная церковь создана в 1654 году московским гостем Стефаном Лазаревым на место бывшей тут деревянной во имя великомученика Никиты, а название свое заимствует от образа Богоматери. Лазарев, будучи приказчиком ярославского купца Георгия Никитникова, прежде Лыткиным прозывавшегося, ездил в Персию с товарами его и купил там икону Богородицы у персиян, опустошивших тогда по повелению шаха Аббаса всю Грузию. Никитников, получив сей образ Богоматери, перенес его по благословению патриарха Филарета Никитича в монастырь Черногорский, за 16 верст от Холмогор отстоящий, и построил там огромную церковь во имя Похвалы пресвятой богородицы. В 1654 году икона Грузинской богородицы привезена была в Москву для обложения новым окладом. Сим случаем воспользовался приобретший ее от неверных богатый приказчик Никитникова, велел списать ее делавшему новый оклад серебрянику Гавриле Евдокимову и создал для сего списка великолепную в Китай-городе церковь возле двора Никитникова. Подлинный же из Грузии привезенный им образ возвращен в монастырь, где и доныне обретается. Патриарх Никон установил ежегодно праздновать в честь Грузинской богородицы 22-го числа августа месяца.

10. **Иоанна Предтечи** у Варварских ворот при въезде чрез оные в Китай-город на правой стороне. Построена патриархом Филаретом Никитичем на память посвящения его 24 июня 1619 года в патриархи. Когда церковь сия

* Ныне проезд Владимирова.— **С. Д.**

обветшала, то фабрикант Федор Подсевальщиков в 1742 году перестроил ее и на воспоминание восшествия на всероссийский престол императрицы Елисаветы Петровны 25 ноября соорудил для зимнего служения придел во имя празднуемых в тот день святых: **Климента Папы Римского** и **Петра Александрийского.** Летняя церковь изрядной простой архитектуры без особенных украшений, одноглавая, с небольшим осьмиугольным трибуном, а зимняя, отдельно стоящая, также одноглавая. Колокольня довольно высокая.

11. **Святого Георгия Победоносца на Красной горке,** прежде называемой **Псковскою горою;** близ Варварских ворот, при въезде в оные на левой стороне; придельная, а настоящая церковь во имя **Покрова богородицы.** Вместо сгоревшей в 1626 году деревянной чрез два года построена каменная, невысокая, простой тогдашнего времени архитектуры о пяти круглых главах, с готическими по карнизу украшениями, под кровлею полуциркульные впадины с написанными в них разными иконами. Колокольня новейшего строения с пилястрами ионического ордена. Неподалеку от сей церкви в прежние времена была главная тюрьма и примыкалась к городской стене.

12. **Максима Исповедника;** на Варварке, от Москворецкой улицы на правой стороне; придельная построена в 1699 году московским жителем гостиной сотни Максимом Верховитиновым из усердия к тезоименитому угоднику божию, а настоящая церковь во имя **Максима Блаженного** создана царицею Натальею Кирилловною на месте прежде бывшего тут же каменного храма св. мучеников Бориса и Глеба. В ней на особо устроенном возвышении под балдахином, колоннами поддерживаемом, поставлен серебряный ковчег с остатками мощей святого, уцелевшими от пожара. Максим Юродивый скончался в Москве 1433 года ноября в 11-й день. Церковь простой архитектуры с одною главою, у которой верх сделан угловатыми возвышенными полосами, параллельно одна от другой расположенными. Колокольня пирамидальная, невысокая, древнего готического вида. С улицы приделана в новейшие времена паперть такой же архитектуры.

13. **Варвары великомученицы;** от Москворецкой улицы, поворотя в Варварскую, на правой стороне. Прежнюю церковь строил в 1518 году архитектор Алевиз Фрязин иждивением вкладчиков Василья Бобра и братьев его Вепря и Юшка Урвихвоста. После случившегося пожара она возобновлена была императрицею Анною и 30 октября 1731 года освящена архиепископом коломенским Вениамином. В первые годы нынешнего столетия построена вновь иждивением майора Барышникова крестообразно, по новейшей архитектуре, одноглавая, с большим куполом и колоннами коринфскими. Колокольня четвероугольная с пилястрами вверху ионического ордена. Храм сей достроен и украшен внутренним благолепием от московского купца Самгина, усердствовавшего воздать господу благодарение за исцеление от тяжкой болезни жены своей.

14. **Николая чудотворца у Москворецких ворот,** от Живого моста с левой стороны, придельная, а настоящая во славу **Благовещения пресвятой девы.** Церковь небольшая, простой архитектуры с пятью круглыми главами. Колокольня старинного построения, имеет вид продолговатого осьмиугольника и покрыта плитами. О сей церкви упоминается за двести пред сим лет. Неподалеку от нее находился прежде таможенный амбар.

15. **Николая чудотворца Мокрого;** при повороте с Москворецкой улицы в Зарядье, на левой стороне, придельная, построена 1697 года женою окольничего Чирикова Евдокиею Аврамовною, урожденною Лопухиною, в облегчение горести, томившей ее по случаю внезапной кончины дочери ее девицы Неонилы, как явствует из надписи, изваянной на камне при западных дверях. Настоящая церковь во имя **Покрова богородицы** одноглавая, высокая, в два яруса. После неприятельского в 1812 году нашествия отделана вновь щедрою рукою усердных прихожан. Фасада значительная, внутренность церкви также великолепна и с разумением украшена. Колокольня четвероугольная, высокая, с колоннами в арках. При сей церкви похоронен 18 мая 1606 [года] любимец Лжедимитрия Отрепьева боярин Петр Федорович Басманов, убитый при всенародном нападении на самозванца; обнаженный труп Басманова, на позор вместе с ложным царем выставленный, четыре дни лежал на площади. Отрепьев сожжен на Котлах, а Басманова выпросил сведенный брат его князь Иван Сулешев и предал земле при сей церкви подле единственного сына Басманова, в малолетстве умершего. При сей же церкви похоронен был казанский архиепископ Герман, по прозванию Садорев-Полев, пострадавший от строгости царя Иоанна Васильевича и скончавшийся в Москве 6 ноября 1568 [года]. В царствование Феодора Иоанновича он признан святым, и обретенные нетленными мощи его перенесены в Свияжский Богородицкий монастырь, где и доныне находятся.

16. **Зачатия св. Анны,** у городской стены в углу в Зарядье; с приделом прежде бывшим великомученицы **Ирины,** а ныне переименован в честь **Св. Екатерине.** Настоящая цер-

ковь построена была в. к. Мариею Ярославовною, супругою Василия Васильевича Темного. По случаю часто опустошавших Москву пожаров летописцы в первый раз упоминают о ней в 1498 году, что 28 июля сия церковь загорелась от огня небесного. До обнесения Китая каменною стеною местоположение ее называли: **на Вострому конце.** В сей церкви находился образ Божией матери, который при случившемся в 1547 году апреля 12-го пожаре среди пламени, объявшего дом подьячего Третьяка Теплого, остался невредимым. Здание одноглавое, невысокое, простой готической архитектуры, а колокольня старинной гражданской, четвероугольная, в два яруса, с пилястрами. На стене церковной есть надгробные надписи, но сбиты и от давнего времени так изгладились, что прочесть их невозможно.

Счисление сороками церквей московских

Все описанные в Кремле и Китай-городе церкви, ружные и приходские, состоят в **Китайском сороке.** Разделение московских церквей на сороки не означает того, чтоб под сим названием заключалось толикое число церквей, а разумеется под сим токмо подведомственность их. В Москве шесть сороков: 1. **Китайский,** 2. **Пречистенский,** 3. **Никитский,** 4. **Сретенский,** 5. **Ивановский** и 6. **Замоскворецкий.** Каждым сороком управляют два благочинные, избираемые епархиальными архиереями от церквей того же сорока из отличнейших и заслуженных иереев, всегда вознаграждаемых за сию должность саном протоиерейским. В ведомстве их находится и больше и меньше сорока церквей.

Прежние кладбища в Китай-городе

Итак, в Китай-городе, на пространстве пятидесяти десятин, находилось прежде четыре монастыря, двадцать пять церквей и столько ж кладбищ, ибо погребать умерших внутри города среди живущих прекращено не прежде 1771 года императрицею Екатериною II. Царь Алексей Михайлович чувствовал всю неудобность от сих кладбищ, но, отклоняя ропот москвитян, до излишества придерживавшихся тогда старых навыков, не истребил сего бедственного обыкновения, а указом 1657 года, марта в 25-й день состоявшимся, по случаю бывшей моровой язвы, воспретил только внутри одного Кремля зарывать покойников. В отвращение ж опасности он повелел в Китай-городе, в Белокаменном и Земляном все старые кладбища, где погребены были многие умершие люди от язвы, отгородить высоким забором наглухо, и для новых кладбищ очистить при церквах особые поблизости места, чтоб разрытием зараженных тел не возобновить смертоносной заразы. У кого из обывателей отошли дворовые их земли под назначенные вновь кладбищные места, или кто по сему распоряжению принужден был переносить строение, тем, по оценке, выданы были из Земского приказа деньги.

8. О церквах, в Китай-городе прежде бывших и потом упраздненных

Царь Иоанн Васильевич, заметив злоупотребление в неограниченном созидании новых церквей в Москве, предложил свое мнение о том бывшему при нем 1551 года Собору. Российское духовенство нашло тогда замечание царя весьма справедливым, потому что храмы древние приходили в запустение, а новые часто воздвигались не усердием к вере, а тщеславием и в свою очередь также пустели от недостатка в содержании. Поводом к упразднению и в наши времена некоторых малоприходных и обветшавших церквей было то же самое причиною.

1. **Введения богородицы;** по летописям значится, что церковь сия находилась **на Большом посаде за Торгом, на Симоновском дворе,** застроена была в 1458 году, а освящена 13 ноября 1490-го. По велению великого князя Василия Иоанновича она перестроена 1514 года архитектором Алевизом с приделом во имя **Ионы митрополита.** Верх ее был позлащен, и потому называлась **Златоверхою.** В оной хранился серебряный крест вкладный от патриарха Филарета Никитича в 1627 году на память девятилетнего патриаршества его. Бывшее под сею церковью место против Гостиного двора затесняло площадь, а потому, когда здание обветшало, то в царствование императрицы Екатерины II сломано.

2. Церковь во имя **Св. мученицы Параскевы, нареченной Пятницы,** находилась также подле Гостиного двора и в конце минувшего столетия сломана.

3. **Воскресения Христова в Булгакове,** с приделом **Успения богородицы,** стояла на Варварском перекрестке, а построена в начале XVII столетия гостем Васильем Григорьевым Булгаковым; церковь сия слыла по прозвищу храмоздателя. За ветхостию сломана в 1791 году.

4. **Св. Иоанна Златоустого** находилась близ церкви Косьмы и Дамиана позади двора Алексея Семеновича Шеина. Известно, что была каменная, что строил ее некто Михайло Иерофеев и что в 1657 году она существовала, но когда упразднена, умолчано.

5. **Николая чудотворца, что в Углу,** с двумя

приделами: **Спаса нерукотворенного** и **Анастасии Узорешительницы.** Построена сия церковь в 1664 году гостем Иваном Парамоновым, с обещанием вечного на оную содержания; но как наследники созидателя не исполнили обета его, то и упразднена духовным начальством.

6. Другая там же церковь, деревянная, во имя **Св. мученика Мины,** равномерно на руге бывшая, когда пришла в ветхость и осталась без пособия, то сломана.

7. **Великомученика Димитрия Селунского** с приделом **Архидиакона Стефана,** каменная, на бывшем **Посольском дворе.** Государь Петр I, построив Петербург, повелел обратить огромное по тогдашнему времени здание, для жительства иностранных послов построенное, в шелковые фабрики. Содержатели оных в 1751 году обветшавшую старинную церковь возобновили, но в 1790 году получившие Посольский двор на выстройку, сломали ее.

8. **Жен Мироносиц, что в Кохтях;** на Никольской улице против духовной типографии, прежде была деревянная, а после опустошившего в 1626 году Китай-город пожара, построена каменная, небольшая, между двух боярских домов Михайлы Салтыкова и князя Федора Телятевского. В минувшем столетии граф Николай Петрович Шереметев имел сию церковь на своем содержании, куда в праздничные и воскресные дни съезжалось к обедне московское дворянство молиться и слушать превосходного там хора певчих. После нашествия неприятельского в 1812 году упразднена и сломана.

9. **Жен Мироносиц,** что под Горою, за церковию великомученицы Варвары, построена была в 1566 году, каменная, близ Приказа Устюжской четверти. Царь Алексей Михайлович пожаловал сей двор боярину Ивану Андреевичу Милославскому. По кончине его за малоприходством уничтожена.

10. **Спаса Смоленского** с приделом во имя **Св. апостола Андрея Первозванного.** Старинная церковь, близ Москворецких ворот находившаяся, сломана в 1783 году.

11. **Успения богородицы** каменная, довольно высокая, построена бояриным Михайлом Михайловичем Салтыковым на дворе его, а при перестройке дома присоединилась к комнатам и сделалась домовою. Прежде принадлежал сей дом фельдмаршалу графу Валентину Платоновичу Мусину-Пушкину, а ныне принадлежит семейству гг. Кусовых. Церковь назначена была к уничтожению, но усердствующий хозяин испросил дозволение на совершение в оной божественной службы.

9. Подворья

Отведенные под дворы архиереям и монастырям места в Москве для приезда самих настоятелей и монахов по призыву и за своими потребностями называются подворьями. Государи жаловали землями, а обстраивали их архиерейским или монастырским иждивением, кроме некоторых. В Китай-городе считается теперь девять подворий, действительно принадлежащих монастырям, прочие ж владения выбыли либо заменены отведенными в других частях города участками.

1. **Новогородское подворье** на Ильинке, против Гостиного двора. В оном церковь св. пророка Илии, с приделом св. апостола Тимофея, построена в. к. Иоанном Васильевичем вскоре после покорения Новогорода. Отделив на сие участок земли, государь предоставил оную новогородским владыкам. Церковь двуэтажная, древней, простой архитектуры с одною главою, сделанною в позднейшие времена; прежде была и особая колокольня, а ныне колокола повешены в небольших арках на кровле церковной. Первый знак для побиения в 1606 году мая 14-го дня бывших в Москве с Лжедимитрием поляков дан был набатным звоном с Ильинской колокольни, и вдруг зазвонили во всех церквах города. В Ильин день патриарх, отпустив крестный ход на Воронцовское поле, всегда почти служивал в церкви Новогородского подворья. Улица, на которой находится сие подворье, названа по церкви св. пророка Илии Ильинкою. Жилые там покои ныне заняты под съестные трактиры, которые славятся в Москве лучшим приготовлением старинных русских блюд; внизу лавки, погреба и амбары, приносящие архиерейскому дому хороший доход.

2. **Ново-Троицкое,** на Ильинской же улице, смежное с Новогородским. Пожаловано Троицкой лавре взамен находившегося в Кремле Богоявленского монастыря и называлось Стряпческим домом. Строение двуэтажное, внизу маклерские конторы, греческие кофейные и разные лавки, а вверху съестные трактиры и отдаточные внаем покои.

3. **Воскресенское подворье,** на правой же стороне Ильинской улицы, с церковью Воскресения Христова. Когда Никон лишен был патриаршего достоинства, то сие подворье отдано было воронежским архиереям, но после возвращено обители Воскресенской. Нынешний трехэтажный на подворье дом отстроен Амвросием убиенным, когда он был переславским епископом и архимандритом Воскресенского, Новым Иерусалимом именуемого, монастыря. Торговое место, сим подворьем занимаемое, дало способ настоятелям приум-

ножить малый доход монастырю отдачею всего строения внаем для лавок и для жительства купцам и мастеровым.

4. **Боровского Пафнутьева монастыря подворье,** в Юшковом переулке близ церкви Николая чудотворца Красный звон. Строение в три этажа, безобразное, с церковию во имя **Св. Николая чудотворца** одноглавою, старинной готической архитектуры, после нашествия неприятельского невозобновленною.

5. **Казанское Свияжского монастыря подворье,** близ певчей и задней стены Богоявленского монастыря, окружено отвсюду строениями и ни к одному проезжему переулку или улице не прилегает, а проходят туда чрез Ветошный ряд. По возвращении из-под начала любомудрых братьев Лихудиев сие подворье было местом учения российских юношей греческому языку. Строение в два этажа, занятое внизу амбарами, а вверху жилые покои для наемщиков.

6. **Калязинское,** против Никольских ворот, неподалеку от церкви Владимирской. Сие подворье пожаловано царем Алексеем Михайловичем Калязинскому Троицкому монастырю за то, что оный 1654 года во время морового в Москве поветрия служил убежищем для царского семейства. В описании московских церквей 1732 года показано, что на сем подворье был храм во имя **Преподобного Макария Калязинского.** Ныне в доме том аптека.

7. **Покровское,** на Москворецкой улице, с правой стороны от Лобного места, принадлежащее Покровскому за Яузой монастырю. Оно пожаловано в 1684 году от царей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича вместо взятого в казну прежнего монастырского подворья, смежного с Покровским собором. Возле сего подворья была **Тиунская палата.**

8. **Иосифского Волоколамского монастыря подворье,** на Ильинке, не доходя Ново-Троицкого подворья, на правой стороне, уго́льное, против Карунинской площади. По летописям значится, что в 1566 году построена была на Иосифском подворье церковь **Благовещения богородицы.** Все строение трехэтажное; внизу лавки и конторы для протесту векселей, а вверху отдаточные покои и трактир.

9. **Вознесенского московского девичьего монастыря подворье,** состоящее в Егорьевском кривом переулке в Зарядье. Строение одноэтажное, невысокое, в котором отдаточные покои приносят обители дев доход незначительный.

10. **Синодальную певческую,** или 28 двуэтажных, невысоких домиков, один возле другого исстари выстроенных в две линии, можно также причесть к подворьям. Они находятся между Богоявленским монастырем и Ново-Троицким подворьем и все числятся полициею под двумя только нумерами **Старой и Новой певчей.** Тут живали **певчие дьяки царские и патриаршие.** Первые певали на правом, а другие на левом клиросах. Вместо прежнего столпового пения Никон патриарх уставил в соборной церкви напевы, сперва киевский, потом греческий партесный; для обучения тому в 1659 году вызван был из Афонских гор дьякон Мелетий. В записках Успенского собора значится, что государь Петр I сам певал на клиросе с своими певчими. Близкое помещение их ко Кремлю было необходимо для того, чтоб они всегда могли поспевать к ранним и поздним служениям в соборах и царском дворце. Ныне сей надобности не настоит, а потому жилища их обращены на отдачу внаем и приносят в пользу их значительный доход.

Прежде бывшие подворья

Кроме упомянутых здесь в Китай-городе считалось прежде еще несколько подворий, которых в нынешнем алфавитном списке не значится, как-то: за алтарем Зачатия св. Анны в Зарядье были подворья монастырей **Чудова** и **Савинского.** В Зачатейской улице **Соловецкой,** что в **Марчуках,** упраздненной **пустыни подворье,** покупкою в 1644 году приобретенное. На Варварке, между Знаменским монастырем и церковью Максима Исповедника, подворье **Благовещенского Нижегородского,** принадлежавшего к Патриаршему дому **монастыря,** пожаловано было в 1676 году из дворовой земли с строением боярина Ивана Андреевича Милославского. **Подворьем Мисаила митрополита белогородского и обоянского** был дом умершего окольничего Гавренева в приходе Николы Мокрого. **Подворье Иверское,** находившееся против Боровского, досталось Иверскому Богородскому монастырю в 1655 году от родственников дьяка Назарья Чистого, убиенного 1648 года во время народного возмущения. **Вологодское** подворье, между Ильинкою и Никольскою, в Черкасском переулке, где ныне дом Американской компании; прежде там была церковь во имя Стефана Великопермского. На владение сим подворьем данная вологодскому архиепископу Сильвестру 1613 [года] февраля 20-го подписана во время междуцарствия по повелению управлявших Москвою князя Димитрия Тимофеевича Трубецкого и князя Димитрия Михайловича Пожарского. **Ростовское подворье,** за Рыбным рядом, в переулке с церковью Леонтия Ростовского чудотворца. Когда сломан был Посольский приказ, в Кремле близ Архангельского собора находившийся, то архив Иностранной коллегии тесно помещался в сем подворье и по восшествии

уже императрицы Екатерины II куплен для оного дом в Белом городе. **Прилуцкое подворье,** против Ростовского с церковью св. Димитрия. **Ипатское подворье,** между Ильинскими и Варварскими воротами против городской стены, принадлежавшее некогда Печерскому монастырю.

10. Часовни *

1. У Воскресенских ворот при въезде в оные с Тверской улицы поставлена деревянная, железом обитая, часовня, украшенная снаружи образами, над куполом ее крест. В сей часовне поставлен образ Иверской богородицы. Патриарх Никон, будучи еще новоспасским архимандритом, с соизволения царского убедительно просил приезжавшего в Москву 1646 года за милостынею архимандрита иверского на Афонской горе монастыря Пахомия прислать точный список с находящейся тамо чудотворной иконы Богоматери, именуемой у них Победоносицы. Чрез два года сей список привезен был в Москву иеромонахом Корнилием с грамотами от 15 июня 1648 года к царю Алексею Михайловичу и к Никону, возведенному тогда уже на степень митрополита новогородского. В сих грамотах иверские иноки подробно описывали, с каким благоговением списана была сия икона. Иконописец, не приступая к работе, говел и святых тайн приобщался, а краски разводились на святой воде с мощами. Когда Никон вступил на патриарший престол, то украсил образ златом и многоценными каменьями, употребив на сие из патриаршей казны 44 000 рублей, и при третьем своем путешествии в созданный им на острове Валдайского озера Иверский Богородицкий монастырь привез ее туда с собою. В Москве снят был с нее список точь-в-точь и тогда ж поставлен у Воскресенских ворот в часовне, нарочно для сего устроенной. По вере и усердию московских жителей к заступлению божией матери у сына своего Христа, бога нашего, сию икону ежедневно приносят в домы болящих, исцеления чающих; а чтоб приходящие беспрестанно в часовню молельщики не лишены были молитвословия, то по подобию присланного из Греции образа написан был другой для поставления в отсутствие первого на среднее место. Мера сим иконам в вышину два аршина без вершка, в ширину 1 аршин 4 вершка. Первую в 1790 году г. Твердышев украсил золотым окладом с короною из драгоценных каменьев, а у второй риза была серебряная, иждивением доброхотных дателей 1758 года устроенная, которая при нашествии в 1812 году святотатцев утрачена и заменяется теперь иною; с многоценным же золотым окладом сохранилась, быв отвезена тогда в Муром. Иверская часовня и тем достопримечательна, что государь Петр I по взятии Нарвы и других шведских городов при триумфальном своем въезде 19 декабря 1704 года в Москву встречен был пред сею часовнею царевичем Алексеем Петровичем и митрополитом рязанским Стефаном Яворским, который приветствовал победителя ученою речью. Император Александр Павлович 1801 года сентября 8-го при въезде своем в Москву со всею высочайшею фамилиею изволил остановиться для поклонения св. иконе; в июле 1812 года также молился перед нею. Московский народ готов был 1 сентября того ж года, взяв Иверскую икону, идти с нею на Поклонную по Смоленской дороге гору и, сразясь с наполеоновыми полчищами, там головы свои положить. Часовня сия принадлежит к Перервинскому монастырю. Заведенное в оном 1775 года московским архиепископом Платоном училище, учители и ученики содержание свое имели от доходов Иверской часовни.

2. Часовня под каменною колокольнею **Греческого Николаевского монастыря** с иконою чудотворца Николая. При нашествии в 1812 году неприятеля она лишена была драгоценных украшений, но вскоре усердием вкладчиков возобновлена и обложена серебряною, вызолоченною ризою.

3. Часовня каменная при церкви Владимирской богородицы, приделанная с одной стороны к алтарю, а к городской стене с другой. В ней поставлен большой образ Владимирской богородицы в серебряном окладе, который устроен набожным слепцом П. П. Колычевым.

4. Часовня каменная ж у Москворецких ворот, не доходя до Живого моста, **Берлюковской Николаевской пустыни;** прежде принадлежала она Соловецкой, что в Марчуках, уничтоженной пустыне. В оной находятся большие местные образа, на которых были до 1812 года серебряные оклады; внутри часовни вырыт колодезь.

---

* Часовнями именуются отдельные молельницы со святыми образами, пред которыми поют молебны и можно читать часы. **(Примеч. авт.)**

ГЛАВА III
ДУХОВНАЯ ТИПОГРАФИЯ

1. Письменные богослужебные в церквах книги

До благодетельного изобретения типографий книги везде были письменные. В России древнейшие писаны на пергаменте; с XIV века начали писать на хлопчатой бумаге, а потом уже на обыкновенной из трепья льняного. Письмо разделялось на уставное, полууставное и скорописное, гораздо после первых двух появившееся. Сперва употребляли для писания трость, потом перо. Лучшим украшением для рукописей служила киноварь, которой надписывали заглавия и изображали прописные буквы; иногда является на фигурных заставках ультрамарин с другими красками и золотом; при некоторых письменных книгах есть и картины, хотя неискусные, по образцу среднего византийского стиля нарисованные, но сохраняющие совершенною свежесть колера. Десять картин, помещенных при отысканном недавно в Воскресенском монастыре харатейном сборнике, который составлен 1073 года для великого князя Святослава Ярославича дьяком Иоанном, служит верным образцом тогдашнего рисования, а точный список с послесловия дает понятие о слоге и об употреблении букв того времени. Писцами бывали по большей части благочестивые иноки. Некоторые из них по набожности и по собственному усердию, а иные по долгу занимались сим похвальным упражнением и довели до наших времен книги священного писания, богослужебные, летописи и другие памятники истории и словесности отечественной. Книгохранилища Синодальное Московское, Новгородское Софийское, Императорское публичное, частные: графов Мусина-Пушкина, Румянцева и Толстого и других, по пространству империи в монастырях и частных домах рассеянные, свидетельствуют о трудолюбии наших писцов в древние и средние времена.

2. Изобретение книгопечатания

Тиснению букв предшествовало гравирование слов на дереве. Гравировщики, вырезывая изображения святых на дереве и означая буквами имена их, первые показали способ к открытию важного искусства отпечатывать слова. В сем виде дошедший до нас образ св. Христофора, 1423 года вырезанный, почитается древнейшим памятником резного художества. Первый художник, которого имя сохранила история, занимавшийся вырезыванием таких изображений на дереве, был Иоанн Гутенберг, майн[ц]ский уроженец, одаренный умом изобретательным и постоянный в упражнениях. Он в 1439 году снарядил в Страсбурге печатный стан со всем прибором, но первые усилия его не имели желанных успехов, что понудило его переселиться в Майнц и 1450 года вступить там в товарищество с Иоанном Фаустом. Латинская псалтирь была первая книга, напечатанная 1457 года в сей типографии Фаустом и Петром Шефером.

3. Появление первых печатных книг на славянском языке

Чрез 33 года после первой в Европе отпечатанной книги появились Часослов и Октоих 1491 года, славянскими буквами в Кракове тиснутые. К одному времени, судя по тому же шрифту букв, могут относиться и две Триоди: постная и цветная. Типографщик именует себя краковским мещанином Швайполтом, или Святополком, Феолом из немец, немецкого рода Франк. В одно время с Краковскою славянскою типографией появляются и другие в Эрцеговине, в Цетине, Зете, или Зенте, при реке того же имени. Там иеромонах Макарий в 1493 году напечатал Октоих, в 1495-м Псалтирь с восследованием, а в 1512 году Евангелие. Сии памятники принадлежат к славянским, сербского наречия. Вскоре после того заводятся типографии и в других местах. Ученый доктор медицины, уроженец полоцкий Франциск Скорина, или Скоринин сын, как он сам себя именует, печатал с 1517 [по] 1519 [год] в Праге свой перевод библейских книг на том наречии, которое в его время было разговорным в краях польских. Он же в Вильне издал в 1525 году Апостол и, вероятно, там же и в одно время напечатал Канонник и Псалтирь на древнем языке славянском. В 1519 году тиснут в Венеции Служебник, заключающий в себе литургию, а в 1527-м Катехизис. В Сербии отпечатаны следующие книги: 1538. Сборник, изданный иеродьяконом Моисеем; 1545. Псалтирь с восследованием; 1547. Молитвослов; 1552. Евангелие; 1554. Служебник, изданный иеромонахом Макарием. В том же году вышел из печати в Тубингене Новый завет кирилловскими буквами на кроатском языке, а потом много других книг отпечатано в разных городах иностранных.

4. Неисправность, оказавшаяся от переписчиков в церковных росс[ийских] книгах

Между тем в России отправляли богослужение по книгам письменным, которые в то время так искажены были переписчиками, что из множества собранных для поверки с исправнейшими оказалось очень мало годных. Царь Иоанн Васильевич на соборе, бывшем 1551 года в Москве для искоренения злоупотреблений, вкравшихся в церковные обряды, предложил духовным властям следующий укорительный вопрос: «Божественные книги писцы пишут с неправленых переводов, а написав, не правят же, опись к описи прибывает, а недописи и точки непрямые ставят; и по тем книгам в церквах божьих чтут и поют, и учатся, и пишут с них, что о сем небрежении и о великом нашем нерадении от бога будет нам по божественным правилам?» Собор духовный, сознаваясь в сем опущении, определил: «Протопопам и старейшим избранным священникам со всеми священниками каждого города, во всех церквах осмотреть святые евангелия, апостолы, псалтири и прочие священные книги, церковью приемлемые, где найдутся неправленые и с описками, те все с добрых переводов исправлять соборне. Писцам же, которые по городам промышляют перепискою книг, подтверждено было, чтоб они списывали с правильных переводов, написав, «поверяли», а неисправленных отнюдь бы не продавали. А кто из них продаст неисправленную книгу, у тех, по обличении продавца и покупщика, дозволялось такие книги отбирать безденежно и, исправив, раздавать в скудные церкви».

5. Заведение в Москве Духовной типографии

Сии меры при укоренившихся злоупотреблениях были слабы и не могли произвесть желанного действия; а потому царь с одобрения митрополита Макария решился завести первую в Москве и во всей Великороссии типографию. Русские и прежде имели уже понятие о сем искусстве. Послы великого князя Иоанна III Траханиот и Еропкин, отправленные в 1491 году к императору Максимилиану, находясь несколько времени в Любеке, приняли в государеву службу тамошнего книгопечатника Варфоломея, для перевода немецких бумаг. Царь Иоанн IV с 1547 года приискивал в Германии художников для книжного дела. Датский король Христиан III прислал к нему в 1552 году типографщика и переплетчика Иоганна, прозванного по переплетному искусству Богбиндером. Вероятно, сей художник, известный у нас под именем датчанина Ганса, был образователем наших собственных: московского уроженца Иоанна Федорова, соборного дьякона от Николы Гостунского, и Мстиславца Петра Тимофеева. Вероятность сию подкрепляет неизвестный сочинитель «Сказания известна о воображении книг печатного дела» следующими словами: «Глаголют же неции о них (о первых наших типографщиках) яко о самих фряз, то учение прияста; повествуется же о некиих, яко прежде их (Федорова и Тимофеева) неции, или будет, и они сами малыми некими и неискусными начертании печатываху книги». Начало к заведению в Москве типографии положено царем Иоанном Васильевичем 1553 года. Первое построение книгопечатного дома было не на том месте, где теперь находится, а на Варварской улице в связи тогдашних строений между Юшковым и Ипатьевским переулками, как у Олеария на плане Москвы значится. Царь ничего не щадил для поощрения художников; но первая священная книга «Деяния Апостольска и послания соборная и святого Апостола Павла послания» появилась не прежде 1 марта месяца 1564 года. Несмотря на неопытность первых наших типографщиков, Апостол отпечатан чистыми, немного продолговатыми буквами, в малый лист, на плотной голландской бумаге с фигурными заставками и заглавные буквы отличены киноварью; но правописание, подобно рукописям, весьма неисправно, а особливо в надстрочных знаках; кроме заглавий, нет нигде больших букв; набор по большой части без отделения предлогов и союзов; расстановка между главами отмечена только на поле счетом. Из препинательных знаков употреблена лишь точка с запятою и часто не у места. В конце строк нигде не поставлено знака переносного, нет и предречий к начинающимся страницам, счет листов назначен под нижними углами каждой страницы с правой стороны. Всех листов без предисловий и послесловия содержится 259. В начале приложено гравированное на дереве изображение евангелиста Луки. Книга сия, составляя драгоценность для охотников, делалась редкостью, почему и прилагается то любопытное к ней послесловие, которое объясняет историю заведения Московской типографии.

6. Гонение на первых типографщиков московских и труды их в продолжении странствия в землях чужих

Едва появилась первая книга, как начались толки. Суеверы, изумленные новостью, а невежды-грамотеи, промышлявшие списыванием книг церковных, от зависти и своекорыстия, восстали против важного предприятия, внушенного просвещенною христианскою ревностью. Оклеветанные разными ересями, дьякон Федоров и мстиславец Тимофеев оставили Мо-

скву. Что после этого происходило в устроенной ими типографии около тринадцати лет, мы достоверно не знаем. Между тем наши типографщики, по словам одного из них, изгнанные из земли отечественной и от рода своего, блуждали по странам, дотоле им незнаемым, не имея ниоткуда помощи. Счастливый случай привел их под покров короля польского Сигизмунда Августа. Один из знатнейших литовских вельмож, гетман Григорий Александрович Ходкевич испросил позволения у короля принять их к себе в дом. Ходкевич славился благочестием и просвещением. Будучи греческого вероисповедания, он основал в 1567 году в своем местечке Заблудове храм Успения богоматери, впоследствии в монастырь обращенный, и, вероятно, при нем устроил типографию с помощью наших изгнанников. Успокоивая и утешая Федорова, благодетельный Ходкевич дал ему во владение деревню (весь[ма] немалу), но типографщик искал трудов, а не успокоения. В 1569 году появилась первая книга, изданная Федоровым и Тимофеевым в Заблудове,— Евангелие учительное, или толковое; вероятно, что она была и не последняя, но о прочих мы не знаем. Между тем гетман Ходкевич, изнуренный старостью и недугами, не мог утешаться своим заведением и, не озабочиваясь поощрением книгопечатания, уговаривал художника заняться земледелием. Энтузиаст-типографщик, не привыкший к возделыванию полей, сетует на сие при одной своей книге, изъясняясь таким образом: «Не удобно ми бе ралом, ниже семян сеянием время живота моего сокращати; но имам убо вместо рала художество наручных дел с суды * вместо же житных семен, духовная семена по вселенной рассевати, и всем по чину раздавати духовную сию пищу». Постоянная страсть к любимым трудам принудила Федорова, оставя выгоды спокойной жизни, переселиться от Ходкевича в город Львов. Там прилагая все старания о заведении вновь типографии, Иоанн Федорович прибегнул к помощи русских и греков, в городе живущих, но долго тщетны были его старания: богачи, имевшие все способы, не хотели войти в сие дело, а бедные, имея усердие, не имели довольно денег помочь ему. Наконец вспоможением последних и прежним небольшим достатком, приобретенным у гетмана Ходкевича, удалось Федорову отпечатать Апостол, первую книгу в Львове,— 1574 года февраля 15-го по прошествии года и десяти дней тиснения. В послесловии к сей книге Иоанн Федоров описал свои гонения и странствия. Сей Апостол, равно и заблудовское толковое Евангелие, напечатаны одним шрифтом с Апостолом, в Москве изданным. Догадываться можно, что художник взял с собой из Москвы пунсоны. Товарищ его уже не участвовал в сем издании. Расставшись с ним, может быть у Ходкевича, Тимофеев жил в Вильне в доме Козьмы и Луки Мамоничей, известных типографщиков, и там издал в 1575 году Евангелие, иждевением Ивана Семеновича Зарецкого и брата его Зиновия. Иоанн Федоров переселился из Львова в волынский город Острог. Поощренный в трудах своих просвещенным князем Константином, он издал Новый завет в 1580 году, а в следующем — первую Библию на языке славянском. Неизвестные причины заставили странствующего типографщика вскоре удалиться из Острога. Последние дни свои он провел во Львове и там в декабре 1583 года окончил жизнь свою. В церкви преподобного Онуфрия показывают простой надгробный с надписью камень, над ним положенный.

7. Медленные успехи книгопечатания в Москве

По изгнании Федорова и Тимофеева из заведенной ими в Москве типографии едва ли было что-либо издано в течение тринадцати лет. Хотя папский нунциус Поссевин и уверяет, что при нем особенная типография находилась у царя в Александровской слободе, а посол английский Флетчер повествует, что ночью подожгли ее суеверы. Но не прежде 1577 года напечатана в Москве Псалтирь, а с 1590 по 1592 год вышли две Триоди, постная и цветная. Из послесловия сих книг явствует, что типографщиком был тогда Андроник Тимофеев, по прозванию Невежа. Им же отпечатаны в 1597 году и в 1600 году Апостол и Минея общая. В смутные времена с разорением Москвы пострадал и московский типографский дом; однако несправедливо, как пишет г. Шлецер, будто бы совсем истреблен был; ибо нам известен Апостол, изданный в 1606 году типографщиком Невежею, по повелению Лжедимитрия. Книга сия начата печатанием прежде вторжения в Москву самозванца; но в том же 1606 году, при царе Василии Иоанновиче Шуйском, появилось Евангелие, отпечатанное в царских палатах, где тогда помещалась типография, управляемая Онисимом Михайловым Радишевским Волынцем. В предисловии к общей Минее, изданной 1609 года при сем же царе, сказано: «Василий Иоаннович повеле в Москве сделати новую штанбу, еже есть печатных книг дело, и дом новый устроити превеликий повеле, в нем же божественного писания печатным тиснением совершатися». Но бедствия, постигшие царя Василия, не допустили привесть в исполнение сего предприятия.

* сосуды.— **С. Д.**

8. Построение царем Михаилом Феодоровичем Печатного двора на Никольской улице и успехи книгопечатания

По воцарении Михаила Феодоровича и по возведении на патриарший престол родителя его Филарета Московская типография издала много книг богослужебных, которыми сей набожный первосвященник тщательно снабжал опустошенные во время смятений храмы божьи. Тогдашний недостаток в писцах преодолел прежние предрассудки в народе, и самые упорные противники нововводств убедились, сколь полезно и благотворительно книгопечатание. При царе Михаиле в 1645 году на Никольской улице построены палаты для тиснения церковных книг с огромными воротами. По изображению на них двух единорогов многие ошибочно полагали, что тут был двор английских купцов и приезжавших в Москву великобританских послов, чему в доказательство приводят расписанные комнаты, в которых будто они живали; но известно уже, что двор, тогдашней Английской компании принадлежавший, находился на Варварке. Послы же и посланники всегда останавливались во дворе посольском на Ильинке. На воротах типографских при царе Михаиле сделаны были солнечные часы, служившие поверкою для боевых городских часов. При царе Алексее Михайловиче Духовная типография напечатала весь церковный круг и несколько гражданских книг славянскими буквами. В царствование его книгопечатание доведено было до такого совершенства в чистоте и красивом расположении букв, что иностранцы сравнивали московское тиснение с лучшими в Европе. После приложенного к первому московскому Апостолу изображения и фигурных заставок, резанных на дереве, встречаются в книгах XVII века отливные свинцовые оттиски, а потом уже гравированные на меди.

9. Погодные записки, до Духовной типографии касающиеся

Исправлявший церковные книги, Никон патриарх завел две типографии: одну в Хутынском новгородском монастыре, а другую в Иверском на Валдаях. Первая из них недолго существовала. Последняя ж составилась из находившейся обители Кутеинской. Никон по случаю происходившей в Литве войны вызвал оттуда рассеянную страха ради братию и дал средство перевесть в Иверской монастырь книжную печатню со всяким снарядом и в 1655 году переселить к себе печатных тамошних мастеров. При патриархах Духовная в Москве типография находилась под управлением их. С 1671 года начали там печатать жалованные за службу грамоты, на отчины боярам, окольничим, думным дворянам и думным дьякам выдавались оные с заставицей (верхним украшением) и начальной буквой киноварными; на грамотах же ближних людей одна только первая буква отличалась красною, а стольникам, стряпчим, дворянам московским и жильцам выдавались оные с заставицами и буквами черными. При сем учредился особый сбор в пользу типографии, за каждую четверть жалованной царем земляной дачи по две деньги. В 1683 году типография имела уже капитала до 28 000 рублей и содержалась, не заимствуя ниоткуда на свои потребности денег. Духовная книгопечатня имела разные названия: при учредителе ее царе Иоанне IV именовалась она **Домом, иде же печатное дело строилось,** при царе Михаиле **Двором книг печатного тиснения;** в 1639 году переименована **Книжным печатным двором;** а при царях Иоанне и Петре начали называть **Книжным печатным приказом.** 1700 года правитель типографии был монах Карион Истомин. 1701 [года] генваря 31-го государь Петр I, упразднив верховную власть первосвященника, повелел принадлежащим дому Патриаршему монастырям и отчинам монастырским быть в ведении монастырского приказа, которым управлял боярин Иван Алексеевич Мусин-Пушкин, а посему марта 11-го и Печатный двор подчинен был тому ж начальству. В сем же году заведены в типографии шрифты греческих и латинских букв; сперва напечатан букварь, а потом и лексикон. Для научения составлению чернил и всякому книжному урядству послан был из Москвы тогда ж в Киевскую и Черниговскую типографии знаменщик Михаил Дмитриев. С 1703 года начали выходить из сей типографии газеты, славянскими буквами печатаемые, под следующим названием: **«Ведомости о военных и иных делах, достойных знания и памяти, случившихся в Московском государстве и во иных окрестных странах».** Тогда же Петр I выписал из Амстердама трех мастеров для печатания книг гражданскими буквами и для научения тому русских. На заведение особых для того станов пожаловал он из Монастырского приказа шесть тысяч рублей безвозвратно. Из упомянутых трех мастеров известно имя только одного Андрея Сирбала. До сего времени в типографии нашей не употребляли арабских чисел. Арифметика Магницкого появилась первая с сими цифрами в 1703 году; однако ж русские знали их прежде: они видны на рисунках при книге: **«Учение и хитрость ратного строя пехотных людей»,** изданной в Москве 1647 года; рисунки ж к ней гравированы вне России. Первое употребление из гражданских литер сделано в 1705 году. Государю Петру I подне-

сен был для опыта отпечатанный в новый год начальный лист газет московских. 1708 года прислан был из Оружейной палаты гравер Петр Пикард с учениками его Иваном Зубовым и Василием Тимофеевым в ведомство Печатного двора, для гравирования издаваемых чертежей и фигур. Они производили сию работу в отведенном им особом доме близ Немецкой слободы. В сем же году вышла из Духовной типографии книга, вся гражданскими буквами напечатанная в 8-ю долю листа под заглавием: **«Приклады, како пишутся комплименты, то есть от потентатов к потентатам поздравительные и иные, также между сродников и приятелей»** (перевод с немецкого). Первый календарь в Москве напечатан был 1686 года в лист, церковными буквами; но гражданскими буквами, кроме известного под названием Брюсова календаря, издан 1709 года в 4-ю долю листа, и потом на следующие года постоянно продолжалось издание календарей; название месяцесловов им дано гораздо позже [в] 1710[-м]. Для издания исторических книг получены из Амстердама гражданские литеры, отлитые по тем образцам, которые самим государем были выправлены. В 1711 году, по заимствованию из Москвы печатников и разных потребностей, заведена в С.-Петербурге при Синоде типография, в которой сперва напечатан был морской устав и корабельные сигналы; а потом начали там и церковные книги печатать. 1714. Гравер Пикард с учениками взят в Петербург; а при Московской типографии оставлен мастер Зубов. 1716. Протектором типографии был Святейшего Синода советник, Троицкого Сергиева монастыря архимандрит Гавриил Бужинский. 1718. Начали употреблять на печатание указов, подорожных и газет бумагу, делаемую в С.-Петербурге на Дудоровских мельницах; но церковные книги долго и после того печатались на иностранной бумаге. 1721. Повелено быть Духовной типографии под главным управлением Святейшего Синода, и Печатному приказу называться **Канцеляриею типографскою.** 1723. Определен в типографию гравер Степан Коровин, обучавшийся гравировке в Париже. 1724. Резчиком на дереве для заставок, или виньетов, находился при типографии монах из Знаменского монастыря Макарий. 1725. Из четырнадцати станов убавлено семь, оставлено только четыре для церковных и три для гражданских; число мастеров при каждом также уменьшено было. 1726. За умалением денежных доходов, типографская канцелярия выдавала жалованье директору, секретарю, справщикам, канцелярским служителям, чтецам и мастеровым не деньгами, но книгами с предоставлением права продавать оные. 1727. Повелено быть типографиям в С.-Петербурге при Сенате и Академии; а находившиеся там при Синоде и Александро-Невском монастыре печатные станы возвращены в Москву. С 1732 года начали выдавать жалованье директору, справщику и прочим чинам не книгами, как было за шесть лет пред сим, но деньгами, для пресечения, как сказано в указе, всяких непотребств и траты государственного интереса; ибо книги, выдаваемые им, продавались выше настоящей цены, от чего произошла в народе тягость и убытки. В конце сего года директор типографии Барсов взят был в Тайную розыскных дел канцелярию и отправлен в С.-Петербург. По сему случаю указом Святейшего Синода повелено быть за директора справщику Андрею Иванову под ведением Иоакима, архиепископа ростовского. С 1737 [года] жалованье состоящим в статской службе разных мест и сей типографии чиновникам и мастеровым по именному указу отпускалось не деньгами, а сибирскими товарами, но как при случившемся 29 мая в Троицын день пожаре, от которого сгорело в Москве 60 церквей и большая часть казенных и частных домов, в том числе и многие амбары с сими товарами сделались жертвою пламени, то и сия выдача для всех прекращена. 1761. Куплен находившийся возле типографии графа Шереметева двор с каменными старинными палатами, и заплаченные за оный 15 000 рублей и пошлины указом предписано разложить на вновь выходящие книги, токмо не более десяти процентов.

10. Новейшее построение двух типографских домов

По сломке купленного у графа Шереметева ближайшего к типографии дома императрица Екатерина II повелела на том месте вдоль по Никольской улице выстроить большое в два этажа здание новейшей архитектуры с четырьмя в средине тосканскими полуколоннами, поддерживающими аттик с небольшим над ним куполом. Между колонн помещены большие ворота с аркою, в коей на треугольнике изображено всевидящее око в сиянии. На каждой стороне сего продолговатого здания поставлено по две тосканские пилястры с небольшими фронтонами. Когда ж главный по улице корпус, построенный при царе Михаиле Феодоровиче для Духовной типографии, пришел в ветхость, то государь император Александр Павлович в 1811 году приказал построить его вновь. Теперь мы видим на том месте воздвигнутое здание готической архитектуры новейшего вкуса с порталом о четырех полуколоннах, испещренных лепною работою с капителями коринфического ордена и с пирамидами над карнизом. Во фронтоне изображен орел, а

над готическою аркою, составляющею ворота, помещен по-прежнему лев с единорогом, держащие вензелевое имя царствующего созидателя. По сторонам арки, между окон верхнего и нижнего этажей, находятся двое солнечных часов, а над ними две надписи. На одной повторено прежнее изваяние о построении типографского дома царем Михаилом Феодоровичем, а другая означает новую постройку оного в 1814 году.

11. Нынешний штат Духовной типографии

По штату, в 26-й день января 1822 года высочайше утвержденному, управление Московской синодальной Духовной типографии вверено директору и товарищу его. При них находятся секретарь, бухгалтер, эконом, инспектор, для письменных дел канцелярских служителей 18, для содержания караула и посылок 26 инвалидов, при одном унтер-офицере, корректоров 8, чтецов 8, фактор 1, помощник его 1. При двадцати станах церковной и при двенадцати станах гражданской печати наборщиков 32, тередорщиков 52, подъемщиков 16, учеников при наборе 30. При отливке литер: мастеров 6, подмастерьев 6 и учеников 6. При разных художествах и мастерствах, относящихся к книгопечатанию: при рисовальном, граверном, пунсонном, столярном и слесарном — мастеров 7, подмастерьев 6, учеников 7. Жалованье чиновникам, служителям и все расходы производятся из суммы, за продажу печатаемых церковных книг выручаемой.

ГЛАВА IV

СЛАВЯНО-ГРЕКО-ЛАТИНСКАЯ АКАДЕМИЯ

1. Учители и училища, в Москве прежде бывшие

В Москве и других городах при монастырях издавна заведены были духовные училища, в которых обучали токмо российской грамоте, писать, петь и явственно читать. Из сих учеников с помощью начитанности переведенных с греческого языка книг являлись красноречивые и знающие люди. Когда митрополит Филипп I состязался с бывшим 1472 года в Москве папским легатом о вере, то вспомоществуем был московским **книжником** Никитою. Присланный к в. к. Василью Иоанновичу в 1514 году от константинопольского патриарха инок из славной на горе Афоне обители Ватопедской ученый-грек Максим обучил греческому языку несколько из русских молодых людей. Некоторые ученики его известны не только многими переводами, но и сочинениями, как-то: Влас, Димитрий, Михаил Медоварцев и иноки — Сильван, Зиновий и Нил. При царе Иоанне Васильевиче на соборе [в] 1551 году постановлено было, чтоб в Москве и во всех городах избранные епархиальными архиереями священники и дьяконы в домах своих обучали предназначаемое для духовного звания юношество чтению, пению и писанию, наставляя паче всего в страхе божием и благочестии. Патриархом Филаретом Никитичем заведена была в Чудове монастыре школа, где преподавалось учение греческого языка и риторика. По кончине его приехавшие 1649 года в Москву Киевобратского Богоявленского монастыря иноки Арсений и Епифаний не только поддерживали сие училище, но исправили Библию и перевели много богословских книг. В 1651 году царь Алексей Михайлович присоединил к сим ученым и другого из Киева иеромонаха Дамаскина Птицкого. Архимандрит Селунского Георгиевского монастыря, узнав от единоземцев своих о царском покровительстве ученым, писал 1658 года к государю о принятии его с келарем для обучения российского юношества греческому языку. Бывшие 1668 года в Москве Вселенские патриархи александрийский Паисий и антиохийский Макарий особенною грамотою дозволили россиянам обучаться разным наукам на греческом, латинском и славянском языках, противящихся же тому предали клятве.

2. Учреждение Духовной академии

Славяно-греко-латинскую академию учредил в начале 1682 года царь Феодор Алексеевич, предопределив для оной Заиконоспасский монастырь.

Жалованная его грамота* в осьмнадцати статьях, вмещающая в себе устав академический, доказывает обдуманность всех предметов, до сего постановления относящихся. Для поддержания академии в неоскудеваемом довольстве щедрый государь приписал к ней пять монастырей: Рязанский Богословский, Андреевский в Москве, Стромынский Троицкий, Нико-

* Сия жалованная грамота напечатана в Вивлиофике Новикова второго издания часть VI. Стр. 297. **(Примеч. авт.)**

лаевский Пешношский, Борисоглебский и Медведеву пустыню с принадлежащими к ним селами, деревнями и угодьями. Сверх того предоставил он сему новозаводимому Духовному училищу в Верейском уезде Вышгородскую волость с крестьянскими и бобыльскими дворами и мельницами, восемь пустошей со всеми угодьями и в Чугуеве на Опакове Колодезе пасечное место. Преждевременная кончина царя Феодора Алексеевича не допустила совершить начатого дела. Жалованная грамота осталась неподписанною и Государственною золотою печатью не утвержденною. Проект сего благоразумного акта приписывают Симеону Полоцкому, воспитателю сего государя.

3. В малолетство царевичей Иоанна и Петра учреждение академии не было поддержано

От малолетства воцарившихся двух преемников Феодоровых, братьев его Иоанна и Петра, от Стрелецких бунтов, от раскольничьего своевольства и от преступных замыслов царевны Софии недоставало правительству времени привесть в исполнение благое намерение учредителя; недоставало тогда и ревностного ходатая у престола царского в пользу наук и просвещения. Учение поддерживалось одним пришедшим в 1679 году из Иерусалима иеромонахом Тимофеем, природным россиянином, жившим долго в Палестине, у которого находилось тридцать мальчиков, обучавшихся греческому языку. Помещение их было в типографских верхних палатах.

4. Выезд двух ученых греков братьев Лихудиев

В 1685 году приехали в Москву присланные от Вселенских патриархов два учителя, греки, родные братья, иеромонахи **Иоаникий и Софроний Лихудии** с одобрительными от греческого духовенства грамотами и свидетельствами от Патавской академии в знаниях богословских и философских и в языках еллинском и латинском. Им поручено было несколько старших учеников для довершения учения, а жить и преподавать науки приказано в Богоявленском монастыре. Чрез два года, когда усмотрены были правительством успехи учащихся, то дозволено сверх прежних набрать из дворянских детей сорок человек и несколько разночинцев. К поддержанию новозаведенной школы недоставало двух главных способов: покровительства от бывшей власти и денег на содержание. Чужеземец, вызванный из Греции для нотного писания иеродьякон Мелетий, дал ход делу общеполезному, отказав по смерти своей обоим братьям Лихудиям на построение каменного здания для академии две тысячи рублей. Патриарх Иоаким принял в том участие и заложил в Заиконоспасском монастыре двуэтажные палаты для школы. Через год они отстроились под надзиранием Лихудиев и ученика их Федора Поликарпова.

5. Успехи и упадки академии с 1686 по 1745 год

Освящение и открытие сего благодатного училища патриарх сам совершал с великим торжеством и перевел в оное учителей и учащихся из Богоявленского монастыря. Таким образом положено было в Заиконоспасском монастыре первое основание академии с великою пользою для всего государства, воспитавшей в продолжение ста двадцати лет достойных служителей алтарю господню, просвещенных чиновников отечеству и мужей ученых для Московского университета и академий. Там преподавалось учение грамматики, поэзии, риторики, диалектики, логики и физики на греческом и латинском языках. Но зло скоро вкралось в святилище муз. Любомудрых братьев Лихудиев начал притеснять строитель монастыря монах Сильвестр Медведев с известным единомышленником его окольничим Шакловитым. Один из Лихудиев, стараясь приобресть благосклонность царевны Софии, сочинил к портрету ее стихи и в день ее рождения произнес пред нею похвальную речь на латинском языке, за что подвергся гневу брата ее, царя Петра Алексеевича. Патриарху также оклеветали их обоих. Святейший повелел отлучить их от школ; сперва оба они сосланы были в Новоспасский монастырь, а потом в костромской Ипатьевский под начал, где находились безвыходно пятнадцать лет под присмотром. Продолжить учение в академии на одном только еллино-греческом языке возложено было на двух старших учеников: **Николая Семенова и Федора Поликарпова;** но чрез пять лет и сих отлучили. Патриарх Адриан повелел им быть справщиками в Духовной типографии, а школы поручил иеромонаху чудовскому Иову, ученику братьев Лихудиев. Чрез несколько месяцев потом возвратился из Рима иеромонах Палладий Роговский, ученик московских же греческих школ, путешествовавший в западных странах для усовершенствования в науках. Его посвятили в игумены Заиконоспасского монастыря и сделали главным учителем. Он не знал греческого языка, а потому приказано ему было преподавать науки только на латинском. Вскоре и сия подпора академии рушилась, он недолго жил. Когда же скончался и патриарх Адриан, то все управление духовных дел возложено было на рязанского митрополита Стефана Яворского. Тогда-то указом

Петра I повелено было завести в академии полный курс наук на латинском языке. Яворский, быв блюстителем патриаршего престола, вызвал в 1701 году из Киева лучших учителей духовного звания и определил не только им, но и ученикам годовое жалованье. В то время учителей в академии было до девяти, а учеников до трехсот пятидесяти. Он испросил у государя именное позволение, воспрещающее жителям Москвы отдавать детей своих в научение иностранцам, от которых нечувствительно могут они заимствовать иноверство, к ущербу господствующего в России вероисповедания. В управлении школ участвовал и боярин Иван Алексеевич Мусин-Пушкин, как главный начальник Монастырского приказа. При торжественном Петра I вшествии в Москву по случаю первых побед, одержанных им над шведским королем Карлом XII, сооружены были пред академиею триумфальные ворота с приличными победителю эмблемами. Над входными воротами в академию была латинская надпись под свечою, горящею в тумане: non mihi, sed aliis, т. е. **не себе, а другим.** Когда государь приблизился к оным, то к нечаянному для него удовольствию ученики приветствовали его речами на греческом и латинском языках и пропели сочиненные на сей случай стихи. Яворский воспользовался благорасположением монарха и тогда ж исходатайствовал обоим братьям Лихудиям свободу. Они возвращены были в Москву и поручено им обучать юных россиян греческому языку на Казанском подворье. В 1704 году учреждена была в Заиконоспасском монастыре архимандрия с таким положением, чтоб архимандриты оного имели звание и ректоров академии, первым был Сильвестр Крайский. В помощь ректорам определялись префекты. В школах, помещенных на Новгородском и Казанском подворьях, начали учить и разным иностранным языкам: немецкому, французскому, италианскому и шведскому. Государь приказал выдавать на сие из Монастырского и Поместного приказов по 2000 рублей в год. В 1711 году находилось там семь учителей иностранцев и обучавшиеся были по большей части из дворян. Родителей обязывали подписками, чтоб они детей своих до окончания учения с Москвы никуда не увозили и заставляли бы учиться неленостно.

Чрез четыре года учителя и ученики сих школ, немецкими называемых, отосланы были по изволению государя в Санкт-Петербург. Оставшимся после их школьникам греческого, латинского и российского классов определено было для поощрения к наукам бедных кормовое поденное жалованье, а именно: азбучникам по **две**, октавщикам и псалтирщикам по **три**, грамматичникам, которые в осьмочастии, по **четыре**, а которые в композиции, по **пяти;** в пиитике ж и риторике по **шести** денег на день. Иоаникий Лихудий скончался в 1717 году и похоронен в трапезе Заиконоспасского монастыря; а брат его Софроний 1722 года уволен от обучения и посвящен в архимандриты рязанского Солотчина монастыря. После их учителем греческой школы был природный грек Афанасий Скиада, при котором перевели ее на прежнее место в типографский дом. Поступивший на рязанскую епархию после скончавшегося митрополита Стефана протектором сей школы епископ и Святейшего Синода советник Гавриил Бужинский приказал присоединить ее к академии, тогда светский учитель Скиада отказался от обучения, и на место его определен ученик Лихудиев **Алексей Кириллов Барсов.**

6. Штаты академии и определение директора

В 1745 году сочинен штат академии и определено отпускать на содержание оной по 4500 рублей. 1761 года дозволено ректорам носить мантию со скрижалями и иметь посох с яблоками. В 1765 году февраля 17-го объявлен именной указ Святейшему Синоду генералом Григорьем Александровичем Потемкиным, чтоб поднесен был императрице Екатерине II доклад о приискании для академии удобнейшего места и о сделании надлежащего учреждения о числе учителей, учеников и сумме, на улучшение сего духовного училища потребной. Вследствие чего хотя и сочинен был при докладе план и штат, но остался без утверждения. В ноябре того ж года Св. Синод предоставил московскому архиепископу Платону в звании директора распоряжать внутренним устройством Заиконоспасской академии, не списываясь с Синодом. В 1782 году распространено право директора и на перемену учителей по его благоусмотрению, кроме ректора и префекта. Император Павел I по состоявшемуся в 1797 году новому штату определял на академию ежегодно по 12 тысяч рублей, и по его ж повелению указом Синода от 1 февраля 1800 года дана власть митрополиту Платону определять в академию префекта и проповедников по собственному выбору. Под одним с Заиконоспасскою академиею главным начальством сего митрополита стояло шесть семинарий: 1. в Сергиевской лавре, заведенная 1742 года, 2. Вифанская с 1797-го, 3. Перервинская с 1775-го, 4. Коломенская с 1740-го, 5. Звенигородская с 1775-го, 6. Дмитровская с 1777 года.

7. Новое образование Духовной академии и перемещение Московской в Троицкую лавру

Государь император Александр Павлович, желая доставить прочные правила греко-рос-

сийскому духовенству, как в просвещении оного, основанном на истинном благочестии, так и в способах содержания, благоволил 1807 года ноября в 29-й день учредить комитет для усовершенствования духовных училищ. По предначертаниям оного в 17-й день февраля 1809 года торжественно открыта Санкт-Петербургская академия в новом образовании, а в 1814 году октября 1-го по изготовлении классов и по прибытии из С.-Петербурга профессоров, воспоследовало таковое же открытие и Московской академии, перемещенной в Троицкую Сергиеву лавру. В ректоры оной предписанием Комиссии духовных училищ определен прежде бывший заиконоспасским архимандритом Симеон Крылов, но звание префекта отменено. Тогда ж по Московскому округу открыто девять семинарий, тридцать уездных и столько ж приходских училищ. В Заиконоспасском монастыре учреждено уездное училище под ведомством особого архимандрита. Для сего училища ныне построено там правильной архитектуры здание на том самом месте, где была прежняя академия.

ГЛАВА V

СУДЕБНЫЕ ПРИСУТСТВЕННЫЕ МЕСТА, ПРЕЖДЕ БЫВШИЕ И НЫНЕШНИЕ

1. Прежде бывшие присутственные места

До осьмнадцатого столетия при великих князьях и царях управление всего государства сосредоточивалось в первопрестольной их столице и состояло под ведомством нижеследующих гражданских судилищ и разных приказов.

Ближняя большая дума была исстари верховным судилищем в России, подобным нынешнему Государственному Совету, в котором председали иногда и сами государи. Место присутствия обыкновенно бывало во дворце. Думу сию составляли бояре, окольничие, думные дворяне, печатник и думные дьяки, и все назывались **думными людьми.** Они рассуждали о важнейших государственных делах, и по решениям их, утвержденным от государя, рассылались грамоты и указы.

Приказ Большой казны. Под ведомством его состояли все государственные доходы, и главною обязанностью его было наблюдать, чтоб те доходы без тягости народной добрым порядком умножались, чтоб отяготительные для промыслов и земледелия облегчались и чтоб расходы правильно и без излишества употребляемы были. Сей приказ имел для отчетности обстоятельные окладные книги, как общую всем доходам и приходам, так и каждому месту особую, различая роды сборов и налогов по статьям. Учреждение сего приказа относить должно к царствованию царя Михаила.

Казенный двор, учрежденный царем Иоанном Васильевичем, заведовал собственную государеву казну, из которой жалованы были в награду за услуги серебряные кубки, кружки и ковши, также шубы, парчи, соболи, камки, сукна и проч. В Казенном приказе хранились все те драгоценности и царская утварь, к коронации принадлежащая, которые находятся ныне в Оружейной палате. Для особенного покровительства торговле царь Алексей Михайлович повелел гостям и гостиной сотне состоять под ведомством Казенного приказа.

Печатный приказ, в начале царствования Михаила Феодоровича упоминаемый; в нем под председательством печатника ко всем записям, крепостям, разным грамотам и всяким сделкам прикладывалась казенная печать и пошлины печатные взимались.

Приказ Большого дворца. В подведомости его состояли отдельные три приказа: **Сытный, Кормовый, Хлебный** и множество дворцовых прислужников, как-то: **ключники, чарошники, стряпчие, сытники, подключники, трубники, сокольники, псари, царицыны дети боярские и воеводы** тех городов, откуда получались дворцовые доходы. О распоряжениях сего приказа упоминается в 1572 году. Он заготовлял всякие для дворца столовые припасы и состоял под управлением боярина-дворецкого.

Житный приказ, при великом князе Иоанне Васильевиче для отвращения голода учрежденный. От оного зависели **житные** во всех городах **дворы.** Хлебного в них запаса было всегда на три года, и одна треть семян старых ежегодно продавалась, а для пополнения на торгах по деревням столько же покупалось; в случае же недорода, продавая две доли, пополняли только одну треть новым.

Разрядный приказ, или просто Разряд. Хотя упоминается о нем только с 1590 года, но вероятно, что начало свое он задолго прежде того времени получил. Сей приказ распоря-

жал дворянами, определял их к должностям, посылал на службу и разбирал споры между ими о местничествах. Он имел даже власть наказывать их за ослушание.

Приказ сбора ратных и даточных людей, учрежденный около 1632 года пред начатием войны с Польшею. Должность его состояла в наблюдении за сбором полного числа ратников, на службу в полки назначенных.

Полоняничный приказ, в ведении коего находились все иностранные пленные и денежный сбор на искупление россиян, страдавших у татар в плену. О сем приказе упоминается с 1662 года.

Земский приказ известен с 1572 года. Он был то же, что ныне Управа благочиния, с тем только различием, что в нем все воровства и разбои, не только в Москве, но и в приписных к ней городах случавшиеся, следованы, разысканы и вершены были. В 1597 году упоминается о двух земских дворах под названием **Старого** и **Нового.**

Разбойный приказ значится с 1579 года. В нем судилище[м] исследовались всякие уголовные (убийственные и татейные) дела, и допросы производились с пытками. В 1682 году он назван был Розыскным приказом.

Иноземный приказ значится с 1628 года; ему подчинена была Немецкая слобода со всеми живущими там иноземцами и все иностранцы, служившие в войске российском.

Московский судный приказ, где разбирались всякие тяжебные по Москве и по всем прочим городам дела. О сем приказе упоминается в 1598 году.

Поместный приказ. В сем приказе, известном с 1563 года, производились дела о верстании дворян поместными землями, о придаче поместий за службу и о выдачах на прожиток вдовам с малолетними детьми умерших на государевой службе мужей.

Стрелецкий приказ, упоминаемый с 1572 года, управлял всеми стрелецкими войсками.

Холопий суд, в ведомстве которого все холопы состояли, учрежден при в. к. Иоанне Васильевиче и был известен прежде 1500 года; потом уничтожен, а 30 сентября 1683 года возобновлен под названием **Холопьего приказа.**

Патриарший судный приказ упоминается с 1626 года; в нем производились всякие дела, касающиеся до духовенства с принадлежащими к сему сану служителями и разного звания людьми. Сей приказ до упразднения патриаршего в России престола состоял в полном распоряжении святейших первосвященников, которые имели при себе, подобно царскому двору, разных чиновников светских, как-то: стольников, дьяков, детей боярских и проч.

Монастырский приказ упоминается в записных книгах 1628 года. Оный управлял деревнями, монастырям принадлежавшими, и между монастырскими крестьянами суд и расправу производил.

Приказ Казанского дворца известен с 1597 года, в нем сосредоточивалось главное управление **Казанского, Астраханского** царств и всех понизовых городов. **Воеводы, дьяки, приказные люди, татарские, стрелецкие и казачьи головы, служилые татары, новокрещенцы, тарханы, чуваши, черемисы, мордва и башкирцы** под ведомством сего ж приказа состояли.

Сибирский приказ, упоминаемый с 1637 года, от которого зависела **Сибирь и сибирские иноверческие народы.** В 1682 году повелено отправление посольств в Китай и приезды посланцев от мунгальских и калмыцких владельцев ведать в сем же приказе.

Смоленский приказ. В нем ведомы были города: **Белый, Велиж, Дорогобуж, Красный, Рославль, Себеж, Смоленск** и иные. Сей приказ учрежден был по завоевании Смоленска в 1654 году.

Малороссийский приказ, которому подчинены были завоеванные в 1656 году города: **Киев, Чернигов, Нежин, Переяславль** и **Новобогородицк.** От сего ж приказа зависели приезды из Малороссии духовных и светских посланцев, отправления туда разного звания людей и переписка с гетманами по пограничным польским и татарским делам.

Литовский приказ. По завоевании в 1656 году Великого княжества Литовского все дела сего княжества подчинены были сему приказу. По уступке Литвы мирным Андрусовским постановлением Польскому королевству сей приказ сам собою уничтожился.

Великороссийский приказ, в котором ведомы были **Ахтырского, Сумского, Харьковского, Изюмского** слободских полков дела с 1688 года. Сверх упомянутых в Москве находившихся приказов управление прочих областей российских разделено было на четыре части, которые назывались **четвертями,** а сокращенно **четьми.** Все они учреждены в царствование Михаила Феодоровича около 1627 года. Новгородская четверть имела управу над **Арзамасом, Вологдою, Двиною, Кольским острогом, Красным, Ладогою, Нижним, Новгородом Великим, Олонцом, Псковом, Пустозерским и Тесовским острогами** и над **новгородскими гостями.** Под ведомством сего приказа в 1667 году строены были корабли Коломенского уезда в селе Деднове для плавания по Хвалынскому (Каспийскому) морю. Владимирская четверть, в ней ведомы были города: **Болхов, Боровск, Верея, Владимир, Волоколамск, Воротынск, Заволочь, Зарайск, Калуга, Крапивна, Лих-**

вин, Луг, Михайлов, Орел, Переславль-Рязанский, Путивль, Ряжск, Ржева Пустая, Сапожок, Таруса, Тверь, Торжок и Тула с другими городами. Устюжская четверть управляла: **Бежецким Верхом, Веневом, Вязьмою, Гремячим, Звенигородом, Клином, Можайском, Погорелым Городищем, Пошехоньем, Ржевою Владимировою, Рузою, Солью Вычегодскою, Старицею, Тотьмою, Устюгом Великим, Устюжною Железнопольскою и Чарондою.** Галицкая четверть; к ведомству ее принадлежали города: **Белев, Галич, Карачев, Кашин, Кологрив, Коломна, Кашира, Мценск, Мещовск, Новосиль, Парфентьев, Ростов, Сольгалицкая, Судогда, Суздаль, Унжа, Чухлома, Шуя** и **Юрьев-Польский.** О прочих приказах: Посольском, Аптекарском, Бронном, Денежного дела, Каменном, Пушкарском, Тайных дел и Ямском упомянуто будет о каждом особо по их местным положениям.

2. Помещение нынешних присутственных мест в зданиях бывшего Монетного двора

Когда государь Петр Великий преобразил гражданское управление, учредил коллегии и разделил Россию на губернии, то судебная управа Москвы с тогдашними ее провинциями подчинилась Губернской канцелярии. Императрица Екатерина II, положив новое основание для разделения империи, узаконила всем губерниям руководствоваться сочиненным ею учреждением, по которому воспоследовало 1782 года октября 5-го открытие и Московской губернии. В обширных зданиях, прикосновенных к Воскресенским воротам, где прежде был Земский приказ, а в 1696 году построен на том месте Монетный двор, помещаются ныне нижеследующие присутственные места: Губернское правление, Казенная палата, два департамента Уголовной палаты, два же департамента Гражданской палаты, Совестной суд, Приказ общественного призрения, два департамента Уездного суда, Дворянская опека, три департамента Надворного суда и Земский суд.

3. Другое помещение в здании прежде бывшего Аптекарского приказа

Против Губернского правления от Красной площади с левой стороны находится довольно красивое готической архитектуры здание с башенкою наверху. Прежде был тут Аптекарский приказ, царем Алексеем Михайловичем построенный, тут же находилась и дворцовая аптека, к которой принадлежал сад, исстари заведенный для целебных растений. Он расположен был между Никольскими и Спасскими воротами по наружной кремлевской стене за каменным рвом, ныне засыпанным. Императрица Елисавета Петровна пожаловала сие здание учрежденному ею в 1755 году Московскому университету, где находилась типография его с книжною лавкою. В 1799 году император Павел I, учредив в Москве Ратгауз, предоставил сей дом Московскому Купеческому обществу. С того времени помещаются в нем Городская дума и магистратские департаменты; прежде тут же продавались с публичного торга и имущества несостоятельных должников; а переднюю часть, обращенную к Красной площади, занимает теперь Депутатское собрание московского дворянства. В присутственной там камере хранится серебряный большой ковчег, в котором положена всемилостивейше пожалованная государем императором дворянству грамота в изъявление монаршего благоволения за пожертвование всеми припасами и вещами для войск в 1812 году, у дворян забранными. Под окнами Депутатского собрания выстроена в 1822 году гауптвахта.

4. Управа благочиния

С Никольской улицы близ Казанского собора входят в Управу благочиния. Первое установление полиции в Москве принадлежит ко временам великого князя Иоанна Васильевича. В 1504 году он приказал поставить на всех улицах рогатки, решетками тогда названные, которые для наблюдения тишины и безопасности по ночам запирались. При опустошавших столицу пожарах он сам днем и ночью являлся на коне с придворными и детьми боярскими, указывал, распоряжал, тушил огонь и не прежде возвращался во дворец, как погасив пламя. Царь Борис Годунов для охранения столицы от пожаров и для соблюдения в ней тишины и безопасности определял к разным частям города бояр, окольничих и дворян по близости домов их к каждой части. Царь Михаил Феодорович вскоре по восшествии своем на престол учредил для Городской управы Земский двор, который имел особенное попечение о прекращении разбоев и воровства, от продолжительного своевольства в смутные времена распространившихся, и сам назначал из надежных детей боярских в объезжие головы для огней и всякого в городе бережения. От времен царя Алексея Михайловича сохранился наказ, до градского благочиния касающийся. Москва разделена была при нем на несколько частей, которые подведомственны были опытным чиновникам; в помощь им придавалось по одному подьячему, по пяти человек решеточных приказчиков с Земского двора, и от каждых десяти обывательских дворов по одному человеку с рогатинами, топорами и водоливными

трубами. Они обязаны были на определенном для надзора их расстоянии объезжать все улицы и переулки днем и ночью, наблюдая, чтоб грабежа, драк, кормчества вином и табаком, также распутства нигде не было, чтоб злоумышленники и воры не поджигали домов, чтоб в жаркие дни весною и летом хозяева бань и поварен не топили, а готовили б себе пищу в отдельных кухнях и надворных печах и чтоб поздно вечером с огнем не сидели. Для предохранения от пожара приказано было иметь в каждом дворе наготове большие кадки с водою и веники на шестах, а зажиточным людям водоливные медные трубы и деревянные ведра, малоимущим же обывателям предписано складываться с пяти дворов на покупку одной заливной трубы. Сии трубы пригодны были токмо к погашению начинавшегося пожара, а при распространении пламени останавливали оный разламыванием соседних домов, и в сие время являлись уже набатом созываемые стрельцы с топорами, крюками и ухватами. При оказавшемся от стрельцов злоумышлении цари Иоанн и Петр повелели набрать даточных людей у бояр и дворян и употреблять их при случившихся пожарах. Неизвестно, почему сии даточные прозваны Алешами *. 1698 [года] февраля 10-го повещено было чрез бирючей на площадях и перекрестках, чтоб всяких чинов люди в третьем часу ночи не ездили по городу, а кто в те ночные часы станет ездить, с тех брать со всякого человека и с каждой лошади по две копейки. Указом 1700 года ноября 3-го государь Петр I, уничтожив Земский двор, повелел дворовые дела ведать в Стрелецком приказе. В 1718 году учредил он чин генерал-полицмейстера, а в 1722-м снабдил Московскую полицейскую канцелярию особою инструкциею. С тех пор полиция в Москве подвержена была разным изменениям и к лучшему, и к худшему; исправность и неисправность ее зависела более от личной расторопности и способности обер-полицмейстеров, нежели от насылаемых им указов. Императрица Екатерина II в сочиненном ею **Уставе благочиния** исчислила все обязанности для сохранения благоустройства в обеих столицах, и с тех пор изменения, происходящие от личных способностей, сделались не столь уж приметными. Нынешняя исправность московской полиции во всех ее частях такова, что немного остается пожелать к лучшему. По Уставу благочиния Москва разделена на два отделения, в коих состоит под разными названиями двадцать частей, а именно: в первом отделении — **Городская, Пятницкая, Серпуховская, Якиманская, Тверская, Пречистенская, Арбатская, Хамовническая, Новинская** и **Пресненская.** Во втором: **Мясницкая, Сретенская, Яузская, Басманная, Рогожская, Таганская, Лефортовская, Покровская, Мещанская** и **Сущевская.** Все сии части составляют 88 кварталов. Каждое из сих отделений заведывает особый полицмейстер, и еще один заседает для судебных дел в Управе благочиния. Все три полицмейстера подчинены обер-полицмейстеру и руководствуются в деятельности его направлением.

5. Пожарная команда

При каждой части находится пожарная команда в ведении брандмейстера с пятью или четырьмя трубами и со всеми огнегасительными орудиями. По сигналу с новопостроенных над частными домами высоких каланчей все пожарные команды, ложными тревогами к бдительности приученные, съезжаются в полчаса на пожар, а ближайшие поспевают гораздо скорее, ибо на запряжку лошадей полагается не более пяти минут. Образцом для двадцати пожарных команд служит бранд-майор, главный над брандмейстерами всех частей, имеющий особенную свою команду. Лошади у всех сытые, быстрые и красивые, сбруя и повозки надежные и даже щеголеватые, люди меткие и действовать без промахов приученные. Предусмотрение для затушения загоревшегося строения, для охранения соседственных домов и спасения людей, пламенем охваченных, неимоверное. Один лишь мороз двадцатиградусный может остановить сильное действие труб. Чтоб почувствовать всю цену благотворных в наше время действий полиции, надобно припомнить, как часто случались прежде пожары в Москве и сколько раз целая столица представляла из себя вид пылающего костра, деревянные дома исчезали, каменные распадались, сокровища пожираемы были огнем, сады наши обращались в уголь и люди сотнями сгорали. Не должно забывать и того, что наглость воров и разбойников доходила до крайности. Шайки их гнездились в самой столице. Ныне дозоры ночные и пятьсот будок, по улицам, переулкам и пустырям поставленных, обезопасили граждан от прежних убийств и грабительств.

6. Временная тюрьма

Под ближайшим надзором московского обер-полицмейстера состоит временная тюрьма, простонародно **ямою** называемая, потому

* Не от немецкого ли глагола lössen (гасить) происходит сие название? **(Примеч. авт.)** Современное написание глагола — löschen.— **С. Д.**

что помещена в каменном углублении, где прежде чеканились деньги. Надобно видеть, до какого благоустройства и опрятности доведено сие место, лишающее свободы неоплатных должников, нарушителей общественного порядка и праздношатающихся. Казармы мужеские отделены от женских; ожесточенные преступники, для допросов из тюремного замка приводимые, не смешиваются с проступившимися от неразумия; для тех есть особое помещение. Благолепный храм божий во имя Воскресения спасителя там ежедневно отверст для моления претерпевающим бедствие от судьбы и для умилостивления неба за необузданность своих страстей. Пища приготовляется для них в опрятной кухне здоровая: щи, каша и сытный хлеб ржаной. Вдобавок к тому добрые люди присылают в тюрьму калачи и другие съестные припасы. В сем печальном жилище не забыто и о бане; при омовении тела она припоминает содержащимися в тюрьме и об очищении нравственном. Не одни посещающие темницу, но самые тюремные в один голос благословляют того, чьим попечением облегчается бедственная участь их. Воздадим и мы достодолжную хвалу ему, назвав по имени московского обер-полицмейстера Александра Сергеевича Шульгина, чтоб и будущие начальники, поощряясь благодетельствовать страждущему человечеству, умели всегда содержать заключенных в таком же порядке и довольстве. Он занялся сею частью по собственному своему побуждению с самого вступления своего в должность. По доверенности, приобретенной им от сострадательных особ, много выкуплено из сей тюрьмы должников. Под именем неизвестных присылаются к нему для сего деньги тысячами рублей, и он дает отчет чрез Московские ведомости, за кого именно заплачено и сколько освобождено содержащихся за долги. Россияне имеют право гордиться сими чертами скромной добродетели, во святом евангелии заповеданной.

7. Мостовые

Иностранцы, за двести лет пред сим приезжавшие в Москву, весьма осуждали грязные улицы ее; повозки с лошадьми вязли тогда среди больших улиц, пешеходы кой-как переходили по бревешкам, от одного двора к другому положенным. При царе Михаиле Федоровиче были деревянные мостовые только в Кремле, Китае и Белом городе. В сентябре 1633 года приказал он для своего проезда в Троицкий Сергиев монастырь и в село Покровское намостить бревнами улицы за Земляным городом — Покровку и Сретенку. Из дикого камня мостовые в столице начали делать при государе Петре I в 1705 году, сперва в Кремле, потом в Китае и Белом городе. Разложив сию повинность не на одних граждан московских, он повелел привозить для сего камень и песок из всех городов и селений, которые не далее ста верст от Москвы, а с дальних собрать деньги. В 1722 году мостили уже и в Земляном городе не только улицы, но и переулки. Каждый обыватель обязан был сделать мостовую против двора своего с выпуклиною посредине и с скатом на обе стороны. Главнокомандовавший в Москве генерал Тутолмин, предполагая улучшить мостовые, склонил стоки на средину и возвысил края, но пользы от того никакой не последовало. Жители московские понесли напрасный убыток, так что чрез пятнадцать лет едва можно было привесть мостовые в то состояние, в каком они теперь находятся. Каменной мостовой считается во всей Москве 632 666 квадратных саженей, кроме тротуаров.

8. Освещение Москвы

За сто лет до наших времен улицы московские совсем не освещались. Жители города хаживали и езжали ночью с своими засвеченными фонарями. Первое повеление об освещении в Москве больших улиц воспоследовало от императрицы Анны Иоанновны 20 ноября 1730 года. Она приказала поставить на столбах одинаковой меры стеклянные фонари расстоянием один от другого на десять саженей. Представленный ей для образца фонарь стоил тогда один рубль. Деньги на сию потребность отпущены были из Статс-конторы; содержание ж в оных огня до полуночи и починки возложены были на живущих в тех улицах. Нынешнее устроение фонарей, доведенное до совершенства, производится от Шестигласной Думы из доходов городских, которая отпускает полиции на сие до ста тысяч рублей. Фонари засвечаются всякую ночь с 1 сентября по 1 мая, кроме ночей месячных. Всех фонарей в Москве 5010; в Париже считается их более 4777. Там освещается целый город в 40 минут, а в Москве в полчаса.

ГЛАВА VI

ТОРГОВЛЯ МОСКОВСКОГО КУПЕЧЕСТВА, ГОСТИНЫЙ ДВОР, РЯДЫ, МЫТНЫЙ И РЫБНЫЙ ДВОРЫ, ФРЯЖСКИЕ ПОГРЕБА И ЛАБАЗЫ

1. Торговля российская сосредоточивается в Москве

Москва есть средоточие российской торговли, общественное хранилище, в которое самая большая часть привозимых товаров входит и из столицы сей во все губернии и за границы отпускается. Чем прочие российские города часто славятся, то в Москве, будучи смешано во множестве, делает невозможным дробное исчисление. Главные ж отрасли московской торговли суть нижеследующие: I. Из иностранных государств купцы московские выписывают чрез Санкт-Петербургский порт европейские, американские, ост-индские и многих других народов разные товары, которые за продовольствием московских жителей отправляются во все отдаленные российские города на продажу. II. **В Кяхте на китайской границе** они выменивают на свои товары большое количество чаю, бумажных и шелковых тканей, крашеного шелку, сырцу и прочих произведений китайских. Шелки почти все расходятся в Москве для шитья, плетения блонд и для шелковых фабрик, ткани же из того продаются не только для употребления московским, санкт-петербургским и других великороссийских городов жителям; но знатное количество отпускается в Польшу, Белоруссию, Малороссию, к донским казакам и во все полуденные губернии. Чаю знатная часть продается в Москве, много отправляется в С.-Петербург, а остальное развозится по всем городам. III. **Из Сибири** получают пушной товар, или мягкую рухлядь. В Москве из оной некоторая часть выделывается в меха и продается, а оставшаяся за тем невыделанная отправляется в Польшу, Немецкую землю, Англию, Голландию, Францию, Турцию и Персию. IV. **Из Оренбурга** и других тамошних пограничных крепостей приобретается от бухарцев, хивинцев и киргизцев несколько серебра в слитках, самоцветные камни и товары, состоящие в пряденой хлопчатой бумаге и разных бумажных материях, мягкой рухляди и прочих того края произведениях. Из лучшей пряденой бумаги делают кумачи, оцвечивая их в красный цвет; излишнюю оставляют на чулки, колпаки и светильни. Ткани из хлопчатской бумаги, на здешних фабриках отработанные, продают в городах, а пушной товар, выделав, отпускают за границу. V. **Из Турецких областей** привозят в Москву разных сортов шелки, сафьяны, знатное количество кумачей и пряденой бумаги, жемчуг, греческие и молдавские вина, изюм, коринку, ладан, мастику, пряные и ароматические снадобья и прочие произведения Турецкой империи. Шелк почти весь расходится в Москве, а остающееся затем малое количество распродается по иным местам. Порты Одесский и Таврические, открыв нам прежний купеческий путь древних, могут соделать ее в наши времена обширнейшею и богатейшею в свете торговлею. VI. **Из Персии и Индии** привозимый чрез Каспийское море в Астрахань шелк-сырец почти весь переделывается на фабриках московских; оттуда ж идут к нам дорогие каменья, жемчуг, бирюзы и многоценные кашмирские шали. Все оное большею частию отпускается в С.-Петербург и продается в Москве. VII. **Из Польского царства** сухим путем получается великое количество шелковых, полотняных, бумажных и разных так называемых **панских** товаров, а сверх того купечество московское закупает на ярмарках в Лейпциге, Гданьске, Кенигсберге и других немецких городах множество всяких товаров, из коих часть некоторая расходится в самой столице. Как сии, так и все прочие товары развозятся по всем пространным пределам Российской империи. К распродаже их весьма способствуют три знатнейшие ярмарки: Макарьевская, Ирбитская и Коренная. VIII. **Из Архангельска** хотя товаров и немного приходит в Москву, но зато сей приморский город имеет на важные суммы вексельное обращение с купечеством в Москве, потому что от иностранных купцов за купленные ими товары даются большею частию обязательства на московские конторы, состоящие в сношениях почти со всеми торговыми европейскими городами. Российское купечество за покупные товары платит также векселями и переводами на конторы, отчего и пользуется значительным прибытком, а особливо за перевод денег в чужие края. О внутреннем вексельном торге и того не должно умолчать, что привозимые в Москву от С.-Петербургского порта и из других мест товары распродаются иногородним купцам и от них получают деньги с вычетом процентов. IX. Но **внутренняя** в Москве торговля по оборотам простирается на несметные суммы от множества живущих всегда в столи-

це и приезжающих из деревень издерживать деньги на свои надобности и прихоти. Притом же привозится в Москву великое количество товаров сырьем, кои перерабатываются в ее губернии. Подряды для обмундирования войск заключаются по большей части в Москве, а поставку сих потребностей снимают московские купцы, что доставляет не только им одним прибыль, но и несколько тысяч мастеровых получают от того свое пропитание. Взаимные всех состояний соотношения и связь в потребностях одним от других составляет то счастливое капиталов кругообращение, которое называют душою политического тела, ибо внутренняя в государстве торговля служит мерою богатств народных. С наступлением зимы беспрерывно идут из Москвы к С.-Петербургскому порту обозы с кожами, воском, салом и проч., а получаемая в сей столице из понизовых и украинских губерний пшеница, переделываемая на московских мельницах в крупитчатую муку, отправляется в С.-Петербург водою по реке Шоше. Крупного рогатого скота из Малороссии и с Дону пригоняется в Москву свыше тридцати тысяч скотин. Торг большою рыбою, соленою и свежею, и икрою также весьма значителен. От верховья рек Москвы, Рузы, Озерны и Истры приходит строевого и дровяного лесу на важные суммы, зимою привозят и на подводах бревна и дрова, камень и известь и проч. из уездов московских по нескольку сот тысяч возов, и торгующие там купцы выручают себе знатную прибыль, а еще большими выгодами пользуются от торговли хлебом, доставляемым из плодоносных губерний водою и зимним путем, вместе с другими съестными припасами, разными изделиями и всякого рода материалами.

По ведомости 1820 года о капиталах, объявленных в Москве купцами, значится: первостатейных капиталов только десять, по первой гильдии 57, по второй 200, а по третьей 1562. С предполагаемого у них капитала процентных в государственный доход получено на вышеозначенный год 962 497 рублей, с уездными ж городами Московской губернии 1 270 065 рублей. Какими правами все три гильдии пользуются и какие каждая из них платит повинности, предлагается особое расписание. России как обширнейшей в свете монархии, окруженной морями и сближаемой для сообщения внутри многими судоходными реками, предопределено от самой природы пользоваться неисчетными благами торговли. По разнообразным произведениям ее климатов и сокровищам, в недрах ее скрывающимся, она в самой себе преизбыточно находит все, для жизни потребное. Но можно сказать, что коммерция российская вопреки возможностям своим пребывает доселе во младенчестве единственно потому, что издавна овладели ею чужеземцы, устремляющие беспрестанно свои усилия к понижению курса в мене и цене вывозимых из отечества нашего товаров и к повышению ввозимых к нам бесчисленных предметов роскоши. Купечество наше, довольствуясь частно небольшими барышами, не брежет о пользе коммерции общественной и беспрекословно подчиняет себя дальновидной и вредной нам расчетливости иностранцев. Зло сие укоренилось в России с тех пор, как англичане, открывшие мореходство в Архангельске, начали употреблять во зло дарованные им от царей торговые привилегии. В указе царя Алексея Михайловича 1649 года, состоявшемся о высылке из России англинских купцов и о приезде им только к Архангельску с своими товарами, внятно объяснены вредные их для подрыва российской торговли замыслы. К упадку клонит нашу торговлю и то, что многие из купцов наших, наследовав отдаточные внаем дома и лавки, предаются беспечной жизни, либо, стыдясь быть значительными купцами, делаются малозначащими дворянами. Едва ли найдется в Москве дома два знатных купеческих, которые бы от деда до правнука, в течение ста лет, поддержали с достоинством купеческое свое звание. Что теперь стали прежние гости Кирилловы, Шорины, Филатьевы, Потаповы и первостатейные купцы Еремеевы, Васильковы, Журавлевы, Клюевы, Колосовы, Бабкины, Докучаевы и многие другие. Та же ничтожность ожидает в потомстве нынешних капиталистов, если не внушат они детям своим государственную пользу купеческого звания и не передадут им смелости в оборотах, правоты в производстве торговли, отважности в предприятиях и твердости в исполнении оных.

2. Гостиные дворы

Для складки привозимых в Москву товаров было два Гостиных двора; один из них, на Варварской улице находившийся, назывался **Старым,** а другой, на Ильинке, **Новым.**

Старый

Старый Гостиный двор построен 1641 года при царе Михайле Феодоровиче, что явствует из надписи, на камне высеченной, которая снята при сломке сего здания в 1792 году. Оно было в три яруса: в нижнем находилось амбаров 22, в среднем 38, а в верхнем ярусе 14; поставленных среди двора шалашей икорных и свежерыбных считалось 33, а на Варварской улице была одна лавка.

Новый

Гостиный двор, прежде Новым называемый, заложен при царе Алексее Михайловиче 1664 года июня 4-го дня. Длина сего здания была 60, а ширина 50 саженей. Оно построено было в три яруса; амбаров находилось в нижнем ярусе 50, в среднем 44, в верхнем 36, а для входа 14 лестниц. Лавки, около Гостиного двора помещенные, принадлежали казне; в Новом стеклянном ряду 9 лавок и 10 амбаров, в Панском ряду 34 лавки, в Астраханском ряду в трех линиях 35 лавок, в Старом стеклянном ряду 35 лавок. Ворот было четверо, и на главных иссеченная надпись позлащенными словами означала имя державного строителя и время построения. Над сводом из белого железа в знак царского покровительства торговле утвержден был медный большой орел, ярко вызолоченный, весом в 20 пуд[ов]. Строение Гостиного двора стоило тогда казне 99 030 рублей $99^1/_2$ коп. медными деньгами и 12 720 рублей 60 коп. серебряными. Цены тогдашним материалам и работникам так любопытны для наших времен, что неизлишним сочтено приложить здесь выписку об оных. К покупке материалов определен был гость Аверкий Кириллов; при нем находились ларешник (казначей) и восемь человек целовальников (присяжных) из разных рядов купцов, обществом одобренных; а для присмотра за рабочими были четыре пристава из детей боярских, для письма двое подьячих и для наряда на работу трое стрельцов. Работников состояло налицо даточных 190 человек и 100 наемных каменщиков с мастерами и подмастерьями. Сие здание считалось тогда великолепнейшим и обширнейшим в городе. Площадь среди оного содержала в себе около пятидесяти саженей в обе стороны. Посреди ее поставлены были городские весы, указанные меры хлебные и для всяких жидкостей тут же поверялись. Сходбище купцов обыкновенно бывало на Гостином дворе.

Нынешний Гостиный двор

На месте сего сломанного Гостиного двора в последние годы царствования Екатерины II воздвигнуто новое здание и, соединясь с старым Гостиным двором, достроенным уже после 1812 года, составляет фигуру неправильного параллелограмма. **Нынешний Гостиный** двор распространен между двух улиц: Варварки и Ильинки. В средине его обширная площадь, а по сторонам амбары для поклажи товаров, оптом продаваемых. Строение огромное, трехэтажное, с арками, стеклянными дверями и фрамугами; по всем четырем фасадам беспрерывно украшенное полуколоннами коринфического ордена; в длину простирается более 100 саженей, а ширина в одном конце 40, в другом до 60 саженей. С Ильинской улицы, на площадке углового крыльца, собираются купцы московские и городовые для торговых сделок; оно служит им вместо биржи.

3. Ряды лавок

Устроение торговых лавок в Москве воспоследовало при удельном московском князе Иоанне Даниловиче Калите в первой половине XIV столетия. Главная продажа сначала производилась на Ильинской улице, а потом уже лавки, умножаясь, строены для избежания тесноты вдоль Красной площади, против кремлевской стены. Множество таковых лавок рядами названо потому, что в одной лавке запрещено было торговать разные товары, отчего и составились отдельные линии для каждого сорта товаров, пересекаемые пряслами или перекрестками, так что продающие шелковые товары не смешиваются с купцами, торгующими сукном, холстом и проч. Покупщики золотых и серебряных вещей не увидят их вместе с медными и оловянными, и так далее. Такое расположение улиц с товарами многие признают удобным, потому что всякий с первого взгляда находит в лавке ту самую покупку, за которою он пришел. Богатство и многочисленность всяких товаров в рядах наших издревле удивляло иностранцев. После бывшего в 1626 году пожара, опустошившего весь Китай-город, царь Михаил Феодорович и отец его патриарх Филарет Никитич приказали окольничему князю Волконскому с дьяком Волковым крайние ряды, затеснявшие Никольскую, Ильинскую и Варварскую улицы, подвинуть назад для простору уличного, а некоторые из тех рядов для удобности и для соблюдения чистоты перевесть на другие места; торгующим же в подвижных шалашах, на веках, скамьях, лотках и при квасных кадках отвесть уютные урочища, чтоб площадей и улиц не застанавливали, и в которых рядах за неделением отчинников останутся лавки и пустые для оных земли, те все раздать торговцам из оброка в пользу царской казны по оценке выборных из каждого ряда людей. Состоящийся о сем того ж года, июня 17-го, указ и сделанное по оному распоряжение подробно объясняет тогдашнее состояние рядов московских. Старинные названия некоторых из них сделались даже непонятными и требуют пояснения, как-то: Москательный ряд заимствует свое именование от старинного слова «москоть» и означает собрание красок, купороса, нефти и прочих тому подобных веществ. Ирошный ряд, в котором торгуют замшаным товаром. Манатейный, едва ли не платенный, ныне Кафтанным называемый. Суровский, правильнее Сурожский, объясняет-

ся тем, что из города Сурожа, нынешнего Судака, привозили в Москву шелковые ткани. Панский заимствует свое название от получаемых товаров польских и литовских панов. Лавок в Китай-городе считается ныне до трех тысяч. Из приложенной в примечании ведомости усмотреть можно, как именовались за пятьдесят лет пред сим ряды московские и сколько было в них лавок, полулавок, третей-лавок и четвертей-лавок. Здесь же прилагается и другая выписка о ценах некоторых товаров, какими продавались и оценивались они в Москве с 1620 по 1723 год.

При нашествии Наполеона все ряды московские и Гостиный двор сожжены были, и тем положена алчности его преграда к ограблению. Чрез три года все ряды отстроены вновь правильно и красиво, чего прежде им недоставало, и неимоверное множество всяких товаров вскоре как будто из пепла возродилось. Что только четыре части света производят для потребности и прихотей человека, все найти можно в рядах московских. Они состоят из трех кварталов: первый между Никольскою и Ильинскою улицами прилегает с задней стороны к обывательским дворам и к подворьям Новгородскому и Казанскому, а спереди отделяется от Кремля Красною площадью, по концам которой построены два большие выступа с колоннами дорического ордена, лепными барельефами и модулями по архитраву. Во всю длину площади представляются арки со стеклянными дверьми, над которыми во втором этаже, где помещаются палатки для складки товаров, сделаны соответственные тому полуциркульные окна. Между арками видны небольшие тосканские полуколонны. Средина фаса, против монумента князя Пожарского и Минина, украшена колоннами дорического ордена и фронтоном, в котором изображен на щите под короною герб Москвы, а по сторонам оного Меркурий и богиня изобилия расточают дары свои. Внизу скромная надпись: «Возобновлено 1815 года». Фронтон коронуется куполом. Второй квартал рядов между Ильинкою и Варваркою, а третий простирается от Варварки до Мытного двора. Оба последние квартала прилегают к Москворецкой улице и от посторонних строений отделяются проезжими переулками. Наружный вид их сходствует с первым кварталом, кроме того, что по всем углам поставлены пилястры дорические, а средина каждого их фаса украшена аттиками с барельефами.

4. Лубочные картинки

При входе в Холщевый ряд с Никольской улицы, против книжных лавок, производится ныне продажа картинок, грубо оттиснутых лубком на бумаге и распещренных яркими красками. Торг малоценный, но много значащий, потому дает удобство говорить с народом и давать общее направление умам. Сии картинки прежде выставлялись близ Спасского моста против книжных же лавок близ шатра, под которым стояли грозные московские пушки; потом на Никольской улице; быв на виду развешаны, они служили для народа вместо картинной галереи и привлекали любопытство мимоходящих. Более ста лет развозят их по всем ярмаркам: крестьяне по дешевизне охотно покупают их и налепливают в избах своих по стенам; духовного содержания листки помещаются близ образов в переднем углу, а забавные поодаль. Грамотные читают неграмотным написанное под изображениями объяснение и тем либо наставляют, либо забавляют служащих. В городах у простолюдинов бывает то же. После неудачного под Нарвою при Петре Великом сражения со шведами оттиснули Мамаево побоище. Сие припамятование о славном подвиге Дмитрия Донского ободрило унывавших тогда жителей столицы. Победы над королем прусским Фридериком II и над турками также передавались во известие низшему состоянию, чрез что открывалась оному возможность участвовать во славе отечества. Появившиеся в 1812 году листки с изображением мочного мужика Долбилы и ратника Гвоздилы немало способствовали воспламенению мужества поселян. Торжествующая справедливость и посрамленный порок были и будут отрадным занятием для русских, по свойству добрых и правдолюбивых. И так легко обратить лубочные картины в научение. Когда б занялись тем постоянно с благонамеренным планом, то б они далеко распространить могли пользу.

5. Винные погреба

Погребов с виноградными (фряжскими) винами в Китае считается до осьмидесяти, между лавками к Красной площади и к главным улицам обращенными. Справедливо замечают, что расход виноградных вин превосходит привоз. Желательно, чтоб о продаваемых у нас в некоторых мелочных погребах не довелось сказать того же, что сказано в медико-топографическом описании г. Аттенгофера о санктпетербургских: «Почти все сии вина составлены из изюма, разных ягод и других подмесей, и одна только обманчивая надпись на бутылках напоминает о том, чему бы в них быть надлежало». Но московские погребщики не имеют нужды подделывать вина из ягод, разве только разводят они французские вина получаемыми задешево в большом количестве из Молдавии. Однако ж случалось слышать от

новичков-сидельцов, когда спросят их, где хозяин, невинный ответ: «Он пошел делать мадеру или малагу». В 1704 году бочка вина красного стоила в Москве 11 рублей, белого от 12 до 14 рублей; в наше ж время менее трехсот пятидесяти рублей цельного купить невозможно.

6. Живорыбный ряд

Для Живорыбного ряда отведено привольное место на берегу Москвы-реки близ деревянного моста, называемого Живым, потому что прежде он не на сваях устроивался, как теперь, а наводили его из плотов, от течения воды движущихся. Дорогую живую рыбу, как-то: осетров, крупных стерлядей, судаков и лещей продавцы берегут в садках, опущенных в реку; в лавках же держат мелкую, дешевую. Бывали в привозе стерляди, стоившие более 500 рублей, и всегда выискивались покупщики на них. Императрица Анна Иоанновна часто посылала из Москвы к шведскому королю Фридерику не только стерлядей аршинных, но и снасти рыболовные. Самые вкусные стерляди ловятся в реке Шексне и отправляются из Ярославля с идущими в Москву барками. В день коронования великих князей наших в старину ставили на пиршественный стол блюдо сельдей переславских в напоминание новому обладателю, что Москва и Переславль должны быть всегда неразлучны под его скиптром.

7. Мытный двор

Мытный двор сохранил старинное свое название, потому что прежде собиралась тут пошлина (мыто) с привозимых в Москву товаров. По уничтожении пошлинного сбора в Москве построены были там казенные лавки для продажи соли; а в минувшем столетии Мытный двор отдан в пользу московского купечества. Сие здание находится между трех переулков, а с четвертой стороны прилегает к Москворецкой улице, ехав по оной от Лобного места на левой стороне. Главный фас гражданской архитектуры новейшего времени, имеет по бокам строения одноэтажные, занимаемые лавками и жилыми покоями; средина ж двуэтажная с порталом и четырьмя коринфическими полуколоннами, поддерживающими фронтон. Внутри пространный двор, где выстроено несколько линий для мясных лавок и амбаров.

8. Рыбный двор

Общественный Рыбный двор, где торгуют осетрами, белугами, севрюгами, свежими, солеными и провесными, также икрою паюсною; находится против Гостиного двора в переулке меж Ильинки и Варварки, при повороте с Ильинской площади подле церкви Успения. Все строение одноэтажное, низкое и некрасивое. Внутри две площадки, из которых на одной стоят рыбные лавки, а на другой амбары и жилые покои.

9. Лабазы

К наружной стене Китая, по берегу Москвы-реки, приделаны лабазы, или амбары, из которых продается разный хлеб в зернах и перемолонный, кулями, привозимый весною на стругах. Бывший 1780 года в Москве Римский император Иосиф II, разъезжая по московским улицам, потребовал от проводника своего, чтоб он показал ему хлебный магазин городской. Он привез его к лабазам, но как находившееся там количество кулей с мукою, овсом, пшеницею и крупою показалось императору недостаточным, чиновник догадался, чего надобно путешественнику, просил его отложить свое любопытство до утра и, в торговый день проехав с ним несколько рынков, привез потом на Болото, где вся площадь уставлена была телегами с хлебом и всякими съестными припасами, сказав: «Вот московские магазины». Удивленный тем Иосиф спрашивал, давно ль учреждены такие съезды и кто высылает земледельцев и промышленников с этою провизиею в город. На сие ответствовано было, что особенного учреждения на сие никогда не бывало, а от взаимных нужд городским жителям в продовольствии, сельским же в выручке денег сии торжища учредились сами собою.

ГЛАВА VII

УСПЕХИ РАЗНЫХ В МОСКВЕ ХУДОЖЕСТВ И РЕМЕСЕЛ, ЦЕХИ, УПРАВА РЕМЕСЛЕННАЯ И БОГАДЕЛЬНЯ ПРИ ОНОЙ

I. Успехи разных художеств и ремесел

Нужнейшие механические искусства, повествует наш историограф, были известны древним россиянам. И ныне селянин русский делает собственными руками почти все необходимое для его хозяйства. В старину, когда люди менее сообщались друг с другом, они имели еще более нужды в сей промышленности, и всякое семейство в кругу своем предос-

тавляло собрание многих ремесел. Некоторые из сих семейств перешли в города и сделались искуснее. Ковать железо в самой древности известно было русским. Летописец Нестор повествует о мечах, предложенных киевлянами в дар хазарам. Описанный им Перунов истукан свидетельствует о резном искусстве. Выделка кож также знаема была, и кожевники назывались при великом князе Владимире усмарями. Художества в Москве начали улучшаться с приезда в сию столицу царевны Софии Фоминишны от находившихся при ней и после выехавших различных художников и ремесленников греческих и италианских. Великий князь Иоанн Васильевич чрез отправленных им 1499 года в Венецию посланников грека Димитрия Ралева и Митрофана Карачарова вызвал еще из Италии недостававших в Москве мастеровых. Сын его Василий IV, следуя в управлении государством примеру родителя своего, также приохочивал приезжать в Москву полезных иноземцев. В первые годы царствования Иоанна IV некто саксонец Шмит приговорил в Германии ехать в Россию более ста человек ученых и художников, но в Любеке бургомистры не допустили их сесть на корабль; Шмита посадили в тюрьму, а спутников его разогнали. Завистливая политика Ганзейских городов внушила Римскому императору Карлу V, что русские, получив лучшее гражданское образование, сделаются могущественнее и от того опаснее для соседственных держав. Сию потерю заменил царь вывозом разных ремесленников из Англии. Много их приехало 1557 года в Москву с возвратившимся из Лондона российским посланником Иосифом Непеем. При царях Феодоре Иоанновиче и Борисе Годунове, особенно покровительствовавших торговле англичан, купцы их, жившие в Москве, угождая двору, выписывали из Лондона разных мастеровых. Царь Михаил, Алексей и Феодор беспрерывно вызывали в свою столицу чужеземных ремесленников, у которых русские все перенимали с такою понятностью, что удивляли своих учителей и возбуждали зависть в них. Герберштейн хвалит трудолюбие, трезвость и воздержанность московских того времени ремесленников, которые в праздник, сходив к обедне, возвращались домой и после обеда снова принимались за работы. Государь Петр I, преобразуя Россию, обогатил Москву и Петербург ремеслами всякого рода. В бытность свою 1698 года в Вене он сам пригласил множество художников, а потом и молодых россиян посылал учиться рукоделиям в чужих краях.

2. Припамятование о некоторых иностранных художниках и ремесленниках

Для народной признательности воспомянем имена некоторых иностранных художников, способствовавших успехам художеств и ремесел в Москве. Иконописцы: Грек Феофан в 1395 году расписал стены в кремлевской придворной церкви Рождества богородицы, а в 1399 году расписаны им же стены Архангельского в Москве собора. Золотых дел мастера: при великом князе Иоанне III в 1490 и 1504 годах много вызвано было из Италии золотых и серебряных дел мастеров и других художников, но имена их не дошли до нашего сведения. В 1636 году жили в Москве золотых дел мастера: голландец Губерти Фак Килан, швед Павел Рендорф, Антон Грот, и все они работали для царского двора. 1642 года выехал англичанин Томас Адвуд, а Андрей Сифрот отпущен был от царя Алексея Михайловича в 1653-м с похвальною грамотою. Голландец Андрей Ферсмет с таким же одобрением 1667 года уволен от службы. Сверх того упоминаются: Ганс Келлер, Клерк, Ориот, Бернст, выехавшие в Москву в 1687 и 1689 годах, и Христиан Дитмер, нанятый 1698-го в Амстердаме. При государе Петре I Вестфаль и Рокентин были придворными ювелирами. Серебряники: англичанин Фридрих Мардчин, сканого дела мастер, научив своему искусству русских художников, отпущен 1623 года в свое отечество; француз Жан Мартен неоднократно посылан был во Францию и Англию для призыва других мастеров. Яков Рамздес, исправив порученные ему работы, в 1646 году со всею семьею отправился в свое отечество; курляндец Юрья Вилимов в 1677 году сделал напрестольное Евангелие в Переславль-Рязанский собор. Золотого и канительного дела мастера: Яков Гаст и Фридерик Гурика находились в Москве 1632 года. Искусство золотошвейное издавна сообщено россиянам от греков. Для бояр и придворных оно было необходимо, а потому и не нуждались у нас в мастерствах волочильном и площильном. В числе хранящихся в Мастерской Оружейной палате золотом вышитых чепраков, большая часть работаны в России. Золотари по дереву: Франц Карника выехал из Венгрии, а Иоаким Колерт из Гамбурга. В 1665 году жил в Москве мастер латных дел француз Франциск Гллиер. В 1701 году принят в российскую службу цесарец камер-медалиер Бекер. В 1705 году приехал чрез Архангельск в Москву оптических дел мастер Лови-заде. Находившийся в Москве резчик печатей Гаупт в 1708 году вырезал для князя Меншикова гербовую печать. В 1644 году выписан был из Италии на три го-

да искусный берейтор Ян Батист Фортунат с жалованьем в год по две тысячи ефимков. 1703-го приехали в Москву каменосечцы и гипсовые мастера италианцы Петр Джемиг, Галенс Квадро, Карп Филари, Доминик Руско и Иван Мария Фонтано. Их работу можно видеть в летней церкви Богоявленского монастыря, также снаружи и внутри приходской церкви Гавриила архангела, называемой Меншиковою башнею; превосходнейшие ж произведения искусства их находятся в селе Дубровицах, принадлежавшем тогда боярину князю Борису Алексеевичу Голицыну, а ныне графу Мамонову. Часовщики: первый часовщик в Москве был серб Лазарь, поставивший в 1404 году боевые часы у дворца. В начале царствования Михаила Феодоровича московским часовщиком был англичанин Христофор Галовей; в 1630-м выехал из Голландии часовщик и органного дела мастер Менгрет Лулев с братом своим Яганом. Они доделали в Москве привезенные ими часы с музыкою, и за то мудрое дело государь пожаловал им 2676 рублей. В 1698-м принят в российскую службу часовой мастер француз Иоаким Гарноль, с которым заключен был договор сделать на одной из московских башен часы с колокольною музыкою, наподобие голландских. Для шелковых тканей Борис Годунов выписал из Венеции мастера Марку Ченопи и устроил для него фабрику в Кремле. Русские научились от него ткать парчи и бархаты. В 1620 году жил в Москве бархатного дела мастер Кашпар Лермат. Выехавший в 1632 году из Швеции бархатник же Ефим Филбрант за обучение данных ему людей мастерству своему получил царскую жалованную грамоту на построение в России мельниц для выделки по немецкому обычаю лосиных кож. В царствование Михаила Феодоровича иноземец Петр Марселис завел в Туле и Кашире железные заводы и выписывал из Швеции кузнечных и оружейных мастеров. Стеклянные мастера, выехавшие в Россию: из Бадена 1631 года Павел Кункель, из Пруссии 1674-го — Захар Риддер, из Голландии Петр Балтус. Механик Иоанн Иордан, немец, при нападении в 1521 году крымских татар на Москву упоминается в числе защищавших тогда Кремлевскую крепость. Пильные мельницы 1696 года завел мастер Николай Кут. В 1675-м жил в Москве иностранный каретник Лазарь Захарий. Токарный мастер Иван Якуб Стернев при отъезде в свое отечество получил в 1635 году похвальную от государя грамоту. Столяры и резчики: швед Христофор Ричша, француз Шолет и Франц Циглер упоминаются в 1689 году. Портные: 1693 года выехали из Швеции Балтазар Шельс, а 1698-го Николай Петерсон. Чулочный мастер Павел Фрелинг вызван из Пруссии. Сапожник Свенк Фрост 1693-го вызван из Швеции. В 1647 году выехал из Швеции ж кожевенный мастер Мартин Адлер. Первым в Москве шляпным мастером был Готфрид Штрот, явившийся в Москву 1701 года. Между выезжими в XVII веке иностранцами нет парикмахеров, хотя в старину и имели нужду отстригать с некоторою красивостию волоса на голове. Олеарий повествует, что за Лобным местом в хорошую погоду московские жители стригли себе волосы, которыми земля устлана была как мягкими тюфяками. Саксонец Иоганн Фельтен был первым мундкохом при дворе царском в 1704 году. Сахарного дела мастер Готфрид Мателус выехал 1693 года из Швеции, но конфектное мастерство известно было в Москве прежде его; 1672 года июня 29-го при угостительном в Грановитой палате пиршестве по случаю рождения царевича Петра Алексеевича сделан был из сахару город Кремль с башнями, отлиты были орлы весом в полтора пуда, лебеди в два пуда, попугаи и голуби натуральной величины, великое множество блюд с конфектами стояло тогда на столах царском и царицыном и сверх того немало разослано к придворным чинам, духовенству и купечеству. В дворцовой записке о сем пировании между прочим сказано, что до стола сии огромные лакомства стояли за перегородкою пред Красным дворцовым садом в Кремле, а сахары наряжал Сытного двора стряпчий Кондратий Лукин.

3. Воспоминания о старинных художниках российских

Отдадим справедливость и природным российским художникам, которых имена дошли до нашего сведения с похвалою и которых труды веками не исчезли. Москва исстари славилась иконописным художеством. Научившийся в XI веке от греческих иконописцев монах Киево-Печерского монастыря св. Алимпий был первым из всех известных нам художников, которые кроме икон изображали на пергамене и бумаге в евангелиях и священных книгах разные лица красками, так хорошо составленными, что чрез несколько веков свежесть оных и блеск золота нимало не потускли. Семен Черной расписывал в 1395 году вместе с Греком Феофаном в Кремле церковь Рождества богородицы. Даниилом Иконником в 1408 году мая 25-го начато было стенное писание в Успенском соборе и удачно окончено. Андрей Рублев был товарищем Даниила. Сей художник имел отличную славу, иконы его почитаются наилучшими. Царь Иоанн Васильевич на Соборе стоглавном ставит работу его образцовою для всех иконописцев. Оба они, как

из жития преподобного Никона явствует, были монахи и святостию жизни славились. Построенную в монастыре св. Никоном церковь св. Троицы они вместе расписывали. Иконники: Дионисий, священники Тимофей Ярец и Кон 1482 года написали в новопостроенный тогда Успенский собор деисусов, двунадесятые праздники и пророков. О Дионисии в летописях особенно упоминается, что когда обгорела в соборе икона Одигитрии греческого письма, а дека уцелела, то на ней же написал он образ Богоматери точь-в-точь, как была она до пожара. Иконник Долмат 1485 [года] украсил стенным писанием церковь в Сретенском монастыре. Федор Едикеев 1508 [года] с братьями расписывал внутренние стены Благовещенского собора. Ухтомский Феодот Феофанов, изографом именуемый, 1509 [года] написал местный образ Благовещения пресвятые богородицы, находящийся в Благовещенском соборе. Имена Андрея Ильина, Никиты Иванова и Сергея Васильева славны пятью иконами, находящимися в Ватиканской библиотеке в Риме под названием Капониевых картин и за особенную редкость там показываемыми знатокам. Иконы их в малом виде изображают святых каждого месяца с означением дней, когда совершается память их. Сии святцы пожалованы государем Петром I кефалонскому уроженцу священнику Герасиму Фоке. После него достались они брату его, который продал их за триста червонных маркизу Александру Каппонию, отдавшему их как бесценное произведение искусства в библиотеку Ватиканскую. Необыкновенный блеск, нежность красок и правильность рисунка доныне удивляют там лучших италианских художников и любопытных путешественников. Семен Остафьев, Софрон Карпов и Козьма Яковлев в 1650 [году] посыланы были в опустошенную Грузию для написания там икон, персианами истребленных. Под смотрением мастера Ивана Рыкачева иконописцы Иван Максимов и Федор Юрьев в 1674 году трудились над изображением икон в двух церквах, у Боровицкого мосту построенных. Полуект Безруков 1687 [года] написал в Мастерскую и Оружейную палату образ Коронования божьей матери на осьмилистовой доске. Зиновьев Григорий Терентьев в 1700 году имел звание изографа; его работы есть образ в Успенском соборе Всемилостивого Спаса, изображенного сидящим на престоле. Петру I подан был доклад о воспрещении несмысленным писать св. иконы, о клеймении оных свидетельствованными мастерами и о сборе за то в казну пошлин; но государь не соизволил на сие представление. Уланов Кирилл, его работы образ Всех святых в церкви Николы Большого креста, написанный в 1700 году. Около сего ж времени состояли в службе при Оружейной палате живописцы Григорий Одольский и Василий Скоробогатов, расписывавшие знамена и бунчуки для войска Донского. Искуснейшие золотописцы находились при Посольском приказе для украшения по коймам царских грамот, к иностранным государствам посыланных. Из числа их Карп Золотарев, Матвей Андреев, Иван Лопов и Федор Юрьев раззолачивали и раскрашивали листы в Большом евангелии, которое 1690 года устроено царицею Натальею Кирилловною для Успенского собора. **Меркулов** иконописец в 1726 году вызван был из Москвы в С.-Петербург и написал для Петропавловского собора местные образа и праздники; работу свою он кончил в три года и получил за то в награждение 5000 рублей. Иконостас в тот собор также в Москве работан **столяром Телегою,** а резьбою украшал **Иванов.** Оба они трудились под надзором синодального архитектора **Зарудного. Золотых и серебряных дел мастера** переселились в Москву из других удельных княжеств при Иоанне Даниловиче Калите. Легат Римского папы План-Кирпин, посыланный в 1246 году к монгольскому хану Куине, упоминает о знакомстве его в Орде с российским художником Козьмою, который сделал для хана богатый серебряный престол и золотую печать своего изобретения. Сыновья и наследники Калиты в духовных своих упоминают о сработанных для них российскими мастерами золотых крестах, окладах на иконы, сосудах, поясах и проч. Великий князь Иоанн Иоаннович в 1356 году написал в своем завещании об иконе, на которой был оклад золотый, и о золотом кресте с большею вороненою из золота цепью **Парамшиной** работы. Имя сего золотых дел мастера, Парамоном называемого, повторялось и в последующих духовных грамотах, писанных великими князьями. 1389 года в них же упомянуто о двух мастерах **Макаре** и **Шишкине,** которые работали пояса на великого князя Димитрия Донского. Первый из них сделал золотый пояс на ремне, а другой золотой же с каменьями. Серебряник Гавриил Евдокимов чеканил оклад на икону Грузинской богоматери в Черногорском монастыре. **Алфим Яковлев,** станочный мастер, при коронации царя Алексея Михайловича поднес ему булаву, оклеенную по дереву перламутром в виде чешуи. К царским фузеям ложи делали **Евстафий Кузовлев** и **Василий Карцов.** Лучшими ствольными для фузей тогдашнего времени мастерами были: Григорий и Афонасий **Вяткины,** три брата **Лучаниновы, Филипп Ульянов, Василий Титов, Иван Первушкин, Игнатий и Ермолай Прохоровы, Роман и Прокофий Комневы.** Золото на пистолеты и фузеи

насекал Аввакум **Антропьев.** Замки работал **Демид Валдацкой.** В 1504 году упоминается о художнике **Семене** как о превосходном мастере, делавшем брони и военные доспехи. В то ж время был в Москве искусный седельник **Филя.** При конюшне великого князя Иоанна III находился главным кузнецом Лагута. Двое придворных портных сего же государя прозывались **Ноздрею** и **Кузнецовым.** Если коснуться до новейших времен, то поименное исчисление отличных в каждом ремесле художников и мастеровых российских наполнит здесь много листов. Великолепные в Москве храмы божии и дома знатных господ по большей части ими украшены. Все потребное для общежития работают ныне наши одноземцы. Переимчивость их и способность к механическим работам чрезвычайны, но не достает тщательности для усовершенствования своих работ. Мы имели много своих литейщиков, оставивших имена свои на пушках и колоколах.

4. Цехи

Названия установленных городовым в 1785 году положением цехов суть следующие: 1. **Ювелирный,** 2. **Серебряный,** 3. **Позументный,** 4. **Медный,** 5. **Кузнечный,** 6. **Каретный,** 7. **Столярный,** 8. **Фельдшерный,** 9. **Портной,** 10. **Сапожный,** 11. **Черепичный,** 12. **Скорняжный,** 13. **Шляпный,** 14. **Шапочный,** 15. **Поваренный,** 16. **Кондитерский,** 17. **Живописный,** 18. **Гранильный,** 19. **Ленточный,** 20. **Пестрединный,** 21. **Кушачный,** 22. **Голицный,** 23. **Печный,** 24. **Свечной.** Во всех цехах считается ремесленников не более шести тысяч; число для многолюдной столицы несоразмерное, но в самом деле их несравненно более, потому что многие помещики имеют мастеровых в числе своих дворовых людей. Повинность цеховых состоит не свыше десяти рублей, ежегодно вносимых ими в Ремесленную управу [...]

5. Мещане

Между мещанами есть также ремесленники из отпущенных на волю господских слуг. По последней ревизии считается мещан в Москве 23 900 человек мужеского пола. Они все расписаны по слободам, как исстари заведено было, и состоят под управлением градского общества. Ежегодная подать с каждого не превышает 12 рублей. Общество мещан имеет особливую кассу, составленную чрез добровольные складки, и употребляет из нее деньги по согласию всех. Для промыслов мещанам дозволено заводить станы, производить на них всякого рода рукоделия и иметь в том доме, где сам живет, лавку для продажи своих собственных работ.

6. Ремесленная управа и богадельня при оной

Для Ремесленной управы, помещавшейся до 1808 года в наемных покоях, куплен на общественные деньги, за 29 000 рублей у оберкамергера графа Шереметева на Никольской улице трехэтажный дом, построенный на том самом месте, где находилась прежде книжная Санкт-Петербургской академии лавка. Бывший в сие время ремесленным главою Сурашков согласил цеховых старшин учредить в сем же доме для престарелых, неизлечимо больных и увечных ремесленников богадельню на двадцать пять человек. Главное попечение о сем полезном убежище для беспомощной дряхлости собратий своих имеют избираемые погодно ремесленные головы, при беспрерывном надзоре определенного к тому смотрителя. Для врачевания болезнующих нанят лекарь, обязанный ежедневно посещать их, а подлекарь с двумя прислужниками безотлучно при богаделенных находится.

ГЛАВА VIII

ПРЕЖНИЕ И НЫНЕШНИЕ КАЗЕННЫЕ ДОМА В КИТАЙ-ГОРОДЕ

1. Старинные казенные в Китай-городе дома

В. к. Софье Витовтовне принадлежал **на Великом посаде** (на Ильинке) **Моравьевский двор с садом,** который в 1459 году она отказала внуку своему князю Юрью Васильевичу. В сем доме останавливались часто приезжавшие к ней от отца ее в. к. Литовского Витовта паны, и от того дом сей долго после ее назывался **Панским.** Около каменной церкви св. Георгия на Варварке находились дворы, принадлежавшие по завещанию великого князя Василья Васильевича сыну его **Борису Васильевичу,** доставшиеся после Марье Федоровне Голтяевой. Сын родоначальника в России князей Голицыных князь **Иван Юрьевич Пат-**

рикеевич имел за церковью Николы Мокрого дворовое место, взятое у него великим князем Иоанном Васильевичем в пользу города. В бытность Олеария, секретаря Голстингского посольства в Москве, Духовная типография находилась между Ильинскою и Варварскою улицами; монету чеканили близ Знаменского монастыря; а Земский двор устроен при въезде в Воскресенские ворота с левой стороны. За Гостиным двором между Ильинкою и Варваркою был дом Главного и Московского магистратов, при оных состоял словесный суд, гильдия и купеческая богадельня. За Посольским двором помещалась Главная соляная контора в доме, принадлежавшем прежде графине Скавронской. Посольский двор, где живали приезжавшие в Москву от иностранных государей послы и посланники, находился на Ильинке. Петр I, прекратя затруднительную издержку содержать на казенном иждивении чужеземных послов и водворясь в С.-Петербурге, повелел обратить сие здание на выгоднейшее употребление. По грамоте, жалованной от государя 1717 года июля в 8-й день, Посольский двор отдан был в собственность подканцлеру барону Шафирову и действительному тайному советнику графу Толстому с товарищами их Матвеем Евреиновым, Федором Скворцовым, Афанасьем Павловым, Игнатом Францевым и Спиридоном Аникеевым для заведения тут шелковых фабрик. Им даровано было дозволение делать парчи, штофы и всякие шелковые материи, кроме галунов, лент и чулков с беспошлинным в государстве на 50 лет торгом. Игната Францева часть переведена после Дмитровского уезда в село Френево, где доныне поддерживается шелковая фабрика, принадлежащая российскому дворянину Иоакиму Лазареву, к ней причислено до тысячи душ. После безвременья, воспоследовавшего барону Шафирову и графу Толстому, перешли те фабрики в содержание Ивану и Матвею Евреиновым, Андрею Бабушкину и Панкрату Колосову, у которых в 1770 году находилось станов для шелковых тканей до четырехсот, а работников 772. Купцы Павлов и Калинин, получив около 1790 года Посольский двор в собственность, выстроили на сем месте огромное и красивое здание в три этажа: внизу по улице лавки, в бельэтаже хорошие комнаты, занимаемые теперь Купеческим собранием, где сие сословие собирается для своих увеселений; тут же и танцклуб немецкий. В Китае были приказы: Каменный и Судный дворцовый. Государь Петр I в 1701 году неизвестно по какой причине приказал их и другие каменные в сей части города строения сломать. На Москворецкой улице с правой стороны от Лобного места, близ Живорыбного ряда, находился Ямской приказ, построенный в 1591 году. Когда ж дела ямские поступили в ведомство Почтамта, то в сие здание переведен съезжий двор Городской части, прежде того находившийся между Сретенской и Рождественской улицами. Ныне тем местом пользуются священнослужители Покровского собора.

2. Съезжий двор с больницею

Новый Городской части съезжий двор находится в Ипатьевском переулке, где прежде был дом, принадлежавший именитым людям Строгановым. Часто случающиеся в многолюдной столице несчастные приключения от стеснения повозок, от ушибов падений, припадков и тому подобных нечаянностей, в которых для спасения от смерти требуется самая скорая и деятельная помощь врачей, побудили московского обер-полицмейстера Шульгина завести при сем доме временную больницу. Он устроил ее посредством доброхотных подаяний, привел ее в надлежащее действие и поддерживает с особенною попечительностию, не имев определенного на то капитала. Со дня открытия сего спасительного заведения, воспоследовавшего 12 марта 1822 года, по 1 генваря 1823-го уже тридцать человек были приняты и вылечены; умерло из числа их только трое самоубийц. В то ж время пользовались безденежно лечением 190 человек, приходящих с наружными болезнями. Ощутительная от сего польза побудила благодетельного обер-полицмейстера учредить на том же основании больницы в Яузской и Пресненской частях.

3. Место, принадлежавшее человеколюбивому обществу

Между Ильинскою и Варварскою улицами, против городской стены, был дом г. Колычева, купленный в казну при начальном учреждении Воспитательнаго дома для помещения тут на первой случай несчастно рожденных. Потом переведены в сие здание три коллегии: Юстиц, Вотчинная и Мануфактур, Судный приказ и Губернская канцелярия. Когда ж те коллегии и судебные места упразднены были, то весь тот дом предоставлен Главному народному училищу, а при новом образовании Московского университета там учреждена была Губернская гимназия. После нашествия неприятельского обгорелое каменное здание, впусте оставшееся, в 1818 году всемилостивейше пожаловано Московскому комитету императорского человеколюбивого общества, которым камень и кирпич проданы на сломку, а земля остается доныне принадлежащею комитету.

ГЛАВА IX
О СТАРИННЫХ ДОМАХ И ФАБРИКАХ, ПРИНАДЛЕЖАВШИХ ЧАСТНЫМ ЛЮДЯМ

1. Старинные дома боярские

В Китай-городе жили прежде богатые купцы московские; когда ж государи для безопасности от пожаров начали очищать Кремль от деревянных строений, то знатные бояре, переселясь в Китай, построили там каменные дома, а купцы разместились по другим частям города. От времен царя Михаила Феодоровича осталось о некоторых живших в Китай-городе боярах, князьях и разных чиновниках следующее сведение: на Никольской улице, начиная от Печатного двора, стояли рядом четыре дома, к городской стене примыкавшиеся, боярина князя Михайлы Долгорукова, боярина князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого и Алексея Левашева; сей последний разрывался переулком к Пушечным воротам. По другую сторону сей же улицы против Заиконоспасского монастыря находились два двора: князя Юрья Хворостинина и смолянина Клементья Алфимова. Против Греческого монастыря был двор окольничего князя Ивана Петровича Буйносова-Ростовского, возле которого находились дворы бояр князя Телятевского, Ивана Петровича Шереметева и другой двор князя Ивана Михайловича Воротынского. В переулке с Никольской улицы на Ильинскую дворы: боярина князя Ивана Никитича Одоевского, боярина Семена Васильевича Головина, князя Михайлы Белосельского, князя Федора Телятевского, боярина Михайлы Михайловича Салтыкова, Александра Нагого и князя Михайлы Кайбулина. Меж Никольских и Ильинских ворот против городской стены дворы: Марьи Воронцовой и князя Ивана Катырева-Ростовского. На Ильинке против палат Новогородского подворья стоял двор Годуновых, каменною стеною обнесенный; рядом с Троицким подворьем был дом кравчего князя Юрья Яншеевича Сулешева. Против Посольского двора, где ныне выстроен трехэтажной дом с лавками купеческой жены Плотниковой, стояли палаты боярина Михайлы Борисовича Шеина, который за неудачный поход против польского короля Владислава в 1634 году лишен был головы на эшафоте, и дом его описан на государя. От Посольского двора, вдоль по Ильинке с одной стороны были дворы Андрея Чепчугова и Юрья Татищева, а против их на другой стороне Ильи Безобразова и князя Никиты Борятинского. В переулке с Ильинской улицы на Варварку: в Введенском двор боярина князя Алексея Юрьевича Сицкого; в Ипатьевском дворы: Боборыкина, Юрьева, Алябьева и Апраксина. От Ильинских ворот к Варварским, против городовой стены дворы: Ивана Плещеева, гостя Григорья Никитникова и дьяка Ивана Грязева. На Варварке дворы: с правой стороны от Кремля: князей Ивана и Федора Татевых, а с левой Степана Милюкова. От водяных ворот по городовой стене к Москве-реке дворы: Ефима Телепнева, дьяка Никиты Леонтьева и жены Ивана Басманова Ирины. При повороте с Варварской улицы в Зачатейскую стоял двор чашника князя Василья Яншеевича Сулешева, за которым находится переулок, называвшийся тогда Псковским. От Москворецких ворот с левой стороны и около церквей Спаса Смоленского и Николы Москворецкого были также дворы, но сломаны, потому что стояли близко к кремлевской стене и Свибловской башне, в которой хранился порох.

2. Прежде бывшая фабрики

В половине минувшего столетия между Никольскою и Ильинскою улицами была латунная фабрика Карунина, а потому и площадь пред Иосифским и Новотроицким подворьями называется ныне Карунинскою. При сей фабрике числилось тридцать работников. На Варварке купцы Илья Докучаев и Сергей Иванов содержали волочильную и площильную из золота фабрику, заведенную по привилегии, полученной ими в 1735 году; фабричных имели они 186 человек. В Зарядье находилась фабрика проволочная, для шпажных эфесов и блесточная, принадлежавшая с 80 работниками фабриканту Ворошатину.

3. Двор английских гостей

Английский двор, Старым называемый, находился в двух саженях от церкви Максима исповедника, против Знаменского монастыря, чем опровергается прежнее мнение, будто б англичане жили на том месте, где ныне Духовная типография. Когда царь Алексей Михайлович выслал английских купцов из Москвы за подрыв ими российской торговли и за убийство короля их Карла I, то жалованный им безденежно двор их поступил в казенное ведомство с платежом им денег за постройки по

оценке выборных людей, а чрез несколько лет подарен был боярину Ивану Андреевичу Милославскому. Из бумаг, сохранившихся в Московском Коллегии Иностранных дел архиве явствует, что при царе Иоанне Васильевиче английские купцы имели право чеканить монету. На удержанных после изгнания их машинах в 1654 году выбивались серебряные ефимки и четвертаки, также медные полтинники и алтынники. Иоанн IV, благоприятствуя открывшим в царствование его англичанам мореходный путь в Россию, устранил все присутственные места от власти над жительством их, а подчинил дом их суду и расправе своей опришны. Они имели и другой двор для складки товаров, под названием Нового, в Белом городе за Никольскими воротами близ церкви Победоносца Георгия.

ГЛАВА X

НЫНЕШНЕЕ В КИТАЙ-ГОРОДЕ ПОМЕЩЕНИЕ

1. Дома нынешних обывателей

В Китай-городе обывательских дворов ныне состоит 124, из того числа 70 принадлежат купцам, 22 разным чиновникам, 23 священнослужителям и 9 мещанам. Все сии дома при раскладке городских повинностей оценены в 36 184 400 рублей. Из старинных боярских домов остался в Китае один только двор графа Шереметева. Знатные господа предпочли для своих жительств другие части города, не столь стесненно застроенные, а купцы по расчетам своим тем охотнее переселились в дома господские, что могли преобратить их в лавки, постоялые дворы и большую часть комнат за дорогую цену отдавать внаем приезжим из городов купцам и мастеровым. Жителей в Китай-городе считается более двенадцати тысяч, в том числе женского пола только третья часть.

2. Контора Российско-Американской компании

В доме купца Прокофьева находится контора Американской компании, состоявшейся по случаю открытия российскими мореплавателями по Северо-Восточному океану Алеутских, Курильских и других островов, от Камчатки на Север к Америке, а на юг к Японии простирающихся. Главное участие в сих предприятиях имели купцы рыльский Шелихов и курский Голиков. Мудрая Екатерина II, поощрявшая к сим открытиям, наградила их за то достоинством именитых граждан. Император Павел I принял компанию под монаршее покровительство и 1799 года июля в 8-й день даровал ей на двадцать лет исключительное право на всякие приобретения, промыслы, торговлю, заведения и открытия новых стран. Государь император Александр Павлович 1821 года сентября 13-го возобновил сии даруемые компании привилегии еще на двадцать лет.

3. Вольная типография

Заводить всем частным людям вольные типографии дозволила Екатерина II, а Павел I признал за нужное, в предохранение разных неудобств, которые встречаются от свободного и неограниченного печатания книг, заведенные типографии упразднить. Государь император Александр I возобновил прежнее дозволение везде заводить всем типографии и внутренний порядок издания книг в империи учредить на правилах, изображенных в прежде состоявшемся указе 15 генваря 1783 года. На Никольской улице в нанимаемом у г. Кусовникова флигеле вывеска означает типографию г. Бажуковой, заведенную 1820 года, по производству печатания самую скудную, ибо содержит не более трех станов и довольствуется малыми барышами от тиснения свадебных, похоронных и визитных билетов, разных афишей и тому подобных мелочей; из вышедших же там книг известен только роман «Новая Атлантида» и театральное представление под заглавием «По усам текло, а в рот не попало».

4. Аптеки

В прежние времена было в Москве только две аптеки и обе казенные. Государь Петр I дозволил в 1701 году завести восемь частных аптек в Китае, в Белом и Земляном городе, на больших улицах, и содержать их иждивением аптекарей. Основываясь на сем дозволении, Зелейного ряда торговые люди Евсей Андреев и Яков Власов хотели устроить аптеку и в Китай-городе против Казанского собора, но им отказано было и велено избрать для сего другую часть города, потому что за Китайскою стеною поблизости открыта уже была аптека Данилом Гурцином. Когда ж сей первой содержатель частной аптеки в Москве умер, то заведена была аптека и внутри Китай-города.

До 1812 года находилась она близ Никольских ворот на углу, а ныне помещена против прежней на Калязинском подворье. Содержатель ее титулярный советник Ландграф.

5. Гостиницы

Гостиниц в Москве положено быть числом сорок. В Китае хотя и нет их, но постоялые дворы частных людей, исстари именующиеся подворьями, можно причесть к гостиницам. Их в сей части города 15. В каждом из сих подворьев имеют пристанище приезжающие из разных городов купцы, а потому иное называется Украинским, другие — Тульским, Суздальским, Курским и т. д. В положении о гостиницах, ресторациях, кофейных домах, трактирах и харчевнях, 1821 года февраля 2-го в Лейбахе высочайше конфирмованном, дозволено содержать в гостиницах особые для приезжающих пристойно отделанные комнаты с постелями для ночлега и со всеми удобностями для спокойного жительства, стол обеденный и ужин с десертом и напитками, также чай, кофе, шоколад, пунш и пиво; кроме биллиардов, все другие игры, музыка вокальная и инструментальная, также пляски в сих пристанищах не дозволены.

6. Кофейные дома

Употребление в России кофе за сто лет пред сим введено мало-помалу выехавшими при Петре I иностранцами. По тарифу 1724 [года] с вывозимого кофе уже взималась в Петербургской таможне по одному рублю с пуда. Первый кофейный дом открыт был неподалеку от Греческого монастыря на левой руке, по дороге к Кремлю, в узком переулке. Сыны еллинов после обедни в праздничные дни и по вечерам собирались в построенных там для них двуэтажных храминах и, совещаясь о купеческих делах, пили гретое вино, кофе и курили табак, между тем как одноземный содержатель дома изготавливал съестные блюда, на вкус им привычный. Сборище сие греки называли Εστιατόριον, т. е. местом пирования, но русские скоро исказили иностранное название и начали называть как сию естиаторию, так и другие подобные сему гостиницы истериями, а потом австериями. И в Петербурге 1718 года построена была под смотрением князя Меншикова австерия близ Троицкой пристани у Петропавловского моста и называлась Торжественною, потому что все торжества и фейерверки отправлялись на площади пред оною. В праздники государь Петр I захаживал от обедни из Троицкого собора с первосте[пе]нными вельможами в сию австерию на чарку водки. В начальники оной всегда избирался купцами первый бургомистр, и сие заведение можно было уподобить купеческому клубу. В журнале князя Меншикова 1718 года мая 24-го числа упоминается следующее: «Государь изволил отъехать из дворца (Петербургского) для встречи князя-папы, а его светлость в австерию, где, дождавшись Его Величества, который купно с упомянутым князем-папою в 5 часу в австерию прибыть изволил, и, быв с час, разъехались». Ныне определено быть в Китае только двум кофейным домам; каждый из них платит в Городскую думу акциза в год по 10 000 рублей. К содержанию их допускаются купцы всех гильдий, мещане и кондитеры, в цех записанные. В кофейных домах продается мороженое, лимонад, аршад, кофе, шоколад, ликеры, фрукты, вареные конфекты, пирожное, крендели и сухари. Сверх сих двух домов кофейных дозволено в Москве так называемым греческим оставаться на праве, доныне им присвоенном, для употребления на месте ничего более не продавать, как только гретый чай, кофе, шоколад и курительный табак.

7. Ресторации

Съестные трактиры и кухмистерские столы с 1821 года переименованы ресторациями. В Китай-городе их только шесть. Они так прибыльны, что содержатели за каждую платят акциза в Городскую думу до 20 000 ру[блей] на год. Все торгующие в рядах купцы, сидельцы, приказные служители, приезжие и бездомовые люди ежедневно там находят обед и ужин из сытных русских блюд, скоромных и постных, приготовленных. Нередко и знатные господа, чтоб разлакомить свой вкус, приправами французскими притупленный, заказывают тут прихотливые столы с осетровою ботвиньею, дорогими стерлядями, сдобными, кулюбаками и наварными щами. Право содержания ресторации предоставлено купцам и мещанам. При столе там служат в опрятных и красивых рубашках русские крестьяне. Число ресторации определяется в каждой части города по соображению многолюдства и потребности в них.

8. Трактиры и герберги

Трактиры и герберги отдают с торгов в содержание купцам и мещанам на четыре года. Откупная за то сумма взносится в Городскую думу. Положением 1821 года 2 февраля в трактирах позволяется держать стол, чай, кофе, продавать виноградные вина, водки, пиво и мед и иметь биллиарды, но в каждом не более трех. Вход в трактиры женщинам особен-

но воспрещен, а за допущение туда солдат и слуг в ливрее взыскивается денежный штраф. Каждый трактир должен иметь вывеску с означением своего названия. Открывать трактиры предписано не ранее девяти часов утра, а продажу в них прекращать в одиннадцать часов вечера. Но часы у них неверны; утром всегда идут вперед, а по вечерам много отстают.

9. Харчевни

В харчевнях содержат всякий харч вареный, печеный и жареный для простого народа, а на утоление жажды позволяется харчевникам продавать только полпиво и квас. Харчевни, белыми называемые, для помещения приходящих обедать за столом не могут занимать более трех горниц, включая в то число и ту, где готовится кушанье. Есть и черные харчевни в виде лавочек, там не готовят щей, а продается кусками в мясоед вареное мясо, в пост же рыба. Содержатели сих последних имеют своих разносчиков, с которыми рассылают разные съестные припасы на лотках для продажи по улицам и рынкам.

10. Питейные дома

Питейные дома назывались в старину кружечными дворами, кружалами, казенными вольными домами и кабаками; нынешнее ж название дано им в 1779 году. Первый кабак в Москве построил царь Иоанн Васильевич для своей опришины на Балчуге за Живым мостом. Буйное своевольство опришников часто подавало тогда справедливые причины к народному ропоту. Царь Феодор Иоаннович, по благочестию своему, приказал разрушить сие здание, но царь Борис Годунов для скопления государственных доходов возобновил оное. При царе Алексее Михайловиче определено в каждом городе быть по одному кабаку и в Москве трем. Но вскоре они размножились в столице. Петр I желал возложить винную поставку и продажу на ратуши, как и было в некоторых городах, токмо многие из них за частыми переменами в положениях о вине отказались от сей ответственности. Прежде на всех питейных домах ставили государственный герб, а ныне одна надпись их означает. Тут продают вино врознь казенными мерками для питья каждому приходящему, и для разноски по домам водку в штофах, настойку травную и пиво низшего достоинства, ибо лучшее продается в портерных лавочках. В 1665 году на кружечные дворы подряжалось ведро вина по одиннадцати алтын (33 копейки). Ныне ж продается полугарное по 8, а пенное по 10 рублей ведро. Продажа казенного вина иногда бывала на вере, а иногда на откупу. В 1817 году винною поставкою и продажею озабочены казенные палаты под ближайшим наблюдением вице-губернаторов. Хотя годовую пропорцию вина в Москве и предполагается распродавать до 1 200 000, но в 1819 году выручено было от продажи оного только 6 640 880 рублей. В Китай-городе ныне девять питейных домов, в том числе находится и называемый истериею, из греческой гостиницы в кабак превращенный, пред которым находится несколько черных харчевен, Обжорным рядом именуемых. Кстати, упомянуто здесь и об уничтоженном ныне кабаке, находившемся против Троицы под Горою, под названием Неугасимого; потому что помещался в подвале, не имевшем дневного света, и токмо свечами слабо освещаем был. Мошенники, пользуясь темнотою, безбоязненно сбывали там с рук покраденное плутам-покупщикам и при поимке смело могли утверждать, что не могут узнать в лицо, кому продали похищенную вещь. Полиция прекратила наконец сие злоупотребление, слишком долго продолжавшееся. Был кабак и в Кремле у Тайницких ворот, прозываемый Катком. Уничтожить его приказала императрица Анна Иоанновна по причины частых там озорничеств от фабричных суконщиков.

11. Цирюльни

Цирюлен в Китай-городе тринадцать. Брить бороды и носить европейское платье государь Петр I повелел при наступлении XVIII века, 1700 [года] генваря 4-го. Чрез двенадцать дней появились на всех городских воротах развешенные для образца кафтаны, и жители московские, исполняя волю царскую, чрез одни сутки преобразились. Скоро дошло дело и до женских нарядов; московские щеголихи должны были расстаться с старинными русскими нарядами и носить по образцам чепцы, кунтуши, бостроги, юбки немецкого покроя и черевики. Кто не успел или не хотел сделать себе иностранного платья и выбрить бороды, тех останавливали на улицах и брали денежную пеню, с пеших по 40 копеек, а с экипажных по 2 рубля. Фельдшеры, портные и сапожники богатели, а пристрастные к старине горевали. Кому жаль было расстаться с бородою и усами своими, на таких упрямщиков наложена была ежегодная в казну подать: первостатейные купцы платили за право оставаться бородатыми сто рублей, приказные и служащие шестьдесят рублей, прочие ж все состояния по тридцати рублей. Для свободного им везде пропуска давалась медная монета величиною в грош с изображенною на одной стороне бородою и с подписью на обороте: «Деньги взяты». При Екатерине I сей знак переменен. Для от-

лички от обыкновенных монет вычеканили четвероугольную медаль, на которой среди бордюра из бород поставлены были слова: «С бороды пошлина взята, 1725»,—а по краям: «Борода лишняя тягота». Одни только священнослужители и крестьяне, в деревнях живущие, освобождены были от налога на бороды. При сей эпохе костюмов первыми содержателями цирюлен в Москве были отставные фельдшера, из Германии для гвардейских полков выписанные, потом брили бороды и пускали кровь выехавшие грузинцы, и назывались рудометами. Ныне хозяева цирюлен по большей части из отпущенных вечно на волю господских людей, в фельдшерский цех записанные, и называются цирюльниками. В старину звали целюриками помощников при полевых лекарях.

Конец второй книги

КНИГА ТРЕТЬЯ

ГЛАВА I

ПОСТРОЕНИЕ БЕЛОГО ГОРОДА, ВОРОТА, ПЛОЩАДИ, УЛИЦЫ И ПЕРЕУЛКИ, МОСТЫ И САД, КРЕМЛЕВСКИМ НАЗЫВАЕМЫЙ

1. Кем и когда построены стены Белого города и когда сломаны

Нашествие в 1571 году мая 24-го крымских татар на Москву заставило подумать бояр о надежнейшем укреплении столицы; но бедственная война с польским королем Стефаном Баторием отклонила царя Иоанна Васильевича от сего предприятия. Тогда обрыли только высоким валом среднюю часть города. Царь Феодор Иоаннович вскоре по вступлении своем на престол заложил в 1586 году возле того вала толстую кирпичную стену, которую чрез семь лет отстроили, облицовав ее белым камнем. Она обоими концами примыкалась к Москве-реке и имела вид, похожий на полумесяц. При производстве сего строения мастером был русский человек Федор Конь, а по иным летописям Конон Федоров. Царь-строитель назвал сие укрепление Царевым городом, но по белизне с обеих сторон народ прозвал его Белым городом.

Благочестивый Феодор учредил ежегодно в первое воскресенье Петрова поста крестный ход вокруг сей стены городской. Каждый патриарх на другой день постановления своего обязан был объехать кругом Белый город на осляти в препровождении двух старших архиереев и царских чиновников. Шедшие пред ним певчие воспевали священные песни. Пред каждыми городскими воротами патриарх сходил с осляти, читал молитвы и троекратно кропил водою. Чрез двести лет неприятели России не дерзали приближаться к столице, и ограждение Белого города сделалось тщетным. Между тем стены начали ветшать и обваливаться, а возобновление оных потребовало бы больших издержек. Императрица Екатерина II повелела в 176 [авт. пропуск] * году предоставить в пользу Воспитательного дома. Все место, под стеною и валом бывшее, повелено, не застроивая, усадить рядами деревьями, что и приведено ныне в исполнение. От Александровского монастыря до Яузского моста посажены вокруг всего Земляного города липы в четыре ряда с широкою посредине дорогою, которая от Петровских ворот до Арбатских наилучшим образом для пешеходов сделана и которую, называя Бульваром, прочищают и зимою для прогулки в ясные дни.

2. Ворота в стенах Белого города

Ворот по стене городской построено было десять, а именно: Всесвятские, Пречистенские, Арбатские — они назывались Смоленскими и Ваганьковскими, Никитские, Тверские, Петровские, Сретенские, Мясницкие — они в половине XVII столетия Фроловскими назывались, Покровские и Яузские. Всесвятскими и Тресвятскими воротами назывались построенные у Каменного моста близ церкви Всех святых и достопамятны тем, что при осаде в 1612 году Кремля и Китай-города князь Димитрий Михайлович принял тут выпущенных поляками боярских жен и детей, в числе которых находился юный Михаил Романов, и не допустил казаков ограбить их. Пречистенские ворота прежде назывались Чертольскими и вся та окрестность Чертольем, т. е. Чертовым полем; но указом царя Алексея Михайловича в 1658 году апреля 15-го повелено их и Чертольскую улицу именовать Пречистенскими. Никитские, Арбатские и Пречистенские ворота припоминают нам незабвенный подвиг князя Пожарского: что он, пришед для освобождения Москвы, облег Белый город и, окопавшись от Никитских ворот до Алексеевской башни, расположил тут свой стан. Другое происшествие столь же достопамятно: при осаде 1619 года октября 1-го королевичем Владиславом Москвы сделан был в самую полночь приступ к Арбатским воротам и, приставя к оным [авт. пропуск] ** вломился в город; но предуведомленные о нападении двумя французскими перебежчиками воеводы удачно отразили сие неча-

* 1764.— **С. Д.**
** лестницы.— **С. Д.**

янное покушение. Пред Тверскими воротами в Гонной (Ямской) слободе 1611 года было сражение с поляками, которых стрельцы, тут поселенные, не пропустили далее. Потом защищал их окольничий Артемий Васильевич Измайлов. Яузские ворота отстоял тогда Иван Матвеевич Бутурлин, а потом Прокофий Ляпунов защищал; Покровские и Сретенские ворота защищали князь Федор Волконский, Иван Волынский, князь Федор Козловский и Петр Мансуров. Означенные десять ворот были с башнями, и хотя вместе с Белым городом сломаны были, но места, на которых они находились, доныне прозываются воротами. При императрице Екатерине, когда приезжала она в Москву торжествовать мир с турками, сделано было несколько триумфальных деревянных ворот. По случаю коронации императора Павла I также построены были ворота на Тверской и Мясницкой улицах.

3. Площади

В Тверской части две площади: одна пред Воскресенскими воротами и лавками на Неглинной, чрез которую был прежде Каменный мост, а другая обширнейшая площадь находится в Охотном ряду, от театра за перекресток на Моховую улицу простирающаяся. Всякие мясо, рыбы, птицы, зелень, поваренные коренья, огородные овощи в чрезвычайном изобилии по торговым дням туда привозятся на продажу из окрестностей Москвы как на главную для столовых припасов, и часто все пространство площади заставляется вазами. Цены на жизненные припасы по временам года меняются, но едва ли и теперь в какой-либо европейской столице могут быть дешевле. Площадь сия прозвана Охотным рядом — по лавкам, бывшим тут издавна для поющих охотничьих птиц и всякого рода голубей. Выученные соловьи, кенарейки и жаворонки дороже всех других птиц продаются. За них платят от 100 до 500 рублей содержатели съестных трактиров для привлечения гостей к столу своему. Отменные голуби, чистыми называемые, также дорого ценятся, когда, делая малые круги, взвиваются на непомерную высоту; тогда уже смотрят на них через большой таз с водою, на земле поставленный. Гончие, борзые, легавые и комнатные собаки тут же продаются. Исстари тут были мучные лавки; птиц всяких продавали близ курятных ворот. Другая площадь для складки привозимых во множестве яблок, груш, арбузов, дынь, слив и винограда отводится ныне между Ильинскими и Никольскими воротами, где на все лето до глубокой осени ставятся лубочные балаганы. До построения Экзерциргауза сия продажа производилась на Моховой в возах. По плану Москвы бывшего в 169 [авт. пропуск]* году Олеария значится, что на том месте, где ныне Охотный ряд, были мучные лавки, а ближе к Китай-городу продавались телеги и сани; тут же и Рыбный ряд находился.

4. Улицы и переулки

Тверская часть состоит из пяти кварталов, ограничивается Земляным городом от Пречистенской части, стеною Китая от Городской части, Москвою-рекою от Пятницкой и Якиманской частей, земляным валом [от] Пречистенской и Арбатской частей и прикосновенна к Мясницкой части. Улиц в Тверской части считается десять: Петровка, Тверская, Никитская, Пречистенка, Димитровка, Кисловка, Воздвиженка, Моховая, Знаменка и Ленивка. Переулков между ими в 1783 году полагалось сорок, из коих каждый имел свое наименование. С Петровской улицы переулки: Старый, Серебреницкий, Важенский, Шубинский, Петровский, Кузнецкий, Копьевский. С Тверской улицы переулки: Вяземский, Гнездниковский, Леонтьевских два, Вражковских два, Хлыновский, Вознесенский, Глухой, Строганов, Никитский. С Никитской улицы: Калашный, Кисловских два, Леонтьевский. С Пречистенской улицы только два переулка: Алексеевский и Талызин. С Дмитриевской улицы было восемь переулков: Молочный, Сергиевский, Алексеевский, Шубинский, Одоевский, Кузнецкий. Егорьевский и Алексеевский. С Воздвиженской улицы два переулка: Воздвиженский и Ваганьковский. С Знаменской улицы: Знаменский, Воздвиженский, Ваганьковский. С улицы Ленивки: Воздвиженский и Лебяжий.

5. Каменные мосты

Старым Каменным мостом назывался построенный через речку Неглинну Троицкий. На сем-то мосту 30 апреля 1598 года встречен был духовенством, синклитом, воинством и всеми гражданами избранный на царство Борис Годунов. Чрез Москву-реку Каменный мост начат строиться 1687 года Чернцом и чрез пять лет окончен. По записным тогдашнего времени книгам стоил он [авт. пропуск]. На нем выстроены были лавки, в которых продавались стулья, кресла, ширмы, отчего и ныне мебельные магазины находятся по близости к Камен-

---

* 1634.— **С. Д.**

ному мосту. Нынешний мост на арках отстроен в 1785 [году] инженер-полковником Иоган[ном] Герардом.

6. Кремлевский сад

От Воскресенских ворот до Троицких около кремлевских стен и прежде бывших тут [авт. пропуск] * и равелинов запружена была речка Неглинна, впадающая в Москву-реку. Бесполезные укрепления земляные в 1820 году срыты и сделано одно из лучших внутри столицы гульбищ. Так называемые Кремлевские сады разделяются на три части, из коих первая — к Воскресенским воротам ближайшая — открыта 30 августа 1821 года, другая, от Троицких ворот,—в тот же радостный день тезоименитства императора Александра 1822 года, а третья, примыкающая к самому берегу Москвыреки часть сада,— в 1823 году того же числа во время пребывания государя в первопрестольной столице. Сии сады устроены по высочайшей воле под надзором Комиссии, для строений в Москве учрежденной. На том месте, где за несколько месяцев видели зловонный ров, грязью и нечистотою наполненный, возродился как будто мановением волшебства прелестный вертоград с зеленеющими деревьями и благоуханными цветами. По обеим сторонам главной прямой дороги, обсаженной в четыре ряда рослыми липами, расположены в английском вкусе клумбы с кустарниками и цветами, мимо которых извиваются побочные дорожки. В первом саду сделан близ городской стены грот, коего арку поддерживают четыре колонны; между развалинами, поросшими мхом, излучистая, едва приметная лестница ведет на вершину грота, где во время гулянья гремит музыка. На сию площадку есть еще два пологие всхода с накиданными по сторонам обломками камней. Первый сад отделяется от другого готическим мостом Троицким, но сообщается и соединяется посредством под ним внизу длинного свода. Два большие пологие всхода на полуциркульную площадку обсажены пахучими травами и украшены вазами и статуями. По другую сторону моста сделаны все круглые чугунные лестницы. Во время стечения гуляющих вид с Троицкого моста очень приятен. Деревья, еще не разросшиеся, не препятствуют одним взглядом обнять все излучистые дорожки, по которым толпятся гуляющие. Их разноцветная одежда, зелень дерновых ковров и цветники, небрежно помещенные по всему пространству сада, представляют диковинное зрелище. Кремлевские сады прилегают с одной стороны к зубчатой городской стене, за которою возвышается красивое в своем роде здание Арсенала, а далее готическое здание Ордонансгауза. По другую сторону за небольшим рвом, граничащим сад от улицы, открыт недавно воздвигнутый колоссальный Экзерциргауз во всем его пространстве и длинный ряд лавок, коих единообразная фасада делают противоположность разнообразию сада. От площади Воскресенской главный вход сада отделен весьма красивою, высокою решетчатою чугунною оградою, местами позолоченною; на четырех столбах у ворот поставлены одноглавые орлы, а на прочих секиры позлащенные. Другие небольшие с Никитской улицы ворота из дикого камня с чугунными затворами; от них простирается во всю длину сада низкая чугунная решетка, а через ров чугунный же мостик.

ГЛАВА II
МОНАСТЫРИ, ЦЕРКВИ, ПОДВОРЬЯ И ЧАСОВНИ

1. Высокопетровский монастырь

Высокопетровский мужской монастырь построен великим князем Димитрием Иоанновичем Донским с соборною церковью во имя святителя Петра митрополита всея России на том месте, где при великом князе Юрии Владимировиче Долгоруком было Высокое село. Великий князь Василий Иоаннович 1514 года воздвиг в нем соборную церковь во имя святителя Петра митрополита, которая доныне уже три века существует. Вершина ее 15, а ширина и долина внутри 5 саженей, крестообразная с большим осьмиугольным трибуном, купол ее повершен подобно древней короне греческих царей. В каком виде наружные стены ее испещрены были при отделке разными красками, в подобном тому и доныне поновляемы были. Зодчим ее был известный Алевиз. Другая огромная соборная церковь, летняя, вышиною в 18 саженей, сооружена в 1690 году государем Петром I во славу Божьей матери, Боголюбскою нарицаемой, о пяти главах, из коих средняя вызолочена. Снаружи около окон полуколонны, а под карнизом готические украшения. В

* рвов.— С. Д.

обширной трапезе по обеим сторонам оной находятся сверх поверхности пола надгробные камни умерщвленных 15 мая 1682 года неистовыми стрельцами двух родных дядьев государевых, боярина и оружейничего Ивана Кирилловича и стольника Афанасия Кирилловича Нарышкиных. Возле их могила сестры их, девицы Евдокии Кирилловны, в то ж время скончавшейся от злополучия, постигшего семейство ее. Тут же похоронен отец их Кирилл Полуектович, 30 апреля 1691 года скончавшийся. Хотя стрельцы принудили его постричься под именем [авт. пропуск] * и отправили его в [авт. пропуск] ** монастырь, но по утишении бунта сложил он с себя невольный обет монашества, и на камне надгробном именуется боярином. Супруга его и мать царицы Натальи Кирилловны — Анна Леонтьевна, урожденная [авт. пропуск] ***, кончившая жизнь 1705 июня 2-го. Сыновья их: боярин Федор Кириллович, скончавшийся 1691 [года] марта 4-го, Мартемьян Кириллович, 1697 [года] марта 4-го, и супруга его Евдокия Васильевна ****. Лев Кириллович 1705 [года] генваря [авт. пропуск] *****, супруга его Праскева Федоровна [авт. пропуск], сыновья их: Иван Львович 1734 [года] июля 11-го, Александр Львович 1746 [года] января 25-го, и дочери, девицы Феодосия и Праскева, 1705 года скончавшиеся. Супруга Александра Львовича Елена Александровна [авт. пропуск] ******, брат Кирилла Полуектовича думный дворянин Федор Полуектович, боярин Матвей Филимонович, окольничий Иван Иванович и кравчий Кирилл Алексеевич Нарышкины. На гробах братьев и отца царицыных были бархатные покровы, в 1812 году неприятелем разграбленные. Над усопшими поставлены образа святых, тезоименитых им, с изображениями погребенных. Кроме Нарышкиных погребены в сем монастыре многие из фамилий Бутурлиных, Нащокиных, Свиньиных, Жеребцовых, Чемодановых и других, которых имена время изгладило с надгробных камней. В соборной церкви кроме икон, в начале минувшего столетия хорошо написанных, есть большие образа — Спасителя, Богоявления и портрет патриарха Никона, из шелковых тканей искусно под цвет подобранные с живописными лицами. Из записной монастырской книги значится, что сии три иконы и портрет поступили в обитель Петровскую в 1690 году из имущества боярина и дворового воеводы князя Василия Васильевича Голицына. Святая икона Богоматери, поставленная в иконостасе близ царских дверей, принадлежала жене стольника Федора Ивановича Замыцкого вдове Мавре, имевшей дом против Петровского монастыря. Дошло до сведения государя Петра I, что Замыцкая распустила молву о многих чудесах сего образа и что, употребляя во зло моление верующих, она подобрала несколько кликуш, которых будто б своею молитвою исцеляла и чрез сей вымысел много богатства собрала. Государь, облича подлог, приказал в 1698 году не только образ тот с богатым окладом, но и дом ее отдать в Петровский монастырь. Сим дворовым местом доныне владеет монастырь и пользуется доходами с оного по данной, 1691 года сентября в 5-й день из Приказа Большого дворца полученной. Третья церковь теплая, подобная второй, пятиглавая, во имя святого Сергия Радонежского чудотворца построена в одно время со второю, в иконостасе образа новые хорошей работы. Четвертая церковь, примыкающая к западной ограде по улице, небольшая одноглавая, во имя Богоматери Толь[г]ской, с главою весьма малою и украшениями тосканского ордена, построена штатс-дамою Натальей Кирилловной Нарышкиной в 1744 году. Под нею в юго-западном углу похоронен майор Иван Иванович Нарышкин, 1758 года января [авт. пропуск] скончавшийся. Пятая церковь во имя преподобного Пахомия Великого, хорошей архитектуры, высокая, с осьмиугольным трибуном и одною славою в связи с кельями при повороте в переулок, построена 1753 года архимандритом сего монастыря Пахомием и освящена архиепископом московским и севским Платоном Малиновским. Шестая церковь — во имя Покрова божьей матери — над святыми воротами под колокольней, отдельно на улицу выдавшаяся, хорошей готической архитектуры, в четыре яруса, из коих два верхние осьмисторонние с полуколоннами и другими готическими украшениями. Святые ворота о трех арках, над оными сделана открытая терраса с украшениями по парапету. Вышина колокольни 20 саженей, на ней 6 колоколов, в самом большом весу 300 пуд[ов]. По улице с одной стороны колокольни находятся кельи настоятеля, а с другой — кельи монашеские, двуэтажные, на 34 сажени; все три стороны монастыря от Петровских ворот и от соседних обывательских дворов обстроены каменною оградою в окружности на 300 саженей. Пред монастырскою

* старца Киприана.— **С. Д.**
** Кирилло-Белозерский.— **С. Д.**
*** Леонтьева.— **С. Д.**
**** Сибирская.— **С. Д.**
***** 28 января.— **С. Д.**
****** Апраксина.— **С. Д.**

стеною, против бульвара, в 1812 году французы расстреляли 13 россиян и повесили их на фонарных столбах с надписью, что казнены за произведенное ими зажигательство Москвы.

Архимандрия в сем монастыре учреждена с самого построения обители. Первым архимандритом был Иоанн, который прежде всех московских монастырей завел в нем общежительное монашеское правило. По сему-то отличию издревле находился он сперва в Патриаршем, а потом в Синодальном ведомстве. В управлении его состояли еще две обители: монастырь в Рыльском уезде Льгов и Дмитровская пустынь. Крестьян за Петровским монастырем было 5998 душ. При первом московском архиерее Иосифе Волчанском находился он с так называемыми первостатейными и [авт. пропуск] в ведении сего первосвященника, а потом опять приписан к ведомству Синодальному. В 1764 году при сочинении духовных чинов положен он второклассным ставропигиальным, а по числу пятый, с 1775 года состоит в московской епархии. По указу Святейшего Синода от 13 мая 1757 года архимандрит Высокопетровский отправляет священнослужение подобно архимандриту новоспасскому и носит мантию со скрижалями. Из числа высокопетровских архимандритов некоторые были возведены на степень митрополитов и архиереев и в 1697 году июня 6-го хиротонисан в новгородские митрополиты [...]. Иосиф Римский-Корсаков 1699 [года] сентября 17-го посвящен в Псков митрополитом. Леонид был советником Святейшего Синода и потом епископом [авт. пропуск] * Подонским. Сергей был асессором Святейшего Синода, а 1731 [года] декабря 30-го хиротонисан в епископа устюжского. Иосиф Хотунцевский 1752 [года] посвящен в епископа корельского, викария митрополии новгородской.

2. Алексеевский девичий монастырь

На крутом берегу Москвы-реки между Каменным мостом и Пречистенскими воротами, против бульвара каменные стены ограждают инокинь Алексеевского монастыря от сует мира. Посреди ограды две соборные церкви, одна во имя Алексея человека божия, по которой и монастырь называется Алексеевским, а другая во славу Преображения господня; невысокие, старинной простой архитектуры, обе с пирамидальными осьмиугольными возвышениями одинаковой величины, в готическом вкусе украшенными. В них два придела: богоматери Тихвинской и Зачатия святой Анны. Колокольня снизу четвероугольная, обширная, повершается в виде небольшой пирамиды, несоразмерной с основанием ее. Алексеевский монастырь находился прежде там, где теперь Зачатейский, а перемещен в Белый город при царе Иоанне Васильевиче, после сожжения Москвы 1571 года крымским ханом. Случившийся 10 апреля 1629 года пожар опустошил церковь сего монастыря, а кельи многократно горели. В иконостасе Алексеевского храма находится икона Грузинской богоматери местная, которой отправляют празднество 15 октября в воспоминание прекратившейся в Москве в 1655 году моровой язвы. В сем монастыре сохранились от минувших веков многие вклады: серебряная лампада пред образом Святого Алексея повешена по случаю рождения в 1629 году царевича Алексея Михайловича; серебряный вызолоченный и жемчугом обнизанный крест напрестольный в 1638 году получен от царя Михаила Феодоровича и царицы Евдокии Лукьяновны, когда сын их царевич Алексей достиг десятилетнего возраста. Другой крест с мощами боярин Борис Гаврилович Юшков дал в память супруги своей Елены Григорьевны, урожденной княжны Козловской, 1700 года. Третий крест получен от вдовы Марфы Федоровны Жихаревой. Три серебряные золоченые потира с дискосами и лжицами взнесены: один по стольнику Силу Осиповичу Аничкову в 1690 году душеприказчиком его князем Василием Федоровичем Ромодановским; другой в 1706 году от жены думного дворянина Петра Ивановича Прончищева Анастасии; третий в 1717 году от Татьяны Артемьевны Доможировой. Два Евагелия в серебряных вызолоченных окладах: большее, с жемчугом, взнесено от царицы Натальи Кирилловны; среднее, печатанное в Москве 1626-го, от патриарха Филарета Никитича. Две чаши водосвятные серебряные: гладкая, в 5 фунтов, от Степана Борисова Бутикова в 1644 году, другая, чеканной работы, с гербом, весом в 3 фунта 75 золотников, от окольничего Семена Федоровича Тологанова и жены его Натальи Федоровны. Кадило серебряное, вызолоченное, от старицы Марфы Васильевны, бывшей супруги Никифора Матвеевича Тологанова, в 1679 году. Есть несколько парчовых и бархатных риз с оплечьями, низанными жемчугом, а некоторые с цветными каменьями; на двух вынизаны жемчугом вензеля под короною княжеские, а на других двух сохранились надписи, на серебряных позолоченных дщицах вырезанные, из которых явствует, что даны одни в 1747 году от дочери статского советника Михайлы Степановича Аничкова девицы Прасковьи, а другие в 1767-м поступили на поминовение гене-

* Сарским.— **С. Д.**

рала штабс-квартирмейстера Ивана Васильевича Плохова. Когда бывший священником патриарх Никон возжелал быть монахом, то уговорил и супругу свою постричься. Она приняла иноческий образ в Алексеевском монастыре, где и скончалась в схиме. На алтарной стене показывают надгробную надпись, на которой прочесть можно только слова — «скимонахиня Таисия». В 1625 году жила в сем монастыре старица Ольга, дочь Василия Григорьевича Зюзина, жена окольничего Алексея Ивановича Годунова; но похоронена в Чудовом монастыре при гробе отца и братьев своих. В прежде бывшей паперти церковной, где устроена ныне кладовая, находится мраморный четвероугольный памятник с белою наверху урною и с бронзовыми гербами, обнесенный с трех сторон железною решеткою. Сыновняя любовь воздвигла его над прахом родителей графов Петра Ивановича и Никиты Ивановича Паниных. На западной стене церкви святого Алексея под хорами лепные надгробные украшения означают место, где похоронен генерал-аншеф князь Алексей Иванович Шаховской. В ризнице хранятся два больших знамени, висевшие прежде над сим памятником. Они сделаны из травчатой камки наподобие хоругвий. На одном из них нарисован золотом под княжескою короною вензель покойного, окруженный лентою Александровского ордена, а на другом герб князей Шаховских, яркими красками искусно отделанный с княжеской мантией. Внизу надпись. Из знатных фамилий похороненные там известны следующие: гвардии капитан князь Алексей Юрьевич Щербатов, скончавшийся 1730 [года] марта 4-го на 37-м году; князь Федор Мещерский, супруга Стефанида Юрьевна, урожденная княжна Щербатова, родилась 1698 [года], скончалась 1731-го; камер-коллегии советник Василий Алексеевич Панин, [скончавшийся] 1757 [года] на 38-м году; Анна Ивановна, супруга сенатора Нелединского-Мелецкого, урожденная княжна Долгорукова, [скончавшаяся] 1765-го. Многие из фамилии Загряжских: гвардии капитан Михаил Федорович Аргамаков, родившийся 1715 [года], скончавшийся 1766-го; игуменья Феофания Львовна Пашкова, скончавшаяся на 77-м году 1757-го. На сырную неделю, в Светлое воскресенье и в дни именин царя Алексея Михайловича, а потом царевича Алексея Петровича отсылалась к монахиням сей обители из дворца разная столовая провизия. До издания духовных штатов было за Алексеевским монастырем 1586 крестьян. Он состоит во втором классе женских монастырей и числится седьмым. В нем, как и во всех второго и третьего класса монастырях, положено быть не более 17 монахинь.

3. Никитский женский монастырь

Никитский женский монастырь построен на большой улице, которая по нему Никитскою называется, от Кремля на левой стороне. Среди монастыря две церкви, одна к другой пристроенные, обе одноглавые: соборная летняя — во имя святого великомученика Никиты и зимняя — Введения во храм пресвятые девы с приделом во имя святого великомученика Димитрия. Над святыми воротами небольшая одноглавая же церковь во славу Обновления храма Воскресения Христова. Колокольня в один ярус осьмиугольная. Все строение вообще простой готической архитектуры без всяких украшений, особенно же кельи с малыми окнами, железною решеткою переплетенными, печальную наружность представляют; но внутри монастыря и окна большие, светлые и садики с цветами заставляют забывать о наружности. По объявлению, поданному 1722 года в Синодальную канцелярию, показано, что каменные церкви монастырские построены в 1682 году патриархом Филаретом на память родителя его боярина Никиты Романовича Юрьева, деда царя Михаила Феодоровича. Кроме означенных двух храмов теперь в обители находятся три придела: во имя святого великомученика Димитрия, во имя Николая чудотворца и у святых ворот, близ колокольни, Обновлению храма Воскресения Христова посвященный. Кроме Николаевского придела, воздвигнутого игуменьей Евфросиньей после 1812 года, построение прочих неизвестно. Теперь все здание в монастыре каменное, исключая немногих деревянных келий. Нынешнею игуменьей Нектариею выстроен большой двуэтажный каменный флигель для помещения сестер. Из числа 11 колоколов, больших и малых, повешенных на колокольне, на четырех находятся надписи: 1. Праздничный весом 175 пуд[ов] 13 фунтов, перелит при игуменье Евфроси[нь]е 1816-го августа 10-го из старого, отлитого в 1730 году, который весил 111 пуд[ов] 15 фунтов; 2. Колокол слит в Москве 1807 [года] марта 24-го к церкви Преображения господня, что в Копьях, и после 1812 года дан в монастырь преосвященным Августином; 3. Отлит в Москве на заводе Дмитрия Пирогова и 4. Весом 30 пуд[ов] 36 фунтов, вылит в 1748-м апреля 6-го. В 1812 году сгорел весь монастырь, кроме Дмитровской и Воскресенской церквей, почти со всей утварью. На возобновление оного пожаловано государем императором игуменье Евфроси[нь]е двадцать девять тысяч рублей. Сей пожар истребил всю ризницу и древние иконы с частями мощей разных угодников божьих и великомученика Никиты. Теперь мелкие части мощей даны от

усердствующих. До 1812 года в обители хранился крест, сделанный по благословению патриарха Иоакима на церковные деньги. Из старых икон остались только две: Николая чудотворца, древняя, в серебряном окладе, с жемчугами и каменьями, и икона Тихвинской божьей матери, старого письма, возобновленная после 1812 года, с жемчужным украшением. В ризнице сохранились только следующие достопамятности: 1. Белые парчовые ризы, данные по окольничем Языкове; на них спереди представлено Знамение и два херувима, по бокам два ангела, а сзади деисус (т. е. Спаситель, Богоматерь и Предтеча); все изображения вылиты из серебра и позолочены, лица отделаны финифтью, вокруг оных усажено крупным жемчугом, а сверху и снизу изображений находится вынизанная мелким жемчугом следующая надпись: «[В] 1701 году ноября в 27 д[ень] преставися раб божий окольничий Семен Иванович Языков, а даны сии ризы для поминовения души его в Никитский девич[ий] монастырь». 2. Пелена, сшитая лет за полтораста, представляет великомученика Никиту; вокруг изображения также вышит тропарь сему угоднику божию и 3. Медный крест, повешенный на железной цепи, или веригах, на коем с одной стороны представлено изображение распятого Спасителя с тропарем кресту господню, а с другой стороны вырезан кондак. Сей крест с веригами возлагают на болящих, а более беснующихся, покрывая их пеленою с изображением великомученика, хотя никто в обители не знает, по какому случаю и когда установлено такое врачевание. В жизни святого Никиты (только по старым спискам) рассказывается, что когда великомученик был заключен в темницу, пришел к нему дьявол, прельщая поклониться кумирам; праведник молился, желая знать, кто таков посланный к нему вестник; архангел Михаил, явившись ему, сказал: сними оковы с ног твоих и бей его, он скажет. Тогда открылось искушение вражье. По поводу сего сомнительного повествования (которое осуждалось еще в XVII веке) великомученик Никита представляется на древних иконах (таковая икона была и в обители до 1812 года), на третных образках и крестах поражающим веригами, или оковами, дьявола; по сему случаю и в Никитском монастыре хранятся в память сего сказания вериги как исцеление от беснования. На памятниках надгробных значатся следующие имена: окольничий Семен Иванович Языков скончался 1701 [года] ноября 27-го; окольничий Филимон, зовомый Михайло Тимофеевич Лихачев,— 1706-го; жена думного дворянина Ивана Степановича Телепнева — 1708 [года] августа 4-го. За алтарем Введенской церкви, в трапезе Дмитровской, на стенах: Сытного дворца стряпчий Козьма Иванович Кормилицын, 1703 [года] марта 20-го, и жена его Федора Степановна; стольника Афанасия Яковлевича Колычева вдова Настасья Ивановна — 1728-го. Внутри церкви похоронены: действительный статский советник Матвей Семенович Козьмин, скончался 1764 [года] декабря 29-го на 75-м году от рождения; княгиня Анастасия, супруга стольника, князя Федора Васильевича Горчакова, дочь Федора Евдокимовича Баскакова,—1736 [года] мая 31-го на 84-м году; княгиня Анна Михайловна, супруга князя Ивана Ивановича Давыдова, дочь Михаила Борисовича Замятина,—1749 [года] февраля 30-го на 32-м году; жившая в сем монастыре белицею полковница Фекла Павловна Неелова, 1765 [года] марта 23-го на 76-м году; Фекла Петровна, супруга стольника Ивана Мироновича Кологривова,— 1697 [года] мая 28-го на 51-м году; коллежский советник Сергей Аверкиевич Попов — 1770 [года] декабря 21-го на 68-м году (он отказал по смерти своей в сию обитель большую икону Тихвинской богоматери, украшенную серебряною вызолоченною ризою, дорогими каменьями и жемчугом); ключарь московского Архангельского собора Петр Алексеевич, духовник императора Петра II — 1759 [года] апреля 1-го на 77-м году; Марья Алексеевна Шидловская, супруга генерал-майора, прежде бывшая за вице-президентом духовных дел Феодором Ивановичем Яворским,— 1753 [года] февраля 2-го на 97-м году. Неонила Федоровна Синявина, супруга вице-адмирала Наума Иоакимовича,— 1774 [года] января 9-го на 87-м году; надворный советник Сергей Никифорович Арбузов — 1770 [года] на 40-м году. Дмитрий Алексеевич Борисов, советник Берг-коллегии,— 1768 [года] февраля 25-го на 64-м году, и сын его Петр Дмитриевич, Переславля Рязанского прокурор,— 1768 мая 30-го на 35-м году. Генерал-аншеф, лейб-гвардии Преображенского полка подполковник, обер-гофмейстер граф Семен Андреевич Салтыков, скончавшийся 1792-го октября 1-го на 76-м году от рождения. Тут же похоронен 1751-го января 5-го сын его, московский вице-губернатор граф Владимир Семенович и многие другие; но надгробные надписи иные от времени изгладились, а другие так забелены, что прочесть невозможно. По духовным штатам сей монастырь числится пятым между троеклассными женскими монастырями.

Приписанных к оному крестьян не значится, в 15 сентября ежегодно посылалась к инокиням из дворца подача.

4. Монастыри, обращенные в приходские церкви

В разные времена по особенным случаям в течение минувших веков некоторые из прежде бывших монастырей московских упразднены и обращены в приходские церкви, в Тверской части таковых пять:

1) Святого Николая чудотворца в Хлынове; от Никитских ворот к Кремлю на левой стороне в первом переулке придельная, а настоящая Введения во храм пресвятые девы, с другим приделом Знамения богоматери. Монастырь сей основан был в 1556 году по отпуске из Москвы в город Хлынов, Вяткою нами называемый, святой иконы Чудотворца Николая; а после разорений Москвы от поляков упразднен. Церковь монастырская издавна была каменная, а когда пришла в ветхость, то в 1773 году сломана, воздвигнут новый храм, 1777-го освященный. От прежнего здания остался один в особенном отделении малый придел во имя Казанской богоматери, который 1808 года мая 20-го обновлен и утварью снабден.

Все старинные камни надгробные употреблены под строение церкви и колокольни. Настоящая церковь одноглавая новейшей гражданской архитектуры с круглым трибуном и колоннами. Колокольня четвероугольная в три яруса с невысоким шпилем, в большем на ней колоколе 328 пуд[ов]. Близ сей церкви в исходе XVII столетия был двор стольника Андрея Васильевича Толстого, а потом сына его графа Петра Андреевича. Во время стрелецкого бунта 17 мая 1682 [года] стрельцы умертвили боярина Ивана Максимовича Языкова, сокрывшегося в доме духовника своего у Николы в Хлынове.

2) Моисеевский девичий монастырь, когда построен неизвестно, находился при повороте на Моховую с Тверской улицы на углу левой стороны, где теперь площадь. Настоящая церковь была Благовещения, с двумя приделами — Моисея боговидца и святого Николая чудотворца, протоиереем дворцовой церкви Рождества богородицы, что на Сенях, в 1647 году построенная. При сочинении духовных штатов в 1764 году монастырь сей упразднен и оставлен тогда приходскою церковью, кельи сперва обращены были в богадельню, а потом в казармы для солдат московского батальона, когда ж все церковное здание обветшало, то в 1789 году сломано, и материал с утварью поступил на строение церкви Вознесения господня на Гороховом поле.

3) Михаила Малеина девичий монастырь, построенный великою инокою Марфою Иоанновною меж Знаменки и Воздвиженки, где прежде был двор Тургенева, по избрании на всероссийский престол сына ее царя Михаила Феодоровича, в воспоминание дня ангела его, с приделом апостола Иакова Алфеова. Ныне тут красивые палаты господина Пашкова с садом и фонтанами. Милосердный государь повелел выстроить тут богадельню для призрения немощных женского пола, за которыми имели попечение сердобольные монахини, а потому и называлось сие урочище у Тургеневских Богаделен. В 1692 году игуменья Марфа с 90 сестрами просили царей Иоанна и Петра о позволении им построить новую колокольню и починить церковные ветхости из царской казны.

4) Крестовоздвиженский мужеской монастырь, на улице Воздвиженке, от Арбатских ворот на Моховую с правой стороны. О начальном построении церкви в воспоминание Воздвижения животворящего креста господня летописи повествуют, что на сем месте был двор великокняжеского казначея Владимира Григорьевича Ховрина, что он в 1440 году создал тут каменный храм во славу Честного креста, который 1445 года июля 14-го от большого в Москве пожара, Суздальщиною именуемого, разрушился, и что на том же самом основании он воздвиг в 1450 году храм божий, снаружи кирпичный, а внутри каменный. Через двести пятьдесят лет сия церковь обветшала, и по изволению Петра I в 1701 году началось построение оной в том виде, как она теперь, и окончилось уже в 1728 году. Освещение храма совершал 14 сентября митрополит коломенский и каширский Игнатий. До составления духовных штатов состояло за сим монастырем 309 душ. Здание церковное в два этажа, огромное, готической архитектуры, составлено из пяти кругов, соединенных между собою и крест образующих; над каждою из четырех округлостей особая глава, пятая же посреди, превышающая прочие, поставлена на высоком осьмистороннем трибуне, состоящем из трех ярусов с уступами. С двух сторон церкви переходы на арках крытые. Стоявшая по улице колокольня сломана, под которой был храм во имя святого Иоанна, епископа новгородского. При верхней соборной церкви два придела: с правой стороны святителя Василия Парийского, а с левой — во имя святого Александра, монаха обители неусыпаемых. В нижней церкви во имя Успения божьей матери два ж придела — по правую сторону святого Григория Богослова, а по левую — преподобного Симеона Персидского. Есть еще церковь особенная Казанской богородицы. Двуэтажные братские кельи и ограда построены в 1684 * году княгинею Прасковею Ромоданов-

* 1660.— С. Д.

скою. Много было старинных надгробий в сем монастыре, но от минувших веков уцелели токмо позднейшие: 1. Супруги флота капитана Михайлы Петровича Власова Елены Григорьевны. 2. Гвардии каптенармуса Николая Петровича Соковнина и матери его. 3. Генерал-аншефа Василья Яковлевича Левашева. 4. Генерал-поручика Федора Васильевича Наумова. 5. Канцлера графа Михайлы Ларионовича Воронцова и 6. Генерал-майора Федота Михайловича Каменского, убитого в 1701 году под Нарвою. На памятнике, поставленном в 1798 году от сына его фельдмаршала графа Михайлы Федотовича по воле сестры его Марьи Федотовны Брылкиной, изваяно, что тут же покоится его мать Аграфена Ульяновна, урожденная Зыбина, и дед Михаил Сергеевич. Против сего памятника устроен был придел во имя священномученика Феодота, епископа Киринийского. После неприятельского в 1812 году нашествия Крестовоздвиженский монастырь превращен в приходскую церковь, а в монашеских кельях помещаются священнослужители Большого Успенского собора. До учреждения штатов и по штатам 1764 года настоятельство в сем монастыре было игуменское, а в 1798-м декабря 18-го по именному указу императора Павла I учреждена в оном архимандрия 3-го класса. За сим монастырем состояло по ревизии 309 душ крестьян.

5) Георгиевский девичий монастырь на Большой Дмитровке, от Охотного ряда на левой стороне, построен в доме боярина Юрья (Георгия) Захарьевича тщанием и иждивением дочери его, девицы Феодосии Юрьевны. Она была родная тетка первой супруге царя Иоанна Васильевича Анастасии Романовне. По кончине родителя своего обратила она дом свой в обитель святую, создав в оном на вечное поминовение его церковь во имя великомученика Георгия. Сорок избранных ею благочестивых дев, отрекшиеся от прелестей мира, подвизались с нею денно и нощно в посте и молитвах. Феодосия погребена за алтарем воздвигнутого ею храма божия, и память над гробом ее более двух веков ежегодно совершалась. Нет сомнения, что благочестием, просвещенным разумом и христианскими добродетелями славившаяся царица Анастасия способствовала своим иждивением и предстательством у царя-супруга в построении сего монастыря, как из уважения к благочестивому подвигу родной тетки, а может быть, и воспитательницы, так и потому, что дом сей был с издетства жилищем самой царицы. Царь Феодор Иоаннович, чтя сию обитель, в доме родственников его устроенную, повелел обветшавшую построить вновь и при всех крестных ходах носить из Георгиевской церкви икону святого Феодора Стратилата, а тем более по восшествии Романовых на всероссийский престол оная поддерживалась богатыми вкладами и в храмовые праздники посылалось игумене с сестрами из дворца. В Георгиевском монастыре есть еще три церкви, отдельно построенные: 1. Казанской богородицы с приделом Алексия человека божия и святые великомученицы Екатерины, созданная в 1673 году боярином Родионом Матвеевичем Стрешневым. 2. Во имя святого Захария и Елисаветы, построена княгинею Прасковею Петровною Шаховскою в 1750 году и освящена московским архиепископом Платоном Малиновским. Храмоздательница с детьми своими похоронена в сей церкви; после вторжения в Москву неприятеля остается доныне невозобновленною и неосвященною, в крайней обветшалости. 3. Нерукотворенного Спасова образа над святыми воротами. Соборная церковь святого Георгия и Казанской богоматери, хорошей готической архитектуры, обе о пяти круглых главах с украшениями по карнизам около окон и по углам стен. Колокольня внутри ограды высокая, с пирамидальным верхом и полуколоннами, осьмиугольная. За Георгиевским монастырем были вкладные деревни 757 душ. По штату 1764 года состоял он в 3-м классе и по списку числился между женскими монастырями третьим. Кельи монахинь и многих белиц, тут помещавшихся, были деревянные и в 1812 году все без остатка сгорели, потому духовное начальство упразднило монастырь, обратив оный в приходскую церковь и устроило тут жилище для священнослужителей Благовещенского и Архангельского соборов в построенном для сего большом двуэтажном корпусе. В трапезе церкви святого Георгия с правой стороны похоронены многие из фамилий Головкиных, в числе их и граф Михаил Гаврилович и учитель Петра I граф Никита Моисеевич Зотов. С левой стороны в трапезе лежит род Савеловых; а за левым клиросом сохранено во всей целости надгробие графу Александру Борисовичу Бутурлину с портретом его и огромною надписью всех титулов его и всех заслуг. Вне церкви похоронены: Анна Васильевна Стрешнева, жена боярина Феодора Петровича Салтыкова, Анастасия Михайловна, дочь князя Михаила Юрьевича Ромодановского, бывшая за Алексеем Федоровичем Салтыковым; генерал-адъютант Василий Федорович Салтыков; Елена Леонтьевна Ушакова. Из четырех снятых с гробов камней, которыми подделан столб в трапезе Казанской церкви, значится, что оные положены были над князьями Троекуровыми. Есть много еще надписей, и чем они старее, тем неудобнее разобрать, при поправ-

ке церквей не только с них сбиты слова, но заштукатурены и закрашены, и с трудом догадаться можно, что тут было нечто изваяно.

4 *. Церкви приходские

1. Церковь преподобного Сергия чудотворца, называемая в Крапивках; в переулке против задних ворот Высокопетровского монастыря, с двумя приделами: Рождества Иоанна Предтечи и Николая чудотворца; невысокая, простой гражданской архитектуры, одноглавая с осьмиугольным трибуном и пилястрами тосканского ордена. Колокольня в два яруса осьмиугольная ж, колокола с нее сняты, по недостаточному содержанию от малого числа приходских домов назначена к упразднению и вся церковная утварь приписана в церковь Григория Богослова. О построении ее нет никаких сведений, а из прежних описей значится только то, что в 1658 году она была деревянная.

2. Церковь святого Димитрия Селунского у Тверского бульвара, на углу от Воскресенских ворот на левой стороне, так именуется по приделу, а настоящая — во имя Живоначальные Троицы с другим приделом во имя святой великомученицы Екатерины. Сооружена в царствование Иоанна IV, а в 1802 году перестроена вновь, с большим круглым трибуном и куполом, одноглавая, по стенам пилястры и колонны тосканского ордена. Колокольня, отдельно от церкви стоящая на Тверской улице пред алтарями, старинной готической архитектуры, четвероугольная, пирамидальная, с небольшими в верхнем ярусе колоннами. При недавней перестройке все прежние нагробные памятники истребились.

3. Святителя Алексея митрополита на Глинищах, меж Тверской и Большой Дмитровки, от Тверских ворот во втором переулке на левой стороне, с двумя приделами — святого Николая чудотворца и Всех скорбящих радости. В сем последнем приделе за престолом на стене надпись: «Лета 1700 сентября в 22 день... преставился... строитель храма сего дьяк Иоанн Кононов сын Алферьев». Точного известия нет, один только придел строил он или перестроил всю церковь, ибо в 1658 году о ней упоминается, что она была каменная. По наружным стенам есть много надписей, но они совсем изглажены. Церковь довольно высокая, пятиглавая, старинной готической архитектуры с немногими украшениями по стенам. Колокольня отделена от церкви, невысокая, простой гражданской архитектуры, в два яруса, из коих нижний четвероугольный, а верхний круглый, глава шпилем.

4. Преподобного Сергия чудотворца, что на Дмитровке, на Большой Дмитровке, от бульвара на углу первого с правой стороны переулка; известна по приделу, а настоящий храм во славу Успения пресвятой богородицы; другой придел был Воскресения Христова, фельдмаршалом графом Петром Семеновичем [авт. пропуск] ** 1756 года в ознаменование побед, одержанных им над королем прусским [авт. пропуск] *** устроенный; но ныне освящен во имя святого Николая чудотворца. Кем и когда сооружена сия церковь, сведений нет, а в половине XVII века о ней уже упоминается в том виде, как она есть. Церковное здание обширное и высокое, готической архитектуры, с украшениями около окон и с полуколоннами по углам. Летняя о пяти круглых главах, а над зимнею сделана особая глава на большом осьмиугольном трибуне, покрытом плитами. Колокольня невысокая, осьмиугольная.

5. Святого Григория Богослова, что на Дмитровке, между Петровкою и Большою Дмитровкою, в переулке от Петровского монастыря на правой стороне, именуется по приделу, а настоящий храм во славу Преображения господня, есть и другой придел — в Воспоминание чудотворений от иконы Богоматери Владимирской. Сооружен прежде половины XVII века, поелику есть в стене надпись надгробная 1652 года, а придел Владимирский устроен ближним стольником Иваном Ивановичем Бутурлиным и освящен в 1709 году. Церковь одноглавая, простого старинного зодчества, без всяких украшений с большим осьмиугольным трибуном и куполом. Глава имеет сходство с церковью в Высокопетровском монастыре Петра митрополита, хотя и менее той. Колокольня высокая, древней готической архитектуры с осьмиугольным пирамидальным верхом. Против сей церкви дом, ныне принадлежащий малолетним князьям Трубецким, прежде принадлежал патриарху Иоакиму из роду Савельевых. По кончине его Петр I приказал взять его в казну и учредил тут инвалидный дом.

6. Рождества богородицы в Столешниках, на Петровке, от монастыря Петровского на правой стороне, с двумя приделами во имя святого Николая чудотворца и святого Пафнутия Боровского. В начале минувшего столетия был еще придел во имя святой мученицы Фотинии Самарянины. Церковь простой граж-

---

* Глава II имеет два раздела под номером 4.— **С. Д.**

** Салтыковым.— **С. Д.**

*** Фридрихом.— **С. Д.**

данской архитектуры, о пяти круглых главах, а колокольня готическая, с осьмиугольным пирамидальным верхом, построена за двести лет пред сим. Столешниками назывались тогда ткачи скатертей.

7. Преподобной матери Параскевы, на площади Охотного ряда с приделами во имя Рождества Иоанна Предтечи и святого Николая чудотворца. Нижняя церковь давно была построена, а ближний боярин, дворцовый воевода и государственных посольских дел оберегатель князь Василий Васильевич Голицын надстроил над оною храм во славу Воскресения Христова, патриархом Иоакимом 1687 года января в 23-й день освященный, и снабдил богатою утварью. Из верхней церкви к дому его сделаны были переходы. В записках Успенского собора значится, что 14 октября ко двору князя Голицына для праздника святой Параскевы по 1691 год посылал патриарх служить архиерея, двух архимандритов, игумена и двух протопопов. После злополучия, князю Голицыну приключившегося, дом его отдан был имеретинскому царю [авт. пропуск] *, и как у него, так и у потомков его верхняя церковь Воскресения долго оставалась на их содержании. Церковное здание высокое, готической архитектуры, о пяти главах, из коих средняя большая на осьмиугольном трибуне; стены украшены фигурами новейшей готики. Колокольня такой же архитектуры, четвероугольная, высокая, с полуколоннами по нижнему ярусу. Вдовствующая супруга фельдмаршала графиня Анна Родионовна Чернышева, быв побуждаема благочестием устроить при доме дворянского собрания храм, пожертвовала на сие 60 000 рублей. Исполнитель воли ее генерал от кавалерии Апраксин употребил сию сумму на отделку церкви в верхнем этаже во славу Воскресения Христова, освященной 3 декабря 1816-го, и двух при ней приделов — во имя святой Екатерины и Александра Невского. Особенное внимание при сей отделке обращает на себя живопись, изобразившая святых, которых память празднуется во дни знаменитых побед, одержанных над опустошителями Москвы с 26 августа 1812 года по 18 мая 1814-го. На память сражения под Бородином 26 августа 1812-го изображены святые мученики Адриан и Наталия; на бегство из Москвы Наполеона 10 октября того ж года святой мученик Евлампий; на взятие у французов Смоленска 5 ноября святой мученик Галактион; на сражение под Тарутином 5 октября святой Петр митрополит; на сражение под Красным 6-го того ж ноября святой Павел архиепископ; на переправу под Березиной 16 ноября святой евангелист Матфей; на сражение под Люценом 20 апреля 1813 года преподобный Феодор Трихина; на сражение под Кульмом 18 августа того ж года святые мученики Флор и Лавр; на сражение под Лейпцигом 6 октября апостол Фома; на сражение под Брэном 20 января 1814 [года] преподобный Евфимий; на сражение при Кацбахе 14 августа того ж года пророк Михей; на сражение под Фер-Шампенуазе 13 марта святой Никифор патриарх; на вступление в Париж 19 марта св[ятые] муч[еники] Хрисанф и Дарья; и на заключение общего мира 18 мая того ж 1814 года святой мученик Феодот.

8. Косьмы и Дамиана в Шубине; в первом переулке от площади, находящейся против дома московских генерал-губернаторов, на правой стороне, известна по приделу, а настоящая во славу Благовещения пресвятой девы. Простой архитектуры среднего времени, одноглавая, с большим осьмиугольным трибуном. Колокольня в два яруса, из коих в верхнем осьмиугольном около арок помещены тосканские колонны, верх ее остроконечный, наподобие башни. По переулку иждивением прихожан строится придел во имя [авт. пропуск] **. На серебряном золоченом кресте благословящем есть надпись, означающая существование сей церкви в 1643 году по вкладу в оную от вдовы Дерябиной. Пред местными иконами две серебряные лампады, сохранившиеся от неприятельского нашествия, сделаны в 1766 году прихожанином Фаддеем Петровичем Тютчевым. В 1812 году пред сею церковью по повелению французского начальства расстреливали схваченных наудачу зажигальщиков Москвы. Невинно подпавшие сему бедственному жребию, молясь с пролитием слез пред изображенною снаружи на церковной стене иконою Спасителя, смерть претерпели.

9. Святого Николая чудотворца в Гнездниках, именуемая так по приделу, а настоящая во славу Благовещения пресвятой девы; в первом переулке от Тверских ворот направо. При сей церкви, за двести лет пред сим построенной, ныне есть еще придел во имя святителя Димитрия. Здание церковное довольно высокое, старинной готической архитектуры, с большим осьмиугольным трибуном и одною главою; по стенам, около окон и по углам украшения и полуколонны готические. Трапеза, после пристроенная с тосканскими пилястрами. Паперть с фронтоном на четырех пильерах. Колокольня, отдельно от церкви стоящая, не низкая, простой гражданской архитекту-

* Арчилу II.— **С. Д.**

** Благовещения пресвятые богородицы.—**С. Д.**

ры, с тосканскими пилястрами, основание ее четвероугольное, а верхний ярус о шести углах. Главный храм украшен хорошим иконостасом и стенною живописью иждивением прихожанина статского советника Анис[има] Тит[овича] Князева. Из уцелевших надгробных камней видно, что тут похоронены некоторые из фамилий Плещеевых, Шереметевых, Замятиных, Кропотовых. Большое Евангелие, оправленное серебром с позолотою, весом более двух пуд[ов]; есть вклады, как из надписи явствует, генеральши Настасьи Никитишны Стрешневой в 1761 году, по первом ее муже Алексее Федоровиче Шереметеве.

10. Воскресения Христова на Вражке, т. е. на небольшом овраге; от Никитских ворот в переулках с левой стороны; при сей церкви приделы: святого Николая чудотворца и вместо прежде бывшего Покрова пресвятой богоматери ныне устроен во имя пророка Елисея по случаю упразднения находившегося поблизости Елисеевского храма царем Михаилом Феодоровичем, созданного в воспоминание того дня, когда освобожденный из плена польского родитель его Ростовский митрополит Филарет 163* года июня 14-го имел шествие в Москву. Церковь Воскресения сначала была деревянная, а после большого пожара в 1629 году построена каменная, одноглавая, старинной готической архитектуры, без особенных украшений; трапеза новейшего времени с пилястрами тосканского ордена; колокольня снизу четвероугольная, а вверху круглая, вместо главы на ней шпиль, крытый белым железом.

11. Успения пресвятой богородицы на Успенском вражке, при повороте от Тверских ворот на Никитскую в Газетном переулке; с приделами во имя Усекновения главы Иоанна Предтечи, святого Николая чудотворца и Петра Афонского. Церковь сия издавна построена была, и при ней погребены были в особой палатке отец и мать Григория Ивановича Горихвостова, который из сыновней любви в память им воздвиг 1647 года новый храм, уготовя и себе могилу в той же палатке под колокольнею, все сие значится из надписи, иссеченной с правой стороны при входе на паперть. Здание церковное состоит из двух церквей, одна к другой пристроенных, простой архитектуры, без всяких украшений; над каждою по одной главе на четвероугольных трибунах. Колокольня невысокая, осьмистороння, готической архитектуры, пирамидальная. Потомки Горихвостовых не допустили до разрушения сей храм, пришедший в ветхость, и возобновили оный в 1790 году. Внутри церкви похоронен предок знаменитого фельдмаршала Голенищева-Кутузова Феодор Иоаннович, скончавшийся 1650 года сентября 11-го.

12. Великомученика Георгия на Красной горке, нижняя, на правой стороне Моховой улицы, при повороте от Охотного ряда, с приделом Всех скорбящих радостей. Из духовной великого князя Василия Васильевича Темного явствует, что в 1462 году была каменная. Возле ее был дом князей Борятинских, которые в половине минувшего столетия, надстроив над нею храм во имя архистратига Михаила, обратили оный в домовую церковь. Она одноглавая, простой гражданской архитектуры, колокольня довольно высокая, с осьмиугольным верхним ярусом и пилястрами тосканского ордена. Для входа в верхнюю церковь приделана с двух сторон открытая на арках лестница. В 1818 году Георгиевская церковь присоединена к императорскому Московскому университету.

13. Церковь Вознесения господня, Малым Вознесением называемая, на Большой Никитской улице, при повороте от университета, с правой стороны, с двумя приделами: во имя святого Николая чудотворца и святого Прокопия Устюжского чудотворца. Построена царем Феодором Иоанновичем в воспоминание коронования его в день Вознесения господня. Здание небольшое, старинной простой готической архитектуры, одноглавое; но трибун над нею осьмиугольный, надделан гораздо после. Придел с особою главою и пирамидальная невысокая колокольня простой готики. Внутри храма похоронены многие из Таракановых, некоторые Собакины, Сверчковы, [авт. пропуск]**, сын стихотворца нашего Александра Петровича Сумарокова. Церковь сия числилась домовою патриарха Филарета Никитича.

14. Святого Бориса и Глеба, близ Арбатских ворот, при повороте на Воздвиженскую улицу; при сей церкви четыре придела: Обновления храма Воскресения Христова, Казанской богоматери, Положения ризы божией матери. Прежде был придел Феодора Тирона; переименован ныне в имя Марии Магдалины. Храм сей соорудил великий князь Иоанн Васильевич в память благоверных князей российских, невинно злосердным братом же их Святополком убиенных [авт. пропуск]***. По случаю бывшего в Москве 1493 года большого пожара упоминает[ся] уже о нем в Софийском временнике. Великий князь Василий Иоаннович в 1527 году построил на месте обветшав-

* Ошибка А. Ф. Малиновского: шествие митрополита Филарета в Москву из плена было в 1619 году.— **С. Д.**

** Павел Александрович Сумароков.— **С. Д.**

*** 1015 год.— **С. Д.**

шей церкви новую каменную. Царевна София Алексеевна устроила придел во имя Девяти мучеников, в Кизице пострадавших. Государь Петр I в 1703 году приказал построить при церкви святых Бориса и Глеба каменную богадельню. Возвращенный императрицею Екатериною II ко двору канцлер граф Алексей Петрович Бестужев-Рюмин в 1764 году воздвиг на месте прежней церкви лучше прежней, с высоким осьмиугольным трибуном и куполом; глава на ней с перегибом выволочена, стены по приличным местам украшены лепною работою, а трибун — пилястрами с коринфскими капителями. Колокольня такой архитектуры в два яруса, из коих в верхнем колонны, а в нижнем рюстик, глава на ней шпилем и вокруг по парапету поставлены вазы. Портрет храмоздателя графа Бестужева доныне хранится в алтаре.

15. Святого Тихона чудотворца, на Арбатской площади, с двумя приделами: святого Николая чудотворца и Утоления печали, где прежде был престол Обновления храма. В описании церквей московских 1658 года показана каменною. Царевна София, быв душеприказчицей княгини Акилины, жены кравчего, с путем князя Василья Федоровича Одоевского, возобновила сей храм и при освящении оного 1689 [года] июля 6-го патриархом Адрианом сама присутствовала. Церковное здание сие, недавно перестроенное, с двумя равными между собою куполами и главами, с одной стороны украшено под фризом лепным барельефом, а с двух других колоннами и пилястрами тосканского ордена. Колокольня четвероугольная в два яруса. Внизу рюстик, а вверху тосканского ордена колонны.

16. Ржевской богоматери, близ Пречистенских ворот, с правой стороны от оных по бульвару, с приделом святого Николая чудотворца, построена в 1686 году, каменная, окольничим Петром Тимофеевичем Кондыревым, который 1700-го и похоронен в сем храме. Тут же покоится прах скончавшегося в 1708 году ноября 13-го стольника Федора Семеновича Бутурлина; [авт. пропуск] * отца фельдмаршала. Есть два напрестольные креста. Один 1659 года, из упраздненной церкви Прасковеи, нареченные Пятницы; а другой 1681 года, вклад крестового дьяка Иерофея Богданова. Ныне церковь сия вновь перестроена, невысокая, одноглавая, с куполом и порталом о шести колоннах тосканского ордена; но колокольня уцелела прежняя, готической архитектуры, пирамидальная в два яруса. При царе Михаиле Феодоровиче установлен был ежегодно июля 11-го крестный ход во храм Ржевской богоматери, но в 1722 году по воле государя Петра I сия духовная процессия отменена.

17. Всех святых, у Каменного моста, от Алексеевского монастыря по берегу реки на левой стороне, с приделами Живоносного источника и Макария Унженского чудотворца. Храм сей известен уже был в начале царствования великого князя Димитрия Донского. Великий пожар, случившийся [авт. пропуск] ** в Москве, назван Всесвятским, потому что начался от сей церкви Всех святых. В 1514 году великий князь Василий Иоаннович создал на прежнем месте новую церковь, которая от малых в ней окон была темна. Чрез два столетия она обветшала и начала разрушаться. Усердствующие к благолепию дома господня князья Репнины, Иван и Федор Ивановичи, перестроили ее и заповедали похоронить их под алтарем. Сие здание освящено 10 декабря Варсонофием, митрополитом Крутицким; простой древней готической архитектуры, без всяких украшений, о трех главах. Колокольня чрез несколько времени приделана, также невысокая, четвероугольная, с рюстиком в верхнем ярусе. Надпись на паперти с северной стороны, иссеченная в 1777 году, не заслуживает ни малого внимания. Сочинивший ее невежда гласит, будто царь Иоанн Васильевич царствовал в 1515 году и будто при нем был патриархом Иов. Но другое изваяние над входными дверями под колокольнею не противоречит здравому смыслу. Сия надпись [авт. пропуск] означает: придел преподобного Макария Унженского заложен в 1693 году и построен иждивением стольника Ивана Афанасьевича Норбекова. Генерал граф Петр Иванович Панин, узнав, что и дед его стольник Василий Панин имел в том некоторое участие, покрыл сей храм листовым железом вместо прежней деревянной крыши.

18. Похвалы пресвятой богородицы, от церкви Всех святых к Каменному мосту на левой же стороне; с приделом во имя святого Николая чудотворца; церковь довольно высокая, пятиглавая, старинной готической архитектуры, с полуколоннами по углам и около окон. Колокольня также готическая, с осьмиугольным верхом. Исстари была каменная и по урочищу называлась прежде: в Старых рощах, нынешнее название — в Башмакове — получила от перестроившего ее вновь думного дворянина и печатника Дементия Минича Башмакова. Прах усердного храмоздателя, матери его и дочери покоится со многими дру-

* Борис Иванович Бутурлин.— **С. Д.**
** в 1356 году.— **С. Д.**

гими вкладчиками под церковью, как из современных надписей значится.

19. Священномученика Антипия у Государевых конюшен, ныне Колымажного (каретного) двора, с приделами: по правую сторону — великомученицы Екатерины, по левую — Иоанна Предтечи, а вверху — святого Николая чудотворца. Церковь сия достроена в 1650 году и освящена сентября 20-го. В 1764 году возобновлена и ныне состоит из трех церквей, между собою соединенных, все три одноглавые, две из них простой архитектуры, без особенных украшений; а третья несколько лучше, с куполом и тосканскими пилястрами. Колокольня новейшего построения, внизу четвероугольная, а вверху круглая, с полуколоннами того же ордена. Памятников древности никаких нет, кроме потира серебряного вызолоченного, с надписью, из которой видно, что сделан оный в 173 * году женою думного дворянина Афанасия Тихоновича Зыкова Евдокиею Петровною. К удивлению сказать можно, что две украшенные драгоценными каменьями панагии, из которых одна висела на образе Иоанна Предтечи, а другая на образе ж священномученика Антипия, обе с мощами, также кадило, сосуды и пр. утварь, расхищенная в 1812 году, отбита у неприятеля, и вся с разных сторон собранная, поступила опять по принадлежности в сей храм невредима.

20. Знамения богоматери, на Знаменской улице, от Арбатских ворот на правой стороне, с приделом святого Николая чудотворца, а прежде был и другой придел — во имя Симеона богоприимца и Анны пророчицы. После пожара, бывшего в Москве 1629 года апреля 10-го, церковь сия построена на месте деревянной, каменная, одноглавая, невысокая, простой гражданской архитектуры, с небольшою колокольней, повершенною осьмиугольным ярусом. Поблизости к сей церкви был двор боярина князя Ивана Борисовича Черкасского. В 1687 году февраля 14-го патриарх Иоаким погребал тут Александра Федоровича Карандеева. На наружной стене уцелела надгробная надпись над супругою действительного статского советника Михаила Михайловича Самарина Анною Степановною, скончавшеюся в 1705 году.

21. Николая чудотворца, на Старом Ваганькове, в переулке с Воздвиженки на Знаменку, подле красивого дома Пашковых, с приделами святого Сергия чудотворца и Четыредесяти мучеников. Сия церковь за двести лет пред сим была каменная, невысокая, одноглавая, простой архитектуры с осьмиугольным трибуном и куполом. Колокольня такая же, в три яруса, четвероугольная.

22. Николая чудотворца в Стрелецкой слободе, на перекрестке от Моховой к Пречистенским воротам с правой стороны, с приделом великомученика Евстафия и подружии его Феопистии, в киевских святцах Татьяною названной. Церковь сия освящена в 1648 году августа 5-го. Здание высокое, пятиглавое, готической архитектуры, с различными по карнизу украшениями. Колокольня новейшей архитектуры, во всех частях красивая, с колоннами тосканского, ионического и коринфического орденов. Освящена 1648 года августа 5-го дня. Новый придел во имя Богоявления выстроен вновь старанием московского первой гильдии купца Соколова, употребившего довольно иждивения своего на благолепие сего храма.

23. Святого Николая чудотворца на Сапожке, с приделом Знамения пресвятой богоматери, на Моховой, у Троицкого моста. Храм на сем месте существовал уже в конце XVI столетия и прежде известен был под названием Николы Зарайского. По избрании избранного в цари Бориса Годунова вышедшее из Кремля навстречу ему духовенство с крестами и иконами, синклит, двор, приказы, воинство и все граждане ждали нового царя близ сей церкви. Построена стрельцами после удачно совершенного ими бунта и освящена 1682 года октября 19-го. Церковь невысокая, простой архитектуры, две главы одинаковой величины, пирамидальные, осьмиугольные, с готическими украшениями, похожая на церковное здание в Алексеевском монастыре. Колокольня новейшего построения четвероугольная, также небольшая, с тосканскими колоннами в арках.

5. Церкви упраздненные

1. Авраама Римлянина, о сей церкви упоминается по случаю опустошившего Москву 1390 года июня в 22-й день пожара.

2. Анастасии Узорешител[ьни]цы, придел с настоящею во имя Спаса нерукотворенного. Построена великим князем Василием Васильевичем, на память избавления его из плена от казанского царя Улу-Махмета. Находилась близ старого Мучного, ныне Охотного ряда.

3. Благовещения пресвятой деве на Старом Ваганькове, с приделами во имя Сергия чудотворца и Четыредесяти мучеников, построена в 1515 году; когда упразднена, по летописям не значится.

4. Василия Кесарийского на Тверской улице, с приделом Введения во храм пресвятой девы, построена была в 1673 году.

5. Воскресения на Большой Дмитровке, в

* 1665.— **С. Д.**

1600 году построена князем Василием Федоровичем Жировым-Засекиным, [с] приделом во имя благоверных князей Феодора и чад его Давида и Константина Смоленских и Ярославских чудотворцев; а в минувшем столетии придел переименен в честь Казанской богоматери. Сия церковь за ветхостию по согласию прихожан в 1816 году сломана, иконостас из оной поступил в Никитский монастырь, а утварь к Косьмодемьянской церкви, что в Шубине.

6. Воскресения Словущего, с приделами святого Николая чудотворца и Нила Столбенского, находилась при повороте с Петровки на Кузнецкий мост, запустела после 1812 года.

7. Дионисия Ареопагита, с двумя приделами — во имя Казанской богоматери и святых мучеников Бориса и Глеба, на Никитской; упразднена в конце минувшего столетия, а земля церковная занята ныне под двором университета.

8. Елисея пророка, с тремя приделами: Всех скорбящих радости, Иустина философа и святого Николая чудотворца, между Тверской и Никитской. Построена в 1619 году деревянная, царем Михаилом Феодоровичем, на память избавления родителя его, митрополита ростовского Филарета Никитича в 14-й день июня месяца от девятилетнего в Польше плена. Сын-царь со всем двором встретил его за рекою Преснею и явил россиянам зрелище умилительное: он припал к его ногам. Растроганный тем отец сам поклонился ему до земли и, поднявши его, обнял. В сем положении оставались они несколько минут безгласны. После сего они сели в одну карету и поехали в Кремль при радостных восклицаниях народа. У Арбатских ворот дожидалось их все духовенство со крестами. Тут сын и отец пошли уже пешие при колокольном во всей Москве звоне. Для царской радости преступники во всем государстве были прощены и виновные из тюрем освобождены. В 1629 году сия деревянная церковь сгорела и на место оной воздвигнута каменная.

9. Пророка Ильи на Тверской, придельная, а настоящая — во имя Живоносного источника. Создана в 1700 году с дозволения государя Петра I духовником его иереем Петром Васильевым. За ветхостью и малым приходом уничтожена.

10. Церковь Усекновения главы Иоанна Предтечи, с приделами апостола Фомы и чудотворца Петра, на Старом Ваганькове, близ Благовещенской церкви, построил великий князь Василий Иоаннович в августе месяце 1531 года деревянную. Он по обету своему совершил ее в один день и на освящении присутствовал с великою княгинею Еленою и с малолетним сыном Иоанном. Весь город собрался тогда видеть церковь, единым днем созданную.

11. Иоанна Предтечи с приделами евангелиста Матфея и Покрова богоматери, на Ленивом торжке, против повороту на Каменный мост за Москву-реку, освящена была в 1714 году.

12. Иоакима и Анны за Боровицким мостом, на дворе окольничего князя Василья Петровича Туренина, строение сей церкви возложено было царем Алексеем Михайловичем в 1674 году на окольничего Артамона Сергеевича Матвеева, с шестью кельями для призрения престарелых и увечных нищих.

13. Иоанна Кушника, и сия церковь находилась близ Боровицкого моста. О ней упоминается 1498 года в духовной князя Ивана Юрьевича Патрикеевича.

14. Иоанна Милостивого, с приделами Нерукотворного образа и чудотворца Спиридония, в Кисловке, строена царским иждивением в 1671 [году] под смотрением головы московских стрельцов Юрия Лутохина.

15. Косьмы и Дамиана с приделами Николая чудотворца и священномуч[еника] Поликарпа, на Ржищах, за гагаринским домом, при начатии царевичу Федору Алексеевичу учения российской грамоте построена была в 1665 году деревянная, а потом выстроена каменная.

16. Леонтия чудотворца, за Неглинною между Тверской и Никитской заложена при великом князе Василии Иоанновиче архитектором Алевизом в 1514-м, а освящена в 1519 году.

[17.] Луки евангелиста, придельная, а настоящая — Владимирской богоматери, другой придел был во имя Николая чудотворца.

[18.] Св. Никиты за Неглинною, за Ямским двором. Церковь сия известна тем, что в 1534 году погубленный в темнице дядя тогдашней правительницы государства, великой княгини Елены Васильевны Михаил Глинский похоронен был при оной, но после вынут оттуда и отвезен в Троицкий Сергиев монастырь.

[19.] Преображения господня, на Тверской, с тремя приделами: Николая чудотворца, устроенным от вкладчиков Милославских, св. Бориса и Глеба, в 1700 году от князя Ромодановского, и во имя Всех скорбящих радости, в 1749 году от служителя княгини Федосии Владимировны Голицыной Евдокима Путятина.

[20.] Ризположения, построена великим князем Иоанном Васильевичем в конце улицы, Кисловкою называемою. Внук его царь Иоанн Васильевич в 1567 году января 12-го перешел в новопостроенный им против сей церкви дворец и во всех обывательских поблизости домах поселил свою опришнину. Государь

Петр I в 1698 году приказал сию обветшавшую церковь построить вновь с приделом во имя св. мученика Саввы.

[21.] Стратилата и Семидесяти воинов, с ним пострадавших. За ветхостью упразднена в исходе минувшего столетия.

[22.] Тихвинской богоматери с двумя приделами: Усекновения главы Иоанна Предтечи и Кирилла Белозерского чудотворца, построена была на Знаменке в 1646 году и освящена патриархом Иосифом.

6. Подворья монастырские и Шведское

1. Саввинское на Тверской улице, с церковью во имя преподобного Саввы Сторожевского. На сем подворье всегдашнее пребывание имеет викарий московской митрополии, потому что монастырь святого Саввы Сторожевского принадлежит к ведомству его, каменное; кельи архиерейские двуэтажные, также и строение по Тверской улице, приносящее подворью хороший доход. Прежде на том самом месте, где ныне Саввинское подворье, был мужской монастырь Воскресенский, который по просьбе архимандрита Никанора и келаря Вельямина Горсткина жалованною грамотою царя Алексея Михайловича обращен в подворье для Саввинской обители.

2. Высокопетровское, против сего монастыря на углу. Пожаловано в 1691 году сентября 5-го от царей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича по просьбе архимандрита Иова и келаря Иосафа для конюшенного двора. Прежде был тут дом жены стольника Федора Замыцкого Мавры, которая за выдуманное ею чудотворение от находившейся в доме ее иконы и за соблазн в народе переселена была на другое место. Строение одноэтажное, занимаемое наемщиками в пользу монастыря.

3. Берлюковской пустыни подворье находится во втором квартале под № 156, хотя обитель сия, бывшая в запустении, старанием московского митрополита Платона возобновлена; но не имеет довольно капитала для выстройки на земле, ей принадлежащей, лавок.

4. Ниловой пустыни подворье в старом Газетном переулке под № 186, с каменным двуэтажным домом, из выстройки на шестнадцать лет во владение отданным.

5. Флорищевской пустыни в Ваганьковском переулке под № 375. После пожара в 1812 году настоятель сей бездоходной пустыни не мог доныне выстроить, и земля, принадлежащая ей, остается незастроенною.

6. Александровской пустыни подворье на Воздвиженской улице под [№] 376. Каменное двуэтажное строение, по условию на десять лет отданное.

7. Нижегородского Печерского монастыря архимандрит Герман в 1649 году купил за 190 рублей у Тихвинской игуменьи Евтропии и у старицы княжны Леониды, княж Григорьевой дочери Гагарина, подворье для своей обители в приход Иоанна Милостивого на углу при повороте с Воздвиженской в переулок к Ризположению. Сие подворье при утверждении императрицею Екатериною II в 177 [авт. пропуск]* году плана Москвы обращено в пользу города для расширения улицы с предоставлением некоторых выгод сей обители.

8. Александровского Свирского монастыря было подворье на Никитской Большой улице в приходе Малого Вознесения, купленное в 1695 году, которое продано потом монастырскими властями обывателям.

9. Шведское подворье в Леонтьевском переулке под № 283. По Кардисскому вечному в 1661 году с Швецией миру постановлено было подданным короля шведского иметь свой торговый двор в Москве; вследствие чего и отведено было им порозшее место, на котором прежде выстроен был деревянный дом, а в 1685 году по просьбе короля Карла XI дозволено для безопасности от пожара выстроить каменный. С того времени сей купеческий двор называется доныне Шведским подворьем.

7. Приходские богадельни

Сострадание московских жителей к нищим и престарелым, не имеющим возможности прокормиться своими трудами, известно по многим случаям и служит разительною чертою народной добродетели. Русский столь же охотно подает милостыню просящему одноземцу, как и иноверцу. Первый пример для подражания милосердию подавали государи наши. Царь Иоанн Васильевич в 1551 году установил, чтоб в устроенных издавна при церквах для сего многих богадельнях для недужных и престарелых не помещались здоровые тунеядцы, чтобы, изгнав их, призрены были немощные и чтоб присмотр за ними имели священники с прихожанами. Благочестивый и смиренный сын его царь Феодор нередко сам посещал богадельни и с избытком снабжал оные всеми жизненными потребностями и даже допускал их иногда обедать во дворце и сам угощал их.

По воцарении Михаила возобновлены были сии пристанища для страждущего человечества, разрушенные в смутные времена, и при воздвигнутой родительницею его церкви во

* 1775.— С. Д.

имя Михаила Малеина, обращенной потом в женский монастырь, построены были для неизлечимо больных особливые кельи, и за немощными присмотр имели монахини. Царь Алексей Михайлович имел при дворе своем человека, посвятившего себя единственно сострадательным попечениям о бедных. Это был постельничий его Михаил Алексеевич Ртищев.

Царь Феодор Алексеевич приказал сделать разбор между богадельными, и при отделении бродяг от немощных оказалось действительно заслуживающих призрения только 412 человек обоего пола. Пригласив к себе патриарха Иоакима и духовных властей 1678 года мая 1-го, он возложил попечение о бедных на сего первосвященника, который разослал от себя грамоты ко всем епархиальным архиереям, чтобы каждый из них собирал и ежегодно присылал к нему на вспоможение и прокормление нищих в московских богадельнях по десять копеек с каждой церкви.

Государь Петр I указом от 8 июля 1701 года предписал построить в Москве близ приходских церквей шестьдесят богаделен и поместить в них самых престарелых, дряхлых и увечных нищих обоего пола. Он уничтожил прежнее обыкновение кормить нищих во дворце, определив им денежное подаяние в те дни, когда царицы и царевны отправляли поминовения по супругах и родителях своих.

В Тверской части из богаделен, находившихся при церквах приходских, осталась только одна — у Николая чудотворца в Гнездниках, каменная, в один этаж, к колокольне пристроенная.

ГЛАВА III

ПРЕЖДЕ БЫВШИЕ ДВОРЦЫ

1. В урочище, Ваганьковом называемом, был дворец вдовствовавшей великой княгини Софии Витовтовны. В летописях московских упоминается, что сын ее великий князь Василий Васильевич, возвратясь в 1445 году в столицу, принужден был по случаю опустошения Кремля пожаром поселиться в Ваганьковском дворце своей матери и жил там до тех пор, пока отделали для него в Кремле дом литовского князя Юрья Патрикеевича.

2. Арбатским назывался деревянный дворец, построенный царем Иоанном Васильевичем в 1565 году на том месте, где был двор шурина его, князя Михайлы Темрюковича Черкасского, против церкви Ризположения. Для принадлежностей дворцовых занято было все пространство между Воздвиженскою и Никитскою улицами и обнесено высокою каменною стеною. Все хозяева близких ко дворцу домов выгнаны были для помещения там новоучрежденной царем опришнины.

3. Место за Боровицким мостом, с левого угла на Ленивку, до поворота к Каменному мосту, во всю улицу, принадлежало вдовствовавшей герцогине Мекленбургской Екатерине Иоанновне. Император Петр I, дядя ее, построил ей тут дворец, в который она и перешла по приезде своем в Москву 1722 года. В царствование сестры ее императрицы Анны Иоанновны сей дворец означен на плане Москвы, сочиненном в 1739 году архитектором Мичуриным.

4. Дворец Пречистенский, деревянный, построен был в 1775 году для императрицы Екатерины II, прибывшей в первопрестольную столицу торжествовать после знаменитых побед славный мир, с Портою Оттоманскою заключенный. При отъезде в Санкт-Петербург императрица повелела дворцовое строение разобрать и поставить на красивую Воробьеву гору, где оставался еще каменный фундамент от старинного царского дворца. Место, бывшее под Пречистенским дворцом, занимается ныне губернскою гимназиею.

5. Между Кремлем и Каменным мостом, на берегу Москвы-реки был дворцовый Лебяжий двор, где лебеди и другие дворовые птицы откармливались для царского стола. Государь Петр I в 1691 году пожаловал сим Лебяжьим двором учителя своего думного дьяка Никиту Моисеевича Зотова.

ГЛАВА IV

ИМПЕРАТОРСКИЙ МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ, УЧЕНЫЕ ПРИ ОНОМ ОБЩЕСТВА, БЛАГОРОДНЫЙ ПАНСИОН, ТИПОГРАФИЯ, ГУБЕРНСКАЯ ГИМНАЗИЯ, ПРИХОДСКИЕ НАРОДНЫЕ УЧИЛИЩА И ЧАСТНЫЕ ПАНСИОНЫ

1. Скудость прежних пособий для учености

Как только иго монголов перестало тяготить Россию, то после продолжительного мрака мелькнул было в столице нашей луч наук, но ненадолго. С прибывшею в 1472 году из Италии царевною Софьей Фоминишною выехали многие греки и вызваны были итальянцы, между которыми были и ученые. Хотя по тогдашнему невежеству и не могли они распространить наук, но по крайней мере дали чувствовать московитянам превосходство просвещения и необходимость учиться. Некоторые царедворцы при отправлении их посланниками в европейские государства брали с собою сыновей своих и не пропускали там случая к обучению их. Другие, подружась с вызванными для царского двора из Англии и Германии докторами, мужами великих достоинств, заимствовали понемногу от них для детей своих полезные сведения. Бывали и такие молодые люди, которые, увлекаясь склонностью к наукам, путешествовали тогда в Германии. Курбский упоминает о ближнем родственнике князя Лыкова, посыланном за море, объездившем всю немецкую землю и с приобретенною им ученостью возвратившемся в свое отечество лишиться головы под секирою Иоанна IV. Для чадолюбивых родителей из среднего состояния оставалось одно средство: воспитывать сыновей в монастырях. Научась там российской грамоте и писать, сии воспитанники монастырские, прошед низшие канцелярские должности, выслуживались потом в дьяки и делались необходимыми для письмоводства в государственном управлении. Знатнейшее ж дворянство охотнее шло на ратное поле проливать кровь свою за отечество, нежели оставаться дома за книгою. Немногие из них и читать не умели. Борис Годунов, желая завесть в Москве училища, посылал 1600 года в Германию служившего при нем иноземца Иоанна Крамера для приискания там профессоров, но как сие предприятие осталось без успеха, то царь чрез три года отправил осьмнадцать молодых боярских людей в Лондон, [авт. пропуск] *, Любек и Париж учиться языкам иностранным. Царь Михаил Феодорович предлагал бывшему при Голстинском посольстве секретарем ученому Олеарию вступить в российскую службу, но он, убоясь того, что многие в Москве считали его за чародея, не согласился на сие. Царь Алексей Михайлович покровительствовал учености и, уважая ученых людей своего времени, вверил воспитание царевича Феодора Алексеевича обучавшемуся в польских академиях иеромонаху Симеону Полоцкому. Некоторые из российских дворян познали уже необходимость хорошего воспитания, но не имели средств к тому. В мирные с Польшею времена они посылывали детей своих учиться в Киевскую и Виленскую академии или приглашали оттуда учителей в Москву. Смоленские ж шляхтичи в 1680 году испросили формальное дозволение отъезжать детям своим в польские училища и доставили государству полезных граждан. Царь, сведав о псковском дворянине Афанасье Лаврентьевиче Ордыне-Нащокине, что он выучился латинскому и немецкому языкам и математике, приблизил его к своей особе и, употребляя его многократно в посольства и переговоры, возвел его на степень хранителя царственной Большой печати и государственных посольских дел оберегателя. Другой хранитель Государственной печати, князь Василий Васильевич Голицын умел по-гречески и по-латыни свободно объяснялся, но бывший в Москве 1689 года француз Невилль повествует, что во всем государстве у нас только четверо из дворян знали по-латыни, а по-французски говорить мог только один князь Василий Лукич Долгорукий.

2. Учреждение в 1702 году школ в Москве

Возмужал воцарившийся Петр, и завеса предрассудков начала спадывать с очей россиян, науки перестали казаться им невозможными, и порыв влекущего их за собою гения скоро указал им стезю просвещения. Появились на русском языке учебные книги, вызваны были из немецкой земли профессоры, и в 1703 году заведено было в Москве училище, которым управлял плененный при взятии Мариенбурга

* Вену.— **С. Д.**

пастор Глик под надзором начальника Посольского приказа, графа Федора Алексеевича Головина. Глику отведен был под школу на Покровке дом боярина Нарышкина. В печатной программе, изданной тогда Гликом для вызова желающих обучаться, объяснены предметы учения и все учители названы по именам: 1. Учителем географии, деятельной философии, ифики и политики, латинской риторики с ораторическими упражнениями и с изъяснением примеров из историков Курция и Юстина, а из стихотворцев Виргилия и Горация, был Иоганн Рейхмунд. 2. Философии картезианской и языкам греческому, еврейскому, сирскому и халдейскому учил Христиан Бернард Глик. 3. Французскому языку Жан Мерла. 4. Грамматикам латинской и немецкой с изъяснением словаря и введением в латинский язык Иоган Густав Бурм. 5. Начаткам латинского языка и арифметики Отто Биркин. 6. Для танцевального искусства и поступи немецких и французских учтивств Стефан Рамбург. 7. Для рыцарской езды и берейторского обучения лошадей Иоган Штурлавал. Глик, управляв заведенным им училищем менее трех лет, скончался 5 мая 1705 года. После его поручено было оно в управление магистру философии Иоганну Вернеру Баусу с званием ректора гимназии. Дворяне и разночинцы, обучавшиеся в Гликовой школе 1708 года, переведены были в Петербург и подчинены Ингермандландской канцелярии под начальством князя Меншикова. Из числа их 33 человека с званием студентов отправлены в Кенигсберг и другие германские университеты, а в Москве вместо Гликовой гимназии учреждены две школы: при католицкой и лютеранской церквах, и воспитание юношества вверено было пасторам. Петр I часто посещал оные, сам присутствовал при преподаваемом учении и входил во все подробности, до сего касающиеся.

3. Лейбницевы представления о заведении в России училищ

Первую мысль Петру I о заведении в России для народного просвещения прочнейших училищ преподал знаменитый Лейбниц. Когда государь 1711 [года] находился у целительных вод в Карлсбаде, то Лейбниц прислан был к нему от Вольфенбюттельского герцога в характере посланника. По исполнении возложенной на него негоциации преобразитель России обратил все свое внимание на сего по учености своей первостепенного тогда в Европе мужа; ежедневно беседовал с ним дружески о важнейших предметах государственных и убедил его сказанное на словах представить письменно. При прощании с ним во уважение к обширным сведениям его государь пожаловал Лейбница чином российского тайного советника с жалованием по 1000 ефимков на год. За сто лет предложенные им мнения о заведении в государстве нашем академий и университетов, о проповедании населяющим Россию язычникам христианской веры, об открытии неизвестных стран, о наблюдениях над магнитною стрелкою, о умножении доходов подушной переписью, о поощрении художеств и земледелия имеют на себе печать не стареющейся никогда истины. Вот слова его: «Столичный город Москва, Астрахань, Киев и Петербург заслуживают преимущественно быть избраны для заведения университетов, академий и от них зависящих, но паче всего должно иметь надзор за тем, чтобы ввести хороший порядок вообще при воспитании юношества и размыслить о предупреждении злоупотреблений, вкравшихся в большую часть университетов, обществ и школ в Европе». По кончине государевой и после падения князя Меншикова заведенные в Москве при иноверческих церквах школы сами собою уничтожились. Немногие из московских дворян посылали детей учиться в Духовной академии, которая при всей скудости способов в продолжение тридцати лет была для всех состояний единственным в сей столице училищем.

4. Учреждение университета в Москве

По предначертанию Лейбница император Петр I успел положить основание Академии наук в Санкт-Петербурге, но в Москве учредить университет предоставлено было дщери его Елисавете. Ходатаем о том у монаршего престола был обер-камергер Иван Иванович Шувалов, потомственная благодарность до позднейших веков будет провозглашать досточтенное имя сего друга наук. Сочиненный профессором Ломоносовым устав сего высшего училища для преподавания многоразличных наук юношеству, приготовляющемуся ко вступлению в государственные должности, конфирмован императрицею 1755 года января в 12-й день. На первое обзаведение пожаловала она университету 43 000 рублей, и открытие оного воспоследовало 26 апреля того же года в дарованном для сего государынею доме у Воскресенских ворот, где прежде был Аптекарский приказ, а ныне помещаются магистраты. На случай открытия сего святилища муз выбита была медаль. Вскоре ощутили московские жители благодетельность сего заведения, и дарованное Елисаветою здание так скоро наполнилось учащимися, что сделалось тесным.

5. Благоволение Московскому университету от Екатерины II

Екатерина II по восшествии своем на престол приказала купить у князей Репниных другой дом для университета, на Моховой улице. С возрастающими успехами наук приращались и щедроты монаршие. В 1764 году повелела она устроить при университете анатомический театр, как для показания при лекциях состава человеческого, так и для исследования трупов по правилам судебной медицины, а в 1767-м предписала генерал-прокурору в тяжелых материях или в разногласии между учеными требовать мнения университета. В 1785 году пожаловано университету на постройку нового огромного здания 125 тысяч рублей с дозволением пользоваться потребным числом материалов из оставшихся от кремлевских строений. На другой год августа в 26-й день заложено новое здание, и в основание этого положена медная доска с надписью [авт. пропуск]. Потом скуплено к университету прикосновенных частных домов: по Моховой у князей Борятинских, по переулку между Тверской и Никитской у княжен Волконских и фон Визина. В 1788 году императрица предоставила университету в полное распоряжение казенный дом, где была прежде Межевая канцелярия и где ныне помещен Благородный пансион. Строение главного корпуса приведено к окончанию в 1791 году и церковь в оном, посвященная имени святой великомученицы Татьяны, празднуемой 12 января, в день утверждения учредительницею устава, и освящена московским митрополитом Платоном. Екатерина II 1792 года прислала в сей храм пред утреннею святого Воскресения полную ризницу с богатою утварью. Признав торжественно пользу, которую многие места заимствуют от умножения в Московском университете наук и учащихся, она повелела для дальнейшего того распространения умножить ежегодное содержание оного значительною суммою и предоставила университету право производить учащихся медицины в звание докторов.

6. Щедроты и узаконения императора Александра I

Государь император Александр I всемилостивейше соизволил пожаловать 1804 года ноября в 5-й день Московскому университету утвердительную на преобразование его грамоту. Изъявив в оной высочайшее благоволение за великое участие в образовании людей, способных для государственной службы, в распространении знаний и в усовершенствовании отечественного языка, даровал сему рассаднику учености новые права и преимущества, более сообразные с просвещением текущего времени, и распространил круг ученых его действий под начальством попечителя. Университету предоставлено иметь свой совет, или общее собрание, состоящее из профессоров всех факультетов и адъюнктов под председательством ректора, как блюстителя благоустройства, избираемого ежегодно из ординарных профессоров и представляемого министром народного просвещения на высочайшее утверждение. В правлении, заведывающем хозяйственною частью, суд и расправу между чинами, университету подведомственными, председательствует ректор с четырьмя деканами, к которым присоединяется назначаемый попечителем из ординарных профессоров непременный заседатель, а при решении тяжебных дел присутствует еще чиновник с названием синдика. Сверх того учреждены три комитета, один училищный, другой цензурный и третий, на основании указа 1809 года, августа в 6-й день состоявшегося, для испытания чиновников, гражданскою службою обязанных. Учебная часть университета заключает в себе четыре факультета:

Первый факультет нравственных и политических наук, в котором преподаются: 1. Богословие, догматическое и нравоучительное; 2. Церковная история; 3. Умозрительная и практическая философия; 4. Право естественное, политическое и народное; 5. Право гражданского и уголовного судопроизводства в Российской империи; 6. Право известнейших как древних, так и новейших народов; 7. Дипломатика и политическая экономия. Второй факультет физических и математических наук, учит: 1. Теоретической и опытной физике; 2. Чистой математике; 3. Прикладной математике; 4. Астрономии; 5. Химии; 6. Ботанике; 7. Минералогии; 8. Технологии и науке, относящейся к торговле и фабрикам. Третий факультет врачебных или медицинских наук. К сему факультету относятся науки: 1. Анатомия, физиология и судебная врачебная наука; 2. Патология, терапия и клиника; 3. Врачебное веществословие (materia medica), фармация и врачебная словесность; 4. Хирургия; 5. Повивальное искусство; 6. Скотолечение. Четвертый факультет словесных наук, в оном заключаются: 1. Красноречие, стихотворство и российский язык; 2. Греческий язык и словесность греческая; 3. Древность и латинский язык; 4. Всемирная история, статистика и география; 5. Восточные языки; 6. Теория изящных искусств и археология. На содержание университета отпускается ежегодно сто тридцать тысяч рублей. По штату положено быть при оном 28 профессоров, 12 адъюнктов, 12 магистров,

12 кандидатов и 40 казенных студентов. Назначены достаточные суммы на содержание анатомических препаратов, обсерватории, ботанического сада, химической лаборатории, физического и естественной истории кабинетов, награды за решение задач и студентам за успехи, на путешествие отличнейших адъюнктов в чужие края и пенсии престарелым ученым и вдовам их с малолетними детьми. Милости монаршие к наукам тем не ограничились. Сверх сумм, по штату положенных, университет получил более ста тысяч рублей на покупку еще двух каменных соседних домов. Государь император в 1802 году всемилостивейше пожаловал Рюйшевы анатомические препараты, сделанные из воску в подражание натуральным, и за пятьдесят тысяч червонцев изволил купить славный натуральный кабинет после бряцлавского воеводы князя Яблоновского. Чрез сей, единственный в своем роде дар, университетский музей натуральной истории поставлен был наряду с известными в Европе. К ученому званию преобразитель университета присоединил не только достаточное жалованье, но и достоинства чинов: профессоры ординарные считаются в 7 классе, экстраординарные адъюнкты и доктора в 8-м, магистры в 9-м, кандидаты в 10-м, а студенты, три года выслушавшие с успехом курс учения, возводятся в 12 класс.

7. Пожертвования от разных особ

Высочайшее покровительство и щедроты августейшего государя, беспрерывно университету Московскому оказываемые, поощрили патриотов, чтущих просвещение первым основанием благосостояния государственного, участвовать в сем общеполезном деле. Павел Григорьевич Демидов в 1803 году пожертвовал на заведение в Ярославле высших наук училища 3573 принадлежавших ему крестьян и наличными деньгами 320 000 рублей, библиотеку свою, музей естественной истории, антики, минц-кабинет и огромные органы, что все оценено в 1 070 000 рублей. Князь Александр Александрович Урусов, князь Павел Федорович Голицын и княгиня Екатерина Романовна Дашкова обогатили музей коллекциями минералов, драгоценных камней, медалей, резных работ из слоновой кости, нескольких блюд с Рафаиловыми рисунками и картин энкаустических и мозаических.

8. Обновление университета после расстройства и потерь, в 1812 году понесенных

К общему прискорбию, немногое из сокровищ, столь драгоценных, спасено при вторжении в Москву опустошителей-галлов; большая из того часть сгорела и расхищена. Но мало-помалу и сии потери, поистине невозвратные, нарочито заменяются и приращаются ежегодными приношениями от благотворящих наукам. Первый пример тому всегда подает сам государь император. В 1817 году по высочайшему повелению куплен для университета у известного в Европе анатомика, профессора Лодера превосходный анатомический кабинет. Сожженная библиотека университетская теми же способами год от года приращается, и доныне считается уже в ней до 30 000 томов. Музей, содержащий в себе редкие и любопытные произведения трех царств природы, столь уже обширен теперь, что занимает три большие залы. Для физических, химических и технологических лекций есть особые кабинеты с инструментами и потребными препаратами, в надлежащем порядке расположенными. По выходе неприятеля университет начал свои действия в 1813 году в наемном доме, а когда сгоревший главный корпус и здания, к оному принадлежащие, возобновлены были, то все учебные части устроились в самом лучшем и удобнейшем виде. Медицинский факультет особенно распространился. Заведен институт для ста студентов на казенном содержании; отстроен анатомический театр; отделано по Никитской улице большее здание, в котором помещены клинический, хирургический и повивальный институты на 50 кроватей. В течение 1825 академического года находилось там больных 208 человек, за рецептами и лекарствами приходило посторонних более 860, родильниц разрешилось от бремени 200. Вообще же учащихся казенных и своекоштных по всем отделениям в том году находилось по университету 890. Теперь на Моховой улице возвышается огромное и красивое здание в три жилья на [авт. пропуск] саженях, кроме заворотов, выдавшихся с обеих сторон на улицу. В главном фасе портал с восьмью дорическими колоннами поддерживают фронтон, в котором изображен российский герб, окруженный разными принадлежностями учености, а средина над фронтоном повершается большим куполом. Пространный двор отделен от улицы железною в каменных столбах решеткою с двумя воротами. Позади больница, анатомический театр и другие здания окружаются английским садом. Внутри главного корпуса посредине находится огромная полукруглая зала для торжественных собраний, изящно убранная и расписанная. В ней находится мраморный бюст императора Александра и портреты императриц: основательницы университета Елисаветы I и Екатерины II. Портреты первого куратора Шувалова и благотворителя Павла Григорьевича Демидова также имеют там свое место. Имена

других благотворителей благодарность начертала золотыми буквами на двух досках, в той же зале поставленных. В примыкающихся к зале галереях расположена с одной стороны библиотека, а с другой музей натуральной истории.

9. Ученые общества

Первое ученое при Московском университете общество составилось в 1779 году под названием Вольного Российского и ознаменовало бытие свое изданием 6 частей полезных трудов Татищевой Российской истории и Церковного словаря. Когда оно от разных обстоятельств уничтожилось, то в 1789 году июля 2-го открыто другое общество Любителей учености, но за неиспрошением предварительного на то дозволения от верховной власти Екатерина II не соизволила утвердить оного. В мае 1804 года по высочайшей воле государя императора учреждено Общество истории и древностей российских. Поводом к составлению оного было предложение геттингенского профессора Шлецера о желании его участвовать с российскими учеными в критическом издании древних наших летописей, дабы могли оные служить основанием при сочинении Российской истории. Доныне издано сим обществом: записок и трудов его — две части, русских достопамятностей одна часть, Летопись Нестерова, по древнейшему списку монаха Лаврентия по 1019 год. Председателями оного были: сперва профессор Чеботарев, потом Платон Петрович Бекетов, а ныне Александр Александрович Писарев. В том же году по настоянию усерднейшего попечителя Михайлы Никитича Муравьева учредилось другое Общество врачебных и физических наук, принявшее в основание своих упражнений: распространять в отечестве нашем полезные знания, касающиеся до физики и врачебной науки, подкреплять упражнение в сих науках и способствовать усовершенствованию в них. Упражнения сего общества начались в 1805 году, и уже три части записок оного изданы в свет. Председателями сего общества были при учреждении оного профессор медицины доктор Керрестури, по кончине его профессор же и доктор Рихтер, а ныне председательствует химии профессор Рейс. Чрез год составилось и третье — Общество испытателей природы. Главная цель его состоит в усовершенствовании сведений в естественной истории обширного государства Российского, в собрании по географическому порядку всех произведений отечества нашего по части ботаники, зоологии, земледелия и промышленности и в попечении открыть такие произведения, кои могли бы составить новую ветвь торговли. Общество сие основалось и ныне состоит под председательством заслуженного профессора г. Фишера и издало [авт. пропуск] книг трудов своих. Для распространения сведений о правилах и образцах здравой словесности и для доставления публике обработанных сочинений в стихах и прозе на российском языке в 1811 году основалось Общество любителей российской словесности под председательством доныне продолжающимся г. профессора и ректора Прокоповича-Антонского. Обществом издано уже 24 тома трудов его и летописей, а сверх того четыре части речей умерших русских профессоров университетских с их биографиями.

10. Начальники университета

Первыми кураторами университета были: учредитель оного обер-камергер Иван Иванович Шувалов; действительный статский советник Блюментрост, после его тайный советник Иван Иванович Мелиссино, действительный статский советник Михаил Матвеевич Херасков, тайный советник князь Федор Николаевич Голицын, действительный статский советник Михаил Иванович Коваленский. Директоры: коллежский советник Аргамаков, действительный статский советник Михайла Васильевич Приклонский, Павел Иванович Фонвизин и Иван Петрович Тургенев. По преобразовании Московского университета и при учреждении университетов в Казани, в Вильне, Дерпте и Харькове зависели все они от министров просвещения: действительного тайного советника графа Петра Васильевича Завадовского, потом графа Алексея Кирилловича Разумовского и князя Александра Николаевича Голицына, а ныне зависят от адмирала Александра Семеновича Шишкова. Попечители Московского университета: Михайло Никитич Муравьев, Павел Иванович Кутузов, князь Андрей Петрович Оболенский. Ректоры: по избранию Харитон Андреевич Чеботарев, Петр Иванович Страхов, Иван Андреевич Гейм и Антон Антонович Прокопович-Антонский.

11. Польза государству от Московского университета

Учреждение Московского университета произвело ощутительную во всей империи пользу, дало ей способных для государственной службы людей, распространило знания во всех родах учености, обработало отечественный язык, ускорило успехами просвещение, открыло дворянству способ отличаться не столько знатностью и богатыми поместьями, сколько приобретенными и чрез хорошее воспитание обработанными знаниями и дарованиями.

Здесь образовались многие знаменитые мужи: князь Григорий Александрович Потемкин-Таврический, Яков Иванович Булгаков, Михайло Никитич Муравьев и многие другие, заслугами своими государству известные, не только светские, но и некоторые из возведенных на степень первосвященства заимствовали в университете Московском просвещение. Довольно вспомянуть двух новгородских митрополитов Михаила Десницкого и Серафима Глаголевского. С отличным достоинством и славою один из них правил, а другой и ныне правит кормилом Грекороссийской церкви. В сем же рассаднике учености университет для себя собственно и для других высших в империи училищ воспитал и образовал многих профессоров в разных родах учености.

12. Достопамятности Московского университета

Император Иосиф II, бывший в Москве 1780 года под скрытным именем графа Фалкенштейна, неоднократно посещал лекции профессоров, прося их включить его в число своих студентов. Сверх многих достопамятных для Московского университета событий, имеющих связь с ученою историей, незабвенно в летописях посещение, которого августейший покровитель учености благоволил удостоить сей виноград, насажденный десницею Елисаветы I, возделанный Екатериною II и им самим распространенный, обогащенный и возвеличенный. В 1809-м декабря 11-го дня во 2 часу пополудни император Александр I с великою княгинею Екатериною Павловною и супругом ее принцем Георгием Голштейн-Олденбургским прибыть изволил прямо в церковь, откуда изволили шествовать в музей, а потом в большую залу, или аудиторию, где попечитель имел счастье поднесть его величеству стихи. Обновление сожженного в 1812 году здания университетского и скорое после того приращение по всем частям ученых предметов поведало потомству в числе достопамятностей и неимоверную возможность россиян не только восстановлять упадки, но извлекать из того самые успехи.

13. Благородный пансион

Основателем в 1779 году Благородного при Московском университете пансиона был куратор Михаил Матвеевич Херасков. Желая доставить дворянству легчайший способ к лучшему воспитанию и обучению детей, он сочинил план сему заведению, а старший тогда куратор Иван Иванович Мелиссино испросил у Екатерины II особый для того дом, Межевою канцелярией некогда занимаемый, и оказал себя ревностным покровителем сего нового рассадника. Директором пансиона более тридцати лет был и ныне есть старший из профессоров действительный статский советник Антон Антонович Прокопович-Антонский. Наружный фасад сего квадратного, в два этажа устроенного здания обращен на Тверскую улицу. Главный корпус отличается порталом из осьми дорических полуколонн и заканчивается заворотом между двух переулков по обеим сторонам красивыми ротондами, с колоннами тосканского ордена и большими куполами. В одной из них находится церковь во имя [авт. пропуск]*, в другой — больница. Главные части строения заняты классными комнатами, отделенными от спален коридорами и двумя залами для столовой и для публичных собраний. Полный курс учения в пансионе, как наукам вообще, так [и] изящным искусствам и гимнастическим упражнениям, делится на три класса: высший, средний и низший, из коих каждый еще подразделяется на два отделения — старшее и младшее. Главнейшею выгодой сего пансиона пред другими служит то, что науки там преподают лучшие профессоры и учителя университетские; число их с надзирателями простирается до 60. Комплект воспитанников состоит из 275. Сие общественное воспитание находится под непосредственным ведением попечителя и свое имеет правление, в котором председательствует директор с инспектором, а при них находятся два члена, один от университета, а другой родителями учащихся избранный. Для сближения, взаимной пользы в общеполезном деле воспитания родители всегда бывают посредниками между учащими и учащимися и всякий месяц получают сведения о успехах детей своих. За каждого пансионера платят в год не более 800 рублей. Несмотря на сию столь умеренную плату, благоразумною экономиею не только заведена там значительная библиотека, физический, математический и минеральный кабинеты, но и все строения производятся из денег, выручаемых за пансионеров. В 1816 году 18 августа Александр I ощастливил пансион высочайшим своим посещением. Слова, произнесенные государем императором: «Истинное просвещение основано на религии и Евангелии», начертаны на золотой доске и служат скрижалию сему училищу. Она хранится в залах собрания, где поставлены и портреты всех бывших кураторов и попечителей. В уважение пользы, какую приносит Московский университетский благородный панси-

* Воздвижения честного креста господня.— С. Д.

он образованием юношества, государь император 1818 года февраля 14-го даровал сему училищу особенные права и преимущества. Воспитанники оного, кончившие полный курс учения и получившие одобрительные аттестаты, вступают в гражданскую службу, по степени их успехов, с чинами 14 до 10 класса включительно; а в военной, прослужив, производятся в офицеры, хотя бы не было и вакансии в полках. Отличившимся учением и благонравием раздаются ежегодно в награду при выпуске медали золотые и серебряные, с именами и без имен, похвальные листы; но главное награждение есть дека, окруженная лаврами, в зале собрания поставленная, на которой золотыми буквами начертаны имена питомцев, служивших образцом прилежности и поведения для других. Из лучших учеников составляется литературное общество, в котором председатель и секретарь избираются из них самих. Изданные труды сим обществом известны под разными названиями, как-то: «Распускающийся цветок», «Полезное препровождение времени», «Утренняя заря», «Отдых в пользу» и «Каллиоппа».

14. Гимназия губернская

Красивое здание, губернскою гимназией занимаемое, находится на большой Пречистенской улице под № 275 с правой стороны, по дороге из Кремля к Пречистенским воротам, на том месте, где для пребывания в 1775 году императрицы Екатерины II построен был деревянный дворец. Земля под дворцом со всеми принадлежностями пожалована была ею фельдмаршалу графу Румянцеву-Задунайскому; потом куплена Городскою думою под казармы и наконец, по изволению царствующего императора в 1812 году, пожалована гимназии. Губернская гимназия заменяет отчасти учрежденное в 1785 году Главное народное училище. Постановление нынешней академической гимназии Московского университета получило свое образование 2 октября 1806 года. Предмет сего ученого заведения двоякий: во-первых, способствовать успешнейшему производству учения в губернских гимназиях Московского округа и, во-вторых, пополнять университет казенными студентами, кандидатами и магистрами и быть рассадником ученых чиновников Московского округа. Гимназией управляет директор. Учеников на казенном содержании положено 60; на пищу их, одежду и прислугу, также на жалованье учителям, надзирателям и прислужникам определено тогда было ежегодно по 17 000 рублей. Когда сумма сия по большему числу учащихся оказалась недостаточною, то прибавлено было к оной сперва 6000, а потом испрошено у государя императора еще 12 000 рублей на каждый год из городских доходов. Уездными и приходскими училищами Московской губернии управляет директор гимназии, университетом избираемый. Без предварительного от него дозволения никакой приватный пансион в Москве не может быть открыт. Он ежегодно экзаменует все вообще училищные заведения. Учителя, преподающие уроки в городе по часам, и гувернеры, вступающие в дома господские, обязаны иметь от него одобрение в знаниях своих. В помощь ему подчинен инспектор, который обязан наблюдать столько же за учением, как за поведением и здравием воспитанников. Учителей положено восемь. Всем учащимся преподают: закон божий, словесность российскую, латинскую, немецкую, французскую и английскую, математику, историю, географию, нравственную философию, физику, механику, гидравлику и естественную историю; также искусство рисовальное, музыку и танцы. Благородный грек Зосима учредил при гимназии на своем иждивении класс для греческого языка в пользу единоземцев своих и для всех вообще там учащихся. Попечитель граф Разумовский в 1814 году завел при гимназии пансионы — один на 50 бедных дворян, а другой для разночинцев. За содержание и учение первых вносят по 450 рублей в год, а плата за разночинцев еще менее, только по 250 рублей. В числе сих последних Приказ общественного призрения содержит на своем иждивении тридцать сирот. В 1823 году учеников собственно в гимназии находилось 160.

15. Московское уездное училище

Уездное училище Московской губернии находится в одном доме с гимназией. Там наставляются в законе божием и должностях человека и гражданина, и преподаются языки — латинский, немецкий и французский, грамматика российская, история и география сокращенно, первоначальные основания геометрии и естественных наук. При сем училище два смотрителя, один почетный, а другой штатный, учителей 7, а учеников в 1825 году было [авт. пропуск].

16. Приходские училища

Приходских училищ в Москве девять под следующими названиями улиц и приходов: Городское, Никитское, Арбатское, Трехсветительское, Петропавловское, Богоявленское, Алексеевское, Вознесенское и Бутырское. При оных учителей 27, а учеников 1825 года было [авт. пропуск]. На содержание каждого училища полагается в год по 1250 рублей. Народные шко-

лы для низшего звания людей открыты в Москве 1786 года. Там безденежно учат юношество по книгам, бывшею тогда Комиссией училищ изданным, чтению, письму, арифметике; наставляют простым и ясным образом в главных началах закону божию, благонравию, обязанностям к начальству и ближним. Прежде учивали грамоте безграмотные или к раскольничьим сектам принадлежавшие мужчины и женщины и передавали свои закоренелые предрассудки, а чрез учреждение народных школ сие злоупотребление прекратилось. Государь император Александр I не токмо поддерживал учрежденные Екатериной II народные школы, но при устроении и распространении в империи наук, 1803 года предписал правила для народного просвещения и подчинил народные училища университетам, которые для удобнейшего производства дел, к училищам относящихся, ежегодно учреждают училищный комитет.

17. Частные пансионы для воспитания юношества

Частных в Москве пансионов для воспитания юношества обоего пола считалось недавно мужских семнадцать и девять для девиц. Три только из них содержатся природными россиянами, все ж другие иностранными. Есть причины желать, чтоб все они имели качества, для принятого ими звания потребные и в отправлении своей должности не одною корыстию руководствовавшиеся. Не знающие и не терпящие нашего языка могут ли передать привязанность к стране, для них самих чуждой? Скорее внушат они юным россиянам пренебрежение ко всему отечественному и в недрах России преобразуют из россиянина иностранца. Сего недовольно: они для преподавания науки предпочтительно избирают также иностранца, и воспитанники нечувствительно приучаются даже мыслить по-иноземному, а тем явно истребляется народный дух. Екатерина II, провидев приготовленный будущему поколению разврат, повелела в 1785 году осмотреть в С.-Петербурге все приватные школы и пансионы, а в Москве возложила сие на главнокомандующего и предписала, «чтоб учение происходило относительно Закона божия по точности догматов православной веры нашей, а для иноверческих по их исповеданиям, чтоб не было терпимо никакого суеверия, развращения и соблазна, чтоб учение преподавалось по книгам, в установленных училищах принятым, и чтоб в учители не иначе допускаемы были, как по испытанию в знаниях и по достоверным одобрениям в их благонравии и образе мыслей». Некоторые пансионы не выдержали сего испытания и тогда ж были упразднены. Министр-патриот в таком же духе произвел [авт. пропуск]...

18. Университетская типография

По учреждении в 1755 году университета учредилась при оном и типография для печатания книг, относящихся к преподаваемым тамо наукам. С того времени издание Московских ведомостей в Духовной типографии прекращено и, быв предоставлено университету, приносит ему прибыли с журналами и печатанием разных книг ежегодного дохода за всеми издержками до 80 тысяч рублей. Тиснение в университетской типографии производится на российском, греческом, латинском, французском, английском, немецком, итальянском, еврейском и арабском языках. Хозяйственная часть типографии, находясь в непосредственном распоряжении университетского правления, вверена надзору особого начальника, который руководствуется правилами, утвержденными Главным училищ правлением 1806 года. Он имеет при себе помощника, редактора для издания политических ведомостей, также с помощником; бухгалтера, а для учреждения работ типографских фактора, восемь корректоров и письмоводителя. Станов для печатания находится 29, при них разного рода мастеровых 153, как-то: наборщиков с учениками 46, тередорщиков 36, батырщиков 38, словолитцев 23, подъемщиков 13. Типография содержится из собственных ее доходов. Прежде находилась она на Тверской, где Благородный пансион, и переулок, ведущий на Никитскую, назван Газетным, потому что тут из лавки раздавались газеты. Ныне она переведена в два купленные для сего дома на Петровском бульваре под № 11. Для обзаведения и размещения типографии со всеми к ней принадлежностями выстроены из доходов ее два корпуса двуэтажные, один длиною на 17 саженях, а другой с заворотом во двор на 46 саженях. В первом помещаются магазины, книжная университетская лавка и некоторые из чиновников, а в другом контора, наборная, тередорная, словолитная и подъемная палаты, и сверх того литографическое заведение.

ГЛАВА V
ПРИСУТСТВЕННЫЕ МЕСТА

1. Московское горное правление

Первые серебряные рудники в государстве Российском открыты за триста верст от Печоры при реке Цильме в 1492 году двумя посыланными туда иностранцами Иваном и Виктором. С сего только времени начали у нас добывать сокровища из недр отечественной земли, плавить металлы и чеканить в Москве монету из русского серебра и золота [авт. пропуск]*. Царь Михаил Феодорович в 1641 году вызвал из Англии для добывания металлов искусного рудознатца Ивана Катера. При царе Алексее Михайловиче 1661 года отправлен был в Кevроль и Мезень дьяк Михаил Шпилькин для отыскания в тамошних местах серебряной руды с наставлением, как поступить ему при открытии оной. Чрез пять лет посланы туда ж два брата, искусные в добывании руды, князья Богдан и Семен Милорадовы. Воеводам сих городов предписано было давать им работников и снабжать потребными материалами. Со времени сего же государя узаконено, чтобы золотых и серебряных дел мастера не делали вещей и посуды ниже указных проб и для клеймения приносили бы их в Пробовальную палату. В 1699 году приехали в Москву трое рудокопных мастеров Михаил Лоренц, Иоган Ган и Балтазар Вейгель, которым приказано было искать руд между Дорогомиловскою заставою и селом Фили, также в селе Коломенском и потом Козельского уезда в дворцовой Дудинской волости; но труды их остались без успеха. Государь Петр I, улучшая все части государственного правления, учредил в 1719 году Берг-коллегию вместо прежде бывшего Рудокопного приказа и даровал выгодные привилегии всем, кто только где-либо отыщет в России руды золотые, серебряные, медные, оловянные, свинцовые и железные, и определил в оную двух искуснейших тогдашнего времени металлургов Шлаттера и Рейзера. Известный по сочиненной Истории Российской Василий Никитич Татищев пожалован был в советники Берг-коллегии и в сентябре 1724 года отправлен в Швецию для призыва в Россию мастеров, потребных к горным и минеральным работам. С ним послано было молодых россиян, знающих геометрию, 18 человек. Мастерствам: машинному, маркшейдерскому и пробирному — 2; плавильному, горнмахерскому, переплавному, ковке меди, стальному, квасцовому, обжигательному и угольному также по два человека для каждого мастерства. На сии издержки с Татищевым отправлено было 7600 рублей, о которых велено было испросить у шведского сената дозволение обучаться им металлургии в самых рудокопных заводах. Императрица Анна Иоанновна возобновила поощрения подданным отыскивать всякие металлы и издала о том регламент. Удачнейшая разработка руд в Нерчинских и Колывано-Воскресенских заводах производилась при Екатерине II. На сих только двух заводах по сложности добывалось золота и серебра ежегодно с лишком на три миллиона тогдашнего достоинства рублей. В 1774 году императрица повелела завести при Берг-коллегии Горное училище. В благословенное ж царствование Александра I открывается новый источник государственного богатства — Уральские горы, сокрывавшие в себе золото, разверзают свои недра на пространстве [авт. пропуск] верст, находят сей драгоценнейший металл весьма близко от поверхности земной. Между песчинками золота находят самородные куски оного до 8 фунтов. При образовании в 1812 году Государственного управления все дела Берг-коллегии поступили в ведомство министра финансов. Учрежден Горный кадетский корпус, в котором сверх обыкновенных наук преподаются: горная механика, геогнозия, ориктоенозия и маркшейдерское знание. В Московском горном правлении начальствует берг-инспектор с двумя советниками. В пробирной палатке заклеймивают приносимые золотых и серебряных дел мастерами работы, чтобы серебро в деле всегда было указной 83 пробы. Дом Горного в Москве правления, находящийся на Моховой под № [авт. пропуск]** при повороте на Знаменскую улицу, недавно куплен у обер-камергера Нарышкина и около 150 лет принадлежал сей фамилии. В нем находилась церковь во имя великомученицы Ирины со звоном, т. е. с повешенными на колокольне колоколами и с богатою ризницею, усердием братьев царицы Натальи Кирилловны снабденною.

2. Конторы Коммерческого банка

Для открытия купечеству вящих способов к облегчению и расширению коммерческих оборотов государь император Александр I учредил 1817 года мая в 7-й день вместо прежних учетных контор Государственный коммер-

* На Денежном дворе в Москве, на Варварке (в XVI веке).— **С. Д.**
** № 364, квартал № 4.— **С. Д.**

ческий банк и предоставил в распоряжение его 30 миллионов рублей казенного капитала. Постановление же Московской Государственного коммерческого банка конторы высочайше утверждено в следующем году августа 5-го. В ней положено быть одному управляющему, двум директорам от правительства и двум от купечества избранным. Окладного им жалованья с секретарем, бухгалтером, кассиром и помощниками их ежегодно отпускается 19 950 руб. Купленный для сей конторы дом у г. Лунина находится между Никитских и Арбатских ворот на бульваре и замечателен красивостью архитектуры и внутреннею отделкою.

3. Контора адресов

Контора адресов не имеет казенного дома, а помещается по найму в Тверской части между Никитскою и Тверскою. Она учреждена в сей столице для приведения в известность многочисленного класса людей, отправляющих разные должности в частных домах по найму, и состоит под непосредственным ведением военного генерал-губернатора. Управляет ею чиновник, знающий французский, немецкий, английский и итальянский языки, при нем два секретаря, два переводчика, казначей и четыре писаря. Контора адресов имеет два отделения, в первое записываются люди, отправляющие какие-либо должности в частных домах; а во втором слуги и рабочие; первые с платежом ежегодно мужчина по 10, а женщина по 5 рублей, а последние платят мужчины по 3 рубля, а женщины — 1 рубль и получают билет на жительство. За содержание без билета подвергаются взысканию за каждый день по два рубля, при перемене должности или места записанный в конторе обязан предъявить одобрение о добропорядочном отправлении своей обязанности. Ежегодный доход сей конторы простирается до [авт. пропуск] рублей и поступает в [авт. пропуск].

5*. Колымажный двор

На Ленивке, с правой стороны, едучи к Пречистенским воротам, находится Придворное конюшенное правление, заведывающее четыре конских завода и 845 лошадей. Сею конторою управляет шталмейстер и живет в особом казенном доме. Повозки царские назывались прежде колымагами, а потому и двор сей исстари прозван Колымажным. Богатых карет и возков за двести лет пред сим не делывали в Москве, а присыланы были в дар царям от римских императоров и королей польских, всегда с шестью одношерстными лошадьми для каждой повозки. Великая княгиня Елена Иоанновна, по обручении за великого князя литовского Александра, поехала зимою из Москвы в каптане. Рисунок кареты, какие употреблялись за двести лет пред сим, здесь прилагается для сравнения прежней величины и тяжелины с нынешнею красивостью и легкостью. Лжедимитрий особенно щеголял экипажами: он имел множество колесниц и саней, окованных серебром, обитых бархатом и соболями; на гордых азиатских его конях седла, узды, стремена блистали золотом, изумрудами и яхонтами, а возницы и конюхи одеты были, как вельможи. Олеарий повествует, что при нем, когда царица выезжала за город на богомолье либо гулять, то сопровождали ее 36 боярынь или девиц верхом, сидя в седле помужскому, в белых шляпах с длинными лентами алого цвета, висящими по спине. Но бывшие в Москве 1675 года цесарские посланники [авт. пропуск]**, подробно описывая выезд царя Алексея Михайловича с царицею и со всею царскою фамилией на богомолье в Троицко-Сергиев монастырь, не упоминают о верховой езде русских госпож [авт. пропуск].

6. Фурманное пожарное депо

Близ Пречистенских ворот, в прежде бывшем доме Главного народного училища, помещается ныне Фурманное пожарное депо. Там всегда наготове две большие заливные трубы и четыре обыкновенных труб, сорок дрог для бочек с водою, шесть повозок, из которых на каждой садится по 13 фурманщиков, и одни большие дроги с крюками и лестницами, также с 13 человеками, сверх того и при трубах усаживается по шести человек. Всею пожарной частью заведывает бранд-майор, ему подчинены из всех двадцати частей города двадцать брандмейстеров, столько же помощников их и унтер-офицеров; а всей пожарной команды находится до тысячи пятисот человек, лошадей до четырехсот пятидесяти. Проворство людей, приученных изготовляться через две минуты скакать на быстрых лошадях для погашения пожара, может казаться неимоверным тому, кто сам очевидно не был тому свидетелем. Содержание всей пожарной команды заимствуется из городских доходов и стоит в год по [авт. пропуск] рублей.

7. Губернаторский, полицмейстерский и Тверской части дворы

На Петровской улице под № 103 находится казенный дом для московских губернаторов. Он принадлежал некогда графу Воронцову.

---

* Раздел 4-й пропущен.— **С. Д.**

** Аннибал Франциск де Ботони, Яган Карл Терлингерен де Гусман и доктор Лаврентий Рангубер.— **С. Д.**

Для полицмейстера, заведывающего первое отделение десяти частей города, куплен также дом под № 13 на Большой Дмитровке после камергера Дивова, а Тверской части съезжий двор состоит под № 57 за гауптвахтою против генерал-губернаторского дома.

8. Незастроенное казенное место

На Моховой улице с левой стороны при повороте от Троицкого моста находилось большое незастроенное казенное место под № 359, состоящее в ведомстве Кремлевской экспедиции. Ныне продано из того до половины некоторым чиновникам сего ведомства и обстроивается на обе стороны к среднему Кремлевскому саду и по улице хорошими домами. Тут были прежде аптекарские сады. В разрядных записках упоминается, что царь Феодор Алексеевич 1677 года мая 21-го в 12-м часу дня прогуливался в сих садах. Когда от небрежения целебные травы вывелись, то бывшая Медицинская контора отдавала их огородникам за 40 рублей в год; императрица Екатерина II повелела 1770 года января 29-го принять сию землю Экспедиции кремлевских строений в свое ведомство для помещения тут материалов, которые тогда заготовлялись на созидание в Кремле огромнейшего дворца по проекту архитектора Баженова.

ГЛАВА VI
КАЗЕННЫЕ ДОМА

1. Московского военного генерал-губернатора

Дом, предоставленный для жительства военным генерал-губернаторам, куплен в казну 1784 года у вдовствующей супруги генерал-фельдмаршала графа Чернышева. Строение трехэтажное, заимствует красивость свою от пропорции, которая во всех частях тщательно соблюдена строителем ее. В 1822 году пожар истребил всю внутренность сего великолепного дома, но прочные стены снова украсились внутри и заблистали золотом и богатыми тканями. Назначение генерал-губернаторов в Москве воспоследовало со времен Петра Великого, а прежде при царях, когда они отъезжали из столицы, хотя б то было на один день и на самое близкое расстояние, оставляем был ведать Москву из числа палатных людей особенною царскою доверенностью пользующийся боярин, которому придавалось два или три товарища. Они все обязаны были дневать и ночевать во дворце. В 1697 и 1698 годах во время путешествия государева в иностранные земли оставался в Москве царским наместником ближний стольник князь Федор Юрьевич Ромодановский, прозванный от Петра I князем-кесарем с титулом величества; в 1700-м, в бытность государеву на Воронеже для строения флота, Москва приказана была боярину князю Ивану Борисовичу Троекурову; 1706-го декабря 25-го государь указал быть на Москве и в Расправной палате дела ведать боярину князю Михайле Алегуковичу Черкасскому. Когда Петербург начал отстраиваться и государь более в своем новом городе имел пребывание, то начальствовал в Москве князь кесарь Ромодановский по день кончины своей, 14 сентября 1717 года воспоследовавшей. На другой день по восшествии на престол императора Петра II, мая 8-го, назначен был преемником ему с названием генерал-губернатора сын его, действительный тайный советник князь Иван Федорович Ромодановский, а после кончины его в марте 1730 года императрица Анна Иоанновна возложила сие звание на кравчего Василия Федоровича Салтыкова с чином действительного тайного советника. За четыре месяца пред отъездом двора из Москвы в Петербург 1731 [года] сентября 13-го определен в Москву генерал-губернатором генерал Чернышев. 1735 [года] августа 21-го генерал Чернышев от службы уволен, а на место его пожалован генерал-губернатором московским генерал-поручик князь Борятинский. В июне следующего года повелено было ему начальствовать в Малороссии над Слободскими полками, но июля 5-го он возвращен в Москву, а 1737 [года] февраля 9-го пожалован в полные генералы. 1739 [года] мая 23-го назначен был в московские генерал-губернаторы фельдмаршал князь Иван Юрьевич Трубецкой с повелением присутствовать ему в Сенатской конторе и указом 23 декабря того ж года уволен был от всех дел. Во все сие время рапорты бывших тогда в Кабинете по делам и о происшествиях до Москвы касавшихся писаны от имени обер-гофмейстера графа Семена Андреевича Салтыкова, который, быв первым членом Сенатской конторы и, вероятно, за отсутствием генерала Чернышева, князей Борятинского и Трубецкого, исправлял должность их. В 1741 году он именуется уже главнокомандующим. При императрице Ели-

савете Петровне главное над Москвою с 1744 года по 1751-й начальство имел генерал-аншеф Василий Яковлевич Левашев.

При восшествии на престол императора Петра III главнокомандующим в Москве был генерал-поручик граф Иван Ларионович Воронцов. Вскоре по вступлении на престол Екатерины II заступил место его фельдмаршал граф Петр Семенович Салтыков. После моровой язвы и случившегося в Москве бунта занял место его генерал-аншеф от кавалерии князь Михаил Никитич Волконский. В 1780 году главнокомандующим в Москву пожалован был генерал князь Василий Михайлович Долгорукий-Крымский, управление его ознаменовалось народною к нему любовью; когда он скончался, то купцы московские не взяли денег за потребности для погребения его употребленные. По кончине его в 1782 году был главнокомандующим фельдмаршал граф Захар Григорьевич Чернышев. В двухлетнее управление при самых малых способах он украсил Москву хорошими зданиями, окопал ее рвом, построил заставы, мосты и дал ей вид, какой приличен столице престольной. Поступивший на место его в 1784 году генерал-аншеф граф Яков Александрович Брюс начальствовал в Москве и ее губернии менее двух лет. Императрица рескриптом от 28 июня 1786 года возложила сию должность на жившего в отставке генерала-аншефа Петра Дмитриевича Еропкина, который в феврале 1790 года по просьбе его получил увольнение. Он заменен генералом-аншефом князем Александром Александровичем Прозоровским, который, равно как и оба предшественника его, по воле императрицы много озабочивались истреблением масонских лож и учения, которое тогда под названием мартинистского известно было. С 1795 по май месяц 1797 года главнокомандующим в Москве был действительный тайный советник Михайло Михайлович Измайлов. По воцарении императора Павла I чрез две недели повелено быть военным губернатором генерал-поручику Ивану Петровичу Архарову и о всех случающихся происшествиях по части полицейской доносить государю, а бывшему тогда главнокомандующему предоставлено присылать рапорты только по гражданской части. Измайлов скоро попросил увольнения, и начальство над Москвою предоставлено было генералу князю Юрию Владимировичу Долгорукову, но ненадолго. В том же году сменил его фельдмаршал граф Иван Петрович Салтыков. 1797 года февраля 1-го звание главнокомандующего в Москве отменено и повелено называться графу Салтыкову начальствующим по гражданской части. При восшествии на престол государя императора Александра I граф Салтыков остался один начальником Москвы и правил столицею и губерниею в звании военного губернатора до кончины, воспоследовавшей 1804 года. Место его заступил генерал от инфантерии Александр Андреевич Беклешов. По увольнении от службы генерала Беклешова в июле 1806 года генерал-губернаторство возложено было на генерала Тимофея Ивановича Тутолмина, а после отставки его в 1809 году начальствовал над Москвою фельдмаршал граф Иван Васильевич Гудович с названием главнокомандующего до 1 июня 1812 года. При чаемом тогда вторжении в Россию неприятеля избран в главнокомандующие генерал от инфантерии граф Федор Васильевич Ростопчин. Выразительные его действия при нашествии на Москву неприятеля останутся навеки памятны. Сам Наполеон в двадцатом бюллетене признается, что распоряжения графа Ростопчина расстроили принятые им меры. В сентябре 1814 года на место графа Ростопчина, отправившегося в Париж, определен генерал от кавалерии Александр Петрович Тормасов с наименованием московского военного генерал-губернатора. Государь император в изъявление своего благоволения за успехи в обновлении сожженной при неприятеле столицы возвел его в графское достоинство. По кончине графа Тормасова, последовавшей [авт. пропуск] * 1819 года, генерал от инфантерии князь Димитрий Владимирович Голицын принял начальство в звании генерал-губернатора. Беспрекословною попечительностью его Москва не только обновилась, но украсилась, так что такою и прежде не бывала. Возникли новые улицы с великолепными и огромными домами, стенам Кремля и Китай-города дан приличнейший вид, устроены публичные сады, улучшены бульвары и пр.

2. Сенатская типография

Новейшее с колоннадою и арками здание Сенатской типографии, примыкающееся к лавкам Охотного ряда, для украшения и правильности Театральной площади единообразно с домами генерала Полторацкого и купца Варигина построенное. Станов в Сенатской типографии 8, а рабочих людей с чиновниками по штату положено 39 человек, в жалованье на них по штату 1819 года положено 12 760 рублей. Главные обязанности ее состоят в издании сенатских прибавлений к Московским ведомостям, высочайших манифестов, именных и Правительствующего Сената указов.

* 13 ноября.— **С. Д.**

3. Экзерциргауз

Экзерциргауз в продолжении своем одною стороною украшает Моховую улицу, а другою сад Кремлевский. Сие огромное здание начато весною 1817 года и окончено в одно лето. Длина его 81, а ширина 23 сажени; стены же в три аршина толщины, всего удивительнее потолок, на таком пространстве ничем внутри не поддерживаемый, утвержден на одних стропилах, но через шесть лет надлежало сделать некоторые перемены в устроении крышки. Опыт доказал, что излишний от солнца жар под железною крышкою ослабил стропила, а потому прибавлено число слуховых окон и стропил к прежним 30 еще 15. Все с любопытством смотрят на сие необыкновенное здание. Основание оного из дикого камня, стены украшены снаружи колоннами, между которыми расположены большие окна, а внутренность представляет обширнейшую залу, по углам которой поставлены печи, по сторонам же камины. Главный надзор за сим строением по проекту генерал-лейтенанта Бетанкура имел генерал-майор Карбоньер.

ГЛАВА VII*

1. Публичные увеселения, в старину бывшие

В старину праздничные увеселения московские состояли в медвежьих травлях, катанье на горах, качелях. При царе Иоанне Васильевиче выискивали веселых людей, скоморохов и шутов. Боярские и дворянские жены и дочери не могли участвовать в сих народных забавах; их скрывали от взоров посторонних мужчин. Хозяйки дома казались иногда почетным гостям; но, поднесши им чарку водки и поцеловавши угощаемого, тотчас уходили в свою горницу. Девиц же и совсем не показывали, их можно было видеть только в церквах.

2. Ассамблеи

Петр I для истребления сего обычая, оставшегося в России от времен татарского владычества, ввел чередовые в лучших домах дворянских вечеринки, по-тогдашнему ассамблеи называемые, куда не только жены, но и дочери чиновников приглашаемы были. В журнале князя Меншикова упоминается, что 1717 года февраля 26-го в вечеру был он на ассамблее у англичан и забавлялся там до 10-го часа. В 1718 году декабря 21-го была ассамблея у вице-адмирала Крейса, где и его царское величество быть изволил с прочими господами и по довольных разговорах в 10-м часу разъехались. С тех пор беседы и собрания московские оживились любезностию прекрасного пола, чему впоследствии способствовать могло и царствование императрицы, более шестидесяти семи лет в минувшем столетии продолжавшееся.

3. Дворянский клуб

Основание благородного собрания под названием Дворянского клуба положили Алексей Петрович Мельгунов, Павел Матвеевич Ржевский и Иван Васильевич Ступишин. Общество составилось из знатнейших в Москве особ обоего пола и собиралось сперва в доме Петра Александровича Бутурлина на Солянке, а потом у князя Черкасского на Тверской. Неприятности, встретившиеся у директоров с содержателем, заставили их подумать о приобретении особого дома, который бы остался навсегда собственностью для дворянства московского. В 17 [авт. пропуск]** году они купили дом у наследников князя Василья Васильевича Долгорукого-Крымского близ Охотного ряда, но сие помещение скоро оказалось тесным для публичных съездов.

4. Построение нынешней огромной залы

Бывшие тогда директорами князь Алексей Борисович Голицын и Николай Иванович Маслов, согласясь с прежними основателями сего заведения, по неимению в Дворянском клубе наличной суммы заложили свои собственные деревни в Московском опекунском совете, и на занятые ими деньги Михайло Федорович Соймонов выстроил огромную колоннадную залу для танцев в длину 18, а в ширину 11 саженей. Правильный размер послужит навсегда превосходнейшим ее украшением. В ней помещалось до трех тысяч человек. Съезды назначены еженедельно по вторникам; как для балов, так и в великий пост для концертов.

---

* Название главы отсутствует.— **С. Д.**
** 1785.— **С. Д.**

5. Достопамятности Дворянского клуба, Российским благородным собранием переименованного

Достопамятности сего общества суть следующие: в 1796 году оно отменило название клуба, стало именоваться Российским благородным собранием и вскоре напечатало свой устав. После чего многократно удостоивано было высочайшего присутствия со всею императорскою фамилиею. В 1808 году учреждено при оном вспомогательное заведение в пользу неимущих офицеров. В 1809-м государь император пожаловал дому Российского благородного собрания свой портрет. В 1810-м предложено украсить оный изображением императрицы Екатерины II, даровавшей 1785 году жалованною грамотой права и преимущества российскому дворянству. В генваре 1811 года директоры по произволу своему подрядили итальянского живописца Канопи расписать большую залу и прибавить длину оной, но от сей переправки нарушилась правильность ее размера; а живопись затемнила ее и лишила той красивости, которую заимствует она единственно от простоты своей, так что все члены вознегодовали на такую перемену. В 1812 году апреля 21-го происходило открытие монумента императрице Екатерине II, в самый день достопамятного ее рождения. Она изображена колоссально из меди в виде законодательницы. Движение правой руки являет ее произносящею милостивое слово к предстоящим; а в левой виден свиток начертанных ею в пользу дворянства законов. Внизу орел с распростертыми крылами, знаменуя собою Россию, и, держа в одной лапе перун, склоняет голову с дубовою во рту ветвью к стопам императрицы, означает тем чувствования благодарности россиян к своей благотворительнице. Сей памятник отлит из превосходнейшего металла академиком Евдокимовым по рисунку профессора Мартоса. Сгоревший при вторжении на Москву неприятеля дом Российского благородного собрания был вновь отделан по-прежнему в 1814 году. На сие исправление занято было в казне 150 000 рублей, которые государь император 1816 года августа 21-го изволил подарить собранию. К поставленному между колонн мраморному бюсту Александра I начертаны четыре незабвенные стиха:

Муж, твердый в бедствиях, и скромный победитель!
Какой венец ему? Какой ему алтарь?
Вселенная! Пади пред ним: он твой спаситель.
Россия, им гордись: он сын твой, он твой царь.

Кроме полуциркульной галереи, в которой поставлен памятник Екатерине II, сопредельные две залы занимаются карточными столами, за ними столовая и уборная для дам; есть комната и для чтения газет. Одна сторона — хор над колоннадою в зале — занята бывает оркестром, а на другие там стороны допускаются разного звания люди, не имеющие права быть записанными в собрании, и смотрят оттуда на танцы и блистательность собрания дворян российских. Записных членов считается более тысячи. Число их угодно было увеличить самому государю императору, императрицам, царевичу и великим князьям. Король прусский Вильгельм III, наследный принц Фридерик Вильгельм и крон-принц нидерландский Вильгельм, посетившие Российское благородное собрание, равномерно удостоили быть членами оного. Годичное торжество Благородного собрания установлено праздновать 12 декабря, в день рождения государя императора. Трехгодичные выборы дворян к разным должностям происходят в сем же Российском благородном собрании.

6. Воспоминание о прежней музыке в Москве

Первейшие в Европе виртуозы приезжают в Москву оказывать превосходные свои таланты и дают концерты всегда в огромной зале Благородного собрания. Русские в старину услаждали свой слух музыкою только в праздники и радостные дни. При всей простоте ее она бывала праздником для радующегося сердца, внятным звуком для души. У царя Бориса играли музыканты за обедом, когда угощал он герцога Иоанна, жениха его дочери. При встрече Марины Сендомирской построен был в Кремле, близ соборов, амвон для множества приехавших из Польши музыкантов; и когда народ возмутился против Самозванца, то умертвил их более ста человек и амвон ниспроверг. После того долго не заводили в Москве огромных оркестров, и при бракосочетании царя Михаила играли только на сурнах и трубах и били по накрам. В 1638 году вызван был к царскому двору органист Мелгиор Лунен. Из бояр первый Никита Иванович Романов, государев дядя, пристрастился к музыке и, несмотря на [за]прещение патриарха Иосифа, продолжал забавляться ею. Столь же строгий, хотя более просвещенный, Никон, приписывая музыке разврат нравов, велел отобрать в питейных домах и у частных людей музыкальные инструменты и публично сжечь их за Москвою-рекою. По удалении сего патриарха царь Алексей выписал из Пруссии, Швеции и Курляндии музыкантов, из числа их известны Брантен, Крейкен и Драен. Капельмейстером у Петра I был иностранец Вейс, а при нем музыканты: Гаупт, Кокий и Финалис. Государев оркестр состоял

из гобоев, валторнов, фаготов и труб. Он более любил публичные маскарады и находил удовольствие в затейливости характеристической и в осмеянии закоренелых предрассудков. В течение XVIII столетия музыка в России при Арае, Пайзиелле, Чимарозе, Сарти и других сделала неимоверные во всем государстве успехи и служила ежедневным увеселением. В домах вельмож гремели при обеденных столах и по вечерам огромные оркестры. Зажиточные дворяне, подражая знатным, также наняли капельмейстеров и скоро обучили дворовых людей своих играть на разных инструментах. Иметь собственную музыку значило жить по-барски. В 1751 году обер-егермейстер Нарышкин изобрел новую, нигде не бывалую музыку, на охотничьих рогах. Через десять лет услышали ее в Москве и скоро переняли, так что через короткое время вдруг появилось в разных дворянских домах до десяти роговых музык, несмотря на то, что для составления полного хора потребно от 30 до 40 музыкантов. Ныне знание музыки входит в план хорошего воспитания. Редкая из благородных девиц не умеет играть на фортепиано. Вкус переменился и в низшем состоянии, кто прежде бренчал на балалайке, те уже играются на гитаре.

ГЛАВА VIII

ДОСТОПАМЯТНОСТИ В ДОМАХ ЧАСТНЫХ ЛЮДЕЙ

1. Императорское земледельческое общество

В доме иностранного купца Ланга в улице, Кисловкою называемою, помещается Общество земледельческое, основанное в [авт. пропуск]* году московским генерал-губернатором князем Димитрием Владимировичем Голицыным для споспешествования во всех странах обширной России сельскому хозяйству. Оно издает журнал, содержащий описание опытов, в России деланных, и открытий в Европе по части земледелия и способствующих к тому орудий. Библиотека общества состоит из известных сочинений о земледелии, а при ней есть много машин, улучшенных для полевых работ, и моделей для сельских строений и мельниц. Оно по милости Александра I имеет за городом практическую ферму, где новые в сем роде изобретения испытываются на самом деле, и недалеко оттуда школу, в которую помещики отдают крепостных своих мальчиков на пять лет обучаться разным наукам, какие необходимо иметь всякому управляющему господским имением, на хлебопашестве состоящем. Близкое к Москве устроение опытного хутора привлекает туда любопытных и служит занимательною прогулкою для тех, которые желают повторять новые открытия с самими произведениями природы.

2. Английский клуб

В Москве из русских дворян, нескольких купцов и малого числа иностранцев составился в 1790 году клуб, Английским называемый. При самом заведении клуб помещался на Знаменке, в том самом доме, где был сгоревший театр; быв на три года уничтожен, переместился после того на Петровку в огромный дом князя Гагарина. В 1813 году члены собрались в уцелевший от пожара дом г. Бенкендорфа на Петровском бульваре, а ныне около десяти лет [клуб] занимает на Дмитровке дом генерал-майора Муравьева. Он открыт ежедневно до полуночи, всегда бывают ужины; но обеды только по середам и субботам. Число членов не превышает шестисот; но сверх того допускаются и посетители. Каждый год избирают там шесть старшин для управления хозяйством и для наблюдения правил, уставом предписанных. Занятие большей части членов состоит в карточной игре, иные проводят время в биллиардных и немногие приезжают за тем, чтобы пользоваться в газетной комнате разными журналами. Употребление карт перешло к нам в начале XVII столетия от поляков, и 1668 года воеводы некоторых городов отдавали их на откуп. Фабрики карточные заведены в России в половине минувшего века, а до того времени играли иностранными. Из перечневой росписи привезенным на кораблях в Архангельск товарам значится 5848 дюжин карт; а в 1824 году в одной Москве продано их [авт. пропуск] дюжин. Долгие зимние вечера и трудность находить беседы с пищею для ума год от году умножают охоту к коммерческим играм даже в женщинах и сильно распространяют на будущее поколение. Биллиарды [авт. пропуск]. Кроме российских журналов и газет, Английский клуб выписывает много и иностранных на

* 1819.— С. Д.

французском, немецком и английском языках, чем удовлетворяет любопытству членов, литераторов и политиков.

3. Московский аукцион

В новоотстроенном против Петровского театра доме под № 117, принадлежащем генерал-майору Полторацкому, помещается московский аукцион, где продажа с публичного торга за долги движимых и недвижимых имений производится по вторникам и пятницам, а для отдаваемых в аукцион от частных людей на продажу всяких вещей назначена середа. В том же доме нанимается и для мещанского общества особое отделение, где производятся все дела, для сего сословия касающиеся. Мещан в Москве по седьмой ревизии считалось 28 000.

4. Библиотека российских рукописей и старинных печатных книг графа Толстого

Невзирая на чрезвычайные потери, которые потерпела Москва в 1812 году, несколько библиотек сохранились в подмосковных, как-то: у князя Д. В. Голицына и графа А. К. Разумовского.

Разрушительная рука галлов пощадила сокровища первого, судя по старым переплетам, они сочли все сии рукописи церковными и, с презрением разбросав их, взяли себе только французские книги.

Упомянем теперь о потере разных библиотек и начнем с отечественных. Древняя библиотека графа А. И. Пушкина, которую собирал он более 30 лет и имел к тому особенный случай и удобность. Она сгорела в 1812 году. Кроме отечественных рукописей, из которых напечатана только песнь Игорева и духовная Владимира Мономаха, он обладал не изданными в свет записками Крекшина, Елагина, Болтина. Новогородские и Двинские грамоты, житие великого князя Владимира, Лаврентьевская летопись — обе писанные на пергаменте, на которые ссылается Н. М. Карамзин, принадлежали графу Пушкину. Библиотека после профессора Московского университета Ф. Баузе, рукописи, сторгованные у душеприказчика его г. Роста для исторического общества за 20 тысяч рублей, сгорела в 1812 году, а печатные книги с многими на полях отметками сего ученого мужа, разрозненные, проданы с аукциона в кулях мелочным книжным торговцам.

Пожалеем также об утрате знаменитой библиотеки графа Д. П. Бутурлина, превращенной в пепел московским пожаром при нашествии Наполеона. Это не частная потеря, но общественная. Ибо едва ли кто имел такое обширное и превосходное книгохранилище.

Граф Алексей Кириллович Разумовский сохранил свою библиотеку, профессор Гейм составил из нее ученый каталог.

5. Картинные галереи и библиотеки иностранных книг

Тщательно доводили в Москве иконное писание до некоторой изящности, но никакого понятия о живописи не имели. Портреты прежде всего появились у нас. В библиотеке Воскресенского Новоиерусалимского монастыря отыскана рукопись, писанная на пергамене в 1073 году, с изображением в византийском стиле киевского великого князя Святослава Ярославича, сыновей его Глеба, Олега, Давыда, Романа, а в средине представлена великая княгиня, держащею за руку малолетнего сына. Посыланный 1472 года в Рим к папе Павлу II посол Иван Фрязин для предложения греческой царевне Софии совокупиться браком с великим князем Иоанном Васильевичем, привез в Москву портрет ее («на иконе ее написанну принесе»). Посланник Писемский, бывший в 1583 у английской королевы Елисаветы, привез с собою портрет (по тогдашнему названию — персону) родственницы ее Марии Гастингс. Оба сии портрета утрачены, но сохранился в Москве портрет, за 250 лет масляными красками писанный, царя Феодора Иоанновича. Он поставлен в Архангельском соборе близ гроба его. [Авт. пропуск] * портрет, самозванца Отрепьева, писанный в Польше, сохранялся до минувшего столетия. Первые живописцы при царе Михаиле вызваны были из Швеции. Портретист, вызван[ный] оттуда, Иван Датерсон состоял в ведомстве Оружейной палаты. В 1656 году один из братьев известного французского живописца Сюера предлагал царю Алексею Михайловичу свои услуги, обязываясь приехать в Москву завести коверную фабрику и в шесть лет выучить сему искусству двенадцать ткачей и четырех живописцев и довесть оное до совершенства, но сие предложение оставлено было без ответа. Причиною тому была свирепствовавшая в Москве моровая язва; но первая картина историческая, хорошей живописи, появилась в Москве при сем государе.

Два живописца находились тогда в Москве: Иван Датерсон и присланный из Испании Пеакуцар. Портрет царя Феодора Алексеевича, также при гробе в Архангельском соборе. В малолетстве Петра I боярин князь Василий

* Лжедмитрия I.— С. Д.

Васильевич Голицын вызвал из Швеции двух живописцев — Вильгельма Гека и Вильгельма Кихена. Государь, бывши в Амстердаме, принял 1698 года в российскую службу для Оружейной палаты живописца арапа, который прозывался Тютекуриным по имени города, в Ост-Индии голландцам принадлежащего, и по особенной склонности к живописи учился у современных ему фламандской школы артистов. Тогда же принят по рекомендации посла Лефорта живописец Ксель, родом из Швейцарии; он был аукционист в Амстердаме. В начале XVIII столетия в Москве были и русские живописцы, учившиеся в Италии и Голландии: Иван Жеребцов и Никитин. Работа сего последнего есть изображение распятия, находящегося доныне в церкви Аничковского дворца. Матвеев, Александр Захаров, Иван Меркульев и Василий Василевский также известны по превосходным, находящимся в московских и петербургских церквах [работам]. В 1710 году выехал в Россию по договору портретный живописец Яган Дангауф Таннауер. Петру I нравились более картины фламандской школы, особенно ж приморские места и гавани с кораблями. Он, собрав приятные для него изображения, завел первую в России картинную галерею и поселил вкус к статуям. Русские чрез сто лет приобрели знание во всяких изящных художествах, а вкус к живописи распространился до расточительности. Ныне считают, что ни в каком государстве нет столько хороших картин у частных людей, как в России и Англии.

Галереи и кабинеты московских любителей изящных художеств наполнились от революции рассеянными по Европе сокровищами, хранившимися несколько веков во Франции, и потом размножились от большой картинной галереи бывшего много лет в Вене послом князя М. М. Голицына. По завещанию собирателя она должна была принадлежать навсегда к больнице, учрежденной им в Москве, и служить для образования художников; но по расчетам экономическим некоторые картины распроданы, а оставшиеся разыграны в лотерею. Потом поступили в продажу 70 картин после Васильчикова, полученных им из Эрмитажа, князя Н. А. Голицына, А. И. Корсакова, г. Ломоносова, г. Бибикова и других, не слывших охотниками, но имевших случайно охотничьи произведения. Теперь продаются с аукциона картины, бронзы и книги графа Головкина, который по переменчивости вкуса и при жизни своей наделял охотников до живописи хорошими оригиналами; а скоро ту же участь будет иметь собрание картин, эстампов, редких книг, бронз и разных древних камней после А. С. Власова. Упомянем здесь о тех известнейших особах, которые, имев уже важные собрания картин и всяких редкостей, приобретут новые сокровища оттуда для своих кабинетов.

Кабинеты медалей и древних монет российских

Дадим первое место собранию монет и медалей отечественных. В наше время старательными собирателями считают Ивана Петровича Бекетова и г. Санникова, у них обоих много есть драгоценностей и редкостей в сем роде.

Сбереженный от нашествия неприятельского минц-кабинет графа Мусина-Пушкина имеет также много редкого и между прочим золотую московку. У графа Ф. А. Толстого хранится золотая медаль на воцарение Димитрия Самозванца; медаль поднесена депутатами, законодателями комиссии Екатерине II с именем премудрой и матери отечества, императрица изображена в русском одеянии и в кокошнике; медная полтина царя Алексея Михайловича, которою он хотел заменить случившийся в государстве недостаток в деньгах. П. Ф. Корабанов имеет много монет и медалей отечественных.

Галерея Н. Б. Юсупова

Картинная галерея князя Николая Борисовича Юсупова доныне считается в Москве первою, как по количеству, так и по качеству картин; но разделение картинных галерей его на две части, из которых одна в Москве, а другая в подмосковном селе Архангельском, отнимает цену у многочисленности и лишает любопытствующих удовольствия видеть разнообразные достоинства в живописи в соединении. В числе четырехсот картин находятся работы славнейших живописцев, как-то: Гуерчини, Доминика, Гвида, Батони-сарта, К. Дюге, Пармежанина, Фратте, Корреджа, Теполо, Морилла, Рубенса, Вандика, Рембрандта, Клода Лорреня, П. Вувермана, Лебрюна, Дойеня и современных живописцев: Давида, Герина, Гроса и многих других. Князь Юсупов обладает также многими мраморами, древнего резца и новейшего. Между сими изваяниями привлекает взоры Купидон, вынимающий стрелу из колчана, российского художества Козловского и превосходная труппа Кановы, представляющая Психею. Князь имеет в своем кабинете много и камней разных, приобретенных им в Риме. Библиотека, в Архангельском хранящаяся, простирается до 18 000 томов на иностранных языках и отличается превосходством древних и новых изданий.

Галерея и библиотека М. П. Голицына

Главнейшее украшение картинной галереи князя Михайлы Петровича Голицына со-

стоит из произведений Рубенса, Бота, Рюздаля, Вандероцера, Метца, Вандергейдена, Теньера и других художников фламандской школы. Сверх редких XV столетия и великолепного издания иностранных книг на веленевой бумаге Дидотовой типографии, находятся в библиотеке князя Голицына рукописи, украшенные миниатюрною живописью и памятные в историческом отношении: «Служба пресвятой богородицы», подаренная Косьмою Медицисом Карлу V; «Служебник», поднесенный кардиналом Флери супруге Людовика XV, «Птичья охота», принадлежавшая герцогу Бургундскому и подаренная Франциском I адмиралу Бонивену; «Жизнь святого Дионисия», принадлежавшая Марии Медицис; «Часы Иоанны, королевы Неаполитанской»; «Молитвенник св. Людовика», поднесенный обладателем сих рукописей французскому королю Людовику XVIII, за которые получил он в дар две колоссальные фарфоровые вазы Севрской фабрики, украшенные живописью из Гомеровой Иллиады Беренжером. Между большим количеством любопытства достойных у князя редкостей есть отличные разные камни, золотые медали и бронзы века Медицисов.

Галерея редкостей из библиотеки г. Власова

В доме недавно скончавшегося А. С. Власова находились все предметы изящных искусств, с разборчивым вкусом собранные: книги, эстампы, живописные картины, разные камни, бронзы и мраморы. Не гоняясь за многочисленностью редкостей, он придерживался превосходства во всех родах. В библиотеке его есть драгоценные экземпляры книг от изобретения книгопечатания до наших времен. Портфели эстампов его вмещали в себе все, что только ознаменовано неизменным достоинством, правильностью рисунка и красивостию оттисков. В числе картин, приобретенных им, большая часть из известных галерей: две картины, изображающие богоматерь с почивающим младенцем,— одна Рафаелова, а другая Мишельанжа Буонаротти; «Святое семейство» Леонардо Ванчи; «Иосиф с младенцем на руках» Корреджия; «Сельский вид» Сальватора Роза; «Св. Иоанн и Товий» Карла Дольче; мифологическое изображение Албани; а фламандской школы картины Рубенсовы, Рембрандта, Брекгеля, Бота, меньшего Тенеора; Ван-дер-Вельда, Бергема, Миериса, Метцу, Шалсена, Кюйпа и пр.; должны остаться памятными для тех, кому достанутся. В собрании разных камней: Тивериева голова; Орфей, животными окруженный; Айякой, несущий тело Ахиллесово; Минервина голова; Орестово отцеубийство и много других будут редкостию в славнейшем кабинете. Между бронзами удивляются группе, изображающей похищение Деианары; есть произведения Жана Булоня: Геркулес, поражающий кентавра; Геркулес, налагающие цепи на Цербера, работы Пиамонтони.

Картинная галерея Ф. С. Мосолова

Семьдесят картин г. Мосолова, сообразно с светом для каждой размещенные в отделанной нарочно для того галерее, придают новое достоинство Караваю, Валентину, Вернету, Вандику, Рембрандту, Виналитау, Карлу Дольче и Сальватору Розе, которых изящные произведения тут находятся. Лучшими картинами в сей галерее считают Рубенсову «Сусанну», аллегорическую Луки Жордана, «Фламандский праздник» Исаака Останда и «Сельский вид» Вумервана.

Картинная галерея Ал. Ал. Тучкова

Девяносто картин Ал. Ал. Тучкова составляют нечто целое, достойное украшать царские чертоги. В числе мастерских произведений удостоивают первенства в сей галерее картины «Тобий, приносящий отцу своему в сопровождение ангела рыбью желчь» Доменикана Фети, «Туалет Венеры» Албана; «Прислужник, раскуривающий трубку» Теньера; «Сельский вид» Ван-дер-Гюзена; «Венера и Адонис» Тициана; «Самаритянка» Аннибала Караша.

Собрание картин в разных московских домах

Граф Федор Васильевич Ростопчин привез с собою из Парижа коллекцию картин, которые не приведены еще в порядок; но славится уже Вумервана «Сельский вид», портрет Людовика XIV из спальни г-жи Ментелон, «Прелестная девица» Леонарда Винт, Рубенса «Духовник» и 27 картин Робера. Князь Юрий Владимирович Долгорукий купил за 60 тысяч большое собрание картин, вывезенных из Вены графом Лоцем. У армянского дворянина Г. Л. Лазарева есть также много картин, купленных им у [авт. пропуск]. Князь Федор Николаевич Голицын получил после дяди своего, знаменитого покровителя наук и художеств Ивана Ивановича Шувалова, несколько охотничьих картин и, бывши в Париже, купил. После графа Алексея Ивановича Пушкина также остались довольно хорошие картины из выменянных им у графа Головкина. Граф Алексей Кириллович Разумовский не щадил иждивения, также хорошие имел картины. Плафон в гостиной его комнате расписан [авт. пропуск] за [авт. пропуск] рублей в 1800 году.

Князь Николай Григорьевич Щербатов и князь Николай Александрович Касаткин начали собирать картины: отделана для сего огромная зала. У князя Щербатова сделано уже тому значительное начало: у него есть картина классического живописца Иоанна Беллини, изображающая шествие в храм. Художественные богатства Москвы находятся во многих домах, так что можно отыскать несколько картин высокого мастерства. У Льва Алексеевича Яковлева одна Доменикинова картина, представляющая страдание Прометея на вершине Кавказа, заменяет иные галереи. У Н. П. Высоцкого есть картины, доставшиеся ему по наследству после князя Потемкина-Таврического. Князь Алексей Иванович Долгоруков обладает лучшим в России собранием оригинальных рисунков до пяти тысяч первейших мастеров, в числе коих есть рисунки Рафаеловы, Рубенсовы, Рембрандта, Тициана и других.

Собрание медалей у грека Зосимы

У грека Зосимы есть значительный минцкабинет, любопытный для знатока по великому числу золотых, серебряных и медных медалей, и представляет без больших промежутков ряд исторических памятников. Кроме Пелегрины он имеет и другие жемчужины, превосходящие ее величиною, но формы неправильной.

Физический кабинет И. П. Поливанова

В физическом кабинете Ивана Петровича Поливанова много любопытного, им самим изобретенного. Будучи страстен ко всему принадлежащему к физике и механике, он как охотник посвятил большую часть своей жизни и имел удовольствие успеть во всяком искусстве, что только предпринял. На что ни взглянешь, у него все кажется отработанным в таком совершенстве, которое приводит в удивление. Выточенный из слоновой кости букет ландышей и гвоздики, с сидящею на нем мухою из черепахи, так натурально, что всякий захочет согнать ее с прекрасного цветка. Кинетографический театр его, приноровленный к русскому, доставляет более удовольствия, [чем] показанный некогда в Москве Робертсоном.

ГЛАВА IX
МЯСНИЦКАЯ ЧАСТЬ

1. Монастыри в Мясницкой части

1. Златоустовский мужской третьего класса монастырь, между Мясницкою и Покровскою улицами. В каменной ограде сего монастыря помещены четыре отдельные церкви:

1) Во имя св. Иоанна Златоустого, заложена 1478 года в июле месяце по обету великого князя Иоанна Васильевича для празднуемого им тезоименитства своего 27 генваря, с приделом в честь св. апостолу Тимофею, празднуемому того же месяца 22-го, в день его рождения. Прежде был тут монастырь с деревянною церковью, построенный московскими гостями, в оскудение пришедший. Государь приказал разобрать ее и поставить у Покрова в Садех в своем монастыре. Для строения сего храма вызваны были из Пскова каменные мастера и через год окончили его; но более года оный не был освящен по причине спора государева с митрополитом Геронтием, как ходить при освящении церкви со крестами — по солнцу или против солнца. Когда митрополит дозволил исполнить волю государя и освятить [авт. пропуск] солнце [...] *, то великий князь учредил в сей обители игуменство и настоятелю оной дал право предстояния под Воскресенским игуменом выше всех соборных попов и игуменов московских. Соборная церковь Иоанна Златоустого, за 350 лет пред сим русскими мастерами сооруженная, и доныне стоит невредима. Она пятиглавая, простой готической архитектуры, около ее крытые на арках переходы.

2) Живоначальные Троицы, для зимнего служения, теплая, построена в исходе XVI столетия думным дворянином Васильем Григорьевичем Зюзиным с приделом во имя нерукотворенного Спасова образа; но в царствование императрицы Елисаветы, при обновлении трапезы, сей придел посвящен новоявленному тогда угоднику божию св. Димитрию, митрополиту ростовскому. Строение низкое, с одною главою, простой архитектуры.

3) Благовещения пресвятой девы Марии построена в 1711 году адмиралом Федором Матвеевичем Апраксиным и освящена рязанским митрополитом Стефаном Яворским. Церковь старинной гражданской архитектуры, вы-

* 11 июля 1479 года.— **С. Д.**

сокая, с двойным осьмиугольным трибуном, одноглавая.

4) Пророка Захария и праведной Елисаветы над святыми воротами. Церковь сия устроена и украшена на пожалованные 1 сентября 1742 года императрицею Елисаветою Петровною две тысячи рублей, в воспоминание дня тезоименитства ее. Святые ворота сооружены в 1704 году о трех арках с пилястрами тосканского ордена. Надстроенная над оными церковь хорошей гражданской архитектуры, одноглавая, с пилястрами того же ордена. Прежде в сем монастыре была еще особенная церковь во имя мученика Иоанна воина, сооруженная в 1736 году комнатным стольником Иваном Петровичем Матюшкиным, но за ветхостью сломана.

Колокольня внутри монастыря высокая, в три яруса, простой архитектуры, с тосканскими пилястрами, верхний этаж осьмиугольный, созидалась в 1724 году. Все колокола литы 1721 года боровским купцом; в большем весу 306 пудов. Кельи монашествующих и ограда отстроены 1711 года.

Главнейшим вкладчиком и строителем сей обители был адмирал граф Федор Матвеевич Апраксин. Он испросил у Петра I учредить в оной архимандрию ради погребения тут из рода знатных людей, как-то: царевичей Касимовских, Апраксиных, князей Пронских, князей Урусовых, князей Борятинских, князей Мосальских, князей Хилковых, Зюзиных, князей Засекиных, Матюшкиных, Кайсаровых, Подлесовых, Чепчюговых и иных многих. Государь, будучи в Киеве, исполнил желание адмирала своего, повелел рязанскому митрополиту Стефану Яворскому в присутствии своем и всего царского синклита 1706 года августа 15-го посвятить в Киево-Печерской лавре златоустовского игумена Антония во архимандрита с правом носить ему и преемникам его шапку и в служениях занимать место под знаменским и донским архимандритами. Жалованная сия на архимандрию Златоустовскому монастырю грамота, начинающаяся полным титулом царским, дана 1706 года в ноябре месяце из дому святейшего патриарха за патриаршею домовой печатью. Архимандрия продолжалась до 1764 года, в котором положено духовными штатами быть в сем монастыре настоятельству игуменскому и считаться в третьем классе, но в 1775 году императрица Екатерина II дозволила быть по-прежнему архимандрии; монашествующих положено при оном 12 человек. До штатов за Златоустовским монастырем крестьян было по ревизии 556 душ.

На утвари, оставшейся после разорения Москвы, есть надписи: Евангелие, обложенное чеканным серебром с позолотою, украшенное изумрудами, рукописное, на александрийской большого формата бумаге, есть вклад Федосьи Андреевны Шереметевой. Другое Евангелие, печатанное 1697 года, обложенное серебром позлащенным с изумрудами, принесено в дар монастырю вдовствующею княгинею Аграфеною Степановною, дочерью князя Татева, для поминовения супруга ее князя Ивана Никитича Урусова. Крест серебряный позлащенный, сосуд, у коего чаша золотая, а поддонок и рукоять серебряные, позолоченные, лжица и копье золотые, с яхонтами, изумрудами и крупною жемчужиною, получены от вдовствовшей царицы Марфы Матвеевны в 1713 году на поминовение родителя ее, убиенного Матвея и матери ее боярыни Домники Богдановны. Сосуды серебряные, вклад жены князя Семена Романовича Пожарского вдовы княгини Евдокии Васильевны по сестре ее, боярина князя Ивана Петровича Пронского жене, княгине Ксении Васильевне. Большое медное паникадило, висящее посреди собора, даровано церкви в ознаменование счастливых побед на море, одержанных адмиралом графом Федором Матвеевичем Апраксиным. Из шведской на паникадиле надписи явствует, что оно взято из кирки города Вазы и сделано было в оную 1696-го ротманом Ерихом Михельсоном. Водосвятная серебряная чаша в 14 фунтов прислана 12 марта 1683 года в Златоустовский монастырь утаившим свое имя вкладчиком. Серебряная позлащенная риза на иконе местной Иоанна Златоустого, украшенная драгоценными каменьями и жемчугом, вновь переделана 1720 года. Лампада серебряная, весом 14 фунтов, к святителеву образу, вклад генерала графа Петра Ивановича Шувалова и супруги его Мавры Егоровны, урожденной Шепелевой. Другое паникадило с надписью на латинском и шведском языках.

2. Сретенский монастырь, на Сретенской улице, из Китай-города с левой стороны. Церквей внутри ограды, отдельно построенных три. 1) Соборная церковь во имя божьей матери, Сретения на сем месте иконы ее, из Владимира принесенной. Здание довольно высокое, о пяти главах, готической архитектуры. 2) Николая чудотворца с приделами: один — во имя Всех святых, а другой св. Димитрия, митрополита ростовского, устроенный бригадиршею Кариной; сия церковь поставлена вдоль Сретенской улицы и не имеет никаких архитектурных украшений. 3) Преп[одобной] Марии Египетской, внутри монастырской ограды, низменная, одноглавая, в которой встречена была чудотворная икона Владимирская. Над святыми воротами колокольня осьмиугольная, невысокая, с полуколоннами. С трех сторон находятся игуменские и братские кельи.

Достопамятности сего монастыря суть следующие: урочище, на котором оно построено, исстари называлось Кучковым полем и припоминает прежнего владельца московского Кучку. В 1372 году первая в Москве казнь смертная по решению великого князя Димитрия Иоанновича совершалась неподалеку от сего места над тысяцким Вельяминовым. Построение сей обители служит памятником избавления Москвы от нашествия в 1395 году грозного завоевателя — хана орды Тамерлана. Он завоевал Елец, предавая все встречающееся огню и мечу, и стоял уже на Дону, располагаясь идти к столице. Великий князь Василий Димитриевич созывал войско со всех сторон и готовился в Коломне у Оки к обороне, а жители московские начали укреплять посад рвом от Кучкова поля до реки Москвы; но пастыри церковные возлагали более надежду на защиту управляющего судьбою царств. Митрополит всероссийский Киприан для успокоения отчаявшихся послал во Владимир за иконою Богоматери, спасавшею от бед благоверного князя Андрея Боголюбского. Народ московский 26 августа торжественно встретил лик пресвятой девы, евангелистом Лукою изображенный, на Кучковом поле, у церкви Марии Египетской. Все с коленопреклонением молились представительнице рода христианского, и провидение спасло град. В тот же день передовые стражи скоро возвестили, что Тамерлан с тьмочисленными полчищами своими обратился вспять. Во изъявление народной благодарности за скорое и столь чудесное спасение столицы от нашествия варваров воздвигнут был на месте монастырь во имя Сретения Владимирской иконы и ежегодно установлено праздновать сей день крестным из Успенского собора ходом в сию обитель. Великий князь Иоанн III, возвеличивший Москву, повелел вызванным 1474 года из Пскова каменным мастерам непрочно построенную деревянную церковь Сретения Владимирской иконы сделать каменною, но, будучи не доволен зданием их, уничтожил оное и 1482 года снова заложил Сретенскую церковь под присмотром архитектора Аристотеля Фиораванти. Чрез два года ее выстроили, а на третий искусный иконописец расписал внутренние стены. По завоевании в 1552 году Казани пред святыми вратами Сретенского монастыря возвращавшийся в Москву царь Иоанн IV встречен был 29 октября всенародно митрополитом Макарием и боярами с иконами и хоругвями. 1619 года Сретенского монастыря игумен Ефрем посылан был царем Михаилом Феодоровичем в Польшу для сопутствования царскому отцу митрополиту Филарету Никитичу. В течение двух столетий Сретенская церковь, подвергаясь неоднократно пожарам, обветшала, и при царе Федоре Алексеевиче перестроена вновь на прежнем фундаменте. 1700 года бывший в Царьграде посланником думный дьяк Емельян Украинцов доставил в монастырь часть мощей преподобной Марии Египетской с грамотою от Иерусалимского патриарха Досифея, утверждавшего достоверность сей святыни. 1706 года сретенский игумен Моисей Великосельский устроил придел Рождества Иоанна Предтечи. По обету стольника Семена Федоровича Грибоедова в следующем году соборная церковь покрыта железом и внутренние в оной стены расписаны. Купец Шумаев с дочерью своею, вырезав из дерева огромный крест с изображением около оного чудес и страстей Христовых, улучил в 1760 году от Синода дозволение поместить свою работу в соборной церкви сей обители. 1784 года церковь Марии Египетской возобновлена и украшена иждивением коллежского асессора Афанасия Аврамовича Гончарова. В 1812 году вторично встречена здесь св. икона Владимирской богородицы. Викарий московский Августин, спасая сию святыню, удалился с нею во Владимир, а после изгнания из Москвы неприятелей привез ее прямо в Сретенский монастырь и поставил в соборной церкви оного; декабря 12-го того же года там воспето уже было многолетие императору Александру, и всевышний вскоре даровал ему победу и одоление над врагами отечества.

В Сретенский монастырь ежегодно бывает три крестных хода из Успенского собора. Первый августа 26-го, в воспоминание спасенья Москвы от Тамерланова нашествия. Второй июня 23-го, установлен великим князем Иоанном III по случаю избавления в 1480 году. Третий мая 21-го, заповедан великим князем Васильем Иоанновичем, также на память сохранения безвредно столицы при облежании ее крымским ханом Магмет-Гиреем.

В четверток седьмой недели после Пасхи (в семик) патриархи посылывали властей с архимандритами и игуменами в Сретенский монастырь для шествия оттуда с крестным ходом к убогому дому, отпевать умерших насильственною смертью, которые до того времени целый год оставались в большой яме непогребенными. Императрица Екатерина II указом 1767 года прекратила сие вредное для жителей московских обыкновение.

Здесь было фамильное кладбище князей Прозоровских, князей Вадбольских, дворян Голохвастовых, Карамышевых, Бахметьевых, Мещериновых, Морковых и Кариных; но немногие из надгробных памятников уцелели.

Монастырь сей по состоявшимся в 1764 году духовным штатам как безвотчинный оставлен на собственном содержании с настоятель-

ством строительским, а братий положено при оном только шесть.

3. Рождественский девичий монастырь, по старинному урочищу на рве, при повороте с Кузнецкого моста на Рождественскую улицу, на конце оной с правой стороны. Соборная церковь во славу Рождества пресвятой девы, с приделом Николая чудотворца, одноглавая, с большим круглым трибуном. Другая теплая, во имя св. Иоанна Златоустого, с двумя приделами: Сошествия святого духа и св. Димитрия, митрополита ростовского, довольно высокая; обе готической архитектуры. Колокольня внутри монастырской ограды пирамидальная.

Основательницею сей обители была княгиня Мария, супруга князя Андрея Ивановича, мать знаменитого соподвижника Димитрию Донскому Владимира Андреевича. Она постриглась и наречена Марфою, а по кончине ее, воспоследовавшей 1389 декабря 2-го, погребена в соборной церкви сооруженного ею монастыря. В 1452 году великая княгиня Евпраксия (Елена Олгердовна) в духовной своей благословила сноху свою, великую княгиню Марью Ярославовну, супругу великого князя Василия Васильевича, и внука своего князя Василия Ярославича Рождественским монастырем и, заповедав похоронить ее там, дала оному села с деревнями, между которыми упоминается подмосковное Косино с озерами.

Сими неоспоримыми доказательствами древности Рождественского монастыря подтверждается и дошедшее чрез четыреста пятьдесят лет до нашего времени изустное предание, что основательница княгиня Мария и великая княгиня Елена похоронены в соборной церкви на левой стороне против столба. 1500 [года] августа 17-го от бывшего в Москве пожара выгорел и сей монастырь. В 1520 году великая княгиня Соломония по причине неплодия пострижена была насильно в сем же монастыре супругом ее великим князем Василием Ивановичем и сослана оттуда в суздальский Покровский монастырь, где и погребена. 1678 года построена в сей обители церковь Иоанна Златоустого боярынею Фетиньею Ивановною, супругою боярина князя Ивана Ивановича Лобанова-Ростовского, по завещанию деверя ее окольничего князя Александра Ивановича.

В монастырских церквах есть много древних икон и хранятся части св. мощей. Ризница довольно богата; из утвари достопримечательны следующие принадлежности: 1) Евангелие, напечатанное в 1735 году, в серебряной вызолоченной оправе, отлично украшенное жемчугами и каменьями, вклад стольника Федора Яковлевича Собакина, присланный в обитель 1736 года мая 5-го. 2) Серебряный позолоченный крест, обнизанный мелким жемчугом, получен 1661 года в ноябре месяце от старцев Серапиона и Иоакинфа. 3) Серебряное кадило с надписью: «Сие кадило дали вкладу в дом Рождества пречистой богородицы в Девичий монастырь, что у Трубы на Рождественке, окольничий князь Иван да стольник князь Александр Ивановичи Лобановы-Ростовские по своих родителях». 4) Парчовые ризы, по преданию, присланы были в 1740 году от императрицы Анны по случаю рождения Иоанна Антоновича.

В трапезе соборной церкви похоронены некоторые из князей Долгоруких, а церковь Иоанна Златоустого была фамильным кладбищем князей Лобановых-Ростовских. Несколько надгробных там камней недавно сняты и надписи в стенах забелены.

Из документов явствует, что монастырь сей имел жалованную прежних государей грамоту на принадлежавшие оному подмосковные и дмитровские отчины, в которых считалось по 2424 четверти в поле пахотной земли, что сия грамота в московское разоренье пропала, что в 1614 году царь Михаил Феодорович пожаловал новую на те отчины грамоту, которая также во время бывшего в монастыре пожара утратилась, и что царь Алексей Михайлович приказал игуменье с сестрами дать свою послушную грамоту с выписью из писцовых книг, которой они долго не брали, отзываясь будто за скудостью — нечем заплатить печатных пошлин, а при составлении в 1764 году духовных штатов значится за сим монастырем более 1600 душ. Он положен во втором классе и потому имеет штатных монахинь. В храмовые праздники ежегодно посыланы были из дворца для монахинь съестные припасы [авт. пропуск] по тогдашней оценке на [авт. пропуск] рублей.

2. Церкви

1) Архангела Гавриила на Чистых прудах, Меншиковою башнею называемая, между Покровкою и Мясницкою, за почтамтом. Здание высокое, в четыре яруса, изящной архитектуры, с колоннами, пилястрами и высеченными из камня барельефами отличной работы, с приделом Сергия чудотворца. На том же церковном погосте отдельно стоит и другая церковь во имя Введения во храм пресвятой девы, зимняя, простой архитектуры, с порталом о четырех коринфических колоннах; на куполе ее помещена круглая невысокая колокольня. В начале XVII века храм Гавриила архангела был деревянный, а чрез пятьдесят лет построена на сем месте небольшая каменная церковь о трех шатровых главах, и урочище ее называлось Гавриловскою слободою на Поганом пруде. Любимец Петра Великого Александр Да-

нилович Меншиков, будучи прихожанином сей церкви, в 1704 году сломал ее и первые избытки свои от щедрот царских употребил на сооружение великолепного храма божия. Строение окончено было в 1707 году. Архитектором был Иван Петров Зарудный, а каменную работу снаружи и лепную внутри церкви отделывали итальянцы.

Вместо видимого ныне на Меншиковой церкви купола прежде повершался оный высоким шпилем с великолепными украшениями, а в верхнем этаже поставлены были часы с курантами, купленными в Англии; они били всякий час и четверти часа, а в двенадцать часов начиналась колокольная музыка и продолжалась целые полчаса. В синодике церковном записаны следующие происшествия, до сего храма касающиеся: Меншиков, будучи в Полоцке, достал за великую цену неоцененную икону Пресвятой богородицы, написанную евангелистом Лукою, как значится из греческой на нем надписи, и поставил ее в придел отделываемой им тогда церкви. В 1726 году князь Меншиков, заболев, к смерти прислал нарочно в Москву за сею иконою. Киот с нее и доныне хранится во храме Гавриила архангела, и когда она привезена была в Петербург, то поставил ее в домовой своей церкви. До падения своего он не успел возвратить ее по принадлежности к Архангелу Гавриилу. Как все пожитки его были описаны, то и сия икона поступила в казну. Лейбгвардии Семеновского полку капитан Петр Михайлович Приклонский, бывший во дворце на карауле, усмотрел сию икону в образной комнате императрицы Елисаветы Петровны во время отсутствия ее в Петергоф, где икона, может быть, и доныне обретается. В 1716 году приходский священник от церкви Гавриила архангела по ходатайству князя Меншикова посвящен был во епископа на Вологду и [авт. пропуск] * лет управлял сею епархиею под именем Павла. В 1723 году июля 12-го, в три часа пополудни нашла с запада небольшая туча и, троекратно возгремев над церковию, зажгла последним ударом шпиц и деревянный шпиль, или шатер, и под самым крестом, отчего загорелись и дубовые перекладины, на которых висело до пятидесяти больших и малых колоколов. На сей пожар откомандированы были оба полка, лейб-гвардии Преображенский и Семеновский, возвратившиеся на то время из низового похода. Тогда как солдаты выбирали из церкви утварь и св. образа, вдруг упавшие с перегоревших перекладин колокола упали на свод, проломили свод, и обрушившимися камнями побило многих. Из старинной утвари сохранился доныне только серебряный крест с мощами, сделанный в 1688 году при священнике Иоанне Семенове, при котором начат писаться вышеупомянутый синодик.

2) Фрола и Лавра с приделом св. апостолов Петра и Павла у Мясницких ворот, которые указом 1658-го апреля 16-го повелено было называть Фроловскими, а улицу — Фроловскою, но прежнее привычное название как ворот, так и улиц доныне удержалось. Церковь низменная, грубой готической архитектуры, о пяти круглых главах, а колокольня пирамидальная, в описи 1620 года значится деревянною, а чрез [авт. пропуск] ** лет построена боярином конюшим [авт. пропуск] каменная.

3) Николая чудотворца в Звонарях, придельная, а настоящий храм во имя Благовещения пресвятой девы; на Рождественке, с правой стороны от Рождественского монастыря. Изрядной архитектуры гражданского стиля, с высоким осьмисторонним трибуном, отделяющимся пилястрами ионического ордена; колокольня в два яруса, четвероугольная. Построена сия церковь с давних времен каменная и называлась Божедомскою. В 1781 году построена вновь графом Иваном Ларионовичем Воронцовым с прибавлением придела во имя св. Димитрия, митрополита ростовского, который во время земной жизни своей особенно удостаивал Лариона [авт. пропуск] *** Воронцова святительского своего благословения.

4) Вознесения господня верхняя с приделом внизу Введения во храм пресвятой девы; в переулке между Рожественской и Стретенской улицами; церковное здание хорошей гражданской архитектуры в четыре яруса с большим осьмиугольным трибуном, разделяемым пилястрами разных орденов; колокольня также высокая, отдельно от церкви стоящая. Прежде был тут женский монастырь, Варсанофием, епископом тверским, для родительницы его в XVI веке устроенный. При Лжедимитрии вырытое тело царя Бориса Годунова из Архангельского собора положено было в сем убогом монастыре с гробами умерщвленных по приказанию Самозванца царя Феодора Борисовича и матери его царицы Марии Григорьевны. Но по воцарении Василья Ивановича Шуйского все трое перенесены в Троицкого Сергиева монастыря в соборную Успенскую церковь. В 1663 году на место обветшавшей церкви построена другая. Из надписи, сделанной снаружи над алтарем, видно, что построение теперешнего храма начато было 1709 года

* Павел (епископ вологодский) назначен был 29 января 1716 года, умер 5 ноября 1725 года.— **С. Д.**

** Церковь перестроена в 1634 году.— **С. Д.**

*** Илларион Гаврилович Воронцов (1674—1750).— **С. Д.**

в возблагодарение господу за победу над шведами под Полтавою, а окончено [в] 1730 году. Купец Яков Меренцов 1761 года устроил в нижней церкви придел во имя Тихвинской богородицы. При сочинении духовных штатов Варсанофьевский монастырь уничтожен и обращен был в приходскую церковь, за оным состояло крестьян [авт. пропуск].

5) Введения пресвятой девы с приделами чудотворца Николая и великомученицы Параскевы; на Лубянке, при повороте к Кузнецкому мосту. Церковь гражданской архитектуры с большим осьмисторонним трибуном, по углам коего пилястры ионического ордена, с одною главою, имеющею вид короны; паперть с улицы открытая, на четырех колоннах и двух пильерах; колокольня в три яруса четвероугольная, с пилястрами того же ордена, какой и на церкви. Великий князь Василий Иванович приказал архитектору Алевизу в 1514 году бывшую на том месте старую каменную церковь разобрать и построить новую, которая освящена была [в] 1518 году октября в 21-й день митрополитом Варлаамом. До построения князем Димитрием Михайловичем Пожарским в Китае-городе собора образ Казанской богородицы, сопровождавший его в походе против поляков и при освобождении Москвы, поставлен был в сей самой приходской его церкви. На память сего происшествия патриарх Филарет Никитич уставил ежегодно два раза праздновать Казанской богородице: июля 8-го и октября 22-го бывал к сей церкви, именуемой тогда Введением в Опасовичах, большой крестный ход. Царь Михаил Феодорович накануне праздника езжал туда к вечерне. Против колокольни был дом боярина Никиты Алексеевича Зюзина, пострадавшего за то, что необдуманно предпринял помирить царя Михаила Феодоровича с патриархом Никоном. За алтарем был двор боярина князя Ивана Петровича Пронского, и дочь его Ксения Иоанновна, бывшая супругою генерал-лейтенанта Михайлы Семеновича Хрущева, погребена при сей церкви. Прах супруга ее, боярина князя Петра Ивановича и сына их шталмейстера князя Василья, мужа двух жен и [отца] 18 детей, покоится с нею. Построенная Алевизом Введенская церковь чрез 230 лет пришла в ветхость, в 1749 году выстроена вновь и освящена московским архиепископом Платоном.

6) Софии премудрости божьей; от Владимирских ворот из Китай-города на левой стороне; двуэтажная, простой готической архитектуры, с куполом и одною главою, поддерживаемою небольшими колоннами; колокольня новейшей архитектуры, внизу четвероугольная, а вверху круглая, с колоннами тосканского ордена, глава высока шпилем. Никон патриарх, быв в Новогороде митрополитом, он воздвиг сию церковь в Москве для воспоминания о новгородском храме св. Софии и сам освятил ее 1650 года июня 19-го дня. Многим неизвестно объяснение таинственного изображения Святой Софии премудрости божьей, празднуемой 15 августа, а потому и прилагается здесь в примечании, списанное с старинной иконы, в Троицкой лавре обретающейся. Придел Николая чудотворца устроен 1691 года стольником Моисеем Григорьевичем Овцыным.

7) Гребневская богородица с тремя приделами во имя великомученика Димитрия Селунского, св. Иоанна, в Белграде пострадавшего, и Сергия Радонежского, находится при выезде из Мясницкой улицы к площади против стены Китай-города; две церкви, летняя и зимняя, одна к другой пристроенные, обе невысокие, простой готической архитектуры, летняя с большою круглою главою на осьмиугольной шейке, готическими полуколоннами обвитой. Колокольня на восточной стороне, близ алтарей, осьмиугольная, современна церкви (в каменную ограду вделаны). Икона, Гребневскою названная, изображающая Успение божьей матери, поднесена была гребневскими казаками великому князю Димитрию Иоанновичу Донскому, когда он, одолев Мамая, поселил их на [авт. пропуск]*. Возвратясь в Москву, он поставил ее за престолом в Успенском соборе. Великий князь Иоанн Васильевич, отъезжая [авт. пропуск] ** года для покорения новгородцев, совершил молебствие сей иконе и, получа в деле сем скорый и желанный успех, приписал сие ходатайству божьей матери. Когда ж возвратился в Москву, то построил деревянную церковь и перенес в нее из Успенского собора тот образ Богородицын. Внук его царь Иоанн Васильевич также после грозного похода своего в Новгород соорудил на месте деревянной церкви каменную, доныне в целости пребывавшую, а в ограду каменную приказал вделать три государственных герба, изображающие орлов с крыльями, мало расширенными, чего ни одна в Москве церковь не имеет. Алмазы и драгоценные камни, которыми украшен образ Гребневской богоматери, ценят до ста тысяч рублей, принесены в дар большею частью от царевны Наталии Алексеевны. Издавна хранятся там и ризы с жемчужными оплечьями, но чьего вклада — неизвестно. В сей церкви хранится синодик, в который вписаны имена всех вкладчиков, как прежде

* реке Чир, выше Донца.— **С. Д.**
** 1570.— **С. Д.**

разорение поляками Москвы до 1705 года; он припоминает многие исторические лица и может послужить на пользу для самой истории. Сожалительно, что при других церквах, особенно ж в монастырях, куда завещали на поминование дворянских родов села и деревни, не сбережены синодики. В 1711 году ноября 21-го сей храм обновлен был, и царевна Наталия Алексеевна присутствовала при освящении оного, привезши с собою на икону Гребневской богородицы новую ризу, алмазы и драгоценные камни, которыми она украсила ее, ценят ныне во сто тысяч рублей. Скончавшегося 1722 ноября 27-го в Москве, на Рязанском подворье знаменитого митрополита Стефана Яворского отпевали 20 декабря в церкви Гребневской и отвезли в Рязань.

8) Иоанна Предтечи с приделами Николая чудотворца и Иоанна Богослова; между Мясницкою и Лубянкою, в переулке, называвшемся прежде Новою улицею. Церковь невысокая, простой готической архитектуры, одноглавая; колокольня такая ж, с осьмиугольным верхним ярусом. По надписи на образе Спаса нерукотворенного, где означен 1337 год, относят первое построение сего храма ко временам великого князя Иоанна Даниловича. Храмовый образ Крестителя поновлен в 1695 году иконописцами священником Иоанном Димитриевым и дьяконом Сергеевым. Евангелие печатанное, 1681 года, внесено вкладчиком стольником Михайлою Никитичем Головиным на поминовение родителей его. Сохранившиеся надгробные надписи означают, что при сей церкви было фамильное кладбище князей Львовых.

9) Св. архидьякона Евпла, по приделу так называемая, а настоящая церковь во имя св. Троицы; на Мясницкой улице, которая называлась прежде то Фроловскою, то Егуповскою, на левой стороне от Кремля. Здание сего храма двуэтажное, старинной гражданской архитектуры, с большим осьмиугольным трибуном, по углам коего пилястры дорического ордена; глава с перегибом; паперть по улице во всю длину церкви на арках с тосканскими пилястрами; наружная отделка колокольни одинакова с церковью. О времени построения ее не отыскано сведений; но в описи 1658 года показана каменною одноэтажною, а возле ее была тогда другая каменная ж церковь во имя пророка Ильи, ныне вместо этого устроен придел Казанской богоматери.

10) Николая чудотворца в Столпах, нижняя, а вверху — Рождества пресвятой девы, с приделами Рождества Иоанна Предтечи, Сергия чудотворца и Симеона богоприимца и Анны пророчицы, в переулке, Армянским называемом, между улицами Покровкой и Мясницкой. Церковь большая, двуэтажная, о пяти круглых главах, хорошей готической архитектуры, паперть вокруг крытая, колокольня высокая, пирамидальная. Время построения сего храма означить неможно; но в переписной книге 1657 года упомянуто о нем с таким добавлением, что поблизости его находились дома князя Семена Звенигородского и Юрия Бутурлина. В том же приходе жили два непримиримые неприятеля: Артамон Сергеевич Матвеев, в мелкие части изрубленный бунтовавшими 15 мая 1682 года стрельцами, и Иван Михайлович Милославский, скончавшийся 1685 июля 27-го. Первому из них тогда ж воздвигнут был памятник на погосте церковном, а тело другого при открытии в [авт. пропуск]* году Циклерова заговора вынуто из самой церкви и на свиньях отвезено было в Преображенский приказ, как зачинщика всех бунтов, а там закопано под виселицею. Обветшавший прежний памятник боярину Матвееву возобновлен праправнуком его государственным канцлером графом Николаем Петровичем Румянцевым. Два портика на высоком цоколе, поддерживаемые колоннами, с опрокинутыми в промежутках факелами, придают сему памятнику простотою украшений надлежащую важность. С ним в одном склепе покоится прах супруги его [авт. пропуск]** и бесстрашного арапа, который в виду лютых бунтовщиков собрал растерзанное тело своего господина и по долгу христианскому предал его земле. Отец боярина Ивана Михайловича, супруга его Евдокия Петровна, которую патриарх Адриан 1687 февраля 9-го погребал, и дети его Василий, Семен, дочь Анна, бывшая за стольником Лукою Ивановичем Челищевым, и внук Лев Александрович — последняя отрасль сей фамилии, погребены при сей же церкви. Есть надгробные надписи Собакиных, Колычевых и Сумароковых. Образ Федоровской богоматери, помещенный за правым клиросом нижней церкви, писанный Яковом Васильевым, украшен серебряною позлащенною ризою и разными каменьями, есть вклад дочери Милославского Анны Челищевой, она же устроила и придел Симеона богоприимца и Анны пророчицы. В церковной ризнице сохранилась венечная память на бракосочетание Александра Ивановича Милославского с девицею Александрою Ивановною Кокоревою.

11) Георгия великомученика в Старых Лучниках, нижняя, а верхняя Благовещения пресвятой девы, а за сто лет пред сим была тут

* 1697.— **С. Д.**

** урожд. Е. М. Голицыной.— **С. Д.**

и Николая чудотворца в Старых Тюрьмах, на площади против стены Китай-города, между Мясницкою и Малороссейскою. Церковь высокая, одноглавая, готической архитектуры, в три яруса, с плосковато-круглым куполом и с готическими по стенам украшениями; колокольня осьмиугольная, с остроконечным верхом. Построена гостем Гаврилою Никитичем Романовым 1690 года. Название Лучники доказывает давность сего урочища, что жили тут мастера, делавшие луки для стреляния. Против сей церкви, между бывшим прежде рвом, были слободы, стрельцами населенные; по истреблении их от урочища сперва обращены были [слободы] в тюрьмы, а потом помещены в те дворы и лавки мастера лубочных саней; почему не только сие место, но и половина Сретенской улицы прозваны с тех пор Лубянкою. Недалеко оттуда была Конская, на которой дом князя Михайлы Ноздреватого, вероятно, лучший по тогдашнему времени: ибо отведен был для жительства приехавшему в 1597 году от Римского императора Рудольфа послу Аврааму Бурграфу Дунавскому. Двор английских купцов, где складывались товары их, был возле самой церкви.

12) Николая чудотворца в Клинниках, нижняя, а настоящая во имя Казанской богоматери; на сей стороне Покровки, прозванной Малороссейкою, от Ильинских ворот на левой стороне. Церковь одноглавая, простой гражданской архитектуры, в два яруса, колокольня четвероугольная, невысокая, с пилястрами тосканского и ионического орденов. Время построения сего храма неизвестно, а упоминается только, что в 1748 году сгорела, и когда построена была вновь, то освящал ее устюжский архиепископ Гавриил. Название Клинников заимствовано от живших тут шпажных и сабельных мастеров.

13) Спаса Преображения на Глинищах, с приделами Покрова пресвятой богоматери и великомученицы Екатерины; при проезде против Китайской стены от Ильинских ворот к Варварским. Церковь огромная, круглая, хорошей гражданской архитектуры, с колоннами ионического ордена и высоким куполом; глава, оканчивающаяся вверху острым шпилем, колокольня, высокая в четыре яруса, с пилястром ионического ордена. В 1657 году была каменная, а в 1780-м перестроена вновь иждивением прихожан, особенно ж купца Уварова попечительностию протоиерея [авт. пропуск], который, превозмогши все опасности во время Наполеонова пребывания в Москве, не только отправлял ежедневно богослужение в сей церкви, но обезопасил убежище в оной тремстам сограждан[ам] и, исходатайствовав у генерала Мортье для свободного повсюду пропуска вид, посещал содержащихся под стражею и напутствовал умирающих.

14) Всех святых на Кулишках, с приделами пророка Наума и Николая чудотворца; на правой стороне от Варварских ворот к Солянке. Строение одноглавое, смешанной готической архитектуры, с неблаголепными украшениями по стенам и карнизам; колокольня осьмиугольная, в три яруса. Церковь сия есть памятник, воздвигнутый 133 [авт. пропуск] * года князем Димитрием Иоанновичем Донским в изъявление благодарения своего господу сил за победу, дарованную ему над татарским ханом Мамаем, и в память храбрым воинам, сподвизавшимся с ним на одоление сего опасного врага и положившим жизнь свою за отечество. Он уставил в роды родов творить память по них в дмитровскую субботу, т. е. после 26 октября; сей воздвигнутый Димитрием Донским храм от больших пожаров, опустошавших Москву 1488 [года] августа 13-го, 1493 [года] июля 28-го, 1547 [года] июля 21-го, многократно разрушался и чтившими свято предназначение его безотлагательно возобновляем был. Последняя перестройка, в каком виде ныне представляется, воспоследовала в 1687 году. Поблизости его было подворье Антониева Сийского монастыря, жалованное оному патриархом Филаретом Никитичем, который, неволею царем Борисом Годуновым постриженный, содержался под стражею в сей обители.

15) Кира и Иоанна на Кулишках; на Солянке против Соляного двора; построена в 1765 году по именному повелению императрицы Екатерины II, на память восшествия ее на всероссийский престол июня в 28-й день, празднуемый сим святым. Церковь сия высокая, одноглавая, гражданской архитектуры, с пилястрами коринфического ордена; около окон по наружным стенам украшена лепною работою. Колокольня при оной в три яруса, четвероугольная, с ионическими пилястрами. Освящена 1768 года генваря 19-го московским архиепископом Амвросием в присутствии императрицы, отъехавшей тот же день в С.-Петербург. По сему случаю осталось доныне в сей церкви царское место. Тут исстари были две церкви: во имя св. мученицы Параскевы, нареченной Пятницей, в 1547 году существовавшая, и Живоначальные троицы, которая от пожара, случившегося 1754 [года] мая 23-го числа, сгорела, а 1758 [года] возобновлена и сентября 28-го освящена московским митрополитом Тимофеем.

16) Иоанна Предтечи Усекновения главы,

* не ранее 1389-го.— **С. Д.**

прежде бывший женский 2 класса монастырь с приделом чудотворца Николая и особою над церковными вратами церковью во имя Казанской богородицы; между Покровкой и Солянкой, за каменною оградою, церковь большая, но невысокая, грубой готической архитектуры, без украшений, одноглавая, колокольня также низменная, с осьмиугольным верхом. Монастырь построен царем Иоанном Васильевичем для тезоименитства его, празднуемого в 29-й день августа, и назывался Ивановским девичьим монастырем под Бором. Царь Иоанн Алексеевич по сей же причине благоговел к Ивановской обители, слушал там всеночное пение и обедню, которую совершал патриарх со властьми духовными, а монахиням в тот день посылалась из дворца обильная пища на многие дни; до учреждения духовных в 1764 году штатов не было крестьян за сим монастырем, а содержался он вкладами от государей и вельмож. В 1619 году скончалась в сем монастыре супруга царевича Иоанна Иоанновича Параскева Михайловна, дочь каширского помещика Михаила Соловова.

17) Равноапостольного князя Владимира в Старых Садех, с приделами во имя благоверных князей Бориса и Глеба и св. мучеников Кирика и Улиты; против бывшего Ивановского монастыря; церковь сия стоит на возвышенном месте, пятиглавая, готической архитектуры, с приличными наружными украшениями, колокольня новейшего построения, со шпилем четвероугольная, в три яруса, с тосканскими пилястрами. Летописи повествуют, что церковь князя Владимира построена в 1518 году по повелению великого князя Василья Иоанновича архитектором Алевизом. Если сказание В. Н. Татищева справедливо, что упоминаемое в духовных грамотах великих князей село Володимирское на Яузе внутри Москвы называлось по церкви, то существующая ныне воздвигнута с давних времен на месте прежде бывшей. Из надгробных надписей явствует, что тут было кладбище Нестеровых и Вердеревских, из роду которых и бывшая за князем Иваном Даниловичем Велико-Гагиным княгиня Параскева Петровна с ними ж погребена.

Она пострижена была неволею, по приказанию свекра своего царя Иоанна Васильевича на Белоозере в девичьем монастыре, откуда перевезена во Владимир и похоронена в Вознесенском монастыре. При императрице Екатерине II в Ивановском монастыре заключена была в подземельном срубе, близ церкви, лютая к подвластным своим госпожа Салтыкова. Из многих вкладов монастырских после 1812 года осталось только напрестольное Евангелие, печатанное 1644 года, оправленное в позлащенном серебре с жемчугами и каменьями, на поминовение Посольского приказа дьяка Максима Григорьева Матюшкина. В сей обители многие похоронены из князей Волконских и Ознобишиных.

18) Поклонения вериг[ам] апостола Петра с приделом великомученицы Екатерины; в переулке, пролегающем с Покровки к Ивановскому монастырю. Церковь невысокая, одноглавая, готической архитектуры, колокольня в два яруса пирамидальная. Построена в 1669 году боярином Ильею Даниловичем Милославским в воспоминание бракосочетания дочери его Марии Ильиничны с царем Алексеем Михайловичем, как значится из надписи, иссеченной в стене на паперти. Близ оной церкви был двор сибирского царевича Андрея Кучумова.

19) Косьмы и Дамиана придельная, а настоящая во имя Казанской богородицы, на Покровке, от Ильинских ворот с правой стороны. Церковь небольшая, круглая, одноглавая, новейшей архитектуры, с колоннами тосканского ордена, колокольня невысокая, круглая ж. В писцовых 1639 года книгах значилась каменною; в 1651 году приделана была к ней паперть и колокольня; а как все церковное здание пришло в ветхость, то 1791 года построена вновь с другим приделом во имя Спасителя, исцелившего расслабленного.

20) Успения богородицы, верхняя, и Петра митрополита, нижняя, с приделом Знамения богородицы; на Покровке от Ильинских ворот с левой стороны; в тутошних [местах] прежде делывались медные котлы, а потому и доныне приурочивается названием Котельников. Здание церковное в четыре яруса, изящной готической архитектуры; по правильности размера, легкости и многоразличным колоннам с приличными из белого камня украшениями, тщательно отработанными, заслужила неоспоримое уважение от всех искуснейших архитекторов. Семь возвышающихся глав, из которых в средине высокая, на осьмиугольном трибуне, позлащена, образуют красивую пирамиду; с двух сторон церкви открытая аркада. Колокольня, внутри которой находится придел Иоанна Крестителя, высокая, пирамидальная, с пятью главами, и одинаковой с церковью архитектуры. На сем месте издавна была каменная церковь; вновь же построена гостем Иваном Матвеевым Сверчковым и освящена 1695 года октября 25-го. Прах храмоздателя с сыном и внуком покоится под сводами сей церкви. Скромная простота надписи, оставленной зодчим на камне, замечательна: «Дело рук человеческих, делал именем Петрушка Потапов».

21) Троицы живоначальные, что на Грязях, с приделом Введения во храм пресвятой девы, близ Покровских ворот, от Ильинских по ле-

вой стороне. Церковь одноглавая, простой гражданской архитектуры, с тосканскими пилястрами, колокольня в три яруса. В 1645 году была каменная, а чрез сто лет построена, ныне ж тщательно снаружи и внутри поправлена.

22) Троицы живоначальные, что на Хохловке, а по прежнему названию в Старых Садех; с приделами во имя Владимирской богородицы и св. Димитрия митрополита ростовского, за Покровскими воротами, близ архива Коллегии иностранных дел, в переулке, ведущем к Ивановскому монастырю. Из сохраненных надгробных надписей значится, что на сем месте была уже церковь в 1636 году, чрез шестьдесят лет пришла она в ветхость. Вдовствовавшая супруга окольничего Ильи Ивановича Чирикова Евдокия Аврамовна, дочь думного дворянина Аврама Никитича Лопухина, сетуя безутешно о кончине дочери своей Неонилы, в цвете лет своих скончавшейся, заложила 1696 года апреля 1-го ныне видимый нами храм и на отстроение оного употребляла изготовленное для замужества дочернее приданое. Церковь высокая, одноглавая, готической архитектуры, с большим осьмиугольным трибуном; по углам стен и по сторонам окон помещены колонки с некоторыми украшениями по карнизу. Колокольня невысокая, в два яруса. Название Хохловки урочище сие получило от жительства близ сего места малороссиян. При сей церкви многие похоронены из фамилии Глебовых.

23) Трех святителей: Василия Великого, Григорья Богослова и Иоанна Златоустого по приделу, а настоящая церковь верхняя, во славу святой Троицы, с двумя еще приделами Флора и Лавра; от Покровских ворот к Яузским в переулке. Здание одноглавое в два яруса, простой гражданской архитектуры. Колокольня простой готической архитектуры, пирамидальная, в три яруса. В 1657 году была деревянная; но в 1674 году воздвигнута на том месте каменная и освящена того ж года сентября в 3-й день. Церковь сия снаружи и внутри обновлена и благолепно украшена старанием жившего в казенном, Мясницкой части доме обер-полицмейстера А. С. Шульгина.

24) Николая чудотворца в Подкопаях, с приделами во имя Казанской богородицы и великомученицы Екатерины; в переулке между Покровскими и Яузскими ворот[ами], невысокая, одноглавая, гражданской архитектуры, с пилястрами по углам стен снаружи и под главою ионического ордена, трапеза низкая, без всяких украшений. Колокольня, отдельно от церкви построенная, высокая, в три яруса, новейшей архитектуры, с тосканскими пилястрами. Главы на церкви и колокольне вызолочены. О сей церкви упоминается в летописях в 1493 году; когда необычайный пожар опустошил Москву и дворец великокняжеский, то государь Иоанн Васильевич жил у Николы Подкопая в крестьянских дворах. Построенная вновь, [церковь] освящена в 1700 году. Придел Казанской богородицы устроен I гильдии купцом А. М. Губиным.

25) Рождества богородицы на Стрелке, с приделами во имя Иоанна Богослова и св. Димитрия, митрополита ростовского; на улице Солянке, с левой стороны от Китай-города. Новейшей гражданской архитектуры, одноглавая, с куполом и полуколоннами и по стенам трапезы пилястрами тосканскими. Колокольня современного построения, высокая, в три яруса, с круглым верхом. Сия церковь воздвигнута также великим князем Димитрием Иоанновичем Донским в воспоминание одержанной им победы над Мамаем сентября 8-го в день Рождества пресвятой богородицы. Царь Борис Годунов перестроил ее вновь и торжественно, а патриарх Иов освятил ее в 1600 году. Придел во имя св. Димитрия митрополита устроен в 1763 году прихожанином графом Александром Борисовичем Бутурлиным. В начале сего столетия церковное здание обветшало и обновлено было подаяниями, испрошенными усердствующим дьяконом сего прихода [авт. пропуск]*.

В описанных 1657 года книгах упоминается, что близ сей церкви дворы Ивана Ржевского, Якова Вышеславцева и Тимофея Хрущева.

26) Св. апостолов Петра и Павла, придельная, а настоящая во имя Знамения пресвятой богородицы с другим приделом — Казанской богородицы, близ Яузских ворот, на Горке; высокая, одноглавая, готической архитектуры, с большим осьмиугольным трибуном и с куполом, по стенам есть готические украшения; колокольня высокая, четвероугольная в три яруса, гражданской архитектуры, с тосканскими и ионическими пилястрами. Церковь сия построена каменная в 1632 году, а когда чрез сто семьдесят лет обветшала, то вновь воздвигнута. Придел Казанской богородицы устроен 1631 ** года Анною Никифоровною Колычевою. Близ сей церкви в особенном здании жили певчие архиереев Крутицких, а в старину тут были царские конюшни.

---

* Алексей Яковлев.— С. Д.
** 1731 год. А. Ф. Малиновский ошибается.— С. Д.

3. Упраздненные церкви в Мясницкой части

1) Преподобного Феодосия общему житию начальника в. 1654 году была деревянная, на Лубянке застроена была каменная, но несовершенна, и погост церковный по прикосновенности пожалован был Петром I рязанскому митрополиту Стефану Яворскому к подворью его; а священник и дьякон с причетниками и утварь по государеву повелению, объявленному архидьяконом Шаховским, отосланы были 1707 года в Нарву.

2) Чудотворца Николая в Мыльниках, придельная, а настоящая во имя Богоявления господня, в 1739 году была деревянная и при построении Воспитательного дома, находясь в черте сего заведения, за ветхостью сломана.

3) Покрова богоматери нижняя и во имя Живоначальные троицы, верхняя, у Ильинских ворот, близ решетки, т. е. стоявших тогда пред воротами Китай-города рогаток против церкви Николы в Блинниках, по причине ветхости сломана в половине минувшего столетия. Улица название Покровки получила от иконы Покрова богоматери, которая стояла на воротах Белого города, а когда оные сломаны были, то по настоянию графа Петра Ивановича Шувалова поставлена в приходе его церкви Воскресения в Барашах, где доныне находится. Возле Покровской церкви был двор боярина князя Ивана Никитича Одоевского.

4) Св. богоотец Иоакима и Анны с приделом чудотворца Николая, за Пушечным двором; упразднена в исходе минувшего столетия. 1687 года патриарх [авт. пропуск] * отпевал в сей церкви Ивана Кондырева.

Конец третьей книги

* Иоаким Савелов.— **С. Д.**

С. Р. ДОЛГОВА
АЛЕКСЕЙ ФЕДОРОВИЧ МАЛИНОВСКИЙ

ГЛАВА I
НАЧАЛО ПУТИ

Местность на север от Кремля называлась, по-видимому, Самотекой от двух медленно протекавших здесь рек — Неглинной и Напрудной. На старинном плане Москвы (1736) за пределами Садового кольца хорошо видно, что при слиянии обе реки образуют пруд с деревянной запрудой чуть севернее Земляного города (нынешней Самотечной площади). На левом берегу не существующего сейчас Самотечного пруда стоит церковь Троицы. С церковью Троицы соседствовали старая Троицкая слобода, лежавшая по обе стороны Самотечного пруда, и старинное село Напрудское, упоминавшееся в древнейших грамотах русских князей [1]. В 1623 году большая часть земель по обе стороны Неглинной перешла к Троице-Сергиевому монастырю, о чем имеется запись в одной из ранних переписных книг по Москве: «...Троицы Сергиева монастыря вотчинная Троицкая слобода под Москвою, за Земляным городом... а в ней церковь Живоначальная Троицы» [2].

Сперва церковь, как, впрочем, и большинство русских храмов, была деревянная и отстроена была каменною только после большого пожара в 1688 году.

Авксентий Малиновский стал священником «церкви Живоначальныя Троицы, что в Троицкой слободе за Сретенскими воротами» в 1721 году, получив «перехожую память» из церкви святых верховных апостолов Петра и Павла, что за Москвою-рекою (на нынешней Калужской улице). Весной 1726 года он вместе с прихожанами жаловался императрице Екатерине Алексеевне, что на построенной лет тридцать тому назад церкви главу поставили «привеликой тяжести кирпича и железа», из-за чего со временем окошки раздались в четырех местах и «прихоцким людям в той церкви во время церковного пения в погоду от ветра стоять невозможно». И имеется также сильное опасение, что свод с главою может обрушиться. На что было разрешено Синодом церковь перестроить и установить на ней железную главу [3].

В 1760 году в связи с преклонностью лет Авксентий Филиппович обратился в Синод с просьбой произвести в сан священника в помощь ему сына, сам же он оставался настоятелем церкви до конца жизни (скончался 17 декабря 1765 года в возрасте 67 лет) [4].

Отец Алексея Федоровича Малиновского Федор Авксентьевич в 50—60-е годы XVIII века учился в Славяно-греко-латинской академии, которая пополнялась, как известно, детьми разночинцев, в основном церковнослужителей; многие из них после окончания учебы направлялись в церкви Москвы и ближних к ней городов. Детей в академию отдавали неохотно; ко времени учебы Федора Малиновского относится указ Синода от 12 апреля 1750 года, где было сказано, что учеников в академии осталось только «человек с двести, и вновь никто самоохотно не прибывает, отчего весьма малое число учеников в нижних классах находится». В связи с этим предписывалось для академии «из священнических и диаконских, и церковнослужителей детей сыскать... чтоб впредь не было никакой остановки в учении» [5].

2 (14) марта 1762 года, в доме своего деда священника Авксентия Филипповича родился Алексей Федорович Малиновский.

Отец Малиновского прослужил в церкви 38 лет, но сыновьям своим Алексею, Василию и Павлу выбрал иное поприще. 21 января 1771 года Алексей Малиновский становится студентом Московского университета [6], что совпало по времени с отставкой первого куратора университета В. Е. Адодурова и вступлением на эту должность хорошо известного москвичам И. И. Мелиссино, опекуна Воспитательного дома. В честь этого события 17 февраля

1771 года в здании университета (бывшей Главной аптеки у Воскресенских ворот в Китай-городе) собрались на публичное заседание профессора, студенты, почетные гости. Стоявший в толпе юношей Алексей Малиновский мог увидеть среди гостей знаменитого своей ученостью архиепископа Московского и Калужского Амвросия, услышать приветственные речи старших профессоров Ф. Г. Дильтея и А. А. Барсова, студентов Евгения Сырейщикова, Ивана Теряева, Василия Касаткина-Ростовского.

И. И. Мелиссино представил нового директора университета М. В. Приклонского и произнес «одушевленную» речь на латинском языке, где призвал членов Конференции университета к деятельному сотрудничеству. «...Ибо мы,— говорил он,— не можем сослужить Отечеству важнейшей и полезнейшей службы, как двинув всеми силами вперед правильное воспитание и учение юношества. Сей труд, хотя часто беспокойный и неблагодарный, принесет пользу не только в настоящем времени, но и потомкам...» Одним из первых начинаний нового куратора был выпуск в свет пособия для поступления в университет «Способ учения», где нашли свое отражение идеи передовой русской педагогики, провозгласившей: «Учением не истребить охоты к учению».

Другим важным событием в жизни университета было учреждение при нем Вольного российского собрания — первого из серии научных обществ, возникших при университете в начале XIX века. Собрание ставило своей целью «исправление и обогащение российского языка чрез издание полезных, а особливо к наставлению юношества потребных сочинений и переводов, стихами и прозою» [7]. В работе собрания, бессменным руководителем которого был профессор А. А. Барсов, принимали участие видные ученые, писатели, профессора, преподаватели, студенты. По воспоминаниям современников, во время приездов в Москву любил посещать собрание университета его бывший ученик светлейший князь Г. А. Потемкин. В дальнейшем А. Ф. Малиновский станет почетным членом многих научных обществ при университете, а пока, присутствуя на заседаниях собрания, он имеет возможность познакомиться со своим первым учителем в археографии историографом Г. Ф. Миллером и знаменитой Е. Р. Дашковой (ставшей в дальнейшем его другом и родственницей), послушать стихи поэтов М. М. Хераскова, А. П. Сумарокова, В. Г. Рубана.

Первое заседание общества состоялось 2 августа 1771 года; в это время в Москве уже свирепствовала чума. Город почти вымер, и занятия в университете прекратились, поэтому вряд ли Алексей Малиновский или кто-либо из его товарищей были свидетелями важных событий, которые происходили рядом с университетом: в ночь с 15 на 16 сентября доведенные до отчаяния горожане брали приступом стены Кремля. Но по рассказам очевидцев и ходящим по Москве слухам они, конечно, знали о тысячах умерших во время эпидемии людей, о том, как погиб растерзанный толпой дядя выпускника университета Н. Н. Бантыш-Каменского преосвященный Амвросий, и о том, как жестоко расправились с восставшими войска, руководимые фаворитом Екатерины II графом Г. Г. Орловым.

Занятия возобновились в январе 1772 года. Построенное во второй половине XVII века здание у Воскресенских ворот, которое занимал университет, к середине XVIII века, сменивши до того нескольких хозяев, сильно обветшало. Университетский дом оказался неудобен и тесен; уже в 1756 году для занятий пришлось нанять, а затем купить трехэтажный дом князя П. И. Репнина на углу Моховой и Никитской улиц.

В набросках А. Ф. Малиновского имеется «Записка», с точностью фиксирующая перенесение занятий студентов из одного здания в другое, прежде чем в 1793 году для университета архитектором М. Ф. Казаковым было построено здание на Моховой: «Дом университетский, ныне занимаемый, принадлежал прежде князю Репнину; флигель подле учебной больницы, на Никитскую улицу,— Мосалову, а им куплен у Панина. Флигель против универ[ситетского] пансиона, где живет пр[офессор] Сандунов,— княжнам Волхонским; флигель, в котором находится анатомический театр, принадлежал бывшему ректору Фонвизину» [8].

Чтобы получить представление о том, какие науки постигал Алексей Малиновский в университете, обратимся к его аттестату, единственно сохранившемуся документу за эти годы. Обучался он в следующих классах: «1 — в вышнем латинском, 2 — в начатков риторических, 3 — российского стиля, 4 — в синтаксическом французском, 5 — в италинском — прилежно» [9]. Преподавали в университете в 70-е годы ученики М. В. Ломоносова, замечательные русские ученые-просветители С. Е. Десницкий, А. А. Барсов, Х. А. Чеботарев, И. А. Третьяков. На лекциях могли присутствовать все желающие; для них выпускались специальные «объявления» о лекциях, печатались извещения в «Московских ведомостях», проводились публичные диспуты. С большой торжественностью проходили университетские акты: посвящения учеников в студенты, по случаю важных государственных событий, а

также в честь посещения университета особами царской фамилии.

23 января 1778 года в большой университетской зале состоялось торжество по поводу рождения великого князя Александра Павловича. Звучала вокальная и инструментальная музыка, специально сочиненная к этому дню. От профессоров произнес речь на латинском языке М. И. Скиадан, от студентов на русском языке прочел приветствие Иван Долгоруков, на греческом Василий Быков, на английском Константин Енгалычев. На итальянском произнес речь и прочел стихи собственного сочинения Алексей Малиновский [10].

Наиболее способные студенты выделялись в помощь редакторам газеты «Московские ведомости», которая с 1756 года издавалась Московским университетом. С 1 мая 1779 года университетская типография вместе с «Московскими ведомостями» была передана на десять лет в аренду Николаю Ивановичу Новикову. При нем направление газеты изменилось: в прибавлениях стали печататься статьи по литературе и искусству: редакция стремилась как можно быстрее и полнее донести до читателя международные политические события. Свой первый литературный опыт Алексей Малиновский приобрел, работая у Н. И. Новикова в качестве переводчика, а также печатаясь в его журналах.

15 октября 1778 года Алексей Малиновский закончил занятия в университете; его соучениками были знаменитые в дальнейшем актер П. А. Плавильщиков, профессора Московского университета П. И. Страхов, В. К. Аршневский и А. М. Брянцев; поэты Е. И. Костров и И. М. Долгоруков. Последний в своем сборнике «Бытие сердца моего» (1802), выразил общее благодарное отношение выпускников 1778 года к университету. «Под сенью его,— пишет И. М. Долгоруков,— я озарился первыми лучами умственного света. В нем провел юность и выпущен на поприще жизни гражданской... Забуду ли самые стены тогдашнего храма муз, в которых испытывал я каждодневно столь великие щедроты небес? — Нет, нет! Мне и развалины их любезнее всего дивного в зодчестве нашего века!» [11]

Окончив университет, Алексей Малиновский 15 октября того же года поступает на службу в Межевую канцелярию [12], которая находилась в бывшем доме С. Н. Трубецкого во Вражском переулке. Открытая в 1765 году, Межевая канцелярия к 1778 году значительно увеличила свой штат; так, после губернской реформы 1775 года и начавшегося в России генерального межевания в учреждение стали поступать многочисленные челобитные и спорные дела помещиков. Трудно сказать, монотонность ли канцелярской работы была не по душе молодому выпускнику университета или настигшая его «грудная болезнь» (которую подтвердил пользовавший его доктор Франц Мельцер) мешала занятиям, но уже в декабре Алексей подает прошение об отставке и увольняется «за слабостию здоровья». Пользуясь протекцией графа Николая Петровича Шереметева, издавна дружески и покровительственно относившегося к семье Малиновских, Алексей подает прошение о зачислении его в Коллежский архив.

Вместе с его прошением в Иностранную коллегию в Петербург начальник архива Герард Фридрих Миллер посылает «особое мнение» о многообещающих способностях нового сотрудника. Пришедшая из Петербурга «цидула» предписывала проэкземеновать А. Ф. Малиновского в иностранных языках, в которых он и проявил себя весьма знающим [13].

ГЛАВА II

ХРАНИТЕЛИ РОССИЙСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ

1 марта 1778 года Алексей Малиновский в должности актуариуса становится сотрудником Коллежского архива. С архивом в дальнейшем была связана вся его жизнь: здесь он служил русской истории 62 года. Коллежский архив был уникальным хранилищем, куда вошли остатки Московского великокняжеского архива, Царского архива и архива Посольского приказа. Уже тогда в нем были сосредоточены документы по истории России за тысячу лет. Чтобы совершить своеобразную экскурсию по архиву начала XIX столетия и познакомиться хотя бы с некоторыми из его документов, нарушим на время хронологическое повествование и воспользуемся сочинением А. Ф. Малиновского, написанным им в 1815 году. Оно имеет длинное (что соответствовало обычаю тому времени) название: «Взгляд на Московский Иностранной коллегии архив, или Записка нескольким из множества выбранным для показания бумагам» [1]. Заметим, что отобранные знатоком архивных сокровищ для

«показания» документы и сейчас являются ценнейшими источниками по истории Древней Руси.

На первое место А. Ф. Малиновский ставит документы актовой письменности XIII—XV веков: подлинные духовные, договорные и жалованные грамоты великих и удельных русских князей. В их числе первый датированный документ — договорная грамота Новгорода Великого с великим князем Владимирским и Тверским Ярославом Ярославичем (1264), оговаривавшая условия княжения его брата Александра Невского в Новгороде. Автор обращает внимание любителей древностей на новгородские печати, отличавшиеся «простотою изображенных слов и фигур» и послужившие основой для русской сфрагистики[2]. «Новгород издревле... назывался господином Новгородом,— подчеркивает Малиновский,— а Псков при письменных сношениях и посольствах именовал себя молодшим братом его». В Коллежском архиве хранились и дошли до нашего времени подлинные духовные грамоты великих князей Московских — Ивана Калиты (1339), собирателя русских земель вокруг Москвы, и Дмитрия Донского (1389), с именем которого связано важнейшее событие в истории Древней Руси — победа русских войск на Куликовом поле в 1380 году над золотоордынскими полчищами Мамая.

К началу XVI века Россия заняла почетное международное положение, Москва стала центром дипломатической жизни государства. Об этом свидетельствовали хранившиеся в Посольском приказе грамоты, статейные списки (отчеты русских послов) и документация иностранных посольств.

А. Ф. Малиновский особо выделяет в своем обзоре собрание английских грамот, и среди них послание английской королевы Елизаветы 1570 года царю Ивану IV Грозному с обещанием предоставить ему убежище «на случай могущего последовать с ним нещастия». Повествование о русско-французских сношениях начинается с упоминания о том, что «дочь великого князя Ярослава Владимировича в 1051 году вышла за французского короля Генриха I». Россия издавна торговала с Индией, но в XVIII веке эти странички истории мало кому были известны. А. Ф. Малиновский впервые рассказал об этом русскому читателю.

Особое внимание А. Ф. Малиновский уделяет хранящемуся в архиве «Подлинному делу о убиении царевича Дмитрия Ивановича». Событие, происшедшее в Угличе 15 мая 1591 года, и спустя столетия продолжало волновать русское общество. Важность документа несомненна, считает автор обзора. Его сохранность опровергает версию (которую некоторые поддерживали «по недостатку в исторических доказательствах») о том, что под именем Григория Отрепьева царствовал настоящий царевич Дмитрий. Кстати, имелись в архиве и письма самозванцев, и жены обоих Лжедмитриев Марины Мнишек.

Высоко оценивал А. Ф. Малиновский «архивскую библиотеку»; ее ценность особенно возросла после гибели в 1812 году от пожара университетской библиотеки и некоторых уникальных частных книжных собраний. Среди редкостей он отмечает хранившиеся тогда в рукописном отделе библиотеки «Журналы князя Меншикова» и «Журнал генерала Гордона» на английском языке.

Все важнейшие дела к тому времени находились в Трактатной (где хранились грамоты) и в восьми Нижних (то есть расположенных на первом этаже) палатах и были доступны, как утверждал историк, посетителям архива. Таков был блестящий итог работы нескольких поколений архивистов, предшественников и современников А. Ф. Малиновского. Двое из них — историограф Г. Ф. Миллер и археограф Н. Н. Бантыш-Каменский — были первыми наставниками юноши в изучении, описании и систематизации архивных документов. Они заслуживают того, чтобы о них мы рассказали отдельно.

Герард Фридрих Миллер был назначен советником архива 27 марта 1766 года. Крупный историк, источниковед, он хорошо понимал научную ценность архивных материалов. Г. Ф. Миллер приехал в Россию в возрасте 20 лет, а через восемь лет отправился в экспедицию в Сибирь. «Капитан-командор Беринг,— пишет Миллер в одном из описаний этой экспедиции,— с которым я был очень хорошо знаком, возбудил во мне охоту к путешествию еще тогда, когда к тому не представлялось для меня никакой вероятности...»[3] В Камчатской экспедиции принимал участие, будучи еще студентом, и знаменитый в дальнейшем путешественник и писатель С. П. Крашенинников.

Несмотря на свои молодые годы, Миллер участвовал в экспедиции, имея уже хорошую научную подготовку: она была получена им сначала в гимназии его родного города Герфорда в Вестфалии, с 1724 года — в Лейпцигском университете, откуда в следующем, 1725 году, он был приглашен во вновь создаваемую Петербургскую Академию наук.

Историк Сергей Михайлович Соловьев, посвятивший историографу очерк «Герард Фридрих Мюллер (Федор Иванович Миллер)» писал, что за десять лет пребывания в Сибири он «обозрел страну от Чердыни до Якутска и границ китайских, причем вел подробные путевые записки, собрал о городах и уездах их

исторические, географические и статистические сведения; пересмотрел и привел в порядок архивы почти во всех важнейших городах...» Таким образом, в Сибири Миллер приобрел ценный опыт работы с историческими документами; он вернулся в Россию выдающимся специалистом не только в области истории, географии, этнографии, но и архивного дела. Назначенный в 1766 году управляющим Московского архива Коллегии иностранных дел (МАКИД), Миллер продолжал свои занятия по собиранию документов; вместе с тем он стал приводить в порядок все, что было им собрано раньше. Так образовались те знаменитые «портфели Миллера», которыми всегда пользовались и сейчас продолжают пользоваться историки.

«Сей ученый и просвещенный муж,— писал о Миллере Н. И. Новиков в «Опыте словаря русских писателей»,— издал в свет Новгородскую историю, новейшую Российскую со временем царя Феодора Иоанновича до владения царя Михаила Феодоровича; Ядро российской истории, Судебник царя Иоанна Васильевича...»

Всего несколько лет прослужил с Миллером Алексей Малиновский, но за это время он успел перенять у него страсть к собиранию исторических документов, в том числе и по истории Москвы. Молодой архивист оказался первым помощником Миллера в составлении и издании исследования «Известие о дворянах российских» (1790), к которому он подготовил комментарии.

Другим наставником Алексея Федоровича был Николай Николаевич Бантыш-Каменский (1737—1814). Его семья вместе с Кантемирами оказалась в России в 1711 году, когда молдавский господарь после поражения от турок у Прута вынужден был покинуть родину; с Кантемирами выехали и другие близкие ко двору семьи, в том числе и родственники Бантыша.

Н. Н. Бантыш-Каменский получил первоначальное образование в Нежинской греческой школе и в Киевской Академии. В конце 1754 года он приехал в Москву по приглашению своего родного дяди по матери Амвросия (Зертис-Каменского) и был определен в Московскую духовную академию. Занимаясь в академии, он прожил три года в Заиконоспасском монастыре. Он посещал открывшийся Московский университет, где слушал лекции по наукам, которые в духовной академии не преподавали. В 1763 году бедный по тем временам студент, который «мужска пола душ и крестьян за собой не имел» [4], поступил в архив.

«Собираю рассеянное» — эпитафия на могиле Н. Н. Бантыш-Каменского — как нельзя лучше определяет его роль в развитии русской исторической науки. Археографические труды занимают в работах Н. Н. Бантыш-Каменского наиболее значительное место; это хранящиеся в ЦГАДА и Архиве внешней политики России (АВПР) описи, обзоры, справочники и библиографические описания. Однако при жизни автора его «портфели», как и большинство его археографических работ, не были опубликованы.

Н. Н. Бантыш-Каменскому суждено было играть значительную роль в истории русской науки и оказать на нее большое влияние. Ознакомление с его перепиской показывает, что это влияние не всегда было прямым, а чаще осуществлялось через посредство других историков или библиографов, с которыми он с большой готовностью делился своими историческими и библиографическими знаниями.

О роли Н. Н. Бантыш-Каменского в исторических разысканиях Н. М. Карамзина имеется интересное высказывание журналиста и переводчика Е. Ф. Корша (1810—1897): «...тогда, за семьдесят лет, было ведь совсем другое время, пособий никаких не было, и оттого такой, например, многоопытный человек, как начальник министерского Архива иностранных дел Н. Н. Бантыш-Каменский, стал неоспоримо важнейшим пособником в великом для той эпохи историческом труде Карамзина, скажем прямо — настоящим его благодетелем, уже и тем одним, что сообщил ему неизданную доныне опись архивским делам, так же, как ученик и преемник его А. Ф. Малиновский...» [5]

Н. Н. Бантыш-Каменский оказывал помощь в подготовке издания многих книг своих современников: его сведениями пользовался Н. И. Новиков при составлении биографий для «Опыта исторического словаря о русских писателях», А. Щекатов и Л. М. Максимович для географических словарей, Ф. О. Туманский и И. И. Голиков в своих работах о Петре I.

В октябре 1835 года А. С. Пушкин кроме тетрадей из «пугачевского» портфеля Г. Ф. Миллера получил из МГАМИД обширную коллекцию документов по пугачевскому движению, собранную в 1773—1775 годах Н. Н. Бантыш-Каменским.

Мемуары современников рисуют историка мрачным отшельником, отгородившимся от жизни в подземельях своей «архивы». Один из них, Филипп Филиппович Вигель, служивший в архиве вместе с Н. Н. Бантыш-Каменским и А. Ф. Малиновским, оставил нам любопытное описание архива конца XVIII века: «В одном из отдаленных кварталов Москвы, в глухом и кривом переулке за Покровкой, старинное каменное здание возвышается на пригорке, коего отлогость, местами усеянная кустарником, служит ему двором. Темные подвалы нижнего эта-

жа, узкие окна, стены чрезмерной толщины и низкие своды верхнего жилья показывают, что оно было жилищем одного из древних бояр, которые во времена Петра Великого держались еще обычаев старины. Для хранения древних хартий, копий с договоров ничего нельзя было приискать безопаснее и приличнее сего старинного каменного шкапа с железными дверьми, ставнями и кровлею. Все строение было наполнено, завалено кипами частью разобранных, частью неразобранных старых дел: только три комнаты оставлены были для присутствующих и канцелярских» [6]. В это здание архив переехал в 1768 году; оно было куплено казною специально для архива у генерал-аншефа А. М. Голицына.

Время вступления А. Ф. Малиновского в архив и начало его научной деятельности было напряженным периодом истории России. Крестьянская война 1773—1775 годов под предводительством Е. И. Пугачева, революционные события в Америке, Великая французская революция, уничтожившая феодализм в крупной европейской стране, с которой у России давно были установлены прочные идейные и культурные связи,— все это не прошло бесследно для русского общества.

В конце XVIII века архив превратился в крупный научно-исторический и культурный центр Москвы. Этому способствовала и обстановка общего подъема культуры и просвещения в России, и становление отечественной исторической науки, делавшей заметные успехи, и выросший интерес наиболее передовых кругов русского общества к прошлому своей страны.

При Г. Ф. Миллере и Н. Н. Бантыш-Каменском в архиве удалось навести порядок в хранении документов, что сделало их более доступными для использования. Именно здесь были начаты первые публикации древнейших документов, хранившихся и исследованных в архиве. Осуществил их выдающийся русский просветитель Н. И. Новиков, который был не только талантливым издателем, но и хорошим организатором. Задумав издание литературных и исторических памятников, он сумел сплотить вокруг этого большого дела ученых и хранителей «российских древностей». Огромную помощь в разыскании и подборе документов оказали ему историки и архивисты М. М. Щербатов, Г. Ф. Миллер и Н. Н. Бантыш-Каменский. Г. Ф. Миллер снабжал Н. И. Новикова разнообразными материалами, при его содействии в «Древней российской Вивлиофике» были напечатаны драматические произведения XVII — начала XVIII века. Известна «Записка для припамятования для написания в письме к г. Миллеру», в которой Новиков просит археографа дать ему: «1 — копии с грамот. 2 — с трактатов. 3 — с посольских наказов и описаний посольств. 4— с церемониалов, в архиве находящихся, и других достопамятных вещей по рассмотрению г. Миллера, к печатанию годных». В ЦГАДА сохранились и другие документы о предоставлении Новикову архивных материалов: указ Екатерины II от 26 октября 1773 года «О сообщении господину Новикову из здешнего архива копий с посольств, разных обрядов и других достопамятных и любопытных вещей» и доношение Г. Ф. Миллера в Коллегию иностранных дел о его готовности доставить Н. И. Новикову архивные документы «для удовольствия публики к изданию в печать» [7].

С именем Н. И. Новикова связан проект Г. Ф. Миллера об учреждении при архиве типографии. В 1779 году Г. Ф. Миллеру было поручено издать хранящиеся в архиве трактаты и конвенции. Понимая важность быстрейшей публикации архивных документов для исторической науки, он незадолго до смерти, 9 февраля 1783 года, послал в Коллегию записку «О учреждении при архиве в Москве типографии», которая состояла бы «по меньшей мере из двух или четырех станов печатных и одного фигурного». Литеры Г. Ф. Миллер собирался приобрести у Н. И. Новикова [8], который, видимо, и подсказал ему мысль превратить архив, как он — свои типографии, в источник знаний для народа. Новый документ о заведении типографии подтверждает тесное сотрудничество архивистов с просветителем, которое особенно усилилось после переезда Н. И. Новикова в Москву в 1779 году. Еще ранее с Н. Н. Бантыш-Каменским он подготовил к изданию рукопись архиепископа Амвросия о московских соборах Кремля. В историческом журнале «Сокровище российских древностей» было помещено описание Архангельского, Успенского и Благовещенского соборов, история их строительства и многочисленных реставраций, расшифровка настенных записей. Однако «Сокровище» так и не было издано, о чем свидетельствует запись Н. Н. Бантыш-Каменского на единственном сохранившемся в ЦГАДА сигнальном экземпляре: «Запрещено печатать св[ятейшим] Синодом 1789 г.» [9] Преследования Н. И. Новикова начались уже после смерти Г. Ф. Миллера, в середине 80-х годов. Трагедия выдающегося просветителя коснулась и семьи Малиновских...

В 1784 году в «Прибавлениях к Московским ведомостям» (издание Н. И. Новикова) была запрещена статья «История ордена иезуитов». В 1785 году Екатерина II приказала митрополиту Платону просмотреть все книги, которые выходят из типографии

Н. И. Новикова, а самого Новикова «испытать в вере». Императрица решила расправиться с просветителем при помощи Платона, известного современникам своей честностью и неподкупностью. Его авторитет был необыкновенно высок не только в русском обществе, но и за пределами страны. Еще в 1771 году, получив при посредничестве княгини Е. Р. Дашковой проповедь Платона, произнесенную им у гроба Петра I, французский энциклопедист Вольтер сравнил оратора со знаменитым греческим философом Платоном.

История взаимоотношений архиепископа Платона и Н. И. Новикова достаточно сложна и противоречива. Строгий ревнитель ортодоксального православия, архиепископ не мог сочувствовать мистическим исканиям братьев-масонов «Дружеского ученого общества». Созданная в начале 1781 года, эта филантропическая организация вскоре имела свои учебные заведения, библиотеку и дом близ Меншиковой башни. Однако активная благотворительная деятельность основного ядра общества явно импонировала просвещенному иерарху. Судя по донесению Платона в Синод, полученному из Москвы 4 марта 1788 года, духовные цензоры, просмотрев под его руководством 397 оригинальных и переводных сочинений, изданных Новиковым, признали подавляющее большинство их «полезными и похвальными». О близости Платона к просветителю и его окружению свидетельствует и малоизученный архив иерарха (хранится в ОР ГБЛ) с бумагами по делу Н. И. Новикова.

Летом 1787 года был издан указ, который запрещал светским типографиям издавать книги церковные или «к священному писанию, вере, либо толкованию закона и святости относящиеся». На основании распоряжения московского главнокомандующего в книжных лавках и типографии Н. И. Новикова были изъяты тысячи книг, и не только духовных, но и учебных. Кольцо вокруг Новикова смыкалось все плотнее и плотнее. На всех этапах гонений на новиковские начинания к репрессиям был причастен, как показывают последние исследования, выступивший в роли доносчика протоиерей Архангельского собора П. А. Алексеев, позже служивший с отцом А. Ф. Малиновского в Университетской церкви [10]. П. А. Алексеев регулярно доносил на своего врага архиепископа Платона духовнику Екатерины II И. И. Панфилову, и почти в каждом письме, касаясь «сумнительной» деятельности Н. И. Новикова, как бы связывал этих двух людей. Из доносов видно, что Алексеева в первую очередь «тревожили» питомцы Новикова и его «компании», проникшие в духовную среду и распространяющие, по его мнению, заразу «мартинитства» (так в XVIII веке называли масонство) в России. Это волновало и императрицу.

Грозные события во Франции породили новую волну подозрений. Поэтому очередной донос П. А. Алексеева о попытках масонов найти себе покровителя в лице цесаревича окончательно решил судьбу Новикова. Н. И. Новиков был арестован в селе Авдотьине и без суда брошен в каземат Шлиссельбургской крепости. Прямых доказательств связей московских масонов с якобинцами при обыске обнаружить не удалось. Поскольку на суде могли всплыть нежелательные для правительства подробности о контактах Павла с Н. И. Новиковым, Екатерина II передала дальнейшее следствие в руки опытного С. И. Шешковского.

Таинственное, бесследное исчезновение Н. И. Новикова породило самые невероятные вымыслы о «преступлениях» книгоиздателя. Слухи один фантастичнее другого расползались по России. Испуганный Н. Н. Бантыш-Каменский попытался всю вину свалить на события французской революции. Так, в письме к А. Б. Куракину он пишет: «Дело Новикова решилось... одни говорят — вечно, другие на 15 лет ему сидеть в крепком месте. Участников его... из столицы выслать... Все, что в вину приписывается [им] по молве, переписка с якобинцами».

Жизнь Н. И. Новикова в заключении была тяжелой. Будучи больным, он подвергался постоянным допросам С. И. Шешковского. Допросы начались с «увещевания и убеждения». Подробно расспрашивая обо всех обстоятельствах жизни Новикова, особенно с 1775 года, то есть со времени вступления его в масонство, 3 июня Шешковский предложил арестованному 55 вопросов. Главные из них были составлены самой Екатериной II. Об издательской деятельности словно забыли. Основное, что интересовало правительство,— не участвовал ли Н. И. Новиков в каком-нибудь антигосударственном заговоре и не был ли связан с иностранными державами. И другой мотив проходит через все допросы: кто были его друзья и единомышленники?

В связи с привлечением к делу Ф. А. Малиновского интересен вопросный пункт № 55: «Известно, что из Московской епархии, из Академии и других семинарий браты были в сборища ваши студенты, то открыть сколько их было, из оных есть ныне и в попах. Вы же о сем умолчали, то сказать, где они при церквах, были ли они в масонстве, также и о попе Малиновском сказать, вашего ли он сборища?» Резолюция императрицы гласила: «О сем надобно в пополнении сведать о попах у

товарищей Новикова»[11]. По этой фразе можно судить о том, что отца А. Ф. Малиновского, если и допрашивали «с пристрастием», то интересовались не только Н. И. Новиковым, но и архиепископом Платоном. Вопрос С. И. Шешковского не был случайным. Еще 5 мая 1792 года московский генерал-губернатор А. А. Прозоровский доносил Екатерине II, что среди членов общества Н. И. Новикова было «некоторое число духовных особ»[12].

Кара за близость с просветителем в конце концов настигла Ф. А. Малиновского. Он был удален из Троицкой церкви из-за «мрачной клеветы низких людей» (по выражению историка И. Орлова). Но помогли митрополит Платон и университетское начальство. Ф. А. Малиновский был переведен в Благовещенский собор протоиереем и стал в то же время настоятелем Татианинской церкви университета[13].

В трагический год ареста и следствия над Н. И. Новиковым семью Малиновских ожидало еще одно испытание. Алексею, так же, как и другим «переводчикам не из дворян», 26 января 1793 года было отказано в повышении чина, «потому что они в настоящих чинах 12 лет не выслужили, а отличности их Сенат не находит»[14]. Для розыска документов о дворянстве семья снарядила Алексея в далекую, только что присоединившуюся к России после второго раздела Польши Могилевскую губернию. В Могилеве он разыскал Малиновских, которые признали живущих в России однофамильцев своими родственниками и дали тому письменное подтверждение: «Мы, дворяне, обыватели губернии Белорусской и новоприсоединенных областей от республики Польской к Российской империи, и помещики нижеподписавшиеся, по именам и чинам Малиновские, объявляем и явно сознаем, кому о сем знать надлежит, что находящиеся в службе Ея Имп. Вел. самодержицы всероссийской три брата родные майор Павел, титулярный советник Василий и Иностранной коллегии переводчик Алексей, Федора сыны Малиновские на основании показанных нам о своем происхождении доказательств, действительно происхождение свое имеют от нашей польской фамилии и одного с нами дому и герба; ибо предки наши, будучи от весьма давних веков природными польскими дворянами и за верные к отечеству услуги имея пожалованные в Подольском воеводстве имения великий и малый Малинов, называемые до сего времени во владении фамилии нашей находящиеся, гербом Побок защищающихся, распространившихся фамилиею с давних времен в разных сторонах Польского и Литовского края обитающего, а именно в воеводстве Минском, в повете Речицком, в воеводстве Смоленском, Серадском и на Подоли... что вышеупомянутых Павла, Василия и Алексея предки Иван и прадед их Яков Малиновские от завоевания княжества Смоленского достались под владение империи Российской...»[15]

15 февраля 1793 года привезенное из Могилева свидетельство было послано в Петербург вместе с архивными выписками о выехавшем «на государево имя в 1655 году» Иване Малиновском (имевшего в деревне Чернушковичах всего один крестьянский двор)[16].

23 июля 1794 года Коллегия иностранных дел выдала Алексею Малиновскому аттестат в том, что он по происхождению есть «природный и действительный дворянин»[17], представленная копия с герба была конфирмована в декабре 1799 года[18].

Тем не менее вопрос о происхождении А. Ф. Малиновский представил в МГАМИД в архиве, и в Коллегии. Так, в 1802 году А. Ф. Малиновский представил в МГАМИД копию решения Каменец-Подольского суда, где разбиралось дело о признании Малиновских, давших ему свидетельство в Могилеве, дворянами. В прошении Малиновских, в частности, было сказано, что «они сами пользуются приличными дворянину званию уважению, но по несостоятельности своей не могут и иметь других кроме метрик документов»[19]. Только в 1860 году потомки Малиновских в России получили из Герольдии подтверждение своего дворянского происхождения[20]. Пожалуй, стоит в конце концов согласиться с анонимным автором биографии Василия Федоровича Малиновского, который подметил, что «в старину, в особенности среди малороссийского дворянства, не было в диковинку, что священнический сан принимали дворяне».

ГЛАВА III

В КРУГУ АРХИВНЫХ ЮНОШЕЙ

В 1796 году на престол вступил император Павел I; городские власти Москвы поручили по этому случаю помощникам управляющего архивом Алексею Малиновскому и Мартыну Соколовскому привести к присяге жителей Мясницкой части Москвы.

При бывшей правительнице дворяне более охотно вступали в военную службу, считая для себя унизительными канцелярские и другие приказные обязанности. Присутственные места почти полностью были заполнены бывшими семинаристами, детьми священников, вольноотпущенников, обедневших дворян. Это хорошо видно из биографий первых сослуживцев А. Ф. Малиновского. Рядом с ним в архиве работал бывший крепостной, получивший вольную за службу своего отца,— Иван Алексеевич Мерзлюкин; малороссийский дворянин, не имеющий крестьян, Лев Максимович Максимович; бывший ученик Московского университета, сын дворецкого секретаря Глеб Борисович Безобразов; мещанский сын Мартын Соколовский: подьячий сын Иван Алексеев; обер-офицерский сын Никита Косырев [1]. Да и сами Алексей и Василий Малиновские писались в то время как дети протоиерея.

Все изменилось при Павле I. Строгая дисциплина, постоянные учения, выправка, взыскания и наказания, переходившие всякие пределы, заставили дворян избегать военной службы. Чтобы пресечь своеволие дворян, император запретил им начинать службу иначе, как в военном звании. Указ был подписан в Гатчине 5 октября 1799 года [2], исключение было сделано только для Коллегии иностранных дел и подведомственного ей московского архива. В архив хлынула «золотая молодежь», которой не надо было, как Алексею Малиновскому, представлять в Коллегию свидетельство о своей родовитости. В этот год, несмотря на ранее предъявленный аттестат, ему и Ивану Шульцу опять было отказано в повышении чина, так как оба переводчика не имели «предписанных на дворянство доказательств» [3].

Количество принятых в архив юнкеров (младшая должность Коллегии иностранных дел) значительно превышало установленную императором норму, в связи с чем Н. Н. Бантыш-Каменский вынужден был подать докладную графу И. П. Кутайсову: «Да не устрашит Ваше сиятельство толь великое число чиновников! Все сии молодые благородные люди служат без жалованья, занимаясь переводами, описью дел и разными выписями по присылаемым из Коллегии указам и сим приготовляют себя к дальнейшей для государства службе» [4]. Под началом Н. Н. Бантыш-Каменского и ставшего его первым помощником А. Ф. Малиновского в архиве работали будущие известные литераторы и государственные деятели. Свою карьеру начинали здесь переводчиками и списчиками книг братья Тургеневы, Евреиновы и Булгаковы, Иван Мусин-Пушкин, Дмитрий Блудов и другие. Словом, это были предшественники тех самых «архивных юношей» или, как их тогда называли, «архивских юношей», о которых А. С. Пушкин писал в VII главе «Евгения Онегина»: «Архивны юноши толпою на Таню чопорно глядят...»

Один из «архивных юношей», Филипп Филиппович Вигель, в своих мемуарах живо рассказывает о времени, проведенном в архиве в начале 80-х годов XVIII столетия. Все юноши располагались тогда в трех комнатах под смотрением трех архивистов: отличавшегося чрезмерной строгостью Н. Н. Бантыш-Каменского, в противоположность ему с претензией «на светскую любезность» А. Ф. Малиновского и «боявшегося пикнуть» в присутствии высокородных подопечных секретаря Ивана Ждановского. «Таким образом,— пишет Ф. Ф. Вигель, обладавший умением давать точные, но не всегда доброжелательные характеристики своим современникам,— на столь малом пространстве можно было найти три разных формы правления: в первой комнате деспотизм со всеми его ужасами, во второй нечто конституционное, в третьей совершенное безначалие» [5].

Чтобы иметь представление, как жил архив и какие работы выполнялись архивными юношами и их наставниками, возьмем один 1802 год, когда об архиве уже говорили как о «рассаднике образованной молодежи». Тогда продолжалась начатая еще в 1779 году Г. Ф. Миллером работа по составлению «Собрания всех российских древних и новых публичных трактатов, конвенций...» Вклад А. Ф. Малиновского в эту работу, судя по отчету в Коллегию, был значителен — к этому времени он сочинил «Историческое и дипломатическое собрание дел, происходивших между Россией и Крымом», «О Посольском приказе и чиновниках Коллегии», описал «Дела о сношениях между Россией и Шлезвиг-Голстинским герцогством», Россией и азиатскими державами.

Н. Н. Бантыш-Каменский счел нужным добавить к отчету в коллегию, что его помощник все эти огромные по масштабам работы выполнил, не используя «остающегося ему от исправления должности досуга». Есть в этом документе и строки, касающиеся деятельности «архивских юношей». До сих пор историки пользуются описями и алфавитами, созданными ими на рубеже XVIII и XIX столетий. В 1803 году в архив придет собирать материал для своей «Истории государства Российского» Н. М. Карамзин и высоко оценит работу архивистов старшего поколения и их учеников.

Под наблюдением А. Ф. Малиновского юноши занимались переводами, из которых был составлен огромный том под заглавием «Дипломатические статьи из «Всеобщего Робинстонова словаря»; перев[едено] при Московском архиве служащими благородными

юношами в 1802, 1803, 1804 и 1805 годах под надзиранием статского советника Алек[сея] Малиновского»[6].

Теперь по архивным документам стало известно, какое громадное значение придавал А. Ф. Малиновский воспитанию юношей, которые, как было сказано в одном из рапортов в коллегию, им «не только к полезному служению приготовлены, но некоторые и действительно заступили уже значительные по части министерской должности»[7]. Каждый год, получая летний отпуск или уезжая в Петербург, А. Ф. Малиновский особенно беспокоился о работе молодых коллег, а в 1824 году, подводя итог своей многолетней деятельности, отметил, что, «посвятив себя единственно служению отечества», всегда считал своей постоянной обязанностью «приучать к статской службе молодых дворян»[8].

Познакомимся теперь поближе с плеядой молодых архивистов. Многие из них известны, их имена встречаются в романах, литературных этюдах, научных исследованиях, поэтических произведениях... Но мало кому известно, что свой путь они начали в архиве. В те славные времена общения с уникальными документами у многих из них зародилась любовь к отечественной истории, которая сопутствовала им всю жизнь.

Среди первого поколения архивных юношей — четыре брата Тургеневых. Тургеневы — семья замечательная; по словам академика М. В. Нечкиной, в ней так же, как в семьях Фонвизиных, Пассек, Бестужевых и других, «семена философского вольнодумства и политических сомнений были посеяны еще до появления на свет будущих декабристов в силу связей этих семей с «великой весной» последнего десятилетия XVIII в.»[9]. Глава семьи писатель и переводчик Иван Петрович Тургенев (1752—1807) был членом кружка Н. И. Новикова, за что был сослан в родовое имение Симбирской губернии. Павел I возвратил Тургенева в Москву и назначил директором Московского университета. Красивый особняк Тургеневых в Петроверигском переулке (д. 4) стал центром культурной жизни Москвы. Здесь бывали М. М. Херасков, Н. М. Карамзин, И. И. Дмитриев, И. В. Лопухин, М. И. Невзоров. Дружеские связи отца захватывали и молодое поколение; несомненно, что общение с талантливыми русскими писателями влияло на литературные интересы молодых Тургеневых и их друзей.

В 1801 году они решили основать «Дружеское литературное общество»; в него вошли воспитанники Московского университета и Благородного пансиона: В. А. Жуковский, А. Ф. Мерзляков, В. Л. Пушкин, С. Е. Родзянко, младшие Тургеневы — Александр и Николай. Вдохновителем и руководителем общества во всех его литературных начинаниях был Андрей Тургенев.

А. С. Пушкин не знал старшего из братьев, рано умершего талантливого поэта и переводчика Андрея Тургенева (1781—1803), но несомненно слышал о нем от его соученика В. А. Жуковского и братьев Александра и Николая. Андрей Иванович Тургенев был страстным пропагандистом в России немецкой и английской литературы. Гете, Шиллер, Шекспир — к этим именам он обращался постоянно на протяжении своей короткой, но яркой творческой жизни. Любопытно, что Ф. Ф. Вигель, давая, как мы уже отмечали, не очень лестные характеристики своим товарищам, писал, что Андрей Тургенев «украшал собою молодое наше архивное сословие... Со всею скромностью великих достоинств стоял тогда на распутии всех дорог, ведущих к славе».

Сейчас обнаружены новые документы о малоизученном периоде жизни Андрея Тургенева. Составленный 2 августа 1798 года формулярный лист уточняет дату его поступления в архив и свидетельствует, что «титулярный юнкер Андрей Иванов сын Тургенев употребляется при переводах и при сочинении экстрактов из рескриптов министрам и из их реляций»[10]. В документах 1800 года Андрей Тургенев записан уже как переводчик: об этом говорит и его запись на книге М. Панкевича «Слово об отличительных свойствах, источниках и средствах просвещения» (М., 1809), подаренной им в архив: «От переводчика Андрея Тургенева в архивскую библиотеку».

Документы подтверждают мнение современников о блестящих способностях Андрея Тургенева. Так, 7 ноября 1802 года архив доносит в коллегию: «Для поощрения служащего без жалованья благородного юношества в награду за отличность знаний, трудов и поведений особенно рекомендуя Государственной коллегии... переводчиков: Александра и Константина Булгаковых, князь Григорья Гагарина и Андрея Тургенева (из коих последний, хотя и нескольких моложе по службе, но достоинствами своими превышает старшинство), осмеливается архив представить о награждении их чинами»[11].

В 1802 году Андрей Тургенев переводится в Петербург, в Коллегию иностранных дел. Летом 1803 года он тяжело заболел и, вдали от родных и друзей, умер в Петербурге. Смерть Андрея Тургенева поразила всех его знавших. В лирическом вступлении к своей повести «Вадим Новгородский», относящейся к 1803 году, В. А. Жуковский именем умершего товарища клянется «быть другом добродетели». Перечи-

тывая поэтическое наследие «Дружеского литературного общества», В. К. Кюхельбекер запишет в своем дневнике: «Несчастна Россия насчет людей с талантом: этот юноша, который в Благородном пансионе был счастливым соперником Жуковского и, вероятно, превзошел бы его,— умер, не достигнув и двадцати лет».

Второй сын И. П. Тургенева Николай (1789—1871), воспитанник Московского и Геттингенского университетов, служил в архиве в 1803—1807 годах, но и в дальнейшем не потерял с ним связи. 20 октября 1816 года А. Ф. Малиновский писал А. И. Тургеневу: «...подновленное знакомство с любезным братцем Вашим Николаем Ивановичем также считаю приобретением для себя и всегда буду дорожить признанием Вашим и семейства Вашего, как потомственным от отца моего наследием» [12].

Знакомство, о котором идет речь в письме, возобновилось при обращении Николая Тургенева к архивным документам в связи с работой над интереснейшим экономическим исследованием, положившим начало русской финансовой науке. Книга Н. И. Тургенева «Опыт теории налогов» вышла в 1818 году и имела успех, небывалый для таких серьезных сочинений. К концу года книга была распродана и вскоре вышла вторым изданием. «Сочинитель, принимая на себя все издержки печатания сей книги, представляет деньги, которые будут выручаться за продажу оной, в пользу содержащихся в тюрьме крестьян за недоимки в платеже налогов»,— эти слова открывают труд Николая Тургенева. В своей работе Тургенев порицает рабство и решительно осуждает крепостнические принципы, проводимые в налоговой политике, особенно сословные налоговые привилегии дворянства. Можно без преувеличения сказать, что после радищевского «Путешествия из Петербурга в Москву» в русской печати не было столь смелого выступления против крепостничества.

...Царская картечь разметала каре мятежников на Сенатской площади. В тот день — 14 декабря 1825 года в их рядах не было Николая Тургенева, члена Союза благоденствия. Его судили заочно: Верховный уголовный суд России определил, что действительный статский советник Тургенев, по многим показаниям 24 соучастников, был деятельным членом тайного общества, «участвовал в 1820 году в совещаниях Коренной думы, где принято было целью введение республики, причем он подал голос о выборе президента, без дальних толков...» Суд вынес Н. И. Тургеневу смертный приговор; Николай I заменил его пожизненной каторгой с лишением чинов и дворянства, книга «Опыт теории налогов» была приговорена к уничтожению. Чудом сохранившийся экземпляр с дарственной надписью автора был обнаружен в библиотеке ЦГАДА. Рискуя карьерой и благополучием, его сохранили архивисты прошлых лет для потомства.

Третий сын И. П. Тургенева Александр Иванович (1784—1845), получивший такое же образование, как и его старшие братья, и начавший служебную деятельность также в московском архиве, был видным общественным деятелем, археографом и литератором.

В январе 1815 года А. И. Тургенев присутствовал на публичном экзамене лицеистов и слышал, как А. С. Пушкин читал в присутствии Г. Р. Державина «Воспоминания в Царском Селе». В те годы он встречался с молодым поэтом в доме Карамзина в Царском Селе, в кругу арзамасцев. Поселившись в Петербурге по окончании лицея, А. С. Пушкин стал посещать квартиру братьев Тургеневых на Фонтанке.

В 1824 году А. И. Тургенев был отставлен от службы и летом 1825 года уехал за границу. После осуждения брата Н. И. Тургенева скитался по Европе, встречался с крупнейшими деятелями культуры, много работал в архивах, проведя обширные разыскания по русской истории.

Он не стал профессиональным историком, но наблюдения, рассказы и собранные им в архивах Европы бесчисленные материалы о России до сих пор служат подспорьем для историков. Ему не раз приходилось обращаться и к русским архивам. Весной 1837 года, вернувшись из Франции, он посетил Коллежский архив и, по его словам, был принят А. Ф. Малиновским «как старый знакомец и сослуживец весьма благосклонно» [13]. В архиве А. И. Тургеневу понадобился реестр дел французского двора, составленный еще Н. Н. Бантыш-Каменским и дополненный «ученическими руками» юных архивистов, среди которых был и он сам — Александр Тургенев.

В том же 1837 году А. И. Тургенев сопровождал в Святогорский монастырь тело убитого А. С. Пушкина.

В одно время со старшими Тургеневыми служил в архиве Дмитрий Николаевич Блудов (1785—1864); молодых архивистов сближало пристрастие к русской словесности. Пройдет два десятилетия, и Д. Н. Блудов вместе с другими членами Верховной следственной комиссии по делу декабристов приговорит брата своих друзей к смертной казни.

Д. Н. Блудов был зачислен в архив 5 июля 1802 года юнкером и через десять дней приведен к присяге «в церкви Троицкой, что на Хохловке». Тогда же в архиве был составлен его «формулярный список», которым пятнадцатилетний юнкер засвидетельствовал, что он,

сын «покойного прапорщика Николая Яковлева сына Блудова... обучась на собственном своем содержании французскому, немецкому и итальянскому языкам, истории, географии, математике и прочим наукам, определен Государственной Коллегии иностранных дел в Московский архив юнкером»[14].

Д. Н. Блудов рано лишился отца и в годы службы в архиве жил со своей матерью на Ружейной улице, близ Смоленского рынка. Рядом находился дом фельдмаршала М. Ф. Каменского, по протекции которого он и попал на службу в архив. Среди своих коллег молодой Блудов отличался необыкновенными способностями к иностранным языкам; его первым трудом в архиве явилась статья «О союзах, заключенных между государствами», написанная под наблюдением А. Ф. Малиновского и вошедшая в юношеский сборник переводов.

Биограф Д. Н. Блудова приводит любопытный случай, происшедший с графом во время службы в архиве. Дмитрий Николаевич происходил из обедневшего дворянского рода, поэтому, когда по архиву пронесся слух, будто император Павел, узнав о чрезмерном штате архива, решил некоторых чиновников разместить по полкам, Екатерина Ермолаевна Блудова решила, что увольнение коснется прежде всего ее сына. Она бросилась искать покровительства у своего родственника Наумова, друга Н. Н. Бантыш-Каменского, обратившись к нему со следующими словами: «А сын мой, кроме слез бедной своей матери, никого не имеет. Если она от горести и дух свой испустит у крыльца Николая Николаевича (Бантыш-Каменский), кто воззрит на умирающую вдову и подвигнут будет к сожалению?»[15] Слухи не подтвердились, и Д. Н. Блудов служил в архиве еще несколько лет, после чего был переведен в Коллегию иностранных дел в Петербург.

Племянник поэта Г. Р. Державина и двоюродный брат драматурга В. А. Озерова, Д. Н. Блудов с детства был близок к литературным кругам и явился одним из учредителей общества «Арзамас», получившего свое название по его сатирическому сочинению «Видение в Арзамасе». Занимая в дальнейшем высокие посты (с 1826 года товарищ министра народного просвещения, с 1832-го — министр внутренних дел), Д. Н. Блудов всегда проявлял живой интерес к архивам.

В 1827 году по поручению Николая I он отбирал на особое хранение документы по истории царской фамилии и истории освободительного движения, которые вошли затем в Секретный архив Министерства иностранных дел. В апреле 1830 года Д. Н. Блудов, просматривая архивы Военного министерства, обнаружил там «Дело пугачевское и Дело о моровой язве и бунте в Москве», находившиеся ранее среди бумаг Екатерины II.

Начало 1830-х годов — период наиболее частых встреч Пушкина с Блудовым, что было связано с занятиями поэта историей Петра I.

В своем труде «Материалы для биографии А. С. Пушкина» (Спб., 1855) П. В. Анненков писал, что поэт «с зимы 1832 года стал посвящать свое время работе в архивах, куда доступ ему был открыт еще в прошлом году. Из квартиры своей в Морской (дом Жадимеровского) отправлялся он каждый день в разные ведомства, предоставленные ему для исследований». Перечислив с большой точностью различные архивы, материалами которых пользовался Пушкин, П. В. Анненков замечает: «...с сокровищами Государственного архива он познакомился под руководством и наблюдением» графа Блудова[16]. В 1832 году, разбирая под его контролем, а также при помощи К. С. Сербиновича в Секретном архиве документы петровского времени, и в частности труднейшие для прочтения автографы Петра I, Пушкин приобрел некоторый опыт работы с архивными документами.

Д. Н. Блудов не был лишен литературного таланта. На основе архивных документов им были написаны интересные исторические очерки: «Суд над графом Девиером и его соучастниками», «О самозванцах, являвшихся при Екатерине II в Воронежской губернии», «Заговор и казнь Мировича» — о попытке подпоручика Смоленского пехотного полка В. Я. Мировича спасти из Шлиссельбургской крепости принца Иоанна Антоновича.

Д. Н. Блудов впервые оценил «Дневные записки князя Меншикова» как яркий исторический источник первой четверти XVIII века. Любимец Петра I Александр Данилович Меншиков управлял Петербургом, вел важные дипломатические переговоры, участвовал в издании книг, приглашал в Россию живописцев. По мнению Д. Н. Блудова, «сии записки (которые также до сих пор не опубликованы.— **С. Д.**) и все подобные оным старыя рукописи и остатки рукописей доставляют нам новое средство удостовериться в точности эпохи, а иногда и обстоятельств и самого свойства событий, о коих нередко историки и самые современники, не бывшие их очевидцами, рассказывают превратно, негласно с истиною»[17].

Д. Н. Блудов был близок к Н. М. Карамзину, по завещанию историографа им издан XII, посмертный том «Истории государства Российского» со всеми нужными ссылками и выписками, которые не успел сделать Н. М. Карамзин. К этому времени относится переписка

А. Ф. Малиновского с Д. Н. Блудовым о возвращении в архив взятых историографом книг.

7 мая 1829 года Д. Н. Блудов писал управляющему архивом: «Милостивый государь Алексей Федорович! Исполнив данное мне незабвенным историографом нашим поручение быть издателем XII тома «Истории государства Российского», спешу возвратить Вашему превосходительству полученные мною от Вас в прошедшем 1827 году рукописные книги: Разрядную времен царя Василия Иоанновича Шуйского, с приложением Выписки из подлинных разрядов и №№ 27, 28, 29, 30 — польских дел». Далее в письме Д. Н. Блудов выражает историку «благодарность за сообщения сия любопытных и драгоценных манускриптов» и уведомляет, что отправляет ему «вместе и оставшиеся у покойного Николая Михайловича шведские дела № 8 и 9 и польские № 26, принадлежащие Московскому архиву иностранных дел».

28 мая 1829 года А. Ф. Малиновский напомнил Д. Н. Блудову «о возвращении и других дел, которые доставлены были из архива незабвенному историографу для последних двух частей «Истории государства Российского». К письму был приложен реестр не возвращенных в архив польских и кабардинских дел.

Уточнение в переписку внес Д. В. Дашков, также прослуживший под началом А. Ф. Малиновского девять лет, а затем поступивший под начальство И. И. Дмитриева, назначенного министром юстиции; с середины 1810-х годов Дашков перешел на службу в Министерство иностранных дел. Д. Н. Блудов был близок с ним еще со времен архивной службы. «Из письма покойного историографа,— писал Д. В. Дашков А. Ф. Малиновскому 11 июня 1829 года из Санкт-Петербурга,— от 22-го апреля 1826 года видно, что, отправляя в архив большую часть бумаг и книг, он удержал у себя только немногие нужные для окончания последнего тома... Я буду просить Екатерину Андреевну Карамзину о позволении занимавшемуся при Дмитрии Николаевиче изданием XII тома коллежскому асессору Сербиновичу пересмотреть еще однажды все ящики с книгами покойного Николай Михайловича. И если помянутые дела там найдутся, то будут немедленно доставлены к Вашему превосходительству» [18]. Эти неопубликованные документы раскрывают последние страницы завершения работы над замечательной «Историей государства Российского», в которой принимали участие и помогали Н. М. Карамзину его друзья, прошедшие школу архивного дела.

К старшему поколению архивистов можно причислить и Матвея Матвеевича Сонцова (1779—1847), человека, близкого к Пушкину и знавшего его с детства (он был мужем родной тетки поэта по отцу Елизаветы Львовны).

М. М. Сонцов был близок к литературным кругам; современники отмечали любезность, мастерские рассказы Матвея Матвеевича, которыми он умел оживлять «семейный круг». Из архивных документов становятся известны новые факты его почти не исследованной биографии.

Сын богатого помещика, владевшего в Рязанской, Тульской и Тамбовской губерниях 1600 крепостными, он получил прекрасное домашнее образование и мечтал о военной карьере. 21 апреля 1787 года он был зачислен в конный полк вахмистром, довольно быстро получил звание корнета, но неожиданно в числе неугодных императору Павлу I был исключен из военной службы. Некоторое время он служил в Герольдии губернским секретарем, а затем прекрасное знание языков помогло ему поступить на службу в Коллегию иностранных дел. Это произошло 13 октября 1801 года. Через два месяца по его собственному желанию он был переведен в Москву, в Коллежский архив. М. М. Сонцов без жалования и без повышения прослужил в архиве более трех лет. 11 августа 1802 года Н. Н. Бантыш-Каменский отправил в Петербург прошение М. М. Сонцова о зачислении на службу, сопроводя его следующей рекомендацией: «Архив... считает себя обязанным отдать со своей стороны справедливость достаточным занятиям просителя, рачению его к службе и примерному поведению, и представить Государственной коллегии о нем, как о достойнейшем к награждению чином переводчика» [19].

В дальнейшем М. М. Сонцову как непременному члену Оружейной палаты пришлось вместе с А. Ф. Малиновским участвовать в описании уникальных памятников одного из первых русских музеев.

Во время своих приездов в Москву А. С. Пушкин постоянно встречался с семьей своей тетки. Известно, что в мае 1830 года, будучи женихом, Пушкин познакомил семью Сонцовых с Н. Н. Гончаровой.

В 1801 году в архиве появились, по словам их сослуживца Ф. Ф. Вигеля, и «два красавца, лет двадцати, сыновья знаменитого и чиновного человека, неоднократно прославившегося в походах Якова Ивановича Булгакова. Перед всеми своими сослуживцами братья брали первенство как в архиве, так и в обществе. Они родились в Константинополе от чужестранной матери и носили на себе отпечаток Востока».

Поразительно похожи составленные при поступлении в архив формулярные списки

Булгаковых. Братья-погодки Александр (1781—1863) и Константин (1782—1835) Булгаковы вместе обучались в училище Святого Петра в Петербурге, с 1789 года числились на военной службе в лейб-гвардейском Преображенском полку. В 1796 году «по знанию французского, немецкого языков, истории, географии» Булгаковы были определены в Коллегию иностранных дел, а затем в московский архив (9 июня 1798 года). В библиотеку архива вновь поступившие молодые люди подарили переведенные их отцом 27 томов книги Жозефа де Ла Порта «Всемирный путешествователь»[20].

В дальнейшем жизненные пути братьев все-таки разошлись. Младший, Константин, стал видным дипломатом, а затем директором Петербургского почтового департамента. Старший брат Александр, служивший после 1802 года по дипломатической части, в 1809 году в связи с болезнью отца вернулся в Москву и снова был причислен к архиву.

Таким образом, братья оказались в разных городах и узнавали друг о друге из писем. Сохранившаяся и опубликованная в конце XIX века в «Русской старине» их переписка касается кроме семейных дел всех важнейших событий, происходивших в начале века в Петербурге и Москве и, в частности, что особенно ценно, в Коллежском архиве.

Издатель журнала П. И. Бартенев, публикуя эту, по его словам, бытовую хронику, представил братьев Булгаковых как «наиболее образованных тогдашних людей», в чьих письмах «сохранились теплота впечатлений и минувшая жизнь отразилась наглядно»[21]. Булгаковы прежде всего — близкие знакомые семьи Пушкиных: из письма 31 октября 1811 года Александра известно, что дом Булгаковых в Немецкой слободе нанял Сергей Львович Пушкин[22]; в 1831 году в Петербург пришло от него известие: «Сегодня свадьба Пушкина наконец. С его стороны посажеными Вяземский и гр. Потемкина, а со стороны невесты Ив. Ал. Нарышкин и А. П. Малиновская»[23].

Архив постоянно присутствует в переписке Булгаковых. Нужно признать, что отношение к архивному делу у братьев было разное. Сделавший уже карьеру дипломата, прикомандированный к русской миссии в Вене, младший Булгаков был озабочен карьерой брата, так как считал, что служба в архиве не принесет быстрого успеха.

«Я совершенно с батюшкой согласен,— писал Константин Булгаков Александру 10 февраля 1809 года из Вены,— что службу покидать не надобно, но не вижу, чтобы в архиве для тебя была малейшая польза служить. Занимавшись важнейшими делами, мудрено посвятить себя развертыванию столбцов. Неужели не найдется в Москве места выгоднейшего?»[24]

Место вскоре нашлось, и Александр Булгаков, не увольняясь из Коллегии, был прикомандирован к канцелярии главнокомандующего Москвы Ф. В. Ростопчина. А тот, кто так скептически отнесся к занятиям в архиве, в дальнейшем должен был воспользоваться его богатейшими материалами для своих сочинений о Турции.

Интерес к этой теме у Булгаковых не был случаен: в этой стране, как уже говорилось, братья родились, здесь разделили со своим отцом заключение в Едикуле (Семибашенном замке) в Константинополе. В 1807 году Константин Булгаков сопровождал вице-адмирала Д. Н. Сенявина во время его плавания в Средиземном море и в день битвы с турецким флотом при Афонской горе «находился в огне», за что был награжден орденом.

В 1821 году Константин Булгаков получил из Москвы от А. Ф. Малиновского подробное описание дел Турецкого двора; по этому поводу Александр писал брату, что «бедный [Малиновский] глаза потерял от этой выписки... Ежели составятся такие же выписки прочим дворам, как и Турецкому, то будем иметь прекрасный исторический и дипломатический документ, делающий честь нашему архиву...» И далее автор письма отдает должное многосторонней деятельности А. Ф. Малиновского: «Надобно признаться, что он трудолюбив: имея Сенат, больницу (т. е. Шереметевский Странноприимный дом, где А. Ф. Малиновский и жил, согласно комментарию П. И. Бартенева.— **С. Д.**), грамоты Румянцевские, успевает еще делать полезные выписки»[25].

К обзору Турецких дел А. Ф. Малиновский составил указатель — «алфавит,— поясняет А. Я. Булгаков,— как во «Всемирном путешественнике»...» Отдает он должное деятельности А. Ф. Малиновского и по реставрации старых палат дьяка Украинцева (где помещался архив в то время), несмотря на небольшую сумму (40 000 руб.), отпущенную Коллегией. «Наш архив всегда отличался порядком,— писал 27 июня 1822 года Александр Булгаков брату.— Внутри все заново: двери, полы, рамы — все хорошо расписано. В библиотеке шкафы новые, красного дерева; везде вкус и опрятность. Лестницу узнать нельзя: сделалась прекрасна, и все это мастерил Азанчевский — молодой человек, тут же в архиве служащий. Будешь в Москве, то узнаешь разве один только глобус, стоящий над крыльцом, а то все ново. Хорошо сделали, что сохранили дому старинную его наружность»[26].

В 1827 году Александр Яковлевич сообща-

ет брату о смерти служившего в архиве Дмитрия Владимировича Веневитинова, четвероюродного брата А. С. Пушкина. Знакомство поэтов, начавшееся еще в детстве, возобновилось в сентябре 1826 года в Москве через С. А. Соболевского, также служившего в архиве[27]. Д. В. Веневитинов был душою философского кружка «любомудров», к которому принадлежали В. Ф. Одоевский, А. И. Кошелев, И. В. Киреевский, Н. М. Рожалин. А. С. Пушкин ценил и Веневитинова, и его друзей и согласился принять самое деятельное участие в организуемом ими журнале, который было решено назвать «Московский вестник».

Ценил молодого сотрудника архива и А. Ф. Малиновский. «Вчера был у нас Малиновский и сидел более часу. Очень и он, и все жалеют о преждевременной кончине бедного Веневитинова. Прекрасный был молодой человек... Все архивские товарищи, любившие покойного, плачут, как о брате»,— читаем в письме А. Я. Булгакова от 23 марта 1827 года[28]. Александр Булгаков, как никто другой из архивных юношей, долгое время был связан с архивом и по своей служебной деятельности и прочными связями с коллегами — архивными юношами первого и второго поколения[29].

В переписке братьев Булгаковых промелькнуло имя Павла Матвеевича Азанчевского (1789—1866), библиотекаря московского архива. Интересно, что П. М. Азанчевский был в числе архивных служащих, приглашенных на свадьбу А. С. Пушкина, выполнял роль «поручителя за невесту» Н. Н. Гончарову при венчании. Факты его биографии почти неизвестны, а между тем архивные документы рассказывают, что происходил И. А. Азанчевский из обедневшей дворянской семьи (его отец Матвей Антонович назывался Азначеев и крепостных за собой не имел). В коллегию юноша был определен 4 января 1805 года «по знанию немецкого и французского языков и разных наук». В грозные годы Отечественной войны он был по своей просьбе отпущен в Московское военное ополчение, где состоял в 6-м пехотном полку полковым адъютантом. «И по увольнении его и усердии в исполнении разных препоручений и о бытии его в сражении 26 августа против французов за Можайском при Бородине явился в архив 1813 августа 5; получил серебряную медаль за участие в военных действиях против неприятеля»[30],— записано в документах канцелярии архива.

Занимаясь пополнением книгохранилища посольского приказа, П. М. Азанчевский вместе с А. Ф. Малиновским много сил приложили к тому, чтобы библиотека МГАМИД стала уникальным собранием редких книг и древнейших рукописей и получала в дар ценнейшие коллекции.

Заканчивая рассказ о юношах, поступивших в архив на рубеже двух столетий, нельзя не упомянуть еще раз Ф. Ф. Вигеля. В архиве он сблизился с Д. Н. Блудовым, Д. В. Дашковым и братьями Тургеневыми. В «Записках» Ф. Ф. Вигеля есть и воспоминания о А. С. Пушкине. Они познакомились вскоре после окончания Пушкиным лицея; оба были членами литературного общества «Арзамас». Несомненно, что Ф. Ф. Вигель, так верно подметивший различные типы юношей, служивших в архиве, мог поведать о них А. С. Пушкину во время их встреч.

Из старшего поколения архивистов А. С. Пушкин был знаком также с Иваном Алексеевичем Мусиным-Пушкиным (1783—1836), участником Отечественной войны, служившим в архиве с 1799 по 1804 год[31].

В «Современнике» А. С. Пушкина сотрудничал князь Петр Борисович Козловский (1783—1840), начавший свою карьеру дипломата также в Коллежском архиве[32] в 1799 году[32]. Два года (1807—1808) служил в архиве Дмитрий Петрович Северин (1792—1865), встречавшийся с А. С. Пушкиным в петербургских литературных кругах и в Одессе[33]. С 1801 по 1806 год значится в списках архива имя князя Александра Яковлевича Лобанова-Ростовского[34], также хорошо знавшего поэта и предполагавшего издать сборник его стихотворений в Париже. Павел Петрович Свиньин (1787—1839) был рекомендован в архив в 1805 году князем Адамом Чарторыйским[35] и на всю жизнь сохранил любовь к отечественным реликвиям, став в дальнейшем известным коллекционером древностей. П. П. Свиньин сохранил на долгие годы дружбу с А. Ф. Малиновским, опубликовав в своем журнале «Отечественные записки» многие его исторические сочинения; в этом же журнале были опубликованы хвалебные отзывы о «Евгении Онегине» А. С. Пушкина.

Наступило время рассказать о замечательном ученике А. Ф. Малиновского, выдающемся археографе и профессиональном архивисте Павле Михайловиче Строеве (1796—1876), пришедшем в архив в 1816 году.

П. М. Строев родился в Москве в 1796 году; по обычаю того времени девяти лет он был записан в Московское губернское правление губернским регистратором.

Вместе с братом Александром Павел Строев обучался в частном пансионе Виллера, а затем в Московском университете. Еще будучи студентом, в 1813 году он представил в цензуру «Краткую российскую историю в пользу юношества», посвященную Обществу истории

и древностей российских. В 1812 году во время нашествия французов семья Строевых уехала в Рязань, где они прожили до 1813 года. В этот год П. М. Строев был переведен из Московского губернского правления в Московское губернское соляное комиссионерство, а в 1814 году рекомендован графу Н. П. Румянцеву. В 1815 году по предложению Румянцева Строев становится главным смотрителем Комиссии печатания грамот и договоров; в течение четырех последующих лет по заданию Румянцева он предпринимает обследование и описание библиотек подмосковных монастырей и издает часть найденных в них памятников: Софийскую Новгородскую летопись и Судебники 1497 и 1550 годов, последняя публикация подготовлена им совместно с К. Ф. Калайдовичем.

14 августа 1816 года в Иностранной коллегии слушалось дело о «принятии в ведомство сей Коллегии с причислением к оному архиву губернского секретаря из дворян Павла Строева, представившего о учении своем университетский аттестат»[36]. По случаю зачисления Строева в архив А. Ф. Малиновский, уже сумевший оценить способности молодого сотрудника, послал ему поздравление: «Любите меня и будьте такой усердный к службе всегда, как теперь; а что только зависит от меня, я рад и готов к удовольствию Вашему сделать»[37].

Определившись в архив, П. М. Строев, по справедливому замечанию ученого И. И. Срезневского, вступил на «тернистый, менее видный, но более полезный путь исследований, отысканий и разработки памятников и остался на нем навсегда»[38]. Впереди на десятилетие предстояла совместная работа двух историков по организации археографических экспедиций для спасения памятников русской культуры...

Что касается учеников и молодых коллег А. Ф. Малиновского, работавших с ним в архиве в 20—30-е годы XIX века, то все они были друзьями или близкими знакомыми А. С. Пушкина. Возвращение А. С. Пушкина в Москву из михайловской ссылки в сентябре 1826 года было воспринято современниками как важнейшее событие в жизни общества. В первые недели, проведенные в Москве, Пушкин с радостью встречался с родными, друзьями и знакомыми. Сергей Александрович Соболевский (1803—1870), с которым поэт увиделся в первый же день своего приезда, принадлежал к числу его давних приятелей. Через брата Пушкин познакомился с ним в 1818 году, но ближе сошлись они по приезде Пушкина в Москву в 1826 году.

С. А. Соболевский получил хорошее домашнее воспитание и в 1817 году был определен в Благородный пансион при Главном педагогическом институте в Петербурге, где учился в одном классе со Львом Пушкиным. В 1821 году С. А. Соболевский был выпущен из пансиона и сразу подал прошение в Иностранную коллегию о зачислении его в московский архив.

Однако решение коллегии задерживалось, и тогда С. А. Соболевский второе прошение, минуя коллегию, подал в архив А. Ф. Малиновскому: «Сентября 12-го дня минувшего 1821 года,— писал он,— послал я чрез Санктпетербургскую почту в Государственную коллегию иностранных дел прошение о принятии меня в службу оной Коллегии и приложил в подлинниках два аттестата, данных мне от Могилевского губернского предводителя на дворянское происхождение и из правления Благородного пансиона Санктпетербургского университета на изучение мною предписанных там наук, также свидетельство из онаго ж пансиона на чин двенадцатого класса. А как более шести месяцев не воспоследовало на просьбу мою решение, то осталось в неизвестности...»

Здесь следует напомнить о происхождении С. А. Соболевского, который был побочным сыном знатного вельможи А. Н. Соймонова и вдовы А. И. Лобковой, внучки обер-коменданта Петербурга С. Л. Игнатьева. Судьбы свои родители его так и не соединили, хотя и прожили многие годы на одной улице в Москве — Малой Дмитровке. Они выбрали своему сыну польский герб (слепой ворон) и купили дворянское звание (отсюда упомянутое в прошении С. А. Соболевского свидетельство на дворянское звание, полученное им из Могилева).

Прошение С. А. Соболевского было принято 24 апреля 1822 года с резолюцией А. Ф. Малиновского — испытать его в знании иностранных языков. 27 апреля архив засвидетельствовал Иностранной коллегии, что С. А. Соболевский оказался «довольно сведущим в греческом, латинском, французском, немецком, английском, италианском и испанском» и передал об «усердном его желании вступить в службу». 5 июля 1822 года в связи с зачислением в архив С. А. Соболевский был приведен к присяге[39].

Служба в архиве способствовала сближению Соболевского с Д. В. Веневитиновым, братьями Киреевскими, В. П. Титовым, принадлежавшими к литературному кружку «архивных юношей», о которых упоминает в своих записках один из них — А. И. Кошелев: «Архив прослыл сборищем «блестящей» московской молодежи, и звание «архивного юноши» сделалось весьма почетным, так что впослед-

ствии мы даже попали в стихи начинавшего тогда входить в большую славу А. С. Пушкина».

О том, что выражение «архивные юноши» придумано С. А. Соболевским, свидетельствует сам поэт в черновом варианте «Опровержения на критики»: «А (шутка) неправильное выражение Архивны юноши принадлежит не мне, а приятелю моему Соболевскому»[40].

Блестяще образованный, наделенный поразительной памятью и острым умом, С. А. Соболевский, по свидетельству современников, вел рассеянный образ жизни, службой пренебрегал и в архиве только числился. А. Я. Булгаков сообщал брату в Петербург 23 мая 1828 года: «Завтра призываем мы в архив молодца Соболевского объявить, чтобы подавал в отставку: рапортуется больным, а бывает на всех гуляньях и только что не живет на улице»[41].

Инцидент этот нашел отражение и в канцелярских делах архива. 13 февраля 1828 года А. Ф. Малиновский послал архивного лекаря Ивана Цемшу на квартиру С. А. Соболевского («состоящую на Кузнецком мосту в доме Всеволожского») «освидетельствовать его (С. А. Соболевского.— **С. Д.**), какая болезнь не допускает его долгое время явиться в архив». Однако служитель, как докладывал И. Цемшу, в дом его не пустил, объявив, что хозяин отсутствует. Еще несколько раз безрезультатно посылал А. Ф. Малиновский к С. А. Соболевскому чиновников с ордерами «О непременной явке в архив»[42], но тот к службе так и не приступил.

Расплатившись с долгами, С. А. Соболевский с разрешения Иностранной коллегии 18 октября 1828 года отправился в первую европейскую поездку, в которую он первоначально собирался вместе с Пушкиным. У Соболевского Пушкин, ценивший его литературный вкус и критическое чутье, впервые 10 сентября 1826 года читал «Бориса Годунова» в тесном кругу литературных друзей и архивных юношей. На чтение запиской был приглашен переводчик архива Владимир Алексеевич Муханов (1805—1876). Удалось обнаружить только одно дело о его пребывании в архиве (за 1823 год)[43]; из опубликованной переписки его с братьями видно, что он продолжал служить в архиве и в 1824 году, занимаясь по заданию А. Ф. Малиновского изучением грузинских дел, из которых он делал извлечения и переводы[44].

Другой «архивный юноша» — Владимир Павлович Титов (1807—1891)[45] слушал чтение «Бориса Годунова» на вечере, который состоялся в доме Веневитиновых 12 октября 1826 года. В. П. Титов родился в родовом поместье Титовых селе Новиках Спасского уезда Рязанской губернии. В Благородном пансионе при Московском университете он посещал лекции не только по предметам, для него обязательным: историко-филологическим, юридическим и философским, но и курсы медицинских и естественных наук. В 17 лет он был зачислен в московский архив, и в декабре 1823 года был принят А. Ф. Малиновским у него дома — в квартире главного смотрителя Странноприимного дома графа Шереметева.

В. П. Титов входил в литературный кружок, его друзьями были братья Киреевские, князь В. Ф. Одоевский, А. И. Кошелев, М. П. Погодин; он посещал салон княгини Зинаиды Александровны Волконской и видел там А. С. Пушкина и А. Мицкевича.

В 1828 году В. П. Титов переехал в Петербург, где служил в Азиатском департаменте и жил у своего дяди Д. В. Дашкова, также бывшего архивиста. О своих частых встречах с Пушкиным В. П. Титов сообщал в письмах к М. П. Погодину.

Слушали той осенью в Москве «Бориса Годунова» и братья Киреевские — Иван Васильевич (1806—1856) и Петр Васильевич (1808—1856). Рано потеряв отца, погибшего на войне 1812 года, братья Киреевские остались на попечении матери Авдотьи Петровны, урожденной Юшковой, известной переводчицы, друга и помощницы В. А. Жуковского. В 1817 году она вторично выходит замуж — за А. А. Елагина. После их переезда в Москву, с начала 20-х годов дом Елагиных у Красных ворот становится одним из литературных центров.

В Москве Иван Киреевский начал учиться латыни и греческому языку, занимался у профессоров Московского университета. Одно время некоторые уроки он брал вместе с А. И. Кошелевым. С этих пор начинается их дружба на всю жизнь; они оба выдержали экзамен и поступили в архив (1824) «под просвещенное начальство (как отметил биограф И. В. Киреевского.— **С. Д.**) Алексея Федоровича Малиновского»[46].

В 1828 году И. В. Киреевский получает чин переводчика, а через год увольняется из архива. Он автор статьи «Нечто о характере поэзии Пушкина» (1828) и критических разборов «Полтавы» и «Бориса Годунова» (1829, 1831). Пушкин ценил И. В. Киреевского как критика и журналиста и возлагал большие надежды на его журнал «Европеец» (1832), который, однако, был запрещен на втором номере цензурой.

П. В. Киреевский в 1832 году также начал службу в московском архиве. В послужном списке значится: «Студент Петр Киреевский, переводчик младший. Сын секунд-майора Василья Ивановича Киреевского. Обучался на

родительском иждивении разным языкам и наукам»; с 24 апреля 1833 года П. В. Киреевский становится переводчиком 1-го отделения [47].

Еще будучи в архиве, Петр Киреевский стал известен как собиратель русских песен. 12 октября 1832 года он сообщил Н. М. Языкову о пребывании Пушкина в Москве и намерении поэта «как можно скорее издавать русские песни, которых у него собрано много». Позднее Пушкин отказался от своего замысла и, передав через С. А. Соболевского П. В. Киреевскому пачку листков — им самим записанных песен, посоветовал: «Когда-нибудь от нечего делать разберите-ка, которые поет народ и которые смастерил я сам». «И сколько ни старался я разгадать эту загадку,— признавался потом Киреевский,—никак не мог сладить».

По словам П. В. Киреевского (в записи П. И. Бартенева), «Пушкин с великой радостью смотрел на труды Киреевского, перебирал с ним его собрание, много читал из собранных им песен и обнаруживал самое близкое знакомство с этим предметом».

Знакомство Степана Петровича Шевырева (1806—1864) с Пушкиным также состоялось в Москве, после возвращения поэта из ссылки: С. П. Шевырев слушал «Бориса Годунова» в чтении Пушкина у С. А. Соболевского и у Веневитиновых; тогда же и произошло их знакомство.

С. П. Шевырев родился 18 октября 1806 года в Саратове, где отец его долгие годы исполнял обязанности губернского дворянского предводителя. В 1818 году, получив основательное домашнее образование, Степан Шевырев был помещен в Московский университетский Благородный пансион. Аттестат университета, который он представил при поступлении в архив 3 декабря 1823 года, свидетельствовал, что студент «в бытность свою на публичных актах был награжден золотой медалью» [48].

На университетских экзаменах присутствовал А. Ф. Малиновский, который сразу оценил способности студента (не случайно в архиве работало столько выпускников Московского университета: А. Ф. Малиновский обычно посещал экзамены и приглашал в архив наиболее способных, на его взгляд, студентов). Архив, проэкзаменовав Шевырева, также нашел «сего молодого человека по основательному знанию греческого, латинского, немецкого и французского языков и разных наук к дипломатической службе весьма способным».

Служба в архиве сблизила молодых людей, вскоре составивших не раз упоминавшееся уже нами «Общество любомудров». «Немецкая философия, особенно Шеллингова, сочинения немецких эстетиков и критиков, произведения немецкой словесности принадлежали к числу любимых его занятий»,— писал в автобиографии о себе в третьем лице Шевырев [49].

Теми же философскими и литературными интересами жили и другие «любомудры» — прежде всего Д. В. Веневитинов, В. Ф. Одоевский, А. С. Хомяков, братья Киреевские, Н. А. Мельгунов, В. П. Титов и другие.

После известия о декабрьском восстании заседания кружка были прекращены. Однако почти все его участники поддерживали между собой тесные отношения, а главное, соединили свои усилия в общих литературных предприятиях.

С конца 1827 года С. П. Шевырев являлся фактическим руководителем «Московского вестника» и основным теоретиком «любомудров»; его поэтическое творчество и критические статьи пользовались поддержкой Пушкина. 9 июля 1828 года он перевелся на вакансию «библиотекарского помощника», и в этом же году уволился из архива.

Многие «архивные юноши», не оставляя службы, усиленно занимались литературной и журналистской деятельностью. Это относится и к «любомудру» Николаю Александровичу Мельгунову (1804—1867), начавшему в 1823 году издавать в Москве журнал «Журналист».

Об этом свидетельствует сохранившееся в бумагах архива отношение Московского цензурного комитета в архив от 19 декабря 1832 года о разрешении министра народного просвещения издавать Н. А. Мельгунову журнал и о его желании изменить название издания [50]. В дальнейшем Н. А. Мельгунов сотрудничал в «Московском наблюдателе», куда приглашал и Пушкина (с поэтом он, видимо, был знаком со времени совместной учебы с его братом Львом в Благородном пансионе).

В 1831 году стал главным смотрителем Комиссии печатания государственных грамот и договоров и помощником А. Ф. Малиновского по изданию древних рукописей Дмитрий Николаевич Свербеев (1799—1874). В этом же году был составлен его послужной список, который дает дополнительные сведения к его малоизвестной биографии. Окончив Московский университет, с 5 декабря 1810 года Д. Н. Свербеев начал служить в канцелярии Московского гражданского губернатора губернским регистратором. В 1823 году он был принят в ведомство Иностранной коллегии и направлен в Швейцарскую миссию сверх штата, 22 января 1827 года был перемещен в московский архив и отмечен «как весьма способный и к повышению чинов достойный служащий» [51]. Д. Н.

Свербеев известен как московский знакомый Пушкина. В его салоне собирались литераторы и общественные деятели: А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, А. И. Тургенев, П. Я. Чаадаев, Н. М. Языков, позднее представители славянофилов и западников. Из переписки современников известно, что Д. Н. Свербеев, работая в архиве, серьезно занимался изучением эпохи Петра I.

С 1822 года с перерывами служил в архиве знакомый Пушкина и его жены Иван Петрович Озеров (1806—1880). 26 июня 1834 года в архив пришла депеша из Иностранной коллегии с уведомлением о том, что «прибывший сюда курьером состоящий при Берлинской миссии коллежский асессор Озеров, не отчисляя его от службы, командирован для занятий... по делам службы в Московский Главный архив» [52].

Любопытно, что одного из знакомых Пушкина друзья называли «архивный князь». Это был князь Платон Алексеевич Мещерский (1805—1889), начавший служить в архиве с 30 июля 1821 года. В 1826 году в звании камер-юнкера он находился «при описи дел и для сочинения сношений России с Персией» [53]. 21 марта 1829 года А. С. Пушкин, П. А. Мещерский и Ф. Ф. Вигель провели вечер у А. Я. Булгакова, о чем последний сообщал брату: «Вчера провели мы очень приятно вечер дома. Давно к нам просится поэт Пушкин в дом... Были тут еще Вигель и наш архивный князь Платон Мещерский...» [54]

В 1832 году в архив был принят брат декабриста С. П. Трубецкого Никита Петрович (1804—1855), петербургский знакомый Пушкина [55].

Во второй половине декабря 1831 года Пушкин познакомился с сыном знаменитого археографа Н. Н. Бантыш-Каменского Дмитрием Николаевичем, служившим в архиве с 1801 по 1814 год. В 1834—1835 годах между ними завязалась переписка в связи с работой Пушкина над «Историей Пугачева», для которой Д. Н. Бантыш-Каменский предоставил ему кроме биографии Е. И. Пугачева и П. И. Панина еще примерно 20 кратких биографий разных лиц. Все эти биографические справки, составленные по документам МГАМИД, Д. Н. Бантыш-Каменский приготовил для своего пятитомного справочника «Словарь достопамятных людей русской земли», первое издание которого вышло в свет в 1836 году в Москве.

Нельзя не упомянуть и об архивисте, ставшем в дальнейшем поэтом, музыкальным критиком, композитором. Дмитрий Юрьевич Струйский (1806—1856) доводился двоюродным братом поэту А. И. Полежаеву: Струйский был незаконным сыном помещика Юрия Струйского, А. И. Полежаев — его брата Леонтия.

Д. Ю. Струйский родился в сентябре 1806 года в селе Рузаевка Инсарского уезда Пензенской губернии; в отличие от Полежаева он сызмальства находился при отце и получил подобающее барскому сыну воспитание. В 1818 году Ю. Н. Струйский узаконил свой брак с матерью Дмитрия, после чего пятнадцатилетний юноша поступил в Московский университет. За три года он прошел курс наук, преподаваемых на нравственно-политическом отделении. Аттестат, представленный Д. Ю. Струйским в архив, говорил о блестящих способностях молодого человека. Поражает широта его интересов: ему удалось прослушать лекции и на других отделениях университета — словесном, российского красноречия, всеобщей и российской географии, хронологии, генеалогии, нумизматики, геральдики, физико-математическом... За сочинение «Рассуждения по отделению нравственно-политических наук» Д. Ю. Струйский получил серебряную медаль. В архиве имеется послужной список семнадцатилетнего юноши. Из него видно, что к 1823 году он лишился отца и владел вместе с «родительницей» и «обще с братьями и сестрами» в Симбирской губернии 250 крепостными.

Д. Ю. Струйский прослужил в архиве три года и в 1826 году подал прошение об увольнении в связи с определением в Министерство народного просвещения. Необыкновенно трогательно звучит его письмо к А. Ф. Малиновскому, которому при прощании он отдает дань глубокого уважения за его справедливость и уважение к ученикам. В письме Струйский, в частности, пишет: «Необходимость заставила меня оставить службу в Московском архиве и лишиться в Вас начальника, к которому я всегда должен сохранить в душе моей глубокое почтение. Удостойте принять еще мою благодарность за внимание и снисхождение, которые Вы мне сделали. Не имея покровительства, никем не бывши Вам представлен, я имел у Вас права наравне с моими товарищами, кроме только тех, которые своими делами отличались и которым Вы отдавали всегда должную справедливость» [56].

Известно, что старший брат жены Пушкина Дмитрий Николаевич Гончаров (1808—1860) после окончания Московского университета был причислен к Иностранной коллегии. Но то, что службу он начал в московском архиве, было уточнено по архивным документам только сейчас.

29 июля 1825 года в московский архив пришла «канцелярская цидула» за подписью начальника отделения А. М. Худобашева: «Дво-

рянин Дмитрий Гончаров по прошению его определен 28 сего месяца в ведомство Коллегии актуариусом с причислением к сему архиву. Вследствие чего по приказанию Коллегии предоставляется архиву прислать означенного Гончарова к присяге, взяв с него надлежащую подписку о масонстве».

11 августа 1825 года в церкви Живоначальныя Троицы, что на Хохловке, актуариус Дмитрий Гончаров принял присягу [57].

Сохранилось несколько послужных списков Д. Н. Гончарова; в первом он перечисляет обширные имения своего деда Афанасия Гончарова (где находилось 3843 души крепостных); во втором, 1834 года, приводится весь его послужной список для представления в Московское депутатское собрание: «Титулярный советник в звании камер-юнкера Дмитрий Гончаров. Переводчик старший... от роду 25 год. Из дворян, сын коллежского асессора Николая Афанасьевича Гончарова... По знанию разных наук определен в Государственную Коллегию Иностранных дел актуариусом причислением к Московскому архиву 28 июня 1825 года, перемещен оттуда к делам Коллегии 28 июля 1828 года... 27 апреля 1829 года прикомандирован к отправленному временно в Тавриз генерал-майору князю Долгорукову...» [58]

Из путешествия в составе русской миссии в Персию (где он разбирал вещи погибшего Грибоедова) Д. Н. Гончаров возвратился в Москву 12 марта 1831 года. Здесь он присутствовал на свадьбе своей сестры. 16 января 1833 года по предписанию вице-канцлера он был возвращен на службу в московский архив.

На этом мы заканчиваем маленькую энциклопедию представителей русской интеллигенции XIX века, начавших свой путь в стенах архива, с дружеского и мудрого напутствия А. Ф. Малиновского. Но рассказ об этой замечательной плеяде ученых архивистов был бы не полон, если не сообщить о том, как в архиве пережили трагические декабрьские события 1825 года. Сохранился список чиновников архива за 1826 год [59]. Никто из перечисленных в списке за 1826 год служащих не был арестован после восстания 14 декабря 1825 года, но обстановка в архиве была тревожная. У многих были арестованы родственники, друзья, знакомые... Лучше всех передает отношение «архивных юношей» к событиям того времени служивший в архиве до сентября 1826 года А. И. Кошелев: «Никогда не забуду потрясающего действия, которое произвели на нас известия о 14 декабря. Хотя уже знали, что император Александр I скончался, что скрывали его смерть, что в Петербурге, в правительственной сфере происходили толки и переговоры и что в обществе было сильное волнение; однако известия об явном бунте нас сильно поразили: слова стали переходить уже в дела». Далее Кошелев рассказывает, что в промежуток времени между получением известия о смерти Александра I и восстанием на Сенатской площади он со своими друзьями из архива часто собирался у его родственника М. М. Нарышкина, в дом которого стекались слухи и достоверные известия из Петербурга. «Предложениям и прениям не было конца,— замечает Кошелев,— а мне, юноше, казалось, что для России уже наступал великий 1789 год». На одном из тех вечеров восемнадцатилетний Кошелев слушал приехавшего из Петербурга К. Ф. Рылеева.

В первых числах декабря по указу Сената в Москве присягнули императору Константину, и десять дней после этого все просьбы в Сенат подавались на его имя. Иначе проходила присяга императору Николаю Павловичу: в городе были приняты чрезвычайные меры; в соборе присягали одни сенаторы и высшие чиновники, прочие служащие присягали особо по каждому ведомству.

Вот как, по воспоминаниям А. И. Кошелева, это происходило в архиве. Ночью были разосланы повестки, и к 11 часам взволнованные архивисты собрались для принятия присяги. «Наш добрый начальник А. Ф. Малиновский был в крайнем смущении и испуге. По распоряжению свыше военный караул при архиве был утроен... Воображали, кажется, что архивные юноши произведут подражание петербургскому возмущению. Но у нас все прошло самым спокойным образом, и только Соболевский в шутку, вполголоса, при парном нашем шествии в церковь (приходскую, Троицы Хохловки, в Хохловском переулке.— **С. Д.**) вполголоса пропел Марсельезу» [60].

Вскоре начались аресты, из Москвы увезли М. М. Нарышкина, В. С. Норова, М. А. Фонвизина. Друзья А. И. Кошелева также «желали быть взятыми и тем стяжать и известность и мученический венец».

В январе, во время ежедневных арестов, было объявлено о траурной церемонии в связи с провозом через Москву тела покойного императора Александра I. А. Ф. Малиновский был нездоров, получив известие о кончине графа Н. П. Румянцева, и отказался присутствовать на церемонии; хотя долг свой выполнил и подготовил дела, описывающие погребение Иоанна Алексеевича, Петра Великого, Анны Иоанновны. Выделенных архивом А. Я. Булгакова, А. П. Глебова, Д. П. Глебова, С. Ф. Соковнина нарядили в мундиры и отправили дежурить в Архангельский собор.

23 марта в архив поступило требование о

взятии подписки с воинских и гражданских чинов, что они ни к каким тайным обществам принадлежать не будут.

В связи с предстоящей в Москве коронацией 15 апреля Алексей Федорович получил предписание московского коменданта Николая Веревкина «дабы во время пребывания здесь государя императора не было ни малейшего безобразия на караулах...». Приказано было произвести срочный ремонт в караульной будке и сменить стол для письменных дел [61].

А. Ф. Малиновский был знаком со многими членами тайных обществ декабристов, в Москве знали об аресте мужа его племянницы барона А. Е. Розена (в личных бумагах управляющего архивом сохранился «Доклад Верховного суда по делу декабристов» и выписка из него о бароне Розене) [62]. В мае на Малиновского поступил донос служащих при архиве инвалидов Д. Медведева и М. Крутикова о том, «что главный над Конторой совещается по ночам истребить императорскую фамилию». По указу царя была назначена специальная комиссия по расследованию «нелепых слухов»; А. Ф. Малиновский вынужден был написать Николаю I оправдательное письмо. 19 августа Медведев и Крутиков были высланы из Москвы в Тамбов, но А. Ф. Малиновский также пострадал. Его близость к декабристским кругам была одной из причин его отставки от дел главного смотрителя Странноприимного дома. Об этом имеется намек в письме от 2 октября 1826 года бывшего в эти дни рядом с А. Ф. Малиновским А. Я. Булгакова в Петербург брату: «Малиновскому шепнули оставить Шереметевскую больницу». В других его письмах за этот год не раз мелькают догадки о возможной отставке А. Ф. Малиновского.

В ЦГАДА хранится неопубликованная переписка А. Ф. Малиновского с В. А. Жуковским. 24 июля 1831 года историк писал поэту: «Вы же за пять лет пред сим предупредили в мою пользу Е. И. В. великую княгиню Елену Павловну (супруга великого князя Михаила Павловича.— **С. Д.**). Все это похоже на того праводушного Василия Андреевича, которого я прежде знавал и видел у незабвенного добротою и умом Карамзина» [63]. Пять лет тому назад, то есть в 1826 году, В. А. Жуковский — известный заступник перед престолом за многих, видимо, сумел помочь и Малиновскому.

В заключение обратим внимание читателя еще на один документ. К своему оправдательному письму Николаю I в 1826 году Малиновский приложил список своих учеников, занимавших к тому времени важные государственные посты. Список предваряло утверждение о том, что ни один служащий в архиве не был в числе «злоумышленников». А. Ф. Малиновский ошибался — в то время он не знал, что столь уважаемого им бывшего «архивного юношу» Николая Ивановича Тургенева уже заочно приговорили к смертной казни. Он внес его имя в список, а далее вынужден был вычеркнуть карандашом. Список был опубликован историком С. А. Белокуровым в 1899 году.

ГЛАВА IV

СПАСЕННЫЕ СОКРОВИЩА

1 января 1812 года Алексей Малиновский и переводчик архива Константин Татищев присутствовали на новогоднем «благодарственном молебствии» императору Александру I. Вскоре Малиновский по ходатайству графа Н. П. Румянцева получает отпуск на 28 дней и уезжает в Петербург [1]. В этот год он лишился отца, а его брат Василий Федорович — супруги, поездка в столицу была связана с этими печальными событиями.

Открывшиеся в ночь на 12 июня 1812 года военные действия нарушили мирную жизнь архива. 6 и 18 июля 1812 года в правительственных манифестах был объявлен набор в народное ополчение по 16 губерниям. Наибольшее количество ополченцев выставила Москва и Московская губерния, где на 100 душ мужского населения приходилось 10 ополченцев.

Патриотический подъем охватил все слои населения. В числе первых ратников Московского ополчения были В. А. Жуковский, П. А. Вяземский, С. Н. Глинка и другие. Призыв к вступлению в ополчение нашел широкий отклик и у «архивных юношей».

6 июня переводчика А. Д. Олсуфьева велено было отрядить к главнокомандующему 2-й Западной армии генералу от инфантерии князю П. И. Багратиону для иностранной переписки. 18 июля надворный советник Александр Булгаков был переведен на службу в канцелярию к московскому главнокомандующему графу Ф. В. Ростопчину [2]. С конца июля чинов-

ники архива стали подавать просьбы об увольнении «на время от дел архива для вступления во временное ополчение Московских внутренних сил». 14 августа «канцелярская цидула» Коллегии иностранных дел разрешила архиву впредь увольнять в ополчение «желающих и служащих без жалования, без коих обойтись может»[3]. В конце августа в архиве осталось всего 19 человек.

После взятия французами Смоленска Москва час от часу пустела. «Какое жалостное зрелище представляла Москва в последние дни августа,— восклицает очевидец событий.— Тысячи повозок тянулись с ранеными...»[4] Новинский и Смоленский бульвары были заставлены телегами с раненными под Бородином солдатами.

Присутственные места отправляли за пределы Москвы казенное имущество; все, что было возможно, вывозилось из монастырей и церквей. По воспоминаниям ушедшего в ополчение переводчика архива Михаила Евреинова, в августовские ночи, «которые в то время были светлые, тянулись большие обозы, на которых начали вывозить сокровища, ризницы и царские драгоценности, также достопамятные бумаги из Архива Иностранных дел»[5].

14 августа «во 2-м часу пополудни» Н. Н. Бантыш-Каменский получил от графа Ф. В. Ростопчина первое предписание о подготовке архивных документов к вывозу из Москвы.

«Сиятельнейший граф, милостивый государь! — отвечал он Ростопчину на следующий день.— Совет вашего сиятельства о спасении государственных дел спасительный; я приемлю оный с глубочайшим и искреннейшим благодарением, и вчерашнего же дня занялся уборкою в сундуки и увязкою оных, положив древнейшие российские грамоты, трактаты со всеми иностранными дворами и грамоты по 1700 год. Сии бумаги важнейшие в архиве, и оные увязаны в семи больших сундуках». Бантыш-Каменский просил дополнительно еще десять подвод и сетовал на то, что в Москве остаются и подвергаются опасности другие посольские дела, помещенные в 50 шкафах.

20 августа было получено уведомление московского гражданского губернатора Н. В. Обрезкова о выделении архиву дополнительных подвод. К этому времени дипломатическая переписка, статейные списки, посольские грамоты были уже уложены в 105 сундуках и коробках. 22 августа архив получил «Открытый лист» за подписью и заверенный личной печатью графа Ростопчина, по которому все команды, встречающиеся архиву по пути, обязаны были по первому требованию оказывать ему помощь в «сбережении вверенных ему бумаг»[6].

23 августа архив был вывезен из Москвы на 120 подводах казенных крестьян Озерецковской волости. Обоз шел по старому Владимирскому тракту и 26 августа, в день Бородинской битвы, достиг города Покрова Владимирской губернии. В числе тех, кто сберег ценнейшие для потомков архивные документы, был и Алексей Федорович Малиновский. Бросив свои собственные книжные собрания на произвол завоевателей, архивисты спасали культурные ценности, принадлежавшие России. 27 августа архив прибыл во Владимир и расположился, ожидая дальнейших распоряжений графа Ростопчина, в надежных кладовых.

А в Москве в это время уже бушевали пожары.

Заглянем и на этот раз в бумаги А. Ф. Малиновского, где в разделе «Французы в Москве» собраны правительственные распоряжения, «афишки» Ростопчина, выписки из журналов и газет и, конечно, рассказы современников. Посмотрим на Москву глазами одного из очевидцев, отдавшего историку Москвы свои записки. Их автор, видимо купец или небогатый дворянин, вынужден был остаться в Москве из-за больной матери. В первую же ночь прихода французов он «слышал стоны, означающие разбойничий грабеж». Выгнанный из своего жилища, находившегося близ Пречистенских ворот, он с другими бездомными москвичами вынужден был укрываться в лесных рядах за Каменным мостом. Наконец ему удалось пробраться в церковь мученика Власия, где вместе с ним нашли укрытие еще несколько десятков несчастных жителей. Здесь произошла встреча с ними «иностранных людей», то есть французов, которые упрекали их и выговаривали им за то, что они не приняли с честью Бонапарта, поэтому и терпят такое разорение[7].

За время пожара в Москве выгорел почти весь центр и прилегающие к нему улицы, сгорело Замоскворечье. До пожара в городе было более 9 тысяч домов, сгорело около 6,5 тысячи домов. Остальные почти все оказались разбитыми, разграбленными. В огне пожара, из-за грабежей и мародерства погибли многие памятники материальной и духовной культуры. Огромный ущерб был нанесен памятникам древней русской архитектуры. Погибли ценнейшие собрания, произведения искусства и литературы, сгорели богатейшие библиотеки Н. М. Карамзина, К. Ф. Калайдовича, В. Л. Пушкина, Демидовых, А. И. Мусина-Пушкина. В доме А. И. Мусина-Пушкина на Разгуляе погиб при пожаре вместе с другими

древнерусскими рукописями список «Слова о полку Игореве».

Малиновский, высоко ценивший уникальное собрание А. И. Мусина-Пушкина, не раз обращался в своих записях к этому, так поразившему его трагическому событию. Описывая Басманную часть Москвы, он не забывает упомянуть трехэтажный дом графа А. И. Мусина-Пушкина из «69 покоев», где хранилась его библиотека [8], и сообщить о ее судьбе: «Упомянем теперь о потере драгоценной библиотеки графа А. И. Пушкина, которую собирал он более 30 лет и имел тому особенный случай и удобность. Она сгорела в 1812 году. Кроме древних отечественных рукописей, из которых напечатана только песнь Игорева и Духовная Владимира Мономаха, он обладал неизданными записками в свет Крекшина, Елагина, Болтина; Новгородские и Двинские грамоты, Житие великого князя Владимира, Лаврентьевская летопись: все писанные на пергамене, на которые ссылается Карамзин, принадлежало графу Пушкину» [9]. Только по этой записке Малиновского можно судить, какие уникальные памятники погибли в 1812 году в Москве.

Однако вернемся к архиву, находящемуся во Владимире. 7 сентября «ввечеру» Н. Н. Бантыш-Каменский получил от владимирского губернатора А. Н. Супонева предписание о перемещении архива в Нижний Новгород, куда направлялось большинство присутственных мест. Прибыв в город 16 сентября, управляющий архивом и его помощники сразу не могли найти удобного места для архива, пока архиерей не отвел для хранения документов огромную каменную, с железными решетками и затворами церковь [10].

В городе на Волге находилось много москвичей, которые тяжело переживали судьбу родного города. «Москвы нет,— писал отсюда К. Н. Батюшков.— Потеря невозвратная! Гибель друзей, святыня, мирное убежище наук,— все осквернено шайкой варваров...»

Примите нас под свой покров,
О Волжских жители брегов!
Мы все друзья здесь, все родные,
Все дети матушки-Москвы...—

так обращались москвичи к нижегородцам в романсе В. Л. Пушкина [11].

В Нижнем архивисты встретились с давним другом архива, историографом Н. М. Карамзиным, успевшим выехать из Москвы 1 сентября, за считанные часы до вступления неприятеля. Он отдал один экземпляр своей «Истории...» жене, уехавшей ранее его в Ярославль, а другой сдал на хранение в Московский коллежский архив. Вскоре из Москвы пришло известие, о котором он сообщил своему родственнику, писателю И. И. Дмитриеву: «Вся моя библиотека обратилась в пепел, но История цела...» [12]

По свидетельству современников, «триумвират историков: Карамзин, Бантыш-Каменский и Малиновский каждый день беседовали о несчастьях отечества. И когда сомневался кто-нибудь в счастливом окончании дел, Карамзин пророчески указывал на кремль нижегородский, напоминая Минина и уверяя, что каковы были русские в 1612 году, таковы будут они и в 1812-м...» В Нижнем Новгороде Карамзин начал собирать материалы об освобождении России от поляков, а Малиновский задумал книгу о герое освободительной борьбы русского народа князе Дмитрии Пожарском. Вместе они хлопотали об увековечении памяти народных героев Дмитрия Пожарского и Кузьмы Минина в Нижнем Новгороде [13].

Одновременно с известием об отступлении французов из Москвы пришло сообщение, что зданию архива нанесен большой ущерб: один из флигелей сгорел, замки и задвижки сбиты, стекла перебиты, дела, столбцы и книги разбросаны, изорваны, потоптаны, частью сожжены и загажены. Остававшиеся в Москве чиновники потеряли в результате пожара и грабежей дома и имущество.

6 ноября для приведения архива в порядок Малиновский срочно выехал в Москву [14]. Под его смотрением ремонтировали здание и очищали его от навоза и грязи. Возвращения оставленного в Нижнем Новгороде архива ждали. 11 января А. Ф. Малиновский отдавал последние распоряжения секретарю И. А. Ждановскому: «Потрудитесь приказать, государь мой, Иван Андриянович, чтобы полы, печи и окончины в архивских комнатах были вымыты и пыль вся обметена не только вверху, но и внизу в шкафах, и всякая нечистота была убрана к следующей среде» [15].

Преодолев в течение двух недель все путевые трудности от чрезвычайной стужи, от угаров в избах, от задержки переменных лошадей на станциях, 23 января архив возвратился в Москву. Хотя основные уникальные документы были архивистами спасены, составленный после возвращения реестр «книгам и газетам, кои от грабежа и сжения неприятелем пропали» свидетельствовал о невосполнимых потерях. Погибли книги М. В. Ломоносова, В. Г. Рубана, издания Н. И. Новикова (всего 214 книг), редкие иностранные газеты. Исчезли портреты графа Г. И. Головкина и И. М. Головина, иконы.

В тяжелом положении оказались и охранявшие архив служащие. Им пришлось испытать все те невзгоды, которые обрушились на большинство жителей Москвы. Секретаря

И. А. Ждановского ежедневно обыскивали, ему угрожали расстрелом. Заболевший библиотекарь М. И. Шульц вынужден был искать убежища в Воспитательном доме. Александр Тарков несколько дней содержался под стражей, некоторые архивисты потеряли родных.

Сгорел дом Н. Н. Бантыш-Каменского вместе с ценнейшей библиотекой, и поэтому по возвращении в Москву он поселился в одном из уцелевших архивных флигелей. В архиве разместились и некоторые служащие, другим были отведены «обывательские квартиры».

Постепенно повседневная работа в архиве налаживалась. В июне Бантыш-Каменский сообщил графу Н. П. Румянцеву о подготовке материалов к 2-й и 3-й частям «Собрания государственных грамот и договоров», сопроводив это следующей запиской: «...приятен и весел для меня был сей труд, коего хотя окончания по слабости и летам моим я не увижу...» А. Ф. Малиновский в это же время отослал в коллегию сведения о знаменитом немецком ученом Г. В. Лейбнице [16].

По прошествии нескольких лет после окончания войны Москва еще лежала в развалинах и многие жители не имели пристанища. На имя императора продолжали поступать многочисленные просьбы о пособиях. 30 декабря 1816 года последовал указ главнокомандующему Москвы о создании временной Комиссии в помощь разоренным в войне 1812 года [17]. Возглавлял комиссию недавно ушедший в отставку министр юстиции И. И. Дмитриев, членами комиссии были назначены Малиновский, сенатор Кушников, отставной капитан Бахметьев и архимандрит Герасим; прошения поступали на имя статс-секретаря Кикина.

4 сентября Малиновский сообщал в Коллегию иностранных дел о своем назначении и спрашивал разрешения использовать помещение архива для заседаний комиссии, которые должны были проходить «два дня в неделю после полудня без помешательства управлениям архивским» [18].

Соприкосновение с заботами и трудностями «маленького человека» в комиссии и в Страннориимном доме, несомненно, оказало влияние на развитие взглядов Малиновского.

Идеи патриотизма и народности стали одними из важнейших в русской общественной мысли во время и после войны 1812 года. Освобождение захваченных Наполеоном российских земель усиливало надежду солдат, ополченцев, партизан — в своей массе крепостных крестьян — на то, что после победы над супостатом царь оценит великий подвиг народный и отменит крепостное право. Об этом мечтала и прогрессивно настроенная часть русского общества, к которой мы можем отнести в то время и Малиновского, предложившего в ознаменование выдающихся заслуг крестьянства в Отечественной войне объявить свободными их детей, рожденных после 1812 года. «Новые крестьяне,— говорил он,— возрастут в понятиях о своей свободе, приучатся ею пользоваться без нарушения общежительных отношений, и таким образом свобода нечувствительно укоренится в России». Далее он предложил конкретные меры постепенного освобождения крестьян от крепостной зависимости. Помещики, считал он, «удержав за собою написанных по 7-й ревизии крестьян и оставшись при прежних правах своих, будут применяться к принятым для сего государственным мерам и придумают заранее способы для удержания свободного потомства крестьян на землях своих» [19].

Предложение Малиновского, так же как и составленные в то время проекты М. С. Воронцова и Н. И. Тургенева, были робкой попыткой побудить монарха освободить народ от крепостной зависимости. Через десять лет декабристы заявят об этом бескомпромиссно.

ГЛАВА V

ЖИЛИ И ОСТАЛИСЬ МОСКВИЧАМИ... (МАЛИНОВСКИЕ И ПУШКИНЫ)

В приходе Троицкой церкви, в Божедомском переулке (ныне Делегатская улица), за усадьбой боярина Р. М. Стрешнева находилось обширное имение с большим барским домом и плодоносящим садом. В 1718 году (за три года до определения в Троицкую церковь священника Авксентия Малиновского) имение это перешло от одинокого родственника к лейбгвардейцу Преображенского полка Александру Петровичу Пушкину, прадеду великого поэта. В середине XVIII века имение принадлежало его сыну Льву Александровичу, с именем которого была связана легенда в семье Пушкиных; о ней поведал поэт в стихотворении «Моя родословная»:

Мой дед, когда мятеж поднялся
Средь петергофского двора,
Как Миних, верен оставался

Паденью третьего Петра.
Попали в честь тогда Орловы.
А дед мой в крепость, в карантин.

Несколько лет спустя в незавершенной рукописи автобиографических записок А. С. Пушкин более подробно рассказал о своем деде: «Лев Александрович служил в артиллерии и в 1762 году, во время возмущения, остался верен Петру III. Он был посажен в крепость и выпущен через два года. С тех пор он уже в службу не вступал и жил в Москве и в своих деревнях. Дед мой был человек пылкий и жестокий. Первая жена его, урожденная Воейкова, умерла на соломе, заключенная им в домашнюю тюрьму за мнимую или настоящую ее связь с французом, бывшим учителем его сыновей, и которого он весьма феодально повесил на черном дворе. Вторая жена его, урожденная Чичерина, довольно от него натерпелась...» То, что легенда не соответствует действительности, удалось окончательно доказать, используя новые архивные материалы, исследователю-пушкинисту Р. В. Овчинникову. Он открыл документы, свидетельствующие о том, что в 1762 и 1763 годах Л. А. Пушкин находился вне Петербурга и, следовательно, не мог быть замешанным в происходившем там 28 июня 1762 года дворцовом перевороте, а также о том, что в те годы он был на свободе. Из определения Военной коллегии от 2 сентября 1763 года об отставке Пушкина видно, что в то время он находился в Москве, где и вступил во второй брак, взяв в жены 26-летнюю Ольгу Васильевну Чичерину. Другому исследователю, С. К. Романюку, удалось обнаружить в делах Коронационной комиссии документы, освещающие участие Л. А. Пушкина в событиях, связанных с коронацией Екатерины II в Москве в сентябре 1762 года. Таким образом, ученые сделали вывод, что документальные источники не подтверждают услышанного А. С. Пушкиным предания о его деде Л. А. Пушкине [1].

Увлекательная легенда была оспорена еще отцом поэта, Сергеем Львовичем. Взяв под защиту доброе имя родителя, С. Л. Пушкин характеризовал Льва Александровича как безукоризненного семьянина и христианина, человека любимого и почитаемого всеми, кто знал его. Что же касается версии о двухлетнем тюремном заключении в крепости, то он «не содержался в крепости в течение двух лет; он находился некоторое время под домашним арестом,— это правда,— писал С. Л. Пушкин в 1840 году,— но пользовался свободой». Однако, говоря о пребывании отца под домашним арестом, он имел в виду не 1762 год, а более давние времена: в декабре 1755 года Л. А. Пушкин и его шурин А. М. Воейков были осуждены военным судом за истязание домашнего учителя венецианца Харлампия Меркади и около двух с половиною лет, с 19 декабря 1755 года по май 1758 года, содержались под строгим домашним арестом, имея право выходить из дома только в ближайшую церковь, да и то в сопровождении караульных солдат [2].

Ближайшей к усадьбе Пушкиных была церковь Троицы, а «духовного звания люди», с которыми чаще других общался в то время Лев Александрович, были Малиновские: Авксентий Филиппович и два его сына — Федор и Иван. Семьи были издавна знакомы и хорошо осведомлены о всех происходящих в их домах событиях, радостных и печальных. Священники Малиновские крестили родившихся в Москве детей Л. А. Пушкина (к сожалению, метрические книги Троицкой церкви сохранились только с 1778 года), его дворовых; венчали, исповедовали, провожали в последний путь. От второго брака у Л. А. Пушкина родились дети — ровесники детей Федора Малиновского. Он был их духовным отцом. Соседями Пушкиных и Малиновских были служащие Оружейной палаты и Дворцовой канцелярии, знатный вельможа Шереметев, вице-канцлер И. А. Остерман (построивший в слободе богадельню), профессор М. М. Снегирев [3].

О жителях слободы год за годом дают представление исповедальные книги церкви Живоначальныя Троицы Сретенского сорока, составленные протоиереем Федором Малиновским и дьячком церкви. Все население прихода, являвшееся в церковь на исповедь, расписано строго по принадлежности к сословию. Открываем одну из книг, пережившую столетия, чуть пожелтевшую, с выцветшими записями за 1790 год, и в разделе «Духовные и их домашние» читаем: «1. Протоиерей Федор Авксентьев — 57 лет. 2. Иностранной коллегии архивы переводчик Алексей Федоров Малиновский — 27 лет. Дочери — девицы Елизавета Федорова — 20 лет, Наталия Федорова — 13 лет».

В разделе «Военные и их домашние» перечислены домочадцы И. А. Остермана и артиллерии подполковника Льва Александровича Пушкина, которому было в ту пору 67 лет, а его жене Ольге Васильевне — 50: «Дети их: гвардии Преображенского полку сержант Василий Пушкин — 24 лет, Сергей Львов — 23, Анна Львова — 25, Елизавета Львова — 16» [4].

В доме его высокопреосвященства митрополита Платона на Троицком подворье жили разночинцы, посадские люди, мещане, оброчные крестьяне и вдовы — обитательницы богадельни. Отдельно записаны раскольники — 5 купеческих семей и «цеховой плотошник».

Всего в приходе Троицкой церкви прожива-

ло 280 мужчин, 264 женщины; духовных — 1 протоиерей, 3 дьякона, дьячок, пономарь и 8 певчих; военные: штат-, обер- и унтер-офицеров, солдат — 13; дворовых людей 99; поселян 12; раскольников 7 с семьями.

Здесь, на окраине Москвы, селились в основном люди среднего достатка. Так, в 1739 году, когда отцу Малиновского был всего один год, в слободе в основном жили ремесленники, крестьяне, сторожа «Неглинских прудов», «фабришные» люди и один обер-офицер. А к 1745 году среди населения слободы преобладали военные, рядом с сержантом Львом Александровичем Пушкиным и первой женой его Марьей Матвеевной жили гвардии Семеновского полку капитан Петр Викентьев, майор Борис Ярцов, отставной капитан Иван Бабрыкин, полевой артиллерии поручик Филипп Булгаков, драгуны, солдаты. Как видим, слобода, где несколько десятилетий Малиновские и Пушкины прожили рядом, к концу XVIII столетия мало изменилась и не была привилегированным местом проживания московского дворянства.

О близости двух семей свидетельствует тот факт, что Лев Александрович Пушкин был доверенным лицом семьи Малиновских и ходатайствовал за назначение в приход священником отца А. Ф. Малиновского Федора Авксентьевича. 25 февраля 1760 года приходские люди Троицкой церкви подали митрополиту Московскому и Севскому челобитную, в которой показали, что священник Авксентий Филиппов служит «с 1721 года по сей 1760-й год без всякого порока и подозрения и божию службу также и всякия наши мирские требы отправляет без остановки. А ныне означенный священник имеется при старости и божию службу, и всякие наши требы отправляет с трудом. Того ради мы нижеподписавшиеся прихоцкие люди к той Троицкой церкви для вспоможения старости по усмотрению своему избрали онаго священника Авксентиа сына его родного, обучающегося в Славено-греко-латинской Академии богословии наук студента Федора Авксентиа быть... при той нашей приходской Троицкой церкви местным священником. А понеже оной сын его студент Федор жития и состояния доброго, и при той нашей приходской церкви священником быть нам угоден». Четвертым из доверенных прихожан к прошению «руку приложил» майор Лев Александров сын Пушкин [5].

Священник Федор Малиновский провожал деда А. С. Пушкина в последний путь и сделал в метрической книге запись об этом печальном событии: «Умре по христианской должности в покоянии октября 24 дня артиллерии подполковник Лев Александрович Пушкин, коему от роду было 67 лет и погребен 26 числа в Донском монастыре» [6].

После выхода в отставку Сергея Львовича Пушкина 16 сентября 1797 года его семья поселяется в Москве, где 27 мая 1799 года «во дворе колежского регистратора Ивана Васильевича Скворцова у жилца ево моэора Сергия Львовича Пушкина родился сын Александр...» [7] В конце 1799 года семья уехала в Псковскую губернию в сельцо Михайловское, поручив Василию Львовичу Пушкину получить в Коллежском архиве родословную рода Пушкиных. Хлопоты о выдаче справки были затеяны в связи с сенатским указом, предписывавшим, «чтобы губернские правления через дворянских предводителей каждому дворянину, который не имеет при себе документов на дворянство предков своих, дали знать, дабы испросили себе выписи из сих присутственных мест, в коих известно о их фамилии». С такой просьбой и обратился В. Л. Пушкин к своему старому знакомому А. Ф. Малиновскому, который помогал в свое время Г. Ф. Миллеру при составлении дворянских родословий и поэтому великолепно ориентировался в основных источниках по генеалогии боярских и дворянских родов XVI—XVII веков: разрядных, боярских и родословных книгах, грамотах, судных и местнических делах. Отпуск родословной был обнаружен в 1974 году автором этих строк в ЦГАДА, тогда же было установлено, что составлял ее А. Ф. Малиновский.

В начале документа имеется пояснительная запись Малиновского о том, что, предъявив поколенную роспись роду своему, «лейб-гвардии Измайловскому полку порутчик Василий Львов сын Пушкин... просил о даче ему касательно выезда родоначальника его, о службе предков его и герба, фамилии его принадлежащего». Малиновский выписи засвидетельствовал и составил родословие» с пополненною росписью» [8]. Далее идут знакомые нам уже имена предков А. С. Пушкина, перечисление их ратных и государственных дел на службе отечеству [9]. Заключает документ описание родового герба. Рисунок его указывает на принадлежность Пушкиных к старинному роду, на их «особо важные заслуги на военном поприще».

Вспомним у Тынянова: «Сергей Львович рылся... более часа в каких-то бумагах в своем кабинете и вдруг выскочил оттуда бледный, как полотно: — «Пропала!» Оказалось, пропала родословная, целый свиток грамот, который передал ему на хранение, уезжая, Василий Львович... Наконец грамоты нашлись, свитки были в полной сохранности, Сергей Львович просто запамятовал, что запер их не в столе, а в особый шкапчик, где лежали ред-

кие книжки. Он блаженствовал. Медленно развязав большой сверток, связанный веревочкой, он сломал красную большую печать и показал старые грамоты Александру». Интерес к своей родословной проявился у поэта рано и отразился в самых разных его произведениях и исторических исследованиях.

В неоконченной поэме «Езерский» (1832) А. С. Пушкин писал:

Могучих предков правнук бедный,
Люблю встречать их имена
В двух-трех строках Карамзина.
От этой слабости безвредной,
Как ни старался,— видит бог,—
Отвыкнуть я никак не мог.

Одного из своих предков Гаврилу Григорьевича Пушкина поэт вывел в «Борисе Годунове» энергичным, решительным человеком, дерзким эмиссаром самозванца, поднявшим московский посадский люд на восстание, открывшим Лжедмитрию I ворота столицы. Другому Пушкину — Афанасию Михайловичу — он вложил в уста один из значительнейших монологов трагедии, в котором раскрываются глубокие кризисные явления в обществе, неизбежно предшествующие любой гражданской войне.

Каковы же были те источники, которыми пользовался А. С. Пушкин, воссоздавая биографии своих предков? Ученые считают, что это «История государства Российского» Н. М. Карамзина, семейные бумаги, выписки из старинных документов, которые, на наш взгляд, мог сделать для Пушкиных А. Ф. Малиновский, еще живя с ними вместе в Троицкой слободе.

Летом 1811 года двенадцатилетний Пушкин с дядей Васильем Львовичем уехал в Петербург для определения в только что открытый Царскосельский лицей, учебное заведение «исключительно для юношества благородного происхождения, предназначенного к важным частям службы государственной». Александру Пушкину предстояло встретиться с младшим братом А. Ф. Малиновского Василием Федоровичем, только что назначенным директором лицея.

Годы службы в архиве, изучение подлинных политических и дипломатических актов сыграли определенную роль в формировании взглядов и в дальнейшей службе В. Ф. Малиновского. Знание древних и новых языков, особенно английского, позволило ему заняться дипломатической деятельностью. В 1782 году он был переведен в Петербург на должность секретаря графа И. А. Остермана, президента Коллегии иностранных дел. В 1789 году его командируют в Лондон в качестве переводчика русской миссии, а через три года В. Ф. Малиновский принимает участие в Ясском конгрессе по поводу окончания русско-турецкой войны 1787—1791 годов.

В. Ф. Малиновскому принадлежит «Записка об освобождении рабов», составленная им в 1802 году и представленная тогдашнему министру внутренних дел графу В. П. Кочубею. Это один из первых проектов отмены крепостного права. В следующем году выходит наиболее значительное из его произведений — «Рассуждение о мире и войне», в котором В. Ф. Малиновский осуждает завоевательную политику, пропагандирует общий и справедливый мир между народами. Один экземпляр этой книги (недавно обнаруженный в библиотеке ЦГАДА) автор подарил Коллежскому архиву, документы которого он использовал для сочинения своего трактата. Об этом свидетельствует дарственная надпись на ней: «В библиотеку архива от служившего при оном кол. сов. Василия Малиновского» [10].

Царскосельский лицей был учебным заведением, повторившим в миниатюре судьбу и характер многих реформ и начинаний «дней Александровых прекрасного начала». Он помещался в летней императорской резиденции, во флигеле Екатерининского дворца. Сюда 11 октября 1811 года на обед к В. Ф. Малиновскому приехали со своими родственниками будущие лицеисты Ржевский, Вольховский, Пушкин, Илличевский, Ломоносов.

Алексей Федорович хорошо был осведомлен о лицейской жизни. 11 июля 1815 года Александра Пушкина навещают отец и В. А. Жуковский. В этот же день в лицее был А. Ф. Малиновский с семьей. 6 июня 1817 года Н. М. Карамзин сообщает А. Ф. Малиновскому о присутствии на экзаменах в лицее и о предстоящем (пушкинском) выпуске [11].

Став директором Царскосельского лицея, В. Ф. Малиновский содействовал воспитанию целой плеяды писателей и политических деятелей, ставших гордостью русского народа. Он и профессор нравственных и политических наук А. П. Куницын воспитывали в своих питомцах критическое отношение к самодержавно-крепостническому строю. Многие из них впоследствии активно участвовали в движении декабристов. Известно, какую большую роль сыграл Царскосельский лицей в формировании мировоззрения А. С. Пушкина и развитии его литературных дарований. Его воспоминания и размышления о лицее всегда проникнуты особой взволнованностью (упоминание о лицейских днях в «Евгении Онегине», послания к лицейским сверстникам или стихотворения, посвященные памятной дате основания лицея — 19 октября).

В 1811 году Пушкиным записано: «Лицей. Открытие... Малиновский, Куницын...» Эти две

необычно яркие фигуры оставили след на всей дальнейшей творческой жизни А. С. Пушкина.

Алексей Федорович Малиновский как мог содействовал А. С. Пушкину — ученику своего брата — в архивных разысканиях. В июле 1831 года А. С. Пушкин в письме к А. Х. Бенкендорфу определил свои планы работы в архивах: «Более соответствовало бы моим занятиям и склонностям дозволение заняться историческими изысканиями в наших государственных архивах и библиотеках. Не смею и не желаю взять на себя звание Историографа после незабвенного Карамзина; но могу со временем исполнить давнишнее желание написать Историю Петра Великого и его наследников до государя Петра III».

Первоначально, в 1831—1832 годы интересы Пушкина ограничились исследованием эпохи Петра I; к этой теме он вернулся снова в 1834—1836 годах, но так и не смог завершить своего многолетнего труда. Рукопись «Истории Петра I», запрещенная Николаем I, а затем потерянная, была найдена после революции и напечатана лишь в 1938 году, спустя сто один год после смерти поэта (ранее из нее были известны только отдельные отрывки). Пушкинист И. Л. Фейнберг в своих исследованиях о незавершенных работах А. С. Пушкина убедительно доказал, что изучение сохранившихся материалов позволяет не только назвать архивы, к которым обращался Пушкин, изучая эпоху Петра I, но и представить себе весь процесс его работы над историческими источниками.

Условием допуска А. С. Пушкина к архивам ставилось зачисление его на службу в Коллегию иностранных дел. В специально отведенной комнате Государственного архива на Дворцовой площади, под наблюдением Д. Н. Блудова А. С. Пушкин изучал громаду дел «Кабинета Петра I». Эти бумаги сейчас хранятся в ЦГАДА, число их так велико, что начатое издание их в 1887 году в настоящее время доведено только до 1713 года. Читать автографы Петра I, имевшего неразборчивый почерк, могут только специалисты. Чтение их, видимо, представляло трудность и для А. С. Пушкина, об этом свидетельствуют, в частности, сохранившиеся в его бумагах четыре факсимильно воспроизведенных письма Петра.

К 1836 году Пушкин значительно продвинулся в создании своего труда. Для завершения работы он решил изучить документы московского архива, где хранились важные для его «Истории...» посольские дела о сношениях России с европейскими государствами, о позиции этих государств в Северной войне, международные договоры и конвенции.

3 марта 1836 года в МИД поступило уведомление Департамента хозяйственных и счетных дел МГАМИД о командировании для занятий в нем «титулярного советника в звании камер-юнкера» А. С. Пушкина: «По предписанию Его сиятельства вице-канцлера, данному Департаменту хозяйственных и счетных дел 26 февраля сего года, состоящий в ведомстве Министерства иностранных дел титулярный советник в звании камер-юнкера Александр Пушкин командирован временно для известных г. вице-канцлеру занятий по делам службы в Главный московский архив... Директор граф Виельгорский».

На полях документа сохранилась помета, сделанная А. Ф. Малиновским: «Принять к сведению. 9 марта 1836 г. А. Малиновский». 21 мая 1836 года директор архива в письме к графу К. В. Нессельроде уведомлял о прибытии А. С. Пушкина в архив [12]. 14 мая 1836 года в письме к жене Пушкин писал: «В Архивах я был и принужден буду опять в них зарыться месяцев на 6». Однако семейные обстоятельства заставили А. С. Пушкина срочно вернуться в Петербург.

Современники признавали «Историю Петра I» важнейшим трудом Пушкина в последние годы его жизни. Смерть прервала эту работу.

Как известно, «пугачевская» тема возникла впервые в творчестве Пушкина в начале 1833 года. Нужно было обладать мужеством Пушкина, чтобы в условиях правительственного гнета и цензорского надзора, потеряв многих из друзей после восстания декабристов, выступить с книгой, героем которой стал Емельян Иванович Пугачев, руководитель Крестьянской войны 1773—1775 годов. И в этой работе А. С. Пушкин пользовался документами Коллежского архива и помощью московских архивистов.

В 1835 году А. Ф. Малиновский выслал для Пушкина в Петербург материалы по делу Пугачева, «приватно собранные Миллером и Бантыш-Каменским». «Из портфеля покойного Миллера 6 таких тетрадей препровождаю,— писал Малиновский 30 сентября 1835 года вице-канцлеру К. К. Родофиникину,— а взнесенное 1808 года покойным Николаем Николаевичем Бантыш-Каменским в архив собрание о злодее Пугачеве многих бумаг, в книгу переплетенных, здесь же представляю, покорно прося Вас, милостивый государь, по миновании встретившейся надобности все ныне препровождаемое возвратить в архив» [13]. В «пугачевском» портфеле Г. Ф. Миллера оказались ценнейшие для Пушкина документы — записки очевидцев восстания, оренбургских священников Ивана Осипова и Ивана Полянского, ка-

занского архимандрита Платона Любарского; многочисленные указы, манифесты, рапорты, партикулярные письма. Некоторые миллеровские документы А. С. Пушкин скопировал, но обратно в Москву они не вернулись, и их дальнейшая судьба долгое время оставалась неизвестной. Нашел исчезнувшие в XIX веке документы Р. В. Овчинников, работавший в ЦГАДА и великолепно знающий архивные фонды. Он и предположил, что просмотренные А. С. Пушкиным бумаги остались в Петербурге, в Государственном архиве, так как после 1834 года в него поступали все политические дела по важнейшим государственным преступлениям. Действительно, дела из коллекции Г. Ф. Миллера и Н. Н. Бантыш-Каменского обнаружились в VI разряде бывшего Государственного архива Российской империи.

В свой последний приезд в Москву А. С. Пушкин, прежде чем начать работу в архиве, дважды побывал в доме А. Ф. Малиновского. Об этом он сообщил Наталье Николаевне в письме от 11 мая 1836 года: «...Жизнь моя пребеспутная. Дома не сижу — в Архиве не роюсь. Сегодня еду во второй раз к Малиновскому» [14]. Несомненно, что в долгих беседах с хозяином дома А. С. Пушкин черпал сведения о прошлом России. Следственное угличское дело царевича Дмитрия, рукописи времен Бориса Годунова, письма Мазепы, предков Пушкина... Обо всем этом мог поведать А. С. Пушкину человек, который, по свидетельству современников, архив «знал, как свой кабинет, и любил без памяти» [15]. Малиновский должен был интересовать Пушкина и как участник первого издания «Слова о полку Игореве» (1800). В черновиках статьи Пушкина, посвященной «Слову», Малиновский назван среди «истинных знатоков, своим авторитетом подтвердивших подлинность памятника». Кто знает, может быть, книга Малиновского «Биографические сведения о князе Дмитрии Михайловиче Пожарском» (М., 1817), имевшаяся в библиотеке поэта, была подарена ему самим автором?

Приятно было встретиться Александру Сергеевичу и с хозяйкой дома Анной Петровной; он не забыл, какое горячее участие она приняла в устройстве его женитьбы; на свадьбе Пушкина она была посаженой матерью со стороны невесты. А. П. Малиновская, урожденная Исленьева (1770—1847), была любимой (двоюродной) племянницей и доверенным лицом княгини Екатерины Романовны Дашковой. И несомненно, в этом доме Пушкин не раз слышал воспоминания Малиновских об их знаменитой родственнице.

Известно, что в 1830-х годах Пушкин интересовался событиями и нравами екатерининской эпохи. В это время он работал над статьями о Радищеве и с особым вниманием читал рукописные страницы воспоминаний Е. Р. Дашковой (этот экземпляр по сей день хранится в архивном деле П. А. Вяземского).

А. С. Пушкин мог привезти из Петербурга поклон родителям от их единственной дочери Екатерины. Екатерина Алексеевна Малиновская (1811—1872) после выхода замуж за князя Р. А. Долгорукова постоянно жила в Петербурге. Е. А. Долгорукова-Малиновская, как ее было принято называть в петербургском обществе, получила отличное образование, великолепно владела немецким языком. Близко знавший и записавший ее рассказы издатель П. И. Бартенев отмечал ее необыкновенное внешнее сходство с дедом Федором Малиновским. «Княгиня,— замечает П. И. Бартенев,— походила на него не столько умом, но и наружностью, крайне невзрачною...» Но «под очарованием ее беседы пропадало впечатление внешней невзрачности, и с нею можно было проводить целый ряд часов достопамятных» [16]. А рассказать Екатерина Алексеевна, подруга юности Натальи Гончаровой, могла о многом, она хорошо знала жизнь семьи Гончаровых в Москве и была свидетельницей сватовства и женитьбы А. С. Пушкина.

Малиновские до замужества Екатерины жили на Мясницкой в доме, построенном в конце XVIII века, как предполагают некоторые исследователи, итальянским архитектором Ф. Кампорези. Это хорошо сохранившееся двухэтажное здание и сейчас можно увидеть в конце Мясницкой (д. 43). Весной 1830 года, будучи женихом, Пушкин особенно часто бывал в этом доме. 7 апреля П. А. Вяземский сообщал жене о полученном из Москвы письме Пушкина, в котором предполагал найти «объявление... о женитьбе» поэта на Гончаровой; и хотя такого «объявления» в письме не оказалось, Вяземский заключает: «Но все же должен быть он влюблен не на шутку, если ездит на вечера к Малиновскому» [17]. В этом же году А. Ф. Малиновский выполняет поручение известного историка М. П. Погодина и сообщает ему о Гончаровых следующее: «Мне всегда приятно исполнять желания Ваши, любезнейший Михайла Петрович. И вот, что могу сказать Вам о Гончаровых: недели две назад тому мы пересылались с ними, тогда милая невеста и все оне были здоровы, а с тех пор ничего о них не слышу потому, что никуда не выезжаю» [18].

В свою очередь Алексей Федорович просит М. П. Погодина разыскать Сергея Львовича Пушкина, чтобы доставить ему письмо сына [19]. М. П. Погодин особенно был дружен с умной и образованной Екатериной Алексеевной, до-

черью А. Ф. Малиновского. Об этом свидетельствует, в частности, письмо Е. А. Малиновской М. П. Погодину от 8 ноября 1832 года, где содержится просьба приехать помочь ей составить «рекомендательное письмо» к ее будущему свекру А. А. Долгорукову, где «содержание должно быть в уверении любви и почтения к нему». «Надеюсь,— пишет девушка,— что Вы не откажете мне и не будете бранить, когда узнаете, что завтра будет моя помолвка...» [20]

А. Ф. Малиновский интересовался происхождением семьи Гончаровых, в его бумагах имелась и такая справка о деде Натальи Николаевны Афанасии Николаевиче Гончарове (1760—1832): «1770. Фабрика коллежского асессора Афанасия Гончарова у Яузских ворот полотняная, к которой приписано было 10 душ мужеска пола; но славная его фабрика находится в Малоярославецком уезде, где более 600 станов и до 4000 душ мужеска и женска пола [...] работают, при сей оной фабрике и завод пищей бумаги» [21]. Нажитое миллионное состояние Гончаровых из-за расточительности Афанасия Николаевича (он оставил после себя полтора миллиона рублей долгу!) в начале XIX века пришло в упадок. Кроме майората, в который входили калужские фабрики и некоторые поместья, почти все остальное имущество Афанасий Николаевич заложил и перезаложил. Дед поэтому нередко пытался уменьшить сумму «пансиона», из-за этого отношения свекра с невесткой были постоянно натянутыми. В такой сложной обстановке прошли детство и юность Натальи Николаевны.

Екатерина Алексеевна часто бывала в доме Гончаровых на Никитской улице и видела, что семья накануне свадьбы Натальи испытывает большие материальные затруднения. «Долгорукая помнит,— пишет П. И. Бартенев,— как на одном балу Наталью Николаевну уводили в другую комнату, и Долгорукая давала ей свои новые башмаки, потому что ей приходилось танцевать с Пушкиным» [22]. Известно, что Пушкин, заложив Кистенево, дал будущей теще Наталье Ивановне в долг на приданое 11 тысяч.

В 30-е годы Малиновские часто упоминаются в переписке А. С. Пушкина с Натальей Николаевной. «Из очень хорошеньких женщин,— сообщает он ей 20 июля 1830 года из Петербурга,— я видел лишь м-м и м-ль Малиновских, с которыми, к удивлению своему, неожиданно обедал». Екатерина вместе с родителями присутствовала 18 февраля 1831 года в церкви Большого Вознесения во время венчания Пушкина и Натальи Николаевны и рассказала П. И. Бартеневу эпизод, неприятно поразивший присутствовавших,— о падении креста и евангелия с налоя, когда молодые шли кругом.

Екатерина Долгорукова-Малиновская была хорошо знакома с литературным Петербургом. Современники свидетельствуют, что она часто встречалась с Н. В. Гоголем и присутствовала, когда он читал А. С. Пушкину своего «Ревизора». Была она и приятельницей М. Ю. Лермонтова — однополчанина ее мужа.

Особенно ценны воспоминания Е. А. Долгоруковой-Малиновской о трагических последних днях А. С. Пушкина. Петрашевец Ф. Толь фрагментарно записал ее рассказ, который он слышал в Сибири от декабристов: «П[ушкин] потребовал, чтобы он (Дантес.— **С. Д.**) написал письмо, коим просит руки ее (Екатерины Николаевны Гончаровой.— **С. Д.**); он это исполнил. П[ушкин] отвез письма к ней и уговаривал ее отказать, прося и княгиню Д[олгорукову] сделать то же. Но дева забрала себе в голову блестящую роль, которую будет играть в доме холостого дяди Дантеса, датского посланника, и свадьба состоялась. П[ушкин] не поехал на нее сам и упросил всех своих близких знакомых, между коими была и княгиня Д[олгорукова], не ехать».

Екатерина Алексеевна свидетельствовала, что накануне дуэли Пушкины были в театре в ложе рядом с ней. Поэт обратился к ней с просьбой: «Пригласите завтра мою жену поутру и удержите ее подолее». В это время в Петербурге находилась мать Екатерины Алексеевны А. П. Малиновская; под предлогом видеться с нею княгиня просила Наталью Николаевну приехать к ним в дом пораньше.

По сообщению П. И. Бартенева, «от умиравшего Пушкина не отходила она (Е. А. Долгорукова-Малиновская.— **С. Д.**) по целым часам и, стоя на коленях у его ложа, слушала его последние заветы жене и друзьям». Никто из современников поэта, однако, не подтверждает этого сообщения; и все же можно поверить рассказам Екатерины Долгоруковой, которые во многом совпадают с показаниями других свидетелей последних дней А. С. Пушкина. Любопытно ее сообщение (в записи Ф. Толя) о том, что «умирая, П[ушкин] назначил книги, которые вдова его должна была читать, чтобы образовать себя; она воспользовалась его советом, и кн. Долг[орукова] нашла ее в 1842 году очень поумневшею» [23].

В 1863 году Е. А. Долгорукова вместе с дочерью в Париже ходила на лекции, посещала лаборатории и театры, осматривала древние здания и церкви, но при этом ощущала, что она живет в «чужой стране, между совершенно чуждыми людьми». Она писала это письмо П. И. Бартеневу, когда Россия переживала чувство обновления в связи с долгожданной

реформой, отменившей крепостничество, и она радовалась происходящим на родине событиям. «Спасибо Вам за доброе и любезное писание,— обращалась она к Бартеневу,— и за вести о Москве. Если верить слухам и газетным статьям, то у нас на Руси все просияло лучом надежды, спокойствия и благоденствия...» [24]

Е. А. Долгорукова была и переводчицей. Еще в 1826 году А. Ф. Малиновский издал на немецком языке свою книгу «Биографические сведения о князе Дмитрии Михайловиче Пожарском»; перевод осуществила Екатерина Алексеевна. Известно, что и на склоне лет, живя в Швейцарии, она занималась переводами с французского.

В круг близких друзей А. С. Пушкина входил и племянник А. Ф. Малиновского, старший сын его брата Василия Федоровича Иван Васильевич Малиновский (1796—1873). Иван Малиновский по годам был старшим из воспитанников первого курса лицея. Он познакомился со своими будущими товарищами еще до начала занятий, принимая их в директорской квартире своего отца в Певческом переулке Царского Села. За вспыльчивый нрав товарищи прозвали Ивана Малиновского «казак», но любили его за доброжелательность и справедливость. Вместе с Иваном Пущиным он пользовался в лицее особой дружеской привязанностью Пушкина.

И. В. Малиновский очень рано потерял своих родителей. Со слов отца его дочь рассказывала, что среди нескольких лицеистов, провожавших Василия Федоровича в последний путь на Георгиевское кладбище (в Большой Охте), был Пушкин. Он первым подошел к Ивану, обнял его, перед незасыпанной могилой Василия Федоровича была скреплена их дружба [25].

К ним двоим, питомцам знакомых ему семейств, приезжал в лицей знаменитый историограф Н. М. Карамзин.

После смерти отца И. В. Малиновский стал опорой для своих братьев и сестер. Особенно он был дружен с Анной; сохранились и недавно прочитаны ее письма к «любезному брату Ваниньке», как она всегда очень нежно называла старшего брата. Письма Анны Малиновской 1816—1817 годов написаны из имения Каменки Изюмского уезда Харьковской губернии, куда дети покойного Василия Федоровича Малиновского уехали со своей теткой А. А. Самборской. Путь их лежал через Великие Луки, Порхов, Шклов, словом, через те места, как написано в дорожном письме, «где были французы и видны следы их». Еще живы были в памяти у многих события 1812 года. 19 марта 1817 года Анна напомнила о них брату: «Какой сегодня знаменитый день — вошли в Париж русские». И почти в каждом письме к брату воспоминания о Царском Селе, где прошли их детство и юность в окружении первых лицеистов: «Здешний тихий колокол, призывающий людей на молитву, живо напоминает Царскосельский... как, бывало, мы этак же весной ездили с драгоценнейшим папенькой в Петербург из Царского и за сим много есть воспоминаний».

Трогательные, нежные письма брату (хранящиеся в ЦГАДА) рассказывают о занятиях в деревне выросших в столице молодых барышень, не без юмора пишущих о себе: «Отшельницы, пустынницы и, попросту сказать, дикие твои сестрички» [26]. Время их заполнено чтением, катанием на лошадях, купанием в Донце, почти ежедневными посещениями больных и престарелых крестьян; некоторым из них выплачивалось постоянное пособие. «Со многими крестьянами говорила, они рады нашему приезду»,— рада была и Анна встрече с этими людьми, которых она не видела восемь лет. Молодая девушка занималась и школой, которая была под ее «покровительством или начальством» [27]. На страницах писем мелькают имена: Екатерины Павловны Бакуниной (предмет юношеской любви Пушкина), учителя рисования в Царскосельском лицее С. Г. Чирикова, «любезных друзей Галаховых» (знакомые Пушкина). Всей семьей радуются о производстве в офицеры Ивана Васильевича, о чем сообщил им «дядюшка А. Ф.» [28] (А. Ф. Малиновский). Трудно поверить, читая восторженные и немного наивные письма Анны Малиновской, что через какие-то десять лет, не задумываясь и проявляя необыкновенную волю, она последует за своим мужем А. Е. Розеном в Сибирь.

После восстания декабристов И. В. Малиновского ждали тяжелые испытания. Он в тайных организациях не участвовал, но оказался как бы в центре декабристской семьи. Сестра Анна вышла за декабриста А. Е. Розена, Марья связала свою судьбу с товарищем брата по лицею В. Д. Вольховским. Наконец, Иван Васильевич был женат на сестре лицеиста и участника декабрьских событий И. И. Пущина Марии (впоследствии, после ее смерти, он женился на племяннице В. Д. Вольховского).

Породнившийся с Малиновскими Андрей Евгеньевич Розен (1799—1884) до двенадцати лет воспитывался в доме родителей, а потом в Нарвском народном училище. В 1815 году А. Е. Розен был отвезен в Петербург и определен в 1-й кадетский корпус, из которого был выпущен в апреле 1818 года в чине прапорщика с назначением в лейб-гвардии Финляндский полк. В полку А. Е. Розен сблизился с штабс-капитаном И. В. Малиновским и вскоре стал

женихом одной из его сестер Анны Васильевны. 19 апреля 1825 года в полковой церкви в присутствии всех офицеров было совершено бракосочетание А. Е. Розена, к этому времени уже поручика, и Анны Малиновской. А. Е. Розен был вовлечен в деятельность Северного общества накануне восстания 14 декабря 1825 года. В день восстания он присягнул с полком и, приехав во дворец, услышал о возмущении Московского полка. На площади он был в каре мятежников, а затем отправился в свой полк. На Исакиевском мосту он удержал свой батальон, который шел против мятежников. По приговору Верховного уголовного суда Розен был осужден к лишению чинов и дворянства и к ссылке в каторжные работы на 10 лет. Высочайшим указом 22 августа 1826 года повелено было оставить его в работе на шесть лет, а потом отправить на поселение в Сибирь.

Лишь только распространилась весть об осуждении государственных преступников, А. А. Самборская (родная тетка детей В. Ф. Малиновского по матери) и юная свояченица А. Е. Розена Мария Васильевна Малиновская из Харькова на почтовых поспешили в Петербург. Сразу приехал утешить и поддержать сестру И. В. Малиновский, который в марте 1825 года вышел в отставку по семейным обстоятельствам. 14 ноября 1826 года он писал В. Д. Вольховскому: «С конца сентября в Петербурге... сестра как ни крепится и свиданиями с мужем еженедельными поддерживается, но малютка захворал, отчего и мы все нос повесили... Я живу в ожидании, как поедет сестра, ей сопутствовать — по отправлению мужа, на что жены имеют царское позволение» [29].

Как видим, И. В. Малиновский собирался сопровождать сестру в Сибирь, но отъезд ее отложился на несколько лет; муж уговорил Анну Васильевну не оставлять маленького сына. 20 декабря 1828 года А. В. Розен подала прошение на высочайшее имя о разрешении следовать за мужем на жительство в Сибирь. Разрешение на отъезд она получила 23 августа 1829 года, но ей было объявлено о невозможности ехать вместе с сыном. М. В. Малиновская, младшая сестра А. В. Розен, согласилась взять мальчика на воспитание. Путь Анны Васильевны лежал через Москву, и она, вероятно, останавливалась перед дальней дорогой в доме своего дяди Малиновского.

О том, что семья московских Малиновских принимала участие в судьбе А. В. Розен, свидетельствует письмо Ивана Васильевича В. Д. Вольховскому от 3 мая 1830 года: «Ты был щастлив, что после многих лет встретил вместе с родными день праздника, а мы в нашем горе боялись встретиться взорами. Зайди взглянуть в Москве; в доме сенатора Малиновского скажут, когда будут и где остановились? Все, кроме брата и меня, едут провожать Анну Вас[ильевну] к мужу до Москвы. Взгляни и разгадай, чем можно еще уменьшить всю горечь горя!» [30]

17 июня 1830 года А. В. Розен выехала из Москвы. Она проделала огромный путь в 5,5 тысячи верст, проходивший через 11 губерний и 27 городов России. Анне Васильевне пришлось жить с мужем в каторжном Петровском заводе, а затем на поселении в Кургане. Часть переписки А. Е. Розен с И. В. Малиновским была опубликована еще в 1915 году; письма, хранящиеся в ЦГАДА, сейчас прочитаны впервые. Они подтверждают, что И. В. Малиновский заботился не только о своих родственниках в далекой Сибири, но и о других ссыльных. «Часть излишка,— пишет А. Е. Розен И. В. Малиновскому 11 июня 1845 года,— которую ты нам даришь, пошлю. Теплые, из моих старых,— соузникам, которые от родных не могут получить никакого вспомоществования, но, напротив того, трудами головы и рук своих поддерживают неимущих родных своих» [31].

Известно, что Пушкин посвятил И. В. Малиновскому одну из черновых строф стихотворения «19 октября» (1825). Этот день всегда был святым для лицеистов. Об этом А. Е. Розен 5 ноября 1853 года писал шурину: «19-го Окт[ября] мы вспоминаем тебя здесь; письмо твое от 20 сообщило, как ты праздновал этот день, уж верно, не хуже остальных товарищей в СПб, из которых ни единого не было в тот день в Лицее...» [32]

Тоненькая жизненная ниточка двух семей тянется с давних времен, когда Пушкины и Малиновские поселились рядом на окраине Москвы в Сущеве. Судьба разбросала их детей и внуков по разным городам и весям, но связь между ними, как видим, не прерывалась.

...В день своего юбилея в 1871 году историк М. П. Погодин получил такое приветствие от москвичей: «Вы в Москве свой. Рождением, воспитанием, жительством, службою, направлением мысли, чувством, самим своеобразным характером Вашей деятельности Вы принадлежите Москве... Москва вдохновила Вас с детства, Вы жили и оставались москвичом...» Эти слова можно с уверенностью отнести и к двум семьям, о которых рассказывалось в этой главе.

ГЛАВА VI
«ЛЮБИТЕЛЬНИЦА СВОБОДНЫХ НАУК»

Общие научные интересы, любовь к отечественной истории, к московской старине сближали А. Ф. Малиновского со многими выдающимися людьми его времени. К их числу относится и замечательная русская женщина-ученый Екатерина Романовна Дашкова. Последние архивные находки позволили уделить ей в нашем повествовании хотя и небольшую, но отдельную главу.

Княгиня Е. Р. Дашкова (1743—1810) — явление уникальное в истории России второй половины XVIII века. В течение одиннадцати лет она возглавляла два основных в то время научных учреждения страны — Академию наук и созданную по ее инициативе Российскую Академию, куда в 1834 году был избран и А. Ф. Малиновский. «Любительницей свободных наук» назвал Е. Р. Дашкову известный русский просветитель Н. И. Новиков. Ее биография изобилует крутыми поворотами, славными взлетами и страшными падениями. Судьба не щадила на склоне лет эту талантливую женщину. Ее не судили и не сажали в крепость, как А. Н. Радищева и Н. И. Новикова, но царская опала коснулась и ее. Этот период жизни Е. Р. Дашковой известен менее всего. О нем в основном биографы рассказывают, используя «Записки» княгини или воспоминания и письма двух сестер — ирландок М. и К. Вильмот, живших одно время в доме Е. Р. Дашковой. И вот новые находки в архиве! Среди неописанных материалов в ЦГАДА обнаружены документы, некогда принадлежавшие Малиновским. Открываем красивый зеленый переплет с золотыми узорами; здесь бережно собрано все, что осталось в семье в память об их друге и родственнице Е. Р. Дашковой: ее биография, письма княгини к своей воспитаннице А. И. Исленьевой (будущей жене А. Ф. Малиновского), несколько писем Мэри Вильмот — близкого друга Е. Р. Дашковой. Архивные документы открыли новые имена и научные контакты Дашковой, рассказали историю старинного села Троицкого близ Калуги, где последние десять лет жила и была похоронена Е. Р. Дашкова.

В 90-е годы отношения Е. Р. Дашковой и Екатерины II обострились. Царица подозревала свою бывшую соратницу в участии в издании революционной книги А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву».

Из биографии Е. Р. Дашковой (Русский вестник. 1820. Кн. 5. С. 21): «Сия ученая жена покровительствовала Радищеву, Николеву и другим отличным по своим дарованиям мужам, невзирая на их происхождение и состояние. Благородное рвение Дашковой к наукам и любовь к ученым стоили ей многих усилий, а иногда и неудовольствий, но препятствия не удерживали ее...»

Тревога, порожденная Французской революцией в правительственных и аристократических кругах России, была тем сильнее, чем заметнее проявлялось сочувствие ей в среде передового дворянства. Реакция коснулась и академии. Дашкова при создавшихся условиях оказалась, с точки зрения правительства, неподходящим исполнителем «высочайших» предначертаний в отношении академии. Поводом к ее отставке послужило данное ею разрешение на печатание в издававшемся при академии журнале «Российский феатр» трагедии Я. Б. Княжнина «Вадим Новгородский». Пьеса была пронизана тираноборческими мотивами: герой ее выступал в качестве противника самодержавия Рюрика, отстаивал свободу Новгорода. Екатерина приказала трагедию изъять; текст ее был выдран из отпечатанных экземпляров журнала.

Из документа ЦГАДА. Черновик распоряжения Екатерины II от 12 августа 1794 года с ее собственноручными правками об увольнении Е. Р. Дашковой от дел Академии наук: «Княгиня Катерина Романовна. Отдавая справедливость похвальным трудам и рвению, с коими Вы в течение 12 лет отправляли возложенное на Вас звание директора Академии наук (далее зачеркнуты слова «желала бы я, чтоб Вы не оставляли вовсе того места, где служение Ваше ознаменовано успехом и пользою, и для того дозволяю Вам», и рукою Екатерины II вставлено) увольняю Вас по желанию Вашему для поправления здоровия и домашних дел (далее зачеркнуто: «Ваших отлучиться только») на два года с сохранением жалования...» [1]

В 1796 году новый царь Павел I, припомнив Е. Р. Дашковой ее активное участие в возведении на престол Екатерины II, лишил ее всех должностей и сослал в захолустную деревеньку близ города Череповца. Лишь в конце марта следующего года ей было разрешено вернуться в ее подмосковное Троицкое. Опала была снята только в 1801 году после смерти Павла I, но Екатерина Романовна продолжала еще долгие годы жить в Троицком.

Е. Р. Дашкова считала Троицкое «одним из самых красивых имений в России и за границей» и хорошо знала его историю. В одном из документов, составленном незадолго до ее

смерти, она писала, что земли вокруг Троицкого издавна принадлежали прадеду, деду и отцу ее мужа.

История села Троицкого уходит в глубь веков.

1 октября 1618 года вместе с бесстрашным князем Дмитрием Михайловичем Пожарским в сражении с интервентами у Арбатских ворот в Москве отличился Иван Андреевич Дашков. Это был первый из Дашковых владелец Троицкого. В 1628—1630 годах писец Василий Колычев и подьячий Василий Рожнов, переходя от селения к селению около Малоярославца, составили подлинную писцовую книгу, где впервые было упомянуто Троицкое [2]. По архивным документам прослеживается и дальнейшая судьба села. В конце XVIII века им владел муж Екатерины Романовны Михаил-Кондратий Иванович Дашков.

«Мое любимое имение» называла Троицкое Е. Р. Дашкова и придавала его строительству большое значение. В своих записках она пишет: «Вернувшись из Круглого (село в Могилевской губернии.— **С. Д.**) в Троицкое, я постаралась завершить постройки. Были окончены четыре дома и произведены посадки, превратившие мой сад в самое отрадное для меня место: каждое дерево, каждый куст сажались мною самой или на моих глазах там, где я указала». Эти слова Е. Р. Дашковой относятся к 1796 году [3].

Примерно этим же временем датируется описание Троицкого в рукописи «Экономические примечания к планам генерального межевания Тарусского уезда»: «Село Троицкое и деревни: Катеринина, Малеева, Воронина, Кременки, Ключи, Новоселки и Ершево с пустошами княгини Катерины Романовны Дашковой». (Число дворов 127, по ревизии душ 533 «мужеска», 483 «женска».) Село располагалось «на правой стороне реки Протвы, церковь каменная Живоначальныя Троицы; дом господский каменный с регулярным садом. И на реке Протве мучная о шести поставах мельница» [4].

Несколько зданий окружали находящуюся в центре усадьбы площадь. Они создавали единый ансамбль с домом княгини; тут и театр, и школа верховой езды, конюшня, дом для гостей, дом для слуг, оранжереи. «Княгиня,— писала Кэтрин Вильмот (сестра Мэри Вильмот, также жившая несколько лет в Троицком) 8 декабря 1805 года в Англию,— очень любит тропинку, петляющую среди берез,— она ведет к холму, на котором высится гранитный монумент, посвященный восшествию Екатерины на трон! Позади него — келья отшельника с высеченными из камня сидениями, устланными мхом, а за ней начинаются лесные дебри...» [5]

Что же сохранилось от тех времен в Троицком? Шумит река Протва, перекатываясь через руины старинной плотины. Рядом мельница, заросший парк, фундамент господского дома, арка парадных ворот от исчезнувшей ограды. Напрасно в полу разрушенной церкви искать надгробную плиту, под которой покоился прах Е. Р. Дашковой; она давно исчезла. А высеченную на памятнике эпитафию можно воспроизвести лишь по листочку, сохранившемуся в бумагах племянника и главного наследника княгини М. С. Воронцова:

> «Здесь покоятся тленные останки княгини Екатерины Романовны Дашковой, урожденной графини Воронцовой, штатс-дамы, ордена св. Екатерины кавалера, императорской Академии наук директора, Российской Академии президента, разных иностранных Академий и всех российских ученых обществ члена.
>
> Родилась 1743 года марта 17, скончалась 1810 января 4. Сие надгробие поставлено в вечную ей память от приверженной к ней сердечно и благодарной племянницы Анны Малиновской урожденной Исленьевой» [6].

Анна Петровна Исленьева, ставшая в 1812 году женой А. Ф. Малиновского, жила в доме двоюродной тетки более десяти лет [7] и вела всю деловую переписку. «Желание, чтоб ты счастлива была, будет чувство живейшее сердца моего до последнего его биения»,— записала Е. Р. Дашкова в альбом А. П. Исленьевой 21 июля 1807 года [8]. А. П. Исленьева была в числе тех, кто в декабре 1796 года провожал из Троицкого княгиню в захолустную деревушку Коротово близ Череповца. В зимнюю стужу, с трудом достав проводника, знающего, куда ей надлежит ехать, Дашкова с дочерью отправилась в ссылку. Они поселились в маленькой деревеньке, в крестьянской избе. В своих записках Дашкова рассказала о том, как проводила долгие зимние вечера в ссылке. Любимым ее занятием было рисование, но так как бумаги было мало, княгиня рисовала на деревянном белом столе окружавшие ее деревенские пейзажи. К тому времени и относится, как считает журналист Е. В. Кончин, самый интересный портрет Е. Р. Дашковой, рисованный Сальватором Тончи в 1805—1807 годах. По воспоминаниям М. Вильмот, приехавшей к Дашковой в 1805 году, она встретила ее в том черном платье, колпаке, старом шейном платке и со звездою, что были изображены художником. На обороте холста была сделана следующая запись: «Портрет княгини Екатерины Романовны Дашковой, рожденной графини Воронцовой. Сей портрет, принадлежащий Анне Петровне Ислентьевой, подарен

ей в 1807 году». Подарен, надо полагать, самой Дашковой.

После возвращения из ссылки княгиня почти не расставалась с племянницей. Приведем только две выдержки из ее писем: «За письмо твое, Анюта, благодарю — матушку свою от меня поблагодари за дружеские строки ее. Я ожидаю от ее дружбы ко мне, что она тебя далее сроку не продержит, ибо истинно ты мне нужна. Я еще до сих пор до гумна без трости и отдыху дойтить не могу, а от стенки на дрожках домою возвращаюсь. Ночи худо сплю, и опухоль особливо в левой ноге все продолжается...»; «Анюту нетерпеливо желаю видеть, но не хочу ее лишить зрелищ, коих она от роду не видала, и для того к ней о приезде не писала. Но признаюсь, что она меня так к себе приворожила, что я ни на час бы не хотела с нею расстаться» [9].

Последние годы жизни Дашковой были омрачены семейными несчастьями, тяжелыми отношениями с дочерью Анастасией (в замужестве Щербининой) и неожиданной смертью в 1807 году сына.

Помочь пережить эти тягостные дни ей помогали не только сестры Вильмот, которых до сих пор считают «последней привязанностью Дашковой» [10]. Теперь мы видим, что вместе с сестрами и после их отъезда в Англию рядом с княгиней была А. П. Исленьева. В доме Е. Р. Дашковой на Никитской улице в Москве (сейчас перестроенное здание Московской консерватории) и в Троицком она находилась в последние годы жизни княгини почти постоянно, только изредка навещая родителей в Туле. 27 октября 1805 года в Троицком Е. Р. Дашкова закончила «Записки». Начиная повествование с рассказа о детстве, автор далее сосредоточивает главное внимание на своем участии в дворцовом перевороте 1762 года. Долгими зимними вечерами в калужской деревне Е. Р. Дашкова читала жившим с ней молодым девушкам свои записки. Один из таких вечеров запечатлен в письме К. Вильмот сестре Алисии 2 декабря 1805 года: «Княгиня ожидает нашего возвращения домой, так как этот вечер должен быть посвящен чтению нескольких десятков писем, увязанных в большой бумажный сверток,— переписки княгини с Екатериной II: первые письма написаны в 18-летнем возрасте, а закончилась переписка с ее уходом из Академии. Эти письма, напоминающие о событиях почти всей жизни, вызывают на ее лице болезненно-волнующее выражение... Анна Петровна уже заняла место и приготовила свое бесконечное вязанье».

Несмотря на то что Е. Р. Дашкова тяжело болела, она старалась своих подопечных вывозить в Москву, о которой у нее было любопытное мнение: «Москва — целый мир, обширный и многолюдный, населенный не похожими друг на друга обитателями. Там можно одновременно наблюдать манеры европейцев, черты обычаев, оставленных татарами, и чисто патриархальные нравы». В городе девушки посещали театр, музыкальные салоны, осматривали достопамятности Нескучного сада, Останкина, Царицына и даже посещали лекции в университете. За несколько лет совместной жизни М. и К. Вильмот очень привязались к Анне Петровне. В письме от 15 июля 1807 года К. Вильмот рассказывает, как при отъезде в Петербург ее провожала до Клина А. П. Исленьева и как грустно было это расставание [11]. Среди бумаг Малиновских сохранилось письмо М. Вильмот к А. П. Исленьевой, с которой она делится своим впечатлением о встрече с сыном Е. Р. Дашковой.

Неизвестны были исследователям также и письма Е. Р. Дашковой к А. Ф. Малиновскому. Думается, что этих двух людей сблизила прежде всего любовь к театру. В течение всей жизни Е. Р. Дашкова увлекалась театром: постоянно посещала спектакли, редактировала отдельные тома «Российского феатра», где печатался и А. Ф. Малиновский. У княгини в Троицком был небольшой театр каменной постройки. Особой труппы не было, играли дворовые люди, которые после спектакля возвращались к исполнению обязанностей лакеев, горничных и т. д., имелся также неплохой оркестр.

В 1799 году, бывши в имении своего брата Александра Романовича Воронцова Андреевском, Е. Р. Дашкова на сцене крепостного театра в первый раз увидела пьесу модного тогда в России немецкого писателя Августа Коцебу в переводе А. Ф. Малиновского. Отмечая это событие, автор биографии Е. Р. Дашковой в журнале «Русский вестник» (1820. № 5. С. 29) при упоминании имени А. Ф. Малиновского сделал следующее замечание: «Сему достопочтенному любителю и знатоку отечественной истории сочинитель обязан чувствительною благодарностью за доставление некоторых сведений о кн. Дашковой».

А. Ф. Малиновский не только снабжал сведениями первых биографов Е. Р. Дашковой, но по личным наблюдениям и рассказам современников, и прежде всего со слов своей супруги Анны Петровны, составил ее жизнеописание, которое так и не было опубликовано. Процитируем лишь небольшой отрывок из этой рукописи — о назначении Дашковой президентом Академии наук: «Вот что могло подать повод возложить на нее сию дотоле небывалую для женщины должность; она в продолжении путешествий своих принята была чле-

ном разных Академий: Стокгольмской, Берлинской, Эрлангенской и многих ученых обществ. Коротко познакомилась с Волтером, подружилась с Дидеротом, часто бывала с Даламбертом и беседовала со всеми учеными того времени мужами в Англии, Германии и Италии. Сии-то ученые распространили по всей Европе высокое мнение о природных ее дарованиях и характере мужественном»[12].

В 1783 году Е. Р. Дашкова использовала переведенные А. Ф. Малиновским на русский язык знаменитые «Максимы» Ф. Ларошфуко как нравоучительные высказывания для своих сочинений[13].

В 1801 году члены Российской Академии направили Дашковой письменное приглашение вновь занять председательское место, но она, не желая возвращаться к служебной деятельности, отказалась. Однако связи ее с научным миром не прерывались[13]. Из письма ее к А. Ф. Малиновскому узнаем, что она получала от Н. Н. Бантыш-Каменского его сочинения. Видимо, со слов историка его сын записал в «Словаре достопамятных людей русской земли» о Е. Р. Дашковой: «С юных лет она являла ум необыкновенный; любила проводить время в кругу иностранных министров, не носила румян, которые были тогда в великом употреблении» (кстати, здесь также приводится факт просмотра Е. Р. Дашковой в имении брата пьесы Коцебу в переводе А. Ф. Малиновского)[14].

Другие письма Е. Р. Дашковой к А. Ф. Малиновскому носят следы ее переживаний во время опалы и ссылки, атмосферы преследований и всеобщего страха при Павле I. Приведем несколько коротких посланий княгини: «Не могу довольно Вас, любезный Алексей Федорович, возблагодарить за дружеское Ваше письмо и за бумагу. Мне очень утешно видеть, что Вы меня помните и любите, ибо я искренно Вас чту — естли же я замедлила отвечать — тому причиною, что я была не в состоянии даже пером водить и с постели не вставала. Пишите ко мне чаще, что мне весьма приятно будет, и верьте, что дружба и уважение к Вам навек...»; «Не могу Вас довольно возблагодарить, дорогой мой Алексей Федорович, за книги и дружеское Ваше письмо, лестное мнение, которое Вы о мне имеете. Мне тем более утешно, что я никакой награды себе не желаю, окроме одобрения честных людей...»; «Итак, я о себе Вам только скажу, что я по самому первому пути щитаю в Москву приехать, где надеюсь пользоваться приятной Вашей беседою...»[15]

Малиновские хранили вещи, картины, личные бумаги Е. Р. Дашковой, в том числе и ее знаменитые «Записки». Об этом свидетельствует историк М. П. Погодин, ознакомившийся прежде с «Записками» по другому списку: «Алексей Федорович Малиновский, которого супруга родня кн. Дашковой, давал мне читать ее собственноручную тетрадь Записок. Но какая разница — там все пустяковые ежедневные записки о самых незначительных мелочах, а здесь слог и заманчивость»[16].

Видимо, в доме княгини А. Ф. Малиновский и познакомился со своей будущей женой А. П. Исленьевой. Свою единственную дочь они назвали в честь Е. Р. Дашковой Екатериной.

ГЛАВА VII
В ПАМЯТЬ ПРАСКОВЬИ КОВАЛЕВОЙ-ЖЕМЧУГОВОЙ

В память Прасковьи Ковалевой-Жемчуговой была основана в 1810 году одна из первых благотворительных больниц Москвы, известная до революции как Странноприимный дом Шереметевых (сейчас здание Научно-исследовательского института скорой помощи им. Н. В. Склифосовского). В то время на другом конце Москвы, за Калужской заставой, уже действовала больница для бедных, построенная также в память рано ушедшей из жизни молодой женщины — Екатерины Голицыной, дочери славного сподвижника Петра I, молдавского господаря Дмитрия Кантемира. Благотворительность в Москве только зарождалась, и было бы несправедливо не рассказать, что у истоков ее стоял и А. Ф. Малиновский (тем более что современные авторы об этой стороне его деятельности умалчивают)[1].

В 1798 году, после отстранения Ф. А. Малиновского от службы в Троицкой церкви, он со старшим сыном переезжает в загородный дом графа Н. П. Шереметева на «Черкасские огороды». Протоиерей был духовным отцом графа Николая Петровича и пользовался его особым дружеским расположением. Учредитель Дома милосердия был родным внуком знаменитого сподвижника Петра I, первого русского графа Б. П. Шереметева.

Граф Николай Петрович Шереметев (1751—1809) детские годы провел дома, по

обычаю того времени числясь в гвардии. С 1769 года юноша долго путешествовал по Западной Европе, был в Англии, Франции, Германии, Швейцарии, в Голландии, прослушал цикл лекций в Лейденском университете. Сразу после вступления на престол император Павел I возвел друга своей юности в звание обер-гофмаршала, вменив ему в обязанность, по свидетельству внука Н. П. Шереметева, «пробовать все блюда, назначенные к царскому столу» [2]. После смерти отца в 1787 году графу достались громадные владения, в том числе подмосковные: Кусково с крепостным театром и Останкино, где молодой наследник задумал строительство нового дворца-театра. Подобно отцу, Н. П. Шереметев славился устройством праздников и увеселений, которые поражали современников своей пышностью и театральными представлениями. В Кускове граф, не довольствуясь Зеленым и Малым театрами, выстроил еще один — с огромной сценой, занимавшей больше половины всего здания. Николай Петрович и сам часто участвовал в музыкальных спектаклях: «...бросся гостей, садился меж холопов своих» с виолончелью — игра на ней «составляла главную страсть его во всю жизнь» [3]. Посетителей театра удивляло и другое: непривычно уважительное отношение владельца к крепостным актерам. Имена их в первых домашних спектаклях были напечатаны с отчествами, а в дальнейшем граф ввел еще одно новшество: он дал артистам красивые псевдонимы по названию драгоценных камней. Балерина Татьяна Васильевна Шлыкова стала именоваться на сцене Гранатовой, ее подруга Мавра — Бирюзовой, а Прасковья Ивановна Ковалева — Жемчуговой. Театр Шереметева по масштабам, богатству, серьезности постановки дела и художественному уровню стоял гораздо выше других крепостных театров.

Но все-таки не этим стал знаменит Н. П. Шереметев. Известность и народную память он заслужил благодаря небывалому для того времени шагу — женитьбе на своей крепостной Прасковье Ковалевой.

Параша родилась в 1768 году в семье кузнеца Кусковской вотчины Ивана Степановича Ковалева, который за свой физический недостаток звался односельчанами еще и «Горбун». Семи лет взяли Парашу в господский дом, заметив ее необыкновенные вокальные способности и приятную внешность. Ее, как и других будущих актрис крепостного театра в Кускове, обучали лучшие актеры, танцовщики и музыканты. Беззаветно полюбившая искусство, разносторонне одаренная, получившая хорошее образование, девушка приносит графскому театру небывалую славу. Поистине грандиозным был ее успех в героической опере французского композитора А. М. Гретри «Самнитские браки», где она создала образ юной и самоотверженной самнитянки, выступившей во главе войска на борьбу с врагами — римлянами. По отзывам современников, она была необыкновенно способной актрисой, добрым, приветливым и отзывчивым человеком. Вот как описывает внешность Прасковьи Ивановны один из ее первых биографов: «В минуту обаяния, которое невольно охватывает вас при взгляде, приобретают весь смысл и все значение — и эта казавшаяся неправильность в овале лица; и эти глаза, равно сильные и нежные во взоре своей глубиною и влажностью; и эта томность, близкая к слабости... Но в то же время смуглый колорит, готовый засвидетельствовать твердость воли и силу натуры» [4]. Вглядитесь внимательно в известный портрет П. И. Шереметевой (Ковалевой-Жемчуговой) работы Н. И. Аргунова, и вы убедитесь в точности этого описания. Почти все русские «Песенники» начиная с 1819 года включали в свой репертуар «Песню кусковской крестьянки Параши Кузнецовой-Горбуновой», в которой рассказывалось о встрече едущего с поля барина с девушкой-крестьянкой. В 1798 году Прасковья Ивановна получает вольную, а в 1801 году под фамилией Ковалевская (чтобы скрыть ее низкое происхождение) выходит замуж за пятидесятилетнего графа Н. П. Шереметева. В краткой записке, найденной в 1863 году в бумагах ее подруги Т. В. Шлыковой, отмечено, что брак был совершен «в Москве, в среду 6 ноября 1801 г., в день святого Павла архиепископа Константиноградского в 7 часов по полудни, на Поварской улице, в церкви Симеона Столпника». Свидетелями этой тайной церемонии были самые близкие молодым люди: князь Андрей Николаевич Щербатов, Алексей Федорович Малиновский, Татьяна Васильевна Шлыкова и Николай Никитич Бем, служащий домовой конторы Шереметева [5].

Вскоре после свадьбы супруги вместе с Т. В. Шлыковой уехали в Петербург; доверенным лицом в Москве граф оставил А. Ф. Малиновского, поручив ему должность управляющего домовой канцелярией и смотрение за начатым в 1794 году строительством Странноприимного дома.

Местность за Сухаревой башней, где строился дом, называлась «Черкасские огороды», она перешла во владение Шереметевых при отце Николая Петровича Петре Борисовиче Шереметеве, которому эти земли принесла в приданое княжна Варвара Алексеевна Черкасская [6]. Видимо, мысль об основании на «Черкасских огородах» «каменной гошпитали»

возникла у Шереметевых еще в конце 80-х годов XVIII века; уже тогда у стоявшей там церкви св. Ксении была богадельня на 50 человек. Первоначальный проект здания и смета на него были сделаны бывшим крепостным подпоручицы Агалви Е. С. Назаровым, прошедшим обучение в «архитекторской команде» В. И. Баженова при Экспедиции Кремлевских строений[7]. Когда А. Ф. Малиновский приступил к смотрению за строительством, по плану Е. С. Назарова уже была закончена постройка левой части корпуса с церковью.

Вступив в должность, А. Ф. Малиновский по просьбе графа составил «Мнение о разных обстоятельствах, касающихся до созидаемого богоугодного заведения», где, в частности, решительно выступил за «принцип абсолютной бесплатности». «Всякое доброе дело,— считал он,— теряет свою цену, как скоро за исполнение его берется хотя малая плата»[8]. Предварительно А. Ф. Малиновский осмотрел Голицынскую больницу, но она ему «не полюбилась», как он пишет в письме к графу 5 мая 1802 года, потому что «для жительства лекарей и других смотрителей занято пространства немного менее половины главного корпуса, как будто не они для больных, а больные для них»[9]. Он высказал предпочтение устройству «странноприимницы» — богадельни на 100 человек. В одном из корпусов предполагалось выделить большую залу для питания в ней обедами неимущих ежедневно до 50 человек; другая комната предназначалась для больницы.

На следующий год по поручению графа А. Ф. Малиновский составил «Учреждение Странноприимного в Москве дома...» и его штат, которые были утверждены 21 апреля 1803 года императором Александром I и напечатаны не только на русском, но и на немецком языках. Появилось много стихотворений, приветствующих это событие. Они долгое время хранились в библиотеке дочери А. Ф. Малиновского, где их разыскал историк больницы А. Т. Тарасенков. Мораль, звучавшая в записке А. Ф. Малиновского об учреждении дома, не утратила своего значения и в наши дни: «Во всех веках и у всех народов бедные люди, не имеющие способов к пропитанию, болезнями удрученные и от многочисленности семейств своих бедствующих, обращали на себя предусмотрительную внимательность государей и возбуждали сострадание избыточествующих граждан...»[10]

Прервем ненадолго хронику строительства Странноприимного дома, чтобы рассказать о радостных и трагических событиях, произошедших в семье Шереметевых после их отъезда из Москвы. 3 февраля 1803 года Прасковья Ивановна родила сына и назвала в честь Дмитрия Ростовского, образ которого вместе с портретом отца хранился постоянно в ее комнатах. Рождение наследника принесло не только радость, Прасковье Ивановне суждено было испытать глубокое волнение за будущее своего ребенка. После родов, очень слабая, она беспрерывно спрашивала о новорожденном, выражала боязнь, чтобы его не похитили (эту мысль она внушила и графу, который около комнат сына поставил специальную охрану во главе с доверенным лицом Н. Н. Бемом); требовала, чтобы к ней постоянно вносили младенца; радовалась, заслышав в соседней комнате его крик. Страдания матери не были беспричинны: брак был тайный, поэтому граф не мог открыто признать Дмитрия своим сыном. Пока нам известно только одно лицо, которому граф Н. П. Шереметев тотчас сообщил о рождении сына,— это был его духовный отец Ф. А. Малиновский, которого он при этом предупреждал: «...прошу до некоторого времени никому не открывать сего происшествия, ибо по болезни моей не успел еще я донести о сим государю императору»[11]. Знал тайну семьи и был в дружеских отношениях с Прасковьей Ивановной и младший Малиновский; это подтверждает хотя бы такая просьба к нему Н. П. Шереметева (в письме от 8 июня 1802 года): «Прасковья Ивановна свидетельствует Вам свое почтение и напоминает о тех зубных каплях, которые Вы обещали»[12].

Рождение сына Шереметева вскоре было омрачено тяжелой болезнью, а затем смертью 23 февраля 1803 года его супруги. В завещании сыну Н. П. Шереметев описывал страшное потрясение, испытанное им в связи со смертью любимой жены, в которой он когда-то нашел «украшенный добродетелью разум, искренность, человеколюбие, постоянство, верность... привязанность ко святой вере и усерднейшее богопочитание. Сии качества пленили меня больше, нежели красота ее; ибо они сильнее всех внешних прелестей и чрезвычайно редки. Они заставили меня,— признавался граф,— попрать светское предубеждение в рассуждении знатности рода и избрать ее моею супругою»[13]. На другой день после смерти жены Н. П. Шереметев незамедлительно поставил в известность императора о своей женитьбе и рождении сына. И только после признания Александром I его сына наследником сообщил об этом близким людям.

О том, что брак с Прасковьей Ивановной был тайной даже для родственников, говорит письмо графа к родной сестре Варваре Петровне Разумовской, написанное 26 февраля 1803 года в связи с «мучительной горестью»: «Милостивая государыня моя, сестрица графиня Варвара Петровна. Поставляю долгом

своим уведомить Вас, что я соединился священными узами брака прошлого 1801 года, ноября 6-го дни в Москве по обряду нашей религии и на сей брак получил, как от государя императора, так и от всей высочайшей фамилии, благоволительные подтверждения...» (эта часть письма написана писарской рукой). В конце письма «собственноручная приписка» Н. П. Шереметева, которая отражает тяжелейшее состояние его души: «Пожалей о мне. Истинно я вне себя. Потеря моя непомерная...» [14] Особенно часто в эти дни он пишет своему духовному отцу и получает от Федора Авксентьевича Малиновского успокоительные письма, наполненные философской мудростью, суждениями о равенстве людей перед жизненными катаклизмами независимо от их положения в обществе и состояния. Таких писем много, вот отрывок из одного: «Нужно принять терпение и согласить его с некоторыми размышлениями. Оно Вам припомнит об обитателях сей земли, что они живут на море, непрестанными вихрями волнуемом, на котором ни один еще плаватель не был так щастлив, чтобы ветры во всякое время были для него приятны». Ф. А. Малиновский часто упоминает в письмах маленького Дмитрия Шереметева, который должен, по его мнению, облегчить страдания отца. Из письма 1 декабря 1804 года: «Любезнейшему графу Дмитрию Николаевичу желаю от всевышнего бога долгоденствия и всех благ. Я видел его изображение; он любезен и прекрасен, да даруй бог, чтобы был прекрасен еще по душе...» [15]

А. Ф. Малиновский посвятил Дмитрию стихи, которые были помещены в куполе новой церкви Странноприимного дома вместе с изображением маленького графа:

В небесной славе здесь парящим по эфиру
Средь ликов ангельских твой вид изображен.
Живя между людьми, явишь собой ты миру,
Что к вечным истинам и дух твой воспарен.

Алексей Малиновский

(В середине XIX века живопись в куполе церкви была возобновлена художником Фартусовым уже без надписи. В настоящее время и живопись, к сожалению, утрачена.) [16]

Прасковья Ивановна при жизни много успела сделать для расширения строительства Странноприимного дома. В завещании сыну граф пишет, что учреждение Дома милосердия было сделано им «во взаимном и тайном согласии нашем с матерью твоею, еще при жизни ее,— облегчить страждующее человечество, а по кончине ее произведено в действо учреждением Странноприимного дома и разными вспоможениями бедным по ее завещанию» [17].

Когда П. И. Шереметева скончалась, строительство дома было в полном разгаре. В 1803 году к работе был привлечен архитектор Джакомо Кваренги, перед которым стояла задача превратить уже наполовину построенный дом в памятник замечательной русской женщине.

Все годы строительства Алексей Федорович сам руководил работами, постоянно уточнял проекты дома, занимался устройством сада и огорода при больнице, заключал контракты и подряды, заготовлял строительные материалы, вел переговоры с художниками и скульпторами. Словом, как он писал о себе графу 23 мая 1804 года, «сам редкий день пропускаю о всем своими глазами удостовериться» [18]. Дополнительно ему приходилось заниматься как управляющему и делами обширных имений Шереметева, в том числе крепостными школами в Кускове и Останкине. Отец А. Ф. Малиновского также помогал строительству, и не только советами: по поручению графа он вел переговоры с архитекторами, осматривал не раз стройку и строительные материалы, лечил и успокаивал больных. Однако в его письмах графу все чаще проскальзывает беспокойство за сына, который не бережет себя, «будучи болен, томит себя делом по ночам и, не давши оправиться после болезни, ходит на строение» (из письма 21 марта 1804 года) [19]. Не имея опыта и хороших помощников, Алексей Федорович, однако, запустил канцелярские дела по вотчинному правлению и по Странноприимному дому, что отметил в 1806 году присланный из Петербурга ревизор [20]. Наконец, в 1807 году Ф. А. Малиновскому удалось уговорить графа освободить сына, занятого еще основной работой в архиве, от должности управляющего, оставив ему обязанности главного смотрителя Странноприимного дома.

Но не только строительство занимало время и мысли А. Ф. Малиновского. Еще дом не был открыт, а он пытался облегчить участь обращающихся к нему за помощью неимущих москвичей. Сразу после опубликования в газетах «Учреждения...» главному смотрителю стали поступать прошения об определении в богадельню и денежной помощи; многие просители до 1807 года были лично освидетельствованы А. Ф. Малиновским, о чем он докладывал Н. П. Шереметеву: «В течение трех лет многие бедные люди являлись ко мне с письменными и словесными просьбами о разных вспоможениях. Ни отказывать им, ни обнадеживать я права не имел, а записывал только для памяти имена их, а некоторых при удобном случае освидетельствовал». В Петербург в 1808 году он прислал графу «реестр по алфавиту прозвищ» с собственными замечаниями против имени каждого. Сколько боли, стра-

даний, одиночества прошло мимо А. Ф. Малиновского! Просит Анна Римская-Корсакова, вдова, полковница; А. Ф. Малиновский отмечает: «Стара; была в плену у черкес и там лишилась имения и детей, оттуда искуплена». Просит отставной титулярный советник Федор Рейлис, имеет жену и трех малолетних детей; А. Ф. Малиновский отмечает: «Негодный человек, под судом за утайку денег, но жена и малолетние дети возбуждают к соболезнованию».

Были, видимо, просители, которым А. Ф. Малиновский и сам оказывал помощь. Так, «единовременного вспоможения» просил мальчик семи лет «Беляев Василий Николаев, сын действительного статского советника, внук знаменитого морехода англичанина Беринга» (факт новый в истории, мы почти ничего не знаем о потомках Беринга!). К его имени приписка: «Дитя мне известное, в котором по сиротству и неимуществу я интересуюсь. А. М.»[21] По завещанию Прасковьи Ивановны выделены были также специальные средства для назначения пособий бедным невестам.

Н. П. Шереметеву не пришлось быть свидетелем открытия дома, которое было намечено на 23 февраля 1809 года — день памяти Прасковьи Ивановны. В письме на имя А. Ф. Малиновского, писанном вскоре после отъезда последнего из Петербурга, граф жалуется на «слабые силы в здоровье». Сильная простуда стала причиной его смерти 2 января 1809 года. Новым попечителем дома стал родственник графа В. С. Шереметев, которому А. Ф. Малиновский представил строительные отчеты за 1803—1810 годы и объявил «о готовности всего строения». 28 марта 1810 года состоялось первое заседание Совета, который занялся приготовлением дома к открытию; были также отпущены деньги на заведение аптеки и приобретение хирургических инструментов. Из воздвиженского, останкинского, кусковского и других домов графа были привезены мебель, посуда, лампы, зеркала, фонари, ванны, бронза.

Открытию дома предшествовало также составленное А. Ф. Малиновским по завещанию Н. П. Шереметева распределение сумм на вклады в церкви и благотворительные дома. Помогли бедным, не попавшим за отсутствием мест в богадельню, невестам, родственникам «на пристойное погребение бедных»; из тюрем были выкуплены арестанты, сидевшие за мелкие долги[22].

Открытие Странноприимного дома при огромном стечении народа состоялось 28 июня 1810 года. Современники считали это событие выдающимся в московской жизни; о нем всюду говорили, писали восторженные стихотворения и статьи в газетах. Было бы справедливо, если бы и мы отдали должное Н. П. Шереметеву и возвратили в основанный им дом, где до сих пор спасают сотни людей, хотя бы копию его портрета кисти знаменитого В. Л. Боровиковского. Под ним была подпись «Милосердов»[23].

В этой главе, где главная героиня — крепостная актриса, уместно рассказать об увлечении А. Ф. Малиновского театром. Собственно, первые его письма графу 1797—1799 годов касаются составления родословной Шереметевых и комедий, написанных или переведенных Малиновским[24].

В конце XVIII века А. Ф. Малиновский стал известен в московском обществе как драматург и переводчик французских и немецких пьес. Для Московского публичного театра (Петровского) он переводит, а затем издает отдельными изданиями и в «Собрании некоторых театральных сочинений...» (М., 1790) пьесы популярных в России авторов Л. С. Мерсье, Бутье де Монвеля и А. Коцебу. С 80-х годов пьесы в переводе А. Ф. Малиновского при содействии Н. П. Шереметева начали ставиться на сцене московского театра.

Сценическая судьба во Франции драмы Мерсье «Зоа» не была особенно счастливой; во всяком случае, чтение ее в Итальянском театре не принесло желаемых результатов. Между тем в Москве драма, премьера которой состоялась 14 сентября 1786 года, шла по 1802 год. По свидетельству «Драматического словаря» (М., 1787), «оная драма принята была от публики с чрезвычайным удовольствием как в переводе, так и в представлении». Особый успех имела актриса М. С. Синявская, сыгравшая роль Зоа; в пьесе были заняты также актеры Василий Померанцев, Анна Померанцева, Иван Лапин, Николай Сахаров. Перевод пьесы, изданный в 1789 году, был выполнен А. Ф. Малиновским безупречно и обладал примечательной особенностью: в нем с большой точностью была передана речь двух демократических персонажей — почтаря Андре и Бертранда, изобилующая простонародной лексикой, к которой переводчик вообще тяготел[25].

На титульных листах изданных пьес А. Ф. Малиновский, как правило, указывал дату премьеры и имена исполнителей, в числе которых постоянно присутствуют актеры В. П. Померанцев и М. С. Синявская, преподававшие драматическое искусство в театре Шереметева. Здесь и произошло их сближение с А. Ф. Малиновским, который, отдавая дань таланту актеров, посвятил им два стихотворения, помещенных в одном издании с театральными переводами.

Исполнителю главной роли в пьесе А. Коцебу «Бедность и благородство души», премьера которой состоялась в Москве 21 января 1798 года, А. Ф. Малиновский посвятил следующие строки:

«...Василию Петровичу Померанцеву, Московского публичного театра достопочтенному актеру, в знак истинного уважения к отличному таланту.

Для современников хвалить тех бесполезно,
Чей виден всем талант,
Чье имя всем любезно;
Но ту хвалу продлить,
Чтоб знали после нас,
Кто Померанцев был,
Велит мне правды глас.
М...»[26]

А. Ф. Малиновский является и автором нескольких оригинальных пьес, в том числе сохранившегося в рукописи «Пролога по случаю сельского праздника в Ильинском». Текст пьесы написан писарской рукой, с правками А. Ф. Малиновского и его пометами. К заглавию сделана приписка «по случаю», и далее — «писано нечаянно для хозяина, представленный («Пролог...» — **С. Д.**) 1808 года июля 20 дня...»[27]

Одним из значительных произведений А. Ф. Малиновского является пьеса «Раздраженный муж, или Приезжие с Украины». Это русская комедия, тяготеющая к реализму; в бытовой типизации и довольно сложном психологическом анализе, при противопоставлении положительных типов образованных столичных дворян типам невежественных помещиков, манерных помещиц и «иноземцев-побродяг» прослеживается влияние «Недоросля». Фамилии персонажей служат дополнением к характеристике каждого действующего лица. Помещики — «Нелеповы», обманщик-иноземец — «Подлен». Автор широко использовал «Русские пословицы» И. Ф. Богдановича издания 1785 года. В пьесе есть персонаж Еремеич, о котором один из героев говорит: «Это живой словарь пословиц». Эти черты сближают пьесу А. Ф. Малиновского с комедиями известного в XVIII веке драматурга П. А. Плавильщикова. Автор на титульном листе указывает на заимствование сюжета: «Английское сочинение, к российским обычаям приноровленное», а в тексте дает высокую оценку только что появившемуся в России переводу пьесы Р. Шеридана «Школа злословия», что дает основание говорить о влиянии на автора английского драматурга.

Как свидетельствуют заметки современников, большой популярностью пользовалась опера Ф. К. Блима на либретто А. Ф. Малиновского «Старинные святки», в которую он включил тексты народных обрядовых песен. В роли Настасьи блистала знаменитая Е. С. Сандунова.

А. Ф. Малиновский был одним из первых историков театра; среди его черновиков сохранилось большое количество подготовительных материалов и скопированных источников для создания фундаментального труда по этому вопросу, множество выписок из архивных документов о первых шагах русского театра в Москве. Например, выписка из материалов Посольского приказа: «1702 генваря 23-го подьячий Посольского приказа Сергей Ляпунов и комедиант Иван Сплoвский посланы в Гданск для призыву осьми человек комедиантов...»; «Описание вновь строящегося театра (Петровского, после пожара.— **С. Д.**): длина всего строения 50 сажен, поперек строения — 30 сажен, длина сцены 18 сажен, ширина сцены — 12 сажен, число лож 128, краски; вышина внутри театра — 12 сажен. Портал на площадь — из 8 колонн ионического ордена коронуется большим фронтоном. А все здание коронуется большим аттиком, в коем сделано большое полуциркульное отверстие, в котором помещен Аполлон, везомый в колеснице».

Как историка театра, А. Ф. Малиновского особенно привлекали предания, легенды и подлинные акты о старинных театральных действах, народных гуляниях, забавах. Вот описание одной из причуд Ивана Грозного, когда в 1571 году «в Нове-Городе и по всем городам брали на государя веселых людей, да медведей отлавливали, у кого были. Сент[ября] 21 поехал из Нова-Города к Москве Субота с скоморохами и медведями. При въезде 1570 года царя в Москву новою улицею, сделанной в 4 дни, для чего надлежало сломать множество домов, впереди ехало 3000 стрельцов, за стрельцами шут на быке, а другой в золотой одежде».

Еще один любопытный документ повествует о том, что во время женитьбы Лжедмитрия на Марине Мнишек был показан необычный фейерверк «в виде ада, в котором троеглавый змий беспрестанно дышал огнем». Народ с ужасом наблюдал это необычное зрелище и счел его дурным предзнаменованием для самозванца[28]. А. Ф. Малиновский был свидетелем открытия в Москве Петровского театра, этому «чудному памятнику зодчества» посвящены не только выписки, но и отдельные страницы его произведений; в рукописи по истории театра помещены некролог замечательному русскому актеру И. А. Дмитревскому, упоминание о комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» и т. д.

А вот выписки из документа о представлении в Петербурге: «1717 год февраля 9 дня в

доме князя Меншикова была проба комедии. 10 числа во воскресенье играли настоящую комедию, но кто не сказано». К этой фразе есть уточнение А. Ф. Малиновского: «Владимир», трагедо-комедия соч[инение] Феофана Прокоповича» в присутствии государыни, царевен, адмирала, сенаторов, министров и многих знатных особ».

Большой книги о театре не получилось, но два очерка А. Ф. Малиновским были все же опубликованы. Еще в 1790 году в «Собрание некоторых театральных сочинений...» (ч. 2) вошли его «Записки, принадлежащие к истории российского театра»; они появились почти одновременно с его литературно-критическими статьями о театре в издаваемом Н. М. Карамзиным «Московском журнале» (1791—1792). Очерк «Историческое известие о российском театре», помещенный в журнале «Северный архив» (1822. № 21. С. 180—190), имеет подзаголовок «Из исторических записок А. М.» (т. е. Алексея Малиновского), тем самым уведомляя читателя, что автор готовит работу о театре. А пока очерк знакомил с первыми театральными зрелищами. Так, малолетний Петр I смотрел духовные и светские комедии в Заиконоспасском монастыре, а царевна Софья Алексеевна со знатнейшими царедворцами игрывали у себя в комнатах; по преданию, царевна сама сочинила трагедию. Очень ценно, что в свой небольшой очерк А. Ф. Малиновский сумел поместить и документы, извлеченные из архива. Так, из Посольского приказа, который ведал в XVII — начале XVIII века «комедиальными делами», он взял «Описание комедий», которые шли в Москве на Красной площади: «О крепости Грубетона, в ней же первая персона Александр, царь Македонский», «Сципий Африканский, погубление королевы Софонисбы», «О Баязете и Тамерлане» и т. д. Значительное место в очерке автор отводит первому русскому актеру Ф. Г. Волкову, который в 1759 году был приглашен в Москву. Учрежденный им театр состоял при Московском университете и находился на Красном пруду (сейчас Краснопрудная улица). «Знатоки легко приметили,— пишет А. Ф. Малиновский,— великие способности в Волкове и прочих его товарищах, несмотря на то, что игра их была только природная и искусством не украшенная». В очерке упоминаются и другие замечательные актеры — В. П. Померанцев, начавший играть в труппе Н. С. Титова в 1767 году, и И. А. Дмитревский, сумевший, по отзыву Малиновского, заменить чтение стихов нараспев хорошей декламацией, много сделавший для русского театра поэт А. П. Сумароков. Однако сколько исторических справок, документов, курьезных рассказов и просто бытовых сценок из театральной жизни России, собранных Малиновским, остаются пока неизвестными и ждут своего часа.

ГЛАВА VIII

ЗНАТОК ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ДОСТОПАМЯТНОСТЕЙ

Алексею Федоровичу Малиновскому воздавали должное за энциклопедические знания, бескорыстную помощь ученым, неутомимую общественную деятельность. Об этом свидетельствуют почетные дипломы научных и благотворительных обществ; собранные в одну архивную папку, они хранятся сейчас в ЦГАДА [1]. Одна из самых почетных наград — диплом Общества истории и древностей российских, председателем которого он был с 1831 по 1835 год. Признали заслуги историка Академия наук (1835), Общество любителей российской словесности (1823), Московское общество сельского хозяйства (1818), Московское общество натуралистов (1807), Общество любителей коммерческих знаний (1824). Комитет по ученой части Человеколюбивого общества (и такое было в России!) избрал А. Ф. Малиновского своим членом-корреспондентом. В 1835 году почетный диплом как знатоку древностей прислало ему Королевское общество северных актиквариев.

Издатель «Слова о полку Игореве»

Пожалуй, впервые имя молодого историка стало известно любителям российских древностей после его участия в первом издании рукописи «Слова о полку Игореве». Созданный в 1185—1187 годах памятник древнерусской литературы чудом уцелел: один из списков не сгорел в огне пожарищ во время золотоордынского нашествия, как многие русские летописи, книги, иконы, архитектурные памятники. Список «Слова», переписанный в конце XV — начале XVI века, был объединен в одном сборнике с Новгородской первой летописью младшего извода, древнерусскими переводными сочинениями и с Хронографом распространен-

ной редакции 1617 года, которым сборник открывался. Он хранился в ризнице Преображенского собора Спасо-Ярославского монастыря, где был открыт в 1787—1788 годах историком, «любителем российских древностей» графом А. И. Мусиным-Пушкиным [2].

В личном фонде Мусиных-Пушкиных (ЦГАДА, ф. 1270) хранится свидетельство А. И. Мусина-Пушкина о находке им в Спасо-Ярославском монастыре Хронографа с текстом «Слова о полку Игореве» (оно помещено в биографии, составленной его потомком А. А. Мусиным-Пушкиным в конце XIX века). 31 декабря 1813 года Мусин-Пушкин отвечал археографу К. Ф. Калайдовичу о рукописи следующее: «...писана на лощеной бумаге, в конце летописи, довольно чистым письмом. По почерку письма и по бумаге должно отнести эту переписку к концу XIV или к началу XV века» [3]. Далее А. И. Мусин-Пушкин сообщал, что рукопись была приобретена им у архимандрита Иоиля в Спасо-Ярославском монастыре. Эти подробности сыграли важнейшую роль, так как только благодаря этим ответам на запрос К. Ф. Калайдовича удалось установить, где находилось «Слово», прежде чем попало в руки А. И. Мусина-Пушкина. Сохранившийся в этом фонде рукописный «Каталог рукописей по русской истории» 1797 года свидетельствует о том, что в конце XVIII века рукописное собрание А. И. Мусина-Пушкина содержало много древних и редких рукописей [4].

Основные этапы служебной карьеры видного екатерининского вельможи графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина (1774—1817) приводятся в его биографии, написанной К. Ф. Калайдовичем: А. И. Мусин-Пушкин служил в артиллерии, был адъютантом Григория Орлова, церемониймейстером императорского двора, директором Корпуса чужестранных единоверцев (бывшего Греческого), обер-прокурором Святейшего Синода, президентом Академии художеств. Но не достигнутые чины, а именно ученая деятельность выделяет А. И. Мусина-Пушкина среди современников. Сам Мусин-Пушкин в автобиографии подчеркивал патриотическую направленность своих научных занятий [5]. Он писал, что склонность к собиранию древностей появилась у него «из любви к отечеству», издание же памятников российской истории он предпринял для того, «чтобы показать отцов наших почтенных обычаи и нравы». Современники считали А. И. Мусина-Пушкина усердным и счастливым коллекционером. Значение собирательской и издательской деятельности А. И. Мусина-Пушкина поистине верно оценил историк В. О. Ключевский: «Находка Мусиным-Пушкиным «Слова о полку Игореве», изданного им в 1800 г., была блестящим завершением патриотических усилий наших антикваров-любителей XVIII в. Но это были сдержанные открыватели, не спешившие выставлять напоказ свои архивные Америки; они вообще мало и осторожно издавали, особенно под своими именами, еще менее печатали ученых исследований, довольствуясь комментариями издаваемых памятников. Это не уменьшает огромной услуги, оказанной ими русской историографии: они сберегли много драгоценных памятников нашей старины... Таким образом, их любопытство вполне органическим стимулом входило в состав цельного общего взгляда, какой к концу XVIII в. установился в тесном кругу русских образованных людей на русскую историю, на задачи и приемы изучения русского прошедшего и на отношение этого прошедшего к современному положению вещей» [6]. Мы позволили себе привести эту довольно большую цитату, где блестяще сформулирована мысль о появлении в России конца XVIII — начала XIX века собирателей древностей, которые одновременно были и их лучшими знатоками. К ним с полным правом можно отнести и А. Ф. Малиновского.

Как мы уже писали, в 1812 году в московском пожаре погибла библиотека А. И. Мусина-Пушкина, вместе с другими рукописями сгорел и Спасо-Ярославский Хронограф со «Словом». Видимо, сразу после освобождения Москвы от французов А. И. Мусин-Пушкин узнал о разграблении своего дома на Разгуляе и о гибели библиотеки. Два письма А. И. Мусина-Пушкина (сохранившиеся в копии XIX века) из своего ярославского имения Иломна поверенному в Москве Тимофею Шепягину полны упрека и сожаления по поводу гибели библиотеки. Из письма от 19 октября 1812 года: «Бумаги, какие тобой сбережены от злодейского расхищения, привези сюда. Крайне досадно мне, что ты не предпринял мер для сбережения книг и бумаг моих. Ежели Ивану Петрову оныя были неизвестны, то тебе стыдно не знать, что для меня нужно и чем я всегда дорожил» [7]. Всем памятны слова, которые написал историк Н. М. Карамзин в связи с потерей библиотек А. И. Мусина-Пушкина: «Радуюсь, что Синодальная библиотека цела, и не перестаю тужить о Пушкинской. История наша лишилась сокровища» [8].

Но «Слово» в 90-е годы XVIII века успели скопировать, и одна из первых и полных сохранившихся копий, снятая с подлинной рукописи, хранится в ЦГАДА. Здесь же дело о находке в феврале 1864 года адъюнктом Академии наук П. П. Пекарским в бумагах Государственного

архива «в переплетенном фолианте с рукописями государыни Екатерины II списка «Слова о полку Игореве», достоверно снятого с подлинника, и предшествовавшего первому изданию этого памятника»[9].

А. И. Мусин-Пушкин имел тесные научные контакты с МАКИД; сюда он собирался в дальнейшем передать свою коллекцию[10]. Как свидетельствуют обнаруженные в канцелярии архива документы, еще в 1794 году А. И. Мусину-Пушкину в связи с его работой по истории Унии были переданы из архива «дипломатические оригинальные собрания для списывания»[11]. Не случайно к первому изданию «Слова» он привлек опытных археографов-архивистов: Н. Н. Бантыш-Каменского и А. Ф. Малиновского. «Издатели «Слова»,— подчеркнул академик Д. С. Лихачев,— безусловно были уверены в подлинности рукописи; весь ход работы над изданием «Слова» убеждает, что издатели ничего сознательно не придумывали, не сочиняли, не изменяли более раннего текста без каких-либо серьезных оснований. Если бы кто-либо из создателей «Слова», будь то сам А. И. Мусин-Пушкин, Н. Н. Бантыш-Каменский или А. Ф. Малиновский, не был уверен в подлинности рукописи... то весь ход работы был бы совсем иным»[12]. Это подтверждается дарственной записью А. Ф. Малиновского на экземпляре первого издания «Слова», хранящегося сейчас в Государственной публичной исторической библиотеке в Москве: «Ея сиятельству милостивой государыне княгине Екатерине Романовне Дашковой всеусерднейшее приношение от трудившегося в объяснении и переводе сего древняго отечественного умопроизведения».

12 декабря 1800 года в газете «Московские ведомости» была помещена рецензия на «Слово» и объявление о его продаже. Историк литературы П. Н. Берков отмечал, что это было «первым своеобразным отзывом в русской периодической печати на выход «Слова о полку Игореве», и считал, что авторами публикации в газете могли быть люди, близкие к А. И. Мусину-Пушкину — Н. Н. Бантыш-Каменский и А. Ф. Малиновский[13]. Ход работы А. И. Мусина-Пушкина и его «ученой дружины» над первым изданием тщательно исследован членом-корреспондентом АН СССР Л. А. Дмитриевым в монографии «История первого издания «Слово о полку Игореве» (М.; Л., 1960). Изучение и сопоставление дошедших до нас экземпляров первого издания позволили Л. А. Дмитриеву сделать вывод о том, что древнерусский текст «Слова» выверялся по подлиннику — по рукописи «Слова о полку Игореве». Однако А. И. Мусин-Пушкин, стоявший во главе этого изучения, вносил в оригинал, с которого делался набор, свои изменения и поправки без ведома двух других издателей. «Узнав об этом,— пишет Л. А. Дмитриев,— А. Ф. Малиновский и Н. Н. Бантыш-Каменский, во избежание недоразумений, потребовали от А. И. Мусина-Пушкина, чтобы в корректуре он не делал никаких помарок». Но сосредоточившись главным образом на выверке древнерусского текста, А. Ф. Малиновский и Н. Н. Бантыш-Каменский пропустили вставки А. И. Мусина-Пушкина в примечаниях (например, комментарий о Бояне). Лишь тогда, когда книга была уже отпечатана, издатели обнаружили допущенную оплошность. А. Ф. Малиновский не мог согласиться с А. И. Мусиным-Пушкиным в том, что Боян жил во времена Всеслава, так как считал, что творчество этого древнерусского поэта относилось к значительно более раннему периоду.

В настоящее время бумаги А. Ф. Малиновского о «Слове о полку Игореве», которые впервые полностью опубликовал Л. А. Дмитриев, хранятся в Отделе письменных источников ГИМ в фонде № 33 «А. Ф. Малиновский»; они были выделены из бумаг историка Е. В. Барсова, переданных в музей его дочерью А. Е. Тереховой при содействии «д[ействительного] ч[лена] Музея Михаила Сперанского». В бумагах А. Ф. Малиновского хранится один из ранних переводов «Слова» (перевод этот написан писарским почерком, рукой А. Ф. Малиновского в нем сделаны исправления и комментарии). Этот текст А. Ф. Малиновский взял за основу своего перевода. На начальном этапе работы А. Ф. Малиновский, занятый, как указывает Л. А. Дмитриев, всецело подготовкой комментариев к «Слову о полку Игореве», попутно вносит в свой текст ряд стилистических изменений и поправок на основе сверки перевода с древнерусским текстом произведения; работая над переводом, А. Ф. Малиновский самым тщательным образом выверяет свой текст, стремясь приблизить перевод к тексту оригинала[14]. А. Ф. Малиновский и в дальнейшем продолжал интересоваться древним памятником и использовать его в своих работах. В его личном фонде, хранящемся в ЦГАДА, обнаружены «Краткие замечания на некоторые слова, встречающиеся в песне о полку Игореве», где автор, например, дал такое объяснение имени «Боян»: «Подобным словом в персидском называют вообще историков, повествователей, ораторов; из коих об отличнейшем по красотам красноречия, гармонии и нежности слова говорят: звуки его, мелодия приятны, как звуки соловья; почему стихотворцы их нередко и именуются соловьями восточными...»[15] Для сравнения: в известных комментариях к переводу А. Ф. Малиновский

так характеризует Бояна: «Так назывался славнейший в древности стихотворец русской, который служил образцом для бывших после него писателей»[16].

В неопубликованных бумагах А. Ф. Малиновского имеются «Примечания, ссылки и дополнения ко второй части «Описания древнего российского музея» (о котором речь будет идти в дальнейшем) с выписками для пояснения старинных технических речений», где в небольшой записке «О доблестных традициях русских воинов» автор помещает отрывок из «Слова о полку Игореве»: «...под звуком труб они повиты, под шлемами возлелеяны, концом копья вскормлены; все пути им ведомы, все буераки знаемы; луки у них натянуты, колчаны отворены, сабли изострены. Они скачут в поле, как волки серые, ищут себе славы, а князю своему чести...»[17] А. Ф. Малиновский как уроженец юго-запада России употребляет в данном случае знакомое ему с детства слово «буерак», а не овраг, как в первом печатном издании «Слова».

Летописец Оружейной палаты

В 1807 году вышла книга А. Ф. Малиновского «Историческое описание древнего российского музея, под названием Мастерской и Оружейной палаты в Москве обретающегося». В этом же году А. Ф. Малиновский был утвержден почетным членом Оружейной палаты «за содействие трудами в историческом описании древностей той палаты» и ему предлагалось выписывать «из архива принадлежащие до оной палаты исторические документы»[18].

Какая же задача стояла перед автором книги? Прежде всего, познакомить читателя с российскими древностями — «явить их перед целым светом», пребывавшим до этого «несколько веков в неизвестности». В первом изданном томе в предисловии дается краткая историческая справка о сокровищнице московских великих князей и русских царей (включая Петра I); основное же место в книге занимают описание и история уникальных вещей Оружейной палаты.

Но сначала о судьбе труда Малиновского, основная часть которого (второй и третий тома) осталась неопубликованной и хранится в ЦГАДА в рукописи. Еще перед выходом в свет первого тома, 18 августа 1806 года, в Оружейную палату, как свидетельствует сам автор, были приглашены члены Общества истории и древностей российских при Московском университете, которые сравнили ценные экспонаты с описанием А. Ф. Малиновского и дали к ним дополнительные пояснения. В обсуждении книги автор приглашал принять участие и «сведущих читателей». Через несколько лет книга стала библиографической редкостью; в самой Оружейной палате сохранился только один ее экземпляр, а «прочие все равно, как и гравированные доски, погибли во время нашествия неприятельского в 1812 году». А. Ф. Малиновскому было поручено подготовить новое издание и одновременно продолжить работу над вторым и третьим томами. Для этого ему необходимо было заново уточнить некоторые исторические факты, документально подтвердить достоверность некоторых экспонатов, а также установить их принадлежность тому или иному историческому лицу. Автор предполагал в новом издании сообщить «технологические» особенности экспонатов (т. е. их размеры, качество металла, шитья или кожи и т. д.); с этой целью им были в дальнейшем просмотрены сотни новых музейных вещей и документов. Из-за большой занятости в архиве работа в музее продвигалась с трудом.

В ноябре 1831 года император Николай I сделал А. Ф. Малиновскому замечание за медлительность в составлении описания Оружейной палаты и приказал исключить эту работу из формулярного его списка. Создание путеводителя велено было передать князю А. Б. Грузинскому[19]. В результате поданного А. Ф. Малиновским прошения императору о разрешении все же продолжить работу ему был дан срок для окончания еще семь месяцев. 27 июля 1832 года описание музейных вещей было закончено и передано на отзыв президенту Академии художеств А. Н. Оленину. В Дворцовом архиве сохранилась рецензия, составленная президентом в мае 1833 года, где он, в частности, писал: «Я прочитал сии два тома от доски до доски и совершенно согласен с собственным заключением автора о похвальном его труде». Извлеченные из архивов и летописей «исторические воспоминания», по мнению Оленина, заставят вещи «одушевиться и как будто заговорить». «Сей немаловажный труд,— пишет далее Оленин,— будет служить большим пособием для ясного понимания многих мест в отечественной истории». А. Н. Оленин предлагал также А. Ф. Малиновскому дополнить описание «ссылками на те письменные источники, которые служили ему основанием к определению многих малоизвестных предметов». К описанию Оружейной палаты в Академии художеств под смотрением президента должны были подготовить рисунки. Получив отзыв А. Н. Оленина, А. Ф. Малиновский выразил готовность «показать источники (т. е. архивные документы.— **С. Д.**), которые служили ему основанием к определению малоизвестных предметов»[20].

В конце 1835 года по высочайшему повелению был создан Комитет для рассмотрения и проверки на месте «Исторического описания Оружейной палаты». В него вошли профессора Московского университета М. Т. Каченовский, И. Х. Гамаль и М. П. Погодин. Два первых рецензента сделали автору замечания по некоторым экспонатам, которые, по их мнению, были неправильно датированы. Речь шла прежде всего о «мнимой Мономаховой короне Большого наряда». А. Ф. Малиновский нашел замечания справедливыми и в письмах к попечителю Московского учебного округа графу С. Г. Строганову сообщил о «произвольных вставках» в его рукопись директора Оружейной палаты П. С. Валуева с целью «усугубить древность царских корон» [21].

По документам историку удалось установить, что корона, которую полтора века «называть обыкли Мономаховою», была изготовлена в 1624 году для царя Михаила Федоровича. Таким образом, одна из двух «мономаховых» корон в Оружейной палате оказалась «мнимой». Для доказательства своей правоты А. Ф. Малиновскому приходилось проводить большие исследования, результатом которых явилось сочинение «Исторические и дипломатические доказательства о достоверности того, что Киевский великий князь Владимир Всеволодович Мономах венчан на царство присланною от греческого императора короной и что она сохранилась доныне в Московской Оружейной палате» [22].

Примерно то же произошло с короной Анны Иоанновны, которую П. С. Валуев желал выдать за корону Екатерины I. А. Ф. Малиновский «доказал ему подлинными, хранящимися в архиве документами, что сия корона точно Анны Иоанновны и что работа над сею короною производилась 1730-го года в отведенных для сего в Дворце особых комнатах под смотрением придворного интенданта Петра Машкова», но директор настоял на своем. А вскоре после выхода книги нашлась и настоящая корона Екатерины I, из которой «все драгоценные каменья были вынуты и вставлены в корону имп. Анны...» (в связи с ее коронацией).

Восторженно отозвался о труде А. Ф. Малиновского М. П. Погодин, утверждая, что до него ни один автор с такой обстоятельностью не рассказал о быте старой Москвы: «...об образе жизни, одеждах, оружиях, утварях». «Описание г. Малиновского,— заключает свой отзыв М. П. Погодин,— есть даже более чем описание — это целое сочинение о русских древностях... такой труд, который в этом объеме решительно невозможен ни для кого» [23].

Несмотря на положительные отзывы видных ученых, последние два тома остались в рукописи. Некоторые страницы из нее были использованы П. П. Свиньиным. В 1820 году в «Отечественных записках» № 5 появилась статья «Оружейная палата», открывающаяся рисунком издателя этого журнала П. П. Свиньина (гравировал С. Ф. Галактионов). В примечании было сообщено: «Подробности, касающиеся до сих вещей, заимствовали мы большей частью из любопытного творения А. Ф. Малиновского под названием «Историческое описание древнего российского музеума, ч. I, М., 1807». На следующий год П. П. Свиньин в № 13 своего журнала опубликовал неизданные страницы продолжения «Исторического описания...» с примечанием: «Отрывок сей, исполненный глубоких исторических сведений и драгоценных изысканий, получен нами от Алексея Федоровича Малиновского, коему от лица всех соотчичей приносим мы за него чувствительнейшую благодарность. Статья сия может послужить также продолжением описанию нашему Оружейной палаты, помещенному в № 5 О[течественных] З[аписок] 1820 года. Изд[атель]». Сама рукопись «Исторического описания...» и подготовительные материалы к ней (копии архивных документов, зарисовки и бытовые подробности, связанные с историей отдельных вещей Оружейной палаты или привоза их в Россию, и т. д.) свидетельствует о титанической работе архивиста, просмотревшего и изучившего сотни дел. Расскажем о ней очень коротко, так как считаем, что теме «А. Ф. Малиновский — историк Оружейной палаты» должно быть посвящено специальное исследование.

Еще в январе 1808 года А. Ф. Малиновский подал прошение о предоставлении ему из Оружейной палаты «как старых, так и новых описей всяким вещам»; он просил также в помощь палатского секретаря «для облегчения способов к изысканию» и ходатайствовал о разрешении ему свободно входить в Оружейную палату для осмотра экспонатов в присутствии секретаря или чиновника, «которые бы могли те вещи показывать и известное им по преданиям об оных объяснять». А. Ф. Малиновский просил также прислать из Петербурга «переводчиков или профессора, искуснейших в восточных языках», а также выяснить в Петербурге у бывшего секретаря Г. А. Потемкина В. С. Попова, не было ли в бытность князя «особых исторических описаний Мастерской, или Оружейной, палаты» [24]. Особенно тщательно изучал А. Ф. Малиновский архив Оружейной палаты или, как его тогда называли, Палатский, из которого к нему с 1809 года стали поступать старинные описи и алфавиты. Некоторые из книг, кото-

рые он брал для работы домой, вернулись обратно только по его завещанию. Так, в 1841 году душеприказчиком А. Ф. Малиновского были возвращены «6 рукописных книг, принадлежащих... Палате и взятых им, Малиновским, для руководствования при сочинении описания вещам Оружейной палаты». Одна из упомянутых в описи оставшихся у историка — рукопись «Книга приходно-расходная, что именно с Казенного двора поступило в Государеву мастерскую палату в 1656, 1657, 1658 годах» — носит следы работы над ней А. Ф. Малиновского и хранится сейчас в ЦГАДА под таким же заголовком [25].

В распоряжении А. Ф. Малиновского была Подлинная переписная книга царским вещам, составленная в 1687 году дьяком Васильем Мануиловым «с оценкою и поверкою против старинных описей» [26].

Другим основным хранилищем, где А. Ф. Малиновский черпал сведения для своего исторического описания Оружейной палаты, был его архив, где хранились летописи, посольские книги, старинные грамоты о приезде в Россию с дарами посланников из разных стран.

В 1825 году А. Ф. Малиновский представил директору Оружейной палаты князю Н. Б. Юсупову «Сведения о серебряной посуде и стальных латах, присланных царям в дар от статгалтеров принцев Оранских и от Голландских статов, откуда (в частности, из грамот) становилось известно, что в 1614 году в дар царю Михаилу Федоровичу была послана лохань и «стальные латы с шапочкою и с наручами» (металлические выгнутые доски воинского доспеха); в 1631 году — двое лат, две пары пистолетов, два карабина, седло алого бархата; в 1648 году царю Алексею Михайловичу — «два канделабра серебряных с позолоченным в середине российским гербом, два кубка серебряных вызолоченных с крышками, один шестигранный, а другой в виде кисти виноградной». В черновых материалах любопытны списки вещей Петра I — тех, которые и сейчас можно увидеть в Оружейной палате: кафтан для коронации, польский кафтан из красного сукна, «шкиперское одеяние» и др. [27]

Сочинение А. Ф. Малиновского написано не сухим языком кабинетного историка, а как бы живым очевидцем событий. Иногда он делится с читателями своими личными впечатлениями: «Куликово поле, где происходило сие незабвенное сражение, простирается в одну сторону более 50, а на другую до 30 верст и состоит в Епифанском и Ефремовском уездах. При устье реки Непрядвы есть село Рождествено, где церковь во имя Рождества Богородицы. А как Мамай разбит был в день сего праздника, то и вероятно, что храм сей тогда был воздвигнут. Но сия незабвенная победа заслуживает памятник великолепнейший!»

Один из томов подготовительных материалов так и называется: «Приращения». Там сохранилась записка 1809 года о передаче из царской кладовой при кабинете четырех тысяч вещей в Оружейную палату для хранения; перечислены сабли, палаши, копья, седла, конские сбруи, глобус, монумент Екатерины II. 22 мая 1831 года А. Ф. Малиновскому сообщили, что в Оружейную палату поступили «старинные русские великокняжеские и царские убранства (панагии), найденные в 1822 году близ села Старой Рязани». В приложенном к рапорту реестре были перечислены шестнадцать других ценных находок: «Двое больших круглых двойных блях, с одной стороны украшенных образами, а с другой драгоценными каменьями», «круглый образок с ликом святой Марии или Марины — один», «цепочка золотая, а к ней пуговка одна» и др.

В 1810 году (как зафиксировано в бумагах А. Ф. Малиновского) канцлер И. А. Остерман передал в Оружейную палату золотые медали, полученные им в подарок от шведского короля в 1792 году, а в 1831 году из Чесменского двора в палату были доставлены мраморные барельефы великих русских князей [28].

Летописи, архивные документы, легенды, былины послужили основой для создания истории Оружейной палаты. Знакомство с неопубликованной рукописью убеждает, что это не просто добросовестное изложение исторических фактов, а живой и увлекательный рассказ об одной из страниц русской истории. Чтобы убедить в этом читателя, предлагаем небольшой отрывок из раздела «Оружие» — о воспитании доблести у русских воинов:

«У русских издревле сохранялся обычай приучать детей с самых юных лет к участию в воинских строях. Отроки, возраставшие при звуке оружия и ежедневно внимавшие разглагольствованиям о походах, сражениях и победах, легко поощрялись к ратоборству. Слухом и видением воспламенив к тому дух свой, они с нетерпением ждали времени, когда торжественно посадят их на коня и дадут им в руки оружие, в церкви освященное. Сия торжественность называлась постригами. На двенадцатом году возраста сыновья князей и сановников вводимы были в храм, где первосвященник прежде всего остригал отрощенные в детстве волосы у приведенного к нему отрока. Благословив и окропив святою водою оружие, святитель читает молитву к господу сил с испрошением отроку предивной силы, подобно Давидовой на Голиафа, для поражения врагов отечества и для защиты сирых и вдовиц. По прочте-

нии же возлагал на него броню, препоясовал мечом и восклицал: «Мужайся! Да укрепится сердце твое и побеждай враги твоя, уповая на господа!» По выходе из храма божия, в присутствии родителей, родственников и друзей сажали ополченного на коня и при радостных кликах шествовали с ним на пир, в дому приготовленный. С того самого дня юный воин беспрерывно упражнялся метко стрелять из лука, проворно нападать с мечом, внезапно поражать копьем, уклоняться и защищаться от ударов сопротивника. Навыки бодрствовать, все распознавать одним взглядом, быть готовым ко всякой нечаянности и управлять всеми движениями коня своего он приобретал на звериной охоте.

Летописатели наши не умолчали о том, что у витязей русских, подобно прочим европейцам, бывали турниры и что они пред великокняжеским двором оказывали свое мужество и проворство в рыцарских играх» [29].

Кружок Румянцева

А. Ф. Малиновский был активным участником кружка и ближайшим помощником Николая Петровича Румянцева — знатока и собирателя древностей. В первой четверти XIX века известный государственный деятель и собиратель древностей Н. П. Румянцев объединил вокруг себя талантливых ученых-историков, задавшихся целью собирать и публиковать документальные памятники русской истории. Еще находясь на посту министра иностранных дел, Н. П. Румянцев постоянно пользовался историческими документами МГАМИД. Напомним, что в бытность Г. Ф. Миллера директором архива возникла мысль об издании дипломатических документов, но в связи со смертью историографа этот проект не был осуществлен. Его преемники продолжали готовить корпус дипломатических документов к изданию, но отсутствие денег, своей типографии, а также отстранение Н. И. Новикова (на чью помощь они надеялись) от издательских дел Московского университета приостановили публикацию архивных документов на неопределенное время.

Идею издания исторических источников помог осуществить Н. П. Румянцев. 3 мая 1811 года он подал на имя Александра I доклад, в котором предлагал приступить к изданию древнейших документов на свои личные средства. Доклад был утвержден, и при архиве начала работать Комиссия печатания государственных грамот и договоров в составе главного смотрителя и двух чиновников.

В конце 1811 года, накануне Отечественной войны, в типографию была сдана первая часть издания, получившая название «Собрание государственных грамот и договоров». После смерти Н. Н. Бантыш-Каменского по его завещанию комиссию возглавил А. Ф. Малиновский. По этому поводу 2 февраля 1814 года Н. П. Румянцев писал ему: «...теперь остается мне просить Вас особенно принять в свой надзор Комиссию печатания трактатов, как о деле меня лично занимающем» [30].

Содружество архива и Румянцевского кружка приносило особенно заметные плоды в области публикации документов. Комиссия, работавшая на протяжении почти всего XIX столетия под руководством управляющих МГАМИД, подготовила и выпустила пять томов ценнейших исторических документов XIII—XVIII веков.

В ходе подготовки «Собрания...» разрабатывались и совершенствовались приемы издания исторических актов. В равной мере свой вклад внесли и Н. Н. Бантыш-Каменский, и К. Ф. Калайдович, и А. Ф. Малиновский, и П. М. Строев. Среди опубликованных документов — чины царского венчания, крестоцеловальные, жалованные, уставные, таможенные грамоты, документы земских соборов. Особенно хорошо были представлены документы периода Ивана Грозного, Лжедмитрия и начала царствования Романовых. В архиве для членов кружка было организовано копирование документов, составлялись исторические справки, выявлялись архивные документы.

А. Ф. Малиновский был душой Московского центра Румянцевского кружка. Как точно подметил исследователь В. П. Козлов, «это определилось его практической сметкой, умением вести дела, связанные с поиском специалистов, технической подготовкой изданий» [31]. Однако А. Ф. Малиновский вносил в работу кружка не только организующее, но и творческое начало. Граф Н. П. Румянцев обратил на него внимание еще в 1811 году, когда историк представил ему свой труд о сношениях России с Индией, где прослеживались связи двух стран с древнейших времен (сейчас хранится в ЦГАДА) [32]. Он был написан А. Ф. Малиновским в 1808 году, а опубликован только в 1837 году в «Трудах и летописях Общества истории и древностей российских» (Ч. 7. С. 121—207). Сочинение, которое первоначально называлось «О многократных отправлениях в Индию российских посланников, гонцов, купчин с товарами и о приезде в Россию с 1469 по 1752 год», отличается от его публикации в «Трудах» только немного измененным названием, дополнительным оглавлением и первым комментарием. На титульном листе указаны фамилия автора, место нахождения использованных им источников (МГАМИД), а также год завершения работы. По страницам проставлено имя переписчика текста рукописи, секретаря архива Ивана Ждановского.

Если бы книга, как задумал А. Ф. Малиновский, вышла в 1808 году, он первым бы

сообщил русскому читателю о путешествии в 1469 году из России в Индию Афанасия Никитина. К описанию этого примечательного события автор сделал следующий комментарий: «Сия любопытнейшая статья о первом известном путешествии из России в Индию доставлена мне от историографа г. Карамзина, а он отыскал ее в одной из старинных летописей Троицко-Сергиевой лавры. Подлинная его выписка, из которой извлечено сие повествование, присоединена к Индийским делам архива». Через 30 лет при издании А. Ф. Малиновский свои комментарии уточнил: «Описание сего путешествия со всеми подробностями напечатано в Софийском Временнике, изданном 1820 года трудолюбивейшим археологом нашим Павлом Михайловичем Строевым». К сожалению, в тексте имеется только одна ссылка на архивное дело, хотя вся работа построена на использовании летописей, старинных грамот, посольских дел. Некоторые описанные в сочинении эпизоды повествуют о необыкновенных, очень опасных в то время путешествиях русских купцов и дипломатов. Так, отправившийся в 1716 году вместе с гонцом Александром Черкасским купец Александр Кожин, имевший при себе грамоту к шаху Шуалему о разрешении ему распродать привезенные российские товары и купить индийские «повольно и беспошлинно», был «между прочими посольскими людьми захвачен в плен».

Первые два десятилетия XIX века были особенно плодотворны в научной деятельности А. Ф. Малиновского. В ОР ГБЛ, в фонде Н. П. Румянцева обнаружена неопубликованная, но полностью подготовленная автором к изданию рукопись «Биографические сведения о управляющих в России иностранных министрах»[33], которая начинается с очерка о первом начальнике Посольского приказа Афанасии Лаврентьевиче Ордын-Нащокине, а заканчивается биографией Михаила Илларионовича Воронцова. К каждому очерку приложены рисованные тушью портреты русских дипломатов. В конце сочинения автор счел нужным дать «Обозрение перемене в управлении МИД с 1762 по 1812 год» и проставить точную дату завершения работы — 16 августа 1816 года. А начата она была сразу после окончания Отечественной войны, когда у всех слоев общества проявился необыкновенный интерес к русской истории, о чем говорится в посвящении: «Теперь каждый россиянин надежнее, чем когда-либо, чувствует свое достоинство и, внимая повествованию о прежних отечественных происшествиях, мысленно сближает громкую славу своего времени с эхом минувших эпох».

В этом же хранилище находится широко задуманный членами кружка Н. П. Румянцева план издания рукописей о путешествиях древних россиян. Разработка его была поручена А. Ф. Малиновскому, который предложил включить в издание «40 путешествий первооткрывателей новых земель, паломников, посланников, купцов». Проявляя большую осведомленность в этой области истории, составитель к каждой позиции плана указывает выявленные им списки рукописей, степень их известности (то есть публикации), а также место хранения — в архивах или у частных лиц. Например, А. Ф. Малиновский предлагает издать описания путешествий в Китай: российского посла Федора Воейкова в 1654 году, которое до того было уже «напечатано в IV час[ти] Росс[ийской] Вивлиофики со списка, имевшегося у издателя (Н. И. Новикова.— **С. Д.**), а подлинное,— сообщает составитель,— находится в делах архива»; «Разные сведения по изысканию тобольского воеводы Петра Ивановича Годунова, собранные о Китайском государстве. 1699» (с примечанием: «Не напечатаны; список не весьма исправленный, найден в бумагах Миллера»); «Журнал путешествия российского посланника в Китай Избранта Идеса 1692 года» (к нему примечание: «Напечатано в Древней Российской Вивлиофике, ч. VIII, по списку, полученному от Миллера, а подлинник в архиве хранится»). Есть в этом проспекте пункт об издании «Путешествия купца Афанасия Тверитина», которое вскоре было опубликовано П. М. Строевым (на него члены кружка возлагали надежды по изданию всех путешествий, что не было осуществлено). К началу XIX века в России были опубликованы материалы всего нескольких древнерусских путешествий. Представленные А. Ф. Малиновским в проспекте описания рукописей 40 путешествий явились ценным историческим свидетельством о русских путешественниках; им же были выработаны некоторые научные приемы публикации документов (названные им «Примечания для канцлера»):

«1. К каждому из сих путешествий должно приложить краткое известие о цели онаго, о времени и лицах путешествовавших.

2. В начале книги надлежит в виду предисловия представить характеристическое обозрение всех сил путешествий с означением духа тех времен, сделанных наблюдений, достоверности и пользы оных тогда и ныне».

Проспект был закончен А. Ф. Малиновским 8 апреля 1820 года[34].

Из переписки А. Ф. Малиновского с Н. П. Румянцевым видно, что у них были и другие, чрезвычайно важные замыслы по изданию исторических источников. Так, после получения от Алексея Федоровича автографа

князя Д. М. Пожарского Н. П. Румянцев в письме от 10 апреля 1815 года предлагает ему подобрать «подписи» известных в истории отечества лиц, начиная с древнейших времен, с дальнейшей целью выгравировать их на одном листе. «Тем самым,— пишет в заключение своего послания граф,— оказали бы равно немалую и для отечественной палеографии услугу». Получив через месяц от А. Ф. Малиновского такой список, граф поручает ему снять с подписей образцы и прислать ему дополнительно автографы «обоих самозванцев и жены их Марины Сендомирской».

А. Ф. Малиновский был инициатором издания документов из богатейшей коллекции Г. Ф. Миллера, о чем свидетельствует в письме к нему 20 февраля 1817 года Н. П. Румянцев: «Благословение памяти г-на Миллера за столь полезное для отечественной истории нашей из Сибирских архивов приобретение, и чувствительнейшее благодарение мое Вашему превосходительству за неупущение из виду важнейших актов»[35].

Н. П. Румянцев неоднократно прибегал к научным консультациям А. Ф. Малиновского не только при отборе рукописей к изданию, но и в вопросах их приобретения, полностью полагаясь на знание и опыт историка. По поручению Н. П. Румянцева А. Ф. Малиновский и К. Ф. Калайдович регулярно обходили лавки московских букинистов; особенно часто они заглядывали в книжную лавку И. Ф. Ферапонтова, находившуюся на Спасском мосту у Московского Кремля[36].

С именем А. Ф. Малиновского связана организация первых археографических экспедиций, в результате которых были открыты древнейшие памятники русской письменности, осмотрены и описаны архивы монастырей, церквей, семинарий, частные коллекции. Архивные разыскания и публикации членов Румянцевского кружка совпали с подготовкой Н. М. Карамзиным своего выдающегося труда.

Пособник Российского историографа

31 октября 1803 года указом Александра I Н. М. Карамзин был назначен «российским историографом», что давало ему возможность «читать сохраняющиеся как в монастырях, так и в других библиотеках, от святейшего Синода зависящих, древние рукописи, до российских древностей касающиеся»[37]. Н. М. Карамзин тяжело переживал в это время смерть своей молодой жены Елизаветы Ивановны (в девичестве Протасовой). В 1804 году он вступил во второй брак; его женой стала сводная сестра П. А. Вяземского Екатерина Андреевна Колыванова. С того же 1804 года Н. М. Карамзин принялся за величайший труд своей жизни — «Историю государства Российского», в котором сочетались познания историка с литературным талантом. Зимой он жил на московской квартире, сперва в кругу новых родственников (в доме у Колымажного двора; ныне на этом месте Музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина); с мая по октябрь — в имении Вяземских Остафьево, близ Подольска.

Сбор материалов и поиски источников Н. М. Карамзин начал с двух крупнейших архивов Москвы — МАКИД и Синодальной библиотеки. В делопроизводстве московского архива сохранились многочисленные листы учета выдачи историографу документов. Историки Н. А. Козлова и В. П. Козлов, посвятившие архивным разысканиям Н. М. Карамзина специальную статью, установили, что сначала рукописи на дом ему не выдавались. Н. Н. Бантыш-Каменскому графом А. Р. Воронцовым было предписано разрешить историку «читать в самом архиве и делать там же, а не в другом месте, нужные для истории выписки». Однако 12 мая 1805 года Н. М. Карамзину были выданы из архива под расписку первые материалы. После переезда Карамзина в Петербург специальным указом Коллегии иностранных дел было разрешено пересылать ему рукописи в столицу[38]. У Н. М. Карамзина было много друзей и помощников; для него искали, отбирали, ему доставляли старинные манускрипты несколько знатоков архивного дела во главе с А. Ф. Малиновским. Среди работавших для Н. М. Карамзина были молодые историки А. И. Ермолаев, П. М. Строев, К. Ф. Калайдович. Г. Р. Державин посылал историографу свои соображения о древнем Новгороде; Александр Тургенев стал его постоянным корреспондентом, следящим, чтобы Н. М. Карамзин не пропустил чего-то важного в появляющихся новых трудах на Западе.

В сборе материалов большую помощь историографу оказал А. Ф. Малиновский. Об этом говорят не только реестры отосланных в Петербург документов, но и дружеская переписка историков (сохранившаяся в фонде А. Ф. Малиновского и опубликованная в прошлом веке). Первое письмо Н. М. Карамзина отправлено А. Ф. Малиновскому сразу после окончания Отечественной войны, оно полно боли за погибшие в огне пожара культурные ценности. Почти в каждом письме просьба найти нужные для «Истории» документы и прислать их в Петербург. Из письма 17 июня 1818 года: «Сделайте одолжение, на первой почте, если можно, пришлите мне 2-й № «Турецких дел»: он мне необходим...»; из письма 11 сентября того же года: «Очень, очень благодарю Вас за все присланные бумаги. Возвра-

щаю Вам дело о ссылке Воротынского...»; из письма 7 марта 1819 года: «Вот вопрос: не возвратить ли Вам часть статейных списков (отчеты послов.— **С. Д.**), уже мне не нужную, т. е. до 1573 года? Или уже все вместе? И вот просьба: пришлите мне из портфели Миллера его пиесу о браках царя Ивана Васильевича, а из архивских книг Кояловича «Историю Литвы»; из письма 30 января 1821 года: «Прилагаю записку о нужных для меня бумагах архивских. Требую многого, но что делать: все необходимо. Убедительно прошу вас, любезнейший, немедленно отправить ко мне ящик; жду его, чтобы начать 10-й том. Это теперь от вас зависит, а время дорого для автора пятидесятилетнего с хвостиком»; из письма 5 декабря 1821 года: «Скоро отправлю к Вам ящик с архивскими бумагами и прошу Вас, любезнейший Алексей Федорович, изготовить для меня все относящееся к царствованию Годунова...»

«Любезнейший мой пособник» — назвал Н. М. Карамзин А. Ф. Малиновского с глубокой благодарностью за его помощь (письмо от 30 сентября 1821 года).

В свою очередь Н. М. Карамзин очень живо интересовался архивными разысканиями и сочинениями А. Ф. Малиновского, в том числе и о Москве; в одном из его писем имеются строки: «Радуюсь, что и Вы с живым удовольствием описываете добрую Москву — это прекрасный подарок для современников и потомства...» По просьбе Н. М. Карамзина А. Ф. Малиновский сделал замечания на первый том «Истории государства Российского» [39].

Семьи историков дружили, и та и другая были образцом согласия, понимания друг друга и домашнего уюта. После смерти Н. М. Карамзина А. Ф. Малиновский продолжал дружеские отношения с его семьей, о чем свидетельствует недавно найденное его письмо к старшей дочери Карамзина: «Здравствуйте, милая Софья Николаевна! Если б я здравствовал, то давно бы уж побывал у Вас, но после болезни моей худо поправляюсь при двадцатиградусных морозах. Не знаю адреса А. П. (Анны Петровны Малиновской.— **С. Д.**); и к сестрице Вашей, Мосоловым, прошу переслать с первой почтою приложенный пакет. О возвращении Анны Петровны нет еще и слуха, но пишет, что здорова и бывает в П.-бурге... Преданный Вам А. Малиновский» [40].

Исторические труды и переводы А. Ф. Малиновского

Большинство работ А. Ф. Малиновского опубликовано в трудах Общества истории и древностей российских: «Боярин, дворецкий и наместник Серпуховской Артемон Сергеевич Матвеев», «Биографические сведения о ближнем боярине, дворовом воеводе кн. В. В. Голицыне» (ч. VII) и др. Отдельным изданием в типографии С. А. Селивановского, тесный контакт с которым у А. Ф. Малиновского установился еще во время издания «Слова о полку Игореве», вышло его историческое сочинение «Биографические сведения о князе Дмитрии Михайловиче Пожарском» (М., 1814), где автор познакомил читателя с выдающимися героями русского народа, использовав при этом подлинные архивные документы: окладную книгу 1614 года с автографом Д. М. Пожарского и подлинное дело об убиении царевича Дмитрия. После смерти историка вышло его сочинение «Исторический взгляд на межевание в России до 1765 года» (Спб., 1844). Некоторые труды А. Ф. Малиновского хранятся сейчас в ЦГАДА в рукописях: «Известие о мореходных судах, заведенных на Каспийском море англинским капитаном Элотоном...» (1803); «Собрание записок о военном искусстве в России» (1817); «Выписка о установлении бывшего Посольского приказа, переименованного потом в Коллегию иностранных дел, о чиновниках...» (1800—1818); «Дипломатическое собрание дел между Шлезвиг-Голстинским герцогством...» (1801); «Повествование о древних сношениях России с Францией» (1825) и некоторые другие работы, подготовленные А. Ф. Малиновским как статьи: «Сведения о королеве Анне Ярославне, дочери великого князя Киевского Ярослава Владимировича, бывшей супруге французского короля Генриха...» (1818); «Взгляд на некоторые из подлинных актов, в МГАМИД хранящихся» (1825); «О прежних дворцах в Кремле, о разных к ним принадлежностях и о внутреннем укреплении царских комнат» [41].

Талант литератора позволял А. Ф. Малиновскому наряду с серьезными историческими исследованиями заниматься переводами, сочинять поэтические и драматические произведения. Еще будучи студентом, он сотрудничал в качестве переводчика в периодических изданиях Н. И. Новикова: «Московские ведомости» (до 1779 г.), «Вечерняя заря», «Утренний свет» (перевод с французского моралистических сочинений шведского государственного деятеля А. Оксеншера), «Московское ежемесячное издание» (перевод с итальянского отрывков из сборника афоризмов Ф. Ларошфуко «Максимы и моральные размышления»), «Городская и деревенская библиотека» (перевод с французского двух романов — «Любовь увенчанная...», отдельное издание 1782 года у Н. И. Новикова, и «История Ивана де Кале»).

А. Ф. Малиновский и в дальнейшем сотруд-

ничал с Н. И. Новиковым и другими владельцами Университетской типографии. В 1781 году по предложению Г. Ф. Миллера он подготовил свой первый большой перевод с французского — книгу С. Пратта «Торжество благодеяния». Один из афоризмов книги— «Первое познание состоит в исследовании своего отечества» нашел свое место и в посвящении, в котором А. Ф. Малиновский высоко оценил «отменные знания» по истории своего наставника Миллера, получившего их «чрез путешествия... в отдаленные страны». В 1783 году он перевел с французского книгу Ферри де Сен-Констана «Дух Бюффона», познакомив читателя (на пять лет раньше, чем в многотомном академическом издании) с отрывками из разных сочинений знаменитого французского естествоиспытателя Ж. Бюффона, подвергшегося преследованию со стороны духовенства за свои материалистические взгляды.

А. Ф. Малиновский не остался в стороне от полемики, которая происходила в русской литературе в связи с появившимися переводами французских просветителей. В 1787 году А. Ф. Малиновский выпустил, переведя с французского языка, сочинение анонимного автора «Рассуждение о начале и основании гражданских общежитий, заключающее в себе убедительные исследования вопреки Жан Жаку Руссо...» Перевод был выбран не случайно: как и автор книги, А. Ф. Малиновский выступал против коренных принципов философии Руссо, и прежде всего против мысли о гибельности цивилизации. В 1795 и 1800 годах Университетская типография издала перевод А. Ф. Малиновского записок Дж. Карпини «Любопытнейшее путешествие монаха... Жана дю План Карпини, посланного в 1246 году... к татарам». В «предуведомлении» Малиновский поясняет свою методику перевода и передачи исторического текста, а также свое «старание удержать точность и передать на российском языке, сколько можно, более ясности без всякой перемены, а особливо в собственных именах; древний памятник должен оставаться в том виде, в каком найден». Здесь же А. Ф. Малиновский указывает на первоисточник — изданное Петром Бержероном «Собрание различных любопытных путешествий по Татарии» (Лейден, 1723). В 1788 году выходит книга (в двух частях) «Отрада в скуке...», где А. Ф. Малиновский выступает не только как переводчик, но и составитель анекдотов, сентенций, примечательных событий из жизни Вольтера, Фонтенеля, Малерба, Эйлера, Лейбница и других; во второй части он помещает перевод поэмы Л. С. Мерсье «Любовь Хераля».

А. Ф. Малиновский был обладателем ценнейшего собрания книг и рукописей. После его смерти была составлена опись библиотеки с указанием о передаче книг по завещанию в МГАМИД и небольшой части — в университетскую библиотеку[42]. Новый управляющий архивом М. А. Оболенский сам занимался описанием библиотеки А. Ф. Малиновского. 65 из внесенных в реестр книг теперь уже опознать невозможно; не имея экслибриса, они растворились в сотне других библиотечных книг ЦГАДА. Рукописи были описаны отдельно и составляют теперь фонд 197 «Портфели А. Ф. Малиновского» (описи первая и вторая). Достаточно посмотреть лист использования любой из описей, чтобы понять, как необходимо это собрание сейчас историкам, искусствоведам, краеведам Москвы и других городов России; особенно часто используют его архитекторы и реставраторы Москвы. К описи первой приложен реестр, из которого становится известно, что А. Ф. Малиновский и при жизни заботился о пополнении архивной библиотеки. 20 декабря 1811 года он передал в архив рукописи, карты, эстампы, стихотворения, в том числе Новгородскую и Псковскую летописи «древнего письма», «Сказание вкратце о начале царства Казанского и о брани...», «План взятия штурмом крепости Измаила под предводительством Суворова-Рымникского 1790 года декабря 11-го дня, рукописный»; портреты: «Ермака, покорителя Сибири», князя Л. Ф. Долгорукова и др. В конце реестра стоит дарственная запись А. Ф. Малиновского[43].

Главный труд

После окончания Отечественной войны появляется сразу несколько путеводителей по Москве. Причину столь пристального внимания к истории города очень точно подметил современный историк Москвы, написавший родословие печатных путеводителей по столице, Ю. Н. Александров: «Для конкретного рассказа о жертвенном подвиге города, о его поразительно быстром возрождении путеводитель явился наиболее подходящей литературной формой. Он отвечал возросшему интересу к истории города и его древностям»[44].

В 1818 году в журнале «Украинский вестник» (Кн. 5. Ч. 10. С. 121—143) была опубликована «Записка о московских достопамятностях» Н. М. Карамзина, где нашлось место описанию МГАМИД и его уникальных рукописей. Живя в Петербурге, историограф скучал по городу, где прошла его молодость, и писал А. Ф. Малиновскому в одном из писем: «Москва у меня в сердце...» (4 июля 1816 года). Историков сближал необыкновенный интерес к прошлому Москвы; по их переписке можно

восстановить основные этапы создания А. Ф. Малиновским своего главного труда — «Обозрение Москвы». Всю жизнь Алексей Федорович прожил в Москве, он любил родной город, хорошо знал его историю и мечтал издать свои сочинения о старой столице. К весне 1820 года был готов первый том (к которому был приложен план Кремля XVII века[45]), посвященный императрице Елизавете Алексеевне; на ее покровительство А. Ф. Малиновский возлагал большие надежды — при посещении архива в 1818 году императрица проявила большой интерес к древним хартиям[46].

В двадцатые годы историку приходилось по заданию МИД писать фундаментальные обзоры сношений России с зарубежными странами, что, конечно, отвлекало его от основной темы. Так, весь 1821 год он был занят «Обозрением сношений России с Портою» (Турцией), которое было очень высоко оценено Н. М. Карамзиным в его письме к А. Ф. Малиновскому 29 января 1822 года: «Наконец мне дали просмотреть Ваше прекрасное обозрение сношений России с Оттом[анской] империей: все его хвалят, а я не отстаю от других. Оно уже поднесено, как надеюсь, государю. Не скоро архив дождется второго Алексея Федоровича!» Из другого письма Н. М. Карамзина, от 10 августа 1822 года, мы узнаем, что в свой летний отпуск Малиновский смог продолжить описание Москвы. Работа, как видим, шла не так быстро, как хотелось Алексею Федоровичу, мешали и болезни. Недаром в нескольких письмах Н. М. Карамзин спрашивает: «Что описание Москвы?», «Желаю как можно скорее читать описание Белого города», «Что Ваша другая работа — описание Москвы?»[47] (последняя фраза — из письма 17 апреля 1825 года).

К 1826 году сочинение о Москве в основном было закончено, о чем было объявлено в журнале «Московский вестник» (1827. Ч. 2) М. П. Погодиным: «Из ученых предприятий в Москве — важнейшее есть Историческое описание Москвы, основанное на подлинных документах, коим в продолжение многих лет занимается тайный советник А. Ф. Малиновский. Любители старины ожидают с нетерпением явления сей любопытной книги и жалеют, что достопочтенный сочинитель не решается издавать оной по частям. Досель описаны им Кремль и Китай-город, а описывается Белый город». Но любители московской старины так и не получили книгу; напомним, что шел 1826 год, который принес А. Ф. Малиновскому много неприятностей. Они могли препятствовать выходу книги, несмотря, как нам известно, на хлопоты В. А. Жуковского. Видимо, объявление М. П. Погодина породило легенду (принятую некоторыми исследователями и в наше время), будто А. Ф. Малиновский является автором вышедшего в 1827 году трехтомника «Москва, или Исторический путеводитель по знаменитой столице государства Российского...» Однако и тогда вызывало недоумение, что автор в предисловии называет себя гостем города, в то время как А. Ф. Малиновский был коренным москвичом. Спор разрешил библиограф А. И. Рейтблат, который установил, что путеводитель был написан отставным военным И. Г. Гурьяновым.

Первая книга сочинения А. Ф. Малиновского публикуется в данном издании по беловому экземпляру, хранящемуся в ЦГАДА (часть текста восстановлена по черновому варианту). В архиве имеются также беловые и черновые варианты и подготовительные материалы второй и третьей книг «Обозрения...» — «Китай-город» и «Белый город». Благодаря им можно представить, какое громадное количество источников просмотрел автор, чтобы связать историю Москвы с историей Русского государства. Им были собраны сотни выписок из печатных изданий, исторических справок, записок очевидцев и, наконец, записаны собственные впечатления о быте Москвы. Чего стоят наброски А. Ф. Малиновского о московской книжной торговле. Здесь и скопированный отрывок из статьи Н. М. Карамзина «О книжной торговле и любви к чтению в России», посвященный организации книжной торговли в Москве Н. И. Новиковым; и такая вот записка для памяти: «Из стрелецкой караульни на Каменном жилье две палатки и восемь прилавочек составляли на моей памяти всю книжную торговлю за пятьдесят лет, и что я часто брал читать книги у купца Якова Афанасьевича Добрынина. А [лексей] М[алиновский]»[48].

Для достоверности приведенных исторических фактов А. Ф. Малиновский составлял в процессе работы вспомогательные указатели, которые не все утратили свое значение в наше время: широко используется сейчас «Указатель чертежей московским церквям... за 1775—1782 гг.», «Алфавитная книжка о сведениях вообще в Москве», «Указание о Кремле и Китае в государственных грам[отах] и догов[орах]»[49]. Некоторые главы «Обозрения Москвы» могут рассматриваться как самостоятельные исторические сочинения. Так, в томе «Китай-город» автор поместил очерки о первой русской типографии — Московском печатном дворе (во время Малиновского — Синодальная типография) и Славяно-греко-латинской академии (с конца XVIII века — Духовная академия), где показал свою осведомленность и о современном состоянии дел в этих старейших заведениях Москвы.

На примере первого очерка посмотрим, какие исторические источники использовал А. Ф. Малиновский. Это выписка из рукописной книги 1495 года «Апостол» (принадлежавшей государственному канцлеру Н. П. Румянцеву); послесловие к первой датированной напечатанной в Москве книге «Апостол» (1564); «Надписи на старых воротах Духовной типографии, построенной в 1645 году царем Михаилом Федоровичем»; «Надписи на новых воротах Духовной типографии, построенных 1814 года в царствовании государя императора Александра I» [50]. В черновых бумагах сохранилось описание двух типографских зданий, одно из которых, XVII века, является ныне единственным в Москве сохранившимся памятником промышленной архитектуры того времени (Никольская ул., д. 15). Дома эти давно нуждаются в реставрации, а помещенные ниже сведения о них помогут восстановить их первоначальный вид: «Типографские два дома на Никольской улице, ехав от новых Никольских ворот в Кремль на правой стороне. Первый из них смежный с греческим монастырем, двухэтажный, готической архитектуры, новейшего вкуса, с порталом о четырех полуколоннах, испещренных лепною работою и имеющих капители коринфического ордена. Во фронтоне изображен двуглавый орел, а над готическою аркою, составляющею ворота, помещены лепные лев и единорог, держащие вензель императора Александра I. По сторонам арки, между окон верхнего и нижнего этажей, находится двое солнечных часов, а над ними надписи. Сверх карниза сделаны в приличных местах небольшие пирамиды. Другой дом также двуэтажный, чистой гражданской архитектуры среднего времени с четырьмя в средине фасада тосканскими полуколоннами, поддерживающими аттик, сверх коего небольшой купол. Между колонн большие ворота с аркою, в коей изображено на треугольнике в сиянии всевидящее око. По бокам оного строения по две тосканские пилястры с небольшими фронтонами» [51].

Но не только исторические события, достопамятности и присутственные места Москвы интересовали историка. На страницах рукописи мелькают имена выдающихся деятелей России и простых мастеров, умельцев, ремесленников, обывателей и даже нищих. После смерти А. Ф. Малиновского в периодике появилось сообщение о том, что «важнейшее его сочинение... «Описание Москвы» он не закончил, описаны только Кремль, Китай и Белый город». Сейчас мы можем сказать, что в личном фонде А. Ф. Малиновского имеются следы продолжения его работы — материалы для дополнения «Обозрения Москвы»: статьи о Земляном вале, Замоскворечье, Загородье, окрестностях Москвы — селах: Архангельское, Алексеевское, Вяземы, Вишенки, Воздвиженское, Воробьево, Горенки, Дубровицы, Измайлово, Коломенское, Кусково, Тушино, Царицыно. Эти ценные материалы, конечно, тоже должны быть опубликованы.

В заключение приведем строки из «Известия о жизни и кончине Алексея Федоровича Малиновского» (помещенного в журнале «Москвитянин». 1841. № 1. С. 300—305): «26 ноября в 10 часов вечера скончался в Москве этот достопочтенный гражданин, один из старших русских литераторов и из первых воспитанников Московского университета. Ему было 79 лет от роду. На службе он находился шестьдесят два года — в одном месте, в Архиве Коллегии иностранных дел».

Поклониться праху А. Ф. Малиновского пришли многие москвичи. В церкви Странноприимного дома было много бедных и пожилых людей, которым он «учредил их мирное убежище и двадцать лет наблюдал над исполнением своей мысли». Современники высоко оценили А. Ф. Малиновского как историка и гражданина. К этому с должным пониманием присоединимся и мы, их потомки.

КОММЕНТАРИИ

В комментариях использованы следующие сокращения: ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов; ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки; АВПР — Архив внешней политики России Историко-дипломатического управления МИД; ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного Исторического музея; ЦГИА г. Москвы — Центральный государственный исторический архив г. Москвы; ЦГИА — Центральный государственный исторический архив.

К главе I

1. ЦГАДА, ф. 135 — Государственное древлехранилище хартий и рукописей, отд. I, рубр. I, № 1. Опубл.: «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.».— М., 1950.— С. 7.

2. Там же. ф. 1209 — Писцовые и переписные книги, кн. 9809, л. 217.

3. Там же, ф. 235 — Патриарший казенный приказ, оп. 2, кн. 220, л. 159. Опубл.: «Мате-

риалы для истории, археологии и статистики московских церквей, собранные... В. И. и Г. И. Холмогоровыми».— М., 1884.—С. 748—749.

4. Орлов И. Историческое описание Московской Троицкой церкви.— М., 1844.—С. 50.

5. ОР ГБЛ, ф. 277 — Московская Славяно-греко-латинская академия, д. 2, л. 19.

6. ЦГАДА, ф. 180 — Канцелярия МГАМИД (Московского главного архива Министерства иностранных дел), оп. 1, кн. 58, л. 384.

7. Шевырев С. П. История Имп. Московского университета.— М., 1855.— С. 178—182.

8. ЦГАДА, ф. 197 — Собрание А. Ф. Малиновского, оп. 1, д. 29, л. 297.

9. Там же, ф. 1294 — Межевая канцелярия, оп. 2, д. 3606, л. 2.

10. Торжество, в котором Ея имп. величеству... 12 дня декабря имп. Московский университет публичными речами на разных языках января 23 дня 1778 год всеподданнейше приносит поздравления.— М., [1778].

11. Шевырев С. П. Указ. соч.— С. 208—209.

12. ЦГАДА, ф. 1294, оп. 2, д. 3606, л. 2.

13. Там же, ф. 180, оп. 1, кн. 55, л. 152.

К главе II

1. АВПР, ф. Административные дела, III-19, 1815 г., д. 1, л. 8—22.

2. Сфрагистика — вспомогательная историческая дисциплина, изучающая печати.

3. Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири: XVIII век (первая половина).— М.; Л., 1965.— Вып. 2.— С. 75.

4. ЦГАДА, ф. 180, оп. 1, д. 39, л. 6—6 об.

5. Корш Е. Ф. Опыт нравственной характеристики Румянцева // Сборник материалов для истории Румянцевского музея.— М., 1882.— Вып. 1.— С. 36.

6. Вигель Ф. Ф. Записки: В 2 ч.— М., 1891.— Ч. 1.— С. 170.

7. Долгова С. Р. Подвижник книги — Николай Иванович Новиков // Исторический журнал Н. И. Новикова «Сокровище российских древностей».— М., 1986.— С. 12.

8. АВПР, ф. Внутренние коллежские дела, оп. 2/6, 1783 г., д. 45, л. 3 об.— 4 об.

9. ЦГАДА. Библиотека. Отдел редких изданий, № 6699.

10. Лихоткин Г. А. Оклеветанный Коловион.— Л., 1972.— С. 12—13.

11. Попов А. Н. Новые документы по делу Новикова // РИО.— 1868.— Т. 2.— С. 117, 130.

12. Новые сведения о Новикове // Летописи русской литературы и древности, издаваемые Н. Тихонравовым.— М., 1863.— Т. 5.— С. 31.

13. Розанов Н. О Татианинской церкви имп. Московского университета // Чтения ОИДР.— М., 1869.— Кн. 1.— С. 44.

14. ЦГАДА, ф. 180, оп. 1, кн. 69, л. 44.

15. Там же, кн. 70, л. 229—232. На л. 232 имеется описание герба Побог: «Подкова вверх хрептом стоящая серебреная на поле голубом; на дуге ея золотой крест. Над короною в половине видна борзая собака, в ображке на смычку в правую сторону щита повороченная. Который герб надан от Польских королей и прежде 1167 года уже был знан в Польше, как о том кроникописатель Папорций и протчие довольно описывают».

16. Там же, кн. 69, л. 79.

17. Там же, кн. 70, л. 232 об.

18. АВПР, ф. Дела личного состава и хозяйственные дела, формулярные списки, оп. 464, д. 2122, л. 8 об.

19. Там же, ф. Административные дела, III-1, 1820 г., д. 17, л. 5 об.— 7.

20. ЦГИА, ф. 1343, оп. 25, д. 936, л. 11.

К главе III

1. ЦГАДА, ф. 180, оп. 1, д. 58, л. 383, 386—387, 394 об.

2. Там же, д. 75, л. 422.

3. Там же, д. 73, л. 140.

4. АВПР, ф. Административные дела, III-19, 1802 г., д. 1, л. 3 об.

5. Вигель Ф. Ф. Воспоминания: В 3 т.— М., 1864.— Т. 1.— С. 174.

6. Ковалевский Е. Граф Блудов и его время.— Спб., 1866.— С. 20—21. «Дипломатические статьи...» хранятся в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ). F II. 103.

7. АВПР, ф. Административные дела, IV-9, 1809 г., д. 6, л. 2.

8. Там же, III-19, 9, 1824 г., д. 1, л. 1—1 об.

9. Нечкина М. В. Движение декабристов.— М., 1955.— Т. 1.— С. 97.

10. ЦГАДА, ф. 180, оп. 1, д. 74, л. 582 об., д. 75, л. 99.

11. Там же, д. 76, л. 483.

12. ОПИ ГИМ, ф. 247, 1816 г., д. 1.

13. Русский архив.— 1882.— № 5.— С. 113.

14. ЦГАДА, ф. 180, оп. 1, д. 76, л. 303—308.

15. Ковалевский Е. Указ. соч.— С. 20.

16. Цит. по книге: Фейнберг И. Л. Незавершенные работы Пушкина.— М., 1976.— С. 107.

17. Ковалевский Е. Указ. соч.— С. 218.

18. ЦГАДА, ф. 180, оп. 1, д. 105, л. 767, 869, 1002.

19. Там же, кн. 77, л. 844; кн. 78, л. 524—525 об. На л. 637 — присяга М. М. Сонцова в связи с получением чина переводчика (сентябрь 1802 г.). В 1803 г. в связи с женитьбой на Е. Л. Пушкиной М. М. Сонцов получает от-

пуск на 28 дней для поездки в Каширу (Там же, кн. 79, л. 268).

20. Там же, д. 75, л. 257, 347—352, 676 об.
21. Русский архив.— 1901.— № 1.— С. 46.
22. Там же.— 1900.— № 4.— С. 517.
23. Там же.— 1902.— № 1.— С. 53.
24. Там же.— № 7.— С. 617.
25. Там же.— 1901.— № 2.— С. 313.
26. Там же.— № 3.— С. 467.
27. ЦГАДА, ф. 180, оп. 1, кн. 100, л. 388, 390, 495, 505.
28. Русский архив.— 1901.— № 9.— С. 26.
29. ЦГАДА, ф. 180, оп. 1, кн. 75, л. 258. Формулярный список А. Я. Булгакова.
30. Там же, кн. 94, л. 108—110; кн. 195, л. 360 об.
31. Там же, кн. 75, л. 100.
32. Там же, кн. 77, л. 56, 59, 75.
33. Там же, кн. 83, л. 579—580, 595; кн. 84, л. 492—493.
34. Там же, кн. 77, л. 678, кн. 82, л. 97—98.
35. Там же, кн. 81, л. 201—204; кн. 82, л. 120—121. Одновременно с Павлом Свиньиным служил его брат Петр.
36. Там же, кн. 92, л. 299, 301—301 об.
37. Барсуков Н. Жизнь и труды П. М. Строева.— Спб., 1879.— С. 19.
38. Записки истории Академии Наук.— Т. 6.— № 1.— С. 113.
39. ЦГАДА, ф. 180, оп. 1, кн. 98, л. 343—343 об., 594—595.
40. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 17 т.— М.; Л., 1949.— Т. 11.— С. 392.
41. Русский архив.— 1901.— № 10.— С. 159.
42. ЦГАДА, ф. 180, оп. 1, кн. 104, л. 231, 1295.
43. В. Н. Муханов упоминается в делах архива за 1822 г. в чине актуариуса. ЦГАДА, ф. 180, оп. 1, кн. 82, л. 613, 943.
44. Щукинский сборник.— М., 1906.—Т. 5.— С. 273, 274.
45. В. П. Титов служил в архиве с 1823 г.; приводился к присяге в 1824 г. ЦГАДА, ф. 180, оп. 1, д. 99, л. 1497.
46. Полн. собр. соч. И. В. Киреевского: В 2 т.— М., 1911.— Т. 2.— С. 6.
47. ЦГАДА, ф. 180, оп. 1, д. 110, л. 1120.
48. Там же, кн. 99, л. 1397, 1400.
49. Поэты 1820—1830-х годов: В 2 т.— Л., 1972.— Т. 2.— С. 131.
50. ЦГАДА, ф. 180, оп. 1, д. 108а, л. 2114. В делах архива имеется также аттестат Н. А. Мельгунова от 16 февраля 1825 г., где университет подтверждает, что он показал «в законах уголовных и политической экономии очень хорошие знания»: ЦГАДА, ф. 180, оп. 1, кн. 101, л. 820.
51. Там же, кн. 108, л. 685. Под смотрением Д. Н. Свербеева в Комиссии работал Петр Киреевский (См.: Свербеев Д. Н. Записки: В 2 т.— М., 1899.— Т. 2.— С. 97).
52. Там же, кн. 110, л. 1167. Послужной список И. П. Озерова см.: кн. 98, л. 136, 150, 162.
53. Там же, д. 102, л. 1557.
54. Русский архив.— 1901.— № 11.— С. 298.
55. ЦГАДА, ф. 180, оп. 1, кн. 108, л. 670, 690 (клятвенное обещание), 730.
56. Там же, кн. 98, л. 1012; кн. 99, л. 56 об.— 57; кн. 102, л. 1361.
57. Там же, кн. 101, л. 793, 820—823.
58. Там же, кн. 110а, л. 2349 об.
59. Там же, кн. 102, л. 201.
60. Записки Александра Ивановича Кошелева.— Берлин, 1884.— С. 13—17.
61. ЦГАДА, ф. 180, оп. 1, д. 102, л. 42—43, 48, 374, 378, 464.
62. ОПИ ГИМ, ф. 33, д. 54.
63. ЦГАДА, ф. 197, оп. 2, д. 9, л. 1.

К главе IV

1. ЦГАДА, ф. 180, оп. 1, кн. 88, л. 4, 118.
2. Белокуров С. А. Московский архив министерства иностранных дел в 1812 г.— М., 1913.— С. 18.
3. ЦГАДА, ф. 180, оп. 1, кн. 88, л. 381. 445.
4. Русский вестник.— 1814.— Кн. 9.— С. 41.
5. Русский архив.— 1874.— Кн. 1.— Л. 100.
6. ЦГАДА, ф. 180, оп. 1, д. 88, л. 447, 448, 480.
7. Там же, ф. 197, оп. 1, д. 37, л. 326—360.
8. Там же, д. 36, ч. 2, л. 119 об.
9. Там же, д. 28, л. 109.
10. Белокуров С. А. Указ. соч.— С. 30.
11. Отечественная война и русское общество: В 7 т.— М., 1912.— Т. 4.— С. 154.
12. Цит. по кн.: Эйдельман Н. Я. Последний летописец.— М., 1983.— С. 78.
13. Северная пчела.— 1845.— № 42.
14. ЦГАДА, ф. 180, оп. 1, д. 89, л. 37.
15. Белокуров С. А. Указ. соч.— С. 47, 50.
16. ЦГАДА, ф. 180, оп. 1, д. 89, л. 822—824, 583, 629.
17. Там же, ф. 197, оп. 2, д. 42, ч. 2, л. 7.
18. АВПР, ф. Административные дела, IV-6, 1816 г., № 9, л. 2. Письмо графа А. П. Тормасова А. Ф. Малиновскому.— Там же, л. 1.
19. Дубровин Н. После Отечественной войны // Русская старина.— 1904.— Т. 118.— С. 255.

К главе

1. Овчинников Р. В. К изучению автобиографических записок А. С. Пушкина. (Версия об участии Льва Александровича Пушкина в

дворцовом перевороте 1762 года) // История СССР.— 1988.— № 3.— С. 157—159.

2. Цит. по кн.: Эйдельман Н. Я. Пушкин. История и современность в художественном сознании поэта.— М., 1984.— С. 12—14.

3. ЦГИА г. Москвы, ф. 2126, оп. 1, д. 1043, л. 2 об., 10.

4. Там же, ф. 203, оп. 747, д. 608, л. 251.

5. Там же, оп. 142, д. 14, л. 1—1об.

6. Там же, ф. 2126, оп. 1, д. 1043, л. 97.

7. Романюк С. К. Пушкины в Москве в конце XVIII — начале XIX в. (по новым документальным данным) // Временник Пушкинской комиссии. 1979.— Л., 1982.— С. 6—7.

8. Долгова С. Р. «Во дни Александра Невского...» // Лит. Россия.— 1974.— 5 апр.

9. ЦГАДА, ф. 180, оп. 1, кн. 75, л. 302; ОПИ ГИМ, ф. 35, д. 18. Копия записи в журнале МАКИД: «Надворным советником Малиновским сочинены о выездах и службах предков и даны из архива выписи: Вышеславцеву, Арсеньеву, Возницыну... Пушкину».

10. Долгова С. Р. О первом директоре Царскосельского лицея // Сов. архивы.— 1974.— № 3.— С. 100—101.

11. Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина.— М., 1951.— Т. 1.— С. 22, 78.

12. Светенко А. С. «В архивах я был...» // Рифей.— Челябинск, 1981.— С. 108—112.

13. Цит. по кн.: Овчинников Р. В. Пушкин в работе над архивными документами («История Пугачева»).— Л., 1969.— С. 169.

14. Пушкин А. С. Письма последних лет. 1834—1837.— Л., 1969.— С. 138. Комментарий № 7 (С. 309) к письму неверен, т. к. дом А. Ф. Малиновского идентифицируется с архивом.

15. Погодин М. П. Известие о жизни и кончине Алексея Федоровича Малиновского // Москвитянин.— 1841.— Ч. 1.— С. 304.

16. Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартеневым в 1851—1860 гг.— М., 1925.— С. 136—137.

17. Волович Н. М. Пушкинские места Москвы и Подмосковья.— М., 1979.— С. 162.

18. ОР ГБЛ, ф. 231, Погодин / II, к. 48, ед. хр. 60.

19. Там же, ед. хр. 61, л. 2.

20. Там же, к. 50, ед. хр. 40, л. 3.

21. ЦГАДА, ф. 197, оп. 1, д. 33, л. 349.

22. Рассказы о Пушкине... С. 63.

23. Декабристы на поселении. Из архива Якушкина.— [Л.], 1926.— С. 142—144. Из письма оренбургскому епископу Августину (Сахарову) от 23 марта 1837 года видно, что А. П. Малиновская только что вернулась из Петербурга: это подтверждает ее пребывание в городе во время дуэли Пушкина (ОР ГБЛ, ф. 588, д. 271).

24. Русский архив.— 1912.— № 9.— С. 86—87.

25. Друзья Пушкина: В 2 т.— М., 1984.— Т. 1.— С. 267.

26. ЦГАДА, ф. 1468 — Сборный личный, М.-13, д. 6, л. 2 об., 9—9 об.

27. Там же, д. 8, л. 14.

28. Там же, д. 7, л. 40.

29. Гастфрейнд Н. Товарищи Пушкина по имп. Царскосельскому лицею: Материалы для словаря лицеистов первого курса 1811—1817.— Спб., 1913.— Т. 3.— С. 249.

30. Там же. С. 260.

31. ЦГАДА, ф. 1468, М.-13, д. 2, л. 1 об.—2.

32. Там же, д. 4, л. 5.

К главе VI

1. ЦГАДА, ф. 5 «Переписка высочайших особ», д. 117, л. 1—10.

2. Там же, ф. 1209, 547, л. 31—31 об.; кн. 440, л. 539—539 об.

3. Дашкова Е. Р. Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот из России.— М., 1987.— С. 183.

4. ЦГАДА, ф. 1355 — Экономические примечания к планам Генерального межевания земель, оп. 1, д. 489, л. 32—33.

5. Дашкова Е. Р. Указ. соч.— С. 300.

6. ЦГАДА, ф. 1261 — Воронцовы, оп. 1, д. 3100, л. 1.

7. А. П. Исленьева — дочь генерала Петра Алексеевича Исленьева и Елизаветы Петровны — дочери П. М. Хрущова от брака его с Дарьей Илларионовной Воронцовой, двоюродной сестрой Е. Р. Дашковой (Архив кн. Воронцова.— М., 1872.— Т. 5.— С. 190).

8. Цит. по кн.: Дашкова Е. Р. Указ. соч.— С. 459.

9. ЦГАДА, ф. 188 — Собрание ЦГАДА, д. 363, л. 42, 44.

10. Лозинская Л. Я. Во главе двух академий.— М., 1983.— С. 106.

11. Дашкова Е. Р. Указ. соч.— С. 298, 205, 324.

12. ЦГАДА, ф. 188, д. 363, л. 61, 4 об.

13. Словарь русских писателей XVIII века: А-И.— Л., 1988.— Вып. 1.— С. 246.

14. Бантыш-Каменский Д. Н. Словарь достопамятных людей русской земли.— М., 1836.— С. 183.

15. ЦГАДА, ф. 188, д. 363, л. 23, 27, 19.

16. ОР ГБЛ, ф. 231 — Погодин / II, к. 13, ед. хр. 71, л. 23.

К главе VII

1. См., например: Гра М. А. Большая Колхозная площадь, 3.— М., 1984; энциклопедия «Москва», а также различные путеводители по Москве.
2. ЦГАДА, ф. 1287 — Шереметевы, оп. 1, д. 4852, л. 7.
3. Старикова Л. Театральная жизнь старинной Москвы: Эпоха. Быт. Нравы.— М., 1988.— С. 220.
4. Безсонов П. Прасковья Ивановна графиня Шереметева.— М., 1872.— С. 47.
5. ЦГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 4852, л. 7.
6. Странноприимный дом графа Шереметева в Москве. 1810—1911.— М., 1910.— С. 1—2.
7. Долгова С. Р. Творческий путь Ф. В. Каржавина.— Л., 1984.— С. 23.
8. Странноприимный дом... С. 19.
9. ЦГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 4839, л. 1 об.
10. Тарасенков А. Историческая записка о Странноприимном доме графа Шереметева в Москве.— М., 1860.— С. 8—9.
11. ЦГИА, ф. 1088, оп. 3, д. 604, л. 14.
12. ЦГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 4839, л. 2.
13. Переписка графа Николая Петровича Шереметева и его завещательное письмо своему сыну.— М., 1896.— С. 512.
14. Там же.— С. 476—477.
15. ЦГИА, ф. 1088, оп. 1, д. 208, л. 33.
16. Русский архив.— 1897.— Кн. 3.— С. 515.
17. Переписка графа Николая Петровича... С. 513.
18. ЦГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 4839, л. 25.
19. ЦГИА, 1088, оп. 1, д. 208, л. 23.
20. Там же, оп. 14, д. 18. «Историческое начертание о построении Странноприимного в Москве дома и случавшихся при том упущениях и неисправности, с примечаниями на оныя».
21. ЦГИА, ф. 1088, оп. 14, д. 12, л. 30, 34 об., 46 об.
22. Странноприимный дом... С. 80—85.
23. ЦГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 4852, л. 70 об.
24. Переписка графа Н. П. Шереметева... С. 331; см. также: ЦГИА, ф. 1088, оп. 1, д. 208, л. 13.
25. Русская культура XVIII века и западноевропейские литературы.— Л., 1980.— С. 75—76.
26. Коцебу А. Бедность и благородство души: Комедия.— М., 1798.
27. ОПИ ГИМ, ф. 33, д. 34, л. 48—52.
28. ЦГАДА, ф. 197, оп. 1, д. 30, л. 101, 107, 112, 125, 180, 239.

К главе VIII

1. ЦГАДА, ф. 197, оп. 2, д. 41.
2. См.: Моисеева Г. Н. Спасо-Ярославский хронограф и «Слово о полку Игореве».— Л., 1984.
3. ЦГАДА, ф. 1270 — Мусины-Пушкины, оп. 1, д. 28, л. 14а, опубл.: Калайдович К. Ф. Биографические сведения о жизни, ученых трудах и собрании российских древностей графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина // Записки и труды Общества истории и древностей российских.— М., 1824.— Ч. 2.— С. 35.
4. Там же, д. 45, л. 1.
5. Записки для биографии его сиятельства графа А. И. Мусина-Пушкина // Вестник Европы.— 1813.— № 21—22.— С. 76—89.
6. Ключевский В. О. Сочинения: В 8 т.— М., 1959.— Т. 8.— С. 138.
7. ЦГАДА, ф. 1270, оп. 1, д. 681, л. 59.
8. Там же, ф. 197, оп. 2, д. 27, л. 1; опубл.: Письма Карамзина к Алексею Федоровичу Малиновскому и письма Грибоедова к Степану Никитичу Бегичеву.— М., 1860.— С. 3.
9. ЦГАДА, ф. 31 — Новые дела, д. 182, л. 1 об; см. также: Пекарский П. П. «Слово о полку Игореве» по списку, найденному между бумагами императрицы Екатерины II.— Спб., 1864.
10. Проект прошения А. И. Мусина-Пушкина имп. Александру I о передаче библиотеки в МАКИД (См.: Вестник Европы.— 1813.— № 21—22.— С. 90—91).
11. ЦГАДА, ф. 180, оп. 1, д. 70, л. 36. «Реестр дипломатическим оригинальным собраниям для списывания отданным 1 февраля 1794 года». В конце реестра помета: «Все сии книги списаны и оригиналы от помянутых особ возвращены в архив сего же года в ноябре месяце. Н. Б.-Каменский».
12. Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени.— Л., 1985.— С. 325.
13. Труды отдела древнерусской литературы.— Л., 1947.— Т. 5.— С. 129, 130.
14. Дмитриев Л. А. История первого издания «Слово о полку Игореве». М.; Л., 1960.— С. 76, 298.
15. ЦГАДА, ф. 197, оп. 2, д. 3, л. 16.
16. Дмитриев Л. А. Указ. соч. Фотокопия бумаг А. Ф. Малиновского. С. 18.
17. ЦГАДА, ф. 197, оп. 1, д. 46, ч. 1, л. 26.
18. Там же, ф. 180, оп. 15, л. 393.
19. Там же, ф. 1239, д. 11461, л. 6—6 об, 7.
20. Там же, ф. 396, оп. 2, д. 1529, л. 1—3.
21. ЦГИА г. Москвы, ф. 459, оп. 3, д. 353а, л. 9.
22. ЦГАДА, ф. 197, оп. 2, д. 1, л. 16.
23. ЦГИА г. Москвы, ф. 459, оп. 3, д. 353а, л. 15, 19.
24. ЦГАДА, ф. 197, оп. 1, д. 46, ч. 2, л. 20—21.
25. Там же, ф. 396, оп. 2, д. 682.

26. Там же, ф. 197, оп. 1, д. 46, ч. 1, л. 70—74.

27. Там же, д. 41, л. 201—202, 60—63.

28. Там же, л. 96—130.

29. Там же, д. 46, ч. 1, л. 25—25 об.

30. Там же, оп. 2, д. 35, л. 1.

31. Козлов В. П. Колумбы российских древностей.— М., 1981.— С. 22.

32. ЦГАДА, ф. 188, д. 270.

33. ОР ГБЛ, ф. 256, д. 266.

34. Там же, ф. 255, к. 15, ед. хр. 25, л. 19.

35. Переписка государственного канцлера графа Н. П. Румянцева с московскими учеными.— М., 1882.— С. 14, 16, 36.

36. Козлов В. П. Указ. соч.— С. 81.

37. Цит. по кн.: Эйдельман Н. Я. Последний летописец. С. 49.

38. Советские архивы.— 1977.— № 3 — С. 64.

39. Письма Н. М. Карамзина к Алексею Федоровичу Малиновскому... С. 29, 34, 38, 50, 58.

40. ОР ГПБ, ф. 126, д. 2657, л. 1. Недатированное письмо, видимо, относится к февралю 1837 года, когда А. П. Малиновская жила у своей дочери Е. А. Долгоруковой в Петербурге несколько месяцев.

41. ЦГАДА, ф. 188, д. 266а; ф. 181, д. 227, 862, 1091, 1109, 1110; ф. 197, оп. 2, д. 1.

42. ОПИ ГИМ, ф. 33, д. 1.

43. ЦГАДА, ф. 197, оп. 1, л. 219—224.

44. Александров Ю. Н. Москва: Диалог путеводителей.— М., 1982.— С. 11.

45. Письма Н. М. Карамзина к Алексею Федоровичу Малиновскому... С. 9, 46, 62.

46. Сборник МГАМИД.— М., 1883.— Вып. 3—4.— С. 69—72.

47. Письма Н. М. Карамзина к Алексею Федоровичу Малиновскому... С. 59, 65, 76, 78, 80.

48. ЦГАДА, ф. 197, оп. 1, д. 26, л. 5.

49. Там же, д. 37, л. 1—74, 99—124; д. 26, л. 83.

50. Там же, д. 24, л. 284—292; в д. 25 имеются дополнительные сведения о Духовной типографии (л. 169).

51. Там же, д. 29, л. 246—246 об.

СЛОВАРЬ УСТАРЕВШИХ И РЕДКО УПОТРЕБЛЯЕМЫХ СЛОВ

АКСАМИТ — бархат
АЛТАБАС — персидская парча
АМАФОР (ОМОФОР) — покрывало
АМВОН — возвышенное или поднятое место для проповедника
АНТИДОРНОЕ БЛЮДО — блюдо с благословенным хлебом, просфорой
АСПИД — ядовитая змея; также яшма, пестрый плитняк
АТЛАС — шелковая ткань с блестящей лицевой стороной
АРАНЦЫ — каменистые, скалистые горы

БАЙДАНА — кольчуга, длиннее панциря
БАРМЫ — драгоценное оплечье, украшение княжеского или царского наряда при короновании
БАСМЕННЫЙ — тонкий, листовой, маловесный
БАТЫРЩИК — рабочий, обслуживающий ручной печатный станок
БАУС — драгоценный камень
БАХТА — набивная бязь
БАХТЕРЕЦ — доспех, заменяющий латы
БЕРЕЙТОР — специалист, объезжающий верховых лошадей
БЕРДЫШ — широкий топор, иногда с гвоздевым обухом
БОЛВЕРК — раскат, бастион
БОЛОНА — нарост на дереве
БОСТРОГ — куртка, короткая безрукавная мужская одежда
БУЗДЫХАН — род жезла, старшинская булава
БУТЫРЛЫК — доспех на ноги всадника

ВАРВОРКА (ФАРАФОРКА) — висюлька, кисточка, махровая подвеска
ВИНИСА (ВИНИУС) — драгоценный камень
ВИССОН — тонкий лен, дорогая белая или пурпуровая материя
ВОЛОСТЕЛЬ — властитель
ВЯЩИЙ — больший по величине, более сильный

ГАЛДАРЬ — человек, находящийся в вассальной зависимости
ГАЛОМЬ — плоская сторона клинка
ГАЛУН — тканная из золоченой или серебряной нити тесьма различной ширины с тканым узором
ГАРУС — крученая нитка, пряденная из шерсти
ГАС (ГАЗ) — самая легкая шелковая ткань, позумент, галун
ГЕОГНОЗИЯ — знание о земле
ГЗОВЫЙ — сафьяновый
ГОЛИЦА — кожаная рукавица
ГОРЛАТКА — взрослый пушной зверь
ГОРНЕЕ МЕСТО — возвышение перед алтарем
ГОРНМАХЕР — рудознатец
ГРИФ — рукоять, колодка
ГУРМЫЦКИЙ — прилагательное от слова «Гормуз» (остров и город при входе в Персидский залив)

ДЕИСУС — ряд из трех икон
ДЕКА — фанерная или из лакированного полотна покрышка
ДРОБНИЦЫ — блестки золотошвейные

ЕНДОВА — широкий сосуд
ЕПИТРАХИЛЬ — одно из облачений священника, надеваемое на шею, под ризою
ЕРИХОНКА — шапка, стальной наголовник воевод
ЕФИМОН — вечерняя церковная служба в Великий Пост

ЖАГРА — палка для фитиля
ЖАРКИЙ — огненный, рудо-желтый, красно-желтый (о цвете)

ЗАМШАНЫЙ — замшевый
ЗЕПНЫЙ — карманный
ЗЕРЦАЛО — род лат, похожих на колонтарь

ИРОШНЫЙ — замшевый
ИСКРА — яркая, блестящая крошка
ИФИКА — этика

КАЙМА — край, кромка
КАМКА — шелковая цветная ткань с узорами
КАНИТЕЛЬ — золотая или серебряная витушка для золотошвейных работ
КАНТАРИ — счеты, счетная доска с костями
КАНФА — китайский атлас
КАПА (КАПТУР) — шапка

КАПТЕНАРМУС — военное должностное лицо сержантского состава, отвечающее за обмундирование и техническое имущество
КАРТАЛИНСКИЙ — грузинский
КАРТЕЗИАНЦЫ — монашеский орден, основанный св. Бруно кельнским
КАФТАН — верхнее долгополое мужское платье разного покроя
КИБИТЬ — дуга, выгнутое на пару́ дерево для лука (оружие)
КИКА — женский головной убор с рогами
КИОТ — рама со стеклом для образа
КИРАС — грудные латы из двух половинок
КЛИР — собрание священно- и церковнослужителей
КЛИРОС — место в церкви для певчих
КЛОБУК — покрывало монашествующих
КЛЮЧНИК — степенный, придворный чин, заведующий столовыми приборами
КОВЧЕГ — ларец, ящик
КОЛОНТАРЬ — доспех, броня
КОНДАК — краткая песнь во славу святого
КОНФАРИТЬ — украшать пунктирными насечками
КОНЧАР — род меча, долгого палаша с узкою полосою
КОРОБЧАТЫЙ — сводчатый, в виде короба
КОРОЛЕК — коралл
КОРОТУК — женская свитка, сермяжка
КРОАТСКИЙ — хорватский
КРЫЖ — крест, крестообразный знак, метка
КУМАК (КУМАЧ) — простая бумажная ткань, обычно алого, иногда и синего цвета на сарафаны
КУНГАН (КУМГАН) — металлический азиатский рукомойник, кувшин с носком, ручкою и крышкою
КУНТУШ — род верхней мужской одежды, иногда на меху, со шнурами
КУЯК — шелом, кивер, колпак

ЛАЗОРЕВЫЙ — голубой
ЛАЛ — драгоценный камень, рубин, яхонт
ЛЖИЦА — ложка для раздачи святых даров
ЛИТИЯ — молитвенное священнодействие, совершаемое вне храма
ЛИТУРГИЯ — церковная служба
ЛИЧИНА — маска
ЛОЩИЛКА — железная лопаточка
ЛЯДУНКА — патронница

МЕРЕКЛЯНЫЕ КИРАСЫ — род лат с рукавами, наколенниками и железной шапкой
МИНЦ-(МЮНЦ-) КАБИНЕТ — кабинет нумизматики
МИСА — блюдо
МИСЮРКА — воинская шапка с железною маковкою
МИТРА — архиерейская и архимандритская шапка, при полном облачении
МИШЕНЬ — часть или принадлежность угломерного снаряда
МОРХ — висячие пучки нитей, кисти, бахрома
МОСКОВКА — мера, пудовка
МУНГАЛЬСКИЙ — монгольский
МУНДКОХ — придворный служитель, заведующий кухней (нем.)
МУСИКИЯ — музыка
МУССИЯ — искусство составления разноцветных камней, мозаика

НАКРА — бубен или литавра
НАРУЧИ — налокотники, часть латных доспехов
НАТРУСКА — кузовок; ремень, к которому привешены все необходимые принадлежности
НЕЦИИ — некоторые

ОБОИНА — железная блестка
ОБОНОВОЕ — эбеновое (черное) дерево
ОЛЬСТРА — кобура
ОРДОНАНСГАУЗ — канцелярия коменданта
ОСКОРД — секира, большой топор

ПАНАГИЯ — икона, носимая архиереями на груди
ПАНЦИРЬ — броня, долгая, до колен кольчуга
ПАРАМАНД (ПАРОМОНТ) — аналав, плат, носимый монахами на груди
ПЕРЕЛЕФТЬ — камень халцедон
ПЕРНАТА (ПЕРНАТ) — род булавы
ПЕРО (ПЕРЬЯ) — железко копья, хребтинка кинжала, палаша
ПЕРУН — здесь: молния
ПИЛЕРС — стойка под балкой
ПОДВЕРШЬЕ — средняя часть свода шишака, шелома
ПОДВЕТОШАТЬ — подшить подкладку или подстегать ветошь
ПОДДУЛЬКА — дичок дули, груши, под прививку
ПОДЗОР — всякая подвесная кайма
ПОДРУЖИЯ — жена, супруга
ПОРОЗШИЙ — порожний
ПОРУЧИ — короткие рукава в облачении священнослужителей
ПОЦЕПКА — цепочка, цепное украшение; веревка
ПРОБОЙКА — орудие в виде стального гвоздя
ПРОФОС — полковой палач
ПРЯСЛО — железное, свинцовое кольцо
ПУНСОН — типографский чекан, клеймо, метчик

РАТГАУЗ — ратуша
РЕПЕНЬЕ — узоры, разводы с цветами
РЕФЕЙ — жемчужная головная сетка
РИПИДА — круглый, на древко посаженный, образ херувима
РИСТАНЬЕ — скачка, турнир, наездничество
РУЖНАЯ ЦЕРКОВЬ — без земли, находящаяся на руге (окладе на содержание)

СААДАК (САЙДАК) — налучник, чехол на лук
САК, САККОС — архиерейское облачение
САНДАЛ — дерево из рода крушины, идет на краску
СЕРАФИМ — название одного из высших ангельских чинов
СИНДИК — в Древней Греции защитник в суде
СИНКЛИТ — в Древней Греции собрание высших сановников
СКАНЬ — ссученные нитки
СКАТНЫЙ ЖЕМЧУГ — крупный, круглый, ровный жемчуг
СКЕПИЩЕ — древко
СКРИЖАЛИ — камни
СКУДЕЛЬ — глиняный сосуд
СЛОВОЛИТНЯ — предприятие по изготовлению шрифта
СОШКА — подпорка, подставка
СРАЧИЦА — сорочка
СТАВРОПИГИАЛЬНЫЙ — монастырь, состоящий в прямом ведении патриарха
СТАНОВОЙ КАФТАН — исподний, с перехватом по стану
СТИХАРЬ — одежда священнослужителя
СТРОФОКАМИЛ — страус
СУЛЕЯ — винная бутыль
СУЛИЦА — ручное холодное оружие, вид копья
СУЛОК — кусок шитой ткани, которою убран архиерейский посох
СУПЧА — супница

СУРНА — музыкальная трубка, дуда, оглушительно резкого звука
ТАЙША — калмыцкий старшина
ТАУСИННЫЙ — темно-синий
ТАХТУЙ (ТАФТУЙ) — налучник либо чехол на него
ТЕМЛЯК — тесьма с кистью, на шпаге, сабле
ТЕРЕДОРЩИК — один из рабочих, обслуживавших ручной печатный станок
ТЕСАК — холодное оружие, короткая сабля
ТИУН — судья, приказчик, управитель
ТРЕТНОЕ — одна часть из трех равных
ТРОПАРЬ — церковный певчий стих
ТРУНЦАЛ(О) — золотая, серебряная канитель
ТУЛА — колчан
ТУЛУМБАС — большой турецкий барабан

УБРУС — платок, нарядное полотенце
УКЛАД — сталь, булат
УСТЬЕ — край отверстия, трубки, раструб, жезло

ФРЯЖСКИЙ (ФРЯЗСКИЙ) — чужеземный, иностранный
ФУЗЕЯ — мушкет, ружье

ХАРТИЯ — здесь: папирус, пергамен
ХИРОТОНИЯ — посвящение на одну из степеней священноначалия
ХОЗ — ножны и черен холодного оружия
ХОРУГВЬ (ЦЕРКОВНАЯ) — священное изображение, носимое при крестных ходах на древке
ЦЕЙХГАУЗ — военный вещевой склад
ЦЕСАРЬ — государь, император

ЧАЛДАРИ (ЧАНДАРИ) — конские латы
ЧЕПРАК — суконная, ковровая, меховая подстилка под конское седло
ЧЕРВЧАТЫЙ — багряный, красный
ЧИПОРАСОВОЕ ДЕРЕВО — шиповник

ШАНДАЛ — подсвечник
ШИШАК — шлем, каска с гребнем или хвостом
ШТАНБА — снаряд для чеканки
ШТОФ — шелковая узорчатая ткань с многоцветным тканым рисунком

ЭКЗАРХ — архиепископ, управляющий церквами отдельной области
ЭКЗЕРЦИРГАУЗ — здание для обучения солдат
ЭНКАУСТИКА — живопись восковыми красками
ЭСПАНТОН — род копья

ЮШМАН — колонтарь с кольчужными рукавами

ЯХОНТ — рубин

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН К КНИГЕ
А. Ф. МАЛИНОВСКОГО «ОБОЗРЕНИЕ МОСКВЫ»

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН К ОЧЕРКУ С. Р. ДОЛГОВОЙ «АЛЕКСЕЙ ФЕДОРОВИЧ МАЛИНОВСКИЙ»

ОГЛАВЛЕНИЕ

КНИГА ПЕРВАЯ

КНИГА ВТОРАЯ

КНИГА ТРЕТЬЯ

Алексей Федорович Малиновский

ОБОЗРЕНИЕ МОСКВЫ

Научно-популярное издание

Заведующая редакцией *Т. Репина*
Редактор *Л. Полиновская*
Художник *Н. Пашуро*
Художественный редактор *И. Лопатина*
Технический редактор *М. Гречнева*
Корректор *Е. Коротаева*

ИБ № 5013

Сдано в набор 25.07.91. Подписано к печати 20.04.92. Формат 84×108 1/16. Бумага офсетная № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 30,45. Усл. кр.-отт. 41,16. Уч.-изд. л. 32,05. Тираж 50 000 экз. Заказ 2160. С 20.

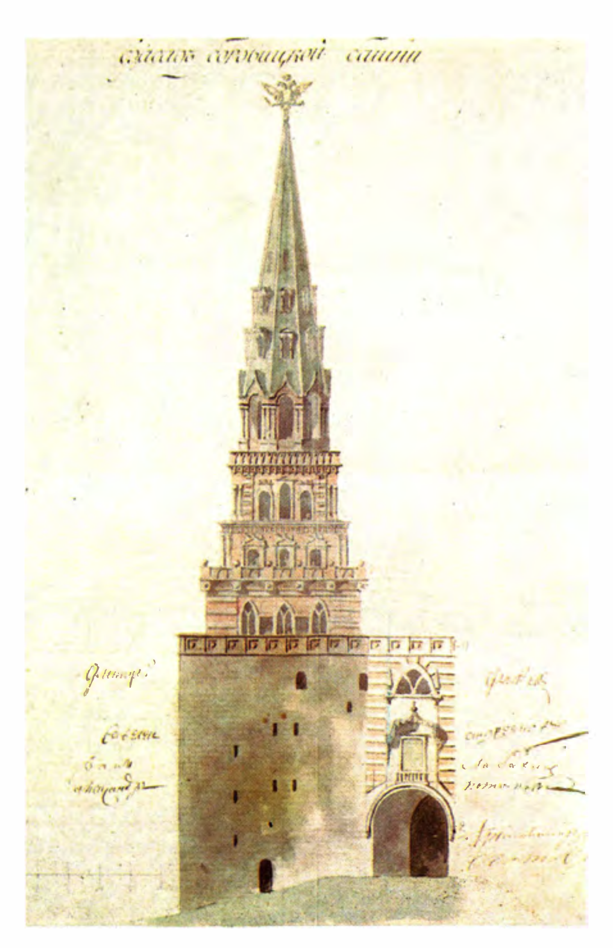
Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Московский рабочий», 101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8.

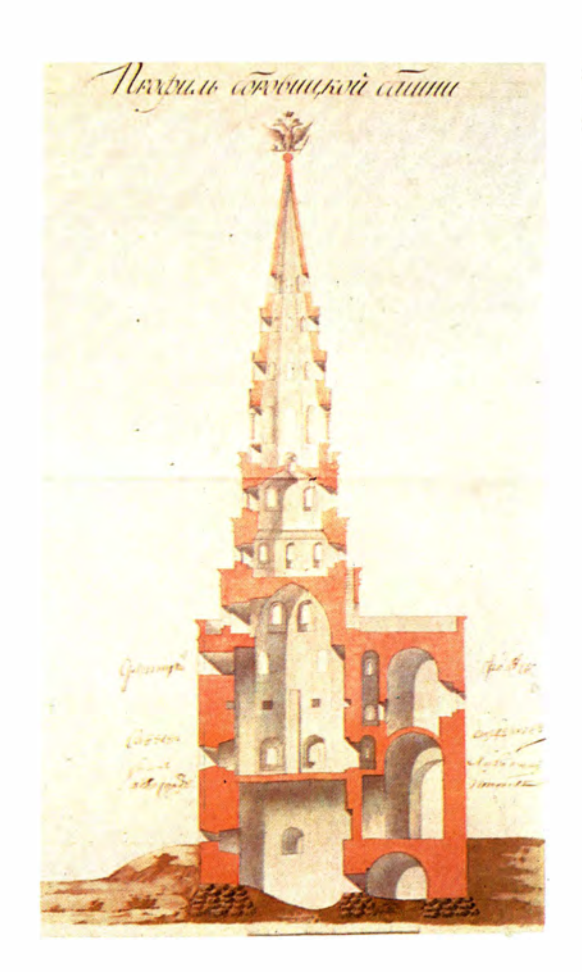
Российский государственный информационно-издательский центр «Республика». Полиграфическая фирма «Красный пролетарий», 103473, Москва, Краснопролетарская, 16.

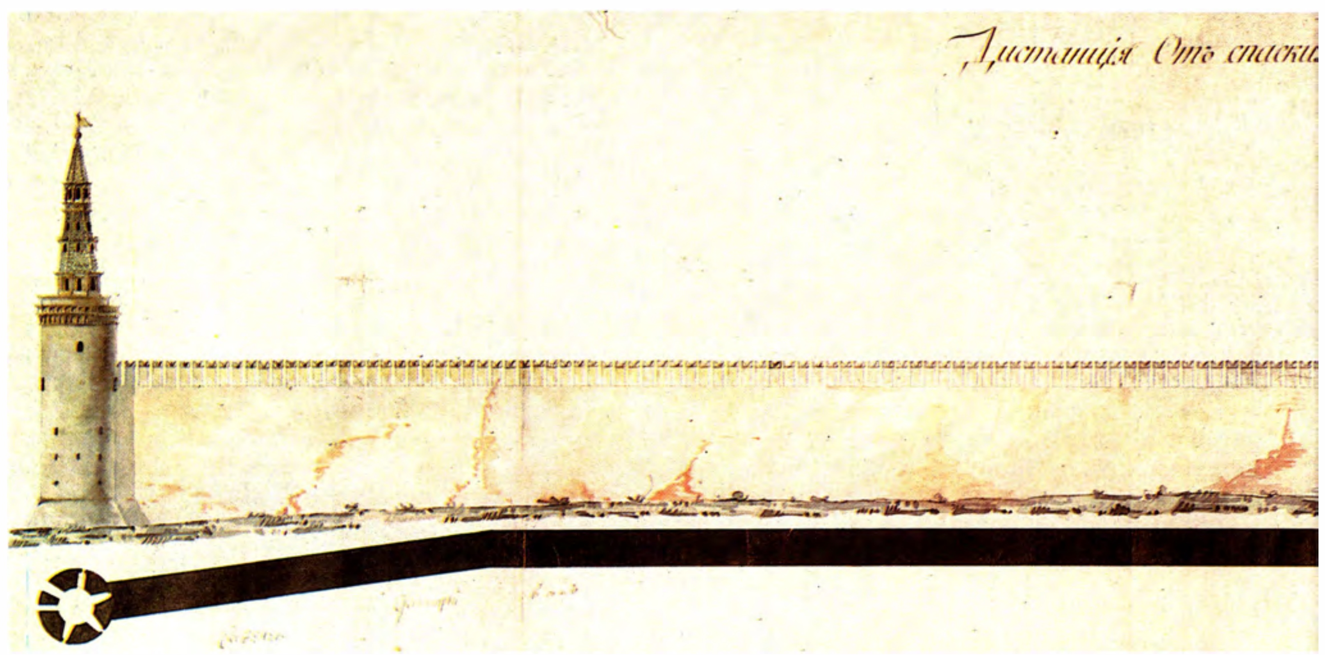
З. 177. Отпечатано в Московской типографии № 2 Министерства печати и информации Российской Федерации. Проспект Мира, 105.

Кремль на плане, приложенном к книге С. Герберштейна «Записки о московитских делах». *1576 г.*

Профиль боровицкой башни

Дистанція Отъ спаски

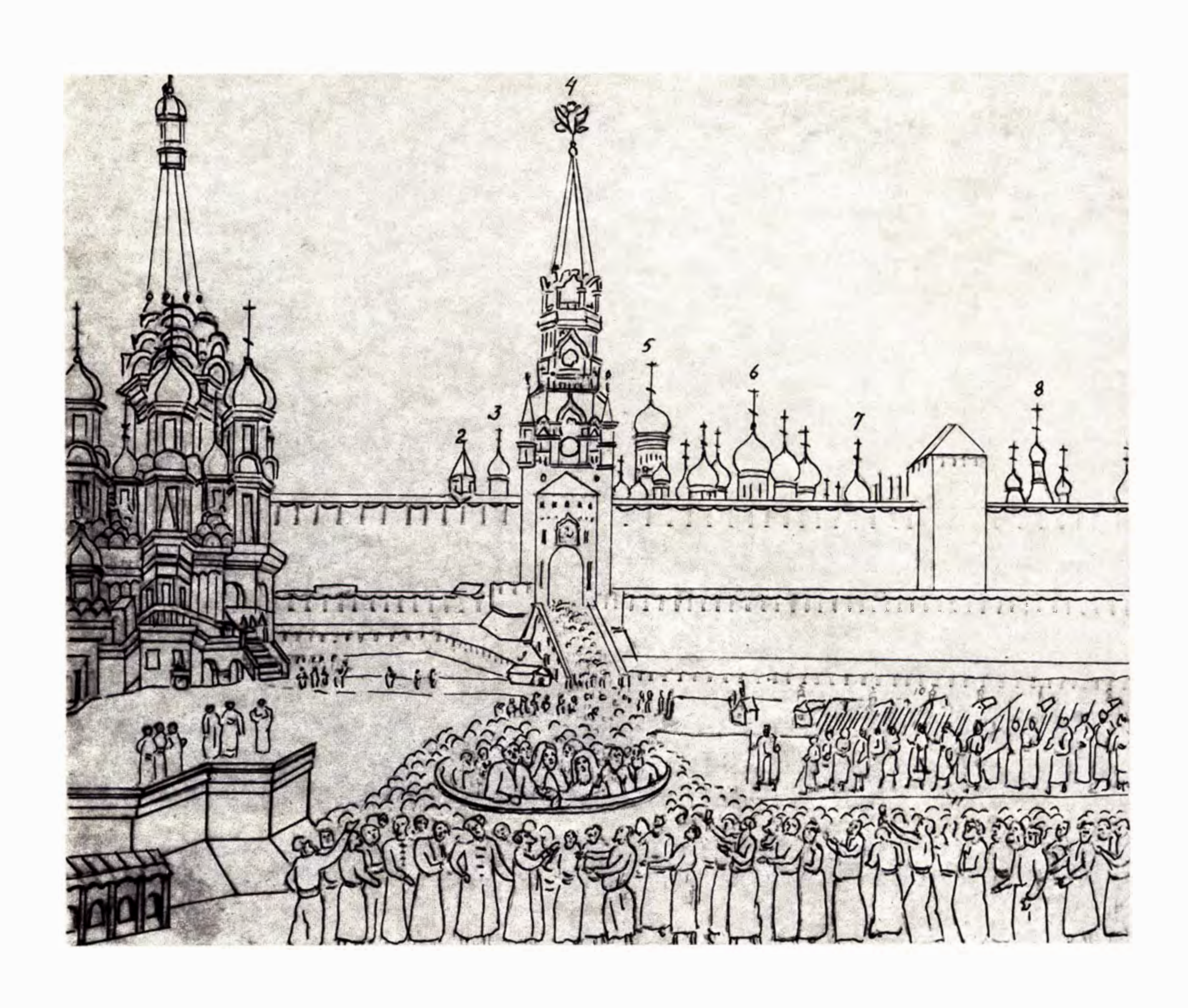
Фасад Боровицкой башни. Арх. И. В. Еготов. *1805 г.*

Разрез Боровицкой башни. Арх. И. В. Еготов. *1805 г.*

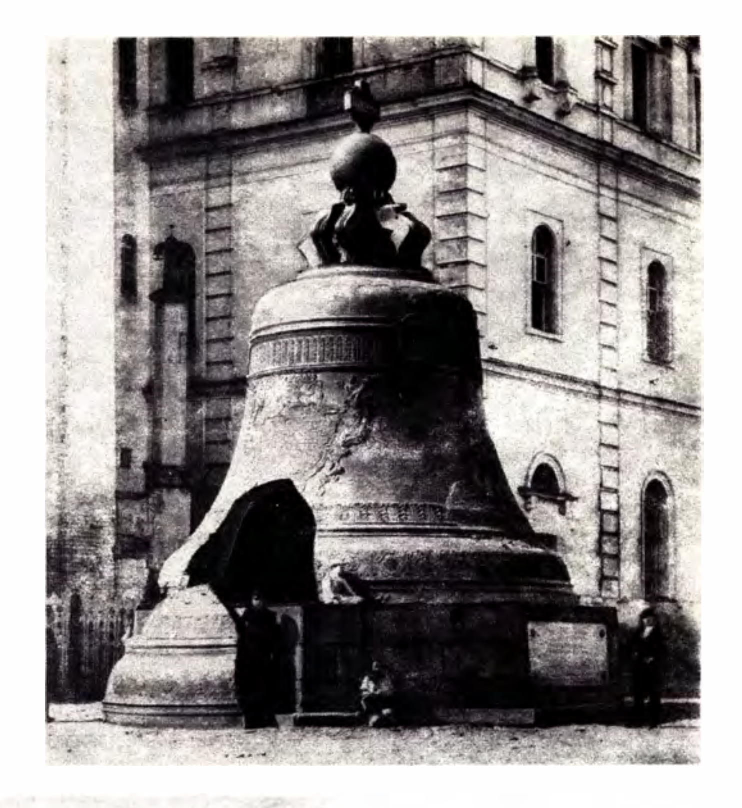
Фасад части кремлевской стены от Спасской до Москворецкой башни. Арх. И. В. Еготов. *1805 г.*

Соборная площадь в Кремле. Рисунок к книге 1-й — «Кремль» «Обозрения Москвы» А. Ф. Малиновского. *1820-е гг.*

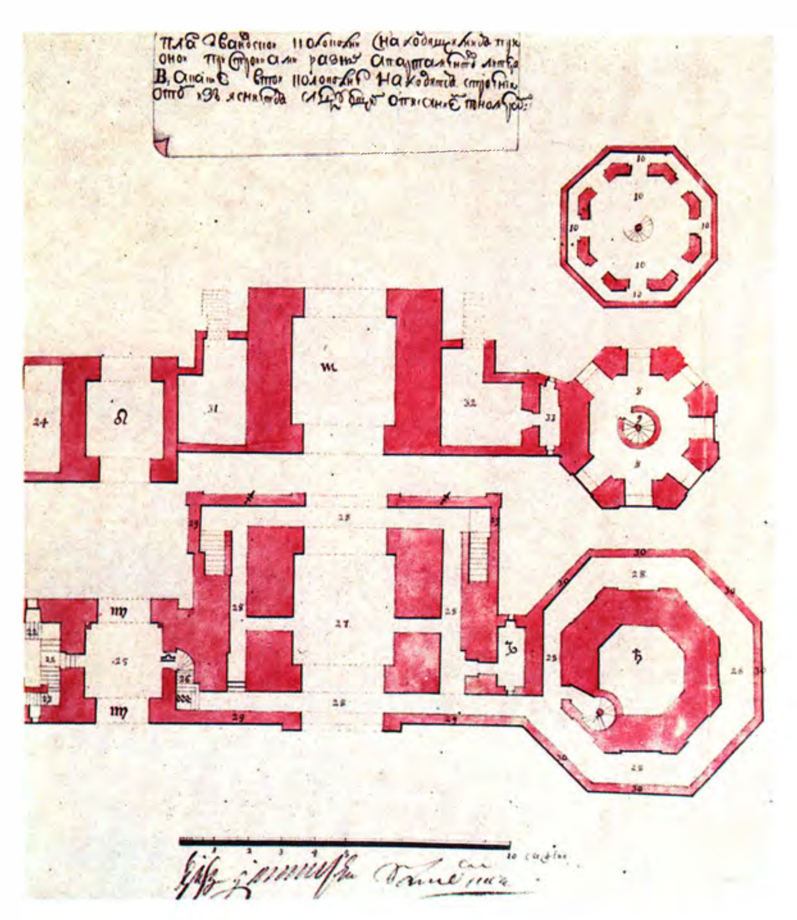
Красная площадь. Рисунок к книге 1-й — «Кремль» «Обозрения Москвы» А. Ф. Малиновского. *1820*-е гг.

Царь-колокол. Фотография. 1883 г.

«Вид Кремля из-за Каменного моста в Москве». Гравюра М. И. Махаева. Вт. пол. XVIII в. Перегравировка нач. XIX в.

План нижних ярусов колокольни Ивана Великого в Московском Кремле. Арх. Д. В. Ухтомский. *1759* г.

Китай-город. Фотография. *1883* г.

План части Китай-города между кремлевской стеной и Москворецкой улицей. Арх. А. Москвин. *1750* г.

758

Красная площадь

Спасской мост

Спасская башн.

Город Кремль

Кремлевская городовая стена

Ров

Город

Башня

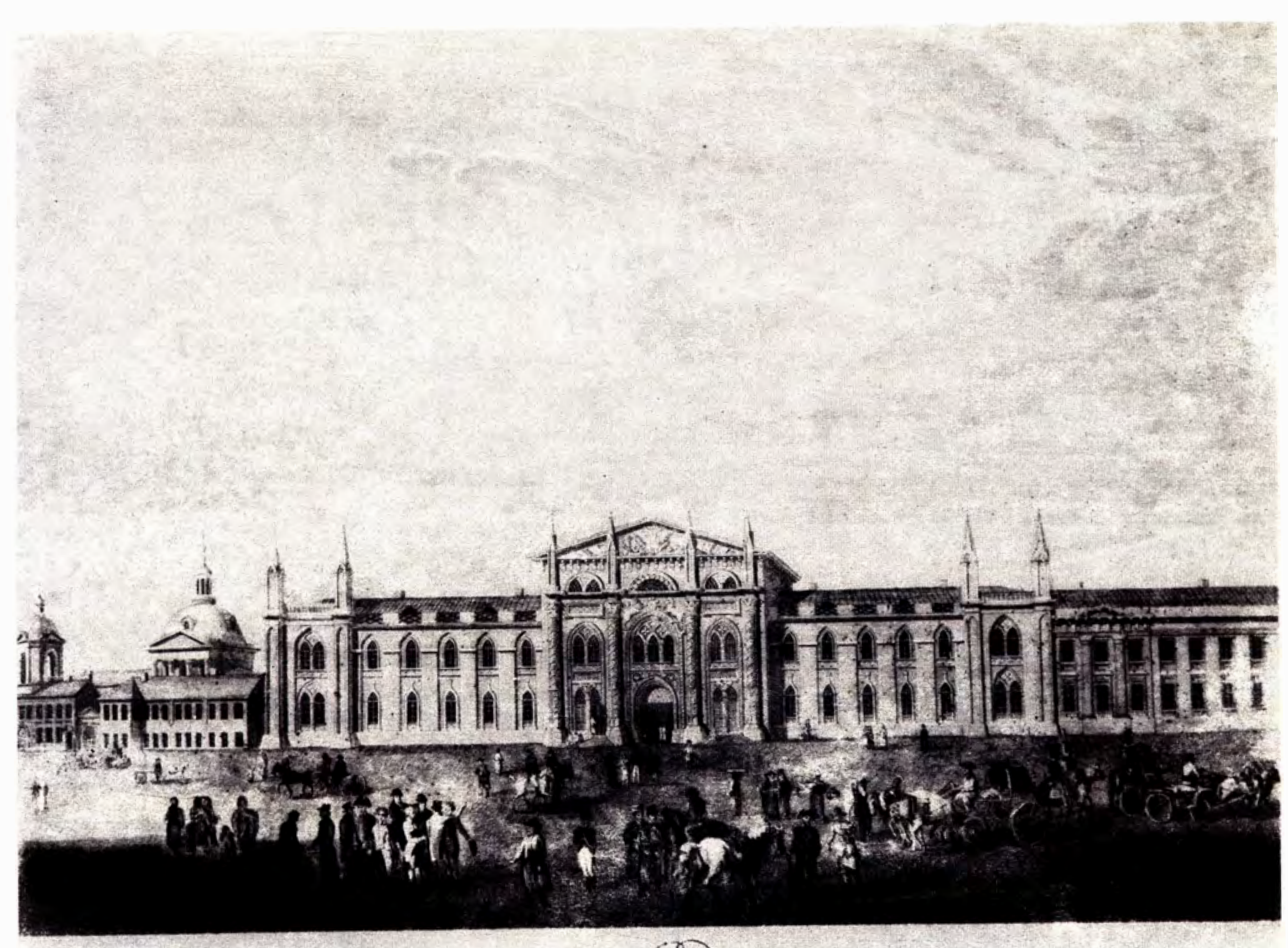
Китай

Масштаб 25 сажен

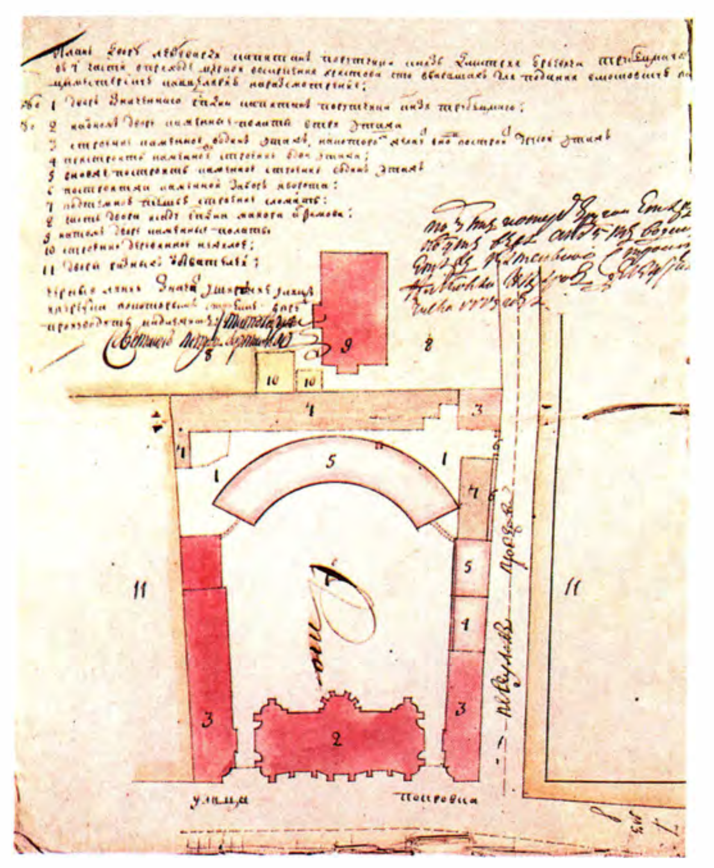

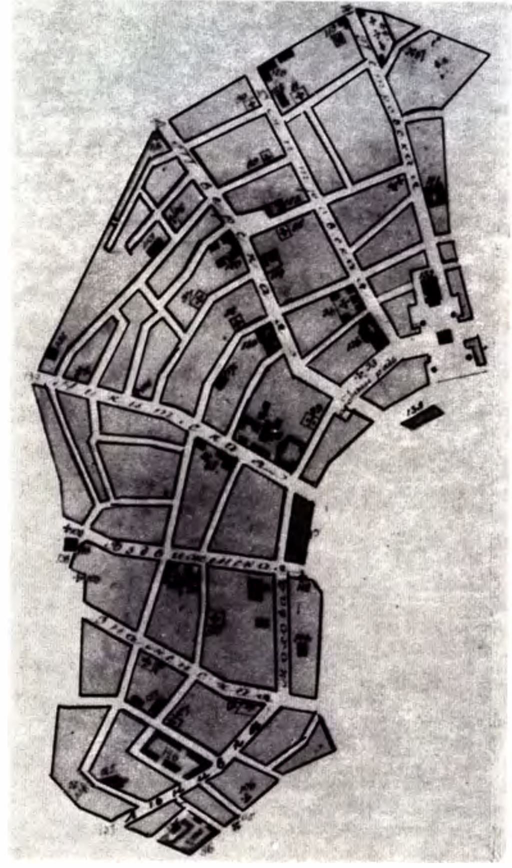
«Изъявление триумфального входа Его царского величества в Москву». Гравюра А. Ф. Зубова. *1711 г.*

Гравюра фейерверка в Москве 28 января 1722 г. по случаю окончания войны со Швецией. *1722 г.*

Вид Московской синодальной типографии на Никольской улице. Гравюра А. К. Фролова с рисунка И. Лаврова. *Пер. пол. XIX в.*

улица Покровка

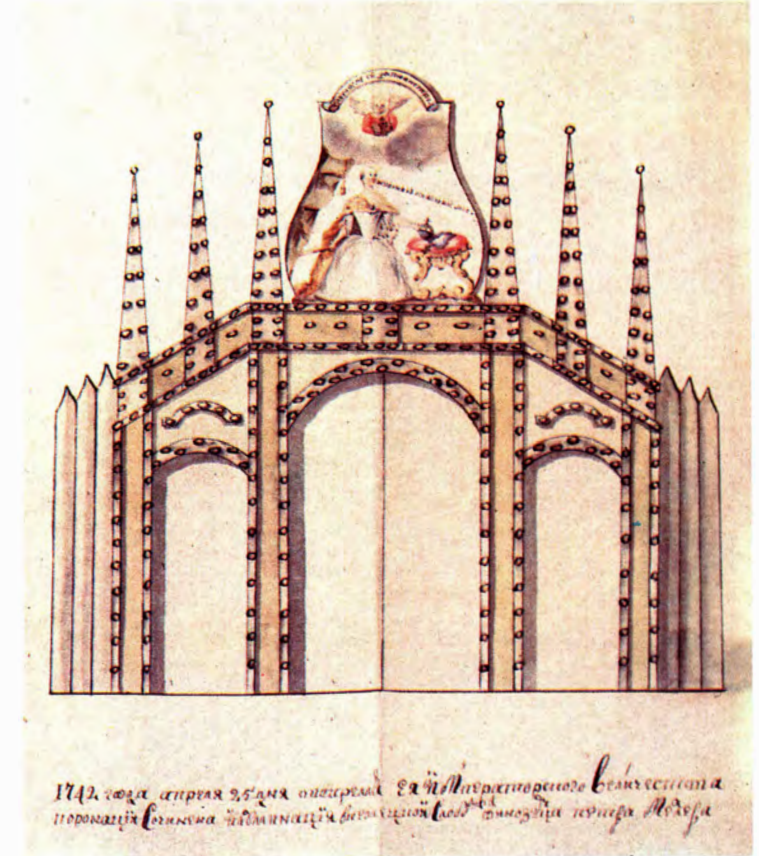

План местности между Земляным городом и Ходынским полем, составленный в Приказе Большого дворца. *1680-е гг.*

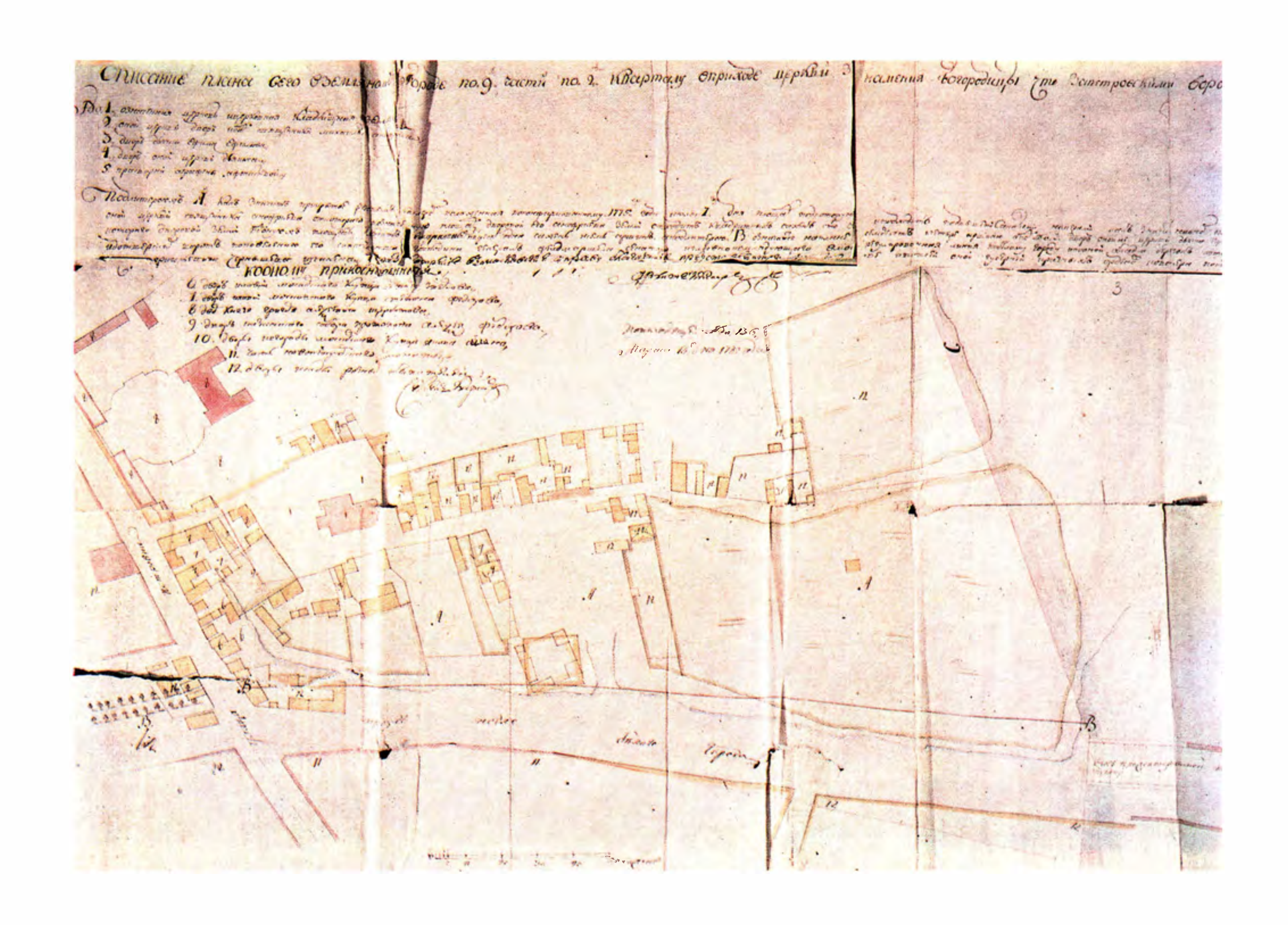
План двора капитана-поручика князя Д. Ю. Трубецкого в приходе Воскресенской церкви в Барашах. Арх. П. Ф. Бортников. *1773 г.*

План части Белого города. Приложение к «Обозрению Москвы» А. Ф. Малиновского. *1820-е гг.*

План участка земли между улицами Дмитровкой и Петровкой, купленного князем П. В. Урусовым у отставного ротмистра князя И. Н. Лобанова-Ростовского под постройку Петровского (Большого) театра. Арх. С. А. Карин. *1777 г.*

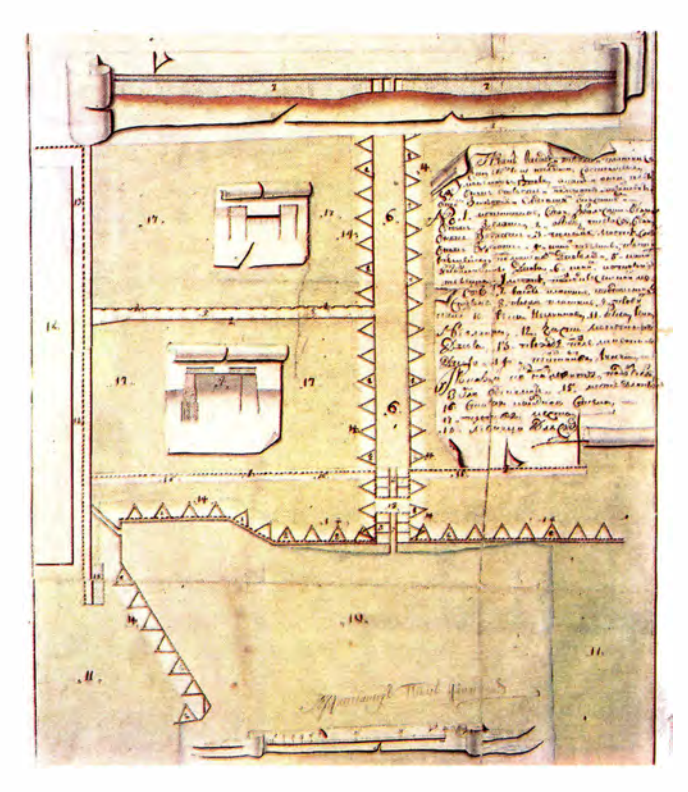

Чертеж иллюминации дома сахарозаводчика П. Меллера в Немецкой слободе. *1742 г.*

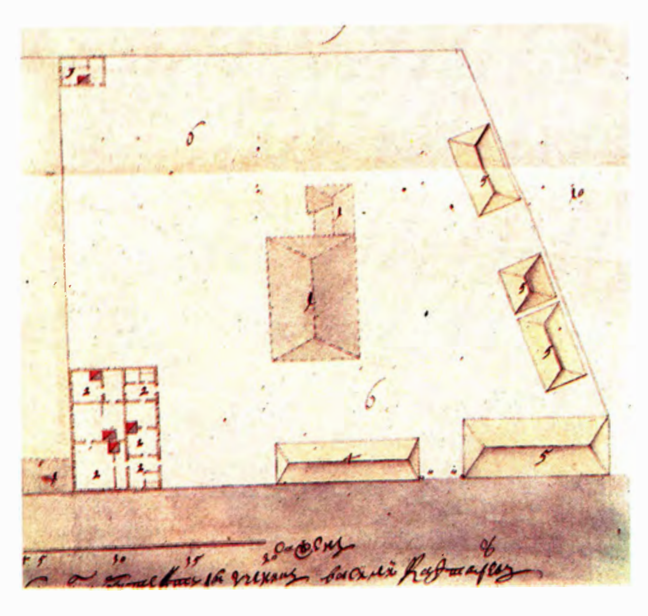

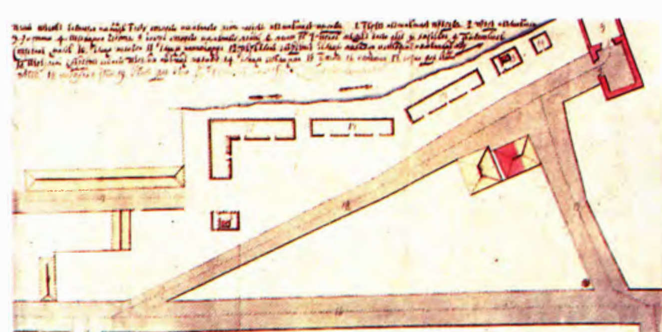
План местности между улицей Петровкой и Петровским бульваром в приходе Знаменской церкви. Арх. С. А. Карин. 1775 г.

Фасад Кузнецкого моста через реку Неглинную. Проект постройки. Арх. Д. В. Ухтомский. *1753 г.*

Проект постройки каменной плотины на реке Неглинной близ Монетного двора. План, фасад, разрез. Арх. П. Р. Никитин. *1760 г.*

Фасад дома графини А. Я. Шереметевой на Тверской улице, составленный в связи с украшением его иллюминацией в честь коронации императрицы Елизаветы Петровны. *1742 г.*

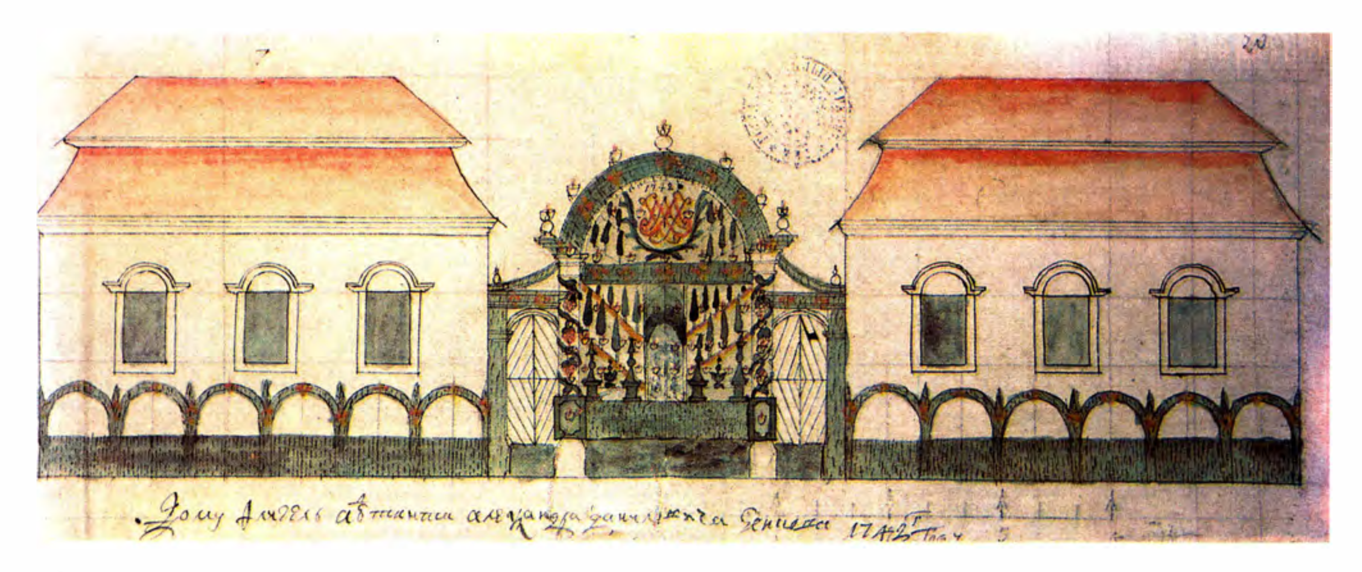
План фартинной избы купца И. А. Потемкина на углу Архангельского переулка и проезда «подле Белого города» (впоследствии Чистопрудный бульвар). Арх. А. П. Рославлев. *1758 г.*

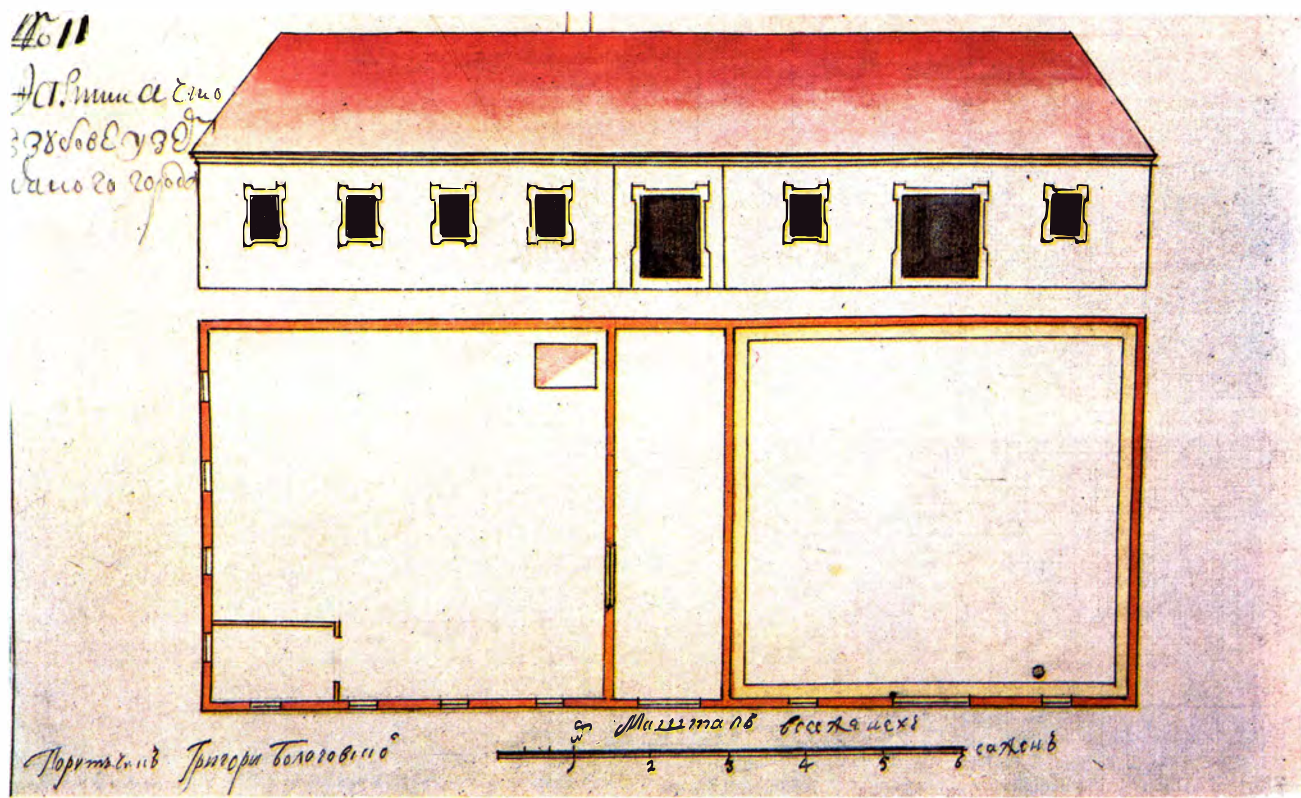
План двора между Неглинными прудами, Моховой и Никитской улицами в Москве. Арх. С. Я. Яковлев. *1752 г.*

Фасад дома графини Е. М. Апраксиной, составленный в связи с украшением его иллюминацией в честь коронации императрицы Елизаветы Петровны. *1742 г.*

План двора поручика С. В. Шереметева в приходе церкви Св. Гавриила архангела на Чистом пруде. Арх. В. С. Обухов. *1752 г.*

Фасад дома флигель-адъютанта А. Д. Зенкова, составленный в связи с украшением его иллюминацией в честь коронации императрицы Елизаветы Петровны. ***1742 г.***

Проект постройки деревянной одноэтажной фартины в Москве. План, фасад. Арх. Г. Бологовский. ***1752 г.***

А. Ф. Малиновский

Церковь Троицы и дом священника, где родился А. Ф. Малиновский

А понеже оной сынъ его студентъ Ѳеодоръ жития и состояния добраго, и тако той нашей приходской церкви священникомъ быти намъ угоденъ.

Того ради вашего высокопреосвященства покорно просимъ сие наше прошение милостиво принять и объявленнаго студента Ѳеодора Аѵксентиева по избранию нашему и по помянутой нашей приходской троицкой церкви для успокоения старости и спомоществования объявленному поставленному священнику Аѵксентию соблаговолено было посвятить въ диакона и произвесть въ попа при [illegible]

И всепокорно вашего высокоархипастырства просимъ по [illegible] прошению милостивое разсмотрение и решение учинить дня 1760 года.

Иерей Аѵксентий Филиповъ руку приложилъ

Къ сему прошению поповичь Петръ Аѵксентьевъ

Сидоръ Векетьевъ руку приложилъ

[illegible] прошению [illegible]

[illegible] Ивановъ [illegible]

[illegible] прошению [illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible] прошению [illegible]

[illegible]

Къ сему прошению [illegible]

[illegible]

[illegible]

Прошение деда Малиновского о назначении его сына священником

Митрополит московский Платон

Н. Н. Бантыш-Каменский

КЛЯТВЕННОЕ ОБѢЩАНІЕ.

Я нижеименованный обѣщаюсь и клянусь Всемогущимъ Богомъ предъ святымъ Его Евангеліемъ въ томъ, что хощу и долженъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, своему истинному и природному ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕМУ ВЕЛИКОМУ ГОСУДАРЮ, ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ, САМОДЕРЖЦУ ВСЕРОССІЙСКОМУ и ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Всероссійскаго Престола Наслѣднику, который назначенъ будетъ, вѣрно и нелицемѣрно служить и во всемъ повиноваться, не щадя живота своего до послѣдней капли крови, и все къ высокому ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Самодержавству, силѣ и власти принадлежащія права и преимущества узаконенныя и впредь узаконяемыя, по крайнему разумѣнію, силѣ и возможности предостерегать и оборонять, и при томъ по крайней мѣрѣ старатися споспѣшествовать все, что къ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА вѣрной службѣ и пользѣ Государственной во всякихъ случаяхъ касаться можетъ. О ущербѣ же ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА интереса, вредѣ и убыткѣ, какъ скоро о томъ увѣдаю, не токмо благовременно объявлять, но и всякими мѣрами отвращать и не допущать тщатися, и всякую мнѣ ввѣренную тайность крѣпко хранить буду, и повѣренный и положенный на мнѣ чинъ, какъ по сей [генеральной, такъ и по особливой] опредѣленной и отъ времени до времени ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Именемъ отъ предуставленныхъ надо мною Начальниковъ опредѣляемымъ Инструкціямъ и Регламентамъ и Указамъ, надлежащимъ образомъ по совѣсти своей исправлять, и для своей корысти, свойства дружбы и вражды противно должности своей и присяги не поступать; и такимъ образомъ себя весть и поступать, какъ вѣрному ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА подданному благопристойно есть и надлежитъ, и какъ я предъ Богомъ и судомъ Его страшнымъ въ томъ всегда отвѣтъ дать могу, какъ суще мнѣ Господь Богъ душевно и тѣлесно да поможетъ. Въ заключеніе же сей моей клятвы цѣлую Слова и Крестъ Спасителя моего Аминь.

У сей присяги
Государственной коллегии иностранных дел
статский советник и кавалер Алексей
Федоров сын Малиновский был и подписуюсь
[illegible]
[illegible]
К присяге приводил троицкой церкви что
на Хохловке [illegible]

1805 года мая 29 дня

И. П. Тургенев

Н. И. Новиков

«Клятвенное обещание» (присяга) А. Ф. Малиновского. 1805 г.

Здание Московского главного архива МИД в Хохловском переулке

1823.

посетили Архивъ;

Марта 7го Двое путешественниковъ Англичане Г. Іонесъ инженерный капитанъ и М. Іонесъ Капитанъ Корабля Профессоръ Василевскій и Адъютантъ Бестужевъ.

Марта 28. Англійской Капитанъ морской службы Джемсъ Гольманъ, слѣпой и Капитанъ морской же службы Ѳома Ридъ.

Запись в посетительской книге МГАМИД. 1823 г.

ФОРМУЛЯРНЫЙ СПИСОКЪ

о

службѣ

Тайнаго Совѣтника, Сенатора и Кавалера Алексѣя Ѳедоровича Малиновскаго, Управляющаго Московскимъ Главнымъ Архивомъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ

1840 года.

Формулярный список о службе А. Ф. Малиновского

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО

[illegible] ИМПЕРАТОРСКОЙ [illegible] ИМПЕРАТОРСКОЙ [illegible] Санктпетербургъ, [illegible]

Цензоръ, Стат. Совѣтникъ и Кав. Ив. [illegible].

Сочинитель, принимая на себя всѣ издержки печатанія сей книги, предоставляетъ деньги, которыя будутъ выручаться за продажу оной, въ пользу содержащихся въ тюрмѣ крестьянъ за недоимки въ платежѣ налоговъ.

ОПЫТЪ ТЕОРІИ НАЛОГОВЪ.

[illegible]

Сочиненіе

Николая Тургенева.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Н. Греча.

1818.

Н. И. Тургенев

А. И. Тургенев

Титульный лист и посвящение в книге Н. И. Тургенева «Опыт теории налогов»

Д. Н. Блудов

К. Я. Булгаков

А. Я. Булгаков

Княгиня Е. Р. Дашкова

Письмо Е. Р. Дашковой А. Ф. Малиновскому. *2 окт. 1807 г.*

Письмо А. Ф. Малиновского М. П. Погодину. *1832 г.*

Реестр вывезенных из Москвы архивных дел в 1812 г.

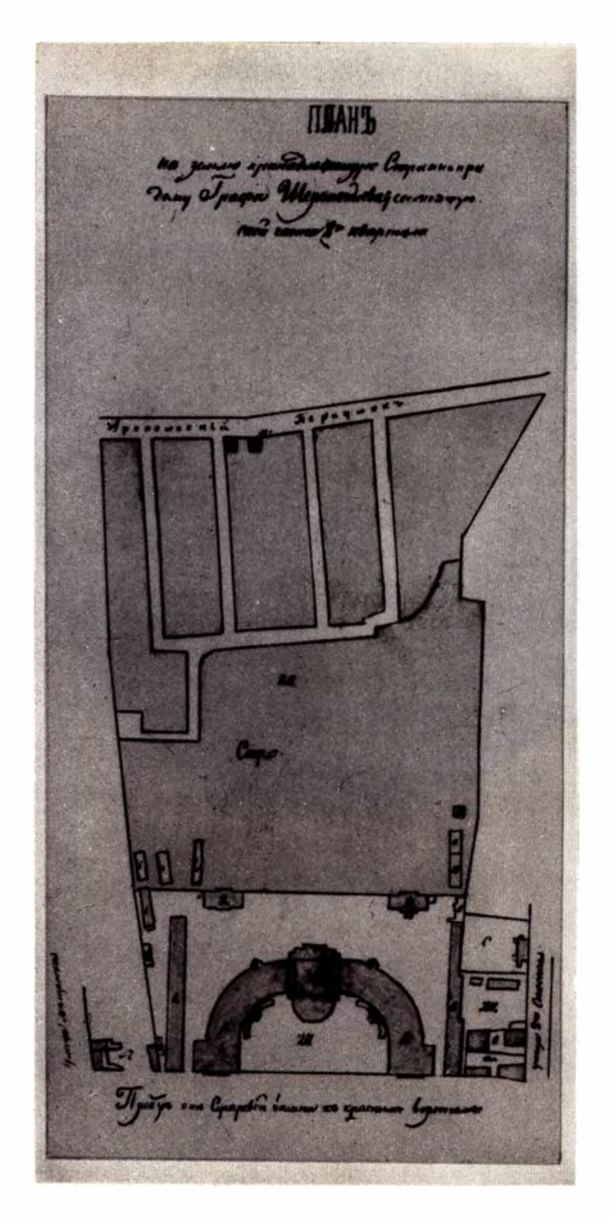
Реестр
положенным делам в сундуки и короба под [illegible].

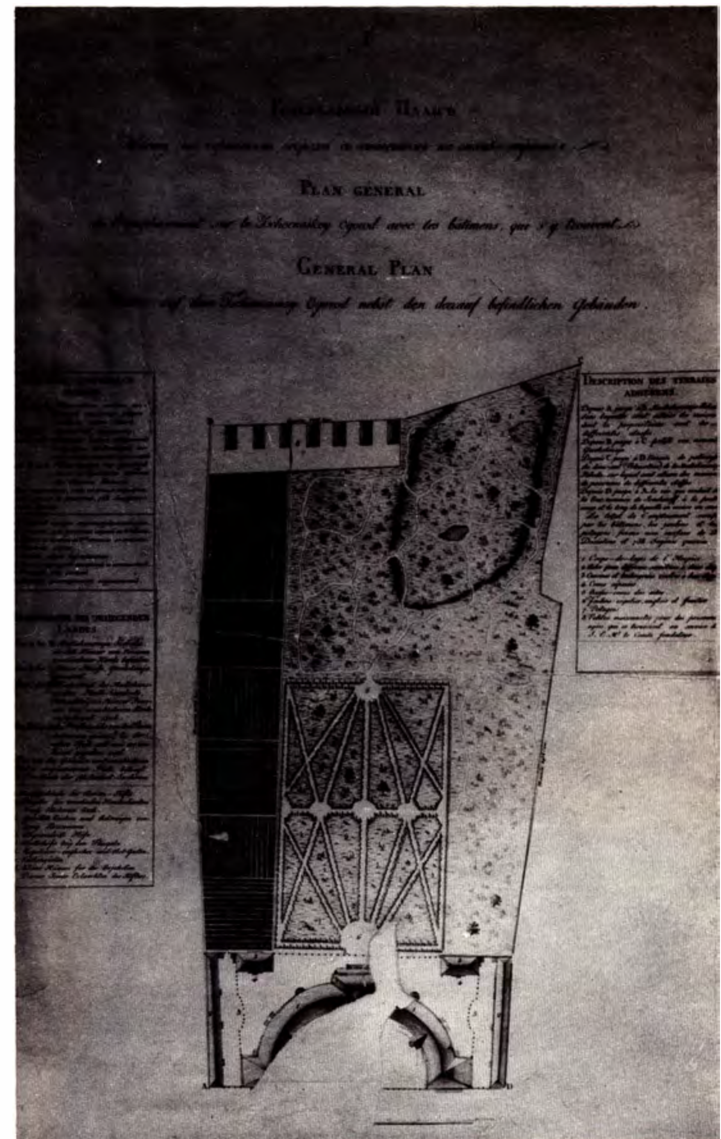
Номера сундуков	Какие положены дела	Вынуты для чего	[illegible]
1.	Государственные российские книги Новгородские грамоты Великих кн. грамоты VI портфелей Письма Петра Великого Малороссийские договоры. Аглинские, Португальские, Саксонские, Сицилийские, Флорентийские — трактаты.	№ 1. у Г. Карамзина Положены в трактатной февр. 7. 1813 го.	
2.	Дацкие грамоты и трактаты. Араиские грамоты. Андреевской деревни. Армянские Баллинские. Башкирские Бухарские. Индийские. Китайские. Грузинские. Генуэзской республики.	Положены в трактатной февр. 10. 1813.	

Н. П. Шереметев

П. И. Шереметева

Шереметевская богадельня

План на землю Странноприимного дома

План Черкасского огорода

Н. М. Карамзин

В. А. Жуковский

А. С. Пушкин

ПОДЪ ВЫСОЧАЙШИМЪ ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМЪ

ВСЕПРЕСВѢТЛѢЙШАГО, ДЕРЖАВНѢЙШАГО, ВЕЛИКАГО ГОСУДАРЯ

АЛЕКСАНДРА ПЕРВАГО,

ИМПЕРАТОРА И САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССІЙСКАГО,

И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ

Почетный диплом А. Ф. Малиновскому от Общества истории и древностей российских

Н. П. Румянцев

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ
ДРЕВНЯГО
РОССІЙСКАГО МУЗЕЯ,
ПОДЪ НАЗВАНІЕМЪ
МАСТЕРСКОЙ и ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТЫ,
ВЪ МОСКВѢ
ОБРѢТАЮЩАГОСЯ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Сочинено въ седьмое лѣто благополучнаго Царствованія ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПЕРВАГО, по Высочайшему ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА повелѣнію.

ПЕЧАТАНО
1807

БІОГРАФИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ
О
УПРАВЛЯВШИХЪ
ВЪ РОССІИ
ИНОСТРАННЫМИ ДѢЛАМИ
МИНИСТРАХЪ.

Сочинено А. Малиновскимъ.
1816.

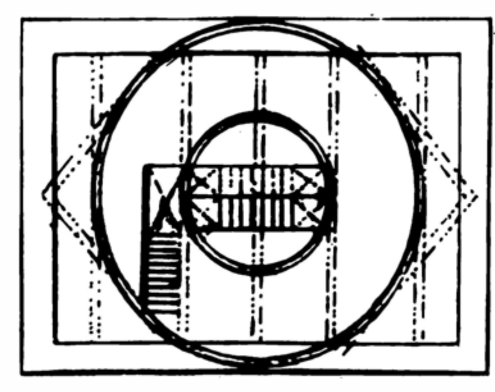
Титульный лист книги А. Ф. Малиновского «Историческое описание древнего российского музея». *1807 г.*

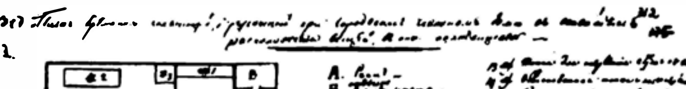
Титульный лист рукописного сочинения А. Ф. Малиновского «Биографические сведения о управляющих в России иностранных министрах»

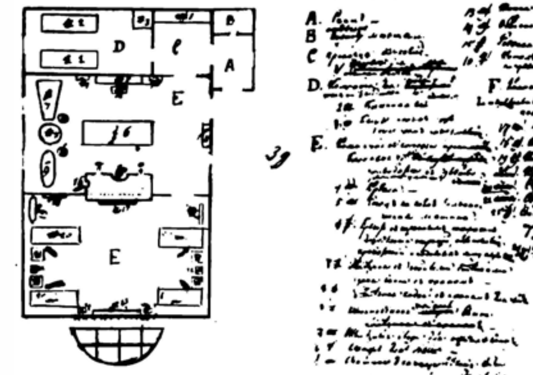

В. В. Голицын

А. Л. Ордин-Нащокин

Иллюстрации к рукописи А. Ф. Малиновского «Обозрение Москвы»:

Высеченное из камня изображение св. Георгия

План каланчи

План временной больницы при городском частном доме в Москве

1737. Мая 29. Великій пожаръ в Москвѣ причиною сгорѣло 60. церквей, 11. Монастырей, 40. приказовъ, 12330 дворовъ, 486. Лавокъ и 94 человѣка. — Названъ Троицкимъ ибо от дом Троицкихъ дом случился от копеечной свечи пред образом.

Въ какихъ Частяхъ, чьи домы, сколькихъ этажей и сколько въ нихъ покоевъ.	Квадратныя сажени по измѣренію отъ Коммиссіи.			[illegible]						[illegible]	
№.	[illegible]	Не застроено.	Всей площади	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
28. Господина Генералъ-Фельдмаршала и Кавалера, Графа Михайлы Федоровича Каменскаго, 3хъ этажной 34; покоевъ.	1164	6848	7712	385	60	224	25	609	85	259	[illegible]
310. Княгини Анны Сергеевны Голицыной 3хъ-этажной 28; покоевъ.	698;	3245	3720	186	-	185	25	372	25	807	[illegible]
800. Московскаго купца Семена Малкова 3хъ-этажной 38 покоевъ.	383	14391;	14686	293	18	182		475	18	[illegible]	
Въ Покровской Части.											
63. Секундъ-Маиора Александра Львовича Дурдина 3хъ этажной 15 покоевъ.	987;	29020	29965;	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	
83. Графини Катерины Яковлевны Мусиной-Пушкиной-Брюсъ 2хъ этажной 44 покоев.	981;	193986;	94721	3894	42	[illegible]		6180	49	970	[illegible]
818. Титулярнаго Совѣтника Никифора Калинина 3хъ этажной 18; покоевъ.	805	10657	11870	225	[illegible]	100	75	326	15	307	[illegible]
Въ Б[illegible] Части.											
83, 84. Коллежскаго Асессора Степана Егоровича Кропткова 3хъ этажной 27 покоевъ.	844;	12502;	13092;	654	62;	75	[illegible]	830	2;	236	[illegible]
211. Купца Василья Суслова 3хъ этажной 16 покоевъ.	514	4168;	453	226	5	104		337	30	164	
312, 321. Графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина 3хъ этажной 69 покоевъ.	2188	5962	7256	36	84	448	50	810	30	890	[illegible]
Въ [illegible] Части.											
3, 4. Графа Алексея Григорьевича Орлова-Чесменскаго 3хъ этажной 114 покоевъ.	3904	85807;	8909	761	84	961		2521	84	1430	[illegible]
94. Полковницы Федосьи Петровны Смирновой 3хъ этажный 3; покоев.	110;	3129;	3219	64	2	8.	75	96	56	96	[illegible]
378. Купца Павла Рыбинскаго 3хъ этажной 19 покоевъ.	501;	5095;	5447;	272	17	182		454	37;	176	[illegible]
Въ Сущевской Части.											
833. Графа Ивана Андреевича Остермана 3хъ этажной 961 покоевъ.	2864	20091	21684;	1081	23;	627	25	1703	48;	7649	

Краткія замѣчанія на нѣкоторыя слова, встрѣчающіяся въ пѣсни о полку Игоревомъ.

Стр. 2. Боянъ. подобнымъ словомъ въ Персидскомъ называютъ вообще Историковъ, повѣствователей, ораторовъ; изъ коихъ одн отличнѣйшихъ по красотѣ краснорѣчія, гармоніи и пріятности слова, говорятъ, звуки ихъ Мелодія пріятна, какъ звуки соловья; почему стихотворцы ихъ не рѣдко именуются соловьями восточными; замѣчаніе сіе объясняетъ выраженія на стр. 6. Обаче соловьи стараго времени, т. е. пѣснотворцы соловьи древняго времени; развѣ выѣды только подобно соловьямъ и проч. можетъ имѣть бытіе на [illegible]

Запись о великом пожаре в Москве в 1737 г.

Запись о домах в Покровской части Москвы

«Краткий словарь», составленный А. Ф. Малиновским к «Слову о полку Игореве»

